801-10
790

А. Н. Аксаковъ.

АНИМИЗМЪ
и
СПИРИТИЗМЪ.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

медіумическихъ явленій и ихъ объясненія гипотезами „нервной силы“, „галлюцинаціи“ и „безсознательнаго“.

Въ отвѣтъ Э. Ф.-Гартману.

съ 30 фототипіями.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

МУЗЕЙ * ПУБЛИЧ. и Ф. РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ
БИБЛІО-ТЕКА

У Ф А.
Электрическая типографія „**ПЕЧАТЬ**“ Н. Ѳ. Делинскаго и К°.
1910.

1478-0

2007066471

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе къ нѣмецкому изданію 1
Предисловіе къ первому русскому изданію 16
Вступленіе 25

Глава I. Матеріализація.

А. Несостоятельность галлюцинаторной гипотезы Гартмана съ точки зрѣнія фактической. 31
а) Матеріализаціи чувственно невоспріемлемыхъ объектовъ. — Трансцендентальная фотографія 35
б) Матеріализація и дематеріализація чувственно воспріемлемыхъ объектовъ 99
а. а.) Матеріализація и дематеріализація предметовъ неодушевленныхъ 106
б. б.) Матеріализація и дематеріализація человѣческихъ формъ.—Логическая несостоятельность галлюцинаторной теоріи Гартмана въ связи съ его гипотезой нервной силы 123
I, II) Появленіе рукъ видимыхъ и осязаемыхъ 125
III) Физическія дѣйствія—перемѣщенія предметовъ . . 127
IV) Физическія дѣйствія пребывающаго характера . . 128
а) Писаніе, произведенное матеріализованной рукой —
б) Отпечатки матеріализованныхъ рукъ 129
в) Воздѣйствіе на матеріализованные органы . . . 139
г) Полученіе парафиновыхъ формъ съ матеріализованныхъ органовъ. 143
а. а.) Когда медіумъ уединенъ и дѣйствующая фигура невидима. 156
б. б.) Когда медіумъ на глазахъ, а дѣйствующая фигура невидима. 173

СТРАН.

в. в.) Когда дѣйствующая фигура въ виду, а медіумъ уединенъ 182
г. г.) Когда медіумъ и фигура одновременно въ виду 187
д) Фотографія матеріализованныхъ фигуръ 189
а. а.) Когда медіумъ въ виду, фигура невидима 195
б. б.) Когда медіумъ невидимъ, фигура видима 200
в. в.) Когда медіумъ и фигура видимы одновременно 207
Фотографіи Крукса 208
г. г.) Когда медіумъ и фигура сняты одновременно 237
д. д.) Въ полной темнотѣ 262
v) Взвѣшиваніе матеріализованныхъ фигуръ 264
Б. Несостоятельность галлюцинаторной гипотезы г. Гартмана съ точки зрѣнія теоретической 267

Глава II. Физическія явленія . . . 285

Глава III. Умственное содержаніе сообщеній.

Изслѣдованіе коренного вопроса въ спиритизмѣ: есть-ли въ немъ такія явленія, которыя для объясненія своего требуютъ допущенія причины, находящейся внѣ медіума 297
i) Явленія, противныя волѣ медіума 304
ii) Явленія, противныя убѣжденіямъ медіума 343
iii) Явленія, противныя характеру и чувствамъ медіума. 346
iv) Сообщенія, коихъ содержаніе выше умственнаго уровня медіума 349
v) Медіумизмъ грудныхъ и маленькихъ дѣтей 369
vi) Рѣчь на языкѣ медіуму неизвѣстномъ 380
vii) Различныя явленія смѣшаннаго характера 399
viii) Сообщеніе фактовъ неизвѣстныхъ ни медіуму, ни присутствующимъ 412
а) Зрѣніе безъ посредства глазъ (въ темнотѣ или замкнутомъ пространствѣ). 413
б) Знаніе фактовъ безъ посредства обычныхъ чувственныхъ орудій познаванія 429
в) Сообщенія, извѣщающія о совершеніи какихъ-либо событій, неизвѣстныхъ участникамъ сеанса, и гдѣ объясненіе посредствомъ передачи мыслей, въ силу самихъ условій сообщенія, недопустимо 442

СТРАН.

ix) Сообщенія отъ личностей совершено неизвѣстныхъ ни медіуму, ни участникамъ сеанса 462
x) Передача сообщеній на большія разстоянія . . . 479
xi) Переносъ вещей на большія разстоянія 484
xii) Матеріализація 495

Глава IV. Гипотеза духовъ.

А. *Анимизмъ*—внѣ-тѣлесное дѣйствіе живого человѣка, какъ переходная ступень къ спиритизму 502
i) Внѣ-тѣлесное дѣйствіе живого человѣка, выражающееся въ явленіяхъ психическихъ (факты *телепатическіе*—воспріятіе впечатлѣній на разстояніи) 507
ii) Внѣ-тѣлесное дѣйствіе живого человѣка, выражающееся въ явленіяхъ физическихъ (факты *телекинетическіе*—движенія предметовъ на разстояніи). . 525
iii) Внѣ-тѣлесное дѣйствіе живого человѣка, выражающееся въ появленіи его образа (факты *телефаническіе*—явленія двойниковъ). 530
iv) Внѣ-тѣлесное дѣйствіе живого человѣка, выражающееся въ появленіи его образа, съ нѣкоторыми атрибутами тѣлесности (факты *телепластическіе*—явленія тѣлесности на разстояніи) 539
Б. *Спиритизмъ*—медіумическое проявленіе отшедшаго человѣка, какъ дальнѣйшая ступень анимизма 561
i) Самоличность отшедшаго, доказанная сообщеніями на его родномъ языкѣ, медіуму неизвѣстномъ . . 574
ii) Самоличность отшедшаго, доказанная сообщеніями, отличающимися складомъ рѣчи или особенными выраженіями, ему свойственными, полученными въ отсутствіи лицъ, его знавшихъ 579
iii) Самоличность отшедшаго, медіуму неизвѣстнаго, доказанная сообщеніями, написанными его прижизненнымъ почеркомъ 581
iv) Самоличность отшедшаго, доказанная сообщеніемъ отъ него, исполненнымъ разныхъ подробностей, до его жизни касающихся, и полученнымъ въ отсутствіи лицъ, знавшихъ его 595
v) Самоличность отшедшаго, доказанная сообщеніемъ фактовъ, которые могли быть извѣстны только ему самому, или могли быть только имъ самимъ сообщены. 603
vi) Самоличность отшедшаго, доказанная сообщеніями, не самопроизвольными, какъ предшествующія, но

вызванными прямымъ обращеніемъ къ самому отшедшему, и полученными въ отсутствіи лицъ, знавшихъ послѣдняго 623
vii) Самоличность отшедшаго, доказанная сообщеніями, полученными въ отсутствіи лицъ, знавшихъ его, и обнаруживающими психическія состоянія, или вызывающими физическія ощущенія, свойственныя отшедшему 635
viii) Самоличность отшедшаго, доказанная появленіемъ его земного образа 643
а) Появленіе отшедшаго, удостовѣренное внутреннимъ зрѣніемъ медіума, въ отсутствіи лицъ, знавшихъ отшедшаго 643
б) Появленіе отшедшаго, удостовѣренное внутреннимъ зрѣніемъ медіума и одновременно трансцендентальной фотографіей; или одной фотографіей въ отсутствіи лицъ, знавшихъ отшедшаго 645
в) Появленіе земного образа отшедшаго путемъ матеріализаціи, подтвержденное умственными доказательствами 654
Нѣсколько заключительныхъ словъ 663
Перечень спиритическихъ гипотезъ по Гартману 668
Послѣднія новости 677

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ НѢМЕЦКОМУ ИЗДАНІЮ.

(Помѣщено и во французскомъ изданіи).

Закончивъ наконецъ свой четырехлѣтній трудъ, я считаю небезполезнымъ сказать моимъ читателямъ, буде таковые найдутся, нѣсколько пояснительныхъ словъ.

Г. Гартманъ написалъ свое сочиненіе о спиритизмѣ, посвященное построенію теоріи для объясненія его явленій, единственно на основаніи условнаго признанія ихъ реальности, т. е. предположенія, что они дѣйствительно таковы, какъ о нихъ повѣствуется въ спиритизмѣ. *Поэтому общая цѣль моего труда и не состояла въ томъ, чтобы доказывать и отстаивать, во что бы ни стало, реальность медіумическихъ фактовъ, но въ томъ, чтобъ приложить къ ихъ объясненію критическій методъ*, придерживаясь правилъ, указанныхъ Гартманомъ. Эта работа, слѣдовательно, сводится къ разрѣшенію алгебраическаго уравненія съ неизвѣстными величинами условнаго достоинства.

Только первая глава, трактующая о матеріализаціяхъ, отличается въ этомъ отношеніи отъ остального, ибо тутъ Гартманъ призналъ реальность явленія только въ смыслѣ субъективномъ или психическомъ, какъ галлюцинацію, а для признанія объективной его реальности требовалъ нѣкоторыхъ экспериментальныхъ условій, которыя я и старался соблюсти.

Итакъ, мнѣ нечего заниматься защитою фактовъ ни передъ спиритами, которые въ нихъ не сомнѣваются, ни передъ не спиритами, которые отрицаютъ ихъ a priori — ибо рѣчь идетъ не о фактахъ, а о способахъ ихъ объясненія. Я нахожу необ-

ходимымъ выяснить эту постановку дѣла на первыхъ же порахъ, дабы мои критики не изъ спиритическаго лагеря, если таковые найдутся, не сбились въ сторону, накидываясь, по обыкновенію, на невозможность, чудесность, обманъ, самообманъ и т. д. Что же касается критики, которая пожелала бы заняться ошибками въ приложеніи метода, то она будетъ для меня весьма желанной.

Въ виду сказаннаго, ближайшая цѣль моего труда была въ томъ, чтобъ разсмотрѣть: дѣйствительно ли исчерпывается вся совокупность медіумическихъ явленій тѣми принципами толкованія, которые предложены Гартманомъ? Дѣйствительно ли они достаточны, чтобы представить для *всѣхъ* этихъ явленій такъ называемое Гартманомъ „естественное объясненіе“, столь же простое, какъ и раціональное? Или проще: разъ объяснительныя гипотезы Гартмана приняты, предстоитъ ли еще какая надобность въ спиритической?

А гипотезы, предлагаемыя г. Гартманомъ, очень смѣлы, очень широки и произвольны, напр.:

Нервная сила, производящая внѣ человѣческаго тѣла дѣйствія механическія и пластическія.

Галлюцинація, съ подкладкой этой самой нервной силы и также производящая дѣйствія физическія и пластическія.

Скрытое, безсознательное сомнамбулическое сознаніе, присущее нормальному состоянію субъекта и почерпающее въ умственномъ содержаніи другого человѣка, посредствомъ чтенія мыслей, все его настоящее и прошедшее.

И, наконецъ, это самое сознаніе, располагающее, также при нормальномъ состояніи субъекта, такою способностью ясновидѣнія, которая приводитъ его въ сношеніе съ абсолютомъ и, слѣдовательно, даетъ ему познать все бывшее и грядущее.

Надо признаться, что съ факторами столь могущественными, изъ коихъ послѣдній положительно „сверхъестественъ“, или „метафизиченъ“ (что признаетъ и самъ Гартманъ) — борьба крайне трудна. Но надо отдать справедливость и Гартману: онъ пытался и самъ представить условія и установить предѣлы, въ которыхъ каждая изъ этихъ гипотезъ приложима.

Итакъ, моя задача состояла въ томъ, чтобъ разсмотрѣть— *нѣтъ ли такихъ явленій, которыя, буде гипотезы Гартмана и имъ самимъ для нихъ установленныя условія и границы приняты, все-таки не поддаются объясненію посредствомъ этихъ гипотезъ?*

Доказалъ ли я свой тезисъ, утверждая, что подобныя явленія существуютъ — рѣшать не мнѣ.

Заинтересовавшись спиритическимъ движеніемъ съ 1855 года, я не переставалъ изучать его во всѣхъ его подробностяхъ — во всѣхъ частяхъ свѣта и во всѣхъ литературахъ. Первоначально я принялъ факты на основаніи свидѣтельствъ другихъ людей; только въ 1870 г. довелось мнѣ присутствовать на первомъ сеансѣ въ частномъ кружкѣ, мною самимъ устроенномъ; я нисколько не удивился, увидавши, что факты были дѣйствительно таковы, какъ ихъ описывали другіе; я получилъ глубокое убѣжденіе, что въ этихъ фактахъ, какъ и во всемъ существующемъ въ природѣ, мы имѣемъ непоколебимую основу, твердую почву для созиданія новой науки о человѣкѣ, обѣщающей, быть можетъ, въ далекомъ будущемъ разрѣшеніе проблемы его бытія. Я сдѣлалъ все находившееся въ моей власти для распространенія этихъ фактовъ и для привлеченія къ ихъ изученію вниманія мыслителей, свободныхъ отъ предразсудковъ.

Но покуда совершалась эта внѣшняя работа, внутренняя шла своимъ чередомъ. Я думаю, что всякій благоразумный наблюдатель, при первомъ своемъ знакомствѣ съ этими явленіями, поражается двумя безспорными фактами: явнымъ автоматизмомъ спиритическихъ сообщеній и, весьма часто, столь же явною лживостью ихъ содержанія; великія имена, коими они зачастую подписываются, суть лучшія доказательства, что эти сообщенія *не то*, за что они себя выдаютъ; точно также и въ простыхъ физическихъ явленіяхъ вполнѣ очевидно, что они тоже происходятъ безъ всякаго сознательнаго участія медіума (т. е. автоматичны), и ничто въ самомъ началѣ не оправдываетъ предположенія о вмѣшательствѣ такъ называемыхъ „ду-

ховъ“. И только впослѣдствіи, когда нѣкоторыя явленія умственнаго порядка заставляютъ насъ признать участіе разумной, внѣ медіума находящейся силы, забываешь о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ и относишься съ большимъ снисхожденіемъ къ спиритической гипотезѣ. Собранные мною матеріалы чтеніемъ и опытомъ были громадны; но разгадки для нихъ не было. Напротивъ, съ годами всѣ слабыя стороны спиритизма становились ярче и только наростали: пошлость сообщеній, бѣдность ихъ умственнаго содержанія (даже когда и нѣтъ прямой пошлости), присущій имъ характеръ мистификаціи и лживости, капризность физическихъ явленій, въ особенности когда дѣло доходитъ до положительнаго опыта; легковѣріе, увлеченія и шовинизмъ спиритовъ и спиритуалистовъ, и, наконецъ, обманъ, который вторгся вмѣстѣ съ темными сеансами и матеріализаціями и въ которомъ мнѣ пришлось удостовѣриться не только путемъ литературнымъ, но и личнымъ опытомъ, въ сношеніяхъ моихъ съ профессіональными медіумами, даже самыми извѣстными. Словомъ, масса сомнѣній, возраженій и смущающихъ обстоятельствъ всякаго рода только усугубляла трудности проблемы. Подъ впечатлѣніемъ минуты, увлекаясь какой-нибудь аргументаціей, мысль переходитъ отъ одной крайности въ другую, до сомнѣнія и отвращенія самаго глубокаго; впадая въ одностороннее сужденіе, часто забываешь все, что говоритъ въ пользу предмета, чтобъ видѣть только то, что противъ него. Занимаясь этимъ вопросомъ, я весьма часто вспоминалъ о великихъ иллюзіяхъ, пережитыхъ человѣчествомъ въ теченіе своей умственной эволюціи: начиная съ неподвижности земли и движенія солнца и кончая цѣлымъ рядомъ иллюзій въ области наукъ отвлеченныхъ и положительныхъ, я спрашивалъ себя, не суждено ли спиритизму быть послѣдней изъ этихъ иллюзій? Поддаваясь отталкивающимъ впечатлѣніямъ, легко было упасть духомъ, еслибъ не было у меня, съ другой стороны, болѣе вящшихъ доводовъ — цѣлаго ряда безспорныхъ фактовъ, имѣющихъ для отстаиванія своего существованія — всемогущаго защитника: самое природу.

Въ этомъ громадномъ матеріалѣ фактовъ, наблюденій и

мыслей я давно желалъ разобраться. Поэтому я глубоко благодаренъ г. Гартману за его критическое сочиненіе о спиритизмѣ. Оно заставило меня приняться за работу и въ то же время значительно помогло мнѣ, послуживъ для меня тою рамкой, той канвой, по которой я легко могъ разобраться въ этомъ хаосѣ. Я тѣмъ охотнѣе взялся за это, что орудія, *созданныя* Гартманомъ для нападенія, были весьма могучи, даже *всемогущи* — онъ самъ говоритъ, что подъ ударами этого оружія никакая спиритическая теорія не устоитъ. Англійскій его переводчикъ г. С. С. Массэй, судья въ этомъ дѣлѣ вполнѣ компетентный, признаетъ и съ своей стороны, что это сочиненіе — самый жестокій ударъ, который когда-либо былъ наносимъ спиритизму. И какъ нарочно сочиненіе г. Гартмана появилось въ такое время, когда мое отрицательное, скептическое настроеніе брало верхъ. И еслибъ я послѣ тщательной критики всѣхъ фактовъ нашелъ, что его гипотезы обнимаютъ всю область медіумическихъ явленій, давая имъ объясненіе простое и раціональное, то я безъ всякаго колебанія отступился бы вовсе отъ спиритической гипотезы: истина побораетъ.

Разобраться же въ этомъ лабиринтѣ фактовъ я могъ только съ помощью *систематическаго указателя*, составлявшагося мною по мѣрѣ моихъ чтеній и занятій; группируя факты подъ различныя рубрики, роды и виды, смотря по ихъ содержанію и условіямъ ихъ происхожденія, мы приходимъ (путемъ исключенія или градаціи) отъ фактовъ простыхъ къ болѣе сложнымъ, требующимъ другой гипотезы. Спиритическія сочиненія, и журналы въ особенности, вовсе не имѣютъ систематическихъ указателей. Такъ, напр., недавно изданный г. Блэкбёрномъ указатель за всѣ года „Спиритуалиста“ не представляетъ никакого пособія для критическаго изученія. Мой трудъ — первая попытка въ этомъ родѣ, и я надѣюсь, что онъ послужитъ, по крайней мѣрѣ, хотя руководствомъ для составленія систематическихъ указателей медіумическихъ явленій — указателей необходимыхъ для установки и провѣрки любого критическаго метода, прилагаемаго къ разбору и объясненію этихъ фактовъ.

Группировка явленій и установленіе ихъ градаціи — вотъ тотъ вѣрный методъ, который привелъ къ столь великимъ результатамъ въ изученіи явленій видимаго міра и который приведетъ къ столь же великимъ, когда онъ будетъ приложенъ къ изученію явленій міра невидимаго (психическаго).

Большою помѣхою для болѣе разумнаго и терпимаго отношенія къ спиритизму послужило то обстоятельство, что *вся совокупность* его явленій во время вторженія его въ Европу, въ самой элементарной его формѣ — столоверченіи, была неумышленно приписана массою проявленію „духовъ“. Эта ошибка, впрочемъ, была совершенно естественна и, слѣдовательно, извинительна въ виду фактовъ постоянно возраставшихъ, столь же новыхъ, сколь непостижимыхъ, смущавшихъ ихъ свидѣтелей, предоставленныхъ своимъ собственнымъ силамъ. Противники же, съ своей стороны, впадали въ другую крайность — ни о какихъ „духахъ“ и слышать не хотѣли и отрицали все. Истина же, какъ и всегда, оказалась въ серединѣ.

Для меня свѣтъ забрезжилъ только тогда, когда мой указатель заставилъ меня открыть рубрику *анимизма*, когда внимательное и критическое изученіе фактовъ заставило меня признать, что *всѣ медіумическія явленія, что касается ихъ типовъ*, могутъ быть произведеніемъ безсознательнаго дѣйствія живого человѣка, и это не въ качествѣ гипотезы, какъ произвольное предположеніе, но вслѣдствіе неоспоримаго свидѣтельства самихъ фактовъ, что, слѣдовательно, наша психическая безсознательная дѣятельность не ограничивается периферіей нашего тѣла и характеромъ дѣйствія исключительно психическимъ; но что она можетъ и переступать границы нашего тѣла, выражаясь въ дѣйствіяхъ не только физическихъ, но даже и пластическихъ; что, слѣдовательно, эта дѣятельность проявляется не только внутри, но и внѣ нашего тѣла. Эта послѣдняя представляетъ совершенно новое поприще для изслѣдованія, полное чудесныхъ фактовъ, обыкновенно почитаемыхъ за сверхъестественные; вотъ эту-то область, столь же громадную, быть можетъ даже болѣе громадную, чѣмъ спиритизмъ, чтобъ категорически, однимъ словомъ, отличить ее отъ послѣд-

няго, я и окрестилъ именемъ *анимизма*. (См. примѣчаніе въ главѣ IV Гипотеза духовъ).

Чрезвычайно важно признать и изучить существованіе и дѣятельность этого *безсознательнаго* въ нашей природѣ — въ его проявленіяхъ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ необыкновенныхъ, какія мы видимъ въ анимизмѣ. Только на этой основѣ возможно оправдать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, притязанія спиритизма, ибо если что переживаетъ тѣло и вѣчно пребываетъ, такъ именно это *для насъ* безсознательное — это внутреннее сознаніе, котораго теперь мы не вѣдаемъ, но которое и образуетъ первоначальное ядро всякой индивидуальности.

Такимъ образомъ для уразумѣнія медіумическихъ явленій намъ представляется не одна, а три гипотезы, изъ коихъ каждая имѣетъ право на существованіе и на признаніе для извѣстнаго ряда отдѣльныхъ фактовъ, и слѣдовательно мы можемъ подвести всѣ медіумическія явленія подъ три большія категоріи, которыя мы обозначимъ для формальнаго удобства слѣдующими условными названіями:

1) *Персонизмъ*. Этимъ словомъ я обозначаю психическія безсознательныя явленія, имѣющія мѣсто *внутри предѣловъ тѣлесной сферы медіума*, коихъ отличительная черта большею частью состоитъ въ персонификаціи, т. е. въ принятіи не только имени, но часто и характера личности *(персоны)* постороннеи медіуму. Таковы элементарныя явленія медіумизма: разговоры посредствомъ стола, письма или безсознательной рѣчи въ трансѣ. Мы имѣемъ здѣсь первое и самое простое проявленіе раздвоенія сознанія — этой основной медіумической черты. Явленія, принадлежащія къ этой рубрикѣ, раскрываютъ передъ нами великій фактъ двойственности психическаго существа—нетождественность нашего индивидуальнаго, внутренняго, безсознательнаго *я* съ нашимъ личнымъ, внѣшнимъ, сознательнымъ *я*; они намъ доказываютъ, что всецѣлость нашего психическаго существа — его центръ тяготѣнія — не находится въ нашемъ личномъ я; что это послѣднее есть только *феноменальное* проявленіе индивидуальнаго *(нуменальнаго) я*; что, слѣдовательно,

элементы этой феноменальности (необходимо личные) могутъ имѣть характеръ множественный — нормальный, анормальный, фиктивный — смотря по условіямъ организма (сонъ естественный, сомнамбулизмъ, медіумизмъ). Эта рубрика оправдываетъ теорію „безсознательной церебраціи“ Карпентера, „безсознательнаго или скрытаго сомнамбулизма“ Гартмана, „психическаго автоматизма“ Майэрса, Жане и другихъ. Этимологическое значеніе слова *persona* какъ нельзя болѣе подходитъ для пониманія приятаго мною слова ***персонизмъ***. Латинское слово *persona* употреблялось въ старину для названія маски, которую актеры надѣвали на свое лицо, разыгрывая роли различныхъ лицъ въ комедіи, а позднѣе сталп называть этимъ словомъ и самого актера.

2) ***Анимизмъ***. Этимъ словомъ я обозначаю безсознательныя психическія явленія, имѣющія мѣсто ***внѣ предѣловъ тѣлесной сферы медіума*** (умственное общеніе между людьми — *телепатія*, движеніе предметовъ безъ прикосновенія — *телекинетія*, явленіе прижизненныхъ призраковъ — *телефанія*, пластическое дѣйствіе на разстояніи — *телесоматія*, матеріализація). Мы имѣемъ здѣсь кульминаціонное явленіе психическаго раздвоенія; психическіе элементы переступаютъ за предѣлы тѣла и проявляются на разстояніи посредствомъ дѣйствій не только психическихъ, но и физическихъ и даже пластическихъ, до полной объективаціи или экстеріоризаціи — доказывая черезъ это, что психическій элементъ можетъ быть не только простымъ явленіемъ сознанія, но и центромъ субстанціальной силы, мыслящей и организующей, могущей, поэтому, временно организовать подобіе органа, видимаго или невидимаго для нашихъ глазъ и производящаго физическія дѣйствія. Значеніе слова душа *(anima)*, въ смыслѣ обыкновенно понимаемомъ въ спиритизмѣ, какъ нельзя болѣе подходитъ для принятаго мною названія ***анимизмъ***. По спиритическимъ понятіямъ, душа не есть индивидуальное *я* (принадлежащее духу), но оболочка, флюидическое или астральное тѣло этого *я*. Слѣдовательно, въ явленіяхъ анимическихъ мы имѣли бы проявленія души какъ конкретной субстанціи, чѣмъ и пояснилось бы, что эти про-

явленія могутъ принимать характеръ физическій, или пластическій, смотря по степени дезагрегаціи флюидическаго тѣла, или „метаорганизма“ по выраженію Гелленбаха. А какъ личность есть прямой результатъ нашего земного организма, то изъ этого естественно слѣдуетъ, что элементы анимическіе (принадлежащіе организму душевному) суть также и носители личности.

3) *Спиритизмъ*. Подъ этимъ словомъ обозначаются тѣ же по внѣшнему виду явленія персонизма и анимизма, когда дѣйствующая причина ихъ находится не только внѣ медіума, но и внѣ нашей сферы бытія: мы имѣемъ здѣсь земное проявленіе индивидуальнаго *я*, посредствомъ тѣхъ элементовъ личности, которые имѣли силу удержаться около индивидуальнаго центра послѣ его отрѣшенія отъ тѣла, и которые могутъ проявиться черезъ медіумизмъ, т. е. черезъ ассоціацію съ однородными психическими элементами живущаго на землѣ существа. Изъ чего выходитъ, что спиритическія явленія, по своимъ внѣшнимъ формамъ, совершенно сходны съ явленіями персонизма и анимизма, и отличаются отъ нихъ только по умственному содержанію, свидѣтельствующему о посторонней, самостоятельной личности.

Разъ факты этой послѣдней рубрики признаны, ясно, что гипотеза, изъ нихъ вытекающая, можетъ одинаково прилагаться и къ фактамъ двухъ первыхъ рубрикъ, такъ какъ она — дальнѣйшее развитіе двухъ предшествующихъ гипотезъ. Затрудненіе въ томъ, что очень часто всѣ три гипотезы могутъ имѣть мѣсто при объясненіи одного и того же факта: такъ, напр., простое явленіе персонизма можетъ быть фактомъ и анимическимъ и спиритическимъ. Задача, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, чтобъ рѣшить, на которой изъ трехъ гипотезъ остановиться и не задаваться мыслію, что которой нибудь одной изъ нихъ достаточно для объясненія всѣхъ фактовъ. Критика требуетъ не идти далѣе той, которая удовлетворительно объясняетъ данный случай [1]).

---

[1]) Я только что нашелъ въ октябрьской книжкѣ „Сфинкса“ 1889 г., на страницѣ 227, кратко формулированныя въ трехъ пунктахъ (какъ

Итакъ, *великая ошибка поборниковъ спиритизма* состоитъ въ томъ, что всѣ явленія, извѣстныя подъ этимъ общимъ именемъ, приписываются ими „духамъ“. Самое слово спиритизмъ сбиваетъ съ толка. Оно должно быть замѣнено другимъ, болѣе общимъ, не содержащимъ въ себѣ никакой гипотезы, никакого ученія, какъ напр., слово *медіумизмъ*, которое мы давно уже ввели у себя.

Всякая новая истина въ наукѣ о природѣ имѣетъ свой ходъ медленный, постепенный, но неудержимый. Потребовалось столѣтіе для признанія фактовъ животнаго магнетизма, хотя вызывать и изучать ихъ гораздо легче, нежели медіумическіе. Послѣ немалыхъ превратностей, они, наконецъ, прорвали гордые оплоты научнаго „ignorabimus“'а („знать не хотимъ“) — наука была вынуждена растворить имъ двери и, наконецъ, усыновить своего отъ вѣка законнаго сына, окрестивъ его именемъ гипнотизма. Правда, что по сіе время она преимущественно придерживается его элементарныхъ формъ на почвѣ физіологической. Но *устное внушеніе* приведетъ роковымъ образомъ къ *внушенію умственному* и уже раздаются голоса, его признающіе. Вотъ первый шагъ къ допущенію сверхчувственнаго. Это естественно и неизбѣжно приведетъ къ признанію всей громадной области *явленій телепатическихъ*, и группа неутомимыхъ, неустрашимыхъ ученыхъ уже стала изучать ихъ въ широкихъ размѣрахъ — признала ихъ и привела въ систему. Эти факты имѣютъ величайшее значеніе для объясненія и признанія остальныхъ фактовъ — анимическихъ и спиритическихъ. Еще шагъ, и мы войдемъ къ *фактамъ ясновидѣнія* — они уже стучатся въ двери святилища!

Гипнотизмъ — вотъ тотъ клинъ, который пробьетъ стѣны научнаго матеріализма и дастъ проникнуть туда элементу

итогъ переписки между издателемъ и г. Гартманомъ) „условія, при которыхъ въ медіумическихъ сообщеніяхъ можно признать вмѣшательство отшедшихъ“. Вотъ именно этого критеріума я тщетно искалъ у Гартмана, и мнѣ пришлось, основываясь на его отрицательной аргументаціи, самому установить его. Я полагаю, что мною представлено въ этомъ трудѣ не мало случаевъ, отвѣчающихъ указаннымъ „условіямъ“. *А. А.*

сверхчувственному или метафизическому. Онъ уже создалъ *экспериментальную психологію* [1]), которая роковымъ образомъ включитъ въ себя факты анимизма и спиритизма, а эти, въ свою очередь, создадутъ *экспериментальную метафизику*, какъ это предсказалъ Шопенгауеръ.

Въ настоящее время въ свѣтѣ гипнотическихъ опытовъ понятіе *о личности* подвергается полному превращенію. Это уже не единица сознательная, недѣлимая и нерушимая, какъ старая школа это утверждала; но „психофизіологическая координація“, сплоченіе, синтезъ, ассоціація явленій сознанія, короче—*аггрегатъ психическихъ элементовъ;* слѣдовательно, часть этихъ элементовъ можетъ при нѣкоторыхъ условіяхъ подвергнуться диссоціаціи, дезагрегаціи, отдѣленію отъ центра, и въ такой мѣрѣ, что эти элементы могутъ на время принять характеръ отдѣльной личности. Вотъ для начала подходящее объясненіе для измѣненій и раздвоеній личности, наблюдаемыхъ въ сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ. Въ этомъ объясненіи мы имѣемъ уже зародышъ подходящей гипотезы для явленій медіумизма; и дѣйствительно, уже начинаютъ прилагать его къ тѣмъ элементарнымъ явленіямъ, которыя гг. ученымъ угодно наконецъ признать подъ именемъ „психическаго автоматизма“ (см. статьи Майэрса, Рише, Жане).

Если-бы наука не пренебрегала съ самаго начала фактами животнаго магнетизма, ея наблюденія надъ понятіемъ о личности сдѣлали бы уже громадные шаги и стали бы теперь принадлежностью общаго знанія; тогда и масса отнеслась бы иначе къ спиритизму и наука не замедлила бы увидать въ его

---

[1]) Конгрессъ Физіологической Психологіи, собиравшейся въ Парижѣ въ 1889 году, въ концѣ концовъ принялъ это названіе для будущихъ своихъ работъ. Кстати могу здѣсь упомянуть, что первый французскій журналъ, посвященный научному изученію „сна, сомнамбулизма, гипнотизма и спиритизма“, возникъ черезъ мое посредство, на деньги, пожертвованныя русскимъ, покойнымъ Н. А. Львовымъ, подъ заглавіемъ: „Revue de Psychologie experimentale“, издававшейся докторомъ Пюэлемъ въ Парижѣ въ 1874—76 гг. Появилось всего 5 выпусковъ: въ 1874—два, въ 1875 — два и одинъ въ 1876 году. Теперь это библіографическая рѣдкость.

высшихъ проявленіяхъ новое развитіе психической дезагрегаціи; эта самая гипотеза съ нѣкоторыми развитіями могла бы быть приложена и ко всѣмъ прочимъ видамъ медіумическихъ явленій; такъ въ высшихъ явленіяхъ физическаго порядка (движеніе предметовъ безъ прикосновенія и проч.) она могла бы увидать явленіе дезагрегаціи, преступающей предѣлы человѣческаго тѣла, сопряженное съ дѣйствіемъ физическимъ, а въ фактахъ матеріализаціи—явленіе дезагрегаціи, сопряженное съ дѣйствіемъ пластическимъ.

„Медіумъ“, по этой термиологіи, былъ бы такимъ субъектомъ, у котораго состояніе психической дезагрегаціи наступаетъ легко, у котораго, употребляя выраженіе г. Жане, „сила психическаго синтеза ослаблена и даетъ выдѣляться помимо личнаго сознанія большему или меньшему числу явленій психическихъ“ [1]).

Подобно тому какъ въ наше время гипнотизмъ служитъ орудіемъ, посредствомъ котораго нѣкоторыя явленія *психическаго автоматизма* (диссоціація актовъ сознанія или умственной дезагрегаціи) могутъ быть произвольно вызываемы и подвержены экспериментированію,—точно также—мы позволяемъ себѣ утверждать это—гипнотизмъ сдѣлается скоро орудіемъ, посредствомъ котораго почти всѣ явленія *анимизма* можно будетъ подвергнуть положительному эксперимеитированію, послушному волѣ человѣка; внушеніе будетъ тѣмъ орудіемъ, прп помощи котораго психическая дезагрегація преступитъ предѣлы тѣла и вызоветъ физическія дѣйствія на разстояніи по волѣ внушителя [2]). Это будетъ иервымъ шагомъ къ

---

[1]) „L'automatisme psychologique. Essai de Psychologie Experimentale sur les formes inferieures de l'activité humaine“. Par Pierre Janet, professeur de philosophie au Lycée du Havre. Paris. 1889.

[2]) Я поясню свою мысль. Медіумъ для физическихъ явленій или матеріализацій долженъ быть загипнотизированъ; *послѣ того* руки его должны быть связаны; тогда ему приказываютъ двинуть какую-нибудь вещь на разстояніи, доступномъ для его рукъ, если бы онѣ были свободны, и невидимый органъ его, повинуясь приказанію, двинетъ ее (см. мое письмо въ издающемся въ Чикаго „Religio-Philosoph. Journal“ отъ 27 августа 1892 г.).

полученію пластическаго дѣйствія по желанію, и явленіе, извѣстное въ наше время подъ именемъ „матеріализаціи“, получитъ свое научное крещеніе. Все это вмѣстѣ взятое необходимо ведетъ къ измѣненію психологическихъ ученій согласно точки зрѣнія монистической, по которой каждый психическій элементъ есть носитель не только формы сознанія, но также и силы организующей [1]).

Расчленяя личность, психическая экспериментація наткнется, наконецъ, на *индивидуальность* — это трансцендентальное зерно силъ недиссоціируемыхъ, вокругъ которыхъ группируются разнообразные и диссоціируемые элементы *личности*. Тогда-то спиритизмъ предъявитъ свои права. Онъ одинъ можетъ доказать существованіе и метафизическую нерушимость индивидуума. И придетъ время, когда на вершинѣ громадной пирамиды, воздвигнутой наукой изъ безчисленныхъ матеріаловъ, собранныхъ въ области фактовъ, столь-же положительныхъ, сколь и трансцендентальныхъ, загорятся зажженные руками самой науки священные огни безсмертія.

Теперь, когда трудъ мой законченъ, я вижу лучше всякаго другого его недостатки, и мнѣ остается только просить моихъ читателей о снисхожденіи. Не желая откладывать моего отвѣта Гартману до окончанія всего труда, т. е. на время неопредѣленное — я началъ печатать его немедленно въ „Ps. St.“ ежемѣсячными статьями, что всегда сопряжено съ нѣкоторымъ спѣхомъ и лишаетъ возможности дѣлать какія-либо поправки или измѣненія въ отдѣльныхъ главахъ, а тѣмъ болѣе во всемъ сочиненіи, отъ чего произошли несоразмѣрности частей и промахи въ изложеніи, на которые я теперь наталкиваюсь. Нѣкоторыя главы грѣшатъ объемистостью и излишкомъ подробностей,

---

[1]) Carl du Prel. Die monistische. Seelenlehre. Leipzig, 1888. — C. G. Raue. Psychology as a natural science, applied to the solution of occult psychic phenomena. Philadelfia, 1889. Авторъ этого замѣчательнаго сочиненія, основаннаго на психологіи Бенеке, приходитъ къ заключенію: „Психическія силы суть реальныя субстанціи. Душа человѣка есть организмъ, состоящій изъ этихъ психическихъ субстанцій, столь же вѣчныхъ и нерушимыхъ, какъ и матеріальныя“. Стр. 529.

другія недостаткомъ развитія и повтореніемъ аргументаціи Такъ, я сожалѣю, что въ главѣ о трансцендентальной фотографіи я не далъ всего текста опытовъ Битти, которые считаю первостепенной важности, ограничившись ссылками на „Ps. St.“ Впрочемъ, въ русскомъ изданіи я пополнилъ этотъ недостатокъ и передѣлалъ всю эту главу. Съ другой стороны, я сожалѣю, что въ главѣ о матеріализаціяхъ слишкомъ пространно изложилъ опыты съ гипсовыми отливками и фотографіями, вмѣсто того, чтобы придерживаться фактовъ, прямо соотвѣтствующихъ требованіямъ Гартмана; не стоило терять столько времени и труда на доказательство факта, объективная реальность котораго слишкомъ очевидна для имѣвшихъ случай наблюдать его, и признаніе котораго неминуемо послѣдуетъ вмѣстѣ съ признаніемъ другихъ медіумическихъ явленій; къ тому же и значеніе его для спиритической теоріи второстепенно. И опять я сожалѣю, что не далъ достаточнаго развитія, болѣе систематическаго и полнаго, главѣ объ *анимизмѣ*, которая является самой существенной для оправданія спиритической гипотезы.

Величайшее для меня затрудненіе состояло въ выборѣ фактовъ. Съ этого пункта я началъ свое предисловіе и этимъ заканчиваю. Я сказалъ въ началѣ, что цѣль моего труда не въ томъ, чтобъ защищать факты—это такъ, когда я становлюсь на точку зрѣнія Гартмана; но долженъ сказать, что я имѣлъ также въ виду и болѣе общую точку зрѣнія и всегда старался представить такіе факты, которые, по условіямъ своей обстановки, всего бы лучше соотвѣтствовали требованіямъ критики. Здѣсь-то и представляется величайшая трудность, здѣсь-то и уязвимое мѣсто, ибо никакія условія, никакія мѣры предосторожности при наблюденіяхъ не могутъ убѣдить въ фактѣ, поколѣ этотъ фактъ не находитъ себѣ мѣста въ общественномъ пониманіи. Съ другой стороны, возможность обмана, сознательнаго или безсознательнаго (возможность, которую всегда легко предположить и отсутствіе которой никакъ нельзя доказать) еще болѣе усиливаетъ затрудненіе. Умственныя явленія представляютъ въ этомъ отношеніи болѣе благодарную

область для изслѣдованія, такъ какъ они весьма часто содержатъ въ себѣ самихъ такія доказательства своей подлинности, какихъ не создастъ никакая поддѣлка — если не искать для нихъ объясненія въ гипотезѣ повальнаго обмана. Опровергнуть *эту* гипотезу выше всякихъ человѣческихъ силъ. Итакъ, нравственное довѣріе является здѣсь, какъ и во всякомъ иномъ человѣческомъ изслѣдованіи, необходимой основой для прогресса въ истинѣ. Я не могу сдѣлать ничего другаго, какъ гласно заявить о томъ, что самъ видѣлъ, слышалъ или чувствовалъ, и когда сотни тысячъ лицъ утверждаютъ то же самое относительно нѣкоторыхъ явленій одного и того же типа, хотя и безконечно разнообразныхъ въ своихъ деталяхъ, то увѣренность въ существованіи этого типа становится неотразимой. Поэтому я не настаиваю на томъ, что каждый фактъ, мною приведенный, произошелъ именно такъ, какъ онъ описанъ — ибо нѣтъ такого факта, противъ котораго не нашлось бы возраженій, — но я настаиваю на типѣ явленія — въ этомъ вся суть. Я знаю, что онъ существуетъ, и этого мнѣ достаточно, чтобы допустить его разновидности. Вотъ, напр., факты *телепатіи*, собранные и доказанные съ такимъ стараніемъ и ревностью неутомимыми дѣятелями Лондонскаго Общества психическихъ изслѣдованій! Развѣ они убѣдили массу? Нисколько, и еще менѣе науку. Для нихъ, какъ это было и для гипнотизма, потребно время, а для тѣхъ фактовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой книгѣ, потребуется его еще болѣе. Наше дѣло, какъ я уже гдѣ-то выразился — бутить бутъ, — ставить вѣхи по тому пути, по которому, въ далекомъ будущемъ, ихъ замѣнятъ гранитные столбы.

Послѣднее слово: на закатѣ жизни я, подчасъ, задаю себѣ вопросъ: хорошо-ли я сдѣлалъ, что потратилъ столько времени, труда и средствъ на изученіе и пропаганду явленій этой области? Не шелъ-ли я по ложному пути, не преслѣдовалъ-ли иллюзію? Не потерялъ-ли я напрасно цѣлую жизнь— вѣдь ничто, по суду мірскому, не оправдало, не вознаградило моихъ трудовъ?.. Но постоянно вторится мнѣ все тотъ же отвѣтъ: для земной жизни человѣка не можетъ быть цѣли болѣе

высокой, какъ искать и находить доказательства трансценденталь-ной природы человѣческаго существа, — его призванія къ судьбѣ гораздо болѣе высокой, чѣмъ его феноменальное бытіе! Поэтому я не могу сожалѣть, что посвятилъ всю свою жизнь преслѣдованію этой цѣли, хотя бы и путями непопулярными, иллюзорными, съ точки зрѣнія „правовѣрной“ науки, но которые — я знаю — болѣе непогрѣшимы, чѣмъ эта наука. И если мнѣ, съ своей стороны, удалось приложить хотя бы единый камень къ созиданію того храма *духа*, который человѣчество, послушное своему внутреннему голосу, воздвигаетъ въ теченіе вѣковъ — то это было бы для меня единственно желаннымъ, наивысшимъ воздаяніемъ.

А. Аксаковъ.

С.-Петербургъ, 3-го февраля 1890 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

(Помѣщено во 2-омъ и 3-емъ нѣмецкихъ изданіяхъ).

Какъ только появилось въ 1885 г. нѣмецкое изданіе Э. ф. Гартмана о спиритизмѣ — эта первая глубоко обдуманная философская критика его фактовъ и ученія, въ смыслѣ антиспиритическомъ, разумѣется, — я тотчасъ-же призналъ необходимымъ издать его и на русскомъ языкѣ; ибо фактамъ спиритизма бояться нечего, ихъ ничто не сокрушитъ, а если его гипотеза, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не можетъ постоять за себя, дать надлежащій отпоръ, то значитъ — это не истинная гипотеза и не слѣдуетъ ею увлекаться. Въ 1887 г. русское изданіе появилось, и вмѣстѣ съ тѣмъ я какъ-бы нравственно связалъ себя обязательствомъ напечатать по-русски и тотъ отвѣтъ мой Гартману, который я немедленно по выходѣ его книжки началъ печатать въ „Psychische Studien“ и который въ 1890 г. вышелъ особымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Анимизмъ и Спиритизмъ“. Закончивъ нѣмецкое дѣло, я принялся за русское; крайне утомительно было это повтореніе самого себя, особенно при рухнувшемъ здоровьи, при неободрительныхъ условіяхъ всякаго рода! Но вотъ, наконецъ, трехлѣтній трудъ на лицо.

Это ничто иное, какъ мною самимъ продиктованный переводъ того же французскаго текста моего, по которому было сдѣлано нѣмецкое изданіе; англійскія цитаты, разумѣется, переведены мною прямо съ подлинниковъ. Въ русскомъ изданіи погрѣшности нѣмецкаго исправлены, и, кромѣ того, оно пополнено нѣкоторыми интересными фактами; съ нимъ будетъ согласовано и французское изданіе, предпринятое теперь (не мною) въ Парижѣ.

Прежде всего я долженъ сказать, чѣмъ кончилась наша полемика.

По выходѣ моего отвѣта, Гартманъ не оставилъ его безъ вниманія и тотчасъ же выступилъ съ возраженіемъ въ новой, столь же пространной брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Гипотеза духовъ спиритизма и фантомы“ (Берлинъ, 1891 г.), которая посвящена исключительно опроверженію моего труда.

Продолжать полемику я не счелъ полезнымъ, да къ тому же это сдѣлалось для меня—вслѣдствіе попортившагося зрѣнія и общаго нездоровья — невозможнымъ. Вмѣсто меня отвѣтилъ Дю-Прель въ „Psychische Studien“ того же года.

Здѣсь скажу только въ двухъ словахъ, что Гартманъ въ опроверженіи своемъ не удержалъ своей прежней позиціи, а именно:

1) Въ первой брошюрѣ онъ принялъ въ основу критики своей медіумическіе факты *въ томъ видѣ*, какъ о нихъ въ спиритизмѣ повѣствуется; во второй брошюрѣ онъ перешелъ къ обычному пріему: когда я указалъ ему на факты, которыхъ онъ не зналъ, которые отвѣчали его требованіямъ, тогда сами факты стали негодными, невѣроятными, не достаточно удостовѣренными и пр. Вся суть подобныхъ фактовъ въ деталяхъ и когда они были для него неудобны, онъ просто обходилъ или поддѣлывалъ ихъ подъ свою критику—„безсознательно“, разумѣется! Нѣсколько случаевъ указано Дю-Прелемъ.

2) Точно также во второй брошюрѣ своей Гартманъ отступился и отъ прежнихъ своихъ методологическихъ принциповъ, какъ это и слѣдовало предвидѣть, ибо другаго выхода не было. Прежде его главные факторы для объясненія— пере-

дача мыслей и ясновидѣніе — были обставлены извѣстными условіями и границами; теперь же эти самые факторы не знаютъ ни условій, ни границъ: телепатическое взаимодѣйствіе происходитъ даже между лицами другъ другу совершенно незнакомыми и на всякомъ разстояніи; поэтому, если медіумически сообщается фактъ, который неизвѣстенъ ни медіуму, ни присутствующимъ на сеансѣ лицамъ, но извѣстенъ хоть кому-либо живущему на землѣ, то въ этомъ живущемъ, гдѣ-бы и кто-бы онъ ни былъ, и надо искать источника сообщенія; а если такого живущаго не находится, то безусловнымъ источникомъ знанія является ясновидѣніе (стр. 39, 41, 60, 62, 64) и т. д. При такихъ гипотезахъ всякое осиариваніе становится невозможнымъ. Это все равно, что заявить: Я согласенъ принять всякія гипотезы, хотя бы самыя метафизическія, но спиритической не хочу.

Въ своемъ анти-спиритическомъ предубѣжденіи Гартманъ договорился теперь до разныхъ курьезовъ; не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести хоть одинъ изъ таковыхъ:

„Извѣстно, что никто не имѣетъ яснаго представленія о своемъ собственномъ образѣ, и во всякомъ случаѣ менѣе ясное и опредѣленное, чѣмъ любое третье лицо. Поэтому участникамъ сеанса должно быть легче воскресить образъ отшедшаго, чѣмъ ему самому. Если кто при жизни своей имѣлъ наружность несимметрическую, напр., у кого правое плечо было выше лѣваго, или недоставало одного глаза, или проборъ былъ всегда на одной и той-же сторонѣ, то эта асиметрія должна проявиться и у призрака, если медіумъ ночерпнулъ его образъ у третьяго лица, и на выворотъ, если онъ этотъ образъ воспринялъ отъ духа усопшаго. Ибо усопшій при жизни зналъ свою наружность, и въ особенности свое лицо, только по отраженію въ зеркалѣ, а потому можетъ воспроизвести только тотъ образъ свой, о которомъ помнитъ по отраженію его въ зеркалѣ. О такомъ на выворотъ изображеніи праваго и лѣваго у призраковъ отшедшихъ я еще никогда ничего не читалъ, и этого одного мнѣ достаточно, чтобы считать гипотезу духовъ опровергнутою“ (стр. 56).

Что тутъ завзятое предубѣжденіе играетъ, дѣйствительно, не послѣднюю роль, этому я получилъ неожиданное доказательство изъ собственныхъ рукъ Гартмана. Въ прошломъ году, совершенно случайно, попалось мнѣ въ руки давнымъ давно забытое письмо его ко мнѣ, писанное имъ въ 1875 г. Послѣ происшедшей между нами полемики, оно представляетъ теперь особенный интересъ и потому я приведу здѣсь его существенную часть:

„Берлинъ, 14-го апрѣля 1875 г.“

„М. г. Вы совершенно правы, говоря, что философъ моего направленія долженъ живо интересоваться той проблемой, которую вы такъ усердно преслѣдуете. Я могу только сожалѣть, что состояніе моего здоровья мнѣ не позволяетъ собственными глазами (durch Autopsie) произвести тѣ личныя наблюденія, безъ которыхъ для сужденія не достаетъ прочной основы. Фактамъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, потому нельзя вѣрить на слово, что они исключительнаго свойства, и не могутъ, подобно физическимъ опытамъ, быть повторяемы каждымъ по желанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ все еще не достаетъ (даже въ опытахъ Крукса) раціональнаго примѣненія положительнаго экспериментальнаго метода, который главнымъ образомъ долженъ опираться на индуктивный методъ различія (по Миллю). Производить подобныя изслѣдованія съ подходящими медіумами въ соотвѣтствующей лабораторіи было бы для меня дѣломъ весьма соблазнительнымъ, еслибъ только мое здоровье мнѣ это позволяло. Въ настоящемъ же положеніи мнѣ ничего другого не остается, какъ воздержаться отъ сужденія, покуда другіе не дойдутъ до чего либо опредѣленнаго относительно направленія, напряженія, измѣненія силы, о которой идетъ рѣчь, смотря по удаленію, направленію, изолированію ея и т. д. Только послѣ точнаго установленія этихъ основныхъ вопросовъ, сдѣлалось бы возможнымъ разсуждать о причинахъ болѣе сложныхъ явленій. Что я такъ называемыхъ „духовъ отшедшихъ“ изъ числа этихъ гипотетическихъ причинъ считаю, *во всякомъ случаѣ*, исключенными — объ этомъ едва-ли мнѣ нужно распространяться“:

„Примите и пр.

Эдуардъ ф. Гартманъ“. *

И вотъ десять лѣтъ спустя, хотя „точнаго установленія этихъ основныхъ вопросовъ“ и не послѣдовало, хотя такового даже никѣмъ и предпринято не было, но Гартманъ, по прежнему ничего въ этой области не видавшій, отъ прежняго благоразумнаго рѣшенія своего отступился и отъ „сужденія не воздержался“ — какъ о томъ свидѣтельствуетъ его книжка „Спиритизмъ“; только отъ предубѣжденія своего относительно „гипотетическихъ причинъ“ онъ не отступился; напротивъ, становится яснымъ, что въ этомъ и надо искать тотъ побуждающій мотивъ, который заставилъ его взяться за перо — ополчиться противъ спиритизма. Ибо для него, какъ „одного изъ представителей очищеннаго ученія о нравственности“, вѣра въ безсмертіе есть ничто иное, какъ выраженіе „трансцендентнаго эгоизма“ и „грубаго средневѣковаго суевѣрія“, которое беретъ верхъ надъ ихъ стараніями на вѣки похоронить его. Понятно, поэтому, что съ этой точки зрѣнія, и именно *только съ этой*, спиритизмъ въ глазахъ Гартмана, „грозитъ сдѣлаться общественнымъ бѣдствіемъ“ (см. его брошюру, стр. 18—19).

И „бѣдствіе“ это, несмотря на всѣ старанія просвѣтителей, все продолжаетъ разростаться. Вопросъ о *психизмѣ* теперь, дѣйствительно, сталъ на очередь: за двадцать лѣтъ, истекшія со времени первой здѣсь изданной мною книжки по этой части — „Спиритизмъ и наука“, — какъ велики его успѣхи, не смотря на всѣ преграды! Утѣшительно, покидая поле борьбы, видѣть, что трудъ не пропалъ даромъ, не былъ потраченъ на воздѣлываніе безплодной зыбучей почвы! Основалось Лондонское Общество психическихъ изслѣдованій, которое перекинулось и въ Америку; даже въ этомъ году, въ Чикаго, будетъ засѣдать международный психическій конгрессъ; во Франціи возникли „Les Annales des sciences psychiques“ подъ ближайшимъ завѣдываніемъ проф. Рише; въ Германіи прогремѣлъ какъ метеоръ мощный голосъ Цёльнера; его подхватили Геллеибахъ и Дю-Прель, и дѣло настолько двинулось впередъ, что теперь, по полновѣсному свидѣтельству Вундта, „склонность къ *оккультизму, являясь выдающейся составной*

частью духовныхъ теченій нашихъ дней, захватила, по понятнымъ причинамъ, даже и нѣкоторыхъ философовъ и психологовъ"... „нѣмецкіе философскіе журналы не хотятъ уже болѣе уклоняться отъ примѣра, даннаго имъ такими образцовыми заграничными органами какъ „Revue Philosophique" и др. и постепенно съ гипнотизмомъ вводятъ въ моду и спиритизмъ" [1]). Встрепенулась недавно Италія и у насъ даже возникло свое Общество Экспериментальной Психологіи.

И ничто не остановитъ „торжествующаго шествія дракона позора и безсмслицы", какъ я писалъ тому назадъ семнадцать лѣтъ [2]), потому что нельзя остановить того, что коренится въ природѣ вещей; сверхчувственное такая же часть природы, какъ и весь чувственный міръ; только подхода къ нему не находили до сего времени, не доставало экспериментальнаго метода, но теперь методъ этотъ найденъ—въ гипнотизмѣ, съ одной стороны, въ медіумизмѣ—съ другой.

Вотъ мнѣ пожелалось провѣрить еще разъ свои впечатлѣнія по части физическихъ медіумическихъ явленій; я отправился въ Италію, гдѣ есть завѣдомо хорошій медіумъ; устроилъ кружокъ, въ которомъ приняли участіе люди, уже видѣвшіе кое-что по этой части, и другіе никогда ничего не видѣвшіе. И въ результатѣ получился нашъ миланскій отчетъ, который теперь на шести языкахъ обходитъ міръ: это будетъ моя лепта предстоящему международному психическому конгрессу.

По мнѣнію того-же г. Вундта, „все это чепуха". Но какъ же такъ, въ чемъ же „чепуха"? Вотъ мы видѣли въ Миланѣ при полномъ свѣтѣ, какъ стулъ приблизился къ нашему столу, самъ собою, на нѣсколько футовъ; поставили его на мѣсто, и опять онъ приблизился (см. помянутый отчетъ). Въ чемъ же тутъ „чепуха"? Въ томъ-ли, что мы видѣли и знаемъ то, чего не видалъ, не знаетъ Вундтъ? Фактъ это движеніе стула или нѣтъ, вотъ въ чемъ вопросъ. Надо его объяснить, или нѣтъ?

Если даже это и фактъ, отвѣчаетъ намъ Вундтъ, то во

---

[1]) „Вундтъ. Гипнотизмъ и внушеніе". Русское изданіе 1893 г., стр. 81, 7.
[2]) „Медіумизмъ и философія"—„Русскій Вѣстникъ", 1876 г., стр. 443.

всякомъ случаѣ—маленькій фактъ, „изъ маленькаго міра,—міра пугалъ и стучащихъ духовъ, вѣдьмъ и магнетическихъ медіумовъ, въ которомъ все, что ни совершается въ томъ большомъ, величественномъ мірѣ (Коперника, Галилея и т. д.), поставлено вверхъ дномъ! Всѣ до того неизмѣнные законы становятся негодными ради крайне заурядныхъ, большей частью истеричныхъ особъ“ (стр. 9).

„Ин-те-ресно“! — припоминается мнѣ обычный возгласъ Д. И. Менделѣева временъ нашей пресловутой университетской комиссіи, когда, бывало, ему разсказывали про какую-нибудь медіумическую диковинку. Очень интересно! Значитъ есть въ природѣ маленькій міръ и великій, маленькія явленія и великія, и эти маленькія могутъ ниспровергнуть всѣ законы великихъ явленій! Какое ненаучное, избитое возраженіе приходится слышать отъ такого выдающагося ученаго, какъ Вундтъ! Ну, стоялъ бы на томъ, что „все это чепуха“—и былъ бы правъ по своему; а то „*допустимъ*—говоритъ—что пришлось бы признать магическое дѣйствіе на разстояніи“... и „все приходитъ въ колебаніе—и тяготѣніе, и дѣйствіе свѣта, и законы нашей психо-физической организаціи“... Кто же впалъ теперь въ несомнѣнную „чепуху“?

Такія выходки для насъ теперь только смѣшны—тѣмъ смѣшнѣе, чѣмъ выше олимпійскія высоты, съ которыхъ онѣ раздаются.

Другой извѣстный ученый (Elliot Coues) отвѣтилъ умнѣе: „Если передъ вами фактъ—говоритъ онъ—гдѣ какая-нибудь частица матеріи, хотя бы не болѣе булавочной головки, приводится въ движеніе какимъ-нибудь способомъ, указывающимъ на то, что тутъ сила не послушная силѣ тяготѣнія, то вы перешли рубиконъ между матеріей и духомъ, между тѣмъ, что подвластно тяготѣнію, и тѣмъ, что подвластно жизни“.

Передъ нами два „маленькихъ“, „глупенькихъ“ [1]) факта: желудь, упавшій съ дерева на землю передъ носомъ Ньютона,

---

[1]) „Absurde“ по выраженію Рише о поднятіи стола. „Annales“ 1893 г., стр. 2. — „Неразумный міръ истеричныхъ медіумовъ“, по выраженію Вундта, стр. 9.

и, двѣсти лѣтъ спустя, тотъ же желудь, поднимающійся нынѣ на возухъ на медіумическомъ сеансѣ...

Первый желудь дождался своего Ньютона, — дождется и второй...

Мы знаемъ теперь, что *мизонеизмъ* (гоненіе новизны) есть болѣзнь, данная въ удѣлъ человѣчеству. Съ незапамятныхъ временъ оно страдаетъ отъ нея; всегда были и будутъ одержимые этимъ недугомъ, тормозящимъ ходъ прогресса человѣческаго знанія...

Живи Вундтъ триста лѣтъ тому назадъ, съ какимъ глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своей онъ приговорилъ бы Евзапію Паладино къ сожженію на кострѣ, какъ несомнѣнную „вѣдьму“, совращающую людей съ праваго пути, помрачающую ихъ здравый разсудокъ! Нынѣ „вѣдьмъ“ не жгутъ, но жгутъ книги. Еще не очень давно, въ 1861 г., въ Барцелонѣ, по приказанію папы, былъ учиненъ *auto da fe* (ауто-да-фе)— всенародно, на лобномъ мѣстѣ, было сожжено на кострѣ триста томовъ спиритическихъ книгъ! Какъ охотно, украдкой, подложили бы хворостинку и многіе изъ нашихъ теперешнихъ научныхъ „просвѣтителей“!

Живи Вундтъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда итальянскіе научники не хотѣли и смотрѣть въ галилеевскій телескопъ, то въ числѣ ихъ, вмѣстѣ со своимъ соотечественникомъ, Мартыномъ Корки, былъ бы и Вундтъ; запрещалъ бы смотрѣть и другимъ...

Живи Вундтъ сто лѣтъ тому назадъ, когда научный міръ хохоталъ надъ „лягушачьимъ танцмейстеромъ“, то и Вундтъ хохоталъ бы вмѣстѣ съ другими, отвѣчая самодовольно, какъ отвѣчаетъ и теперь „я не вѣрю въ чертовщину и не экспериментирую надъ ней“! [1])

---

[1]) Вотъ подлинныя слова Вундта: „Кто вѣритъ въ чертовщину — экспериментируетъ надъ ней, а кто въ нее не вѣритъ, обыкновенно и не дѣлаетъ никакихъ опытовъ“ („Гипнотизмъ и внушеніе“, стр. 8). Какъ же не смѣяться надъ этой грубо-невѣжественной выходкой! Начиная съ Гера и Крукса, и кончая Ломброзо и Скьяпарелли, развѣ эти именитые ученые вѣрили въ чертовщину, иначе спиритизмъ, когда приступали къ

Но Гальвани утѣшалъ себя, говоря: „тѣмъ не менѣе я знаю, что открылъ одну изъ величайшихъ силъ природы“.

Такимъ словомъ можемъ утѣшиться и мы.

А. Аксаковъ.

С.-Петербургъ. 14-го февраля 1893 г.

наблюденію его явленій? Они были совершенными скептиками, а Ломброзо еще недавно печатно обзывалъ насъ дураками. Но разница между ними и Вундтомъ та, что послѣдній и смотрѣть не хочетъ въ телескопъ, а первые посмотрѣть не отказывались, и, посмотрѣвши, увидали въ немъ міръ не только не „маленькій“, но даже очень великій, даже больше галилеевскаго и, разумѣется, закономѣрный! Потребуются новые вѣка, новыя усилія отъ науки и человѣчества, чтобъ справиться съ его задачами, чтобъ изучить его законы!

ВСТУПЛЕНІЕ.

Появленіе сочиненія Э. ф. Гартмана о спиритизмѣ было привѣтствовано мною съ искреннимъ удовольствіемъ. Моимъ давнишнимъ желаніемъ было, чтобы кто-нибудь изъ передовыхъ мыслителей, не изъ спиритическаго лагеря, занялся этимъ вопросомъ основательно, съ глубокимъ знаніемъ всѣхъ относящихся до него фактовъ, и подвергъ его строгому обсужденію, не съ точки зрѣнія современной культуры или какого религіознаго ученія, но единственно съ точки зрѣнія логической, философской, и, еслибъ спиритическая гипотеза оказалась невыдерживающей критики, то чтобъ указалъ, на достаточныхъ основаніяхъ, почему именно, а взамѣнъ ея предложилъ бы другую гипотезу болѣе логическую, болѣе соотвѣтствующую требованіямъ современной науки. Сочиненіе Гартмана представляетъ въ этомъ отношеніи мастерское произведеніе, имѣющее для спиритизма существенное значеніе; я привѣтствовалъ появленіе его какъ „событіе въ спиритическомъ мірѣ“, и назвалъ это сочиненіе „школой для спиритизма“, въ которой приверженцы его легко увидятъ, какъ и чему надо учиться въ этой области — съ какой тщательностью должны быть произведены ихъ наблюденія и съ какой осторожностью должны быть сдѣланы ихъ выводы, чтобы они могли устоять подъ напоромъ современной научной критики („Ребусъ“, 1885 г., стр. 375—6). Я тотчасъ же предложилъ редакціи „Ребуса“ помѣстить у себя переводъ этого сочиненія, подобно тому какъ сдѣлала это редакція англійскаго журнала „Light“, и къ осу-

ществленію этого предложенія было немедленно приступлено съ помощью профессора Бутлерова, который даже взялъ на себя трудъ диктовать переводъ стенографу [1]).

Мы можемъ теперь надѣяться, что съ помощью такого мыслителя, какъ Э. ф. Гартманъ — и мы имѣемъ право предполагать, что онъ намъ въ ней не откажетъ — этотъ темный вопросъ, высокое значеніе котораго для науки о человѣкѣ уже достаточно проглядываетъ, получитъ, наконецъ, ту оцѣнку и то освѣщеніе, которыхъ ему не доставало, и, подобно нынѣ вопросу о гипнотизмѣ, будетъ поставленъ на очередь.

Цѣль всей моей дѣятельности въ Германіи, которую мы привыкли считать передовою въ вопросахъ философскихъ, состояла именно въ томъ, чтобы обратить на этотъ вопросъ безпристрастное вниманіе ея мыслителей; имѣлась надежда получить съ ихъ стороны поддержку и необходимыя указанія для раціональной разработки предмета. Германія представляла для меня ту свободную почву для обсужденія подобнаго умственнаго новшества, которой я не находилъ у себя дома, особенно двадцать лѣтъ тому назадъ. Способъ моихъ дѣйствій состоялъ въ томъ, что я печаталъ въ нѣмецкомъ переводѣ лучшіе матеріалы, которые я находилъ по этому вопросу въ англійской литературѣ, а съ 1874 г. сталъ издавать въ Лейпцигѣ ежемѣсячный журналъ („Psychische Studien“), для сообщенія и обсужденія текущихъ новостей. Усилія мои были встрѣчены жестокой оппозиціей — Германія ничего и слышать не хотѣла о такомъ ненотребномъ вопросѣ, несмотря на то, что нѣкоторые извѣстные нѣмецкіе писатели (Emmanuel Fichte, Franz Hoffman, Maximilian Perty и др.) отнеслись къ моей дѣятельности весьма сочувственно и оказали мнѣ возможное съ ихъ стороны содѣйствіе и словомъ, и дѣломъ — статьями въ моемъ журналѣ. Только съ появленіемъ Цёльнера на этомъ же поприщѣ дѣло приняло иной оборотъ. Матеріалъ живого, наглядnаго факта, который я готовилъ для нашей научной комис-

---

[1]) Переводъ этотъ вышелъ потомъ отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: „Спиритизмъ Э. ф. Гартмана“.

сіи, въ лицѣ Слэда, и который остался безъ пользы для нея, ибо она сама прекратила свое существованіе, принесъ эту пользу для Германіи. Когда Цöльнеръ, послѣ успѣха своихъ первыхъ опытовъ со Слэдомъ, пожелалъ ближе познакомиться съ предметомъ, онъ нашелъ въ моихъ изданіяхъ весь необходимый матеріалъ, и онъ не разъ выражалъ мнѣ по этому поводу свою благодарность. Признаніе Цöльнеромъ реальности медіумическихъ явленій произвело въ Германіи огромную сенсацію. Вскорѣ затѣмъ появились сочиненія Гелленбаха [1]), въ лицѣ котораго мы видимъ въ Германіи перваго самостоятельнаго философа-изслѣдователя этихъ явленій. Къ нему присоединился недавно и другой видный мыслитель — Карлъ Дю-Прель, котораго философія астрономіи привела къ философіи мистики. Вообще, со времени Цöльнера, спиритическій вопросъ въ Германіи породилъ цѣлую литературу.

Между тѣмъ публичные опыты Ганзена совершили переворотъ въ области животнаго магнетизма; послѣ столѣтняго игнорированія и осмѣянія, явленія, принадлежащія къ этой области, сдѣлались достояніемъ науки; признанныя нынѣ, во всей ихъ реальности, чудеса гипнотизма прокладываютъ путь къ признанію чудесъ медіумизма, и, быть можетъ, совпаденію этихъ обстоятельствъ мы и обязаны появленіемъ книги Гартмана, который на фактахъ умственнаго внушенія вообще, и внушенія галлюцинацій въ особенности, и основалъ главнымъ образомъ всю систему своихъ толкованій.

Моя подготовительная работа пригодилась и тутъ, ибо только въ моихъ нѣмецкихъ изданіяхъ Гартманъ и почерпнулъ тѣ факты, которые послужили ему для формулированія своего сужденія о спиритизмѣ, и онъ даже дѣлаетъ мнѣ честь рекомендовать мой журналъ для обстоятельнаго знакомства съ предметомъ. И когда Гартманъ начинаетъ свое сочиненіе съ того, что заявляетъ о необходимости научнаго изслѣдованія

---

[1]) Изъ нихъ изданы мною на русскомъ: „Индивидуализмъ въ свѣтѣ біологіи и современной философіи“ и „Человѣкъ, его сущность и назначеніе съ точки зрѣнія индивидуализма“.

медіумическихъ явленій и прямо требуетъ отъ правительства, чтобы оно назначило для сей цѣли научную комиссію, — я могу считать цѣль моей дѣятельности въ Германіи достаточно достигнутою, ибо имѣю основаніе надѣяться, что послѣ слова, сказаннаго столь вѣскимъ голосомъ въ пользу признанія необходимости подобнаго изслѣдованія, медіумическій вопросъ въ Германіи пойдетъ своимъ путемъ безостановочно; мнѣ же пора отойти въ сторону — продолжать свою посильную работу въ отечествѣ.

Но прежде чѣмъ мнѣ удалиться, я полагаю, будетъ не лишнимъ представить тѣ данныя и тѣ соображенія, которыя не позволяютъ мнѣ всецѣло согласиться съ толкованіями и заключеніями г. Гартмана, — которыя не только для Германіи, но и для всѣхъ интересующихся философскими вопросами должны имѣть особенное значеніе. И къ этому меня побуждаетъ совсѣмъ не то обстоятельство, что Гартманъ высказался совершенно *противъ* спиритической гипотезы, такъ какъ я, въ настоящее время, считаю вопросъ о теоріи, о толкованіи, *второстепеннымъ*, и, съ точки зрѣнія строго научной, *преждевременнымъ*. Самъ Гартманъ признаетъ это, говоря: „Имѣющійся на лицо матеріалъ до сихъ поръ рѣшительно недостаточенъ, чтобы считать вопросъ созрѣвшимъ для обсужденія“ („Спиритизмъ“, русск. перев., стр. 18). Моей постоянной программой были: *факты прежде всего* — ихъ признаніе, развитіе и изученіе, какъ таковыхъ, въ ихъ безконечномъ разнообразіи. Имъ суждено будетъ пережить, я полагаю, еще много гипотезъ, прежде чѣмъ какая-нибудь изъ нихъ перейдетъ въ общепризнанную положительную *истину*, но факты, твердо установленные, останутся на всегда. Уже двадцать три года тому назадъ въ нервомъ моемъ спиритическомъ изданіи я говорилъ: „Теорія и факты — двѣ разныя вещи, и недостатки первой никогда не уничтожатъ силы и достоинства послѣднихъ“. То же самое я высказалъ въ предисловіи къ моему русскому изданію опытовъ Крукса: „Спиритическіе факты не надо смѣшивать со спиритическими теоріями или ученіями. Первые устоятъ, вторые могутъ исчезнуть, измѣниться“ (стр. 4).

А въ предисловіи моемъ къ нѣмецкому изданію Крукса я прибавляю: „Изученіе этого вопроса, когда оно поступитъ наконецъ въ руки науки, будетъ имѣть, смотря по добытымъ результатамъ, нѣсколько актовъ:

Актъ первый—признаніе реальности медіумическихъ явленій.

Актъ второй — признаніе проявленія въ нихъ неизвѣстной силы.

Актъ третій — признаніе проявленія въ нихъ неизвѣстной разумной силы.

Актъ четвертый — разслѣдованіе источника этой силы; находится ли она внутри или внѣ человѣка,— субъективна она или объективна? Этотъ актъ будетъ *experimentum crucis* вопроса, — наукѣ придется произвести одинъ изъ торжественнѣйшихъ вердиктовъ, который когда-либо выпадалъ на ея долю. Если онъ будетъ утвердительнымъ въ послѣднемъ смыслѣ, тогда наступитъ

Пятый актъ — огромный переворотъ въ области науки о человѣкѣ.

Гдѣ мы находимся? Можемъ ли мы сказать, что мы уже при четвертомъ дѣйствіи? Я думаю, что нѣтъ, — что мы все еще присутствуемъ при прологѣ перваго акта, ибо даже вопросъ о признаніи фактовъ не находится въ рукахъ науки; она еще не хочетъ знать ихъ, какъ не хотѣла знать и фактовъ животнаго магнетизма. Поэтому мы еще далеки отъ истинной теоріи, а Германія въ особенности, такъ какъ развитіе фактической стороны вопроса такъ слабо въ ней, что ей вовсе не достаетъ поприща для экспериментальнаго изслѣдованія. Всѣ факты выдающагося порядка, на которыхъ Гартманъ строитъ свою аргументацію, добыты внѣ Германіи; самъ Гартманъ не имѣлъ случая наблюдать ихъ, и хотя онъ считалъ для себя достаточнымъ опираться на свидѣтельства другихъ, но никто не будетъ отрицать, что личный опытъ въ этомъ предметѣ имѣетъ существенное значеніе.

Вся его критика основана на условномъ допущеніи реальности принимаемыхъ въ спиритизмѣ фактовъ, за исключеніемъ матеріализацій; хотя уже и это произвольное исключеніе, ко-

торое не можетъ оставаться безъ возраженія, но и кромѣ матеріализаціи есть множество фактовъ, которые или остались Гартману неизвѣстными, или пройдены имъ молчаніемъ, или частности которыхъ были имъ недостаточно оцѣнены. Эти упущенія имѣли существенное вліяніе на правильность тѣхъ заключеній, къ которымъ онъ пришелъ. Считаю своимъ долгомъ на все это указать. Вмѣстѣ съ этимъ я воспользуюсь случаемъ, чтобы изложить и мои собственные взгляды на этотъ предметъ, сложившіеся послѣ долголѣтняго его изученія и до сего времени нигдѣ мною въ печати не высказанные.

ГЛАВА I.

МАТЕРІАЛИЗАЦІЯ.

A. Несостоятельность галлюцинаторной гипотезы Гартмана съ точки зрѣнія фактической.

Сочиненіе Гартмана не представляетъ, въ отношеніи теоретическомъ, ничего новаго: нервная сила, умственная передача мысли, сомнамбулизмъ, ясновидѣніе и, вообще, безсознательная психическая дѣятельность, уже съ самаго начала спиритическаго движенія, служили гипотезами для естественнаго объясненія медіумическихъ явленій. Только позже, когда начались явленія матеріализаціи, стали прибѣгать къ толкованію посредствомъ галлюцинацій. Главная заслуга труда Гартмана состоитъ въ томъ систематическомъ развитіи, которое онъ далъ этимъ способамъ толкованія, въ той методической классификаціи явленій, къ которымъ помянутыя гипотезы могутъ быть прилагаемы; онъ указалъ, при какихъ условіяхъ даннаго факта приложима данная гипотеза; какія требуются условія для допущенія другой гипотезы, и какія опять новыя условія для допущенія третьей, и т. д.

Полагая, что для нѣмецкихъ читателей моихъ, а также и для самого Гартмана было бы не безъинтересно познакомиться, хотя въ бѣгломъ очеркѣ, съ трудами тѣхъ, которые были его предшественниками въ этомъ направленіи, я и предпослалъ этой главѣ, въ нѣмецкомъ подлинникѣ, историческій обзоръ анти-спиритическихъ теорій, заканчивающійся пространными выписками изъ книги Дассьэ „О посмертномъ человѣче-

ствѣ“. Подробное изложеніе содержанія этого сочиненія, вмѣстѣ съ критикой притязаній и заключеній автора, были уже напечатаны мною въ „Ребусѣ“, а затѣмъ и изданы особой брошюрой подъ заглавіемъ „Позитивизмъ въ области спиритизма“; тамъ-же былъ помѣщенъ мною и краткій обзоръ анти-спиритическихъ теорій; хотя этотъ обзоръ въ отвѣтѣ моемъ Гартману гораздо подробнѣе, но останавливаться здѣсь на немъ и повторять выписки изъ книги Дассьэ будетъ, очевидно, излишнимъ.

Теоріи, посредствомъ которыхъ Дассьэ разсчитывалъ справиться съ спиритическими фактами, имѣютъ также явное сходство съ теоріями Гартмана. „Месмерическая личность“ перваго — это „сомнамбулическое сознаніе“ послѣдняго; гиперэстезія памяти, умственная передача мысли, ясновидѣніе — таковы общія орудія обоихъ противниковъ. Что же касается знакомства съ предметомъ и систематическаго развитія теоріи, то, разумѣется, книжечка Дассьэ не выдерживаетъ никакого сравненія съ сочиненіемъ Гартмана; но, съ другой стороны, гипотеза перваго, признавая реальное, т. е. объективное и независимое, хотя и временное, существованіе месмерической или флюидической личности, имѣетъ положительное преимущество надъ гипотезами послѣдняго; это даетъ автору возможность представить довольно удовлетворительное объясненіе всей той серіи явленій, такъ называемыхъ мистическихъ, для которыхъ теорія Гартмана является уже недостаточною.

Мнѣ не трудно было возражать Дассьэ, когда онъ говоритъ, „что призраки, вызываемые медіумомъ, даже и въ томъ случаѣ, когда они облекаются въ оптическую форму, ничто иное какъ галлюцинація“ (стр. 60, рус. изд.); съ его стороны это просто была логическая погрѣшность, ибо разъ признавши реальность флюидическаго призрака, а равно и факта его прижизненнаго появленія — видимаго и осязаемаго, ему уже не подобало говорить о галлюцинаціяхъ. Иное дѣло теорія Гартмана, который не признаетъ существованія флюидическаго человѣческаго существа или чего нибудь подобнаго. Онъ признаетъ фактъ появленія фигуры, но не признаетъ въ ней

объективной реальности; эта послѣдняя должна быть доказана иными путями, чѣмъ чувственныя воспріятія человѣка, которыя всегда могутъ быть обманчивы.

Я начну свой критическій разборъ воззрѣній Гартмана именно съ этой стороны вопроса, такъ какъ въ этомъ пунктѣ я расхожусь съ нимъ совершенно, и такъ какъ именно вопросъ о реальности этого явленія можетъ быть разрѣшенъ физическими средствами, и, даже при настоящемъ положеніи вопроса, совершенно положительно. Я утверждаю, что явленія, которыя принято называть въ спиритизмѣ „матеріализаціями“ не суть галлюцинаціи, не суть „продукты фантазіи безъ чувственной основы для воспріятія“, — какъ смотритъ на нихъ Гартманъ, опираясь на тѣ факты, которые были ему извѣстны,— но что это продукты, одаренные своего рода матеріальностью, хотя и преходящей, что это, выражаясь слогомъ Гартмана, объективно реальныя явленія съ чувственной основой для воспріятія. Гартманъ готовъ допустить эту реальность при достаточномъ доказательствѣ, и таковое, говоритъ онъ, можетъ представить намъ только фотографія, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы медіумъ и появляющаяся фигура были сняты одновременно. Въ послѣсловіи своемъ Гартманъ выражается еще опредѣленнѣе, и. такъ какъ онъ входитъ тутъ въ нѣкоторыя подробности, то я и считаю полезнымъ воспроизвести здѣсь это мѣсто:

„Вопросъ, въ высшей степени интересный теоретически, состоитъ въ томъ, можетъ ли медіумъ не только возбудить въ другомъ лицѣ опредѣленный образъ галлюцинаторно, но даже произвести таковой на самомъ дѣлѣ, какъ нѣчто реальное, хотя и состоящее изъ весьма тонкой матеріи, но тѣмъ не менѣе существующее на самомъ дѣлѣ въ объективно - реальномъ пространствѣ комнаты, гдѣ происходитъ засѣданіе — причемъ для такого образованія медіумъ выдѣляетъ вещество изъ своего собственнаго организма и формируетъ его въ опредѣленный видъ. Если бы была извѣстна максимальная сфера дѣйствій медіума и ея опредѣленная граница, за которую дѣйствіе не можетъ переступать, то доказательство объективной реальности

матеріализованныхъ фигуръ могло бы быть дано посредствомъ механическихъ дѣйствій съ остающимся результатомъ, — дѣйствій, происходящихъ внѣ сферы, доступной вліянію медіума; но такъ какъ, во-первыхъ, подобная граница еще неизвѣстна, и такъ какъ, во-вторыхъ, матеріализованныя фигуры, повидимому, никогда не удаляются отъ медіумовъ за предѣлы сферы его физическаго дѣйствія, то, мнѣ кажется, одна лишь фотографія можетъ служить доказательствомъ, что матеріализованное явленіе представляетъ поверхность, способную отражать свѣтъ и существующую въ объективно-реальномъ пространствѣ.

„Необходимое условіе для такого фотографическаго доказательства состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы къ фотографическому аппарату, къ кассеткѣ и къ пластинкѣ не допускался ни профессіональный фотографъ, ни медіумъ, — для того, чтобы исключить всякое подозрѣніе относительно подготовленія заранѣе кассетки или пластинки (еще не покрытой коллодіумомъ), а также и относительно какихъ-либо послѣдующихъ манипуляцій. Такія предосторожности, насколько я знаю, еще не были соблюдены, — по крайней мѣрѣ о нихъ не сообщается въ отчетахъ, а, слѣдовательно, важность ихъ не сознавалась тѣми лицами, которыми наблюденія были сдѣланы; безъ этихъ же предосторожностей тѣ негативы, на которыхъ медіумъ и фигура видны одновременно, не имѣютъ ни малѣйшей доказательности; и само собою разумѣется, что позитивные отпечатки такихъ пластинокъ или механическое воспроизведеніе съ нихъ изображеній еще тѣмъ менѣе доказательны. Только изслѣдователь, не возбуждающій ни малѣйшаго сомнѣнія, взявшій съ собою всѣ аппараты изъ своихъ собственныхъ запасовъ, принесшій ихъ туда, гдѣ происходитъ матеріализаціонный сеансъ и работавшій исключительно собственноручно, могъ бы дать положительное и доказательное рѣшеніе въ этомъ опытѣ первостепенной важности (experimentum crucis), и ни въ одномъ матеріализаціонномъ сеансѣ не слѣдуетъ упускать случая производить подобные опыты, гдѣ только возможно“. (Стр. 152, 153).

Не могу при этомъ не замѣтить, что какъ бы эти условія ни были соблюдены, со всѣми помянутыми предосторожностями, никогда „всякое подозрѣніе не будетъ исключено“, ибо значеніе подобнаго опыта всегда будетъ опираться на нравственномъ авторитетѣ экспериментатора, имѣющемъ обыкновенно вѣсъ только для небольшаго числа людей, знающихъ его лично. Догадкамъ и подозрѣніямъ не бываетъ границъ. Опыты въ этой области будутъ цѣниться только тогда, когда медіумическія явленія будутъ болѣе распространены и наконецъ всеобще признаны. Примѣромъ служитъ то, что совершается теперь съ гипнотизмомъ.

а) Матеріализація чувственно невоспріемлемыхъ объектовъ.— Трансцендентальная фотографія.

Спиритизмъ заставляетъ насъ различать двоякаго рода матеріализацію. Есть матеріализація *невидимая* для нормальнаго человѣческаго зрѣнія, съ единственнымъ намъ извѣстнымъ физическимъ свойствомъ, состоящимъ въ отраженіи или испусканіи свѣтовыхъ лучей, не дѣйствующихъ на нашу сѣтчатую оболочку, но дѣйствующихъ на чувствительную фотографическую пластинку; полученный такимъ путемъ результатъ я предлагаю называть *фотографіей трансцендентальной*, чѣмъ сразу опредѣляется понятіе, о какой фотографіи и о какихъ явленіяхъ идетъ рѣчь. И есть матеріализація *видимая*, съ такими ей присущими физическими свойствами, которыя вообще принадлежатъ человѣческому тѣлу. Я полагаю, что еслибъ намъ удалось доказать достовѣрность существованія первой, то мы пріобрѣли бы твердую основу для допущенія возможности второй; ибо разъ существенный фактъ возможности медіумическаго внѣтѣлеснаго образованія,— т. е. чего-то образующагося внѣ тѣла медіума, хотя и неуловимаго для нашего обыкновеннаго глаза, но, тѣмъ не менѣе, чего-то реальнаго, матеріальнаго, — будетъ установленъ, тогда признаніе видимой и осязаемой матеріализаціи будетъ уже только вопросомъ о степени матеріальности.

*

Вотъ почему я придаю исключительное значеніе фотографическимъ опытамъ, произведеннымъ г. Битти, въ Бристолѣ (Англія), въ 1872 и 1873 годахъ. Эти опыты, по обстановкѣ своей, вполнѣ отвѣчаютъ условіямъ, поставленнымъ Гартманомъ. Я зналъ лично г. Битти и получилъ изъ его рукъ коллекцію тѣхъ фотографій, о которыхъ буду говорить, и часть которыхъ прилагаю здѣсь въ 16-ти фототипіяхъ. Прежде онъ самъ былъ профессіональнымъ фотографомъ, но уже не былъ имъ, когда производилъ эти опыты.

Мы имѣемъ четыре документа, относящіеся до этихъ опытовъ. Первое письмо г. Битти, напечатанное въ „Британскомъ журналѣ фотографіи“ („British journal of Photography“), въ № отъ 28 іюня 1872 г., и также въ лондонскихъ „Фотографическихъ Новостяхъ“ („Photographic News“); оно перепечатано было въ „Medium“ѣ отъ 5 іюля 1872 г.; второе письмо г. Битти, самое пространное, напечатанное въ лондонскомъ журналѣ „Spiritualist“, отъ 15 іюля 1872 г.; третье письмо г. Битти, напечатанное въ „Британскомъ журналѣ фотографіи“, въ № отъ 22 августа 1873 г., перепечатанное въ лондонскомъ „Spiritual Magazine“ за ноябрь 1873 г. и въ „Medium“ѣ отъ 29 августа 1873 г.; и свидѣтельство постороняго лица, доктора Томпсона, постояннаго участника этихъ опытовъ, находящееся въ письмѣ, напечатанномъ въ лондонскомъ журналѣ „Human Nature“, 1874 г., стр. 890.

Прежде справимся о личности г. Битти, отвѣчаетъ ли она высказанному г. Гартманомъ требованію, чтобъ то былъ „пзслѣдователь, не возбуждающій ни малѣйшаго сомнѣнія“?

Вотъ отзывъ, который былъ данъ о немъ г. Тэйлоромъ, издателемъ „Великобританскаго Журнала Фотографіи“, въ № этого журнала отъ 12 іюля 1873 г., и который я заимствую изъ „Spirit. Magazine“ 1873 г., стр. 374: „Всякій, кто знаетъ мистера Битти, охотно засвидѣтельствуетъ, что онъ разсудительный, искусный и свѣдущій фотографъ; что онъ далеко не изъ числа тѣхъ людей, которыхъ было бы легко обмануть, особенно въ дѣлахъ, касающихся фотографіи, и совершенно неспособный обманывать другихъ; а между тѣмъ онъ высту-

паетъ съ сообщеніемъ объ опытахъ, произведенныхъ частью имъ, частью въ его присутствіи, и изъ этого сообщенія вытекаетъ (если только что-нибудь изъ него да вытекаетъ), что, въ концѣ концовъ, въ спиритической фотографіи что-то да есть,—что, по крайней мѣрѣ, фигуры и предметы, невидимые для находящихся въ мастерской и не вызванные самимъ операторомъ, проявились на пластинкѣ съ такою же, а иногда съ большею отчетливостью, чѣмъ сами сидѣвшіе предъ аппаратомъ". И таково было довѣріе къ г. Битти, что журналъ нисколько не затруднился напечатать у себя тѣ письма г. Битти, въ которыхъ онъ описываетъ свои странные опыты.

Первое письмо г. Битти было напечатано въ другомъ спеціальномъ англійскомъ журналѣ — „Фотографическихъ Новостяхъ", съ слѣдующей замѣткой отъ редакціи: „Мистеръ Битти, какъ многимъ изъ нашихъ читателей извѣстно, старый и чрезвычайно опытный фотографъ-портретистъ, и джентельменъ въ искренности и честности, а равно и въ искусствѣ котораго никому и въ голову не придетъ усомниться. Заинтересованный вопросомъ спиритизма и убѣжденный въ подложности всѣхъ видѣнныхъ имъ спиритическихъ фотографій, онъ рѣшился изслѣдовать этотъ предметъ собственнымъ опытомъ. Результатъ найдется въ его сообщеніи. Слѣдуетъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ опыты производились честными изслѣдователями, хорошо знакомыми съ фотографическими пріемами и случайностями, для своего собственнаго удовлетворенія, причемъ всякая возможность ошибки или обмана была тщательно устранена. Результатъ получился совершенно неожиданный, — изображенія вовсе не схожія съ тѣми обычными привидѣніями, которыя такъ тщательно воспроизводятся на подложныхъ спиритическихъ фотографіяхъ. Что касается до причины или источника этихъ изображеній, то мы не можемъ дать никакого объясненія". (Взято изъ „Medium"а, 1872 г., стр. 257).

Перейдемъ теперь къ описанію опытовъ словами самого Битти. Вотъ первая половина письма его въ „Британскій журналъ фотографіи", въ которомъ описываются начало и постановка опытовъ:

„Въ продолженіи многихъ лѣтъ мнѣ случалось тщательно наблюдать тѣ странныя явленія, которыя, за недавнимъ исключеніемъ, не считались въ научномъ мірѣ достойными изслѣдованія; но теперь они насильственно выдвинуты впередъ и взываютъ къ честной, точной провѣркѣ своего дѣйствительнаго существованія.

„Нѣсколько времени тому назадъ, г. Крукъ доказалъ, что при извѣстныхъ условіяхъ проявляется механическая сила, которую онъ назвалъ „новою“, и которой онъ далъ особое названіе.

„Если же ученіе о „единствѣ силы“ истинно, то, заполучивъ одну силу, мы имѣемъ и всякую; если также истинно, что мгновенно задержанное движеніе превращается въ тепло, свѣтъ и химическое дѣйствіе, и обратно—то въ силѣ, открытой и доказанной г. Круксомъ, мы имѣемъ заразъ источникъ и электрической и химической силы.

„Но я не одинъ изъ тѣхъ, кои полагаютъ, что всякое измѣненіе есть только результатъ силы, а не *цѣли*. Я поэтому вынужденъ къ моему понятію о силѣ присоединять элементъ разумности—сила, какъ таковая, не имѣетъ бытія отдѣльнаго отъ разумнаго начала. Опыты, которые я теперь намѣренъ описать, быть можетъ и не новы, но результаты ихъ (я не прибавляю: „если только они вѣрны“—*я знаю*, что они вѣрны) доказываютъ очень многое, а именно, что при данныхъ условіяхъ проявляется невидимая энергія, способная вызвать сильное химическое дѣйствіе; но это не все: эта самая энергія управляется разумностью иною, чѣмъ видимо присутствующихъ лицъ, такъ какъ вызванные образы не могли быть результатомъ мысли этихъ присутствующихъ.

„Безъ дальнѣйшихъ вступительныхъ словъ я перехожу къ описанію опытовъ.

„Я имѣю въ Лондонѣ пріятеля, который однажды, бывши у меня, показалъ мнѣ такъ называемыя „спиритическія фотографіи“. Я ему тотчасъ сказалъ, что онѣ не были таковыми, и пояснилъ ему, какимъ образомъ онѣ были сдѣланы; видя, однако, что многіе вѣрили въ возможность подобныхъ вещей,

я сказалъ, что не прочь сдѣлать нѣсколько опытовъ, такъ какъ я зналъ одного хорошаго „медіума“—г. Бутланда. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, онъ согласился удѣлить нѣкоторое время на попытку. Затѣмъ я условился съ г. Жости (фотографомъ въ Бристолѣ) относительно позволенія производить опыты въ его помѣщеніи послѣ 6 часовъ вечера, и заручился докторомъ Томсономъ и г. Томми въ качествѣ ассистентовъ. Всѣ манипуляціи я продѣлывалъ самъ, за исключеніемъ открыванія объектива—что дѣлалъ г. Жости.

„Камера, съ объективомъ Росса, была такого устройства, что можно было имѣть три негатива на одной пластинкѣ. Свѣтъ былъ затѣненъ, чтобы можно было продолжать выставку до четырехъ минутъ... Фонъ былъ обыкновенный, ежедневно употреблявшійся, темнокоричневый, и *стоялъ вплоть къ стѣнѣ*. Медіумъ сидѣлъ къ нему спиною, съ маленькимъ столомъ передъ собою. Д-ръ Томсонъ и г. Томми сидѣли съ одной стороны за тѣмъ же столикомъ, а я, во время выставки, съ другой“. (См. таблицу № 1, и другія).

Далѣе въ письмѣ слѣдуетъ описаніе опытовъ, но весьма краткое: поэтому я заимствую его изъ письма Битти въ „Спиритуалистѣ“, гдѣ оно гораздо подробнѣе.

„Первый сеансъ—девять выставокъ, безъ результата. Второй сеансъ, недѣлю спустя; результатъ при девятой выставкѣ; если бы ничего не получилось, мы рѣшались бросить дѣло; но при проявленіи послѣдней пластинки, *моментально выступило* какое-то изображеніе (имѣвшее неопредѣленное сходство съ человѣческой фигурой). Послѣ не малыхъ обсужденій, мы нашли, что полученный результатъ не можетъ быть отнесенъ ни къ одной изъ тѣхъ погрѣшностей, которыя столь обычны при фотографіи. Это побудило насъ продолжать опыты. Замѣчу между прочимъ, что г. Жости до этой самой минуты смѣялся при одной мысли объ этихъ опытахъ, хотя результатъ, полученный на второмъ сеансѣ, нѣсколько озадачилъ его.

„На третьемъ сеансѣ на первой пластинкѣ ничего не получилось; на второй же—результатъ при каждой выставкѣ; послѣ первыхъ двухъ—свѣтящійся бюстъ, со сложенными на-

крестъ и приподнятыми руками; послѣ третьей—то же изображеніе, но удлиненное; впереди фигуры и надъ нею какое-то странное колѣнчатое изображеніе, измѣняющееся въ размѣрѣ и положеніи при каждой выставкѣ на той же пластинкѣ. При слѣдующей съемкѣ фигура приближается къ человѣческой, а изображеніе надъ нею превращается въ звѣзду. Эта видимая эволюція продолжается еще при слѣдующихъ трехъ выставкахъ, и звѣзда получаетъ очертаніе головы. Покуда мы были заняты одною изъ выставокъ этой серіи, г. Жости сидѣлъ возлѣ камеры на стулѣ для открытія объектива. Мы вдругъ услыхали, что закрышка выпала у него изъ рукъ; взглянувъ, мы увидѣли, что онъ былъ въ глубокомъ трансѣ, изъ котораго онъ очнулся въ испугѣ и большомъ возбужденіи. Когда онъ нѣсколько успокоился, онъ сказалъ, что послѣднее, что помнитъ, это бѣлую фигуру передъ нами (и просилъ, чтобы мы тотчасъ освѣдомились о здоровіи его жены — ему казалось, будто это она стояла передъ нами). Послѣ этого инцидента, г. Жости былъ до того суевѣрно напуганъ, что не хотѣлъ даже дотронуться до камеры или кассетки; но за то онъ болѣе и не смѣялся.

„На четвертомъ сеансѣ получились еще болѣе удивительные результаты. Сперва мы получили изображеніе конуса длиною въ три четверти дюйма, съ болѣе короткимъ конусомъ надъ нимъ; при второй выставкѣ, эти изображенія испускаютъ лучи по сторонамъ; при третьей, большой конусъ принимаетъ форму флорентинской фляжки, а второй — образъ звѣзды; при четвертой выставкѣ появляются тѣ же изображенія, съ дубликатомъ звѣзды въ добавокъ; при пятой, результатъ таковъ, какъ еслибы зажженная проволока магнія была опущена въ каждое изъ этихъ изображеній—звѣзда превратилась какъ бы въ свѣтящуюся летающую птицу, а фляжку точно разорвало, это какъ бы взрывъ свѣта (См. табл. I фот. 1, 2, 3 и 4).

„На пятомъ сеансѣ у насъ было восемнадцать выставокъ, и безъ всякаго результата; день былъ очень сырой.

„На шестомъ сеансѣ, въ субботу, 15 іюня, мы получили

весьма странные результаты, какъ физическіе, такъ и спиритическаго характера. Я постараюсь въ точности описать ихъ. Двѣнадцать выставокъ не дали ничего. Затѣмъ г. Бутландъ и г. Жости впали въ трансъ, и отъ этого транса г. Жости въ теченіе всего вечера не могъ вполнѣ освободиться. Онъ повторялъ про себя: „что это такое!... Мнѣ нехорошо... Я точно связанъ“... Онъ явно испытывалъ тупое состояніе полутранса. При слѣдующей выставкѣ ему поручено было открыть объективъ. Сдѣлавъ это, онъ быстро подошелъ и сталъ позади насъ; это насъ удивило. Когда время истекло, онъ побѣжалъ и закрылъ объективъ. И на этой пластинкѣ выступила бѣлая фигура впереди его—видна только его голова. Но до сего времени онъ не хочетъ вѣрить, чтобы онъ вставалъ и стоялъ тамъ; онъ, очевидно, дѣйствовалъ по внушенію въ состояніи транса. При слѣдующемъ опытѣ г-жа Жости сидѣла съ нами, а д-ръ Томисонъ при объективѣ. Во время сидѣнія, г. Жости сказалъ: „Я вижу туманъ, совсѣмъ какъ лондонскій туманъ“. При передвиженіи пластинки для второй выставки, онъ сказалъ: „Теперь я ничего не вижу—все бѣло“, и онъ протянулъ руки, чтобы убѣдиться, что мы тутъ. При передвиженіи третьей части пластинки для третьей выставки, онъ сказалъ, что видитъ опять туманъ, а г. Бутландъ замѣтилъ: „я вижу фигуру передъ собою“. Прошу замѣтить, что *эти заявленія были сдѣланы во время выставокъ*. Какъ только я коснулся пластинки проявителемъ, результатъ оказался крайне, болѣе того, непостижимо страннымъ. Первая часть пластинки вышла покрытой ровной, полу-прозрачной туманностью, а нормальныя изображенія оказались нейтрализованными или уничтоженными; такимъ образомъ не только одно дѣйствіе было вызвано, но и другое было остановлено; на слѣдующей части пластинки туманность сдѣлалась совершенно непроницаемой; на третьей—легкая туманность и фигура, какъ видѣлъ г. Бутландъ. (См. таб. IV фот. 2 и табл. III фот. 4).

„На седьмомъ сеансѣ шестнадцать выставокъ дали только одинъ результатъ; какая-то фигура въ родѣ дракона; не понимаю ея значенія. Затѣмъ послѣдовала интересная серія, въ которой пластинки были покрыты странными огоньками, каж-

РУМЯНЦ... БИБЛІО... ТЕКА

дый разъ подробно описанными обоими медіумами во время выставки—относительно ихъ числа, мѣста и свѣтлости.

„Еще былъ послѣдній сеансъ, 22 іюня, на которомъ присутствовалъ г. Джонъ Джонсъ изъ Лондона. Г. Жости страдалъ сильной головной болью, а г. Бутландъ былъ очень утомленъ отъ дневныхъ занятій. Двадцать одна выставка, и только три результата: на одной только свѣтовое пятно, на другихъ двухъ точно вязанки или пучки, правильно сложенные, съ ясною чертою впереди и свѣтовыми лучами позади.

„Въ этомъ отчетѣ я далъ, на сколько могъ, какъ бы абрисъ нашихъ опытовъ. Во время ихъ производства многое случилось, что̀ надо было видѣть или слышать. Они были предприняты для нашего личнаго удовлетворенія. Всякія предосторожности противъ неумѣстнаго вмѣшательства были приняты. Мы вели свое дѣло внимательно, добросовѣстно. Результаты насъ хорошо вознаградили, еслибъ мы ничего болѣе и не получили. Я прилагаю вамъ при семъ серію этихъ фотографій. Я увѣренъ, вы тотчасъ же усмотрите ихъ огромное значеніе въ научномъ отношеніи. Допустимъ, что вмѣсто этихъ изображеній мы получили бы портреты; я очень опасаюсь, что какъ бы ни было высоко наше личное удовлетвореніе, но, въ такомъ случаѣ, посторонніе люди отнеслись бы къ нашимъ опытамъ иначе и мы напрасно бы надѣялись, чтобъ намъ повѣрили.

„На сколько видѣнныя мною до этого фотографіи подобнаго рода носили на себѣ самихъ доказательства того, какимъ образомъ онѣ были изготовлены, на столько, я надѣюсь, вы немедленно увидите, при тщательномъ разсмотрѣніи, что эти изображенія, въ цѣломъ своемъ составѣ, носятъ на себѣ самихъ доказательства ихъ страннаго и необычайнаго происхожденія. Въ продолженіе всѣхъ нашихъ опытовъ мы получали черезъ столикъ точныя указанія относительно свѣта, времени открытія и закрытія объектива. Всю фотографическую работу я дѣлалъ самъ. Изображенія выступали мгновенно, задолго до нормальныхъ; это указываетъ на особенную силу проявляющейся тутъ энергіи“.

Краткія свидѣтельства г. Томми, участника всѣхъ опытовъ,

и г. Джонса, бывшаго на одномъ сеансѣ, помѣщены въ „Medium“ѣ отъ 5 іюля 1872 г.

Въ третьемъ письмѣ своемъ, помѣщенномъ въ фотографическомъ журналѣ, въ 1873 году, г. Битти, послѣ интересной вступительной замѣтки, описываетъ новую серію опытовъ, произведенныхъ имъ въ этомъ году съ тѣми же участниками; результаты, въ общемъ, были однородны съ предшествовавшими; о тѣхъ же, которые представляли замѣчательныя особенности, я упомяну ниже на своемъ мѣстѣ.

Теперь я приведу здѣсь помянутое выше письмо д-ра Томпсона, написанное имъ по запросу сотрудника журнала „Human Nature“, въ 1874 г., слѣдовательно еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ наблюдавшихся явленій. Не говоря о томъ, что сообщеніе Томпсона весьма обстоятельно и пополняетъ описаніе г. Битти различными интересными подробностями, но какъ свидѣтельство постороняяго лица, постояннаго участника этихъ замѣчательныхъ опытовъ, и къ тому же опытнаго фотографа-любителя, оно имѣетъ въ данномъ случаѣ особенную цѣну. Поэтому я и цитирую его здѣсь цѣликомъ. Г. Томпсонъ пишетъ:

„Когда, года два тому назадъ, публика интересовалась предметомъ спиритическихъ фотографій, пріятель мой, г. Битти, обратился ко мнѣ съ просьбой пособить ему при нѣкоторыхъ опытахъ, имѣвшихъ цѣлью разрѣшить вопросъ о возможности подобнаго факта, такъ какъ все, что г. Битти видѣлъ до этого, носило на себѣ, болѣе или менѣе ясно, слѣды обмана. Эти опыты были предприняты нами единственно для нашего личнаго убѣжденія, ибо мы оба вообще интересовались спиритизмомъ, а этой отраслью въ особенности, такъ какъ каждый изъ насъ занимался фотографическимъ дѣломъ почти 30 лѣтъ,— г. Битти, когда былъ его главнымъ представителемъ въ Бристолѣ, а я какъ любитель.

„Одинъ общій другъ, благодаря медіумизму котораго мы часто бывали очевидцами различныхъ явленій транса, и на чью честность мы могли вполнѣ положиться, любезно предоставилъ себя въ наше распоряженіе. Мы начали наши опыты

въ серединѣ іюня 1872 г., собираясь разъ въ недѣлю въ шесть часовъ вечера (занятія медіума вынудили насъ остановиться на такомъ позднемъ часѣ). Объективъ, употреблявшійся нами, былъ отъ Росса съ фокуснымъ разстояніемъ въ 6 дюймовъ, а камера одна изъ тѣхъ, которыя употребляются при обыкновенныхъ фотографіяхъ маленькаго размѣра (такъ называемыхъ визитныхъ карточекъ), съ кассеткой, допускающей три снимка на одной пластинкѣ; серебряная ванна помѣщалась въ фарфоровомъ сосудѣ. Фонъ былъ обыкновенный, сдѣланный изъ холста, натянутаго на раму и окрашеннаго въ цвѣтъ средній между коричневымъ и сѣрымъ. Каждый сеансъ мы начинали съ того, что садились вокругъ маленькаго стола, который своими движеніями давалъ намъ указанія, какъ поступать. Слѣдуя этимъ указаніямъ, мистеръ Битти занимался приготовленіемъ и проявленіемъ большей части пластинокъ, тогда какъ я заправлялъ выставкой, продолжительность которой постоянно опредѣлялась движеніемъ стола, за которымъ сидѣли всѣ остальные, кромѣ меня.

„Пластинки вынимались изъ ванны (заготовленной для вечернихъ опытовъ), какъ придется, безъ всякаго опредѣленнаго порядка. Я считаю важнымъ упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ оно лучше всего опровергаетъ многія, если не всѣ, возраженія, приводимыя противъ неподдѣльности этихъ фотографій. Къ предосторожности въ выборѣ пластинокъ присоединилась еще и другая; медіумъ не вставалъ изъ-за стола, исключая только тѣхъ случаевъ, когда ему предписывалось присутствовать при проявленіи; такимъ образомъ знать какое именно изображеніе получится на данной пластинкѣ, если думать, что пластинки были заранѣе обработаны, — становилось совершенно не возможнымъ, а между тѣмъ, медіумъ описывалъ намъ эти изображенія въ мельчайшихъ подробностяхъ. Наши сеансы продолжались обыкновенно немного болѣе двухъ часовъ. При первомъ опытѣ мы сдѣлали девять выставокъ, не получивъ ничего необыкновеннаго.

„Недѣлю спустя мы снова собрались, но послѣ восьми, одинаково неуспѣшно сдѣланныхъ выставокъ, рѣшили прекра-

тить дальнѣйшіе опыты, если и девятый разъ не дастъ болѣе благопріятнаго результата. Но только что мы приступили къ проявленію девятой пластинки, какъ на ней почти мгновенно выступило какое-то странное очертаніе, довольно похожее на человѣческую фигуру въ наклонномъ положеніи. Когди мы собрались въ третій разъ, на первой пластинкѣ ничего не получилось, да и, вообще, почти на всѣхъ послѣдующихъ сеансахъ первыя выставки не представляли ничего особеннаго. Но на второй пластинкѣ, въ этотъ третій вечеръ, получилось замѣчательное изображеніе, похожее на очертаніе верхней половины женской фигуры; то же изображеніе, но болѣе удлиненное, получилось и на третьей пластинкѣ. Послѣ этого, вмѣсто очертаній головы, у насъ стали получаться все болѣе или менѣе звѣздообразныя фигуры. Въ началѣ нашего слѣдующаго сеанса у насъ было двѣнадцать неудачныхъ попытокъ, но затѣмъ, когда начались проявленія, мы увидали, что фигуры перемѣнили характеръ и стали принимать форму конуса или бутылки, становясь свѣтлѣе но мѣрѣ приближенія къ центру. Эти свѣтящіеся конусы появлялись неизмѣнно на лбу или на лицѣ медіума и сопровождались обыкновенно звѣздою или свѣтлымъ пятномъ надъ самой его головой. Въ одномъ случаѣ было двѣ такихъ звѣзды, изъ которыхъ одна была гораздо тусклѣе другой и частью исчезла за ней. Эти фигуры въ свою очередь уступили мѣсто другимъ, и конусы и звѣзды превратились какъ бы въ птицъ съ распущенными крыльями, а свѣтлые прежде края очертаній стали незамѣтно сливаться съ темнымъ фономъ.

„Въ слѣдующій вечеръ, когда мы опять собрались, двадцать одна выставка не дала никакого результата. Тутъ, въ первый разъ, медіумъ началъ говорить въ трансѣ и описывать видѣнное имъ въ то время, когда пластинки были еще въ камерѣ, и описанія его оказались вполнѣ согласными съ полученными потомъ изображеніями. Разъ онъ вдругъ воскликнулъ: „Я окруженъ густымъ туманомъ и ничего не могу видѣть“. При проявленіи пластинки, бывшей въ это время на выставкѣ, на ней ничего не было видно, вся поверхность была застлана

туманомъ. Вслѣдъ за этимъ онъ описалъ человѣческую фигуру, окруженную туманомъ и, проявляя пластинку, мы разглядѣли слабое, но вполнѣ явственное очертаніе, какъ бы женской фигуры. Другой разъ, въ прошломъ году, когда мнѣ случилось сидѣть за столомъ, онъ описалъ женскую фигуру, стоявшую подлѣ меня, очертанія которой ясно выступили при проявленіи. Начиная съ этого раза почти всѣ получаемыя изображенія были имъ описываемы во время выставки и всегда съ одинаковой точностью и подробностью. Въ прошедшемъ году явленія стали болѣе разнообразны по формѣ, чѣмъ прежнія, причемъ одно изъ самыхъ любопытныхъ представляло свѣтлую звѣзду, величиною съ трехпенсовую серебряную монету, въ серединѣ которой помѣщалось изображеніе бюста въ медальонѣ съ краями рѣзко обозначенными темной полосой; это явленіе тоже было описано медіумомъ.

„Въ теченіе этого же сеанса онъ вдругъ обратилъ наше вниманіе на яркій свѣтъ и указывалъ на него. Онъ удивлялся, что никто изъ насъ не видитъ этого свѣта. При проявленіи пластинки, на ней получилось свѣтовое пятно и палецъ медіума, указывающій на него.

„Разсматривая всю серію этихъ фотографій, нельзя не замѣтить, что большею частью представляемыя изображенія подвергаются точно постепенному развитію; начиная съ небольшой свѣтящейся поверхности, которая постепенно увеличивается въ размѣрѣ, они измѣняются и въ очертаніяхъ, причемъ это послѣднее измѣненіе часто происходитъ отъ сліянія двухъ, въ началѣ самостоятельныхъ, фигуръ.

„Въ продолженіи нашихъ опытовъ г. Битти часто обращалъ вниманіе на быстроту, съ которой эти фигуры выступали при проявленіи и притомъ гораздо раньше остальныхъ, нормальныхъ изображеній. Ту же особенность замѣтили и сообщили мнѣ и другія лица, занимавшіяся подобными же опытами.

„Нерѣдко въ концѣ сеанса, когда свѣта было уже очень мало, при проявленіи пластинокъ мы не замѣчали на нихъ ничего другого, какъ только отпечатки этихъ невидимыхъ для

насъ свѣтовыхъ образованій, обстоятельство, доказывающее, что свѣтовая сила, дѣйствовавшая на пластинку, хотя и не вліяла на глазъ нашъ, но была велика; въ сущности мы работали въ темнотѣ, такъ какъ видимый свѣтъ, отражавшійся предметами, находившимися въ комнатѣ, не производилъ на чувствительную пластинку никакого дѣйствія. Это обстоятельство навело меня на мысль постараться провѣрить, не имѣетъ ли ультрафіолетовый лучъ спектра какое нибудь вліяніе на происхожденіе подобныхъ изображеній; съ этой цѣлью я предложилъ, въ томъ направленіи, гдѣ медіумъ описывалъ появленіе свѣта, выставить бумагу, пропитанную какимъ нибудь веществомъ, обладающимъ флуоресценціей. Для этого я взялъ листъ пронускной бумаги и половину его напиталъ растворомъ хинина, оставивъ другую половину не тронутой, для того, чтобы лучше видѣть, какое дѣйствіе могло бы произойти вслѣдствіе присутствія хинина. Мнѣ не удалось быть на сеансѣ, на которомъ продѣлали этотъ опытъ, и который былъ нашимъ послѣднимъ; но г. Битти выставилъ бумагу, какъ было предложено мною, не получивши, однако, никакого результата“.

Какъ мы видимъ изъ предшествовавшаго, г. Битти, для производства своихъ опытовъ, составилъ небольшой пріятельскій кружокъ, изъ пяти лицъ всего, между которыми находился одинъ медіумъ, г. Бутландъ; слѣдуетъ замѣтить, что это не былъ медіумъ для физическихъ явленій и матеріализаціи, но медіумъ для транса (см. подробное письмо г. Битти, напечатанное въ „Спиритуалистѣ“, 15 іюля 1872 г.), слѣдовательно, медіумъ, у котораго подобныя явленія обыкновенно не происходятъ, и г. Битти, приглашая его, не имѣлъ никакихъ шансовъ для успѣха, не имѣлъ даже понятія о томъ, какого рода явленія могли бы произойти при данныхъ условіяхъ; поэтому и результаты получились, сравнительно говоря, слабые, неотчетливые; но для г. Битти, жившаго въ Бристолѣ, не было выбора, а такъ какъ г. Бутландъ былъ его короткій пріятель, то онъ и могъ разсчитывать на его любезность. Опыты состояли въ томъ, что кружокъ усаживался для сеанса за столикъ, напередъ установленный въ фокусѣ фотографическаго

аппарата, объективъ котораго, по данному столикомъ сигналу, открывался однимъ изъ участниковъ сеанса.

Оба письма, адресованныя Битти въ фотографическіе журналы, были помѣщены мною цѣликомъ въ „Ps. Studien“ (1878 г., стр. 337, и 1881 г., стр. 254); они поэтому не ускользнули отъ вниманія г. Гартмана, и онъ упоминаетъ объ нихъ на стр. 57 (рус. пер.); онъ называетъ эти явленія „свѣтовыми“ и приписываетъ ихъ „эфирнымъ вибраціямъ высшей преломляемости“. Но выраженіе „свѣтовое явленіе“ весьма неопредѣленно. Такъ, Гартманъ говоритъ далѣе: „Опредѣленныя формы обнаруживаются и въ медіумическихъ свѣтовыхъ явленіяхъ, но это большей частью (??), такъ сказать, формы кристаллическія или, по меньшей мѣрѣ, неорганическія, напр., кресты, звѣзды, свѣтлое поле съ мерцающими на немъ свѣтовыми точками или фигурами, имѣющими болѣе сходства съ электрическими фигурами изъ тонкаго порошка или звуковыми фигурами Хладни, чѣмъ съ органическими формами“ (стр. 62). Самъ Гартманъ фотографій г. Битти не видалъ, и на тѣ слова Битти, которыя не вяжутся съ его объясненіемъ и гдѣ говорится о человѣческихъ фигурахъ, онъ вниманія не обратилъ; но теперь, когда хоть часть упомянутыхъ фотографій мною увѣковѣчена и читателямъ моимъ доступна въ прилагаемыхъ фототипіяхъ, для всякаго становится очевиднымъ, что если мы и имѣемъ тутъ дѣло, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ бы съ „неорганическими формами“, то никакъ не съ кристаллическими и не съ электрическими или звуковыми фигурами, отличающимися правильностью и симметричностью, а въ другихъ случаяхъ, уже несомнѣнно имѣемъ дѣло съ такими образованіями, которыя стремятся принять форму органическую, именно — человѣческую. Достойно замѣчанія, что въ началѣ (см. первую таблицу фототипій) процессъ образованія имѣетъ два центра развитія; мы видимъ два свѣтящихся тѣла: одно образующееся въ области головы медіума, другое въ области груди. См. первую таблицу, гдѣ видѣнъ медіумъ сидящій по срединѣ; справа отъ него сидитъ г. Битти, а слѣва гг. Томпсонъ и Томми. На табл. II и III соединеніе частей повидимому

закончено, и мы видимъ формы, которыя нельзя сравнить ни съ чѣмъ инымъ, какъ съ формами человѣческими. Кромѣ того, г. Битти прямо говоритъ о сеансѣ, на которомъ „три выставки сряду дали изображеніе свѣтящагося бюста съ сложенными на-крестъ руками“ („Ps. Studien“ 1868 г., стр. 339), также и другія выраженія его, какъ-то, „процессъ развитія совершенной человѣческой фигуры“ (ibid.), „свѣтящійся образъ, опирающійся на одну сторону“ (см. фот. 10), „темная фигура съ длинными волосами, протягивающая руку свою“ (Ps. Stud.“ 1881 г., стр. 156—157),—не оставляютъ въ этомъ сомнѣнія. Г. Томпсонъ также говоритъ о получавшихся неоднократно изображеніяхъ человѣческой фигуры. Изъ этого мы можетъ заключить, что мы имѣемъ тутъ дѣло не просто съ „свѣтовымъ явленіемъ“, но съ образованіемъ какого-то вещества, невидимаго для нашего глаза, и которое либо само является источникомъ свѣта, либо отражаетъ на фотографической пластинкѣ такіе свѣтовые лучи („эфирныя вибраціи высшей преломляемости“), которые не дѣйствуютъ не сѣтчатую оболочку нашего глаза. Что тутъ идетъ дѣло о какомъ-то веществѣ, видно изъ того, что оно, или въ такой степени уплотненія, что совершенно закрываетъ участниковъ сеанса, или наоборотъ, въ такой степени разрѣженія, что фигуры лицъ, сидѣвшихъ за столомъ, и самый столъ просвѣчиваютъ сквозь появившееся изображеніе фигуры, какъ видно на табл. III фот. 1—3; эта прозрачность еще болѣе замѣтна на подлинныхъ фотографіяхъ. На той же таблицѣ фот. 4 участниковъ сеанса не видно, но на подлинникѣ ихъ легко разглядѣть. Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно явствуетъ, что это вещество одарено такою фото-химическою энергіею, что вызванныя ею изображенія „выступаютъ на пластинкѣ совершенно отчетливо, въ самый моментъ проявленія, между тѣмъ какъ всѣ остальныя, нормальныя изображенія выступаютъ позже—ихъ приходится выжидать“.

Но въ числѣ опытовъ Биттп есть одинъ, окончательно устанавливающій невозможность опредѣленія полученныхъ результатовъ общимъ выраженіемъ — „свѣтовыя явленія“, такъ какъ появившаяся на пластинкѣ форма — *черная*. Вотъ подлинныя слова Битти, изъ третьяго письма его:

„Послѣ разныхъ неудачъ я приготовилъ послѣднюю пластинку для вечера—было уже 7 час. 45 м. Какъ только все было готово, медіумъ заявилъ, что видитъ на заднемъ фонѣ темную, старческую фигуру, съ протянутой рукой; а другой, тутъ же присутствовавшій медіумъ, заявилъ, что видитъ свѣтлую фигуру — и каждый изъ нихъ описалъ позу этихъ фигуръ. При проявленіи этой пластинки выступили и описанныя фигуры, хотя слабо. Я не могъ ихъ отпечатать; поэтому я прежде перевелъ ихъ на прозрачный позитивъ, а потомъ уже на усиленный негативъ, съ котораго и могъ отпечатать ихъ. Вы можете видѣть, какой странный получился результатъ. Темная фигура носитъ, повидимому, характеръ шестнадцатаго столѣтія; она точно въ кольчугѣ и съ длинными волосами. Свѣтлая фигура неопредѣленна; въ сущности получилось только негативное изображеніе“ („Ps. Studien“ 1881 г., стр. 257).

Но это еще не все. Эти опыты дали другой, замѣчательный результатъ. Изображенія, о которыхъ мы пока говорили и которыя воспроизведены въ приложенныхъ фотографіяхъ, могутъ быть названы *самостоятельными* или оригинальными; но есть и другія, которыя можно называть *искусственными*. Такъ Битти сравниваетъ ихъ то съ „короной, украшенной мечеобразными спицами“, то съ „блестящимъ солнцемъ, внутри котораго виднѣется образъ головы“. Вотъ какъ онъ описываетъ послѣдній опытъ, въ третьемъ письмѣ своемъ:

„Слѣдующій и послѣдній, хотя и совершенно исключительный по результату опытъ, можетъ быть вкратцѣ описанъ такъ: при первой выставкѣ этого ряда получилась на негативѣ звѣзда; при второй — она же въ увеличенномъ видѣ; при третьей — она превращается какъ бы въ большое солнце, которое нѣсколько прозрачно; для руки въ него направленной оно горячо, какъ паръ изъ сосуда. При четвертой выставкѣ, медіумъ видитъ чудное солнце, которое въ серединѣ прозрачно; и тутъ выступаетъ профиль головы, „какъ на шиллингѣ“ (см. табл. IV, фот. 3 и 4). При проявленіи всѣ эти описанія оказались совершенно вѣрными“. („Ps. Studien“, 1881 г., стр. 257).

Я имѣю всю серію этихъ четырехъ фотографій. На первой виднѣется, надъ головою медіума, свѣтящееся тѣло величиною съ маленькую горошину; на второй оно втрое больше, и принимаетъ очертанія притупленнаго креста, величиною въ полтора сантиметра; видна рука медіума, приподнятая къ этому свѣтящемуся тѣлу; на третьей оно принимаетъ овальную форму такой же величины съ равнымъ фономъ и выступомъ вокругъ; на четвертой — овальная форма еще правильнѣе, она походитъ на овальную рамку изъ короткихъ свѣтовыхъ зубчиковъ, имѣетъ въ ширину полтора, а въ длину два сантиметра, а въ фонѣ рамки, нѣсколько болѣе темномъ, длиною въ одинъ сантиметръ, рисуется въ профиль головы, „какъ на шиллингѣ“.

Общее заключеніе, къ которому приходитъ г. Битти, таково:

„На основаніи помянутыхъ опытовъ можно считать доказаннымъ, что есть въ природѣ какая-то тонкая, эфирная субстанція, которая, при нѣкоторыхъ условіяхъ, сгущается, и въ этомъ состояніи дѣлается видима для сенситивовъ; и когда испускаемые ею лучи касаются чувствительной пластинки, то сила ея выбрацій такова, что вызываетъ могущественную химическую реакцію, каковую могло бы вызвать только самое сильное солнечное дѣйствіе. Мои опыты доказываютъ и нѣчто бо̀льшее, а именно, что есть личности, нервная организація которыхъ такова, что служитъ ближайшей (въ физическомъ смыслѣ) причиной этого явленія, и что въ ихъ присутствіи образуется такого рода реальныя формы, которыя доказываютъ существованіе невидимой разумной силы. Но на страницахъ вашего журнала этотъ вопросъ долженъ оставаться чисто физическимъ. Фактъ тотъ, что при фотографированіи группы лицъ, на пластинкѣ получались туманныя изображенія опредѣленнаго вида и характера. Они указываютъ на длину, ширину и толщину снимавшихся формъ; эти формы имѣютъ собственный свѣтъ и не бросаютъ тѣни; онѣ указываютъ на цѣль; онѣ таковы, что поддѣлать ихъ было бы довольно легко, но врядъ ли кому пришло бы въ голову ихъ придумывать“ (Изъ письма Битти въ „Фотографическихъ новостяхъ“, отъ 2-го

августа 1872 г., цитируемаго въ „Spiritual Magazine“, 1872 г., стр. 407).

Въ концѣ своего письма, помѣщеннаго въ „Спиритуалистѣ“, Битти высказываетъ тѣ же заключенія и прибавляетъ: „Эта субстанція въ рукахъ невидимыхъ и разумныхъ существъ принимаетъ различныя формы, подобно глинѣ въ рукахъ художника; каковыя формы или фигуры, будучи выставлены передъ объективомъ, могутъ быть фотографированы — будутъ ли то изображенія человѣческихъ существъ или чего другого. Людьми, глазъ которыхъ способенъ воспринимать подобныя впечатлѣнія, эти формы могутъ быть описаны въ точности, прежде чѣмъ онѣ станутъ доступны для обыкновеннаго глаза на проявленной пластинкѣ“.

Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ объ участіи „невидимыхъ разумныхъ существъ“, которое можетъ быть оспариваемо, и остановимся на томъ неоспоримомъ фактѣ, который намъ доказанъ путемъ фотографическимъ, а именно, что при нѣкоторыхъ медіумическихъ условіяхъ могутъ происходить невидимыя для простого глаза, но матеріальныя образованія, носящія характеръ разумной силы, направленной къ опредѣленной цѣли, причемъ процессъ постепеннаго развитія даннаго типа очевиденъ.

Необходимо замѣтить здѣсь, что фактъ этотъ намъ доказанъ *вдвойнѣ*; ибо, съ одной стороны, явленіе въ моментъ своего происхожденія замѣчается и описывается сенситивными личностями кружка, а фотографія, съ своей стороны, даетъ вещественное доказательство реальности видѣнныхъ ими явленій и правильности данныхъ ими описаній. И Гартманъ не отрицаетъ этого факта (стр. 57). Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь начало требуемаго Гартманомъ доказательства, чтобы на фотографіи былъ одновременно снятъ и медіумъ и появившаяся фигура. Безъ этого фотографическаго результата Гартманъ имѣлъ бы полную возможность отнести и эти видѣнія медіумовъ къ области галлюцинацій, какъ онъ тотчасъ и дѣлаетъ при всякомъ другомъ случаѣ. Вотъ, напр., выраженія его, которыя онъ не преминулъ бы приложить и къ заявле-

ніямъ медіумовъ Битти, не будь тутъ фотографіи: „Если медіумъ будетъ имѣть иллюзію, что у него изъ-подъ ложечки выходитъ туманъ, и изъ этого развивается образъ духа, то и очарованному зрителю явится та-же самая галлюцинація“ (119). Но такъ какъ мы имѣемъ теперь доказательство, что въ многочисленныхъ случаяхъ, описанныхъ у Битти, это не были галлюцинаціи, то мы пріобрѣли тутъ *фактъ величайшаго значенія,* къ которому мы въ свое время и возвратимся. Вмѣстѣ съ симъ необходимо замѣтить и то, что тотъ же фактъ доказываетъ, что полученный на фотографической пластинкѣ результатъ не могъ бы быть приписанъ исключительно дѣйствію „системы линейныхъ силъ“, исходящему изъ медіума (какъ Гартманъ объясняетъ медіумическіе отпечатки органическихъ тѣлъ) и дѣйствующему единственно на поверхность пластинки, но что здѣсь слѣдуетъ признать наличность реальнаго объекта, бывшаго причиной полученнаго результата.

Очень замѣчательно также и заключеніе г. Битти, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ невидимымъ *искусственно обработаннымъ веществомъ,* ибо это же самое заключеніе было выведено изъ безчисленныхъ наблюденій надъ явленіемъ видимой матеріализаціи; между тѣмъ, когда Битти былъ приведенъ къ этому заключенію въ 1872 г., явленіе видимой матеріализаціи человѣческихъ лицъ, а затѣмъ и всего тѣла, только что начало развиваться. Впослѣдствіи, когда мы будемъ о немъ говорить, мы будемъ имѣть случай и оцѣнить значеніе этого вывода.

И г. Битти не былъ единственнымъ лицомъ, которое, вслѣдствіе доходившихъ изъ Америки сенсаціонныхъ извѣстій о такъ называемыхъ спиритическихъ фотографіяхъ, пожелало провѣрить этотъ фактъ личнымъ, домашнимъ опытомъ. Въ англійскихъ журналахъ 1872 и 1873 годовъ („Medium“, „Spiritual Magazine“ и „Spiritualist“) встрѣчаются многочисленныя извѣстія о подобныхъ опытахъ, пропзведенныхъ частными лицами для ихъ личнаго удовлетворенія. Первыя фотографіи этого рода были получены *г. Гутпи,* авторомъ сочиненія „Mary Jane“, о которомъ я говорилъ въ историческомъ обзорѣ, помѣщенномъ въ нѣмецкомъ изданіи настоящей книги. Ме-

діумомъ въ этомъ случаѣ была его жена, медіумическія способности которой были въ то время уже давно извѣстны; см. объ этихъ опытахъ „Spir. Mag.“ 1872 г., стр. 154, и ихъ описаніе у Уалласа, который хорошо былъ знакомъ съ г. и г-жей Гуппи (см. его „Защиту новѣйшаго спиритуализма“ русскій перев., стр. 50—51). Затѣмъ производили подобные же опыты: *Г. Ривсъ* (Reeves), который, при началѣ ихъ, не имѣлъ даже никакого понятія о фотографическомъ искусствѣ; онъ также получилъ изображенія неодушевленныхъ предметовъ и человѣческихъ фигуръ („Spir. Mag.“, 1872 г., стр. 266 и 409); журналъ упоминаетъ о 51 фотографіи этого рода; *г. Парксъ* (Parkes), объ опытахъ котораго интересныя подробности помѣщены въ спеціальномъ трактатѣ объ этомъ предметѣ, напечатанномъ въ журналѣ „Human Nature“, 1874 г., стр. 145—157, и въ „Спиритуалистѣ“ 1875 г. (т. VI, 162—165, и т. VII, стр. 282 — 285); *г. Россель* (Russel), который дѣлалъ опыты съ лицами своего семейства, а также и съ профессіональными медіумами въ своемъ домѣ („Spir. Mag.“, 1872 г., стр. 407); *г. Слэтеръ* (Slater), лондонскій оптикъ; его субъектами были также члены его семейства и всѣ манипуляціи онъ производилъ самъ; см. его заявленіе въ „Medium“ѣ 1872 г., стр. 239 и др.; ниже намъ придется поговорить о немъ подробнѣе; и наконецъ *г. Уильямсъ* (Williams), магистръ правъ, докторъ философіи, объ опытахъ котораго Уалласъ упоминаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Не менѣе удовлетворительное подтвержденіе было получено другимъ любителемъ, г. Уильямсомъ, послѣ полуторагодовыхъ попытокъ. Въ прошломъ году ему посчастливилось получить три фотографіи — каждая съ частью человѣческой фигуры возлѣ позировавшаго, изъ которыхъ одна имѣла явственно обрисованныя черты лица. Позже была получена еще фотографія съ хорошо очертанным образомъ мужчины, стоявшимъ сбоку позировавшаго; но при промывкѣ негатива изображеніе это исчезло. Г. Уильямсъ удостовѣряетъ меня письменно, что при этихъ опытахъ не было мѣста для обмана или для произведенія полученныхъ изображеній какими бы то ни было извѣстными способами“ („Защита новѣйшаго спиритуализма“, стр. 54.)

Нельзя не упомянуть здѣсь о личномъ опытѣ редактора „Великобританскаго Журнала Фотографіи“ — г. Тейлора. Но такъ какъ это свидѣтельство принадлежитъ человѣку, который не только стоялъ внѣ всякихъ спиритическихъ занятій и тенденцій, но даже съ самаго начала клеймилъ все дѣло „спиритическихъ фотографій“ постыднымъ шарлатанствомъ, то мы и воспроизведемъ здѣсь это свидѣтельство цѣликомъ. Онъ отправился къ профессіональному лондонскому фотографу Гудзону, который слылъ также и спиритическимъ фотографомъ. Всю операцію онъ продѣлалъ самъ, съ своими собственными пластинками, и получилъ несомнѣнные результаты. Вотъ его слова:

„Разъ фактъ признается, является вопросъ: какимъ способомъ возникаютъ эти изображенія на пластинкѣ, покрытой коллодіумомъ. Первая мысль—приписать ихъ двойной выставкѣ со стороны фотографа Гудзона. Но тутъ представляется трудность: присутствіе самого Гудзона при этомъ вообще не необходимо; справедливость требуетъ сказать, что когда мы находились въ его помѣщеніи для производства опытовъ, имѣвшихъ цѣлью разрѣшеніе вопроса объ истинѣ такъ называемыхъ спиритическихъ фотографій, его темная комната была въ нашемъ полномъ распоряженіи, мы употребляли свой коллодіумъ и свои пластинки, и что во время всѣхъ иригтовленій, выставокъ и проявленій, г. Гудзонъ всегда держался на разстояніи до десяти футовъ отъ снаряда или темной комнаты. Что на нѣсколькихъ пластинкахъ получились какія-то необыкновенныя изображенія — это несомнѣнно; но какая бы ни была причина ихъ возникновенія — о чемъ мы теперь и говорить не намѣрены — одно можно сказать: самъ фотографъ тутъ ни при чемъ. Также и толкованіе, что это могло быть результатомъ прежде употреблявшихся пластинокъ, въ этомъ случаѣ вовсе не примѣнимо, ибо пластинки были совершенно новыя и были получены отъ фирмы Ручъ и К°, всего за нѣсколько часовъ до ихъ употребленія; не говоря уже о томъ, что онѣ были у насъ постоянно подъ глазами, даже и сама пачка ихъ была распечатана только при началѣ опыта“. („Великобрит.

Журн. Фотографіи“, отъ 22 авг. 1873 г., цитир. въ „Spirit. Mag.“ 1873 г., стр. 374).

Къ этому же времени относятся опыты г. Реймерса, происходившіе въ его частномъ кружкѣ, причемъ всѣ маниуляціи были произведены имъ самимъ, и получившіеся результаты оказались вполнѣ согласными какъ съ сенситивными наблюденіямн медіума во время выставки, такъ и съ наблюденіями самого Реймерса во время тѣхъ матеріализаціонныхъ сеансовъ, на которыхъ наблюдалось ноявленіе той же самой фигуры, что и на фотографіи („Spiritualist“, 1874 г. I, 238. „Psych. Stud.“ 1874 г. стр. 546; 1876 г., стр. 489; 1879 г., стр. 399).

Мнѣ остается упомянуть еще о подобнаго же рода опытахъ, произведенныхъ г. Даміани въ Неаполѣ. Онъ сообщаетъ: „Одинъ молодой нѣмецкій фотографъ, увидавши мою коллекцію сппритическихъ фотографій, былъ этимъ такъ удивленъ, что предложилъ мнѣ продѣлать нѣсколько опытовъ на террасѣ моего дома, если только я возьму на себя пригласить для сей цѣли кого нибудь изъ медіумовъ. Его предложеніе было принято, и въ половинѣ октября у меня было на-готовѣ шесть медіумовъ: баронесса Черрашика, маіоръ Виджиланте, каноникъ Фіоре, и еще три женскихъ медіума. На первой пластинкѣ получился свѣтовой столбъ; на второй — свѣтовой шаръ, надъ головой одного изъ женскихъ медіумовъ; на третьей — тотъ же шаръ съ нятномъ въ серединѣ; на четвертой — пятно сдѣлалось явственнѣе; на пятой и послѣдней, въ серединѣ свѣтового пятна виднѣлось нѣчто въ родѣ головы“ („Spirit.“, дек. 3, 1875 г.) Здѣсь легко узнать тѣ же характерныя черты явленія, какія получались при опытахъ Битти.

Мнѣ, понятно, невозможно входить во всѣ частности опытовъ, о которыхъ я здѣсь упомяиулъ. Пришлось бы написать цѣлую книгу. Для нашей цѣли совершенно достаточно опытовъ Битти, ибо мы имѣемъ здѣсь всѣ документы на лицо и способъ ихъ исполненія отвѣчаетъ всѣмъ условіямъ, какія только самая строгая критика могла бы потребовать. Эти опыты не имѣли другой цѣли, какъ личное убѣжденіе человѣка просвѣщенаго и любознательнаго, бывшаго, сверхъ того, мастеромъ

фотографическаго дѣла; изъ полученныхъ результатовъ онъ никакого гешефта не сдѣлалъ; эти фотографіи никогда въ продажѣ не были; всѣ ихъ серіи были отпечатаны только въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ для раздачи между интересующимися этимъ вопросомъ, и, какъ мы надѣемся, сохраняются также въ архивахъ редакцій фотографическихъ журналовъ, которымъ онѣ были доставлены г. Битти при статьяхъ его. Неудивительно поэтому, что объ нихъ мало знаютъ, и что теперь онѣ почти забыты въ спиритизмѣ, такъ какъ весь интересъ, весьма понятно, сосредоточился на явленіяхъ видимой матеріализаціи. Будучи въ 1873 году въ Лондонѣ, я нарочно ѣздилъ въ Бристоль, чтобы познакомиться съ г. Битти, такъ какъ придавалъ полученнымъ имъ результатамъ большое значеніе, и онъ былъ такъ любезенъ, что далъ мнѣ 32 штуки изъ имѣвшихся у него фотографій. Было бы весьма полезно, для изученія предмета, воспроизвести фототипически всѣ серіи опытовъ Битти въ ихъ хронологическомъ порядкѣ; онъ самъ говоритъ: „Фотографіи эти должны, для настоящаго ихъ пониманія, быть разсматриваемы въ ихъ серіяхъ; удивителенъ въ нихъ именно процессъ развитія“. Къ сожалѣнію, я не имѣю полнаго экземпляра, а находящіяся у меня я не догадался отмѣтить по порядку, по указаніямъ Битти; съ его помощью я легко могъ бы сдѣлать это, но, къ сожалѣнію, его нѣтъ болѣе въ живыхъ. Поэтому, изъ имѣющихся у меня на лицо я выбралъ шестнадцать, которыя я подобралъ, придерживаясь порядку ихъ серій и руководствуясь ихъ описаніемъ въ напечатанныхъ статьяхъ; мнѣ кажется, однако, что строго хронологическій порядокъ не представляетъ здѣсь существенной важности, такъ какъ степени и фазы развитія даннаго типа не подчинены безусловно, какъ мы видимъ изъ описанія, послѣдовательности во времени, но наличнымъ, болѣе или менѣе различнымъ или благопріятнымъ условіямъ даннаго опыта.

Я потому такъ распространился объ опытахъ Битти, что добытые имъ результаты я считаю краеугольнымъ камнемъ всей феноменальной области медіумической матеріализаціи, вообще, и трансцендентальной фотографіи въ особенности; въ

области этой послѣдней намъ предстоитъ увидать еще другія замѣчательныя фазы ея развитія.

Когда печатаніе перваго изданія настоящей книги приведено было къ концу, я узналъ, что названный выше редакторъ „Британскаго Журнала фотографіи“ („British Journal of Photography“), Traill Taylor, произвелъ въ 1893 году съ однимъ медіумомъ еще рядъ опытовъ по части фотографіи *„невидимаго“*, которые увѣнчались замѣчательнымъ успѣхомъ, о чемъ онъ и сообщилъ въ своемъ журналѣ, въ № отъ 17 марта 1893 года, въ статьѣ, озаглавленной „Спиритическая Фотографія“. Полученные имъ результаты вполнѣ подтвердили возможность всего сказаннаго мною выше по этому предмету. Фотографія даетъ намъ неоспоримое доказательство, что *не все* въ медіумическихъ явленіяхъ чисто *субъективнаго характера*, но что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ и *объективное реальное содержаніе*. Отсюда посылка громадной важности о возможности объективно-реальнаго существованія формъ и сущностей невидимаго міра, одаренныхъ разумностью. Вотъ почему фотографіи, полученныя покойнымъ Битти въ 1872 г. и названныя мною трансцендентальными, я призналъ краеугольнымъ камнемъ въ этомъ вопросѣ; съ нихъ я и приступилъ къ своей работѣ. Въ ту пору этотъ же самый Тэйлоръ, руководствуясь только глубокимъ убѣжденіемъ въ совершенной честности Битти и его полной компетентности по части фотографіи, не задумался помѣстить въ своемъ журналѣ сообщеніе Битти о полученныхъ имъ удивительныхъ результатахъ. И вотъ двадцать лѣтъ спустя, самъ Тэйлоръ имѣлъ случай произвести подобные же опыты, вполнѣ подтвердившіе биттивскіе. Нечего говорить о томъ, что опыты Тэйлора, какъ знатока своего дѣла, были произведены при условіяхъ абсолютной доказательности; поэтому заявленіе столь авторитетнаго голоса въ пользу фактической достовѣрности такъ называемой „спиритической фотографіи“ нельзя не считать рѣшающимъ (Подробности см. въ журналѣ Стэда „Borderland“, 1894 г., стр. 249 и слѣд.).

Фотографическіе опыты г. Битти, взятые въ совокупности, доказываютъ намъ, что во время медіумическихъ сеансовъ

происходятъ не только *умственныя явленія* извѣстнаго порядка — что̀, впрочемъ, критика вообще и допускаетъ — но что при этомъ имѣютъ мѣсто и явленія *матеріальнаго характера*, въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. объективныя явленія, съ различными атрибутами и степенями матеріальности, въ чемъ и вся суть спорнаго вопроса; въ первоначальномъ видѣ своемъ эта матерія представляется какъ бы облачнымъ свѣтящимся испареніемъ, которое мало-ио-малу сгущается и принимаетъ затѣмъ все болѣе и болѣе опредѣленныя формы— какъ это было наблюдаемо и заявляемо многими сенситивными лицами или ясновидящими, и какъ это повторилось и съ медіумами г. Битти. Въ послѣднемъ развитіи своемъ, эта матерія принимаетъ, въ помянутыхъ опытахъ, такія формы, которыя нельзя не назвать человѣческими, но которыя еще далеко не отчетливы. Что мы, дѣйствительно, имѣемъ тутъ дѣло съ формами человѣческими, мы получимъ тому доказательство въ дальнѣйшемъ развитіи этого явленія, представляемаго намъ трансцендентальной фотографіей. Но я не долженъ забывать, что, отвѣчая г. Гартману, я имѣю и далѣе придерживаться тѣхъ трудныхъ и строгихъ, хотя и совершенно раціональныхъ условій, которыя имъ поставлены для признанія несомнѣнности явленія.

Къ счастью, мы можемъ идти далѣе при требуемыхъ условіяхъ и при столь же удовлетворительныхъ, какъ и тѣ, при которыхъ происходили опыты г. Битти.

Переходной ступенью между человѣческой фигурой неопредѣленной формы и таковой же совершенно опредѣленной является опредѣленная матеріализація какой-либо части человѣческаго тѣла. Мы знаемъ, что явленіе видимой матеріализаціи, при самомъ началѣ спиритическаго движенія, состояло въ моментальномъ появленіи и исчезновеніи человѣческихъ рукъ, видимыхъ, осязаемыхъ и пропзводящихъ различныя движенія неодушевлепныхъ предметовъ. Гартманъ относитъ это явленіе къ области галлюцинаціи. Но вотъ, на таблицѣ V фототипическій оттискъ съ фотографическаго изображенія невидимой для присутствующихъ руки, полученнаго нашимъ извѣстнымъ

зоологомъ, профессоромъ здѣшняго университета, Н. П. Вагнеромъ. Привожу здѣсь выдержку изъ статьи, помѣщенной имъ въ газетѣ „Новое Время“, отъ 5 февраля 1886 г., подъ заглавіемъ: „Теорія и дѣйствительность“, именно по поводу печатавшагося въ „Ребусѣ“ перевода сочиненія Гартмана о спиритизмѣ. Профессоръ Вагнеръ говоритъ:

„По поводу объективныхъ доказательствъ, требуемыхъ Гартманомъ для матеріализаціи цѣльныхъ фигуръ, я считаю теперь не лишнимъ привести мой собственный опытъ надъ фотографированіемъ медіумическихъ явленій, опытъ, который былъ сдѣланъ мною пять лѣтъ тому назадъ.

„Въ то время я былъ сильно занятъ реальнымъ подтвержденіемъ моей теоріи гиннотическихъ явленій, высказанной мною въ трехъ публичныхъ чтеніяхъ. По этой теоріи психическая сила каждаго индивида и его воля, если не совершенно идентичны, то весьма тождественны. Воля гипнотизера, усыпляя гипнотика, освобождаетъ его волю и распоряжается по своему произволу этой волей и всѣмъ механизмомъ его физическаго организма. Я предполагалъ, что выдѣляющаяся изъ субъекта вмѣстѣ съ волей психическая индивидуальность организма можетъ принять невидимый для экспериментатора, но реальный образъ, который въ состояніи будетъ уловить фотографическая пластинка, такъ какъ она составляетъ аппаратъ болѣе чувствительный къ свѣтовымъ явленіямъ, чѣмъ нашъ глазъ. Я не буду описывать весь ходъ неудачныхъ опытовъ, сдѣланныхъ мною съ этой цѣлью. Я опишу здѣсь только одинъ опытъ, давшій совершенно неожиданный результатъ.

„Субъектомъ для этихъ опытовъ послужилъ медіумъ Е. Д. Прибыткова, любезности которой я такъ много обязанъ при большинствѣ моихъ медіумическихъ опытовъ. Опытъ былъ сдѣланъ у меня на дому. Мною было, наканунѣ опыта, приготовлено семь фотографическихъ пластинокъ. Всѣ онѣ были облиты коллодіальной эмульсіей. Камера, употребляемая мною Л. В. Варнерке, стереоскопическая, работы Дальмейера. Я употребляю не простую, а стереоскопическую камеру для того, чтобы двойныя изображенія взаимно контролировали другъ

друга такъ, чтобы можно было узнать всѣ случайныя пятна, которыя появятся на пластинкѣ при проявленіи негатива. Камера, которую я употребляю, такихъ размѣровъ, которые очень рѣдко употребляются фотографами въ Россіи. Вслѣдствіе этого мнѣ необходимо каждый разъ, какъ мнѣ понадобятся новыя пластинки, заказывать ихъ у фотографа или стекольщика, и они вырѣзываютъ ихъ изъ цѣльнаго стекла, которое еще ни разу не служило для фотографическихъ манипуляцій.

„Я описываю всѣ эти подробности для того, чтобы показать всѣмъ тѣмъ, которые, подобно Гартману, пожелаютъ наставлять въ сниманіи медіумическихъ фотографій, что мною были употреблены такія предосторожности, которыя каждый физикъ и фотографъ сочтутъ достаточными, и о которыхъ, вѣроятно, не имѣетъ никакого понятія знаменитый нѣмецкій философъ.

Посредствомъ психографіи намъ было указано утро, въ которое должепъ быть произведеиъ опытъ, указано число пластинокъ, которыя должны быть выставлены и, наконецъ, сказано, что медіумическое изображеніе получится на третьей пластинкѣ.

„Кромѣ Е. Д. Прибытковой, я пригласилъ къ себѣ другого гиинотическаго субъекта, воспитанника одноіі изъ здѣшнихъ гимназій, съ которымъ мы производили весьма удачные гипнотическіе опыты. Я пригласилъ его съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы попробовать имъ замѣнить Е. Д. Прибыткову, въ случаѣ утомленія или какого-нибудь нервнаго разстройства съ ея стороиы. Кромѣ этого субъекта, мною былъ ирпглашенъ мой близкій знакомый, съ которымъ мы часто дѣлали гипнотическіе опыты, М. П. Гедеоновъ. Онъ былъ необходимъ для усыпленія медіума. Наконецъ, мною былъ прпглашенъ мой школьный товарищъ, занимающійся фотографіей, Вл. Ив. Якобій. Всѣ ирнглашениыя лица явились къ назначенному часу, утромъ, въ полдень, и мы почти тотчасъ же приступили къ опыту. Мы заперлись въ большой комнатѣ съ двумя окнами, въ которую вела одна дверь. Мы посадили медіума прямо противъ окна, и г. Гедеоиовъ довольно быстро простыми пас-

сами погрузилъ его въ гипнотическій сонъ. Мы просили, чтобы стуками намъ было сказано, когда открыть камеру и кассетку, и когда закончить выставку. Намъ привелось недолго ждать, три сильныхъ стука раздались въ полъ и затѣмъ послѣ двухминутной выставки такіе же стуки указали закрыть камеру.

„На первыхъ двухъ выставленныхъ пластинкахъ послѣ ихъ проявленія, которое производилось немедленно въ темной комнатѣ, ничего не оказалось, кромѣ портрета медіума, спящаго на стулѣ. Выставка третьей пластинки продолжалась около трехъ минутъ и послѣ проявленія на ней, надъ головой спящаго медіума, оказалась рука.

„Я опишу теперь то положеніе, которое занимали въ комнатѣ пять лицъ, участвовавшихъ въ опытѣ въ самый моментъ фотографическаго снятія. Г. Гедеоновъ стоялъ возлѣ камеры. Гимназистъ сидѣлъ совершенно въ сторонѣ на разстояніи четырехъ шаговъ. Мы съ своимъ товарищемъ Якобіемъ также стояли у камеры.

„Я считаю излишнимъ напоминать, что аппаратъ снималъ стереоскопически, и на пластинкѣ явилось два одинаковыхъ изображенія. Рука, появившаяся надъ головой медіума, не могла принадлежать ни одному изъ присутствовавшихъ. Хотя фотографія вышла слаба, туманна, очевидно, не додержана, но все-таки на ней ясно видна кисть руки, выходящая изъ женскаго рукава, самая же рука далѣе кисти отсутствуетъ. Складъ этой руки не мужской, а женскій. Наконецъ, эта рука уродлива, большой палецъ ея отдѣляется отъ остальныхъ глубокой вырѣзкой. Очевидно, эта рука была не вполнѣ или неудачно матеріализована.

„Вотъ доказательства, которыя не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что рука, снятая на фотографіи, была дѣйствительно медіумическое явленіе. На остальныхъ четырехъ пластинкахъ никакихъ медіумическихъ явленій не получено. Кромѣ этого сеанса, съ тою же цѣлью мной былъ сдѣланъ цѣлый рядъ сеансовъ и снято 18 пластинокъ при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, но ни на одной никогда ничего медіумическаго не получилось“.

Съ своей стороны могу прибавить, что мнѣ лично извѣстны всѣ участники этого опыта, о результатѣ котораго я узналъ немедленно послѣ оказавшейся удачи; экземпляръ этой фотографіи я получилъ отъ самого профессора Вагнера, и она воспроизведена здѣсь фототипически на табл. V. Это было въ январѣ 1881 г. Кромѣ В. И. Якобія, котораго я только иногда встрѣчалъ у г. Вагнера, я всѣхъ остальныхъ лицъ знаю хорошо. Г-жа Прибыткова, — жена редактора „Ребуса“, морского офицера, съ которымъ ужъ много лѣтъ я нахожусь въ постоянныхъ сношеніяхъ; она обладаетъ довольно сильными медіумическими способностями: стуки, воспроизведеніе стуковъ и звуковъ въ столѣ, вызываемыхъ въ немъ присутствующими, поднятіе стола, непосредственное письмо, движеніе предметовъ при свѣтѣ и въ темнотѣ—вотъ общія черты ея медіумизма. Въ первомъ номерѣ „Ребуса“ за 1886 г. упоминается о такомъ случаѣ: на одномъ изъ ея сеансовъ, въ темнотѣ, колокольчикъ, стоявшій на столѣ, за которымъ сидѣли участвующіе, былъ поднятъ на воздухъ и сталъ звонить надъ головами. Какой-то скептикъ изловчился, руководясь звукомъ, схватить колокольчикъ рукой своей въ тотъ моментъ, когда онъ звонилъ возлѣ него. Колокольчикъ дѣйствительно ноймалъ, но не руку, какъ онъ того ожидалъ. Эта рука, быть можетъ, и схвачена свѣтомъ на фотографіи, о которой идетъ рѣчь. А если бы эта рука, въ состояніи болѣе полной матеріализаціи, да съ рукавомъ, сверхъ того, была схвачена или ощупана скептикомъ — то какое бы онъ сдѣлалъ изъ этого заключеніе? Что это былъ обманъ, разумѣется, какъ это и было такъ часто провозглашаемо. Между тѣмъ мы видимъ теперь,— эта фотографія намъ доказываетъ—что такое заключеніе было бы далеко не безусловно вѣрнымъ. Но я возвращаюсь къ своему предмету. Михаилъ Петровичъ Гедеоновъ—мой давнишній знакомый; прослуживъ, въ качествѣ капитана гвардіи, всю турецкую кампанію, онъ состоялъ затѣмъ на гражданской службѣ въ центральномъ тюремномъ управленіи. Гимназистъ — это г. Красильниковъ, бывшій потомъ студентомъ медицинской академіи. Всѣ эти лица получили на память по

экземпляру помянутой фотографіи, и прежде чѣмъ писать объ этомъ, я разспрашивалъ ихъ о различныхъ подробностяхъ, относящихся до опыта; г. Гедеонова я просилъ дать мнѣ о немъ письменное показаніе, и я привожу его здѣсь:

„Въ началѣ 1881 года, профессоръ Вагнеръ сообщилъ мнѣ о желаніи своемъ произвести нѣсколько опытовъ снятія фотографіи съ лица, погруженнаго въ магнетическій сонъ, съ цѣлью попытаться получить объективное доказательство возможности раздвоенія личности. Такъ какъ въ то время я усиленно занимался магнетизированіемъ, то профессоръ Вагнеръ и предложилъ мнѣ принять участіе въ этихъ опытахъ въ качествѣ магнетизера, а г-жѣ Прибытковой и г. Красильникову въ качествѣ лицъ, съ которыхъ предполагалось снимать фотографіи.

„Крайне интересуясь поставленной г. Вагнеромъ задачей, я изъявилъ полное свое согласіе и наканунѣ предположеннаго для перваго сеанса дня отправился къ профессору Вагнеру, чтобы окончательно условиться съ нимъ о подробностяхъ предстоящаго опыта и присутствовать въ качествѣ свидѣтеля при заготовленіи негативныхъ пластинокъ. У него я встрѣтилъ г. Якобія, который принялъ на себя обязанность фотографа. Въ присутствіи нашемъ пластинки эти были тщательно осмотрѣны, вытерты и затѣмъ заперты профессоромъ Вагнеромъ въ ящикъ.

„На слѣдующій день, часовъ въ 11 утра, мы всѣ, т. е. г-жа Прибыткова, г. Красильниковъ, г. Якобій и я, собрались у проф. Вагнера, въ его университетской квартирѣ, и приступили къ самому фотографированію. Г-жа Прибыткова была посажена лицомъ къ окну, въ кресло, придвинутое къ деревянной перегородкѣ, на которой было раскинуто одѣяло, имѣвшее служить фономъ; противъ нея, и нѣсколько наискось влѣво, помѣстились г. Якобій съ камерой и г. Вагнеръ, а г. Красильниковъ сидѣлъ въ сторонѣ у письменнаго стола.

„Усыпивъ въ 8—10 мин. г-жу Прибыткову магнетическими пассами, я отошелъ къ г. Якобію за камеру, и мы стали ждать установленнаго стука для открыванія объектива. Во

время самаго фотографированія, продолжавшагося довольно долго въ виду слабости свѣта, я избѣгалъ постоянно смотрѣть въ лицо спящей, но мнѣ пришось раза два пристально и напряженно смотрѣть на нее, чтобы придать ей совершенную неподвижность, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ въ полу и перегородкѣ раздавались стуки и кресло съ г-жей Прибытковой могло бы прійти въ движеніе; я опасался, чтобы вслѣдствіе этого иоложеніе тѣла спящей не измѣнилось и не сдѣлало невозможнымъ дальнѣйшее продолженіе опыта. Но отошедши разъ отъ г-жи Прибытковой и вставши рядомъ съ г. Якобіемъ, я къ медіуму не приближался, и вообще до окончанія фотографированія никто къ медіуму не подходилъ. и между медіумомъ и аппаратомъ никого не было.

„При такихъ условіяхъ было сдѣлано нѣсколько послѣдовательныхъ снимковъ, и на одномъ изъ нихъ, надъ головой спящей г-жи Прибытковой, получилось изображеніе женской руки въ старомодномъ широкомъ рукавѣ. Послѣ этого сеанса послѣдовало еще два, три, но достичь поставленной профес. Вагіеромъ цѣли намъ не удалось, а вскорѣ затѣмъ болѣзнь г-жи Прибытковой заставила насъ совсѣмъ прекратить подобные опыты. *М. Гедеоновъ*. С.-Петербургъ, январь 1886 года. Фонтанка, 52“.

Эта фотографія замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Полученный результатъ былъ, прежде всего, неожиданный; цѣль, преслѣдуемая профессоромъ Вагнеромъ, состояла въ томъ, чтобы путемъ фотографическимъ доказать фактъ психическаго раздвоенія, т. е. на негативѣ имѣло получиться изображеніе медіума вмѣстѣ съ трансцендентальной формой его двойника (явленіе, которое, какъ мы увпдимъ ниже, дѣйствительно наблюдалось); вмѣсто того, на негативѣ получилось пзображеніе медіума и только руки, которую, пожалуй, можно считать за часть этого двойника; но здѣсь представляется особенность, которая говоритъ противъ этого предположенія. Наблюдавшіяся явленія двойниковъ носятъ совершенный образъ не только своихъ живыхъ прототиповъ, но и пхъ одѣяній; здѣсь мы имѣемъ руку, которая не походитъ на руку медіума, ибо

представляетъ, по словамъ профессора Вагнера, уродливость и, въ особенности, потому, что она явилась въ рукавѣ, который не имѣлъ ничего общаго съ рукавомъ медіума. Если бы этотъ рукавъ походилъ на рукавъ медіума, мы могли бы предположить тутъ случай полнаго раздвоенія — руки вмѣстѣ съ рукавомъ. Но этого сходства нѣтъ. Къ сожалѣнію, фотографія попорчена въ томъ мѣстѣ, гдѣ правая рука медіума, и подробностей платья нельзя разсмотрѣть; но я объ этомъ пунктѣ наводилъ особыя справки, и всѣ лица, которыхъ я разспрашивалъ, засвидѣтельствовали, что на медіумѣ было платье съ узкими рукавами, какъ ихъ теперь носятъ. Кромѣ того, я просилъ г-жу Прибыткову дать мнѣ рисунокъ этого рукава; она тотчасъ и доставила мнѣ его при пояснительной запискѣ, въ которой значилось, что платье на ней было сѣро-коричневое, съ черною бархатною отдѣлкою; рукава были узкіе, плотно обхватывавшіе руку около кисти. Они заканчивались бархатными обшлагами съ коротенькимъ плиссэ изъ матеріи платья.

Появленіе этого рукава весьма замѣчательно. Не будь этого рукава, была бы дана возможность такого объясненія, что это— рука одного изъ присутствовавшихъ, мелькнувшая случайно во время выставки; объясненіе, правда, совершенно неподходящее, ибо отъ мелькнувшей руки никакого изображенія не получилось бы; ее бы надо было продержать въ данной позѣ хотя бы нѣсколько секундъ; но, все равно, стали бы это говорить, лишь бы объяснить какъ-нибудь. Здѣсь рукавъ сразу останавливаетъ подобныя объясненія. Только умышленный обманъ со стороны г. Вагнера или всѣхъ участниковъ опыта могъ бы объяснить полученный результатъ, если не признавать, во что бы ни стало, его подлинности; но и тутъ опять рукавъ представляетъ немалое затрудненіе, ибо, допустивъ обманъ, никому бы не пришло въ голову представить руку „духа“ въ рукавѣ; это могло бы только послужить явной уликой.

Но природа представляетъ намъ вещи по своему, и явленія ея далеко не согласуются съ нашими разсужденіями объ ихъ объективномъ содержаніи. Традиціонныя привидѣнія всегда носятъ какое нибудь одѣяніе—бѣлую драпировку или буднич-

ное платье; двойникъ является въ своемъ обычномъ одѣяніи; и вотъ трансцендентальная фотографія являетъ намъ человѣческія формы въ одѣяніи; и мы увидимъ ниже, что фактъ этотъ повторяется во всѣхъ фотографіяхъ этого рода — чего, по нашимъ понятіямъ, никакъ нельзя было ожидать

Имѣя теперь передь собою положительный фактъ трансцендентальной фотографіи предмета, носящаго несомнѣнно форму человѣческой руки, мы можемъ перейти къ дальнѣйшему развитію этого явленія,—къ доказательству возможности полученія, путемъ фотографіи, и цѣльныхъ человѣческихъ фигуръ, невидимыхъ для обыкновеннаго глаза, и не только совершенно отчетливыхъ, но даже и узнаваемыхъ. Мы представимъ и это доказательство при абсолютныхъ условіяхъ достовѣрности, требуемыхъ Гартманомъ.

Выше сего уже было упомянуто мною имя г. Слэтера въ числѣ лицъ, дѣлавшихъ опыты трансцендентальной фотографіи для личнаго удовлетворенія. Чтобы дать понятіе о замѣчательныхъ результатахъ, имъ достигнутыхъ, я не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ привести здѣсь свидѣтельство извѣстнаго естествоиспытателя, А. Р. Уаллэса:

„Г. Томасъ Слэтеръ (Slater), оптикъ, давно живущій въ Euston Road въ Лондонѣ и фотографъ-любитель, взялъ съ собой новую камеру собственной работы и свои собственныя стеклянныя пластинки и отправился съ ними къ г. Гудзону. Онъ слѣдилъ внимательно за всѣмъ, что дѣлалось у фотографа и получилъ свой портретъ съ туманной фигурой возлѣ него. Послѣ этого онъ производилъ опыты въ своемъ собственномъ домѣ и достигъ замѣчательныхъ результатовъ. При первомъ его опытѣ получились двѣ головы по обѣимъ сторонамъ портрета его сестры. Одна изъ нихъ была несомнѣнный портретъ недавно умершаго лорда Бругама, другая—менѣе явственная, признана г. Слэтеромъ за портретъ Роберта Оуэна, съ которымъ онъ былъ коротко знакомъ до самой его смерти. Однажды явилась на негативѣ женщина въ черной съ бѣлымъ волнующейся одеждѣ, стоящая возлѣ г. Слэтера. Въ другой разъ появилась ея голова и бюстъ надъ его плечомъ. Лица обоихъ

этихъ портретовъ были совершенно сходны между собою — и другіе члены семейства Слэтера узнали въ нихъ портретъ матери г. Слэтера, которая умерла, когда онъ былъ еще ребенкомъ. На другомъ негативѣ вышелъ образъ дитяти, закутаннаго въ бѣлое, стоящій возлѣ маленькаго сына г. Слэтера. Совершенно-ли тождественны эти образы съ лицами, портретами которыхъ они признаны, не въ этомъ главный вопросъ. Тотъ фактъ, что вообще на негативахъ являются несомнѣнно человѣческія образы въ собственной, частной мастерской извѣстнаго оптика и фотографа-любителя, который самъ приготовлялъ свои аппараты, когда при опытахъ не было никого, кромѣ членовъ его собственной семьи — вотъ дѣйствительное чудо. Одинъ разъ случилось, что на негативѣ возлѣ изображенія г. Слэтера, который самъ сиималъ свой портретъ, будучи совершенно одинъ, явилась другая фигура. Такъ какъ онъ и члены его семейства были сами медіумы, то они и не нуждались въ посторонней помощи; это, можетъ быть, было причиной, что онъ достигъ такихъ прекрасныхъ результатовъ. Одной изъ самыхъ необыкновенныхъ фотографій, полученныхъ г. Слэтеромъ, былъ портретъ его сестры во весь ростъ, на которомъ не вышло никакой другой фигуры, но изображеніе позировавшей было искусно закутано прозрачнымъ кружевомъ, которое при внимательномъ разсмотрѣніи оказалось состоящимъ изъ колечекъ разной величины, совершенно не похожихъ на кружева обыкновеннаго приготовленія, какія мнѣ случалось видѣть, или о какихъ я слышалъ. Г. Слэтеръ самъ показалъ мнѣ эти портреты и объяснялъ условія, при которыхъ они получались. Что это не было результатомъ обмана, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; опыты эти имѣютъ особенное значеніе, какъ первое подтвержденіе того, что получалось прежде у профессіональныхъ фотографовъ“ („Защита новѣйшаго спиритуализма“, рус. пер., стр. 52—53).

Когда я былъ въ Лондонѣ въ 1886 г., я не безъ труда разыскалъ г. Слэтера; но фотографій у него не оказалось ни одной; онъ могъ показать мнѣ только уцѣлѣвшіе негативы.

По поводу г. Слэтера и помянутыхъ выше фотографій лорда

Бругама и Роберта Оуэна, слѣдующая замѣтка, поясняющая ихъ появленіе у г. Слэтера, будетъ не безъинтересна:

„На недавнемъ собраніи лондонскихъ спиритуалистовъ въ Гоуеръ-стритъ, г. Слэтеръ (оптикъ, въ Euston Road'ѣ, № 136) разсказалъ слѣдующее о своемъ первомъ знакомствѣ со спиритизмомъ: „Въ 1856 году Робертъ Оуэнъ [1]), находясь у меня въ сопровожденіи лорда Бругама, получалъ спиритическое сообщеніе посредствомъ стуковъ; въ это время я былъ занятъ нѣкоторыми фотографическими снарядами; было выстукано, что придетъ время, когда я буду снимать спиритическія фотографіи. Робертъ Оуэнъ замѣтилъ на это, что если онъ тогда будетъ уже въ другомъ мірѣ, то непремѣнно появится на пластинкѣ. Въ маѣ 1872 г. я дѣйствительно занимался спиритическими фотографіями. Я продѣлалъ множество опытовъ и на одной пластинкѣ появились лица Роберта Оуэна и лорда Бругама, который, какъ извѣстно, былъ многіе годы однимъ изъ ближайшихъ друзей г. Оуэна и принималъ глубокое участіе въ его общественной дѣятельности“ („Spirit. Magaz.“ 1873 г., стр. 563; и также „Spiritualist“ 1875 г., II, стр. 309).

Прежде чѣмъ перейти къ послѣдней части главы о трансцендентальной фотографіи человѣческихъ формъ, здѣсь будетъ совершенно умѣстно привести тѣ благоразумныя слова, которыя Уаллэсъ, въ своей „Защитѣ“, предпослалъ отдѣлу о спиритической фотографіи и въ которыхъ содержится поясненіе, хорошо извѣстное въ спиритизмѣ, но критикой обыкновенно игнорируемое. Вотъ эти слова:

„Г. Льюисъ совѣтовалъ Комитету Діалектическаго Общества, которому поручено было заняться спиритическимъ вопросомъ, тщательно отличать факты отъ заключеній изъ фактовъ. Это особенно необходимо, когда дѣло касается спиритическихъ фотографій. Человѣческія изображенія, появляющіяся на нихъ, не будучи дѣломъ рукъ человѣческихъ, могутъ быть спиритическаго происхожденія, не будучи въ то же время

---

[1]) Извѣстный соціалистъ, отецъ Роберта Дэль Оуэна, сочиненіе котораго „Спорная Область“ издано и на русскомъ языкѣ.

изображеніями „духовъ“. Многое говоритъ въ пользу того, что эти изображенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, результаты дѣйствія невидимыхъ разумныхъ существъ, но отличны отъ нихъ. Въ другихъ случаяхъ эти существа облекаются въ нѣчто матеріальное, доступное для нашихъ чувствъ; но и тогда не слѣдуетъ, чтобы созданный образъ былъ настоящимъ образомъ духовнаго существа. Это можетъ быть воспроизведеніемъ прежней смертной формы, съ ея земными принадлежностями, единственно съ цѣлью доказательства личности“ („*Wallace*. On miracles and modern spirirualism“. 1875 г., стр. 185).

Получивъ теперь изъ трехъ источниковъ совершенно благонадежныхъ (гг. Битти, Вагнеръ и Слэтеръ), и при условіяхъ требуемыхъ г. Гартманомъ, неоспоримое доказательство, путемъ фотографическимъ, возможности возникновенія матеріальныхъ невидимыхъ для нашего глаза образовъ, съ характеромъ формы человѣческой, мы имѣемъ, мнѣ кажется, право изслѣдовать развитіе этого явленія до тѣхъ степеней совершенства, которыхъ оно достигало у нѣкоторыхъ профессіональныхъ фотографовъ-медіумовъ—принимая въ доказательство его подлинности уже не искренность экспериментатора, а искренность лицъ, до которыхъ прямо относится полученная фотографія и которыя *одни* могутъ рѣшить вопросъ о ея истинномъ значеніи.

Я не буду говорить о лондонскомъ фотографѣ Гудзонѣ, такъ какъ отзывы о немъ самихъ спиритуалистовъ раздѣлились—нѣкорые обвиняютъ его въ обманѣ, другіе свидѣтельствуютъ о такихъ случаяхъ, гдѣ несомнѣнное сходство фотографіи съ давно умершимъ лицомъ, или появленіе фигуры на фотографіи въ позѣ, задуманной самимъ позировавшимъ или съ задуманными принадлежностями, исключаютъ всякую возможность обмана. Рядъ подобныхъ случаевъ собранъ въ трактатѣ г. М. А. (Oxon) „О спиритическихъ фотографіяхъ“ 1874 г., напечатанномъ въ лондонскомъ журналѣ „Human Nature“ 1874 г., стр. 363 и слѣд. Я предпочитаю остановиться на личности американца Мумлера, репутація котораго осталась неприкосновенною во все время его долгой профессіональной дѣятельности. Кромѣ того, подлинность его фотографіи установлена

испытаніемъ, значеніе котораго равняется научному изслѣдованію: онѣ прошли черезъ горнило судебнаго процесса, и не смотря на ожесточенное преслѣдованіе противнаго лагеря, поддерживаемаго всею силою общественнаго мнѣнія и предубѣжденія, онѣ вышли побѣдительницами.

Я не могу входить здѣсь во всѣ подробности спиритической дѣятельности Мумлера и его процесса, — это заняло бы слишкомъ много мѣста; ограничусь только нѣкоторыми данными, между которыми особенно интересна исторія возникновенія этихъ фотографій. Мы приведемъ ее въ собственныхъ словахъ Мумлера, изъ показаній, данныхъ имъ на судѣ во время его процесса. Здѣсь надо обратить особенное вниманіе на то, что явленіе трансцендентальной фотографіи началось въ то время, когда Мумлеръ былъ еще по профессіи граверъ, а съ фотографическимъ дѣломъ вовсе не былъ знакомъ. Онъ говоритъ: „Въ 1861 году, въ Бостонѣ, гдѣ я занималъ въ то время должность гравера, я часто посѣщалъ одного знакомаго молодого человѣка, который работалъ въ фотографіи на Вашингтонъ-стритѣ, принадлежавшей нѣкоей м-съ Стьюартъ. Иногда, при случаѣ, я дѣлалъ опыты съ аппаратомъ, употребляя при этомъ и химическія вещества. Однажды въ воскресенье, будучи одинъ въ галлереѣ, я попробовалъ снять съ себя портретъ и при проявленіи негатива въ первый разъ замѣтилъ, что на пластинкѣ появилась вторая фигура. Въ то время я еще ничего не слыхалъ о спиритическихъ фотографіяхъ, хотя уже нѣсколько интересовался спиритизмомъ. Первая моя мысль, и теперь нерѣдко многими высказываемая, была, что фигура, получившаяся рядомъ со мной, должно быть еще раньше находилась на пластинкѣ; въ такомъ смыслѣ я и отвѣчалъ на всѣ разспросы.

„Однако, послѣдующіе опыты, сдѣланные при условіяхъ, положительно исключавшихъ подобную возможность, убѣдили меня, что сила, производящая эти фигуры, лежитъ внѣ предѣловъ человѣческой власти и вызванные эксперты, при тѣхъ же условіяхъ, не могли произвести ничего подобнаго.

„Я желалъ бы тутъ обратить особенное вниманіе на то

обстоятельство, что когда я проявлялъ вышесказанныя изображенія, я былъ еще совершеннымъ новичкомъ въ фотографическомъ искусствѣ и ничего не зналъ объ употребляемыхъ при этомъ химическихъ соединеніяхъ; прибѣгая въ моихъ опытахъ къ одному или другому составу, я просто подражалъ тому, что дѣлалъ мой пріятель, когда онъ производилъ фотографическую работу. Получивъ такимъ образомъ упомянутыя изображенія, я, по совѣтамъ нѣкоторыхъ друзей, которымъ показывалъ пластинки, повторилъ еще нѣсколько разъ эти опыты и всегда съ удивительными результатами. Тогда я рѣшился оставить свое профессіональное занятіе и посвятить себя фотографіи“ („The Spiritual Magazine“ 1869, p. 256—257).

Фактъ такого происхожденія этихъ фотографій подтверждается свидѣтельствами того времени, помѣщенными въ „Herald of Progress“ (отъ 1-го ноября 1862 г.), издаваемомъ А. Д. Дэвисомъ, и въ „Banner of Light“ (отъ 8-го ноября 1862 г.), въ статьяхъ, содержащихъ первыя извѣстія объ этомъ неожиданномъ явленіи, принятыя однако редакціями вышеупомянутыхъ журналовъ не со слѣпымъ энтузіазмомъ, а сдержанно и съ сомнѣніемъ. Особенно интересно узнать, въ какомъ видѣ появились у Мумлера его первыя трансцендентальныя фотографіи. Наличныя данныя объ этомъ предметѣ немногочислены и весьма кратки, но тѣмъ не менѣе онѣ существуютъ, и здѣсь мы прпведемъ описаніе первыхъ фотографій корреспондентомъ „Banner of Light“.

„Первая изображаетъ медіума Мумлера, одна рука котораго опирается на стулъ, а другая держитъ черное покрывало, только что снятое имъ съ камеры. На стулѣ сидитъ не вполнѣ ясная женская фигура, на видъ дѣвочка, лѣтъ 12—14. Въ ней узнали одну умершую родственницу. Надъ головой этой фигуры *туманное облако*, чего еще намъ никогда не случалось видѣть на фотографіяхъ. На второй изъ видѣнныхъ нами голова была окружена слабымъ сіяніемъ или какъ бы свѣтлыми расходящимися лучами, которые на нѣкоторомъ опредѣленномъ разстояніи совершенно исчезали. На двухъ другихъ имѣлось такое же изображеніе съ тою разпицею, что свѣ-

товая окружность могла бы охватить всю фигуру, если бы карточка была больше“.

Имѣя у себя экземпляръ этой первой фотографіи Мумлера, я могу прибавить еще слѣдующее. Очертаніе верхней части тѣла довольно опредѣленно, хотя само изображеніе и туманно. Стулъ ясно видѣнъ сквозь туловище и руки, видѣнъ также и столъ, на которомъ лежитъ одна рука. Ниже таліи фигура, которая очевидно одѣта въ платье съ вырѣзнымъ лифомъ и короткими рукавами, точно расплывается въ неясномъ туманѣ, который ниже стула совершенно исчезаетъ. Часть спинки стула виднѣется сквозь лѣвую руку фигуры, небольшая часть спинки скрывается за лѣвымъ плечомъ, которое также непрозрачно, какъ шея и грудь. Надъ головой виднѣется бѣлая облачная туманность, охватывающая голову фигуры отъ одного виска до другого и спускающаяся до руки Мумлера, опирающейся о спинку стула. Имѣющаяся у меня фотографія—копія, сдѣланная въ Лондонѣ съ оригинала, и поэтому уже не такъ отчетлива.

„Вторая фотографія представляетъ фигуру женщины, сидящей на стулѣ, и за ней виднѣется неопредѣленная бѣлая масса, похожая какъ-бы на двѣ или три подушки“ („Banner of Light“ 1862, ноября 29; перепечатано въ „Spiritual Magazine“ 1863, стр. 35 и 36).

Итакъ мы можемъ констатировать тотъ достойный вниманія фактъ, что первыя фотографіи Мумлера представляютъ слѣды тѣхъ свѣтящихся массъ, которыя мы видѣли у Битти и которыя предшествовали образованію человѣческихъ фигуръ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что представляющееся на этихъ фотографіяхъ въ видѣ „бѣлой туманности“, или „сіянія“, или „бѣлой массы, похожей на подушки“ и т. п., было бы также описано сенситивами, какъ „свѣтящіяся массы“.

Но вернемся къ исторіи происхожденія этихъ фотографій. Какъ только вѣсть о нихъ разнеслась, Дэвисъ, издававшій въ то время въ Нью-Іоркѣ „Herald of Progress“, нарочно послалъ въ Бостонъ знакомаго ему фотографа, м-ра Гэй, чтобъ изслѣдовать это дѣло на мѣстѣ и убѣдиться въ неподдѣльности явленія. Результатъ этого перваго техническаго изслѣдованія

былъ опубликованъ въ „Herald'ѣ“ 29 ноября 1862 года, со всѣми подробностями, и затѣмъ вкратцѣ изложенъ въ письмѣ м-ра Гэй, помѣщенномъ въ „Banner'ѣ“ того же числа, которое мы здѣсь и приведемъ:

„Бостонъ, 18-го ноября 1862 г.

„Многоуважаемый г-нъ издатель! Узнавъ отъ м-ра Мумлера, что вы желаете обнародовать результатъ моего изслѣдованія о спиритическихъ фотографіяхъ, изготовляемыхъ г. Мумлеромъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ сообщу вамъ то, что самъ видѣлъ. Вы можете быть увѣрены, что, дѣйствуя по порученію г. Дэвиса, я приступилъ къ своему изслѣдованію съ твердымъ намѣреніемъ вести его какъ можно строже, дабы ничто не ускользнуло отъ моего вниманія. Имѣя за собой десятилѣтнюю постоянную практику по этой части, а именно, дѣлая негативы на стеклѣ и позитивные оттиски съ нихъ на бумагѣ — я чувствовалъ себя довольно опытнымъ, чтобы открыть всякую поддѣлку.

„Такъ какъ Мумлеръ при моемъ изслѣдованіи ни въ чемъ мнѣ не препятствовалъ, то, выбравъ стеклянную пластинку, на которой м-ръ Мумлеръ имѣлъ получить мой портретъ вмѣстѣ съ спиритическимъ изображеніемъ, я самъ продѣлалъ надъ ней всѣ операціи промывки, обливанія, серебренія и помѣщенія въ кассетку. Въ продолженіе всего этого времени я не терялъ изъ виду пластинки и не далъ м-ру Мумлеру дотронуться до нея, пока не кончилъ всѣхъ операцій. Затѣмъ я подвергъ самому тщательному и подробному осмотру камеру, кассетку, трубу, внутреннюю сторону ванны и т. д., и не смотря на все это, на пластинкѣ, вмѣстѣ съ моимъ изображеніемъ, получилось, къ моему величайшему удивленію, еще другое!

„Такъ какъ я и послѣ того продолжалъ свое изслѣдованіе съ тѣми же предосторожностями и дошелъ до результатовъ еще болѣе доказательныхъ, то я, по совѣсти, долженъ признать ихъ неподдѣльными.

„Съ уваженіемъ

„Вашъ У. Гэй“.

(„Spiritual Magazine“ 1863, p. 34—35).

Здѣсъ не мѣшаетъ добавить, что на первомъ негативѣ получился портретъ покойной жены м-ра Гэй, а на второмъ портретъ его отца, при чемъ м-ръ Гэй говоритъ: „Мумлеръ не имѣлъ никакой возможности добыть портретъ моей жены или моего отца“ („Herald“ 29 ноября 1863 г.).

Я пройду теперь молчаніемъ длинный рядъ разнаго рода заявленій, высказанныхъ въ пользу Мумлера, и цѣлый рядъ всевозможныхъ изслѣдованій, сдѣланныхъ съ цѣлью изобличить обманъ—ибо было вполнѣ естественно подозрѣвать таковой,—но приведшихъ къ отрицательному результату. Будетъ совершенно достаточно привести здѣсь статью изъ „Британскаго Фотографическаго Журнала“, присланную въ редакцію его корреспондентомъ въ Филадельфіи, г. Селлерсомъ, котораго слѣдовательно нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ спиритизму. Вотъ она:

„Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ газетахъ появилось извѣстіе, сообщенное фотографомъ изъ Бостона, который на одномъ изъ своихъ воскресныхъ опытовъ нашелъ на пластинкѣ двойное изображеніе. Второе изображеніе оказалось портретомъ его умершаго родственника. Послѣ чего онъ замѣтилъ, что на всѣхъ, или почти на всѣхъ изготовленныхъ имъ фотографіяхъ появлялось то же самое призрачное изображеніе съ большей или меньшей отчетливостью. Такъ какъ вѣсть объ этомъ чудѣ разнеслась повсюду, то пріемная его вскорѣ переполнилась любопытными, желающими получить портреты умершихъ друзей. Фотографы посмѣивались и утверждали, что обманъ будетъ вскорѣ обнаруженъ. Было сдѣлано много подражаній обычнымъ процессомъ, первоначально предложеннымъ сэромъ Давидомъ Брустеромъ, и еще болѣе было сдѣлано ихъ посредствомъ наложенія одной пластинки на другую, съ заготовленнымъ вторымъ изображеніемъ, и обманъ приписывали одному изъ этихъ способовъ. Изслѣдованіемъ этого дѣла занялись даже люди извѣстные своимъ научнымъ образованіемъ, но и они не могли открыть поддѣлки“...

„Что же касается до самихъ фотографій, *то они существенно отличаются отъ всѣхъ другихъ подобнаго рода, которыя приходилось мнѣ видѣть, и я не знаю, какимъ бы образомъ возможно было ихъ воспроизвести.* Образъ фигуры никогда не является во весь ростъ; она, обыкновенно, не идетъ ниже пояса или колѣнъ и все-таки вы никакъ не можете положительно указать, гдѣ фигура исчезаетъ. Съ перваго взгляда многимъ кажется, что вся фигура совершенно ясна, а потомъ, при подробномъ разсмотрѣніи, она уже не представляется столь отчетливой. Я самъ не видалъ негативовъ, но судя по позитивамъ, по свѣтлому тону изображенія „духа“, я сказалъ бы, что это изображеніе должно было быть первымъ предметомъ, выступавшимъ при проявленіи пластинки. Очертанія совсѣмъ не ясны. Главныя черты довольно опредѣленны, но за исключеніемъ лица, совершенно непрозрачнаго, остальныя части фигуры на столько прозрачны, что окружающіе предметы ясно видны сквозь нее, *и, со всѣмъ тѣмъ, и въ этихъ главныхъ чертахъ вовсе нѣтъ той рѣзкости контуровъ, которая составляетъ обыкновенную принадлежность подложныхъ спиритическихъ фотографій, полученныхъ посредствомъ наложенія одной пластинки на другую.* Спиритическія фигуры, повидимому, далеко не въ фокусѣ, когда онѣ находятся позади позирующаго, или впереди его, и нѣсколько яснѣе, когда онѣ на томъ же планѣ, но во всѣхъ случаяхъ онѣ видимо передержаны.

„Вѣрующіе въ спиритизмъ объясняютъ это дѣло такимъ образомъ. „Духи“ не могутъ вызывать на чувствительной пластинкѣ своего собственнаго изображенія, но могутъ облекать въ любую форму тончайшіе элементы матеріи и эта матерія, хотя и невидимая для нашего глаза, можетъ отражать химическіе свѣтовые лучи и такимъ образомъ дѣйствовать на пластинку. Какъ доказательство этому, приводятъ случай съ нортретомъ, видѣннымъ мной у д-ра Чайльда: на немъ изображена дама, которая сильно желала получить фигуру гитары въ своей рукѣ—и вотъ форма гитары получилась на фотографіи! Спириты говорятъ, что, конечно, не можетъ быть духа неодушевленнаго предмета, но что „духи“ могутъ создавать по-

добные предметы по желанію; поэтому всѣ появляющіяся фигуры суть ничто иное, какъ модели, выставляемыя „духами“ нередъ камерой, но никакъ не настоящіе портреты самихъ „духовъ“; они утверждаютъ также, что „духи“ почерпаютъ эти изображенія въ памяти присутствующихъ. Какъ хорошо сумѣлъ бы Бульверъ обработать подобный сюжетъ и какую чудесную, необыкновенную исторію разсказалъ бы онъ намъ на основаніи этихъ странныхъ явленій!—С. Селлерсъ“ (Перепечатано въ „The Spiritual Magazine“ 1863, стр. 125—128).

Я сократилъ это нѣсколько длинное письмо, но сохранилъ имѣющія свою цѣну техническія подробности и высказанную еще тогда гипотезу объ обработываніи невидимой матеріи и ириданіи ей извѣстной формы; гипотезу эту мы находимъ десять лѣтъ спустя у Битти, и она будетъ имѣть для насъ особенное значеніе, когда вопросъ коснется видимой матеріализаціи.

Мы покончимъ съ „Фотографическимъ Журналомъ“, приведя изъ него еще одну замѣтку, относящуюся ко времени процесса Мумлера, но которая здѣсь будетъ болѣе у мѣста:

„Что касается до Мумлеровскихъ спиритическихъ фотографій, то по этому поводу было высказано много нелѣпостей за и противъ. Но тотъ писатель послѣдней категоріи, который утверждаетъ, что всякая вещь, отражающаяся на объективѣ камеры и доступная вслѣдствіе того фотографированію, непремѣнно должна быть видима и человѣческому глазу, очевидно незнакомъ съ тѣмъ отдѣломъ физики, который извѣстенъ иодъ именемъ „флуоресценціи“. Есть не мало предметовъ, которые могутъ быть фотографированы, но остаются для физическаго глаза совершенно невидимы. Напримѣръ, комната можетъ быть полна ультрафіолетовыхъ спектральныхъ лучей и при посредствѣ этого „темнаго свѣта“ можетъ получиться фотографія. Въ комнатѣ, освѣщенной такимъ образомъ, предметы будутъ вполнѣ ясно отражаться на объективѣ камеры и непремѣнно отпечатаются на чувствительной пластинкѣ, между тѣмъ какъ человѣкъ съ пормальнымъ зрѣніемъ, въ то-же самое время, не увидитъ въ этой комнатѣ ни малѣйшаго атома свѣта. Поэтому фотографированіе невидимаго предмета, будь то „духа“ или

какой либо вещи, невозможно считать научно невозможнымъ. Если только предметъ отражаетъ флуоресцирующіе или ультрафіолетовые лучи спектра, онъ легко можетъ быть фотографированъ, но онъ самъ останется совершенно невидимъ для самаго зоркаго глаза“ (Перепечатано въ „The Spiritual Magazine“ 1869, стр. 421).

Мы дошли теперь до процесса, который былъ торжествомъ Мумлера. Процессъ этотъ былъ возбужденъ противъ него Нью-Іоркской газетой „The World“ и начался въ апрѣлѣ 1869 года. Мумлеръ былъ арестованъ по обвиненію: „введенія публики въ обманъ посредствомъ изготовленія фотографій, выдаваемыхъ за спиритическія“. Вотъ главныя черты процесса: со стороны обвиненія были вызваны *восемь фотографовъ*, имѣвшихъ изобличить обманъ Мумлера; ими было указано на шесть способовъ, посредствомъ которыхъ возможно изготовить спиритическія фотографіи; но *ни одинъ изъ нихъ не только никогда не видалъ самого Мумлера за работой*, но даже не заглядывалъ къ нему въ мастерскую, не видалъ его фотографическихъ снарядовъ и ничего не было приведено въ доказательство того, чтобы фотографіи Мумлера изготовлялись однимъ изъ упомянутыхъ шести способовъ. Напротивъ, *четыре фотографа:* м-ръ Сли, м-ръ Гэй, м-ръ Сильверъ и м-ръ Герней, бывавшіе у Мумлера и *наблюдавшіе за способомъ его фотографированія* показали, что ни одинъ изъ шести упомянутыхъ способовъ не имѣетъ ничего общаго съ употреблявшимся Мумлеромъ, который ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго. Болѣе того, *м-ръ Сли*, фотографъ изъ Паукипси, пригласилъ Мумлера къ себѣ на домъ въ Паукипси и тутъ, не смотря на то, что употреблялись камера, стекла и химическіе препараты, принадлежавшіе м-ру Сли, результатъ получился тотъ же самый. *М-ръ Гэй* провелъ у Мумлера три недѣли въ изслѣдованіи явленій и показалъ, что призрачныя изображенія появлялись и тогда, когда онъ самъ продѣлывалъ всю операцію, начиная отъ промыванія пластинки и кончая проявленіемъ. *М-ръ Сильверъ* показалъ, что когда Мумлеръ былъ въ его (Сильвера) галлереѣ и употреблялъ аппараты и приборы м-ра Сильвера на

негативѣ получилась фигура кромѣ самого Сильвера. Спиритическія изображенія появлялись даже и тогда, когда Сильверъ въ присутствіи Мумлера онерировалъ самъ своими собственными приборами. Наконецъ *м-ръ Герней*, извѣстный въ Нью-Іоркѣ фотографъ (№ 707, Broadway), далъ слѣдующее показаніе:

„Я занимаюсь фотографіей въ продолженіе двадцати восьми лѣтъ; я былъ очевидцемъ работъ Мумлера и хотя пришелъ съ тѣмъ, чтобы внимательно прослѣдить, но тѣмъ не менѣе не нашелъ ничего сколько нибудь похожаго на обманъ или плутовство; его способъ сниманія фотографіи былъ самый обыкновенный; единственное выходящее изъ обычнаго порядка было то, что Мумлеръ держалъ руку свою на камерѣ“.

Но есть еще другой фактъ, который былъ установленъ единогласнымъ свидѣтельствомъ: всѣ бывшіе на судѣ свидѣтели-фотографы со стороны обвиненія заявили, что призрачные образы, находящіеся на этихъ фотографіяхъ, не могутъ быть переведены съ негатива на чувствительную пластинку въ темной комнатѣ иначе, какъ посредствомъ свѣта газоваго, ламповаго или дневного.

Между тѣмъ до полудюжины свидѣтелей, посѣщавшихъ галлерею Мумлера съ цѣлью обнаружить обманъ, положительно утверждали, что онъ въ своей темной комнатѣ никакого искусственнаго или дневного свѣта не употреблялъ и что единственный свѣтъ, туда проникавшій, проходилъ сквозь маленькое оконце, завѣшанное темно-желтой тканью. И тѣмъ не менѣе Мумлеръ получалъ эти изображенія, и во многихъ случаяхъ показывалъ ихъ своимъ посѣтителямъ, спустя нѣсколько минутъ послѣ снятія. Въ случаѣ съ м-мъ Ливерморомъ (очень извѣстнымъ банкиромъ въ Нью-Іоркѣ), однимъ изъ свидѣтелей въ этомъ процессѣ, Мумлеръ проявилъ три портрета его покойной жены *(каждый въ новой позѣ)* въ теченіе десяти минутъ послѣ снятія съ него фотографіи.

Но и это еще не все: не только фактъ проявленія на пластинкахъ человѣческихъ фигуръ, невидимыхъ для глаза, былъ установленъ на судѣ, но двадцать человѣкъ свидѣтелей за-

явили, что въ этихъ фигурахъ они признали своихъ покойныхъ друзей или родныхъ. И болѣе того: пять свидѣтелей, въ числѣ которыхъ находился и судья Эдмондсъ, показали, что подобныя фотографіи были получаемы и признаваемы даже и въ такихъ случаяхъ, когда личности, ими изображенныя, *никогда при жизни своей не снимались.*

Подобныхъ свидѣтельствъ могло бы быть представлено безъ числа, но судья нашелъ, что достаточно и выше приведенныхъ, и на основаніи ихъ постановилъ: „что по тщательному разсмотрѣнію дѣла онъ пришелъ къ заключенію, что подсудимый долженъ считаться по суду оправданнымъ; что хотя, по своему личному мнѣнію, онъ и могъ бы предположить въ данномъ случаѣ поддѣлку и обманъ со стороны подсудимаго, но, дѣйствуя въ качествѣ судьи, онъ не считаетъ справедливымъ отсылать подсудимаго къ суду присяжныхъ (Grand Jury), такъ какъ, по его убѣжденію, виновность подсудимаго осталась недоказанной“ (Всѣ подробности можно найти въ отчетахъ по этому дѣлу, помѣщенныхъ въ журналахъ „Banner of Light“ отъ 1-го и 8-го мая и 28-го августа 1869 года, и въ „Spiritual Magazine“ 1869, стр. 241—260).

Чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе объ этихъ узнанныхъ трансцендентальныхъ фотографіяхъ, я прилагаю здѣсь на VI таблицѣ нѣсколько образцовъ съ надлежащими свидѣтельствами и объясненіями.

Вотъ письмо м-ра Бронсона Муррей [1]), напечатанное въ „Banner of Light“ отъ 25-го января 1873 года.

„Господинъ редакторъ! Въ послѣднихъ числахъ истекшаго сентября, когда миссисъ Мумлеръ, находясь въ трансѣ, давала въ Бостонѣ (170, West Springfield Street) совѣты одному изъ своихъ паціентовъ, она вдругъ остановилась и, обратясь ко мнѣ, сказала, что когда я буду сниматься у м-ра Мумлера, то со мной вмѣстѣ на пластинкѣ появится фигура женщины,

[1]) Извѣстный нью-іоркскій спиритуалистъ, не принадлежащій къ категоріи слѣпо вѣрующихъ во все, что называется медіумическимъ явленіемъ: онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ комиссіяхъ, открывавшихъ обманныя продѣлки медіумовъ.

держащей въ рукѣ якорь изъ цвѣтовъ, давно и горячо желающій доказать мужу фактъ своего существованія; до сихъ поръ она не могла найти къ тому случая, теперь же надѣется достигнуть своей цѣли черезъ меня. Миссисъ Мумлеръ прибавила, что „при помощи увеличительнаго стекла на пластинкѣ будутъ замѣтны буквы R. Bonner". Я спросилъ, не обозначаютъ ли онѣ Роберта Боннера, но не получилъ отвѣта. Когда я приготовился позировать, то вдругъ впалъ въ трансъ, чего со мной прежде никогда не бывало, и Мумлеру не удалось посадить меня въ надлежащую позу. Онъ никакъ не могъ заставить меня сидѣть прямо и прислониться къ желѣзному упору. Меня такъ и сняли въ состояніи усыпленія, какъ это и видно на фотографіи, и женская фигура съ якоремъ и буквами изъ цвѣточныхъ бутоновъ появилась, какъ было обѣщано; но я не зналъ никого по имени Боннеръ. (См. табл. VI фот. 1).

„Вернувшись домой, я многимъ сообщалъ объ этомъ случаѣ. Одна дама сказала мнѣ, что недавно встрѣтила какого-то мистера Боннера изъ Георгіи и желала бы показать ему портретъ. Двѣ недѣли спустя она пригласила меня къ себѣ; вскорѣ вошелъ еще господинъ, именно м-ръ Робертъ Боннеръ, и сказалъ, что на моей фотографіи, которую онъ видѣлъ у хозяйки, онъ нашелъ поразительно схожій портретъ своей жены. Никто здѣсь не оспарпвалъ совершеннаго сходства этой фотографіи съ портретомъ, снятымъ съ нея за два года до ея смерти. (См. табл. VI, фот. 3, изображающую эту прижизненную фотографію м-съ Боннеръ. Къ сожалѣнію, на фототиніи 1 спиритическое изображеніе и сходство не такъ явственны какъ на оригиналѣ).

„Но это не все. Какъ только м-ръ Боннеръ увидалъ вышеупомянутую фотографію, онъ тотчасъ же обратился по почтѣ въ Нью-Іоркъ къ медіуму Флинту съ запечатаннымъ письмомъ, заключавшимъ вопросы къ женѣ [1]).

---

1) Для объясненія этого факта читателямъ необходимо сообщить, что Флинтъ, равно какъ и Мансфильдъ, были особаго рода медіумы, которые имѣли способность на посылаемыя имъ запечатанныя письма къ лицамъ отшедшимъ отвѣчать посредствомъ медіумическаго писанія

„На слѣдующій день письмо вернулось не распечатаннымъ и сопровождалось отвѣтомъ въ семь страницъ. М-съ Бониеръ подписывается въ немъ собственнымъ именемъ „Элла“ и сообщаетъ, что, выпросивъ себѣ дозволеніе явиться на пластинкѣ вмѣстѣ со мной, она это и исполнила. Далѣе она говоритъ, что братья м-ра Боннера, Унльямъ и Гамильтонъ, а также его старый пріятель, прямодушный и добрый Самъ Крэгъ находятся при ней; что въ скоромъ времени она напишетъ черезъ посредство д-ра Флинта письмо къ ихъ маленькому сыну Хэмми и прибавила, что довольна попеченіями м-ра Боннера о ребенкѣ. Затѣмъ она просила его отправиться въ Бостонѣ къ спиритическому фотографу, прибавивъ, что и она будетъ тамъ и появится вмѣстѣ съ нимъ на одной пластинкѣ съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ на головѣ, съ другимъ вѣнкомъ въ одной рукѣ, а другой рукой указывая кверху. Я самъ прочелъ это въ ея письмѣ, а м-ръ Бониеръ прибавилъ: „завтра я ѣду въ Бостонъ и никому тамъ не назову себя“. Черезъ четыре дня м-ръ Бониеръ посѣтилъ меня. Онъ былъ въ Бостонѣ, никому себя не называлъ и все-таки получилъ обѣщанную фотографію, на которой жена его явилась точь въ точь какъ писала. (См. табл. VI, фот. 2. Вѣнокъ въ рукѣ фигуры на фототипіи почти совсѣмъ не замѣтенъ).

„Всѣ интересующіеся предметомъ могутъ видѣть эти фотографіи у м-ра Мумлера въ Бостонѣ или у меня въ Нью-Іоркѣ... М-ръ Боннеръ—лицо хорошо извѣстное въ Георгіи и Алабамѣ“.

„Всѣ же знающіе меня, знаютъ и то, что мнѣ нѣтъ ни выгоды, ни расчета сочинить подобную исторію; доводя фактъ этотъ до общаго свѣдѣнія, я ручаюсь за его достовѣрность“.

„Бронсонъ Муррей“.

„238 West, 52 Street. New-York City. 7 января 1873 г.“.

Фототипія 1 на табл. VII представляетъ м-ра М. А. Доу, издателя общеизвѣстнаго въ Америкѣ журнала „The Wa-

---

отъ имени этихъ лицъ, конечно, не распечатывая полученнаго письма, которое и отсылалось къ отправителю вмѣстѣ съ медіумическимъ отвѣтомъ.

verley Magazine“. Что же касается до фигуры, стоящей подлѣ него, то исторія ея появленія находится въ письмѣ м-ра Доу къ м-ру М. А. (Oxon), жившему въ Лондонѣ и пользовавшемуся извѣстностью въ спиритической литературѣ:

„Бостонъ, 28 сентября 1873 г.

„Милостивый государь!

„Письмо ваше отъ 17-го сего сентября я получилъ сегодня утромъ и попробую вкратцѣ изложить вамъ то, что видѣлъ самъ на опытѣ по части спиритическихъ фотографій. Въ типографіи и редакціи „Waverley Magazine“ работаютъ у меня около пятнадцати молодыхъ женщинъ; нѣкоторыя заняты наборомъ, другія при машинѣ, третьи разсылкою журнала, и наконецъ, четвертыя чтеніемъ и исправленіемъ рукописей для печати. Между послѣдними была одна дѣвушка, поступившая ко мнѣ въ 1861 году и остававшаяся до 1870 года, когда она вдругъ заболѣла и умерла, имѣя около 27 лѣтъ отъ роду. За послѣдніе годы своей дѣятельности она чрезвычайно развилась и сдѣлалась весьма интеллигентной и пріятной особой. Ея долгое пребываніе у меня и безкорыстная преданность моимъ интересамъ возбудили во мнѣ искреннюю къ ней привязанность, на которую она отвѣчала взаимностью, что не разъ и было ею мнѣ высказано. Прилагаю ея портретъ, сдѣланный недѣли за двѣ до ея кончины. Не буду останавливаться на ея смерти и на моемъ горѣ при этой потерѣ. Ровно черезъ недѣлю послѣ ея кончины мнѣ пришлось присутствовать на сеансѣ одного медіума, духовный руководитель котораго—молодая индіанка—сказала: „Вы привлекли красивую даму, желающую васъ видѣть; въ ея рукахъ розы, предназначенныя вамъ; она любила васъ, болѣе чѣмъ кого-либо, за вашу доброту къ ней“. Я былъ чрезвычайно удивленъ, ибо не предполагалъ, чтобы наши друзья могли проявлять земную привязанность послѣ того, какъ покинули тѣло, даже если и допустить, что они могутъ производить нѣкоторыя явленія. Я поѣхалъ на мѣсяцъ въ Саратогу (около полутораста англ. миль отъ Бостона) и встрѣтился тамъ съ докторомъ Слэдомъ, знаменитымъ медіумомъ. Онъ меня во-

*

все не зналъ. Я имѣлъ съ нимъ сеансъ, во время котораго онъ держалъ правой рукой подъ столомъ простую грифельную доску, тогда какъ лѣвая лежала на столѣ и касалась моей. Вскорѣ послышалось писаніе грифелемъ и, когда доску вынули изъ-подъ стола, на ней оказались слова: „Я всегда при васъ“, подписанныя ея именемъ. Вернувшись въ Бостонъ, я обратился, вслѣдствіе совѣта, даннаго мнѣ въ Саратогѣ, къ м-съ Мери М. Харди, самому популярному трансъ-медіуму въ Бостонѣ.

„Моя пріятельница немедленно явилась и сказала, что дала мнѣ въ Саратогѣ черезъ д-ра Слэда наглядное доказательство на грифельной доскѣ; и прибавила, что всегда при мнѣ, чтобы наставлять и оберегать, ибо любитъ меня, какъ наилучшаго изъ всѣхъ людей, которыхъ она знала на землѣ. На слѣдующемъ сеансѣ она неожиданно сказала, что хочетъ дать мнѣ свой портретъ. Я оставилъ это обѣщаніе безъ вниманія, ибо думалъ, что портретъ будетъ кѣмъ-нибудь нарисованъ. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ у меня бывали еженедѣльно сеансы съ м-съ Харди, и я ни разу не упомянулъ о портретѣ; въ концѣ же этого времени спросилъ сообщавшуюся, намѣревается ли она дать мнѣ свой портретъ, на что она отвѣтила, что готова. Я спросилъ ее, какимъ же образомъ онъ будетъ сдѣланъ! „Посредствомъ фотографіи“, отвѣчала она. — „Будетъ ли его дѣлать тотъ же фотографъ, который снималъ васъ при жизни?“— „Нѣтъ, это долженъ сдѣлать фотографъ медіумъ“. Въ концѣ слѣдующей недѣли я опять былъ у м-съ Харди. Какъ только она впала въ трансъ, моя пріятельница заговорила черезъ нее и сказала: „Ступайте къ Мумлеру и скажите, что придете сниматься черезъ недѣлю въ часъ дня. Я желала бы, чтобы въ двѣнадцать (обыкновенный мой часъ бесѣды съ нею) вы пришли сюда еще разъ поговорить со мной“.

„Я тотчасъ же пошелъ къ Мумлеру, гдѣ засталъ только одну м-съ Мумлеръ. Я сказалъ ей, что желаю имѣть спиритическую фотографію. Она спросила, когда я опять приду, и я отвѣтилъ: ровно черезъ недѣлю въ часъ дня. „Ваше имя?“ — „Я не хочу говорить вамъ своей настоящей фамиліи, но вы можете на-

звать меня м-мъ Джонсономъ". Я внесъ деньги и вернулся домой. Черезъ недѣлю я снова зашелъ къ м-съ Харди, какъ было заранѣе рѣшено. Она впала въ трансъ. Моя пріятельница была уже тутъ и спросила меня: „Какъ вы поживаете, м-ръ Джонсонъ"? затѣмъ прибавила: „Мистеръ Доу, я не замѣчала раньше, что вы стыдитесь своего имени". Я сказалъ, что надѣюсь получить свой собственный портретъ, но далеко не увѣренъ, что увижу и ее на пластинкѣ. „О, вы скептикъ", воскликнула она. Я простился съ нею и отправился къ м-ру Мумлеру, куда пришелъ за четверть часа до назначеннаго времени; никого больше не было и онъ сказалъ, что мы можемъ тотчасъ же приступить къ дѣлу. Я сѣлъ на стулъ въ указанной позѣ и онъ поставилъ свой аппаратъ въ семи футахъ отъ меня. Вложивъ пластинку, онъ указалъ мнѣ, куда смотрѣть. Такъ я просидѣлъ двѣ или три минуты, послѣ чего онъ вынесъ пластинку въ другую комнату. Вернувшись съ нею, онъ сказалъ, что ничего не вышло, и вложилъ другую. Я просидѣлъ столько же времени, какъ и въ первый разъ, и онъ объявилъ, что есть какой-то неясный обликъ. На мое замѣчаніе, что мнѣ обѣщана фотографія, онъ сказалъ, что слѣдуетъ продолжать опыты и что ему приходилось иногда повторять разъ пять или шесть прежде чѣмъ удастся. Онъ вложилъ третью пластинку и я просидѣлъ ровно пять минутъ по его часамъ, которые онъ держалъ въ рукѣ, повернувшись ко мнѣ спиной и держа руку на камерѣ. Вынувъ пластинку, онъ вышелъ съ нею. Послѣ его ухода въ комнату вошла м-съ Мумлеръ, бывшая, какъ мнѣ показалось, въ полу-трансѣ. Я спросилъ, не видитъ ли она кого-нибудь, и она отвѣчала, что видитъ около меня красивую молодую даму. Тутъ она впала въ полный трансъ и пріятельница моя опять заговорила: „Теперь вы получите мою фотографію. Я буду стоять подлѣ васъ, положа руку на ваше плечо; на головѣ у меня будетъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ". Тутъ вернулся м-ръ Мумлеръ съ пластинкой и сообщилъ, что есть изображеніе. Взглянувъ на негатпвъ, я ясно увидалъ на немъ себя и стоящую подлѣ женскую фигуру. М-ръ Мумлеръ обѣщалъ прислать пробную карточку на дру-

гой же день. Я попросилъ адресовать на имя м-ра Джонсона въ почтамтъ до востребованія. На третій день я заѣхалъ въ почтамтъ и получилъ конвертъ на имя м-ра Джонсона. Распечатавъ его, я нашелъ пробную карточку, взялъ ее съ собой домой и, разсматривая въ хорошее увеличительное стекло, увидалъ прекрасный портретъ моей покойной пріятельницы въ натуральную величину. Я написалъ письмо къ м-ру Мумлеру, гдѣ подписался своимъ полнымъ именемъ, и сказалъ, что я совершенно доволенъ портретомъ. Я признаю его настоящей и неподдѣльной фотографіей и моя пріятельница неоднократно увѣряла меня, что тутъ нѣтъ никакого обмана. Прилагаемыя карточки дадутъ вамъ самимъ возможность судить о сходствѣ между ними".

„Преданный вамъ
„Моисей А. Доу.

(„Human Nature" 1874 г., стр. 486—488).

Привожу также упомянутое выше письмо г. Доу къ Мумлеру:

„Бостонъ, 20-го января 1871 г.

„Многоуважаемый м-ръ Мумлеръ!

„Будучи въ почтамтѣ въ прошлую субботу, я получилъ посланный вами конвертъ съ пробной карточкой. Это вполнѣ удавшаяся фотографія моей пріятельницы. Прилагаю при семъ ея портретъ, сдѣланный за недѣлю до начала ея болѣзни. Сама она видѣла его только на негативѣ. Болѣзнь ея продолжалась ровно девять дней. Прошлый четвергъ, въ полдень, она сказала мнѣ чрезъ медіума, что будетъ стоять около меня съ цвѣткомъ въ рукѣ и опираться на мое лѣвое плечо. Если вы вглядитесь въ мое лѣвое плечо, то видите слабый отпечатокъ ея руки съ цвѣткомъ, но чтобы вполнѣ разсмотрѣть ихъ, надо прибѣгнуть къ помощи лупы. Мнѣ кажется, что достаточно показать эти двѣ фотографіи, чтобы убѣдить любого скептика. Я оставляю свой псевдонимъ Джонсона и подписываюсь моимъ настоящимъ именемъ. Съ полнымъ уваженіемъ, вашъ Моисей Доу, издатель „Waverley Magazine" (См. „The Medium" 1872, № 104).

У меня есть экземпляръ той фотографіи Мэбль Уарренъ, снятой съ нея при жизни, которую Доу переслалъ Мумлеру для сравненія (см. табл. VII, фот. 2). Сходство между обѣими фотографіями такъ же поразительно, какъ и у Боннера.

Въ „Banner of Light“ отъ 18-го марта 1871 г. помѣщено длинное письмо м-ра Доу, въ которомъ онъ весьма подробно разсказываетъ исторію этой фотографіи. Изъ него мы узнаемъ, что молодая дѣвушка называлась Мэбль Уарренъ, что она умерла въ іюлѣ 1870 года и что только въ началѣ того же года м-ръ Доу случайно познакомился съ нѣкоторыми спиритическими явленіями; онъ зналъ о нихъ такъ мало, что не понялъ даже, о какомъ „портретѣ“ ему говорили, и когда онъ пришелъ къ Мумлеру, то не сказалъ ему своего имени, считая его, подобно многимъ другимъ, обманщикомъ.

Упомяну еще объ одной фотографіи, фототипія которой при семъ прилагается (см. табл. VII, фот. 4): на ней видна вдова президента Линкольна, пришедшая къ Мумлеру попытать счастія. Она не назвалась и не снимала вуали до открытія объектива фотографическаго аппарата. Позади ея видна фигура, которая не такъ ясна по фототипіи, но достаточно опредѣленна на фотографіи, чтобы можно узнать черты лица покойнаго президента. Тогда г-жа Линкольнъ, признавши фигуру, сказала свое имя. Подробности этого интереснаго случая см. въ „Ребусѣ“ 1896 г., стр. 197. Мнѣ помнится, что я читалъ въ посмертныхъ запискахъ г-жи Линкольнъ подтвержденіе этого факта, но такъ какъ я прочелъ объ этомъ по выходѣ перваго изданія этой книги, то я въ то время не отмѣтилъ этой выписки и теперь я найти ее уже не могу.

Приведенныхъ мною примѣровъ трансцендентальныхъ фотографій Мумлера достаточно, чтобы дать понятіе объ общемъ типѣ получавшихся у него явленій. Въ моей коллекціи около тридцати экземпляровъ этого рода фотографій, подтверждающихъ всѣ приведенныя нами выше замѣчанія м-ра Селлерса, корреспондента „Британскаго фотографическаго журнала“. Въ виду нашихъ дальнѣйшихъ разслѣдованій, я считаю не лишнимъ указать на то, что вообще нѣкотораго рода одѣяніе со-

ставляетъ принадлежность появляющихся фигуръ, какъ это и видно на портретахъ м-съ Боннеръ и Мэбль Уарренъ; въ видѣ украшенія нерѣдко появляются цвѣты; на одной изъ фотографій м-съ Конантъ, извѣстнаго медіума журнала „Banner“, видѣнъ самъ медіумъ и спускающіяся надъ нимъ сверху три руки, осыпающія его цвѣтами, которые падаютъ ему на голову и на грудь, а отчасти держатся еще въ воздухѣ. Одна изъ этихъ рукъ въ рукавѣ, подобно тому, какъ мы это видѣли на фотографіи профессора Вагнера, но только этотъ рукавъ обхватываетъ руку вплотную.

Я упомяну еще о трехъ фотографіяхъ, имѣющихъ особенное значеніе. На одной изъ нихъ изображена сидящая дама— м-съ Тинькгэмъ (см. таб. VI, фот. 4); въ моментъ выставки она замѣтила, что часть ея лѣваго рукава приподнимается и устремила глаза на эту точку (см. таб. VI, фот. 4). На фотографіи, подлѣ этой дамы, видно изображеніе — скажемъ, астральное — маленькой дѣвочки, въ которой м-съ Тинькгэмъ признала свою дочку; ясно видно, какъ рукавъ у платья м-съ Т. приподнятъ маленькой ручкой ребенка. Итакъ, мы имѣемъ здѣсь *фотографію матеріальнаго предмета въ моментъ его движенія невидимой рукой* (см. „The Medium“ 1872, № 104).

На второй фотографіи (таб. VII, фот. 3) мы опять видимъ м-съ Конантъ. Въ самый моментъ выставки она повернулась вправо съ восклицаніемъ: „Вотъ моя маленькая Уашти“ (маленькая индіанка, часто проявлявшаяся черезъ нее)—и протянула къ ней свою лѣвую руку, какъ бы желая взять ребенка за руку. На фотографіи ясно видна фигура маленькой индіанки, и пальцы ея правой руки находятся въ рукѣ м-съ Конантъ. Итакъ, мы имѣемъ здѣсь *фотографію астральной фигуры, увидѣнной и признанной сенситивомъ въ моментъ выставки, какъ бывало и у Битти* („Medium“ 1872, № 104).

Подтвержденіе подобнаго же явленія и вообще замѣчательный случай трансцендентальной фотографіи мы находимъ въ письмѣ профессора Гённинга (американскаго геолога), помѣщенномъ имъ по поводу Мумлеровскаго процесса въ Нью-Іоркскомъ журналѣ „Трибуна“ и перепечатанномъ затѣмъ въ Лондон-

скомъ „Spiritual Magazine“ (1869, стр. 260). Въ немъ сообщаются такіе интересные факты, что считаемъ нелишнимъ привести здѣсь главную часть его.

„Въ февралѣ 1867 года я познакомился съ фотографомъ, жившимъ въ Коннектикутѣ. Зайдя къ нему въ мастерскую, чтобы сняться, я замѣтилъ, что фотографъ былъ во время выставки какъ-то особенно не спокоенъ. При проявленіи пластинки оказалось, что подлѣ меня стоитъ свѣтлая облачная женская фигура. Я ничего ие слыхалъ еще ни о Мумлерѣ, ни о какихъ-бы то ни было спиритическихъ фотографіяхъ. На мой воиросъ, какъ появилась на пластинкѣ эта фигура, фотографъ отвѣтилъ, что онъ самъ того не знаетъ, но въ то время, какъ онъ меня снималъ, онъ видѣлъ эту женскую фигуру подлѣ меня. Ему не хотѣлось выпускать этого портрета изъ своей мастерской, и онъ просилъ меня не говорить объ этомъ случаѣ. Тутъ онъ разсказалъ, что ему приходилось получать иодобиыя фотографіи въ продолженіе нѣсколькихъ уже лѣтъ, но что онъ съ своей стороны ничего для этого не дѣлалъ; онъ могъ ихъ имѣть почти всегда, стоило ему только поддаться вліянію существъ, которыхъ онъ называлъ духами, но никакъ онъ не хотѣлъ имѣть съ ними какихъ либо сношеній. Онъ не желалъ, чтобы его имя примѣшивалось къ какому бы то ни было виду спиритизма.

„Я былъ такъ убѣжденъ въ искренности моего знакомаго, что мнѣ захотѣлось изслѣдовать его необычайную способность. Послѣ долгихъ уговоровъ и увѣщаній съ моей стороны, онъ согласился наконецъ дать мнѣ нѣсколько сеансовъ и подчиниться „невидимымъ“. Я хотѣлъ щедро вознаградить его за потерю времени, но онъ отклонилъ всѣ мои предложенія, говоря, что считаетъ себя не вправѣ употреблять свою таинственную способность для наживы. Между тѣмъ онъ согласился на всевозможныя условія для моихъ изслѣдованій и, пользуясь этимъ, я пригласилъ въ помощь себѣ одного пріятеля. Въ продолженіе четырехъ дней все послѣобѣденное время фотографа принадлежало намъ. Мы были убѣждены въ его честности, но тѣмъ не менѣе повели дѣло такъ, какъ будто онъ былъ ловкій

обманщикъ. Приготовленіе пластинокъ и проявленіе ихъ совершались при мнѣ, и вообще мы не упустили *ни одной мѣры предосторожности* для устраненія или раскрытія обмана. Почти на каждомъ сеансѣ у насъ получалось изображеніе той же женщины—та же свѣтлая облачная фигура появлялась, когда я былъ одинъ, или, лучше сказать, воображалъ себя однимъ. Почти на каждомъ сеансѣ фотографъ падалъ въ трансъ. Что могли мы сказать? Онъ человѣкъ съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, репутація его безупречна. Я не могу допустить ни малѣйшаго сомнѣнія въ его честности, да онъ и не имѣлъ никакихъ причинъ меня обманывать. Продавать за деньги свою странную силу онъ не хотѣлъ. Если бы даже я и считалъ его способнымъ на обманъ, я все-таки не былъ бы въ состояніи объяснить этихъ фотографій. Я знаю только два способа для полученія фотографическаго изображенія на чувствительной пластинкѣ: или нѣчто способное отражать свѣтъ должно быть поставлено въ надлежащемъ разстояніи передъ объективомъ, или же чувствительную пластинку накрываютъ другой фотографіей и выставляютъ на свѣтъ. Проникающій сквозь наложенную фотографію свѣтъ произведетъ тусклое изображеніе. Фотографъ можетъ еще употребить старую, бывшую въ дѣлѣ пластинку и тогда въ результатѣ можетъ получиться и бывшій на ней прежде отпечатокъ. Такой способъ толкованія былъ недавно предложенъ однимъ корреспондентомъ „Трибуны“. Мой фотографъ не употреблялъ старыхъ пластинокъ, слѣдовательно, къ нему остается приложить одно изъ предыдущихъ объясненій. Мнѣ положительно извѣстно, что онъ *не прикладывалъ къ чувствительной пластинкѣ стараго негатива*, и стало быть получалъ свои призрачные образы инымъ способомъ. Остается еще одна возможность: не было ли просто чего нибудь передъ камерой? Но фотографъ, я и мой другъ были единственными лицами, находившимися въ комнатѣ. Могли ли мы въ продолженіе четырехъ дней быть обманываемы такимъ грубымъ образомъ? И если насъ дѣйствительно дурачили, то какъ могла играющая роль духа таинная союзница сдѣлать себя такой прозрачной? Какъ могла она держаться на воз-

духѣ? — ибо на одной изъ фотографій видна женщина, спускающаяся по воздуху. Всѣ фигуры прозрачны какъ газовая ткань. Какимъ же образомъ были онѣ сдѣланы? Я не спѣшилъ своими заключеніями.

„Еще другой случай дошелъ до моего свѣдѣнія. Молодая дѣвушка въ Чэльзе пришла сниматься къ одному изъ наиболѣе извѣстныхъ въ городѣ фотографовъ, какъ разъ въ то время, когда тотъ собирался уже прекратить на этотъ день работу. Дѣвушка сѣла передъ камерой и во время фотографированія почувствовала, какъ будто какая-то тѣнь промелькнула передъ ея глазами, и сказала это м-ру А., стоявшему у камеры, а онъ отвѣтилъ, что это ничего, что она можетъ мигать, но должна сидѣть неподвижно. При проявленіи пластинки на лицѣ у нея оказались двѣ руки. Эта фотографія чрезвычайно замѣчательна. Я разсматривалъ четыре экземпляра и одинъ изъ нихъ находится у меня. Прозрачныя руки охватываютъ затылокъ дѣвушки; видны онѣ до запястья, гдѣ исчезаютъ въ безформенномъ туманѣ. Одна рука доходитъ до подбородка дѣвушки, очертаніе котораго ясно видно сквозь эту руку. Всѣ эти фотографіи имѣютъ одну общую черту — прозрачность; судья Эдмондсъ утверждаетъ, что являющіеся ему духи прозрачны и другой мой знакомый, человѣкъ высокообразованный, говорилъ мнѣ, что и онъ видитъ ихъ такими же.

„Нельзя также допустить, чтобы эти руки были заранѣе фотографированы на металлической пластинкѣ. Фотографъ говорилъ мнѣ, что пластинка была новая, никогда въ дѣлѣ не бывшая; но если даже предположить, что онъ сказалъ неправду, все нельзя понять, какимъ образомъ руки могли бы появиться *поверхъ лица?* Или не могъ ли онъ снять ихъ послѣ дѣвушки? Вы видите, что мизинецъ и безъимянный палецъ лѣвой руки засунуты подъ воротничекъ, что несомнѣнно доказываетъ, что дѣвушка и руки были сняты одновременно. Если даже допустить, что въ комнату незамѣтно пробралась женщина и охватила руками голову снимавшейся, то какъ ускользнула бы она отъ глазъ самого фотографа. Онъ утверждаетъ, что въ комнатѣ, кромѣ его и молодой дѣвушки, никого не было.

Допустимъ, однако, что женщина вошла незамѣтно для нихъ; но какъ она могла сдѣлать свои руки прозрачными, и совершенно скрыть остальное тѣло? Фотографъ—человѣкъ, заслуживающій полнаго довѣрія; онъ говоритъ, что никогда и не помышлялъ о какихъ либо спиритическихъ фотографіяхъ, что теоріи на этотъ счетъ у него нѣтъ никакой, что онъ знаетъ только одно, что въ появленіи этихъ рукъ онъ не повиненъ".

Еще подробнѣе говорится объ этомъ изъ ряду вонъ выходящемъ случаѣ въ письмѣ того же Геннинга въ редакцію „*Banner of Light*", 1867 года, отъ 6-го іюля, изъ котораго я приведу только слѣдующія двѣ строки, имѣющія для насъ особенный интересъ: „Лѣвая рука видна совершенно ясно до запястья, которое далѣе закрыто гладкимъ бѣлымъ обшлагомъ".

Редакторъ „Spiritual Magazine" прибавляетъ отъ себя, что Геннингъ, въ бытность свою въ Лондонѣ, лично подтвердилъ ему эти факты и показалъ дагерротипы, о которыхъ шла рѣчь; женщина, появившаяся на первомъ, была его жена и сходство было неоспоримое („Spiritual Magazine", 1869 г., стр. 329).

Мнѣ остается упомянуть еще объ одной фотографіи Муммлера, на которой снятъ м-ръ Герродъ, молодой медіумъ, сидящій на стулѣ въ состояніи транса. *За нимъ видно астральное изображеніе его самого или его двойника, стоящаго въ профиль съ закрытыми глазами, съ головой, нѣсколько склоненной къ медіуму.* („Medium" 1872, № 104).

Второй случай *фотографіи двойника* у другого фотографа приводится судьей Кэртеромъ въ письмѣ къ редактору „Banner'a," отъ 31 іюля 1875 г., перепечатанномъ въ „Human Nature" 1875 г., стр. 424—425. Третій подобный же случай разсказанъ м-ромъ Глендиннингомъ и, какъ происшедшій въ частномъ кружкѣ, заслуживаетъ нашего полнаго вниманія. Приводимъ слова м-ра Глендиннинга: „около двѣнадцати лѣтъ тому назадъ мы съ однимъ изъ моихъ друзей, хорошимъ медіумомъ, пробовали заняться спиритической фотографіей и добились нѣкоторыхъ результатовъ. Вначалѣ у насъ на пластинкѣ получались какія-то странныя пятна и, будь я въ этомъ дѣлѣ опытнѣе, я, конечно, сохранилъ бы ихъ, чтобы подвергнуть

потомъ тщательному изслѣдованію. Когда у насъ не получалось яснаго изображенія, я обыкновенно начиналъ тереть пальцами пластинку и затѣмъ вымывалъ ее. Снабжалъ насъ стеклами и химическими препаратами м-ръ Мельгешъ, секретарь одного шотландскаго фотографическаго общества, и мы относились другъ къ другу съ полнымъ довѣріемъ, какъ это бываетъ между порядочными людьми. Въ одномъ случаѣ у насъ получился портретъ медіума въ позѣ, которую онъ занималъ 10 или 15 минутъ до выставки пластинки, находясь въ то время на полдорогѣ между камерой и заднимъ фономъ. Съ нами въ комнатѣ была такъ называемая *планшетка*, извѣстная подъ названіемъ „Indicator“, очень быстро указывавшая по буквамъ, что намъ слѣдовало дѣлать, ибо „духи“ говорили, что они и сами еще не знаютъ, какъ производить эти изображенія и что прежде надо сдѣлать нѣсколько пробъ, и посовѣтовали намъ месмеризировать камеру, химическіе препараты и все вообще. Мы исполняли ихъ указанія отчасти ради забавы, отчасти изъ любопытства. Когда мы ихъ спросили, почему мы получили портретъ медіума въ положеніи, занимаемомъ имъ раньше, чѣмъ пластинка была выставлена, они отвѣтили, что онъ оставилъ на этомъ мѣстѣ свое „вліяніе“ и что будь въ комнатѣ ясновидящій, онъ и увидалъ бы медіума на этомъ мѣстѣ. Я этого не понимаю, но другого объясненія мы добиться не могли“ („Spiritualist“ № 234, февраля 16, 1877, стр. 76).

Эти фотографіи *невидимыхъ* человѣческому глазу *двойниковъ*—драгоцѣнные предшественники фотографій *видимыхъ и осязаемыхъ двойниковъ*, о которыхъ намъ придется говорить позднѣе.

Итакъ мы видимъ, что явленіе трансцендентальной фотографіи получалось у многихъ лицъ, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ. Есть еще не мало другихъ случаевъ, о которыхъ я и не упоминаю. Но ради историческаго интереса замѣчу, что первые признаки этого рода явленій относятся, какъ показываютъ мои справки, еще къ 1855 году. Въ „Spiritual Telegraph“, издававшемся въ Нью-Іоркѣ г-мъ Бриттаномъ (томъ VIII, стр. 152), я нахожу слѣдующую статью:

Дагерротипныя спиритическія изображенія.

„Было сдѣлано не мало опытовъ для разрѣшенія вопроса: могутъ ли получаться на дагерротипной пластинкѣ фигуры, или иныя спиритическія изображенія; но всѣ они оказались безуспѣшными, кромѣ случая, сообщеннаго мнѣ однимъ уважаемымъ другомъ изъ Нью-Орлеана. Самый фактъ состоитъ въ слѣдующемъ: м-ръ Г., дагерротипистъ и медіумъ, пробовалъ 8-го февраля снять портретъ своего маленькаго двухъмѣсячнаго сына, лежавшаго у бабушки на колѣняхъ... На третьемъ сеансѣ получился отличный портретъ ребенка, но странное дѣло: вверху дагерротипа изъ пункта, похожаго какъ бы на облачко, спускалась широкая свѣтовая полоса до самаго плеча ребенка и тутъ исчезала. Эта широкая и сплошная полоса походила на лучъ солнца, проникающій черезъ какое-нибудь отверстіе... При болѣе тщательномъ осмотрѣ замѣтно, что она нѣсколько прозрачна... Ни на одномъ изъ прежнихъ снимковъ не было ничего подобнаго и самое тщательное изслѣдованіе окружавшихъ предметовъ *не могло дать* достаточнаго *объясненія* оказавшагося результата“.

Вотъ еще другой случай, разсказанный на стр. 170 того же VIII тома 1855 г.:—„Нѣсколько дней тому назадъ одинъ изъ здѣшнихъ жителей м-ръ Генри Гэбгартъ выставилъ у насъ въ редакціи прекрасный фотографическій портретъ своего десятилѣтняго сына, представляющій слѣдующее странное явленіе: на груди ребенка, вкось, лежитъ очень опредѣленное свѣтовое пятно эллиптической формы, начинающееся повыше лѣваго плеча и оканчивающееся подъ правой рукою. Свѣтъ сильнѣе всего въ центрѣ и ослабѣваетъ по мѣрѣ приближенія къ краямъ. Для этого страннаго явленія не нашлось, повидимому, никакой естественной причины, ибо ни художникъ и никто другой не могли открыть ее“.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ легко узнать первоначальныя черты фотографій м-ра Битти.

Заканчивая главу о трансцендентальной фотографіи, я не могу обойти молчаніемъ одинъ изъ новѣйшихъ случаевъ этого рода. Рѣчь идетъ о фотографѣ Дж. Гартманѣ, въ Цинцинатѣ,

Огайо. Умолчать о немъ не могу, такъ какъ полученіе спиритическихъ фотографій въ его присутствіи было подвергнуто самому строгому изслѣдованію цѣлымъ комитетомъ фотографовъ и въ условіяхъ, которыя и Эдуардъ Гартманъ не можетъ не признать вполнѣ убѣдительными. Вотъ что мы читаемъ въ Бостонскомъ „Spiritual Scientist“ отъ 6-го января 1876 года: „Какъ извѣстно, спиритическія фотографіи получались въ Цинцинатѣ, въ мастерской м-ра Типля (Teeple, 100, West Fourth street, Cincinnati) черезъ Дж. Гартмана, за что тотъ подвергался сильнымъ нападкамъ со стороны скентиковъ, обвинявшихъ его въ мошенничествѣ. Не такъ давно, въ одной изъ нашихъ утреннихъ газетъ была статья въ три столбца, преисполненная всякихъ разсужденій и доводовъ въ доказательство, что все это пошлый обманъ и самъ Гартманъ наглѣйшій изъ шарлатановъ. Не смотря на то, что онъ на частныхъ сеансахъ давалъ доказательства, казавшіяся удовлетворительными, многіе изъ его друзей стали относиться къ нему недовѣрчиво, въ виду чего онъ на прошлой недѣлѣ обратился къ обществу вообще и къ фотографамъ въ особенности, съ заявленіемъ, что въ субботу, 25 декабря, онъ приглашаетъ къ себѣ всѣхъ желающихъ принять участіе въ публичныхъ безплатныхъ опытахъ, причемъ объяснилъ, что все веденіе дѣла будетъ возложено на участвующихъ въ изслѣдованіи; что имъ будетъ предоставлено выбрать комнату для опыта, принести свои собственныя, помѣченныя пластинки, свою камеру, химическіе препараты, однимъ словомъ все необходимое. Гартманъ же выговорилъ себѣ лишь одно право: самому приготовлять пластинки подъ надзоромъ опытныхъ фотографовъ, для отстраненія всякихъ подозрѣній въ обманѣ съ его стороны.

„Наступило свѣтлое рождественское утро и къ Гартману явилось шестнадцать человѣкъ, въ числѣ которыхъ было пять фотографовъ, практикующихъ въ нашемъ городѣ. По обсужденіи вопроса рѣшили отправиться въ фотографію м-ра Кеттера (№ 28, West Fourth-street). М-ръ Кеттеръ уже не разъ изобличалъ спиритическихъ фотографовъ, а Гартманъ никогда еще не бывалъ въ его мастерской, слѣдовательно, данныя были для

него, очевидно, вдвойнѣ неблагопріятны: онъ находился въ чужой мастерской и въ незнакомомъ ему обществѣ скеитиковъ, да еще сиеціалистовъ, болѣе другихъ способныхъ замѣтить малѣйшую поддѣлку.

„М-ръ Гартманъ далъ охотно свое согласіе на все, поставивъ лишь условіемъ, чтобы не было споровъ, шутокъ и разиыхъ выходокъ, словомъ или дѣломъ, могущихъ нарушить миръ и гармонію, необходимые для успѣха. Требованіе Гартмана, какъ совершеннно справедливое, было единогласно принято, и все общество направилось въ домъ м-ра Кеттера.

„При входѣ въ мастерскую, присутствующихъ пригласили занять мѣста по обѣимъ сторонамъ камеры и соединить между собой руки. Гартманъ пожелалъ быть осмотрѣннымъ и предложилъ завязать ему глаза, но послѣдняя мѣра была отвергнута фотографами, какъ излишняя. Затѣмъ Гартманъ избралъ м-ра Мореленда своимъ ассистентомъ и свидѣтелемъ того, что все дѣлается просто и честно. Выбрали еще м-ра Мермана, фотографа-практика и сильнаго скептика; втроемъ они вошли въ темную комнату, куда м-ръ Мерманъ взялъ свои собственныя пластинки. Приготовивъ ихъ, они вернулись къ камерѣ, Мерманъ вложилъ принесенную имъ пластинку и сѣлъ сниматься. Выставка происходила среди гробового молчанія, и затѣмъ пластинку унесли въ темную комнату, куда за ней послѣдовалъ и Гартманъ. Вскорѣ раздалось восклицаніе: „Результата нѣтъ!“ Скептики ликовали.

„Приготовили другую пластинку, причемъ Мерманъ опять прослѣдилъ за всѣми дѣйствіями Гартмана, но и въ этотъ разъ ничего не вышло. Скептицизмъ торжествовалъ...

„Теперь для всѣхъ манипуляцій былъ избранъ м-ръ Кеттеръ, собственникъ мастерской — сильный скептикъ и, по всей вѣроятности, лучшій въ городѣ экспертъ. Гартманъ, казалось, начиналъ падать въ уныніе и, отказавшись идти въ темную комнату, остался подлѣ камеры, погруженный въ глубокое раздумье. Въ темную комнату эксперты пошли безъ него, и Кеттеръ самъ приготовилъ пластинку. Вернувшись, они передали кассетку Гартману, который едва могъ вставить ее какъ слѣ-

дуетъ, такъ онъ былъ разстроенъ. Однако, онъ пригласилъ обоихъ джентльменовъ положить свои руки на камеру вмѣстѣ съ нимъ. Такъ произошла и третья выставка, — и опять безъ результата!

„Казалось, дѣла шли совсѣмъ плохо для бѣднаго Гартмана, но, тѣмъ не менѣе, онъ нредложилъ м-ру Кеттеру приготовить еще одну пластинку, а самъ болѣе нрежняго углубился въ свои думы. Мерманъ сидѣлъ возлѣ Гартмана и камеры, зорко наблюдая за каждымъ его движеніемъ, какъ онъ привыкъ это дѣлать въ своей долголѣтней практикѣ „обличенія профессіональпыхъ медіумовъ“.

„Когда Кеттеръ въ нрисутствіи Мореленда окончилъ въ темной комнатѣ приготовленія четвертой пластинки, онъ вынесъ ее оттуда въ кассеткѣ и вручилъ послѣднюю Гартману.

„Д-ръ Морро былъ выбранъ для позированія, а другой госиодинъ для паложенія рукъ на камеру, и снова пластинку выставили среди глубокаго молчанія. Гартманъ замѣтно дрожалъ и казалось былъ погруженъ въ нѣмую молитву. Руки лицъ, касавшихся камеры, тоже видимо дрожали, какъ будто подъ вліяніемъ какой-то тайной силы. Наконецъ Гартманъ прервалъ тягостное ожиданіе, закрывъ камеру; вслѣдъ за тѣмъ Кеттеръ, взявъ пластинку, въ сопровожденіи Мореленда удалился въ темную комнату для ея проявленія. Гартманъ продолжалъ стоять у камеры; на лбу его прибавились крупныя капли пота; остальное же общество въ глубокомысленномъ молчаніи ожидало приговора, который имѣлъ окончательно разбить любимыя надежды спиритовъ.

„Но вскорѣ раздалось громкое восклицаніе Мореленда и возгласъ удивленія Кеттера: „Есть результатъ!“ Лицо Гартмана просіяло, между тѣмъ какъ друзья его, едва вѣрившіе хорошей вѣсти, вмѣстѣ со скептиками толпились вокругъ м-ра Кеттера, державшаго на свѣтъ стеклянную пластинку. Дѣйствительно, около головы д-ра Морро, виднѣлась склонившаяся къ нему фигура молодой женщины, даже болѣе ясная и отчетливая, чѣмъ его портретъ! Этотъ неожиданный результатъ ириведъ всѣхъ въ изумленіе. Мерманъ смотрѣлъ на Кеттера, а

Кеттеръ съ неменьшимъ удивленіемъ на Мермана, повторяя— „что онъ тутъ не при чемъ, что это была одна изъ его пластинокъ, и что онъ хорошо знаетъ, что когда она попала въ камеру, на ней ничего не было. А изображеніе на лицо!“ *Гартманъ же вовсе не дотрагивался до пластинки, даже не входилъ въ темную комнату во время ея приготовленія. Какъ появилась эта фигура, онъ и самъ не знаетъ, но фигура тутъ!* Скептики и спириты были одинаково поражены результатомъ этого замѣчательнаго и рѣшающаго опыта.

„Рѣшающаго въ томъ смыслѣ, что, хотя Кеттеръ, Мерманъ и другіе не признали спиритическаго происхожденія фигуры на пластинкѣ, тѣмъ не менѣе всѣ сошлись въ томъ, что Гартманъ, при данныхъ условіяхъ—не входя въ темную комнату, не дотрагиваясь до пластинки, — не могъ какимъ нибудь фокусомъ произвести подобнаго изображенія. Всѣ присутствующіе согласились засвидѣтельствовать своею подписью полученный результатъ.

Свидѣтельство, выданное г. Гартману.

„Мы нижеподписавшіеся, участвовавшіе въ публичномъ изслѣдованіи спиритической фотографіи, предпринятомъ по желанію м-ра Дж. Гартмана, симъ свидѣтельствуемъ, что мы тщательно слѣдили за всѣми манипуляціями надъ нашими собственными помѣченными пластинками, какъ въ темной комнатѣ, такъ и внѣ ея, и что мы не нашли никакого признака обмана или фокуса со стороны м-ра Гартмана. Мы свидѣтельствуемъ еще, что во время послѣдняго опыта, давшаго результатъ, м-ръ Дж. Гартманъ не только не касался пластинки, но и вовсе не входилъ въ темную комнату“.

J. Slatter. — C. H. Murhman. — V. Cutter. — J. P. Weckman. — F. T. Moreland. — T. Teerle — профессіональные фотографы.

„ F. Saunders. — Wm. Warrington. — Joseph Kinsay. — Benjamin E. Hopkins. — E. Hopkins. — G. A. Carnaham. — Wm. Sullivan. — James P. Geppert. — D. V. Marrow. — M. D. и Robert Leslie“.

„Цинцинати, Огайо, 25 декабря 1875 г.“.

Перепечатано въ „Spiritualist“ № 179 (Томъ VIII, № 4, Лондонъ, 28 января 1876, стр. 37 и 38).

Но публика никогда не довольствуется подобными доказательствами и всегда требуетъ новыхъ, ибо никакое личное свидѣтельство не кажется достаточнымъ, коль скоро дѣло касается факта, относимаго къ области чудеснаго.

Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выданнаго Гартману свидѣтельства отъ имени шести фотографовъ, какъ онъ нашелъ себя вынужденнымъ сдѣлать новый вызовъ въ газетѣ „Cincinnati Enquirer“, и новый комитетъ, съ фотографомъ Слэтеромъ во главѣ, составился для окончательнаго разрѣшенія того же вопроса. Результатомъ его было новое торжество для Гартмана, какъ это видно изъ свидѣтельства, выданнаго ему этимъ комитетомъ и напечатаннаго въ „Spiritual Scientist“ 25 мая 1876, стр. 135 и перепечатаннаго въ „Spiritualist“ 1876, I, стр. 314.

Послѣ всего изложеннаго въ этой главѣ, мы кажется имѣемъ полное право считать явленіе трансцендентальной фотографіи за фактъ положительно доказанный; а если это такъ, то и гипотеза галлюцинаціи, на которую нашъ авторъ такъ сильно опирается, ужъ достаточно въ основѣ своей поколеблена, и я съ своей стороны — подобно тому, что Гартманъ утверждаетъ относительно несостоятельности спиритической гипотезы—могу сказать, что гипотеза галлюцинаціи уже теряетъ почву подъ собою и только искусно балансируетъ на узкой „опорѣ“ (см. Гартманъ: „Спиритизмъ“, стр. 133). Останется ли отъ этой узкой „опоры“ хотя что-либо, когда мы перейдемъ къ главѣ о матеріализаціяхъ, это мы вскорѣ увидимъ.

d) Матеріализація и дематеріализація чувственно-воспріемлемыхъ объектовъ.

Подъ этимъ заглавіемъ намъ предстоитъ спеціально заняться явленіемъ образованія различныхъ тѣлъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ, подлежащихъ чувственному воспріятію, большею частью, только въ теченіе непродолжитель-

наго времени. Явленіе это настолько внѣ всякаго вѣроятія, настолько выходитъ изъ ряду всей серіи обыкновенныхъ медіумическихъ явленій, что самъ Гартманъ, хотя и допускаетъ возможность реальности сихъ послѣднихъ, принимая для нихъ человѣческое свидѣтельство во всей его цѣльности, отказался принять его, когда ему пришлось приступить къ толкованію явленій матеріализаціи—онъ не призналъ въ нихъ никакого объективнаго содержанія и нашелъ необходимымъ перенести ихъ цѣликомъ въ область субъективнаго. Прежде чѣмъ перейти къ изученію явленія столь необычайнаго и сложнаго, мы должны себя спросить, не можемъ ли мы найти въ лѣтоисяхъ медіумизма другихъ какихъ-либо явленій болѣе простыхъ, такъ сказать болѣе обыкновенныхъ, которыя принадлежали бы къ тому же разряду и могли бы служить намъ антецедентами для допущенія и пониманія явленій болѣе сложныхъ, какъ намъ удалось это сдѣлать, говоря о трансцендентальной фотографіи? Такія болѣе простыя явленія дѣйствительно существуютъ, и они извѣстны подъ общимъ названіемъ фактовъ „проникновенія матеріи“, представляющихся большею частью въ видѣ „приноса“ и исчезновенія предметовъ въ замкнутомъ пространствѣ. Факты подобнаго рода составляютъ не малую часть всей совокупности медіумическихъ явленій; они проявлялися параллельно съ фактами частичной матеріализаціи съ самаго начала спиритическаго движенія. Но какъ факты, сравнительно говоря, болѣе простые и относящіеся большею частью къ предметамъ неодушевленнымъ, они наблюдались уже во всей ихъ полнотѣ, когда явленія матеріализціи находились еще въ своей элементарной стадіи, будучи по самой природѣ своей, явленіями сложиыми, подлежащими закону развитія. Факты ироникновенія матеріи, хотя на видъ и представляются весьма простыми, но тѣмъ не менѣе имѣютъ огромное значеніе. Они представляютъ намъ наглядное и положительное доказательство, что передъ нами *фактъ трансцендентальный*, т. е. являющійся результатомъ дѣйствія надъ веществомъ такихъ силъ, о которыхъ мы не можемъ составить себѣ никакого понятія.

И что особенно важно для нашей критики—принципъ,

лежащій въ основѣ этого явленія, уже допущенъ самимъ Гартманомъ, хотя и признается имъ, такъ сказать, молча. Упомянувъ о „экспансивномъ дѣйствіи медіумической нервной силы, преодолѣвающемъ сцѣпленіе матеріальныхъ частицъ“ (стр. 53), г. Гартманъ обозрѣваетъ медіумическія явленія, относящіяся до „проникновенія матеріи“, называя ихъ при этомъ „областью явленій особенно невѣроятныхъ“ (стр. 54). Онъ цитируетъ доказательные опыты Цёльнера и факты приноса предметовъ въ запертую комнату, столь многократно наблюдавшіеся при самыхъ убѣдительныхъ условіяхъ. И когда Гартманъ приступилъ къ явленіямъ матеріализаціи и къ толкованію ихъ посредствомъ галлюцинацій, наводимыхъ самимъ медіумомъ, онъ широко воспользовался медіумическимъ фактомъ проникновенія матеріи, допускаемымъ спиритами, чтобы отвергнуть реальную объективность всѣхъ явленій матеріализаціи, наблюдаемыхъ при уединеніи медіума: никакіе узы не могутъ удержать этого послѣдняго на своемъ мѣстѣ, — ни даже мѣшокъ, или клѣтка, въ которые медіумъ былъ бы посаженъ; „ибо если медіумъ сомнамбулъ можетъ проникать сквозь эти вещества, то ничто не мѣшаетъ ему, не смотря на всѣ эти предосторожности, выступить передъ зрителями въ качествѣ явленія“ (стр. 111).

Такимъ образомъ г. Гартманъ допускаетъ, въ принципѣ, возможность медіумическаго факта „проникновенія матеріи“, такъ же какъ допускаетъ возможность и всѣхъ другихъ явленій, опираясь на людское свидѣтельство. Но, говоря объ этихъ фактахъ и пользуясь ими для защиты своей галлюцинаторной теоріи, онъ не даетъ намъ для нихъ *никакого объясненія*; онъ только высказывается противъ гипотезы Цёльнера, прибѣгающаго къ четвертому измѣренію пространства, и склоняется скорѣе „въ пользу молекулярнаго потрясенія вещественной связи въ тѣлахъ“ (стр. 56), которое можетъ даже доходить до ихъ разрыва, какъ это иногда и наблюдалось. Но разъ фактъ „проникновенія“ одного твердаго, вещественнаго тѣла таковымъ же другимъ будетъ допущенъ даже въ принципѣ, то ясно, что мы не можемъ представить его себѣ иначе, какъ

предположивъ моментальную дезагрегацію твердаго вещества въ моментъ прохожденія предмета и его немедленное послѣ того возстановленіе, или говоря языкомъ медіумическимъ — его дематеріализацію и обратную матеріализацію. Само собою разумѣется, что это опредѣленіе только условное, за неимѣніемъ другихъ терминовъ, что оно относится только къ виду, а не къ сущности явленія. Здѣсь будетъ безполезно умножать примѣры подобныхъ фактовъ, такъ какъ Гартманъ цитируетъ ихъ въ достаточномъ количествѣ, но я приведу только два, имѣющихъ за собою то преимущество, что они совершились на глазахъ самого наблюдателя и не внезапно, а по даннымъ напередъ указаніямъ.

Вотъ о чемъ свидѣтельствуетъ м-ръ Коллэй въ письмѣ, напечатанномъ въ „Medium and Daybreak“ 1877 года (стр. 709), какъ о фактѣ, доказывающемъ возможность проникновенія матеріи сквозь матерію. Разсказавъ о томъ, какъ на одномъ сеансѣ съ медіумомъ Монкомъ, замѣтивъ присутствіе значительной силы, онъ сталъ держать подъ столомъ грифельную доску съ кусочкомъ карандаша (за неимѣніемъ грифеля) въ надеждѣ получить непосредственное писаніе, онъ продолжаетъ такъ: „Это однако мнѣ не удалось, на доскѣ оказалась только какая-то кавычка, какъ наглядное доказательство непригодности карандаша. Затѣмъ „Самуилъ“ (невидимый внушитель), говоря черезъ своего медіума, находившагося въ трансѣ, спросилъ какъ бы въ гнѣвѣ на негодный карандашикъ: „Сжечь его или утопить?“ — „Утопить его“, сказалъ я. — „Накрой рукой горлышко графина (посуда послѣ ужина не была еще убрана), — теперь, смотри внимательно!“ Карандашъ лежалъ на грифельной доскѣ около моихъ ногъ, и медіумъ, находившійся въ отдаленіи, ни разу до него не дотронулся. „Ну“— заговорилъ опять Самуилъ черезъ Монка, отводя его въ дальній уголъ комнаты и протягивая руку по направленію къ графину, —„будь же внимателенъ, смотри хорошенько“. И вмигъ крошечный карандашикъ словно проскочилъ сквозь мою руку въ графинъ и поплылъ по водѣ.

„Лондонъ, 1-го ноября 1877 г.

„Томасъ Коллэй“.

Нѣсколько позднѣе достопочтенный м-ръ Коллэй обнародовалъ еще слѣдующій опытъ. „На сеансѣ съ медіумомъ Монкомъ я написалъ на грифельной доскѣ:—„Можешь ли ты перенести эту доску на пятую ступеньку лѣстницы въ корридорѣ?“ Положивъ доску на полъ исписанной стороной внизъ, я громко спросилъ: „не напишутъ ли намъ на этой же доскѣ что нибудь свое?“ Только что я повернулся на свое мѣсто и взялъ руки Монка въ свои, какъ что-то тяжелое оттолкнуло мои ноги въ сторону и струя свѣта болѣе яркаго, чѣмъ отъ двухъ горѣвшихъ у насъ газовыхъ рожковъ, сверкнула изъ-подъ стола по направленію къ запертой двери; въ тотъ же моментъ раздался сильный трескъ, подобный тому, какъ если бы грифельную доску сильно бросить въ дверь; я потомъ это самъ провѣрилъ. Однако, хотя мы видѣли свѣтъ и слышали трескъ, но полета грифельной доски видно не было; только въ моментъ треска одна сторона ея рамки отлетѣла назадъ къ моей ногѣ и по ней скользнула на полъ. Видя въ этомъ указаніи, что грифельная доска, согласно моему желанію, была пронесена сквозь затворенную и запертую дверь, и что стало быть я опять былъ свидѣтелемъ удивительнаго явленія проникновенія матеріи сквозь матерію, я всталъ и, все еще держа Монка за руки, подошелъ съ нимъ вмѣстѣ къ двери, которую отворилъ; дѣйствительно, доска лежала на пятой ступени! Я поднялъ ее и нашелъ, что вновь на ней написанное вполнѣ соотвѣтствовало совершившемуся таинственному явленію, ибо на мой вопросъ: Можешь ли ты перенести эту доску на пятую ступень лѣстницы? было отвѣчено: „Суди самъ—вотъ она. Прощай!“ („Medium“ 1877 г., стр. 741).

Этотъ опытъ былъ повторенъ еще два раза при другихъ свидѣтеляхъ (тамъ же, стр. 761 и 786); на послѣднемъ опытѣ грифельная доска была моментально перенесена за двѣ мили отъ мѣста сеанса на квартиру одного изъ присутствующихъ.

Разъ фактъ проникновенія матеріи, т. е. моментальной дематеріализаціи и обратной матеріализаціи существующаго предмета, намъ данъ, мы приходимъ логически къ вопросу: почему сила, производящая эту дематеріализацію, не могла бы давать

дематеріализованнымъ тѣламъ, при ихъ обратной матеріализаціи, другой формы, чѣмъ принадлежавшая имъ прежде? Если сила, производящая это явленіе, есть сила нервная, какъ Гартманъ склоненъ, повидимому, допустить это, то мы должны вспомнить, что эта сила можетъ произвести на тѣлахъ пребывающіе отпечатки, то-есть произвести нѣкоторыя молекулярныя измѣненія, соотвѣтствующія не только формѣ органовъ медіума, отъ котораго эта сила исходитъ, но даже и всякой другой посторонней формѣ, какую бы только сомнамбулической фантазіи медіума ни вздумалось придать подобному отпечатку. А здѣсь эта самая нервная сила, дезагрегируя какое-либо тѣло, располагаетъ всѣми его атомами и, возстановляя тѣло при помощи этихъ атомовъ, могла бы дать ему ту форму, какую сомнамбулической волѣ медіума вздумалось бы создать. Это заключеніе не было бы противнымъ логикѣ гипотезы г. Гартмана и мы не видимъ причинъ, по которымъ онъ могъ бы отрицать его, предполагая, повторяю опять, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ нервною силою, одаренною тѣми атрибутами, которые приписываетъ ей г. Гартманъ.

На основаніи того же разсужденія мы имѣемъ право видоизмѣнить это заключеніе слѣдующимъ образомъ: сила, располагающая такою властью надъ веществомъ, не должна необходимо произвести дезагрегацію всей массы даннаго предмета, а можетъ ограничиться для какой-нибудь своей объективаціи нѣкоторымъ только количествомъ этой матеріи для образованія или подобія даннаго предмета, или другого отличнаго по формѣ. И дѣйствительно, спиритизмъ представляетъ намъ эти оба вида явленій, извѣстные подъ именемъ *раздвоенія* и *матеріализаціи*, одинаково обнимающіе предметы одушевленные и неодушевленные. Разграничительная линія между этими явленіями не можетъ, очевидно, быть совершенно опредѣленною, ибо она зависитъ только отъ степени уплотненія матеріализованнаго тѣла.

Что касается раздвоенія предметовъ неодушевленныхъ, то всего чаще наблюдалось раздвоеніе тканей. Фактъ довольно общеизвѣстный, что въ то время, когда медіума держатъ за

объ руки, нерѣдко видятъ подобіе его руки вмѣстѣ съ рукавомъ. Какъ на одинъ изъ наилучше удостовѣренныхъ фактовъ этого рода я могу указать на происшедшій во время электрическаго опыта Крукса съ г-жею Фай, который г. Гартманъ считаетъ, съ точки зрѣнія полной невозможности личнаго участія медіума, совершенно доказательнымъ. Вотъ его слова: „Связываніе посредствомъ прикосновенія электродамъ, какъ употребляли его Круксъ и Варлей при сеансахъ для физическихъ явленій съ г-жею Фай, можетъ считаться достаточнымъ обезпеченіемъ“ (стр. 22). А между тѣмъ рука, показавшаяся изъ-за занавѣски, была въ шелковомъ голубомъ рукавѣ, въ такомъ точно, какой былъ у медіума, и мы имѣемъ объ этомъ весьма категорическое свидѣтельство судьи г. Кокса, не признававшаго ни матеріализаціи, ни раздвоенія („Spiritualist“ 1875 г. 1, стр. 151). Съ точки зрѣнія г. Гартмана, это должна бы быть галлюцинація, но она не имѣетъ здѣсь достаточнаго основанія. Само собой понятно, что медіумъ и не подумалъ бы произвести галлюцинацію своего собственнаго платья; что касается до присутствующихъ, то они, разумѣется, никакъ не ожидали такого сюрприза. Другой фактъ подобнаго рода, столь же драгоцѣнный, произошелъ на сеансѣ Дэвенпортовъ въ темнотѣ; когда внезапно, съ цѣлью изобличенія, какой-то скептикъ зажегъ спичку, то увидали Дэвенпорта, сидящаго на своемъ мѣстѣ, привязаннаго по рукамъ и ногамъ къ стулу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершениаго двойника его (включая и платье), исчезающаго въ тѣлѣ медіума. (См. „Спиритуалистъ“ 1873 г., стр. 154—470; „Ferguson. Supramundane facts“ стр. 109; см. также любопытное показаніе Clifford Smith'a, „Spirit. Magas.“ 1872 г., стр. 489; также „Спиритуалистъ“ 1876 г. I, стр. 189). Говоря о раздвоеніи платья, приходится по необходимости говорить въ то же время и о раздвоеніи человѣческихъ формъ, антецедентъ котораго мы уже имѣемъ въ явленіяхъ трансцендентальной фотографіи, но здѣсь я не буду входить въ подробности, такъ какъ позднѣе мы вернемся къ этому предмету. Мы теперь прямо перейдемъ къ явленіямъ матеріализаціи.

А. А. Матеріализація и дематеріализація предметовъ неодушевленныхъ.

Я не забываю, что я долженъ говорить объ этомъ предметѣ единственно съ точки зрѣнія гипотезы галлюцинаціи. Г. Гартманъ не признаетъ свидѣтельства чувствъ, зрѣнія и осязанія, хотя бы одно подкрѣплялось другимъ и высказывалось нѣсколькими лицами за разъ. Матеріализація какого нибудь предмета на глазахъ самихъ свидѣтелей и его постепенная дематеріализація, наблюдаемая тѣми же самыми лицами,— что для обыкновеннаго сужденія и опыта есть верхъ требуемаго доказательства, и что неоднократно имѣло мѣсто на медіумическихъ сеансахъ—есть для г. Гартмана *поэтому самому* доказательство галлюцинаціи. Слѣдовательно, я долженъ пытаться доказать это явленіе посредствомъ остающихся отъ него неисчезающихъ слѣдовъ, изъ коихъ самыми положительными были бы не преходящія, а пребывающія матеріализаціи. Но здѣсь доказательство самое совершенное перестаетъ по этой именно причинѣ быть доказательствомъ, ибо предметъ, будучи разъ матеріализованъ, ничѣмъ не отличается отъ другого предмета. Такимъ образомъ, доказательство явленія не имѣло бы другого основанія, какъ то, на которое опирается и явленіе проникновенія матерій, т. е. человѣческое свидѣтельство; основываясь на немъ, я надѣюсь имѣть возможность представить нѣсколько фактовъ довольно удовлетворительныхъ.

Здѣсь намъ приходитъ на помощь трансцендентальная фотографія; въ ней мы имѣли принципіальное и положительное доказательство невидимой матеріализаціи разнаго рода неодушевленныхъ предметовъ, изъ коихъ чаще всего встрѣчаются ткани и цвѣты. См. образцы въ фототипіяхъ, табл. V-я и VI-я. Ткани, изображенныя на этихъ фотографіяхъ, не представляютъ, большею частью, ничего особеннаго, хотя иногда и бываютъ исключенія; такъ, напр., г. Галлонъ свидѣтельствуетъ, что на одной изъ фотографій Мумлера, изображавшихъ Ливермора вмѣстѣ съ его покойной женой, о чемъ мы говорили выше, „драпировка спиритической фигуры была самаго тонкаго,

изящнаго узора, и подъ микроскопомъ всего болѣе напоминала красоту рисунковъ на крыльяхъ бабочки“ („Spiritual.“ 1877 г. I, стр. 239). Мы также упомянули выше, что на одной изъ фотографій, полученныхъ Слэтеромъ, „изображеніе позировавшей было искусно закутано прозрачнымъ кружевомъ, которое при внимательномъ разсмотрѣніи оказалось состоящимъ изъ колечекъ разной величины, совершенно не похожихъ на кружева обыкновеннаго приготовленія“.

Руководствуясь этимъ антецедентомъ, мы имѣемъ право заключить, что явленіе матеріализаціи подобныхъ предметовъ должно имѣть мѣсто и въ области матеріализаціи, доступной для нашихъ внѣшнихъ чувствъ. И дѣйствительно, въ области медіумической феноменологіи мы находимъ не мало описаній матеріализаціи тканей и цвѣтовъ. Факты приноса этихъ предметовъ, при условіяхъ, исключающихъ всякую возможность обмана, весьма многочисленны, и такъ какъ Гартманъ не высказывается противъ реальности этого явленія, то мнѣ и не предстоитъ надобности подтверждать его цитатами о такого рода опытахъ. Вначалѣ предполагали, что одѣянія матеріализованныхъ фигуръ были сверхчувственнаго происхожденія, но вскорѣ пришли къ различенію между трансцендентальнымъ приносомъ тканей и временною ихъ матеріализаціей, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Первое изъ этихъ явленій, какъ мы это видѣли, является предшественникомъ второго, и этимъ послѣднимъ намъ и предстоитъ теперь заняться. Мы пришли логически къ гипотезѣ, что явленіе матеріализаціи могло бы произойти на счетъ даннаго предмета безъ полной его дематеріализаціи. И, судя по словамъ разумныхъ силъ, производящихъ это явленіе, оно такъ и происходитъ. Такимъ образомъ, временная матеріализація тканей совершается на счетъ тканей, носимыхъ присутствующими. Ткань служитъ медіумомъ для матеріализаціи тканей. Вотъ что я нахожу объ этомъ въ одномъ сообщеніи: „Невозможно создать подобный матеріалъ, если соотвѣтствующій матеріалъ не имѣется на медіумѣ или присутствующихъ, ибо всякая вещь въ матеріальномъ мірѣ имѣетъ свое соотвѣтствіе въ духовномъ. Обыкновенно выби-

рается бѣлое, но если-бы растительныя краски находились въ комнатѣ сеанса, то почти каждый изъ насъ могъ бы измѣнить свое бѣлое одѣяніе въ цвѣтъ этихъ красокъ; при нѣкоторомъ упражненіи этотъ опытъ могъ бы быть сдѣланъ на глазахъ присутствующихъ, какъ съ тканью нами матеріализованной, такъ и съ тканью изготовленной въ вашемъ мірѣ („Spiritualist“ 1878, I, стр. 15).

Мнѣ извѣстенъ только одинъ опытъ въ этомъ направленіи, сдѣланный м-ромъ Клнффордъ Смитомъ при помощи трансцендентальной фотографіи. Цѣлью опыта было доказать трансцендентальную матеріализацію ткани на счетъ ткани естественной, имѣвшую воспроизвести узоръ этой послѣдней. Собираясь приступить къ этому опыту, м-ръ Смитъ взялъ съ собой изъ дому свою цвѣтную шерстяную скатерть и вмѣстѣ съ м-ромъ Уильямсомъ (медіумомъ) отправился къ фотографу Гудсону. Вотъ его разсказъ: „М-ра Гудсона не было дома, но вскорѣ онъ вернулся. Мы прошли прямо въ его мастерскую. М-ръ Гудсонъ никогда не видѣлъ моей скатерти и ничего не могъ знать о моихъ намѣреніяхъ. Я спросилъ его: будетъ ли этотъ узоръ ясно видѣнъ на фотографіи? Онъ отвѣчалъ утвердительно и предложилъ сдѣлать снимокъ. Для этой цѣли я накинулъ скатерть на спинку стула, но какъ разъ въ ту минуту, когда онъ готовился приступить къ фотографированію, я, подъ вліяніемъ мгновеннаго внушенія, попросилъ м-ра Уильямса подойти ближе къ стулу, оставаясь однако за занавѣской. Самъ же я не спускалъ глазъ со скатерти, лежавшей на стулѣ. Въ результатѣ получилась фигура, окутанная въ бѣлое, съ лицомъ едва различаемымъ подъ покрываломъ; но характеристично было то, что на плечахъ этой фигуры точь въ точь, какъ я дома набрасывалъ эту скатерть на плечи Уильямса, *получился факсимилэ этой скатерти*, съ совершенно отчетливымъ узоромъ; онъ даже былъ отчетливѣе на фигурѣ, чѣмъ на стулѣ, *а между тѣмъ, все это время скатерть оставалась на стулѣ на нашихъ глазахъ*“ („Spiritual Magazine“ 1872 г., стр. 488).

Одинъ изъ самыхъ несомнѣнныхъ случаевъ матеріализаціи

ткани имѣлъ мѣсто на сеансахъ м-ра Крукса съ медіумомъ миссъ Кукъ, черезъ посредство матеріализованной фигуры, извѣстной подъ именемъ Кэти-Кингъ. М-ръ Гаррисонъ, издатель „Spiritualist'a", такъ свидѣтельствуетъ объ этомъ фактѣ: „Фигура, называвшая себя Кэти, сидѣла на полу, по сю сторону двери той комнаты, которая служила темнымъ кабинетомъ; внутри же кабинета, въ продолженіе всего сеанса, всѣ мы видѣли то, что принимали за лежавшую въ трансѣ миссъ Флорэнсъ Кукъ: голова ея была обращена въ противоположную отъ насъ сторону, такъ что лица мы видѣть не могли, но видѣли ея платье, ея руки, ея обувь. Кэти сидѣла на полу, внѣ кабинета; весьма къ ней близко сидѣли съ одной стороны м-ръ Круксъ, а съ другой м-ръ Таппъ. Въ числѣ присутствующихъ находились родители медіума, м-съ Россъ-Черчъ, я и еще нѣсколько другихъ лицъ, имена которыхъ теперь не припомню. Кэти вырѣзала изъ подола своего широкаго одѣянія около дюжины кусочковъ и раздала ихъ присутствующимъ; въ ткани остались большія дыры, нѣкоторыя даже такой величины, что сквозь нихъ можно было свободно просунуть руку. Тутъ, подъ вдохновеніемъ минуты, я сказалъ: „Кэти, если бы вы могли эту изрѣзанную ткань возстановить въ ея первобытномъ видѣ, какъ вы это иногда дѣлали, то это было бы очень хорошо". Надо имѣть въ виду, что это происходило при полномъ газовомъ освѣщеніи, при многихъ свидѣтеляхъ. Едва я выразилъ такое желаніе, какъ она спокойно накрыла изрѣзанную часть своего одѣянія тою частью, которая была цѣла и потомъ опять ее раскрыла, при чемъ ея спокойныя, медленныя движенія заняли не болѣе трехъ - четырехъ секундъ. И вотъ подолъ ея одѣянія оказался мгновенно возстановленнымъ — въ немъ не было болѣе ни одной вырѣзки. М-ръ Круксъ спросилъ, можетъ ли онъ его разсмотрѣть, на что она изъявила свое согласіе. Онъ перебралъ руками весь подолъ, дюймъ за дюймомъ, внимательно разсмотрѣлъ его, и заявилъ, что тутъ не было болѣе ни единой вырѣзки, ни шва, ни иного признака. М-ръ Таппъ испросилъ себѣ такое же позволеніе и послѣ долгаго и тщательнаго изслѣдованія заявилъ то-же самое" („Spiritualist"

1877, № 246, стр. 218). См. свидѣтельство объ этомъ же фактѣ другихъ лицъ въ „Спиритуалистѣ“ 1874 г., I т., стр. 235, 258 и 259. Подобные опыты неоднократно производились и съ другими медіумами („Спиритуалистъ“ 1877 г. I т., 182; „Light“ 1885 г., стр. 258).

Гартманъ, упоминая объ этомъ явленіи, заключаетъ: „Изъ этого ясно, что въ данномъ случаѣ имѣется соединеніе галлюцинаціи зрѣнія и осязанія“ (стр. 128). Но затрудненіе здѣсь въ томъ, что *отрѣзанные куски тканей не исчезаютъ* и я видѣлъ у г-на Гаррисона тотъ, который былъ имъ отрѣзанъ. Такимъ образомъ мы передъ дилеммой: или одѣяніе было галлюцинаторное и тогда кусокъ ея не могъ быть отрѣзанъ и остаться, или одѣяніе было реально, и тогда вырѣзанное мѣсто не могло быть возстановлено. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, г. Гартманъ прибавляетъ: „Когда же видѣніе заставляетъ самихъ зрителей отрѣзывать куски отъ своего платья и куски эти на ощупь грубы, какъ земныя ткани, то является *сомнѣніе* относительно того, есть-ли это галлюцинація осязанія, или *приносъ дѣйствительнаго предмета*“ (стр. 129). Какимъ же образомъ г. Гартманъ разрѣшаетъ это „сомнѣніе“? Вотъ какъ: „если же образцы матеріи потомъ исчезаютъ и не могутъ быть найдены послѣ сеанса, то галлюцинаторный характеръ ихъ доказанъ; если же они остаются на лицо, то ихъ реальность и земное происхожденіе не подлежатъ сомнѣнію“ (тамъ-же). Но какъ же объяснить это „земное происхожденіе“? Гартманъ намъ уже отвѣтилъ: если это не галлюцинація осязанія и зрѣнія, то это „приносъ дѣйствительнаго предмета“. Со стороны г. Гартмана это слово неосторожное. Онъ не имѣетъ права говорить о *приносахъ* для объясненія какого-бы то ни было медіумическаго явленія. „Приносъ“ есть фактъ трансцендентальный, необъяснимый, по крайней мѣрѣ г. Гартманъ не далъ ему никакого объясненія. Поэтому объяснять фактъ происхожденія ткани посредствомъ „приноса“, значитъ объяснять необъяснимое посредствомъ необъяснимаго, а г. Гартманъ обязанъ давать намъ объясненія естественныя. Если онъ даетъ это объясненіе съ точки зрѣнія спиритовъ, допу-

скающихъ приносъ, то это не измѣняетъ дѣла; онъ не имѣетъ права позволить спиритамъ этой точки зрѣнія, ибо онъ взялся за перо, чтобы научить ихъ „тѣмъ тремъ методологическимъ законамъ, противъ которыхъ спиритизмъ грѣшитъ“, и изъ коихъ третій учитъ тому, что „слѣдуетъ сколь возможно дольше обходиться естественными причинами“ (стр. 147)— и чтобъ доказать имъ, что въ спиритизмѣ „нѣтъ ни малѣйшаго повода переступать за порогъ естественныхъ объясненій“ (стр. 133).

Доказательствомъ того, что матеріализованная ткань не есть приносъ ткани земного происхожденія было бы ея постепенное исчезновеніе, не на сеансѣ, подъ галлюцинаторнымъ вліяніемъ медіума, но внѣ этого условія. И эта постепенная дематеріализація могла бы быть констатирована посредствомъ фотографіи. Но это будетъ опытомъ будущаго. Для настоящаго времени мы имѣемъ только нѣсколько наблюденій, констатирующихъ фактъ матеріализаціи тканей на глазахъ присутствующихъ, отрѣзыванія куска подобной ткани, ея сохраненія въ продолженіе нѣсколькихъ дней, ея постепенной дематеріализаціи и, наконецъ, ея исчезновенія.

Мы переходимъ теперь къ матеріализаціи цвѣтовъ. Приносъ ихъ въ запертую комнату наблюдался очень часто, но ихъ матеріализація — явленіе весьма рѣдкое. Первые факты подобнаго рода появились у м-ра Ливерморъ при медіумѣ миссъ Кэтъ Фоксъ (См. его письма въ „Spiritual Magazine“ 1861 г., стр. 494 и др.). Вотъ свидѣтельство м-ра А. Д. Дэвиса въ „Herald of Progress“:

„Въ одномъ изъ спиритическихъ кружковъ Нью-Іорка неоднократно формировались прекрасные живые цвѣты, химически и артистически созданные изъ необходимыхъ для того элементовъ, всегда находящихся въ атмосферѣ. Эти образцы спиритическаго творчества подносились членамъ кружка. Каждый цвѣтокъ, врученный кому-либо изъ нихъ, оказывался, такимъ образомъ, вполнѣ доступнымъ чувственному воспріятію. Запахъ его былъ совершенно явственъ для обоянія, а стебель и листья можно было осязать и держать въ рукѣ. На

одномъ изъ сеансовъ было дано указаніе положить такой цвѣтокъ на каминъ, что и было исполнено однимъ изъ членовъ кружка, который затѣмъ вернулся на свое мѣсто; въ глазахъ всѣхъ присутствующихъ, устремленныхъ на цвѣтокъ, онъ въ продолженіе двѣнадцати минутъ совершенно исчезъ („Spiritual Magazine“ 1864 г., стр. 13). Въ сочиненіи Вольфа „Startling Facts“ (Поразительные факты) на стр. 508 и 530 мы читаемъ слѣдующее: „Подъ скатертью былъ виденъ свѣтъ, который, становясь все болѣе и болѣе яркимъ, принялъ, наконецъ, форму прекраснаго, вполнѣ законченнаго цвѣтка. Когда онъ совсѣмъ сформировался, державшая его рука высунулась изъ-иодъ скатерти на столько, что была видна ея кисть. Ее можно было разсматривать въ продолженіе полминуты, послѣ чего она скрылась, но вскорѣ опять появилась. Разстояніе между цвѣткомъ и нашими глазами было не болѣе двѣнадцати дюймовъ. По цвѣту, величинѣ, формѣ цвѣтокъ походилъ на центифольную розу“.

Эти матеріализаціи, будучи преходящими, не могутъ служить отвѣтомъ на галлюцинаторную теорію Гартмана, хотя есть полное основаніе полагать, что фотографія могла бы дать требуемое доказательство ихъ объективнаго существованія; не сомнѣваюсь, что со временемъ этотъ опытъ будетъ сдѣланъ, теперь же я привожу эти факты только потому, что они составляютъ какъ бы первую естественную ступень къ матеріализаціи цвѣтовъ и плодовъ, образующихся воочію и имѣющихъ характеръ непреходящей вещественности. Самые удивительные факты этого происходили въ Нью-Кестлѣ при посредствѣ медіумизма м-съ Эсперансъ; они подробно описаны въ „Medium“ 1880 г., №№ 528, 538 и 542 и въ „Herald of Progress“ 1880 г., издававшемся въ Нью-Кестлѣ. Явленіе это совершалось при троякихъ условіяхъ: 1) въ стаканѣ съ водой; 2) въ ящикѣ со свѣжей землей и 3) въ графинѣ съ пескомъ и водой. Происходило это на матеріализаціонныхъ сеансахъ; медіумъ находился въ отдѣльномъ кабинетѣ, а дѣйствующимъ лицомъ была матеріализованная фигура, выдававшая себя за молодую аравитянскую дѣвушку, по имени Іоланда.

Вотъ нѣсколько подробностей этого явленія, повторявшагося нѣсколько разъ на глазахъ многочисленныхъ зрителей.

1. М-ръ Фиттонъ въ виду всѣхъ присутствующихъ держалъ на ладони стаканъ съ небольшимъ количествомъ воды; въ немъ ничего другого не было, но едва Іоланда сдѣлала надъ нимъ нѣсколько пассовъ, какъ въ стаканѣ появился маленькій розовый бутончикъ; когда онъ распустился до половины, Іоланда вынула его изъ стакана и вручила м-ру Фиттону; онъ же передалъ его на нѣсколько минутъ м-съ Фидлеръ и, когда взялъ обратно, онъ оказался вполнѣ распустившейся розой. („Medium“ 1880 г., стр. 466).

2. Для образованія цѣлаго растенія таинственный дѣятель потребовалъ деревянный ящикъ со свѣжей землей *и живое здоровое растеніе*, имѣвшее служить медіумомъ, что и было доставлено однимъ изъ членовъ кружка. На сеансѣ 20 апрѣля 1880 года ящикъ съ землею поставили по серединѣ комнаты и около него растеніе — гіацинтъ-медіумъ. Іоланда полила землю поданной ей водою, накрыла ящикъ съ этой землей покрываломъ и удалилась въ кабинетъ. Отъ времени до времени она оттуда выходила, устремляла пристально взглядъ на покрывало, или дѣлала надъ нимъ пассы и снова скрывалась въ кабинетъ. Минутъ черезъ двадцать покрывало начало точно само собою подниматься и рости въ ширину и вышину. Тогда Іоланда сняла покрывало и всѣ увидали въ ящикѣ прекрасный, совершенно свѣжій *пеларгоніумъ*, 29 дюймовъ вышиною, съ листьями отъ одного до 5 дюймовъ въ ширину. Его пересадили въ обыкновенный цвѣточный горшокъ и онъ продолжалъ рости, тогда какъ растеніе, послужившее медіумомъ, очень скоро погибло („Medium“ 1880 г., стр. 306). Такимъ же образомъ на сеансѣ 22 іюня въ теченіе получаса былъ выращенъ кустикъ земляники съ ягодами различной степени зрѣлости. Этотъ разъ медіумомъ служила герань („Medium“ 1880 г., стр. 466).

3. Выращиваніе растеній въ графинѣ съ водой, на сеансѣ 4-го августа 1880 г., описано м-ромъ Окслеемъ слѣдующимъ образомъ въ № 8 „Herald of Progress“, издаваемаго въ Нью-

Кестлѣ: „Выйдя изъ кабинета, Іоланда сдѣлала знакъ, чтобы ей подали графинъ, воду и песокъ (только-что купленный передъ сеансомъ) и, присѣвши на полъ въ виду у всѣхъ, подозвала м-ра Реймерса, который, слѣдуя ея указаніямъ, насыпалъ въ графинъ песку и налилъ воды. Іоланда поставила графинъ почти на середину комнаты, сдѣлала надъ нимъ нѣсколько круговыхъ пассовъ, покрыла легкимъ бѣлымъ покрывальцемъ и отошла къ кабинету, оставаясь приблизительно, въ трехъ футахъ отъ графина. Въ ту же минуту мы увидали, какъ изъ-подъ покрывала стало что-то подниматься и распространяться во всѣ стороны, покуда не достигло, приблизительно, до 14 дюймовъ въ вышину. Когда Іоланда подошла и сняла бѣлое покрывало, мы увидали, что изъ графина дѣйствительно выросло настоящее растеніе: съ корнями, стеблемъ и зелеными листьями. Іоланда взяла графинъ съ растеніемъ и, подойдя прямо къ тому мѣсту, гдѣ я сидѣлъ, вручила его мнѣ. Взявъ графинъ въ руки, я и мой пріятель Кальдеръ внимательно осмотрѣли растеніе, бывшее тогда еще безъ цвѣтовъ. Затѣмъ я поставилъ графинъ на полъ, въ двухъ футахъ отъ себя. Іоланда скрылась въ кабинетъ; оттуда раздались стуки и посредствомъ ихъ намъ было сказано: „Посмотрите теперь на растеніе“, и Кальдеръ, поднявъ графинъ, воскликнулъ съ удивленіемъ: „Каково! на немъ цвѣтокъ!“ И дѣйствительно, на немъ оказался большой цвѣтокъ. Такимъ образомъ въ тѣ нѣсколько минутъ, что графинъ простоялъ у моихъ ногъ, растеніе выросло на 6 дюймовъ, дало нѣсколько новыхъ листьевъ и одинъ пышный цвѣтокъ, золотисто-краснаго или оранжеваго цвѣта“ („Medium“, 1880 г., стр. 529).

Что явленіе это не было простой галлюцинаціей, подтверждается тѣмъ, что м-ръ Окслей на слѣдующій день снялъ фотографію съ этого растенія; оказалось, что это была *Ixora coccata*; рисунокъ съ ея изображеніемъ приложенъ къ статьѣ Оклея въ „Herald“’ѣ и къ сочиненію м-съ Эммы Гардинжъ-Бриттенъ „Miracles of the XIX Century“ (Чудеса 19-го столѣтія [1]).

---

[1]) Онъ также помѣщенъ и въ нѣмецкомъ отвѣтѣ моемъ.

М-ръ Окслей, къ которому я обратился за нѣкоторыми разъясненіями, былъ такъ любезенъ, что вмѣстѣ съ отвѣтомъ на мои вопросы прислалъ мнѣ хорошую фотографію, изображающую все растеніе вмѣстѣ съ графиномъ, сквозь который видны и его корни, и песокъ, въ которомъ оно выросло. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ м-ръ Окслей подтверждаетъ фактъ необыкиовеннаго происхожденія этого растенія и, между прочимъ, говоритъ: „Не менѣе двадцати человѣкъ были очевидцами этого явленія, имѣвшаго мѣсто при освѣщеніи хотя и умѣренномъ, но все-таки вполнѣ достаточномъ, чтобы видѣть все происходившее... Покрывало плотно прилегало къ горлышку графина и всѣ мы отлично видѣли, какъ оно постепенно надъ нимъ приподнималось.“ Кромѣ того м-ръ Окслей былъ на столько обязателенъ, что прислалъ мнѣ часть самого растенія для сравненія съ фотографіей, именно его верхушку, состоящую изъ цвѣтка и трехъ листьевъ, срѣзанныхъ и положенныхъ подъ стекло послѣ снятія фотографіи. По измѣреніи высушеннаго растенія оказалось, что его листья имѣютъ 17—18 сантиметровъ длины и 6 ширины; что же касается до цвѣтка, то онъ состоитъ изъ пучка въ сорокъ пестиковъ, четырехъ сант. длины, изъ коихъ каждый заканчивается маленькимъ цвѣточкомъ въ четыре лепестка.

Такъ какъ г. Зеллинъ изъ Гамбурга присутствовалъ на этомъ сеансѣ, то я, конечно, пожелалъ заручиться и его свидѣтельствомъ и обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ:

„С.-Петербургъ, 7/19 апрѣля 1886 г.

„Милостивый государь!

„Такъ какъ вы вмѣстѣ съ гг. Окслеемъ и Реймерсомъ присутствовали на томъ сеансѣ г-жи Эсперансъ, гдѣ произошло необыкновенное выращиваніе растенія, врученнаго Голандой м-ру Окслею, то ваше свидѣтельство имѣло бы для меня особенную цѣну, и я позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой отвѣтить мнѣ на слѣдующіе вопросы:

„1. При какомъ освѣщеніи произошло упомянутое явленіе?

„2. Вполнѣ ли вы увѣрены, что видѣли именно тотъ самый сосудъ, въ которомъ выросло растеніе, и что въ этомъ сосудѣ кромѣ воды и песку ничего не было?

„3. Видѣли ли вы совершенно ясно, какъ растеніе постепенно выростало изъ сосуда и достигло указанной въ описаніи мѣры?

„4. Видѣли ли вы также, что при врученіи растенія м-ру Оклею, на немъ не было цвѣтка, и что онъ появился только впослѣдствіи?

„5. Имѣете ли вы какое-нибудь сомнѣніе въ подлинности явленія и если нѣтъ, то какъ вы его объясните? Вы меня крайне обяжете, отвѣтивъ на эти вопросы.

„Съ полнымъ уваженіемъ и пр.“.

Въ отвѣтъ на это письмо, г. Зеллнпъ любезно сообщилъ мнѣ слѣдующее:

„Гамбургъ, 5-го мая 1886 г.

Borgfelde Mittelweg, 59.

„Милостивый государь!

„Прошу васъ извинить меня, что такъ поздно отвѣчаю на письмо ваше отъ 19 апрѣля, полученное мною только 27-го, по возвращеніи изъ Англіи, гдѣ я провелъ двѣ недѣли. Надѣюсь, что отвѣтъ мой придетъ еще во время.

„Прилагаю здѣсь, для большей наглядности, набросокъ плана комнаты, гдѣ происходили сеансы, съ обозначеніемъ кабинета и мѣстъ, занимаемыхъ нами.

„Въ размѣрахъ прилагаемаго чертежа я не соблюдалъ строгой точности, что, впрочемъ, и не важно; мнѣ надо только указать занимамое мною мѣсто, которое, какъ вы сами увидите, ставило меня въ наиболѣе благопріятныя условія для наблюденія.

„Что же касается до вашихъ вопросовъ, то:

„1. Очень трудно опредѣлить силу свѣта. Комната освѣщалась газомъ, горѣвшимъ въ окнѣ за красной занавѣской, причемъ пламя могло регулироваться изъ комнаты: его то уве-

личивали, то уменьшали. Пока продолжался процессъ произрастанія, освѣщеніе было слабое, но однако достаточное, чтобы не только видѣть очертанія Іоланды и ясно различать покрытый бѣлымъ графинъ, но и наблюдать постепенное приподниманіе покрывала соотвѣтственно росту растенія. Я находился, какъ показываетъ чертежъ, не далѣе трехъ футовъ отъ растенія и потому могу сказать съ увѣренностью, что бѣлое покрывало въ три минуты поднялось приблизительно на 16 дюймовъ. Когда затѣмъ Іоланда сняла покрывало съ растенія, которое я ни на минуту не выпускалъ изъ виду, то увидя неизвѣстную мнѣ „Ixora crocata“, я принялъ ее сперва за фикусъ. Свѣтъ позволялъ различать каждый листикъ, такъ что я замѣтилъ свою ошибку ранѣе, чѣмъ Іоланда перенесла графинъ съ цвѣткомъ къ м-ру Окслею.

„2. Сосудъ, употреблявшійся при этомъ (графинъ съ горлышкомъ меньше дюйма въ діаметрѣ) совершенно вѣрно изображенъ въ „Herald of Progress“; я видѣлъ его, какъ въ началѣ сеанса, такъ не разъ и послѣ, и могъ хорошо разсмотрѣть, ибо въ то время, какъ въ комнату вносили графинъ, песокъ, стаканъ съ водою и листъ газетной бумаги, свѣтъ былъ усиленъ. Пунктъ этотъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Ходъ сеанса былъ слѣдующій. Послѣ того, какъ въ его началѣ Іоланда раздала свои розы, она удалилась въ кабинетъ и от-

туда стуками были потребованы вышеназванные предметы. Оклей говоритъ, что еще до сеанса (вѣроятно, посредствомъ автоматическаго письма) было дано указаніе держать ихъ на готовѣ. М-ръ Армстронгъ, въ честности котораго я вполнѣ убѣжденъ, будучи распорядителемъ сеанса, самъ принесъ эти вещи. М-съ Эсперансъ въ это время не была въ трансѣ, или, по крайней мѣрѣ, не въ полномъ, ибо говорила въ кабинетѣ и неоднократно кашляла. Когда свѣтъ уменьшили, возвратившаяся въ кабинетъ Іоланда поманила къ себѣ м-ра Реймерса и знаками показала ему положить газету на полъ, а поставленный на нее графинъ наполнить пескомъ до извѣстной вышины, затѣмъ влить туда часть воды. Реймерсъ продѣлывалъ все это, стоя на колѣняхъ у одного края газеты, а Іоланда стояла противъ него тоже на колѣняхъ, у другого ея края. Когда Реймерсъ окончилъ свою работу, Іоланда, поцѣловавъ его въ лобъ, сдѣлала ему знакъ вернуться на свое мѣсто. Сама же встала и покрыла графинъ бѣлымъ покрываломъ. Откуда она его достала? было ли оно частью ея собственнаго одѣянія, или же она его „сформировала“ тутъ же— рѣшить не берусь. Я знаю одно, что съ момента накрытія графина покрываломъ я могъ хорошо наблюдать какъ за графиномъ, такъ и за фигурой до той минуты, какъ она сняла покрывало.

„3. Отвѣтъ на него заключается въ вышесказанномъ.

„4. Что при снятіи покрывала на растеніи не было цвѣтка, я могу засвидѣтельствовать съ полной увѣренностью уже потому, что будь на немъ этотъ крупный (съ кулакъ величиной) шаровидный (въ родѣ гортензіи) цвѣтокъ, я бы, конечно, никогда не принялъ его за фикусъ. Но за то я не могу навѣрное утверждать, чтобы на немъ не было маленькаго бутона; я не видалъ таковаго, но если онъ былъ въ первомъ періодѣ своего развитія, то я легко могъ его не замѣтить. Въ этомъ пунктѣ приходится вполнѣ положиться на показанія м-ра Оклея и достопочтеннаго Джона Кальдера. Когда черезъ нѣсколько минутъ прибавили свѣта и всѣ присутствующіе еще разъ осмотрѣли растеніе, на немъ уже положительно находился

готовый распуститься бутонъ. Затѣмъ графинъ поставили на шкафчикъ, гдѣ онъ и оставался до конца сеанса, въ теченіе котораго изъ кабинета появлялось еще до шести матеріализованныхъ фигуръ, подходившихъ къ присутствующимъ. Когда же по окончаніи сеанса м-ръ Оклей снялъ со шкафчика графинъ, чтобы взять его къ себѣ домой, я воспользовался случаемъ еще разъ посмотрѣть на растеніе и увидалъ, что въ пучкѣ уже раскрылись три бутона краснаго желтовато-оранжеваго цвѣта. А на другое утро, когда мы понесли его къ фотографу, весь пучекъ былъ уже въ полномъ цвѣту, какъ видно на фотографіи. Разсматривая болѣе тщательно листъ, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ былъ поврежденъ и потомъ заросъ. На сеансѣ 5-го августа, гдѣ такимъ же образомъ выросъ въ горшкѣ съ землей „Anthurium Scherzerianum“ — растеніе центральной Америки, я спросилъ, чѣмъ можно объяснить такой шрамъ на только что выросшемъ растеніи; на это мнѣ отвѣтили, что Іоланда слишкомъ поспѣшно скинула покрывало и при этомъ повредила листокъ, который соотвѣтственно быстрому росту всего растенія такъ же скоро и зажилъ.

„5. Судя по всему ходу дѣла, я рѣшительно не имѣю никакого сомнѣнія въ подлинности явленія, хотя сперва меня очень непріятно поразилъ этотъ шрамъ на листѣ; то мѣсто, на которомъ стоялъ графинъ, было мною осмотрѣно днемъ, при посѣщеніи комнаты м-съ Эсперансъ, и я не нашелъ ничего похожаго на транъ или тому подобное. Что же касается до объясненія, то, разумѣется, я стою передъ загадкой, какъ въ большинствѣ медіумическихъ явленій. Возможно, что это былъ обыкновенный приносъ (apport), какъ и съ розами, которыя она раздавала изъ стакана. Тѣ розы были чисто земнаго происхожденія; я довольно долго сберегалъ ихъ и затѣмъ выбросилъ, когда онѣ завяли. Въ данномъ же случаѣ вся трудность представляется въ посадкѣ растенія въ графинъ. Горлышко его было такъ узко, что я считаю почти невозможнымъ, чтобы вполнѣ развившіеся корни были всунуты въ графинъ и тамъ совершенно естественно посажены въ сырой песокъ.

Я долженъ сознаться, что нахожу подобное предположеніе совершенно не соотвѣтствующимъ тому постепенному поднятію покрывала въ вертикальномъ направленіи, которое мнѣ было такъ ясно видно.

„Еще можно предположить, что матеріализованная фигура, въ то время какъ Реймерсъ наполнялъ графинъ сырымъ пескомъ, или позже, когда она накрывала его, опустила туда росточекъ или сѣмячко иксоры (я слишкомъ мало знакомъ съ ботаникой, чтобъ рѣшить, что правдоподобнѣе) и затѣмъ, при помощи неизвѣстной намъ силы, произвела ненормально быстрое произрастаніе его. Этого объясненія я и придерживаюсь до сихъ поръ. По крайней мѣры ускоренный ростъ растеній подъ вліяніемъ электрическаго свѣта (испытанный г. Реймерсомъ) представляетъ извѣстную аналогію.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ

„Вашъ покорнѣйшій слуга

„К. В. Зеллинъ“.

Разумѣется, что эти растенія не создались изъ ничего; но что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ простымъ явленіемъ приноса, это ясно изъ того, что тутъ имѣло мѣсто постепенное развитіе — что и составляетъ именно характеръ явленія матеріализаціи, какъ о томъ можно судить, когда она происходитъ на глазахъ у наблюдателей. Этотъ процессъ развитія очевиденъ въ особенности изъ того обстоятельства, что когда покрывало было уже снято и растеніе тщательно осмотрѣно, оно выросло еще на шесть дюймовъ, и произвело еще нѣсколько листьевъ и большой цвѣтокъ въ пять дюймовъ поперечнику, состоящій изъ полусотни маленькихъ цвѣточковъ; это доказываетъ, что въ той части растенія, которая была выращена въ первый періодъ его развитія, содержался огромный запасъ жизненности и матеріальныхъ элементовъ, находившихся въ скрытомъ состояніи. Такъ какъ матеріализованныя растенія, о которыхъ мы говорили, не носятъ подобія растеній, служившихъ имъ медіумами, и такъ какъ „Ixora“ была выращена, повидимому,

безъ содѣйствія какого-либо постороняго растенія, то можно предположить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ смѣшаннымъ — приноса и матеріализаціи; такъ, быть можетъ, что эти растенія были дематеріализованы на мѣстѣ и при переносѣ ихъ типической сущности постепенно вновь матеріализованы на сеансѣ съ помощью жизненнаго начала другого растенія, или безъ онаго. Какъ бы то ни было, это во всякомъ случаѣ процессъ матеріализаціи, произведенный на глазахъ самихъ наблюдателей, и его не галлюцинаторный характеръ доказанъ.

Что въ явленіяхъ подобнаго рода мы имѣемъ дѣло не съ простыми приносами, это видно изъ случая *неудачи* подобнаго опыта: на одномъ изъ этихъ сеансовъ все было приготовлено, какъ по обыкновенію,—ящикъ съ землею, вода, покрывало и растеніе-медіумъ. Іоланда явилась, продѣлала всѣ свои обычныя манипуляціи, и наконецъ „оттолкнула ящикъ съ такимъ явнымъ отвращеніемъ, которое возбудило бы смѣхъ при всякомъ другомъ, менѣе интересномъ случаѣ. Она пояснила, что земля была лежалая, промозглая, а потому подъ ея руками только и явилась одна плѣсень“ („Medium“, стр. 466). Ясно, что приносъ не имѣлъ бы ничего общаго съ землею и ея качествомъ.

Мнѣ остается для завершенія серіи матеріализаціи неодушевленныхъ предметовъ упомянуть о матеріализаціи металла при поредствѣ другого металла. Антецедентъ этого явленія мы имѣемъ въ приносахъ или исчезновеніяхъ и появленіяхъ металлическихъ предметовъ, что неоднократно имѣло мѣсто на сеансахъ (см. у Крукса приносъ колокольчика изъ его кабинета въ столовую сквозь запертыя двери); но изъ случаевъ матеріализаціи я знаю только слѣдующій, и такъ какъ тутъ идетъ рѣчь о золотомъ кольцѣ, то я предпошлю ему спеціальный случай *дематеріализаціи золотого кольца* въ то время, какъ его держали въ рукѣ. Вотъ о чемъ намъ свидѣтельствуетъ г. Като фонъ Розевельдъ, членъ правленія голландской Гвинеи. Будучи въ Лондонѣ, онъ имѣлъ сеансъ съ миссъ Кэтъ Кукъ (сестрою извѣстной Флоренсъ Кукъ), на которомъ, между прочимъ, произошелъ слѣдующій фактъ: „г-жа Кукъ, мать ме-

діума, дала мнѣ,—говоритъ г. Розевельдъ—два золотыхъ кольца, которыя я надѣлъ на пальцы Леліи (матеріализованной фигуры), сказавъ, что такъ какъ ей не приходится носить эти украшенія въ своемъ мірѣ, то было бы лучше возвратить ихъ мнѣ для передачи г-жѣ Кукъ. Она сняла кольца и я принялъ ихъ въ свою правую руку. „Держите ихъ крѣпко, — сказала она, — ибо я ихъ растворю“ Я держалъ кольца крѣпко между пальцевъ, но они становились меньше и меньше и черезъ полминуты совершенно исчезли. „Вотъ они“, сказала Лелія, и показала мнѣ кольца въ своей рукѣ; я тогда взялъ ихъ и передалъ г-жѣ Кукъ“ („Спиритуалистъ“ 1879 года, II томъ, стр. 159).

Перейдемъ теперь къ соотвѣтствующему факту матеріализаціи золотого кольца. Вотъ явленіе, наблюдавшееся на серіи сеансовъ совершенно домашнихъ съ частнымъ медіумомъ, г-нъ Спригсомъ, и упоминаемое однимъ изъ членовъ кружка, г. Смартомъ, въ письмѣ, напечатанномъ въ „Light“’ѣ 1886 г., стр. 94. „Та же фигура однажды матеріализовала золотое кольцо, твердость котораго она доказывала, ударяя имъ въ ламповый колпакъ и по нашимъ рукамъ; любопытно при этомъ было то, что для способствованія процессу матеріализаціи, она взяла у одного изъ участниковъ золотую цѣпь, положила ее на столъ и дѣлала пассы отъ нея къ себѣ на руку, какъ бы извлекая изъ цѣпи тончайшіе элементы“ (см. также „Medium“. 1877 г. стр. 802). Надо полагать, что это кольцо исчезло вмѣстѣ съ фигурой и, слѣдовательно, это явленіе не можетъ служить доказательствомъ въ моемъ отвѣтѣ Гартману, но для тѣхъ, которые не раздѣляютъ его галлюцинаторной гипотезы, оно будетъ имѣть свое значеніе.

Не къ этой ли категоріи явленій относится тотъ любопытный фактъ, который можно, пожалуй, назвать раздвоеніемъ стакана, упоминаемый А. Р. Уаллэсомъ въ его „Защитѣ новѣйшаго спиритуализма“? (См. русскій переводъ Шабельскаго, стр. 76).

Я очень хорошо понимаю, что доказательства, приводимыя мною въ главѣ о матеріализаціи неодушевленныхъ предметовъ

не многочисленны и далеко не вполнѣ убѣдительны; еще менѣе можно сказать, чтобы они были произведены въ условіяхъ, отвѣчающихъ требованіямъ положительной науки; затрудненіе состоитъ, какъ я уже сказалъ, въ самомъ характерѣ доказуемаго явленія и въ скудости опытовъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи, такъ какъ все вниманіе и весь интересъ весьма естественно сосредоточились на матеріализаціи человѣческихъ фигуръ. Упоминаемые мною факты только случайные—это не результаты систематическаго, спеціальнаго изслѣдованія, предпринятаго съ цѣлью доказать, что тутъ нѣтъ галлюцинацій: свидѣтельство всей совокупности чувствъ и всѣхъ лицъ, присутствующихъ при совершеніи явленія, считалось во всѣ времена совершенно достаточнымъ. Цѣль моя была только показать, что если трансцендентальная фотографія представляетъ намъ иногда изображенія предметовъ неодушевленныхъ, невидимыхъ для нашихъ глазъ, то это явленіе можетъ находить свое подтвержденіе въ соотвѣтствующемъ и не менѣе странномъ явленіи видимой матеріализаціи и дематеріализаціи предметовъ неодушевленныхъ, и наоборотъ. И я дивлюсь еще тому, что мнѣ удалось, при всей скудости наличнаго матеріала, собрать хотя эти разсѣянные факты, чтобы завершить въ этой области всю цѣпь аналогій.

Б.Б. Матеріализація и дематеріализація человѣческихъ формъ.—Логическая несостоятельность галлюцинаторной теоріи Гартмана въ связи съ его гипотезой нервной силы.

Въ предшествующей главѣ, основываясь на данномъ намъ въ опытѣ трансцендентальномъ фактѣ проникновенія одного тѣла другимъ и на принципіальномъ допущеніи гипотезы дематеріализаціи и обратной матеріализаціи этого тѣла, мы пришли логически къ допущенію возможности образованія или болѣе, или менѣе продолжительной матеріализаціи одного тѣла на счетъ другого, ему однороднаго; и наши изслѣдованія въ этой области представили намъ факты не только преходящей, но даже и пребывающей матеріализаціи тѣлъ неодушевленныхъ

на счетъ другихъ однородныхъ; мы видѣли факты матеріализаціи тканей черезъ медіумическое посредство тканей; матеріализацію растенія черезъ медіумическое посредство растенія, и металла черезъ посредство металла. Теперь мы перейдемъ къ многочисленнымъ, болѣе совершеннымъ и самымъ поразительнымъ фактамъ этого рода—ко временнымъ матеріализаціямъ человѣческихъ формъ, черезъ медіумическое посредство человѣческаго тѣла.

Матеріализація человѣческихъ формъ обнимаетъ въ хронологическомъ порядкѣ своего развитія руку, лицо, бюстъ и цѣлое тѣло.

Положительный фактъ образованія подобныхъ формъ, хотя и невидимыхъ для нашего глаза, намъ данъ въ трансцендентальной фотографіи. Она намъ отрыла и констатировала присутствіе различныхъ тумановидныхъ тѣлъ, принимающихъ мало по мало форму человѣческую, сперва нѣсколько неопредѣленную, затѣмъ болѣе и болѣе отчетливую и, наконецъ, очертанія несомнѣнно человѣческія. (См. табл. I — IV). Особенно интересны впервые приведенныя мною здѣсь фототипіи 1-ая и 2-ая на таблицѣ IV-ой. Онѣ наглядно показываютъ довольно часто наблюдаемый процессъ постепенной матеріализаціи, но здѣсь этотъ процессъ не виденъ простыми глазами, ибо полученъ путемъ трансцендентальной фотографіи. На 1-ой фототипіи матеріализація достигаетъ только до головы сидящихъ, полупрозрачна, и, что странно, всегда начинается съ полу; на 2-ой она уже достигаетъ росту человѣческаго, ибо видна только голова вставшаго г. Жости (какъ было сказано на стр. 41), и совершенно не прозрачна. Кстати замѣчу, что на обѣихъ фототипіяхъ слѣва сидитъ самъ г. Битти какъ на I-ой табл., но здѣсь изображеніе яснѣе и отчетливѣе, такъ что они могутъ служить хорошими его фотографіями; затѣмъ по срединѣ сидитъ спящій г. Бутландтъ. Серію подобныхъ же фактовъ мы встрѣтимъ и въ области матеріализаціи, удостовѣряемой свидѣтельствомъ всѣхъ чувствъ и всѣми дѣйствіями, какія только матеріальный организмъ способенъ вообще произвести.

Но для нашей цѣли намъ не предстоитъ надобности прослѣ-

дить это явленіе во всѣхъ фазахъ его развитія. Наша цѣль установить, что это явленіе не есть галлюцинація; поэтому, если намъ удастся доказать объективную реальность матеріализаціи хотя бы одного только человѣческаго органа —будь то рука или нога—это все, что намъ нужно.

Не галлюцинаторный характеръ появленія руки можетъ быть доказанъ:

I. Одновременнымъ зрѣніемъ и согласнымъ свидѣтельствомъ нѣсколькихъ лицъ.

II. Одновременнымъ зрѣніемъ и осязаніемъ, и согласнымъ свидѣтельствомъ нѣсколькихъ лицъ, когда, притомъ, чувственныя воспріятія зрѣнія и осязанія согласуются между собой.

III. Физическими дѣйствіями, произведенными такой рукой, напр., движеніями предметовъ на глазахъ присутствующихъ.

IV. Произведеніемъ физическихъ дѣйствій пребывающаго характера, что представляетъ, разумѣется, самое убѣдительное доказательство, а именно:

а) Письмомъ, произведеніымъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ.

б) Отпечатками, произведенными такою рукой на мягкомъ или закоченномъ предметѣ.

в) Нѣкоторыми дѣйствіями, учиненными надъ этой рукой присутствующими лицами.

г) Формами (слѣпками), снятыми съ этой руки и ею самой учиненными.

д) Фотографіями подобныхъ матеріализацій.

V. Взвѣшиваніемъ матеріализованныхъ фигуръ, когда онѣ достигаютъ развитія полной человѣческой формы.

Всѣ эти доказательства существуютъ въ спиритизмѣ.

I и II. Появленіе рукъ видимыхъ и осязаемыхъ имѣло мѣсто съ самаго начала спиритическаго движенія: есть извѣстіе объ этомъ явленіи, восходящее до февраля 1850 года, слѣдовательно, началось оно менѣе, чѣмъ два года спустя послѣ Рочестерскихъ стуковъ (см. Ballou, „Spirit Manifestations“, edited by Stone, London. 1852, стр. 44, 192—202). Оно происходило тогда при полномъ свѣтѣ, на сеансахъ вокругъ

стола, и продолжаетъ происходить до нашихъ дней; показанія, относящіяся до этого явленія, безчисленны и единогласны. По Гартману это явленіе —галлюцинація, или одного зрѣнія, или зрѣнія вмѣстѣ съ осязаніемъ. Но здѣсь, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ объясненіемъ, которое онъ даетъ отпечаткамъ органическихъ формъ, Гартманъ готовъ допустить *двойное объясненіе:* „Что касается собственно галлюцинаціи осязанія, то открытой остается здѣсь и та возможность, что испытываемое давленіе невидимыхъ и призрачныхъ рукъ, ногъ и т. д. зависитъ отъ системы динамическихъ линій давленія и натяженія, — системы, представляющей аналогъ давящей поверхности руки безъ лежащаго за этой поверхностью вещественнаго тѣла, т. е. такой системы, которую можно предположить на основаніи получаемыхъ отпечатковъ“ (стр. 125). Такимъ образомъ, галлюцинація осязанія перестала бы быть галлюцинаціей и превратилась бы въ дѣйствительное „давленіе динамическихъ линій“, или въ динамическое дѣйствіе медіумической нервной силы (стр. 125); и такъ, когда я держу въ своей рукѣ руку матеріализованную — видъ этой руки былъ бы галлюцинаціей; но осязаніе ея было бы реальнымъ: я сжималъ бы въ своей рукѣ систему линій нервной силы. Естественно, возникаетъ вопросъ, почему же видъ руки, временно появившейся, долженъ быть галлюцинаціей? Если система линейныхъ силъ можетъ сдѣлаться осязаемой, то она могла бы точно также сдѣлаться и видимой; не представляется логичнымъ давать нервной силѣ предикатъ *осязаемости* и отказывать ей въ предикатѣ *видимости*, когда утвержденіе и отрицаніе предиката имѣютъ одно и то же основаніе. Или, говоря иначе, нѣтъ логики въ томъ, чтобы принимать реальную объективную причину для дѣйствія осязанія и отрицать ту же самую реальную объективную причину, когда рѣчь идетъ о томъ же явленіи и о томъ же воспринимающемъ субъектѣ.

Логическимъ послѣдствіемъ этого *двойного объясненія* является то, что галлюцинаторная гипотеза, играющая столь видную роль въ медіумической философіи г. Гартмана, находится прежде всего въ несогласіи съ предикатами его гипо-

тезы нервной силы, играющей у него не менѣе важную роль, и это несогласіе, *покуда* теоретическое; вмѣстѣ съ развитіемъ, которое Гартманъ даетъ явленіямъ, произведеннымъ нервной силой, превратится, подъ конецъ, *въ положительный фактъ*— какъ мы это и увидимъ.

III. Перейдемъ теперь къ рубрикѣ доказательствъ, представляемыхъ физическими дѣйствіями; и они не могутъ, по Гартману, служить доказательствомъ реальности матеріализаціи, такъ какъ видъ руки есть только галлюцинація, а движеніе предмета, произведенное этой рукой, есть только дѣйствіе, произведенное нервной силой медіума, согласно той галлюцинаціи, которую онъ наводитъ на присутствующихъ: „Дѣйствительное перемѣщеніе предметовъ, оказывающееся по окончаніи сеанса, можетъ служить доказательствомъ, что произошли дѣйствительно объективныя перемѣщенія матеріальныхъ вещей. Если эти движенія совершаются не внѣ сферы дѣйствій нервной силы медіума, и родъ явленія и его размѣры не лежатъ за предѣлами тѣхъ дѣйствій, которыя эта сила можетъ произвести, то нѣтъ повода допускать какую либо другую причину явленія, кромѣ упомянутой нервной силы. Медіумъ въ состояніи сомнамбулизма соединилъ, въ такомъ случаѣ, галлюцинацію появляющагося образа съ представленіемъ объ имѣющихъ произойти перемѣщеніяхъ предметовъ, и безсознательно произвелъ эти перемѣщенія при помощи своей медіумической нервной силы, оставаясь при этомъ въ увѣренности, что перемѣщенія эти произведены собственною силою представляющихся фантастическихъ образовъ,—черезъ переносъ своей галлюцинаціи на зрителей онъ невольно передалъ и имъ убѣжденіе, что происшедшія перемѣщенія дѣйствительно произведены тѣми призраками, которые представлялись въ галлюцинаціяхъ“ (стр. 128). Итакъ, мы имѣемъ здѣсь галлюцинацію съ подкладкой нервной силы. Излишне болѣе на этомъ останавливаться; замѣтимъ только, что логическая несостоятельность этого объясненія увеличилась на одну степень, тогда какъ, съ другой стороны, свидѣтельство зрѣнія и осязанія подтвердилось соотвѣтствующимъ физическимъ дѣйствіемъ.

Г. Гартманъ часто употребляетъ выраженіе „внутри или внѣ сферы дѣйствія нервной силы медіума“ (стр. 130), но онъ не даетъ намъ никакого опредѣленія границъ нервной силы; ея сфера дѣйствія можетъ быть расширена имъ по произволу, или даже стать безграничной; въ виду отсутствія этого опредѣленія теорія Гартмана, не поддаваясь фактической провѣркѣ, является лишенной твердыхъ основъ.

IV. Мы переходимъ теперь къ доказательствамъ, которыя въ нашихъ газетахъ представляются положительными, и состоятъ въ произведеніи физическихъ дѣйствій съ результатами пребывающими. Здѣсь на первомъ мѣстѣ является:

а) Писаніе, произведенное матеріализованной рукой, при полномъ свѣтѣ, на глазахъ зрителей, съ медіумомъ на лицо. По Гартману и это явленіе ничто иное, какъ галлюцинація съ подкладкой нервной силы: вотъ его слова: „Вовсе не было бы чудомъ, еслибы вскорѣ появилось извѣстіе о такомъ писаніи медіумовъ на разстояніи, при которомъ пишущая посторонняя рука была бы видна наблюдателямъ, чего, насколько я знаю, до сихъ поръ еще не случалось,—не случалось по крайней мѣрѣ въ свѣтлыхъ сеансахъ. Не было бы однако же ни малѣйшаго основанія видѣть въ такой рукѣ не переносъ зрительной галлюцинаціи, а что нибудь другое“ (стр. 127). Но останавливаясь на этомъ разсужденіи, которое не отличается отъ предшествующихъ, мы переїдемъ къ послѣдующей рубрикѣ, гдѣ оно доходитъ до своего апогея и становится невозможностью. Здѣсь мы замѣтимъ только мимоходомъ, что Гартманъ, предполагая, что это явленіе не было наблюдаемо при свѣтѣ, хорошо сдѣлалъ, оговорившись: „сколько мнѣ извѣстно“,—такъ какъ это явленіе наблюдалось неоднократно. Напр., Робертъ Дель-Оуэнъ говоритъ о сеансѣ съ Слэдомъ, на которомъ, при полномъ свѣтѣ, на листѣ бумаги, положенномъ на грифельную доску, лежавшую у него на колѣняхъ, появилась изъ-подъ стола рука и написала сообщеніе по-англійски; потомъ явилась другая рука и написала на томъ же листѣ нѣсколько строкъ по-гречески (см. подробности вмѣстѣ съ факсимилэ письма: „Спиритуалистъ“ 1876 г., томъ II, стр. 162).

Олькоттъ въ своей книгѣ „People of the other world“ даетъ даже изображеніе матеріализованной руки, пишущей на подаваемой ей книгѣ (стр. 182). См. также многочисленные опыты Вольфа въ его книгѣ „Startling Facts“ стр. 309, 486 и др. Г. Гартманъ также ошибается, когда говоритъ: „небольшое число извѣстій, говорящихъ видимой рукою духа, не имѣютъ вѣса, такъ какъ они относятся къ темнымъ сеансамъ, въ которыхъ на самосвѣтящейся бумагѣ неясно былъ видимъ очеркъ туманной руки“ (стр. 65). Свидѣтельство Крукса по этому поводу категорично: „Съ верхней части комнаты опустилась свѣтящаяся рука и послѣ того, какъ она нѣсколько секундъ порхала возлѣ меня, она взяла изъ моей руки карандашъ, быстро что-то написала на бумагѣ, бросила его, поднялась надъ нашими головами и постепенно исчезла въ темнотѣ“ („Ps. Studien“ 1874 г., 159). Подобный же случай, происшедшій въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, описанъ г. Іенкеномъ въ „Спиритуалистѣ“ 1876 г., II, стр. 126, съ приложеніемъ рисунка писавшей руки.

б) Весьма естественно, что уже давно старались получить отпечатки рукъ, только моментально появлявшихся на сеансахъ и потомъ исчезавшихъ, такъ какъ подобный отпечатокъ служилъ бы положительнымъ доказательствомъ, что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ галлюцинаціей, но съ реальнымъ образованіемъ какого-то тѣла. Я не могу въ точности указать, когда именно были сдѣланы первыя попытки въ этомъ родѣ, но я нахожу въ своихъ замѣткахъ указанія, восходящія до 1867 г.; отпечатокъ былъ сдѣланъ на мягкой глинѣ (см. „Banner of Light“ 1867). Позднѣе подобные отпечатки получались на мукѣ или на законченой бумагѣ. Мы имѣемъ относительно этого явленія доказательные опыты профессоровъ Цёльнера и Вагнера (см. „Ps. St.“ 1878 г., стр. 492; 1879 г., стр. 249). См. также факты этого рода, полученные Реймерсомъ въ „Ps. St.“ 1877 г., стр. 401 и Іенкеномъ: „Спиритуалистъ“ 1878 г., II, стр. 134; „Медіумъ“ 1878 г., стр. 609. Въ этихъ случаяхъ рука или нога, оставившія отпечатки, *не были видимы*, но условія, при которыхъ они получались,

исключаютъ всякую физическую возможность поддѣлки, такъ у Цёльнера отпечатки получились между двухъ грифельныхъ досокъ, находившихся у него на колѣняхъ, а у г. Вагнера между двухъ запечатанныхъ грифельныхъ досокъ. Въ другихъ случаяхъ тѣлесная форма, производившая отпечатки, *была видима* во время самаго процесса и результатъ былъ найденъ согласнымъ съ наблюдавшейся формой: „Такой опытъ, насколько я знаю — говоритъ Гартманъ — нигдѣ еще не былъ произведенъ; мнѣ извѣстенъ только единственный случай, гдѣ при матеріализаціонномъ сеансѣ полученъ былъ оттискъ дѣтской ноги, которая въ то же время была видима, но не осязаема... („Ps. St.“ VII, стр. 97). Наблюденіе это требуетъ подтвержденія наблюденіями другихъ лицъ“ (стр. 126). Я могу представить это подтвержденіе въ опытахъ д-ра Вольфа съ медіумомъ м-съ Голлисъ. Опыты происходили на сеансахъ за столомъ при полномъ свѣтѣ; столъ былъ завѣшанъ вокругъ коленкоровой оборкой, доходившей до полу, съ отверстіемъ въ ней въ шесть квадратныхъ дюймовъ. При описываемомъ ниже опытѣ д-ръ Вольфъ былъ одинъ съ медіумомъ. Вотъ его слова: „Слѣдующій опытъ былъ произведенъ съ блюдомъ муки. Я поставилъ блюдо на стулъ передъ отверстіемъ и просилъ Джима Нолана (одного изъ невидимыхъ дѣятелей) сдѣлать на немъ оттискъ своей правой руки. Черезъ двѣ или три минуты появилась длинная нѣжная рука, нисколько не похожая на руку Джима и, попорхавши въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ надъ блюдомъ, скрылась. Минутъ черезъ пять она снова появилась и, сильно надавивъ муку, оставила въ ней глубокій оттискъ. Тогда, по требованію Джима, я поставилъ другое блюдо съ мукой и на этотъ разъ онъ самъ оттиснулъ въ ней свою руку. Выдавленный имъ оттискъ былъ въ полтора раза больше перваго. Осмотрѣвъ внимательно руку м-съ Голлисъ, на которой при самомъ тщательномъ изслѣдованіи не оказалось ни одной мучной пылинки, я попросилъ ее вложить свою руку въ полученные оттиски. Въ одинъ изъ нихъ могли помѣститься двѣ ея руки, такъ былъ онъ великъ, да и другой оказался значительно больше ея

руки. Сдѣланный же въ мукѣ оттискъ ея собственной руки былъ и меньше, и совершенно другой формы“ („Startling Facts“, стр. 481). О томъ же фактѣ говоритъ и другой свидѣтель, именно м-ръ Плимптонъ, одинъ изъ издателей Цинцинатской газеты „*Commercial*“, въ статьѣ, напечатанной имъ въ газетѣ „Капиталъ“, издающейся полковникомъ Піатомъ въ Вашингтонѣ. Какъ видно по приложенному къ статьѣ плану, столъ стоялъ по серединѣ комнаты, съ одной его стороны сидѣлъ медіумъ, противъ него д-ръ Вольфъ; съ третьей стороны находилось отверстіе въ оборкѣ; противъ этого отверстія сидѣлъ м-ръ Плимптонъ, на шагъ отъ стола. Вотъ описаніе опыта: „Д-ръ Вольфъ досталъ блюдо муки и спросилъ, могутъ ли невидимые дѣятели оставить на ней оттискъ руки? Стуками отвѣтили утвердительно, а послѣ была выражена письменно просьба, чтобы докторъ держалъ блюдо передъ отверстіемъ какъ можно дальше отъ м-съ Голлисъ, что было исполнено. Появилась рука, мелькавшая съ быстротою молніи, попорхала такимъ образомъ надъ блюдомъ, опустилась на муку, поднялась, отряхнулась и исчезла. М-съ Голлисъ попросили приложить свою руку къ оттиску. Вдавленные пальцы были на полдюйма длиннѣе ея. Оттискъ представлялъ руку вполнѣ взрослаго мужчины со всѣми выдающимися анатомическими деталями такой руки. Кромѣ того, если бы м-съ Голлисъ продѣлала это сама, то она должна была бы нагнуться плечомъ до края стола, чтобы достать рукой такъ далеко. Но она своего положенія не измѣняла, чѣмъ физическая невозможность ея участія была доказана безспорно. Подъ столомъ же не было бы мѣста для взрослаго человѣка; кромѣ того, какъ только опытъ кончился, я столъ опрокинулъ. Быть можетъ это была иллюзія? Но оттискъ на мукѣ остался и всѣ его видѣли. Если всѣ его видѣли, то также несомнѣнно и то, что я видѣлъ руку, которая его произвела (тамъ же, стр. 541)“.

Даже и для объясненія этого явленія Гартманъ нисколько не поступается своей теоріей. Онъ допускаетъ, правда, что это не галлюцинація. Онъ не говоритъ теперь, какъ говорилъ выше, относительно чувства осязанія, что остается открытою

„возможность“, что тутъ есть реальное дѣйствіе, произведенное объективной причиной, но уже утверждаетъ это положительно, говоря: „получаемые оттиски даютъ несомнѣнныя доказательства, что мы имѣемъ тутъ дѣло уже не съ внушенными галлюцинаціями“ (стр. 64). Но какъ же онъ объясняетъ ихъ? Я позволяю себѣ думать, что для всякаго человѣка, даже для представителя положительной науки, оттискъ, полученный при вышепомянутыхъ условіяхъ—или вообще, когда разъ достовѣрность этого явленія допущена — служилъ бы доказательствомъ вполнѣ убѣдительнымъ, что мы здѣсь дѣйствительно имѣемъ дѣло съ временнымъ образованіемъ тѣла, имѣющаго форму человѣческаго органа. Но для Гартмана это заключеніе не годится. Чтобы остаться вѣрнымъ своей теоріи нервной силы, онъ даетъ ей здѣсь необычайное развитіе: эта сила можетъ не только передвигать предметы, но даже производить и пластическія дѣйствія. По его мнѣнію, подобный оттискъ производится „системою давленій и натяженій нервной силы, дѣйствующей на разстояніи“ („ein System von Druck — und Zuglinien der fernwirkenden Nervenkraft“), стр. 62. А когда тѣло (или какъ здѣсь рука), производящее этотъ результатъ, *видимо*, это опять, какъ въ предшествующемъ случаѣ, галлюцинація,— комбинація реальнаго результата съ дѣйствіемъ галлюцинаторимъ. Какъ мы видимъ, и какъ мы это предвидѣли, логическая непослѣдовательность, въ которую впадаетъ Гартманъ и которая только *предполагалась*, когда рѣчь шла о его гипотезѣ для объясненія чувства осязанія только выросла, и теперь, когда онъ предполагаетъ намъ расширеніе той же гипотезы для объясненія оттисковъ, эта непослѣдовательность достигаетъ своего крайняго предѣла и становится *фактомъ*. Я вижу появляющуюся руку—это галлюцинація; я вижу эту руку, трогаю ее и осязаю—чувство осязанія считается реальнымъ, но видъ ея есть галлюцинація. Я вижу какъ эта рука движетъ неодушевленный предметъ, пишетъ; физическое дѣйствіе, ею произведенное, реально, но видъ ея — галлюцинація. Я вижу какъ эта рука производитъ свой отпечатокъ, доказывающій, что это подлинно рука,—отпечатокъ признается реальнымъ, но

видъ ея галлюцинаторнымъ. И такъ свидѣтельство нашихъ чувствъ признается для цѣлаго ряда реальныхъ дѣйствій, но оно отвергается только для спеціальной формы воспріятія впечатлѣній зрѣнія, не смотря на то, что одинъ изъ полученныхъ результатовъ—реальный и пребывающій оттискъ—доказываетъ согласность свидѣтельства зрѣнія и осязанія съ этимъ полученнымъ результатомъ. И такимъ же образомъ, съ другой стороны, мы имѣемъ явленіе, которое обладаетъ всѣми признаками тѣлесности и которое таковымъ себя доказываетъ всѣми дѣйствіями, какія только тѣло можетъ вообще произвести: оно видимо, оно осязаемо, движетъ другое тѣло, оставляетъ пребывающіе слѣды, отпечатывается даже на другомъ тѣлѣ—всѣ эти предикаты признаются за нимъ самимъ Гартманомъ, какъ реальные, за исключеніемъ только видимости. Почему? На основаніи какой логики?

И эта логика намъ покажется еще болѣе странною, если мы попросимъ Гартмана дать намъ въ смыслѣ его собственной философіи опредѣленіе понятія о тѣлѣ. Матерія, отвѣтитъ онъ намъ, ничего иное, какъ „система атомныхъ силъ“ („Философія безсознательнаго“, изданіе 1872 года, стр. 474). Такимъ образомъ, когда я держу въ своей рукѣ другую естественную руку, я держу, по Гартману, систему атомныхъ силъ, и онъ не отказываетъ ей въ предикатѣ видимости, и такое свидѣтельство чувствъ моихъ онъ не считаетъ галлюцинаціей. Но когда я держу въ своей рукѣ руку, такъ называемую „матеріализованную“, которую вижу и осязаю и *которой Гартманъ даетъ то же самое опредѣленіе*, такъ какъ онъ признаетъ ее за „систему линейныхъ силъ“ („ein System von Kraftlinien“), то въ этомъ случаѣ, говоритъ онъ, чувство осязанія реально, но зрительное впечатлѣніе этой руки—галлюцинація. Почему? На основаніи какой логики?

Разъ въ данномъ явленіи предикатъ *осязаемости* реальной и объективной, причиняемой системою силъ, признается, гдѣ же затрудненіе для признанія и предиката *видимости*, реальной и объективной, для такой же „системы силъ“, когда субъективное свидѣтельство въ пользу того или другого одинаково?

Никогда Гартманъ не будетъ въ состояніи доказать логику своего отрицанія этого предиката. Такимъ образомъ, его гипотеза галлюцинаціи, послѣ всѣхъ уступокъ, имъ содѣянныхъ, допускающихъ объективную реальность того же явленія для другихъ чувственныхъ воспріятій, представляется съ точки зрѣнія логики совершенно несостоятельной.

Что касается до физическаго объясненія, которое Гартманъ даетъ для отпечатковъ, получаемыхъ путемъ медіумическимъ, то оно представляетъ такія противорѣчія всѣмъ извѣстнымъ законамъ физики, что ни физика, ни физіологія никогда его не признаютъ, и любопытно, что логическое развитіе физическаго объясненія Гартмана необходимо ведетъ насъ къ тому заключенію, противъ котораго онъ всѣми силами упирается. Чтобы доказать мною утверждаемое, я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности. Такъ какъ явленіе оттисковъ органическихъ формъ чрезвычайно важно и такъ какъ я считаю его за антецедентъ абсолютнаго доказательства матеріализаціи, то мы должны обратить все наше вниманіе на объясненіе, даваемое этому явленію Гартманомъ, который съ своей стороны также находитъ, что эти явленія „принадлежатъ къ самымъ разительнымъ въ этой области“. Вотъ это объясненіе: „Если представить себѣ другое расположеніе линій давленія и натяженія медіумической нервной силы—расположеніе, отвѣчающее тѣмъ надавливаніямъ, которыя производитъ внутренняя сторона плоско лежащей руки на мягкое вещество, способное воспринять отпечатокъ, то перемѣщеніе частицъ вещества, вызванное такой динамической системой, опять должно бы согласоваться съ тѣмъ, какое вызывается прямымъ давленіемъ рукою, т. е., получился бы оттискъ органической формы, хотя такой формы, могущей произвести подобный оттискъ, могло бы и не быть на лицо въ матеріальномъ видѣ“ (стр. 62).

Это объясненіе представляетъ съ точки зрѣнія физики цѣлый рядъ невозможностей. Я напомню, что „оттиски“, о которыхъ здѣсь рѣчь, бываютъ двухъ совершенно различныхъ видовъ: они получаются или на *мягкомъ веществѣ*, какъ мука или глина, и воспроизводятъ съ совершенной точностью *всѣ*

анатомическія детали даннаго органа, или на *твердомъ веществѣ* (на закопченыхъ поверхностяхъ) и воспроизводятъ эти самыя детали *отчасти*, ибо вся поверхность любого органа, само собою понятно, не можетъ касаться ровной поверхности твердаго тѣла, не подвергаясь какому нибудь необычайному давленію. Взглянемъ теперь на невозможность гипотезы Гартмана относительно оттисковъ *на мягкомъ тѣлѣ*.

1. Всякая сила притяженія или оттолкновенія распространяется по прямой линіи; чтобы отступить отъ этого направленія, она должна подвергнуться дѣйствію другой силы, исходящей изъ другого центра дѣйствія. Здѣсь мы имѣемъ физическую силу, названную нервной, исходящую изъ организма медіума и распространяющуюся не по прямой линіи, но по кривымъ, самымъ неправильнымъ линіямъ, направляясь къ тому тѣлу, на которомъ она должна произвести оттискъ, и на которое, чтобы произвести его, она должна дѣйствовать *перпендикулярно*, ибо иначе форма отпечатаннаго органа получилась бы неправильною (вспомнимъ объ оттискахъ ногъ, полученныхъ Цёльнеромъ на лежащей на его колѣняхъ аспидной доскѣ). Гдѣ же тѣ другія силы, которыя измѣняютъ направленіе нервной силы? Для этихъ силъ также требуются центры, изъ которыхъ онѣ бы исходили и дѣйствовали въ данномъ направленіи. Эти центры не могутъ, очевидно, быть въ тѣлѣ медіума; гдѣ же они находятся?

2. Направленія этихъ линій нервной силы должны быть для произведенія требуемаго оттиска абсолютно *параллельны*, безъ малѣйшаго совпаденія линій; по неровности человѣческаго органа, служащаго источникомъ этой силы, препятствуютъ подобному параллелизму, такъ какъ нервная сила, по случаю этихъ неровностей, должна излучаться въ различныя направленія.

3. Всѣ эти линіи силъ должны быть для полученія требуемаго результата не только *одинаковой длины*, но еще *длины опредѣленной*, согласно разстоянію, чтобы соотвѣтствовать на требуемомъ, опредѣленномъ разстояніи всѣмъ неровностямъ отпечатываемаго органа. Что такое линія физической силы, опредѣленной длины?

4. Эта система линейныхъ силъ должна состоять изъ линій, исходящихъ непремѣнно изъ *каждой точки* отпечатываемаго органа и, слѣдовательно, состоять изъ цѣлаго пучка линій, соотвѣствующаго въ разрѣзѣ своемъ контуру полученнаго оттиска. Этотъ пучокъ линейныхъ силъ имѣлъ бы, такимъ образомъ, опредѣленную толщину?!!

5. „Такъ какъ, по Гартману, динамическія дѣйствія медіумической нервной силы проникаютъ, подобно магнетизму, сквозь всякое вещество“ (стр. 62), то ясно, что нервная сила, исходящая изъ органа медіума, не можетъ дѣйствовать исключительно только на поверхность тѣла, на которомъ она должна произвести отпечатокъ, но должна пройти сквозь него „безпрепятственно“. Такъ, наприм., нервная сила, исходящая изъ руки медіума, лежащей на столѣ, проходитъ, по Гартману, сквозь этотъ столъ, но останавливается на поверхности муки, находящейся въ тарелкѣ подъ столомъ, или на поверхности накопченой бумаги, находящейся межъ двухъ грифельныхъ досокъ, послѣ того какъ она проникла „безпрепятственно“ и сквозь столъ и сквозь первую доску. Почему? Надо тогда предположить, что на опредѣленіомъ разстояніи (кѣмъ и чѣмъ?) эта сила получаетъ такую *плотность*, что она уже не проникаетъ сквозь тѣло. Такимъ образомъ, мы имѣли бы дѣло съ силой, одаренной нѣкоторой длиною, нѣкоторой толщиною и нѣкоторой плотностью. Никогда еще физическая сила не имѣла такихъ предикатовъ.

Если мы теперь перейдемъ къ отпечаткамъ, производимымъ на поверхностяхъ твердыхъ и гладкихъ (на бумагѣ, накопченой и наклееной), то мы встрѣтимъ здѣсь новое затрудненіе.

1. Если линіи нервной силы исходятъ изъ всѣхъ точекъ отпечатываемаго органа, то, очевидно, что всѣ точки этого органа должны быть воспроизведены на полученномъ отпечаткѣ. Но результатъ не таковъ: мы видимъ на фотографическихъ изображеніяхъ двухъ отпечатковъ этого рода, полученныхъ профессорами Цёльнеромъ и Вагнеромъ („Psych. Studien“ 1878 и 79 года), что углубленія, образуемыя серединою подошвы и пальцами ноги, а также углубленіе, образуемое ла-

донью руки, не произвели на отпечаткахъ въ соотвѣтствующихъ имъ мѣстахъ никакого слѣда; эти мѣста остались на отпечаткахъ черными. Почему? Въ случаяхъ оттисковъ на мягкомъ веществѣ всѣ линіи силъ дѣйствуютъ и нажимаютъ на вещество до вдавливанія; здѣсь же, когда было бы достаточно простого прикосновенія, часть этихъ самыхъ линій силъ не дѣйствуетъ? По гипотезѣ матеріализаціи, напротивъ, совершенно естественно, что именно только эти выдающіяся точки и коснулись накопченой поверхности.

2. Эта система надавливающихъ линій нервной силы, для произведенія отпечатка на копченой бумагѣ, должна снять часть этой копоти, какъ это и видно на полученныхъ отпечаткахъ. Какимъ образомъ понять, что физическая сила, производя давленіе, уноситъ частицы какого-нибудь вещества?

Если на пункты 1—4 г-нъ Гартманъ отвѣтитъ, что „распредѣленіе линій силы зависитъ только отъ фантастическаго образа, находящагося въ сомнамбулическомъ созданіи медіума“ (стр. 64)—то ясно, что здѣсь не можетъ быть болѣе рѣчи о силѣ чисто физической, каковою Гартманъ непремѣнно считаетъ нервную силу, сравнивая ее съ тяготѣніемъ, магнетизмомъ, тепломъ и допуская ея превращаемость въ свѣтъ, тепло, электричество.

И наконецъ, когда Гартманъ говоритъ намъ, что эта самая нервная сила не должна непремѣнно ограничиваться произведеніемъ отпечатковъ, соотвѣтствующихъ органамъ медіума, какъ источнику этой силы, но что она можетъ воспроизводить, такимъ образомъ, всѣ формы человѣческихъ органовъ, какія только заблагоразсудится сомнамбулическому сознанію медіума, единственно силою его фантазіи — возникаетъ вопросъ, зачѣмъ эта фантазія будетъ ограничиваться формами человѣческаго тѣла? Она могла бы точно также производить отпечатки растеній, звѣрей, и вообще всякаго рода предметовъ? Однимъ словомъ, медіумъ былъ бы одаренъ удивительной способностью производить отпечатки своихъ собственныхъ мыслей. И Гартманъ, оставаясь вѣрнымъ логикѣ своей гипотезы, не имѣлъ бы права отрицать этого.

Вотъ къ чему приводитъ насъ его гипотеза! Въ виду этого позволяю себѣ сказать, что теорія нервной силы въ тѣхъ примѣненіяхъ, которыя даетъ ей Гартманъ, представляетъ съ точки зрѣнія физики явную ересь. Прибѣгая къ подобной гипотезѣ, Гартманъ именно перестуиилъ указанныя имъ методологическія основы, такъ какъ онъ не остался при тѣхъ причинахъ, „за существованіе которыхъ ручается опытъ и несомнѣнные выводы“ (147).

Какъ мы видѣли, его гипотеза нервной силы, производящей отпечатки, привела насъ необходимо и логически къ принятію длины, толщины и плотности этой силы, или, иначе сказать, къ тѣмъ предикатамъ, которые обыкновенно служатъ для опредѣленія тѣла, т. е., мы были вынуждены дѣлать такія заключенія, которыя приводятъ насъ къ естественному предположенію, что подобные отпечатки должны быть произведены дѣйствіемъ невидимаго тѣла, образующагося на счетъ организма медіума. Меня въ особенности удивляетъ, что именно Гартманъ находитъ излишней подобную гипотезу „облеченной въ форму, но невидимой и неосязаемой матеріи“, и что именно въ его глазахъ эта гипотеза „не имѣетъ никакого научнаго оправданія“ (65). Мы уже видѣли, что, по его собственной философіи, „матерія ничто иное, какъ система атомическихъ силъ, а движеніе силы ничто иное, какъ стремленіе воли“. Это и приводитъ Гартмана къ слѣдующему заключенію: — „Итакъ проявленіе атомическихъ силъ суть ничто иное, какъ индивидуальные акты воли, содержаніе которыхъ состоитъ въ безсознательномъ представленіи совершаемаго. Такимъ образомъ, въ сущности, матерія превращается въ волю и представленіе. Чрезъ это радикальная разница между духомъ и матеріей устраняется... и именно, не чрезъ умерщвленіе духа, но чрезъ оживотвореніе матеріи“ („Philosophie des Unbewusrsten“, 1872 г., стр. 486—487). Согласно этой философіи, мы имѣли бы въ медіумическомъ явленіи матеріализаціи наглядное доказательство объективаціи воли, и, что особенно важно,—объективаціи постепенной, а не моментальной, внезапнымъ превращеніемъ „духа“ въ „матерію“; этой постепенности соотвѣтствовало бы

понятіе „о невидимой и неосязаемой, но не безформенной матеріи“; и такимъ образомъ, спекулятивныя воззрѣнія этой философіи получили бы именно въ этихъ явленіяхъ „научное оправданіе“. И мы позволяемъ себѣ думать, что когда Гартманъ признаетъ реальную объективность этихъ явленій, то онъ и не будетъ искать для нихъ иного объясненія.

в) Мы видѣли, что матеріализованная рука можетъ оставить отпечатокъ на закопченной бумагѣ и уносить на себѣ частицы копоти. Здѣсь, естественно, рождается вопросъ, что дѣлается изъ этихъ унесенныхъ частицъ? Такъ какъ рука образуется на счетъ тѣла медіума,—выходитъ изъ него и снова въ него возвращается, какъ это подтверждается многими наблюденіями,—то мы должны заключить, что копоть, унесенная рукой, должна появиться на тѣлѣ медіума; а какъ появляющаяся рука образуется изъ руки медіума, то на его рукѣ и должна найтись эта копоть. Такъ оно дѣйствительно и есть. Не разъ двигавшіеся въ темнотѣ предметы бывали, съ цѣлью раскрытія обмана, покрываемы какимъ нибудь окрашивающимъ веществомъ; или же самое появлявшуюся руку старались мазнуть подобнымъ веществомъ, чаще всего копотью. А когда руки медіума оказывались запачканными той же краской, хотя во время сеанса онъ оставался связаннымъ по рукамъ и ногамъ и завязки оказывались нетронутыми—то въ этомъ думали видѣть неоспоримое доказательство обмана съ его стороны, и сами спириты торжественно провозглашали его „обличеніе“. Но впослѣдствіи, съ пріобрѣтеніемъ большей опытности, когда поняли, что при явленіяхъ матеріализаціи играетъ важную роль раздвоеніе тѣла медіума, пришлось допустить, что факты перенесенія красящаго вещества на тѣло медіума не есть доказательство его нечестности, а просто законъ природы. Заключеніе это вывели на основаніи опытовъ, устранявшихъ всякую возможность обмана — изъ нихъ самымъ убѣдительнымъ представляется тотъ, когда медіума держатъ за руки. Впервые фактъ этотъ былъ констатированъ, если не ошибаюсь, въ 1865 году, благодаря обличенію медіума мальчика Аллэна; „обличенія“ всегда много способствовали разви-

тію медіумическихъ явленій; имъ же обязаны мы опытами Крукса и, наконецъ, полнымъ процессомъ матеріализаціи, совершающимся на глазахъ наблюдателей. Опыты, сдѣланные съ Аллэномъ мистеромъ Голлемъ, издателемъ „Portland Courier“'а, описаны въ „Banner of Light“ отъ 1 апрѣля 1865 г. и перепечатаны въ „Spiritual Magazine“ 1865, стр. 258—259. Голль пишетъ:

„Наши утреннія газеты выражаютъ свое полное удовольствіе по поводу, такъ называемаго, изобличенія мальчика Аллэна въ мошенничествѣ. Нѣкоторые господа, отправляясь на сеансъ, зачернили себѣ волосы; появилась рука, подергала ихъ за волосы, и рука медіума оказалась запачканной той же сажей, за что его и провозгласили обманщикомъ и шарлатаномъ.

„Не въ первый разъ, господинъ редакторъ, теряютъ всякое довѣріе къ медіумамъ только изъ-за того, что руки ихъ оказывались запачканными тѣмъ веществомъ, до котораго дотрагивалась появившаяся рука; частое прибѣганіе къ этой уловкѣ съ цѣлью отрыть обманъ и всегда одинъ и тотъ же результатъ навели меня на мысль, что въ основаніи этого явленія можетъ лежать какой-нибудь намъ неизвѣстный законъ, который и будетъ постоянно давать тотъ же результатъ. Когда Аллэнъ былъ „уличенъ“, я рѣшился подвергнуть его испытанію, на что д-ръ Рандалль и Генри Аллэнъ охотно согласились, предоставивъ мнѣ полную свободу дѣйствія.

„Полученные результаты убѣдили меня въ вѣрности моего предположенія вообще и въ томъ, что какъ мальчикъ Аллэнъ, такъ и многіе другіе медіумы для физическихъ явленій были заподозрѣны совершено напрасно. Я убѣжденъ, что всякое красящее вещество, до котораго коснется матеріализованная рука, будетъ неизбѣжно перенесено на руку медіума, если только не встрѣтится какого либо препятствія для точнаго выполненія этого закона.

„Вчера вечеромъ, въ присутствіи нѣсколькихъ извѣстныхъ и наиболѣе выдающихся гражданъ нашего города, я имѣлъ съ Аллэномъ сеансъ для провѣрки моей теоріи. Я сидѣлъ, какъ обыкновенно, на креслѣ, музыкальные инструменты лежали

позади меня на диванѣ, а мальчикъ сидѣлъ около меня съ лѣвой стороны и держалъ меня своими обѣими руками за лѣвую руку, къ которой, сверхъ того, правая рука его была привязана. Ручка колокольчика была заранѣе намазана сажей, и когда мы попросили позвонить въ него, то это и было тотчасъ же исполнено. Вслѣдъ затѣмъ я моментально сбросилъ покрывало съ рукъ мальчика, и пальцы его правой руки, привязанной къ моей рукѣ, оказались запачканными, точно онъ самъ держалъ колокольчикъ. Желая сдѣлать этотъ опытъ еще болѣе доказательнымъ, присутствующіе привязали обѣ, предварительно вымытыя, руки мальчика крѣпкой веревкой къ моей рукѣ, другой конецъ которой держалъ въ своихъ рукахъ одинъ изъ участниковъ, натягивая ее притомъ такъ сильно, что мнѣ даже рѣзало руку.

„Всѣмъ было очевидно, что при такихъ условіяхъ мальчикъ не могъ бы подвинуть рукъ своихъ даже на одинъ дюймъ. На мое лѣвое плечо былъ наброшенъ сюртукъ, закрывшій и мою руку и руки мальчика; сверхъ того на его правую руку поверхъ сюртука я положилъ еще свою, чтобы не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ его неподвижности. Когда мы такимъ образомъ приготовились, невидимые дѣятели стали позади насъ играть на инструментахъ и опять звонить въ колокольчикъ. Я сейчасъ же раскрылъ руки мальчика, которыя, какъ я чувствовалъ, во все время явленій находились въ полной недвижимости, и опять одна изъ нихъ была въ сажѣ. Этотъ опытъ нельзя не признать вполнѣ доказательнымъ“.

„Вашъ Іозефъ Голль“.

„Портландъ, 23-го марта 1865.

Я самъ имѣлъ случай провѣрить этотъ фактъ посредствомъ опыта, который я продѣлалъ съ извѣстной Кэтъ-Фоксъ (Іенкенъ), когда она была здѣсь, въ Петербургѣ, въ 1883 году. Я сидѣлъ передъ нею за маленькимъ столомъ; а какъ это было въ темнотѣ, то положилъ обѣ ея руки на стекло, намазанное свѣтящимся въ темнотѣ составомъ, вслѣдствіе чего онѣ были ясно видны, и кромѣ того, я наложилъ на ея руки и обѣ свои.

Вблизи, на другомъ столѣ, находилась доска съ накопченой бумагой. Я просилъ, чтобъ одна изъ дѣйствующихъ на сеансѣ рукъ произвела бы на бумагѣ отпечатокъ. Онъ былъ сдѣланъ, а по окончанiи сеанса, концы пальцевъ медiума, соотвѣтствовавшiе отпечатку, носили на себѣ слѣды копоти.

Итакъ, мы имѣемъ въ этихъ опытахъ доказательство того, что рука, которая появляется и производитъ физическiя дѣйствiя, не есть галлюцинацiя, но явленiе, одаренное нѣкоторой тѣлесностью, имѣющее способность удерживать и переносить приставшее къ его поверхности вещество. Но переносъ этотъ не есть нѣчто безусловно необходимое или, относительно формы и мѣста, неизмѣнное; извѣстны случаи, гдѣ руки, покрытыя красящимъ веществомъ, не передавали его тѣлу медiума. Но для моего тезиса мнѣ не предстоитъ надобности дѣлать разслѣдованiя въ этомъ направленiи, ибо подобные случаи представляли бы Гартману доказательство того, что появлявшiяся руки и были ни что иное, какъ галлюцинацiя. Напротивъ же, особенное значенiе имѣютъ для насъ тѣ случаи, гдѣ переносъ красящаго вещества на тѣло медiума совершается въ такомъ мѣстѣ, которое не соотвѣтствуетъ мѣсту матерiализованнаго органа, тронутаго красящимъ веществомъ. Такъ мы читаемъ въ „Спиритуалистѣ“: „Однажды г-нъ Крукъ положилъ немного анилиновой краски на поверхность ртути, приготовленной въ сосудѣ для опыта; анилинъ производитъ пятна, которыя стираются не легко, и пальцы Крукса носили слѣды его долгое время. Кети-Кингъ обмакнула свои пальцы въ анилинъ, но пальцы миссъ Кукъ оказались потомъ совершенно чистыми, слѣды же анилина нашлись возлѣ локтя ея руки“ (1876 Т. I, стр. 176). Г-нъ Гарисонъ, издатель „Спиритуалиста“, сообщаетъ намъ еще слѣдующее о другомъ опытѣ этого рода съ тѣмъ же медiумомъ: „На одномъ изъ сеансовъ съ миссъ Кукъ, тылъ матерiализованной руки былъ намазанъ фiолетовыми чернилами ради опыта и пятно величиною съ полкроны (цѣлковый) было впослѣдствiи найдено на рукѣ медiума, возлѣ локтя“ („Спиритуалистъ“ 1873 г., стр. 83). Съ точки зрѣнiя теоретической можно было бы предположить, что въ случаяхъ раз-

двоенія имѣетъ мѣсто перенось, а въ случаяхъ образованія тѣла другой формы имѣетъ мѣсто исчезновеніе вещества, приставшаго къ матеріализованному тѣлу.

Сюда же подходитъ (хотя и не прямо относящійся къ рубрикѣ IV) интересный случай отраженія на медіумѣ ощущенія, испытаннаго матеріализованнымъ органомъ. Вотъ что я нахожу въ книгѣ „The Scientific basis of Spiritualism“, by Epes Sargent, Boston, 1881: „Докторъ Уиллисъ говоритъ по поводу своего собственнаго медіумизма. Однажды присутствующій на сеансѣ господинъ вынулъ изъ своего кармана ножикъ и, выждавъ случай, мѣткимъ ударомъ проткнулъ одну изъ показывавшихся матеріализованныхъ рукъ. Медіумъ вскрикнулъ отъ боли. Ощущеніе было положительно такое, какъ еслибъ ножъ пронзилъ его руку. Господинъ вскочилъ на ноги въ полномъ восторгѣ, воображая, что ему удалось великолѣпно изобличить плутовство, и былъ увѣренъ что найдетъ руку медіума въ крови. Къ его полному удивленію и огорченію, на обѣихъ рукахъ медіума не оказалось даже и царапины; но для медіума ощущеніе было совершенно такое, какъ еслибъ ножъ прошелъ сквозь мышцы и связки руки, и ощущеніе боли продолжалось нѣсколько часовъ“ (стр. 198). Мы видимъ изъ этого факта, что появившаяся рука не была галлюцинаціей и въ то же время, что это не была рука медіума.

Полученіе парафиновыхъ формъ съ матеріализованныхъ органовъ.

г) Мы переходимъ теперь къ опытамъ, которые я считаю за самыя положительныя и самыя убѣдительныя доказательства явленія матеріализаціи. Рѣчь идетъ уже не объ отпечаткахъ, но о формахъ цѣлаго матеріализованнаго органа, посредствомъ которыхъ получаются впослѣдствіи гипсовыя отливки, воспроизводящія съ совершенной точностью всѣ детали временно матеріализовавшагося тѣла. Операція эта производится слѣдующимъ образомъ: приготовляются два сосуда—одинъ съ холодной водой, другой съ горячей, на поверхности которой имѣется слой растопленнаго парафина. Появляющаяся рука должна сперва окунуться на секунду въ растопленный пара-

финъ и затѣмъ немедленно въ холодную воду, и нѣсколько разъ сряду; такимъ образомъ на рукѣ образуется парафиновая перчатка нѣкоторой толщины, и когда матеріализованная рука ее покидаетъ, то въ ведрѣ съ холодной водой остается ея точная форма, которая потомъ наливается гипсомъ; тогда распускаютъ форму въ горячей водѣ и получается точный отливокъ тѣла, наполнявшаго форму. Подобный опытъ, произведенный при надлежащихъ условіяхъ предосторожности противъ возможнаго обмана, представляетъ намъ абсолютное доказательство совершившагося явленія въ его полномъ и пребывающемъ изображеніи. Гартманъ съ своей стороны ничего не говоритъ объ этого рода опытахъ; единственное мѣсто, какъ будто до нихъ относящееся, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ фактамъ, о которыхъ я говорю. Вотъ это мѣсто: „Всѣ тѣ случаи, гдѣ допущеніе нетождественности медіума и явленія основываются только на томъ, что медіумъ былъ матеріально запертъ, должны быть обращены, какъ недоказательные, и все сдѣланное явленіемъ должно быть въ такихъ случаяхъ приписано самому медіуму; сюда относятся, напр., случаи, когда явленіе производитъ посредствомъ растопленнаго парафина отпечатки своихъ ногъ, рукъ или лица и отдаетъ ихъ присутствующимъ“ (VI, 526; IV 545—548). Стр. 112.

Здѣсь первая цитата изъ „Ps. St.“ (VI, 526) относится до нѣсколькихъ строчекъ, въ которыхъ только говорится объ оттискѣ лица въ распущенномъ парафинѣ, между тѣмъ какъ я говорю о полной формѣ какого нибудь члена, что далеко не одно и то-же; вторая цитата изъ „Ps. St.“ (IV, 545—548) относится къ матеріализаціи полной человѣческой фигуры, а объ отпечаткахъ или слѣпкахъ тутъ и рѣчи нѣтъ. Нельзя не замѣтить, что въ томъ же томѣ „Ps. St.“ есть нѣсколько статей г. Реймерса, въ которыхъ онъ излагаетъ цѣлый рядъ опытовъ, произведенныхъ съ величайшимъ тщаніемъ и относящихся къ полученію формъ съ матеріализованныхъ рукъ—и что Гартманъ проходитъ эти опыты полнымъ молчаніемъ! Мотивировать это умолчаніе тѣмъ аргументомъ, что медіумъ былъ „запертъ“ и что, слѣдовательно, „все сдѣланное явленіемъ должно быть

приписано самому медіуму“, *здѣсь невозможно*, ибо „допущеніе нетождественности медіума и явленія“ опирается совсѣмъ не на томъ единственномъ основаніи, что медіумъ былъ запертъ, *но на разницѣ* между формою руки медіума и формою руки матеріализованной, разницѣ констатированной посредствомъ полученнаго отливка.

Такъ какъ я считаю полученіе формъ съ матеріализованныхъ органовъ за абсолютное доказательство реальной объективности явленія матеріализаціи и, слѣдовательно, за доказательство, что въ этомъ явленіи нѣтъ ничего галлюцинаторнаго, я долженъ представить обзоръ опытовъ этого рода со всею должною полнотою.

Мысль получать такого рода слѣпки принадлежитъ м-ру Дентону [1]), извѣстному въ Америкѣ геологу, который въ 1875 году получилъ первыя формы съ пальцевъ.

Фактъ этотъ былъ имъ описанъ въ письмѣ въ „Banner of Light“, перепечатанномъ въ „Medium“’ѣ (1875, стр. 674), откуда мы и заимствуемъ слѣдующее:

„Я недавно узналъ, что если окунуть палецъ въ растопленный парафинъ и дать ему застыть, то онъ легко снимается съ пальца и образуетъ форму, которая, если ее наполнить гипсомъ, даетъ точный слѣпокъ съ пальца.

„Вслѣдствіе этого я написалъ м-ру Джону Гарди, что нашелъ превосходный способъ полученія слѣпковъ и просилъ у него разрѣшенія устроить съ м-съ Гарди сеансъ, чтобы попробовать получить слѣпки съ такъ часто появлявшихся на ея сеансахъ матеріализованныхъ рукъ. Но о способѣ ихъ полученія я ничего не упомянулъ.

„Согласно приглашенію м-ра Гарди, я явился къ нему на квартиру съ запасомъ парафина и гипса и, какъ только всѣ приготовленія были окончены, мы приступили къ опытамъ.

---

[1]) Профессоръ Уильямъ Дентонъ умеръ въ 1884 г. отъ желтой горячки, въ путешествіи, предпринятомъ имъ съ цѣлью геологическихъ изслѣдованій въ Новой Гвинеѣ. (См. „Psych. Studien“ декабрь 1884, стр. 579).

„По серединѣ комнаты поставили большой столъ и завѣсили его стегапымъ одѣяломъ и чехломъ съ фортепіано для того, чтобы пространство подъ нимъ было какъ можно темнѣе. Подъ столъ поставили ведро горячей воды съ растопленнымъ на ея поверхности парафиномъ. М-съ Гарди сѣла къ столу и положила на него руки; м-ръ Гарди и я помѣстились по обѣимъ ея сторонамъ; кромѣ насъ въ комнатѣ никого не было.

„Въ неиродолжительномъ времени намъ послышался всплескъ воды и стуками потребовали, чтобы м-съ Гарди просунула свою руку на нѣсколько дюймовъ подъ столъ, между одѣяломъ и чехломъ; сдѣлавъ это, она въ нѣсколько пріемовъ получила отъ 15 до 20 формъ пальцевъ разной величины, начиная съ дѣтскихъ и заканчивая исполинскими. На большей части этихъ формъ, преимущественно на самыхъ большихъ и на подходившихъ по величинѣ къ нальцамъ медіума, вполнѣ ясно выступали всѣ линіи, черты и выпуклости, какія мы обыкновенно видимъ на человѣческихъ пальцахъ. Самый огромный изъ нихъ, который, какъ намъ сказали, былъ большой палецъ „Большого Дика“ (Big Dick), оказался вдвое шире моего большого пальца, между тѣмъ, какъ самая маленькая форма, съ совершенно отчетливымъ ногтемъ, представляла нухленькій пальчикъ ребенка, новидимому, не старше года.

„Во время полученія этихъ формъ, рука медіума находилась, какъ мнѣ ноложительно извѣстно, не ближе двухъ футовъ отъ парафина. Большинство формъ были еще теплы, когда м-съ Гардп снимала ихъ съ протягиваемыхъ ей подъ столомъ рукъ, и иногда парафинъ оказывался еще на столько мягкимъ, что форма портилась.

„Мнѣ хотѣлось бы обратить вииманіе братьевъ Эдди, „мальчика Аллэна“ и другихъ медіумовъ для физическихъ явленій на этотъ способъ экспериментированія для убѣжденія скептиковъ въ реальности появляющихся фигуръ и въ ихъ отдѣльности отъ медіума. Если-бы могли получать формы рукъ, превосходящія по своей величинѣ размѣръ обыкновенной человѣческой руки—а въ возможности этого я вполнѣ убѣжденъ—

то ихъ можно было бы посылать отдаленнымъ кружкамъ, какъ неопровержимое фактическое доказательство.

„Уильямъ Дентонъ“.

„Веллеслей. Масс. 14-го сентября 1875 г.“.

Въ позднѣйшемъ письмѣ, помѣщенномъ въ „Banner“'ѣ отъ 15 апрѣля 1876 года, м-ръ Дентонъ, упоминая о своемъ первомъ опытѣ, прибавляетъ слѣдующую важную подробность: „Во время этого сеанса мнѣ случалось видѣть показывавшіеся изъ-подъ стола пальцы, когда они были еще покрыты парафиномъ“.

Письмо м-ра Гарди, мужа медіума, подтверждаетъ тотъ же фактъ и добавляетъ нѣсколько не лишенныхъ интереса подробностей, почему мы его здѣсь и перепечатываемъ изъ „Medium“'а (1875 г., стр. 647).

„15-го числа сего мѣсяца я получилъ письмо отъ профессора У. Дентона, живущаго въ Веллеслеѣ, въ 10 миляхъ отъ Бостона, и извѣстнаго своими лекціями по геологіи и спиритуализму. Онъ сообщалъ мнѣ, что нашелъ средство получать самымъ простымъ способомъ слѣпки съ матеріализованныхъ рукъ или пальцевъ, если только при этомъ будетъ подходящій медіумъ, и спрашивалъ, не согласится ли м-съ Гарди на подобный опытъ. Я не медля отвѣтилъ, что мы почли бы за счастіе содѣйствовать ему въ онытахъ, имѣющихъ цѣлью доказать реальность матеріализаціи. Вслѣдъ за тѣмъ я получилъ отъ него увѣдомленіе, что онъ будетъ у насъ на слѣдующій день, 16-го. Онъ иринесъ съ собой свои матеріалы, о которыхъ, равно какъ и объ ихъ употребленіи, онъ намъ ничего заранѣе не говорилъ, и мы тотчасъ же приступили къ сеансу.

„Взявъ обыкновенный столъ, длиною въ 4 фута и шириною въ 2, мы обтянули его по бокамъ одѣялами, чтобы туда не проникалъ свѣтъ. Тогда м-ръ Дентонъ внесъ обыкновенное ведро, почти до верху наполненное горячей водой, и впустилъ туда кусокъ парафина, который, разумѣется, растопился и сталъ плавать на поверхности. М-ръ Дентонъ поставилъ ведро подъ столъ, за которымъ сидѣла м-съ Гарди; м-ръ Дентонъ и я сѣли

около нея по обѣимъ сторонамъ. Въ этомъ случаѣ не было надобности составлять для контроля цѣпь, ибо руки лежали на столѣ и всякое движеніе было бы сейчасъ замѣчено. Черезъ нѣсколько минутъ послышался всплескъ воды и вскорѣ послѣ того невидимые дѣятели сообщили намъ объ успѣхѣ и выразили желаніе, чтобы медіумъ взялъ что-то отъ нихъ. Только тогда м-съ Гарди просунула подъ столъ руку, причемъ выше кисти она оставалась постоянно на виду. Пальцы ея ни разу не приближались къ ведру болѣе, чѣмъ на два фута; опускавшіяся въ парафинъ руки сами поднимались къ медіуму, чтобы онъ снималъ образовавшуюся на нихъ парафиновую форму. Такъ получилось отъ 15 до 20 формъ, въ которыхъ ясно обозначились не только ногти, но и всѣ линіи кожи. Эти пальцы были, по крайней мѣрѣ, пяти различныхъ размѣровъ, въ томъ числѣ находились три или четыре, принадлежавшіе дѣтямъ отъ году до трехъ лѣтъ. Остальныя формы были гораздо большаго размѣра и, наконецъ, одна изъ нихъ изображала большой палецъ такой величины, какой мы никогда не видывали, причемъ ноготь и всѣ линіи кожи были совершенно отчетливы.

„Всѣ эти формы находятся теперь у м-ра Дентона и онъ сообщитъ подробности этого опыта въ ближайшемъ № „Banner“'а, за своею подписью. Факты эти говорятъ сами за себя и доказываютъ, что все идетъ впередъ. Описанныя выше явленія происходили при дневномъ свѣтѣ, только при опущенныхъ шторахъ, безъ всякаго кабинета и безъ закрыванія медіума покрываломъ; все происходило въ комнатѣ, гдѣ всякое движеніе каждаго участвовавшаго было ясно видно всѣмъ прочимъ.

„Джонъ Гарди“.

„Бостонъ. 20-го сентября 1875 г.“.

Такимъ способомъ были послѣдовательно получены въ цѣломъ рядѣ сеансовъ формы рукъ и ногъ самыхъ разнообразныхъ строеній. Условія этихъ опытовъ и полученные результаты оказались вполнѣ удовлетворительными, но критика дѣлала свое дѣло и усиливалась придумать, какимъ путемъ со-

вершался тутъ обманъ, ибо безъ обмана, конечно, дѣло не обходилось. Стали толковать, что медіумъ могъ приносить съ собою готовыя формы и выдавать ихъ за образовавшіяся на сеансѣ. Тогда профессоръ Дентонъ прибѣгнулъ къ слѣдующему способу провѣрки: онъ взвѣшивалъ парафиновую массу до начала сеанса, а затѣмъ, по окончаніи его, взвѣшивалъ какъ полученныя формы, такъ и оставшійся парафинъ и сумма полученныхъ тяжестей оказывалась равной тяжести всей массы употребляемаго парафина. Опытъ съ взвѣшиваніемъ былъ произведенъ неоднократно, и въ многочисленныхъ собраніяхъ, комиссіями, члены которыхъ были выбираемы самой публикой— въ Бостонѣ, Чарльзстоунѣ, Портлэндѣ, Балтиморѣ, Вашингтонѣ и др. гор. — и каждый разъ съ полнымъ успѣхомъ. Критика нашла новое возраженіе: дѣйствуя руками и ногами, медіумъ могъ удалить нужное колпчество парафина и какъ-нибудь скрыть его. Требовали посадить медіума въ мѣшокъ. Было исполнено и это. На двадцати, или около того, публичныхъ сеансахъ медіума сажали въ мѣшокъ, который завязывался у него на шеѣ; и каждый разъ получался одинаковый результатъ, причемъ все происходило подъ надзоромъ комиссіи изъ публики. Но вскорѣ нашли и эту предосторожность недостаточной; стали говорить, что медіумъ можетъ распороть и снова зашить часть шва въ мѣшкѣ и опять дѣйствовать руками, хотя члены комиссіи ничего подобнаго никогда не замѣчали. Наконецъ, придумали комбинацію, которая должна была служить рѣшающимъ абсолютнымъ доказательствомъ: потребовали, чтобы форма получалась въ запертомъ на ключъ ящикѣ. И такъ какъ въ самомъ дѣлѣ опытъ, произведенный при такихъ условіяхъ, долженъ считаться абсолютно доказательнымъ, то я и привожу здѣсь описаніе его, по документу, подписанному членами комиссіи и помѣщенному въ „Banner of Light“ отъ 27-го мая 1876 г. Вотъ прежде всего описаніе ящика, нарочно изготовленнаго для опыта по указаніямъ доктора Гарднера:

„Прямоугольный по формѣ ящикъ имѣетъ 30 дюймовъ въ длину и въ глубину и 24 въ ширину. Дно, двухстворчатая крышка и четыре колонки по угламъ деревянныя, также какъ

и часть стѣнокъ между крышкой и проволочной сѣткой; вышина этихъ стѣнокъ 8½ дюймовъ и всѣ онѣ пробиты дырочками на разстояніи дюйма одна отъ другой; первоначально дырочки были въ ¾ дюйма въ діаметрѣ, но затѣмъ ихъ уменьшили посредствомъ заклейки до четверти дюйма. Проволока, обтягивающая ящикъ, состоитъ изъ одного куска, оба конца котораго соединяются на одномъ изъ угольныхъ столбиковъ и прикрываются сверху деревяннымъ брускомъ, крѣпко прибитымъ къ столбику. Крышка состоитъ изъ двухъ частей и раскрывается по серединѣ. Одна половина крышки запирается съ двухъ сторонъ на задвижки, придѣланныя по бокамъ, другая запиралась сперва только однимъ засовомъ. Проволока образуетъ толстую крѣпкую сѣть съ петлями въ ⅜ дюйма. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ опытовъ, при которыхъ мы не присутствовали, въ ящикѣ были замѣчены нѣкоторые недостатки и его передѣлали, такъ что онъ отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ. Къ крышкѣ придѣлано съ двухъ сторонъ по замку, съ помощью которыхъ она запирается совершенно плотно и крѣпко. Мы потому вдаемся въ такое подробное описаніе ящика, что смотримъ на него какъ на способъ доказательства, совершенно исключающій всякій вопросъ о благонадежности медіума“ (Перепечатано въ „Spiritualist“ отъ 9 іюня 1876 г., стр. 274).

Перейдемъ теперь къ протоколу опыта:—„Въ понедѣльникъ, 1-го мая 1876 г., въ комнатѣ нижняго этажа квартиры, занимаемой м-ромъ Гарди, № 4, на Конкордъ-скверѣ, находились: полковникъ Фридрихъ А. Попъ изъ Бостона, Джонъ Уэтерби, І. С. Дрэперъ, Инсъ Сарджентъ, м-съ Дора Брайтгэмъ и м-ръ и м-съ Гарди. Ящикъ былъ подвергнутъ основательному осмотру. Полковникъ Попъ, знающій толкъ въ столярныхъ работахъ, опрокинулъ ящикъ верхъ дномъ и изслѣдовалъ его со всѣхъ сторонъ, внутри и снаружи; остальные присутствовали при осмотрѣ и потомъ повторили его сами. Особенно внимательно изслѣдовали сѣтку, чтобы удостовѣриться, можно ли какимъ-нибудь желѣзнымъ инструментомъ раздвинуть петли на столько, чтобы онѣ пропустили предметъ, толщиною болѣе полдюйма, и затѣмъ незамѣтно ихъ сдвинуть.

При данныхъ условіяхъ это оказалось невыполнимымъ, или, по крайней мѣрѣ, не могло бы остаться незамѣченнымъ.

„Когда всѣ удостовѣрились въ надежности ящика, м-ръ Уэтерби взялъ ведро чистой холодной воды, предварительно осмотрѣнное всѣми присутствующими, и поставилъ его въ ящикъ. Полковникъ Попъ взялъ ведро горячей воды, покрытой сверху жидкимъ слоемъ растопленнаго парафина и, по освидѣтельствованіи его, поставилъ также въ ящикъ. Крышку закрыли, задвинули засовами и заперли. Для полнѣйшаго обезпеченія наложили, сверхъ того, печати на обѣ замочныя скважины, вдоль пазовъ крышки сверху и по бокамъ, хотя эта мѣра и была совершенно лишней: медіумъ все время оставался у насъ на виду. Въ комнатѣ было свѣтло и мы всѣ видѣли сквозь сѣтку, что въ ящикѣ ничего другого, кромѣ ведеръ и ихъ содержимаго, не было.

„Чтобы дать требуемую для явленія темноту, на ящикъ набросили суконную скатерть и въ комнатѣ нѣсколько уменьшили свѣтъ, но его оставалось, однако, достаточно, чтобы видѣть часы и различать лица и движенія присутствующихъ, въ томъ числѣ и медіума. М-съ Гарди сѣла впереди кружка, передъ узкой стороною ящика, а м-ръ Гарди все время находился въ отдаленіи, позади всего общества.

„Присутствовавшіе сидѣли совершенно свободно; не было ни нѣнія, ни шума, хотя разговоръ вполголоса и продожался почти все время. М-съ Гарди оставалась въ нормальномъ состояніи, видимо спокойною и ничѣмъ не озабоченною. Въ кружкѣ царствовала полная гармонія; глаза всѣхъ были устремлены на медіума. Иногда обращались съ вопросомъ къ дѣйствующей силѣ и отвѣтъ получался стуками.

„Наконецъ, минутъ черезъ сорокъ раздалось частое веселое постукиваніе, извѣщавшее объ успѣхѣ. Всѣ мы встали съ своихъ мѣстъ, сняли съ ящика сукно и, посмотрѣвъ сквозь проволочную сѣтку, увидали, что въ ведрѣ съ холодной водой плаваетъ цѣльная форма большой руки, затѣмъ освидѣтельствовали печати—онѣ оказались не поврежденными. Мы снова тщательно осмотрѣли всѣ стѣнки ящика: дерево и проволока

все было въ цѣлости и въ порядкѣ. Снявъ печати, мы отперли замки, отодвинули засовы; поднявъ крышку, вынули изъ ящика ведро и взяли форму. Мы не видѣли и теперь не видимъ другого выхода, какъ придти къ заключенію, что эта форма была сдѣлана и положена въ ведро какою-то силою, способною матеріализовать органы человѣческаго тѣла, совершенно отличнаго отъ тѣла медіума.

„Въ четвергъ, 4-го мая, состоялся второй сеансъ, на которомъ, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, присутствовали еще м-ръ І. У. Дэй (изъ редакціи „Banner of Light“) и м-ръ І. Ф. Альдерманъ. Условія были тѣ-же, а результатъ еще успѣшнѣе, чѣмъ на сеансѣ 1-го мая, такъ какъ формы были гораздо больше и съ болѣе раздвинутыми пальцами. Передъ сеансомъ и послѣ него были приняты тѣ же мѣры предосторожности: ящикъ былъ дважды всесторонне осмотрѣнъ всѣми присутствующими лицами. Возникло сомнѣніе относительно прочности петель на крышкѣ, тогда принесли отвертку, винты испробовали и подвернули ихъ еще крѣпче.

„Кромѣ формы въ ведрѣ, на днѣ ящика нашли еще часть другой.

„Мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„1. Что точная форма человѣческой руки въ натуральную величину была произведена въ запертомъ ящикѣ какой-то неизвѣстной намъ силой, обладающей разумностью и способностью къ организаціи.

„2. Что условія опыта были таковы, что совершенно исключали вопросъ о честности медіума, а результатъ вполнѣ доказалъ подлинность его медіумической способности.

„3. Что вся обстановка была такъ проста и наглядна, что не допускала возможности обмана или самообмана и что, въ виду этого, мы вправѣ считать фактъ этотъ абсолютно доказаннымъ.

„4. Что этимъ опытомъ подтверждается давно извѣстный изслѣдователямъ фактъ явленія времено матеріализующихся видимыхъ и осязаемыхъ рукъ, управляемыхъ разумностью и проэцируемыхъ изъ невидимаго организма.

„5. Что опытъ съ парафиновыми формами въ связи съ такъ

называемой спиритической фотографіей даетъ объективное доказательство дѣятельности разумной силы, не облеченной въ видимый для насъ организмъ и представляетъ твердое основаніе для научнаго изслѣдованія.

„6. Что вопросъ: „какъ получилась эта форма внутри ящика?“ приводитъ къ заключеніямъ, которыя не могутъ не имѣть важнаго значенія для философіи будущаго, — для проблемъ психологіи и физіологіи, касающихся высшаго призванія человѣка.

„Бостонъ, 24-го мая 1876 г.

„*J. F. Aldermann*, 46, Congress-street, Boston.
„Mrs. *Dora Brigham*, 3, James-street, Franklin st.
„Colonel *Frederick A. Pope*, 69, Montgomery-street.
„*John W. Day*, 9, Montgomery-place.
„*John Wetherbee*, 48, Congress-street.
„*Epes Sargent*, 67, Moreland-street.
„*J. S. Draper*, Wayland, Mass“.

Въ числѣ этихъ подписей мы видимъ и имя Ипсъ Сарджента, очень извѣстное въ американской литературѣ.

Итакъ, мы имѣемъ передъ собой опыты, произведенные при условіяхъ, которыя должны вполнѣ удовлетворить доктора Гартмана: медіумъ не уединяется; онъ сидитъ вмѣстѣ со всѣми присутствующими въ освѣщенной комнатѣ, и форма образуется въ пространствѣ, недоступномъ для поддѣлки подобнаго явленія. Стало быть, мы имѣемъ здѣсь абсолютное, объективное и пребывающее доказательство, что появляющіяся на медіумическихъ сеансахъ руки не суть галлюцинаціи, но представляютъ явленіе совершенно реальное и объективное, наименованіе котораго словомъ „матеріализація“ имѣетъ, повидимому, нѣкоторое основаніе, причемъ мы здѣсь нисколько не касаемся вопроса о сущности явленія.

Единственно возможное возраженіе противъ этого опыта — что онъ происходилъ въ Америкѣ, этой классической странѣ всякаго шарлатанства. Возраженіе это имѣло бы вѣсъ, если бы относилось къ какому-нибудь единичному, совершенно новому случаю, безъ всякаго прецедента. Но для человѣка, ближе изу-

чающаго этотъ вопросъ, описанный нами случай является только послѣднимъ развитіемъ цѣлаго ряда опытовъ, относящихся до этого же явленія. Если, сверхъ того, принять въ соображеніе, что въ этихъ опытахъ участвовали профессоръ Дентонъ, изобрѣтатель самого метода,—д-ръ Гарднеръ, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ представителей спиритуализма въ Америкѣ, которому принадлежитъ мысль о постройкѣ ящика и подъ чьимъ предсѣдательствомъ производились первые опыты (см. „Banner of Light“ отъ 1-го апрѣля 1876 г.), — Инсъ Сарджентъ, извѣстный писатель и спиритуалистъ, который, посылая отчетъ коммиссіи въ Лондонскій „Spiritualist“, писалъ къ редактору: „Такъ какъ я самъ присутствовалъ на этихъ сеансахъ, то могу вполнѣ поручиться за совершенную точность ихъ описанія“ („Spiritualist“ 1876 г., стр. 274), и, сверхъ того, сообщилъ тому же журналу мнѣніе эксперта о подобнаго рода формахъ, именно скульптора О'Бріена [1]) (см. „Spiritualist“, 1876 г. I,

---

[1]) Мы приводимъ здѣсь цѣликомъ этотъ интересный документъ:

„Вашингтонъ. 30 января 1876 г.

„Вслѣдствіе обращенной ко мнѣ просьбы, симъ свидѣтельствую, что я формовщикъ и скульпторъ, состоящій въ этой профессіи въ продолженіе двадцати-пяти лѣтъ, изъ числа которыхъ я провелъ нѣсколько лѣтъ въ Италіи для изученія великихъ мастеровъ живописи и ваянія, а въ настоящее время живу въ Вашингтонѣ и имѣю мастерскую въ домѣ № 345 по Pennsylvania avenue. Вечеромъ 4-го января я былъ приглашенъ явиться въ одну частную квартиру (1016 I street, NW.), для осмотра гипсовыхъ моделей рукъ, о которыхъ я долженъ былъ высказать свое мнѣніе. Господинъ, представленный мнѣ, какъ м-ръ Джонъ Гарди изъ Бостона, показалъ мнѣ тамъ семь гипсовыхъ рукъ разной величины, которыя я разсмотрѣлъ при яркомъ свѣтѣ и съ помощью лупы; каждая рука отличалась законченностью своей отдѣлки передававшей всѣ анатомическія подробности и линіи на поверхности кожи съ точностью, которую можно встрѣтить развѣ только въ моделяхъ, отлитыхъ въ формахъ, полученныхъ посредствомъ наложенія гипса или воска на руку, или какую другую часть человѣческаго тѣла, и состоящихъ изъ отдѣльныхъ частей, образующихъ одну составную форму. Вышесказанныя модели не имѣли никакихъ слѣдовъ отливки въ составной, или, какъ у насъ говорятъ, „разборной формѣ“, но казались отлитыми цѣликомъ. Между этими моделями была одна, которая, какъ мнѣ сказали, представляла руку покойнаго вице-президента Генри Вильсона, и была получена

стр. 146)—то все это, вмѣстѣ взятое, даетъ помянутымъ опытамъ всю желаемую степень достовѣрности.

уже спустя много времени послѣ его смерти. По формѣ и величинѣ модель чрезвычайно походила на его руку, которую мнѣ пришлось видѣть вскорѣ послѣ его кончины, когда я приходилъ снимать единственную съ него взятую маску; я тогда же хотѣлъ наложить гипсъ и на его руку, но мнѣ помѣшали врачи, торопившіеся приступить къ вскрытію тѣла.

„Согласно той же просьбѣ, охотно прибавляю, что если-бы вышеупомянутый слѣпокъ съ руки Вильсона былъ изготовленъ при помощи нашихъ формовальныхъ инструментовъ, то, по моему мнѣнію, сдѣлалъ бы честь самому искусному художнику.

„Относительно этого пункта я даже смѣло утверждаю, что изъ ста извѣстныхъ скульпторовъ едва ли одинъ можетъ изваять такую руку во всѣхъ ея деталяхъ, ибо въ нашемъ искусствѣ неизвѣстно другого способа изготовленія слѣпковъ, вродѣ показанныхъ мнѣ, какъ въ составныхъ или разборныхъ формахъ; послѣ чего отливки подвергаются окончательной отдѣлкѣ подчисткой, чтобы сгладить швы и другіе признаки ихъ изготовленія, что въ этомъ случаѣ составило бы громадный трудъ, особенно если принять во вниманіе микроскопическое изслѣдованіе, которому я ихъ подвергъ: на отдѣлку одного такого отлива (предполагая, что скульпторъ могъ бы обойтись безъ помощи искуснаго гравера) потребовалось бы нѣсколько дней работы. Въ тотъ же вечеръ, тамъ же, вмѣстѣ съ этими моделями мнѣ показали двѣ парафиновыя перчатки или формы, въ которыхъ и получались, какъ мнѣ говорили, эти отливки; я внимательно разсмотрѣлъ эти формы и нашелъ, что онѣ безъ швовъ и должны были получиться цѣльными, напр., съ превосходно сдѣланной модели руки, которую погружали бы нѣсколько разъ въ полужидкое, подобное парафину, пристающее вещество, и затѣмъ извлекли бы ее, оставивъ форму въ видѣ перчатки; но самая форма этихъ перчатокъ (какъ и полученныхъ въ нихъ отливковъ) съ согнутыми пальцами и ладонью, на нѣсколько дюймовъ шире запястья, дѣлали, по моему мнѣнію, невозможнымъ снятіе подобныхъ перчатокъ цѣликомъ, почему я и остался безъ всякой сколько-нибудь удовлетворительной теоріи относительно способа ихъ происхожденія.

„Еще меня просятъ заявить, что я не спиритуалистъ, никогда не былъ ни на одномъ сеансѣ и завѣдомо не имѣлъ сношеній съ такъ называемыми „медіумами“. Изъ философіи современнаго спиритуализма знаю только, что она утверждаетъ безсмертіе души и признаетъ возможность общенія съ духами умершихъ: на первое я смотрю какъ на предметъ вѣры, а относительно послѣдняго не нахожу достаточно данныхъ, чтобы высказаться за или противъ“.

«Джонъ О'Бріенъ, скульпторъ».

Вообще же говоря, справедливо, что приходящія къ намъ изъ Америки извѣстія часто преувеличены и неточны; поэтому-то въ спиритическихъ изслѣдованіяхъ своихъ я и предпочитаю, какъ это видно, пользоваться англійскими источниками, тѣмъ болѣе, что большинство лицъ, принимающихъ въ Англіи дѣятельное участіе въ этомъ движеніи, мнѣ лично извѣстны. Вотъ почему я и представлю здѣсь обстоятельный очеркъ опытовъ этого рода, произведенныхъ въ Англіи, доказательность которыхъ, быть можетъ, еще болѣе убѣдительна.

Дальнѣйшее полученіе парафиновыхъ формъ съ матеріализованныхъ органовъ.

Опыты эти можно раздѣлить на четыре разряда, сообразно условіямъ ихъ обстановки:

I. Медіумъ уединенъ; дѣйствующая фигура невидима.

II. Медіумъ въ виду зрителей; дѣйствующая фигура невидима.

III. Медіумъ уединенъ; дѣйствующая фигура передъ глазами.

IV. Дѣйствующая фигура и медіумъ одновременно на глазахъ у присутствующихъ.

I. Медіумъ уединенъ; дѣйствующая фигура невидима.

Лучшіе опыты этого разряда несомнѣнно принадлежатъ г-ну Реймерсу (въ Манчестерѣ), лично мнѣ извѣстному, который съ самаго ихъ начала, кромѣ отчетовъ, помѣщаемыхъ имъ въ англійскихъ журналахъ, весьма подробно сообщалъ мнѣ въ письмахъ о получаемыхъ имъ результатахъ. Читатели „Psych. Studien“ знакомы съ ними по статьямъ г. Реймерса, напечатаннымъ въ сказанномъ журналѣ въ 1877 году и послѣдующихъ. Заимствую изъ письма г. Реймерса (отъ 6-го апрѣля 1876 г.), хранящагося у меня и теперь, подробное описаніе его перваго опыта въ этомъ родѣ:

„Медіумъ — очень полная женщина, сидѣлъ въ тюлевомъ мѣшкѣ, охватывавшемъ его голову и руки. Мѣшокъ собирался на обыкновенную полотняную тесемку, продѣтую въ широкій рубецъ и туго завязанную вокругъ таліи, такъ что руки или,

вообще, вся верхняя часть корпуса была совершенно обхвачена. Концы этой тесьмы были мной завязаны въ нѣсколько туго затянутыхъ узловъ, такъ что освобожденіе медіума изъ мѣшка становилось совершенно немыслимымъ. Въ такомъ видѣ сидѣлъ онъ въ углу *моей комнаты*, и я нарочно подчеркиваю это обстоятельство, какъ исключающее возможность предположенія какой-нибудь потайной двери. Тщательно взвѣсивъ парафинъ, я положилъ его въ небольшое ведро и влилъ туда кипятку; въ скоромъ времени парафинъ распустился и я поставилъ ведро на стулъ около медіума. Уголъ былъ отгороженъ коленкоровой занавѣской и такъ загроможденъ нотной этажеркой, двумя стульями, табуретомъ съ ведромъ и корзинкой для старыхъ бумагъ, что спрятаться тамъ кому-нибудь постороннему не было никакой возможности. При слабомъ освѣщеніи я сѣлъ передъ занавѣской и вскорѣ убѣдился, что медіумъ уже въ трансѣ. Фигуры не являлось, но голосъ прошепталъ: „Удалось; возьми осторожно форму, она еще тепла, но не буди медіума“. Я распахнулъ занавѣску и *увидалъ подлъ медіума фигуру*, которая быстро исчезла. Форма была тутъ. Я взялъ ведро, а какъ парафинъ былъ еще въ жидкомъ видѣ, то предложилъ медіуму опустить въ него свою руку, чтобы получить съ нея форму. Потомъ я взвѣсилъ обѣ формы вмѣстѣ съ остаткомъ парафина: вѣсъ былъ тотъ же, за исключеніемъ незначительной убыли, происшедшей отъ неизбѣжнаго прилипанія парафина къ краямъ ведра. Всѣ завязки и узлы были въ цѣлости, въ чемъ я удостовѣрился тщательнымъ осмотромъ, прежде чѣмъ освободить медіума. Единственная дверь въ комнатѣ была заперта на ключъ, а завѣшанный уголъ я все время не выпускалъ изъ виду. Невозможность обмана на столько очевидна, что кажется нечего о томъ и распространяться. Употребленіе тюлеваго мѣшка при опытахъ—мысль весьма удачная. Я обязанъ ею профессору Бутлерову, примѣнявшему этотъ способъ въ сеансахъ съ Бредифомъ. Еслибъ руки медіума и оставались свободными, сомнѣніе все-таки невозможно. Если допустить, что гипсовая рука была тайкомъ принесена медіумомъ, то при удаленіи ея изъ формы, чрезвычайно нѣжной и хруп-

кой, послѣдняя неминуемо должна была бы сломаться или, по крайней мѣрѣ, попортиться. Рука же изъ эластическаго матеріала не выдержала бы высокой температуры, ибо медіумъ чуть не вскрикнулъ, когда потомъ опускалъ руку въ растопленную массу. Если бы, наконецъ, форма изъ парафина была принесена, то она была бы толще, а повѣрка взвѣшиніемъ выдала бы обманъ".

Такимъ способомъ г. Реймерсъ получилъ первый отливокъ правой руки, по своему сложенію совершенно сходной съ той рукой, которая дотолѣ появлялась передъ нимъ только на нѣсколько мгновеній и съ которой ему удалось еще прежде получить отпечатокъ на мукѣ (см. „Psych. Studien" 1877 г., стр. 401). По формѣ и величинѣ она рѣзко отличалась отъ руки медіума, женщины пожилой и принадлежавшей къ рабочему классу. Этотъ первый опытъ былъ произведенъ г. Реймерсомъ 30-го января 1876 г., какъ видно по его письму въ „Spiritualist" отъ 11-го февраля 1876 г. (Относительно прочихъ подробностей см. его статью въ „Psych. Studien" 1877 г., стр. 351—401).

Этотъ опытъ былъ вскорѣ повторенъ (5-го февраля 1876 г.) г. Реймерсомъ въ его собственной квартирѣ, въ присутствіи двухъ свидѣтелей: м-ра Оклея и м-ра Лайтфута. Оклей помѣстилъ отчетъ о немъ въ „Spiritualist"'ѣ отъ 11-го февраля 1876 года. Были приняты тѣ же мѣры предосторожности. М-ръ Оклей *выразилъ желаніе получить форму лѣвой руки*, подъ пару первому отливку съ правой. Вскорѣ послышался „плескъ воды" и по окончаніи сеанса въ ведрѣ нашли *теплую еще* форму лѣвой руки, по отливкѣ которой получилась рука, совершенно соотвѣтствующая прежней правой (См. „Psych. Stud." 1877 г., стр. 491—493).

М-ръ Реймерсъ былъ такъ любезенъ, что переслалъ мнѣ отливокъ этой лѣвой руки, которую легко отличить отъ всѣхъ прочихъ полученныхъ у него впослѣдствіи, ибо у нея, на тылу, находится изображеніе креста, подареннаго г. Реймерсомъ фигурѣ, именующей себя Берти и появлявшейся на всѣхъ послѣдующихъ сеансахъ съ этимъ крестомъ. Кромѣ того г. Рей-

мерсъ прислалъ мнѣ *отливокъ лѣвой руки медіума*, сдѣланный имъ тотчасъ же вслѣдъ за полученіемъ формы съ руки Берти, какъ онъ это сообщаетъ въ „Psych. Stud.“ 1877 г., на стр. 404.

Прилагаю здѣсь таблицы VIII и IX съ фототипіями, изображающими обѣ руки, для того, чтобы дать читателю возможность самому судить объ ихъ сходствѣ. Отливки обѣихъ рукъ, положенные рядомъ и въ томъ же фокусѣ, были фотографированы въ моемъ присутствіи; фототипіи не передаютъ всѣхъ деталей, но достаточно взглянуть на нихъ, чтобы замѣтить полнѣйшее несходство обѣихъ рукъ: у медіума большая, некрасивая рука; рука же Берти, напротивъ, маленькая и изящная; особенно бросается въ глаза разница пальцевъ и ногтей. Существенную разницу, доказанную измѣреніемъ, представляетъ длина пальцевъ; у медіума они на сантиметръ длиннѣе пальцевъ Берти. Обхватъ ладони медіума, измѣренной при основаніи пальцевъ (гдѣ ширина не можетъ измѣняться), тоже на сантиметръ больше, а обхватъ руки въ сгибѣ кисти больше на два сантиметра. Фотографія руки Берти сдѣлана съ копіи отливка, но м-ръ Реймерсъ прислалъ мнѣ и двѣ *оригинальныя парафиновыя формы*, одну съ правой, а другую съ лѣвой руки Берти. О нихъ онъ писалъ мнѣ слѣдующее отъ 4-го апрѣля 1877 г.:

„Замѣчательный результатъ, достигнутый мною въ видѣ отлива матеріализованной руки, кажется мнѣ на столько значительнымъ, что я считаю нелишнимъ переслать вамъ одинъ изъ немногихъ полученныхъ нами экземпляровъ... Посылаемая вамъ рука получилась при тѣхъ же условіяхъ, какъ и первая, въ присутствіи м-ра Оклея и одного пріятеля („Spiritualist“ отъ 11-го февраля 1876 г.). Особенно удивительна исторія креста. Я подарилъ его появившейся фигурѣ въ то время, когда медіумъ сидѣлъ въ тюлевомъ мѣшкѣ. Когда медіумъ проснулся, креста не было, онъ исчезъ. Я освободилъ его изъ мѣшка не раньше, какъ употребилъ всѣ старанія найти крестъ. На слѣдующемъ сеансѣ Берти появилась съ крестомъ на шеѣ. Форма ея рукъ совершенно та же, какъ на прилагаемомъ отливкѣ.

Дѣлаю такъ смѣло это заявленіе въ качествѣ недурнаго рисовальщика. До сихъ поръ я получилъ двѣ правыя и три лѣвыя руки — всѣ въ различныхъ положеніяхъ, но мелкія линіи и складки повторяются во всѣхъ съ одинаковой точностью; это несомнѣнно одна и та-же индивидуальность. Узнаваемость этихъ рукъ, въ которыхъ видна *жизнь*, составляетъ для меня верхъ доказательства, что здѣсь дѣйствительно имѣетъ мѣсто процессъ матеріализаціи. Посылка была уже готова, когда мнѣ вздумалось добавить кое-что еще... Прилагаю двѣ оригинальныя парафиновыя формы, которыя получилъ вчера для этой цѣли. Какъ всегда, я посадилъ медіума въ тюлевый мѣшокъ и, кромѣ того, прикололъ сзади къ платью концы стягивающей его тесьмы. Вскорѣ Берти стала показываться въ отверстіи занавѣсокъ и надъ кабинетомъ, потомъ скрылась; я услышалъ плескъ воды и нашелъ обѣ руки, уже остывшія, въ ведрѣ съ водой... Налейте ихъ растворомъ самаго тонкаго гипса, и т. д.; затѣмъ возьмите увеличительное стекло и сравните отлитыя руки съ руками мною посылаемыми; и вы узнаете ту же индивидуальность. Я такъ въ этомъ увѣренъ, что посылаю вамъ только-что полученныя формы и знаю наперед, что результатъ оправдаетъ мою увѣренность“.

И дѣйствительно, полученный мною отливокъ правой руки совершенно отвѣчалъ присланной гипсовой лѣвой рукѣ, отлитой самимъ Реймерсомъ. Что же касается до формы лѣвой руки, то я имѣлъ неосторожность сохранить ее въ ея первоначальномъ видѣ, т. е. не наполнивъ ее гипсомъ, вслѣдствіе чего она со временемъ приплюснулась, и я налилъ ее гипсомъ только теперь—десять лѣтъ спустя. Ладонь этой руки вышла уродливой, но пальцы сохранились довольно хорошо,—это несомнѣнно тѣ же пальцы. Недавно я просилъ г. Виттиха прислать мнѣ отливокъ формы, полученной на сеансѣ 17-го апрѣля 1876 года (о которомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи) со спеціальной цѣлью отсылки друзьямъ въ Лейпцигъ. Сравнивая этотъ гипсовый оригиналъ правой руки съ имѣющимся у меня оригиналомъ той же руки, легко признать совершенную тождественность руки, служившей моделью; только *въ положеніи пальцевъ*

есть маленькая разница, что именно мнѣ и было интересно констатировать.

Происходило не мало преній о томъ, какимъ образомъ рука пли иной органъ извлекается изъ парафиновой формы? Дематеріализуется ли онъ въ самой формѣ, или вынимается изъ нея обыкновеннымъ путемъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, имѣетъ мѣсто и то и другое, смотря по условіямъ формы. Предположить дематеріализацію можно въ томъ случаѣ, когда положеніе пальцевъ въ полученномъ отливкѣ таково, что извлеченіе руки изъ формы обыкновеннымъ путемъ представляетъ абсолютную физическую невозможность; случаи подобнаго рода бывали, и нижѐ я приведу тому примѣръ, но мнѣ кажется, что эта частность всегда будетъ вести къ разногласіямъ. Поэтому, я полагаю, что сущность дѣла состоитъ въ самомъ фактѣ полученія подобной формы при условіяхъ, исключающихъ возможность поддѣлки. Если полученный отливокъ будетъ имѣть точную форму руки медіума, то мы будемъ имѣть въ этомъ драгоцѣнный фактъ его тѣлеснаго раздвоенія. Констатированіе этого факта есть первый шагъ въ вопросѣ о матеріализаціи; если же, напротивъ, полученный отливокъ будетъ имѣть форму отличную отъ органа медіума, то мы получимъ наилучшее доказательство другого, несравненно болѣе сложнаго явленія, необходимо ведущаго къ совершенно инымъ заключеніямъ.

Что касается до *доказательствъ, такъ сказать, органическихъ*, то я не могу не упомянуть о слѣдующемъ наблюденіи, сдѣланномъ мною. Внимательно разсматривая оригинальный отливокъ руки Берти и сравнивая его съ отливкомъ руки медіума, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что рука Берти хотя и имѣетъ полноту руки молодой женщины, но кожа на ней носитъ отпечатокъ старости; а медіумомъ была, какъ сказано выше, пожилая женщина, вскорѣ послѣ того умершая. Вотъ подробность, которую никакая фотографія не обнаружитъ и которая наглядно доказываетъ, что матеріализація дѣйствительно происходитъ на счетъ медіума, представляя нѣчто составленное изъ наличныхъ органическихъ формъ и нѣкоторыхъ сверхъ того особенностей, смотря по орудующей силѣ. Поэтому

мнѣ было очень пріятно, когда въ письмѣ отъ 20-го февраля 1876 г., сопровождавшемъ отливки, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, м-ръ Окслей сообщилъ мнѣ о своемъ подобномъ же наблюденіи:

„Странное дѣло,—пишетъ онъ,—молодость и старость ясно проглядываютъ на этихъ отливкахъ! Не значитъ ли это, что хотя эти матеріализаціи и сохраняютъ свойственныя имъ молодыя формы, но, образуясь преимущественно на счетъ тѣла медіума, онѣ носятъ на себѣ и признаки его старчества. Взгляните на вены, выступающія на рукѣ— вы увидите на ней неоспоримые признаки организма самого медіума“. (Эти слова относятся къ рукѣ „Лилли“, фототипію которой я помѣстилъ въ нѣмецкихъ изданіяхъ настоящей книги).

Я упомяну теперь о томъ же явленіи, съ тѣмъ же результатомъ, т. е. о полученіи формъ, отливки которыхъ совершенно тождественны съ предшествующими, но при другомъ условіи ихъ полученія, весьма замѣчательномъ, *именно съ другимъ медіумомъ*, и даже медіумомъ не женщиной, а мужчиной, — съ докторомъ Монкомъ; правда, что прежній медіумъ, м-съ Фирманъ, присутствовала на сеансѣ въ качествѣ зрительницы и можно, пожалуй, приписать полученіе одинаковыхъ результатовъ медіумическому вліянію того же медіума, дѣйствовавшаго на разстояніи. Другая замѣчательная особенность этого сеанса состояла въ томъ, что человѣческія фигуры совершенно выступали изъ-за занавѣски, а потомъ, скрывшись за нею, чтобы производить парафиновыя формы, *подавали ихъ неснятыми съ своихъ рукъ или ногъ, и присутствующіе сами снимали ихъ*. Реймерсъ описываетъ это такъ: — „Сила вскорѣ проявилась, послышался плескъ воды; черезъ нѣсколько минутъ я долженъ былъ встать и, нагнувшись, протянуть руки, чтобы осторожно снять форму. Я ощупалъ парафиновый башмакъ и въ одинъ мигъ матеріализованная нога, съ какимъ то особеннымъ звукомъ изъ него высвободилась, а форма осталась въ моихъ рукахъ... Въ тотъ же вечеръ удалось намъ получить и обѣ руки, и всѣ три отливки передаютъ въ точности характерныя линіи и черты, которыя я находилъ на рукахъ и ногахъ Берти,

когда формы съ нихъ получались черезъ медіумизмъ м-съ Фирманъ“ (См. „Ps. Studien“ 1877 г., стр. 549).

На этомъ-же сеансѣ была получена съ другой матеріализованной фигуры, называвшей себя Лилли, форма, представлявшая еще другое замѣчательное доказательство подлинности явленія. Краткій отчетъ объ этомъ сеансѣ, происходившемъ 11-го апрѣля 1876 г., былъ помѣщенъ присутствовавшимъ на немъ м-ромъ Оклеемъ въ „Spiritualist“ѣ отъ 21-го апрѣля 1876 г.; а затѣмъ въ 1878 г. въ двухъ №№ того-же журнала (отъ 24 мая и 26 поля) онъ описалъ его подробно и дополнилъ рисунками, изображавшими руку и ногу, отлитыя въ формахъ, имъ самимъ снятыхъ съ органовъ матеріализованныхъ фигуръ.

Такъ какъ м-ръ Оклей имѣлъ любезность прислать мнѣ отливки этихъ формъ, то я и привожу здѣсь его статью, относящуюся до руки „Лилли“.

Въ „Spiritualist“ѣ отъ 24 мая 1878 года мы читаемъ слѣдующее:

„Прилагаемое изображеніе воспроизводитъ въ точности гипсовую руку, вылитую въ формѣ, полученной на сеансѣ 11 апрѣля 1876 г. съ матеріализованной фигуры, называющей себя Лилли, при обстановкѣ, исключавшей всякую возможность обмана. Медіумомъ былъ д-ръ Монкъ; послѣ того какъ мы, согласно его просьбѣ, обыскали его, онъ удалился въ импровизованный мною кабинетъ, устроенный въ оконномъ фонарикѣ при помощи занавѣски, отдѣлявшей его отъ комнаты, гдѣ все время горѣлъ газъ. Придвинувъ вплотную къ занавѣси круглый столъ, мы сѣли около него въ числѣ семи человѣкъ. Черезъ нѣсколько времени въ разрѣзѣ занавѣси появились двѣ женскія фигуры, извѣстныя намъ подъ именами „Берти“ и „Лилли,“ а когда д-ръ Монкъ высунулся изъ-за занавѣски, обѣ фигуры появились наверху, а двѣ мужскія фигуры (Майкъ и Ричардъ) отдернули занавѣси съ боковъ и также показались намъ. Такимъ образомъ мы увидали *единовременно медіума и четыре материализованныя фигуры* и каждая изъ нихъ имѣла свои характерныя черты, отличавшія ее отъ прочихъ, какъ это бываетъ

и между живыми людьми. Едва-ли нужно говорить, что всѣ требуемыя мѣры предосторожности были взяты и что малѣйшая попытка обмана была бы нами немедленно обнаружена. Но форма и полученный въ ней отливокъ говорятъ сами за себя, ибо на немъ ясно выступаютъ всѣ тончайшія линіи кожи, а согнутые пальцы доказываютъ, что ихъ нельзя было извлечь изъ формы обыкновеннымъ путемъ, не испортивъ ее, ибо толщина руки въ сгибѣ была $2 \times 1^1/_4$ дюймъ, тогда какъ ширина ладони отъ указательнаго пальца до мизинца— $3^1/_2$ дюйма. Я отнесъ эту форму къ формовщику, который и отлилъ для меня руку.

„Я самъ приготовилъ парафиновую массу и поставилъ ее въ кабинетъ. Прежде всего Берти дала г-ну Реймерсу форму своей руки, а мнѣ — ноги; затѣмъ Лилли спросила — не желаю-ли я имѣть форму съ ея руки, на что я, конечно, отвѣтилъ утвердительно. Она окунула руку въ парафинъ (говорю это потому, что мы слышали плескъ холодной воды) и минуту спустя, просунувъ между занавѣсками руку съ *парафиновой на ней перчаткой*, просила меня снять ее. Я нагнулся къ ней черезъ столъ и въ одно мгновеніе ея рука исчезла, а форма осталась въ моей рукѣ.

„Подлинность это явленія не подлежитъ никакому сомнѣнію, ибо медіумъ, прежде чѣмъ вошелъ въ кабинетъ, былъ обысканъ, а большой столъ, за которымъ мы сидѣли полукругомъ передъ кабинетомъ, былъ придвинутъ вплоть къ занавѣскамъ, такъ что войти туда или выйти оттуда незамѣченнымъ было невозможно: въ комнатѣ было достаточно свѣта, чтобы ясно различать все въ ней находившееся.

„Въ данномъ случаѣ рука, сдѣлавшая эту форму, навѣрное не принадлежала ни медіуму, ни кому либо изъ сидѣвшихъ за столомъ, а такъ какъ возможность какого-либо тайнаго людского вмѣшательства была окончательно исключена, то рождается вопросъ: чья-же рука произвела форму?

„Мы видѣли, какъ фигура, по виду вполнѣ похожая на живую женщину, протянула изъ кабинета руку свою въ парафиновой перчаткѣ, и когда наполнявшая ее рука исчезла, перчатка осталась у меня.

Если вообще можно полагаться на свидѣтельство людей, (а всѣ семь очевидцевъ готовы подтвердить истину этого описанія), то въ этомъ случаѣ мы имѣемъ неоспоримое доказательство вмѣшательства посторонней силы, не принадлежащей ни медіуму, ни другимъ присутствующимъ, и фактъ индивидуальнаго существованія внѣ земной сферы бытія установленъ неопровержимо“.

На сколько я могу судить, въ рукѣ, представляемой отливкомъ, сгибъ пальцевъ таковъ, что извлеченіе ея изъ формы обыкновеннымъ путемъ—невозможно; слѣдовательно, отливокъ этотъ, на пальцахъ котораго не находится ни малѣйшаго слѣда какой-либо трещины или спайки, самъ собою служитъ доказательствомъ своего необычайнаго происхожденія.

Что-же касается подлиннаго отливка ноги „Берти“, любезно доставленнаго мнѣ м-ромъ Оклеемъ, то и онъ представляетъ замѣчательно доказательныя особенности: углубленія, образуемыя пальцами со стороны подошвы, должны были необходимо наполниться парафиномъ и образовать вертикальныя перегородки, которыя при естественномъ извлеченіи ноги должны были-бы немпнуемо попортиться; а между тѣмъ форма всѣхъ пальцевъ оставалась совершенно невредимой, что служитъ доказательствомъ, что они были извлечены изъ формы, нисколько не попортивъ нѣжное вещество перегородокъ. И не только углубленія между пальцевъ сохранились въ совершенствѣ, но какъ на подошвѣ, такъ и на пальцахъ отчетливо выступаютъ кривыя накожныя линіи — до 50 на дюймъ — какъ замѣтилъ это м-ръ Окслей. Другая замѣчательная особенность этой ноги представляется въ томъ, что второй палецъ приподнятъ надъ другими и по моимъ тщательнымъ измѣреніямъ имѣетъ въ корню 14 миллиметровъ ширины, а въ области ногтя 19 миллиметровъ; тѣмъ не менѣе, форма пальца и малѣйшія накожныя линіи на немъ, особенно въ его корню, отпечатались въ совершенствѣ—все это должно было-бы исчезнуть и толщина пальца сдѣлаться одинаковою во всю его длину, если-бы онъ былъ извлеченъ изъ формы обыкновеннымъ путемъ.

Желая дополнить, на сколько можно, характеристику лич-

ности, проявлявшейся подъ именемъ „Берти“, я упомяну въ заключеніе, что подробное описаніе и схематическій чертежъ къ нему были помѣщены м-ромъ Оклеемъ въ „Spiritualist“’ѣ отъ 26 іюля 1878 года, а также въ сочиненіи м-съ Hardinge Britten: „Nineteenth Century Miracles“ (Чудеса девятнадцатаго столѣтія), изд. въ Манчестерѣ, 1884 г. (стр. 204).

Я могу добавить здѣсь еще одну подробность. При перепискѣ моей съ гг. Реймерсомъ и Оклеемъ, относящейся до времени полученія этихъ формъ, г. Оклей имѣлъ любезность прислать мнѣ абрисъ перваго отливка, полученнаго съ ноги Берти, а также и абрисъ съ ноги медіума, сдѣланные самимъ Оклеемъ. Поставивъ подлинный отливокъ ноги Берти на первый абрисъ, я нашелъ, что онъ вполнѣ ему соотвѣтствовалъ, причемъ длина ноги Берти была равна 19,8 сантиметровъ и во всякомъ случаѣ не болѣе двадцати. Что же касается до абриса ноги медіума, то я констатировалъ, что онъ былъ на три сантиметра длиннѣе.

Желая имѣть еще нѣкоторыя добавочныя свѣдѣнія о результатахъ этого замѣчательнаго сеанса, я обращался нѣсколько разъ къ м-ру Оклею съ разными вопросами и привожу здѣсь полученные отъ него отвѣты съ нѣкоторыми очень интересными подробностями.

„24-го марта 1884 г.

„65, Bury New Road, Higher Broughton, Манчестеръ.

„Милостивый государь!

„Прилагаю при семъ планъ комнаты съ одной дверью, ключъ отъ которой при началѣ сеанса всегда вынимался и сохранялся или у меня, или у г. Реймерса. Комната, правда, была въ первомъ этажѣ и оконный фонарикъ выходилъ на улицу, но я самъ принималъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы изъ этого выступа устроить во всѣхъ отношеніяхъ подходящій для сеанса кабинетъ. Жалюзи были опущены, внутреннія ставни закрыты и заперты, но свѣтъ съ улицы все еще проникалъ и мы должны были завѣсить окно темнымъ одѣяломъ, которое я всегда самъ и приколачивалъ, при помощи лѣстницы.

Планъ комнаты въ Манчестерѣ, гдѣ происходили сеансы, на которыхъ получались парафиновыя формы.

„Изъ вышесказаннаго вы сами увидите, что для медіума было бы просто невозможно, если бы даже онъ этого и хотѣлъ, удалить всѣ эти укрѣпленія, ибо подобная попытка никакъ не могла бы произойти на столько безшумно, чтобы мы, сидѣвшіе вплоть къ занавѣскѣ (какъ это видно на чертежѣ), этого не замѣтили. И, болѣе того, еслибъ даже медіумъ всталъ на стулъ онъ все-таки не могъ бы достать до верхняго края окна, чтобы снова прибить одѣяло. Въ виду всего этого я не могу усмотрѣть здѣсь какого-либо упущенія.

„Кромѣ того мы всякій разъ слышали плескъ воды за занавѣскою. Для провѣрки мы неоднократно взвѣшивали парафинъ до растапливанія и когда формы изъ него были уже получены, мы взвѣшивали ихъ съ остаткомъ и находили вѣсъ обоихъ вполнѣ вѣрнымъ, что доказываетъ, что формы были дѣйствительно изготовлены за занавѣской. Вѣнецъ всего — отливокъ, говоритъ самъ за себя о своемъ происхожденіи и тѣ, которые утверждаютъ, что онъ какимъ-нибудь способомъ могъ быть сдѣланъ безъ единой спайки — пусть попробуютъ.

„Что касается до выступающаго пальца на ногѣ, о которомъ вы спрашиваете, то могу только сказать, что вѣроятно

онъ такимъ же былъ и у фигуры, а на ногѣ медіума положительно такового не было; пальцы ноги м-съ Фирменъ гораздо длиннѣе и нисколько не похожи на эти. Вспомните притомъ, что фигура просунула свою ногу изъ-за занавѣски съ парафиновой формой на ней, и какъ только я взялъ ее въ руки, нога моментально извлеклась, а форма осталась въ моихъ рукахъ.

„Эти особенности устранятъ, я полагаю, всякія возраженія. Надѣюсь, что въ скоромъ времени отправленная къ вамъ посылка дойдетъ благополучно.

„Преданный вамъ

„Уильямъ Оклей“.

„17-го мая 1886 года.

„№ 65, Bury New Road, Higher Btoughton, Маичестеръ.

„Милостивый государь!

„Я только что вернулся домой послѣ пятинедѣльнаго отсутствія, почему и не могъ отвѣтить ранѣе на ваше почтенное письмо.

„Въ отвѣтъ на ваши вопросы скажу, что парафиновыя формы рукъ и ногъ находились на рукахъ и ногахъ нодававшихъ ихъ изъ-за занавѣски фигуръ, и я достаточно ясно видѣлъ повыше парафина часть голой руки, или ноги, чтобы свидѣтельствовать о подлинности этого факта. Фигуры обращались ко мнѣ со словами „держите“, и какъ только я касался парафина, то матеріализованные органы мгновенно извлекались, или дематеріализовались, а формы съ нихъ оставались у меня въ рукахъ. Рука протягивалась ко мнѣ на столько, что я, нагибаясь черезъ столъ, могъ схватить ее.

„Самое удивительное здѣсь относится къ величинѣ самой руки. Фигуру, которую я всегда признавалъ какъ „Лилли“, я часто видалъ различнаго роста: иногда не болѣе рослаго ребенка, въ другое время какъ молодую женщину; я даже не думаю, чтобы она два раза являлась вполнѣ одинаковой; но я всегда зналъ, кто это былъ, и никогда не смѣшивалъ „Лилли“ съ другими фигурами. Мнѣ извѣстно изъ долгаго опыта, что

ростъ и внѣшній видъ матеріализованныхъ фигуръ зависятъ отъ условій, представляемыхъ кружкомъ. Если, напр., присутствовало постороннее лицо, то я могъ всегда усмотрѣть какую нибудь разницу въ явленіи. Иногда фигуры формировались не вполнѣ, а только голова съ бюстомъ, а въ другой разъ онѣ выступали во весь ростъ; все зависѣло отъ условій. Рука же „Лилли“ представляетъ странное смѣшеніе молодости со старостью и доказываетъ, что матеріализованныя фигуры должны болѣе или менѣе заимствовать характерныя черты самого медіума. Рука же медіума на столько отличается отъ посылаемой вамъ, на сколько двѣ руки могутъ отличаться одна отъ другой. Фигуру, которую я зналъ подъ именемъ „Лилли“, мнѣ *часто* случалось видѣть и въ другихъ домахъ—въ домахъ моихъ пріятелей, но не иначе, какъ при медіумѣ м-съ Фирменъ или д-рѣ Монкѣ. Въ домѣ моего пріятеля, м-ра Гаскелля, я видѣлъ, какъ эта самая фигура матеріализовалась и дематеріализовалась на нашихъ глазахъ при *хорошемъ свѣтѣ*, держась все время *на воздухѣ* и нисколько не касаясь ногами до пола; я самъ ощупывалъ руками ея тѣло и одежду. Это было при Монкѣ. При этомъ случаѣ она была не болѣе трехъ футовъ роста. Но эти частности не затрогиваютъ подлинности явленія, которое доказано намъ неопровержимо.

„Вашъ покорнѣйшій слуга

„Уильямъ Оклей“.

Чтобы покончить съ опытами г. Реймерса, относящимися до парафиновыхъ формъ, я приведу здѣсь протоколъ строго обусловленнаго сеанса, состоявшагося въ Манчестерѣ 18-го апрѣля 1876 года и описанняго въ „Spiritualist“’ѣ отъ 12 мая того же года, а вослѣдствіи помѣщеннаго въ „Psychische Studien“ 1877 года, стр. 550 — 553. Изъ пяти свидѣтелей этого сеанса я лично знакомъ съ тремя — съ гг. Мартезэ, Оклеемъ и Реймерсомъ, личностями вполнѣ почтенными.

„Мы нижеподписавшіеся симъ заявляемъ, что были свидѣтелями слѣдующихъ фактовъ, происшедшихъ на квартирѣ м-ра Реймерса 17-го апрѣля 1876 года.

„Отвѣсивъ ровно три четверти фунта парафину, мы положили его въ ведро и залили кипяткомъ, отъ чего онъ растопился. Если въ такую жидкость обмакнуть нѣсколько разъ руку, то она покроется слоемъ парафина, который, по осторожномъ извлеченіи руки, представитъ форму для отливки изъ гипса. Наполнивъ другое ведро холодной водой (для скорѣйшаго охлажденія формъ), мы поставили оба ведра въ четырехугольный кабинетъ, устроенный въ углу комнаты съ помощью двухъ полотнищъ коленкора, 6 футовъ длины и 4-хъ ширины, повѣшенныхъ на металлическіе прутья. Наружная стѣна комнаты не примыкала къ сосѣднему дому, а отдѣленный уголъ былъ весь заставленъ разною мебелью, такъ что о потайныхъ дверяхъ или трапахъ не могло быть и рѣчи. Когда ведра были внесены въ кабинетъ, на медіума-женщину надѣли тюлевый мѣшокъ, охватившій его голову, руки и вообще весь бюстъ до таліи, а тесьму, продѣтую въ рубецъ, туго стянули на таліи и завязали назади нѣсколькими узлами, въ которые былъ продѣтъ кусочекъ бумаги, имѣвшій выпасть при попыткѣ развязать узлы. Концы тесьмы были приколоты къ тюлевому мѣшку на спинѣ между шеей и поясомъ. Всѣ свидѣтели единогласно заявили, что медіуму не было никакой возможности самому незамѣтно освободиться отъ этихъ завязокъ. Въ такомъ видѣ медіумъ занялъ свое мѣсто въ кабинетѣ, гдѣ кромѣ мебели и ведеръ, ничего не было. Все это было осмотрѣно при полномъ газовомъ освѣщеніи и ничего другого, кромѣ сказаннаго, не найдено. Комнату заперли на ключъ по приходѣ послѣдняго гостя, т. е. съ самаго начала этихъ приготовленій. Мы нѣсколько убавили свѣтъ, но его оставалось достаточно, чтобы различать все находящееся въ комнатѣ и заняли свои мѣста на разстояніи отъ 4-хъ до 6-ти футовъ отъ кабинета. Послѣ непродолжительнаго пѣнія, въ среднемъ отверстіи занавѣски появилась фигура, потомъ она перешла къ боковому. Всѣ одинаково ясно видѣли блестящую корону съ бѣлымъ уборомъ на головѣ и золотой крестъ на черной лентѣ, висѣвшій у нея на шеѣ. Затѣмъ появилась другая женская фигура, тоже съ ясно видной короной на головѣ, и объ одновременно под-

нялись выше кабинета, привѣтливо кивая намъ головами. Изъ кабинета раздался громкій мужской голосъ, который, поздоровавшись съ нами, сообщилъ, что пробуютъ дѣлать формы. Вслѣдъ затѣмъ въ отверстіи показалась первая фигура и пригласила м-ра Мартезэ подойти пожать ей руку. Въ это самое время онъ увидалъ медіума въ противоположномъ углу, въ тюлевомъ мѣшкѣ. Фигура быстро исчезла по направленію къ медіуму. Когда м-ръ Мартезэ вернулся на свое мѣсто, тотъ же голосъ изъ кабинета спросилъ: какую руку мы желаемъ получить? Вскорѣ ему пришлось опять подойти къ отверстію, чтобы принять показывавшуюся изъ-за занавѣски форму лѣвой руки. Затѣмъ долженъ былъ подойти Реймерсъ, чтобы получить форму правой руки для отправки друзьямъ въ Лейпцигъ, согласно обѣщанію.

„Тутъ медіумъ закашлялъ; въ началѣ сеанса приступы кашля были такъ сильны, что мы опасались за удачу опыта; но кашель на время всего сеанса, длившагося болѣе часу, былъ пріостановленъ. Когда медіумъ вышелъ изъ кабинета, мы тотчасъ осмотрѣли узлы и прочее и нашли все на своемъ мѣстѣ, даже булавку, которая была едва пришпилена и при движеніяхъ могла легко выпасть. Мы собрали всѣ остатки парафина изъ ведра и свѣсили ихъ вмѣстѣ съ двумя формами: оказалось немногимъ болѣе трехъ четвертей фунта; но это увеличеніе вѣса объясняется весьма естественно количествомъ воды, поглощенной парафиномъ, въ чемъ легко убѣдились, выжимая ее изъ остатковъ. Такъ закончился нашъ опытъ. Полученные затѣмъ отливки рукъ во многихъ отношеніяхъ совершенно отличаются отъ рукъ медіума; они носятъ явные признаки живой руки и той же самой индивидуальности, которая уже неоднократно, при тѣхъ же строгихъ условіяхъ, производила подобныя же парафиновыя формы.

„І. Н. Тидеманъ-Мартезэ, 20 Пальмейра-скверъ, Брайтонъ.

„Христіанъ Реймерсъ, 2 Дьюси Авеню, Оксфордъ-родъ, Манчестеръ.

„Уильямъ Окслей, 65 Бёри Нью-родъ, Манчестеръ.

„Томасъ Гаскель, 69 Ольдгэмъ-стритъ, Манчестеръ.

„Генри Маршъ, Бирчъ Коттэджъ, Фэри Ленъ, Бёри Ньюродъ, Манчестеръ.

„Манчестеръ, 29 апрѣля 1877 г.“.

Оригиналъ этого протокола со всѣми подписями былъ отосланъ г. Виттигу, въ Лейпцигъ, вмѣстѣ съ оригиналомъ отливки правой руки, о которой тутъ рѣчь. Г. Виттигъ переслалъ мнѣ эту руку изъ Лейпцига въ Петербургъ для сличенія, о которомъ я упомянулъ выше.

Повторимъ въ нѣсколькихъ словахъ результаты опытовъ Реймерса:

1. Медіумъ былъ изолированъ при условіяхъ абсолютно исключавшихъ возможность обмана. Что же касается до мнѣнія доктора ф. Гартмана о полной безполезности всѣхъ мѣръ изолированія и связыванія для доказательства нетождественности медіума и явленія, то мнѣ придется говорить объ этомъ въ слѣдующей главѣ, когда я перейду къ фотографіямъ съ матеріализованныхъ фигуръ.

2. Но здѣсь доказательство явленія не основывается единственно на изолированіи медіума, а на анатомической разницѣ между матеріализованными органами и соотвѣтствующими органами медіума, констатируемой свидѣтелями сеансовъ и самими отливками.

3. Типъ матеріализованнаго органа былъ повторенъ на многихъ опытахъ и даже въ различныхъ домахъ, что свидѣтельствуетъ о присутствіи одной и той же индивидуальности. Число полученныхъ различныхъ формъ доходило до пятнадцати.

4. Полученные отливки соотвѣтствовали тѣмъ именно формамъ рукъ и ногъ, которыя были многократно констатированы зрѣніемъ и осязаніемъ до, послѣ и во время полученія парафиновыхъ формъ.

5. Положеніе пальцевъ одной и той же руки различно во всѣхъ отливкахъ.

6. Получавшіяся парафиновыя формы были нѣсколько разъ подаваемы участникамъ опыта еще не снятыми съ матеріализованныхъ органовъ.

7. Тотъ же анатомическій типъ матеріализованнаго органа

повторился, когда медіумъ-женщина былъ замѣненъ медіумомъ другого пола.

8. И наконецъ, нѣкоторые изъ полученныхъ отливковъ иосятъ на себѣ явные признаки своего необычайнаго происхожденія, такъ какъ полученіе таковыхъ извѣстными намъ способами невозможно.

Совокупность всѣхъ этихъ особенностей придаетъ опытамъ Реймерса исключительное значеніе.

II. Медіумъ на глазахъ присутствующихъ, дѣйствующая фигура невидима.

Первый опытъ этого рода былъ сдѣланъ м-ромъ Аштономъ съ медіумомъ миссъ Анни Ферлэмъ и описанъ въ „Spiritualist“’ѣ отъ 6 марта 1877 г., стр. 126. Вотъ это описаніе:

„М. Г.! Вы меня крайне обяжете, помѣстивъ въ вашемъ уважаемомъ журналѣ мой отчетъ о выходящемъ изъ ряда вонъ по своей доказательности сеансѣ, на которомъ мнѣ удалось присутствовать. Я и нѣсколько моихъ знакомыхъ получили очень пріятное для насъ приглашеніе присутствовать, въ пятницу, вечеромъ, 2-го марта, на одномъ изъ еженедѣльныхъ сеансовъ, устраиваемыхъ спеціально для изслѣдованія въ помѣщеніи „Общества спиритуалистовъ“ въ Ньюкастлѣ, съ медіумомъ миссъ Анни Ферлэмъ.

„Войдя въ первую комнату, мы увидали предсѣдателя, м-ра Армстронга, занимавшагося расплавленіемъ парафина въ ведрѣ, до трехъ четвертей наполненномъ кипяткомъ. Еще раньше, когда мы пробовали дѣлать опыты съ парафиновыми формами, намъ было обѣщано, что въ другой разъ „Минни“— одна изъ невидимыхъ руководительницъ миссъ Ферлэмъ, постарается дать намъ нѣсколько формъ съ своихъ рукъ. Когда парафинъ достаточно растопился, ведро было внесено въ комнату и поставлено въ самый отдаленный уголъ темнаго кабинета; рядомъ поставили другое ведро съ холодной водой.

Кабинетъ устроили изъ двухъ полотнищъ зеленой шерстяной матеріи, собранной и прикрѣпленной крючкомъ къ стѣнѣ,

откуда она падала на поддерживающій ее полукруглый желѣзный прутъ, вдѣланный концами въ стѣну; такимъ образомъ кабинетъ имѣлъ форму палатки. Прежде чѣмъ опустить занавѣску, м-ръ Армстронгъ спросилъ насъ, въ какихъ условіяхъ мы желали бы видѣть медіума.

„Я предложилъ медіуму войти въ кабинетъ, пояснивъ, на основаніи какихъ именно причинъ мнѣ казалось это желательнымъ; но миссъ Ферлэмъ возразила, что, если она войдетъ въ кабинетъ, у насъ не будетъ достаточныхъ доказательствъ подлинности имѣвшихъ произойти явленій. Тогда м-ръ Армстронгъ предложилъ закрыть отъ свѣта голову и плечи медіума, набросивъ на нихъ кусокъ шерстяной матеріи. Такъ и сдѣлали. Матерія эта покрыла только голову и плечи, оставляя самого медіума на виду у присутствующихъ и четверымъ изъ нихъ отлично было видно пространство, отдѣлявшее медіума отъ кабинета. Миссъ Ферлэмъ, впавши въ трансъ, тотчасъ же заговорила подъ вліяніемъ одного изъ своихъ невидимыхъ внушителей, который прежде всего потребовалъ, чтобы я придвинулъ свой стулъ вплоть къ медіуму, сидѣвшему въ креслѣ на разстояніи двухъ футовъ передъ занавѣской. Мнѣ было также сказано держать его объ руки, а господинъ, сидѣвшій подлѣ меня, долженъ былъ придвинуть свой стулъ къ моему и положить руки мнѣ на плечи. Такъ сидѣли мы въ продолженіе всего сеанса и при весьма хорошемъ освѣщеніи.

„Когда мы всѣ размѣстились, какъ было указано, намъ было предложено пѣть, и едва мы начали, какъ услыхали уже плескъ воды въ кабинетѣ. Мы продолжали пѣть, переговариваясь иногда между собою, до тѣхъ поръ, пока не было сказано раскрыть кабинетъ. Раздвинувъ занавѣски, мы увидали около ведра съ парафиномъ, передвинутаго изъ дальняго угла кабинета на середину, лежавшія на полу двѣ вполнѣ удачныя парафиновыя формы правой и лѣвой руки Мини, главной руководительницы миссъ Ферлэмъ.

„Я могу поручиться, что миссъ Ферлэмъ не только не была въ кабинетѣ, но, какъ во время сеанса, такъ и до него, не подходила къ нему ближе, чѣмъ было сказано выше. Съ того

момента, какъ она вошла въ комнату, она постоянно была подъ самымъ внимательнымъ надзоромъ.

„Передъ сеансомъ я провелъ съ миссъ Ферлэмъ три часа, постоянно за нею наблюдая, и сопровождалъ ее на сеансъ; пройдя вмѣстѣ три мили пѣшкомъ, мы поспѣли только къ назначенному часу.

„Желалъ бы я знать, какую теорію д-ръ Карпентеръ, этотъ великій научный эксиертъ, придумаетъ для объясненія вышеописаннаго спиритическаго явленія.

„Томасъ Антоинъ.

„S. Rutheford-terrace, Byker, Newcastle-on-Tyne 6 марта 1877“.

Такой же опытъ и при такихъ же условіяхъ былъ продѣланъ др-мъ Никольсомъ съ медіумомъ Эглинтономъ. Этотъ случай замѣчателенъ тѣмъ, что не только руки и ноги медіума были все время видимы, но и личный характеръ рукъ въ получившихся отливкахъ былъ удостовѣренъ.

Привожу статью д-ра Никольса изъ „Spiritual Record“ отъ декабря 1883 года.

„Когда м-ръ Эглинтонъ былъ нашимъ гостемъ въ Южномъ Кенсингтонѣ, мы пробовали дѣлать опыты съ парафиновыми формами. Дочь моя Уилли, о чьихъ писаньяхъ и рисункахъ я говорилъ въ этой статьѣ, обѣщала постараться дать намъ форму со своей руки, и мы тотчасъ же приступили къ необходимымъ приготовленіямъ. Я купилъ два фунта парафина, такого, какой производится для производства свѣчей; это бѣлое, воско-подобное вещество, болѣе хрупкое чѣмъ воскъ. Я растопилъ его въ моемъ кабинетѣ и вылилъ въ цинковое ведро, на половину наполненное горячей водой, чтобы поддержать парафинъ въ жидкомъ состояніи, а затѣмъ другое ведро наполнилъ холодной водою.

„Мы пригласили для опытовъ нѣсколькихъ друзей, человѣкъ около двѣнадцати. Единственное чужое лицо между нами былъ врачъ нѣмецъ, по имени д-ръ Фризе, очень интересовавшійся спиритизмомъ. Въ одномъ концѣ сеансовой комнаты висѣла занавѣска; за нею, въ самомъ центрѣ, тамъ, гдѣ соединялись

обѣ ея половинки, сидѣлъ м-ръ Эглинтонъ, а напротивъ него, по эту сторону, д-ръ Фризе, который крѣпко держалъ медіума за обѣ руки. Газъ горѣлъ полнымъ свѣтомъ, и всѣ мы были ясно видны другъ другу. Когда все было готово, я принесъ изъ кабинета оба ведра—съ холодной водой и съ растопленнымъ парафиномъ, и поставилъ ихъ въ углу комнаты за занавѣской, на разстояніи приблизительно шести футовъ отъ Эглинтона, руки котораго, какъ я уже сказалъ, были въ рукахъ д-ра Фризе. Полукругомъ на самомъ дальнемъ разстояніи отъ занавѣски сидѣли приглашенные; каждый изъ нихъ былъ ясно виденъ всѣмъ, и никто не находился возлѣ ведеръ и не могъ приблизиться къ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы услыхали голоса изъ того угла, гдѣ стояли ведра, и всплески воды, затѣмъ послышались три сигнальныхъ стука. Я всталъ и вынесъ ведра изъ-за занавѣски. Въ холодной водѣ плавали двѣ глыбы отвердѣвшаго парафина. Одна изъ нихъ походила на плотную алебастровую рукавицу, а вторая была нѣчто въ томъ же родѣ, только гораздо меньшей величины. Вынувъ большую глыбу изъ воды, я нашелъ ее пустою и имѣвшею внутри форму человѣческой руки. Маленькая глыба оказалась формою съ руки маленькаго ребенка. Одна изъ присутствующихъ дамъ признала въ ней нѣкоторую особенность, легкую уродливость, имѣвшуюся въ рукѣ ея дочки, случайно утонувшей въ Южной Африкѣ пяти лѣтъ отъ роду. Снова положивъ глыбы въ холодную воду, я отнесъ ведра въ свой кабинетъ, заперъ дверь и спряталъ ключъ въ карманъ.

„На слѣдующее утро мы достали тонкаго, французскаго гипса и вылили въ большую форму, которою пришлось пожертвовать, чтобы получить отливокъ. Красивая рука дочери моей Уилли съ ея длинными изящно заостренными пальцами и граціозной позой, принятой въ минуту погруженія ея въ растопленный парафинъ, стоитъ и теперь на моемъ каминѣ подъ колпакомъ. Когда я держу свою руку въ томъ же положеніи, сходство ея съ отливкомъ, хотя несравненно меньшимъ въ объемѣ противъ моей руки, поразительно для всякаго, кто ихъ видитъ. Рука ея не походитъ на руки статуй; это вполнѣ на-

туральная, анатомическая рука, со всѣми костями и жилками, и тончайшими линіями кожи, ясно отпечатанными. Это несомнѣнно та рука, которая была мнѣ такъ знакома въ ея земной жизни, и которую я такъ часто видалъ и ощупывалъ въ матеріализованномъ видѣ.

„Маленькую форму мы отдали матери, она сдѣлала отливокъ и не сомнѣвается въ томъ, что это дѣтская ручка ея дочери. Я же знаю такъ же вѣрно, какъ и всякій реальный фактъ, что отливокъ на каминѣ вылитъ въ формѣ, полученной съ матеріализованной руки моей дочери. Весь процессъ его происхожденія былъ въ моихъ рукахъ, и при самыхъ строгодоказательныхъ условіяхъ. Если бы форма была сдѣлана какой-либо человѣческой рукой, то рука эта никогда бы не могла быть вынута изъ формы. *Объемъ запястья на полтора дюйма меньше, чѣмъ объемъ ладони вмѣстѣ съ большимъ пальцемъ.* Высвобождая руку изъ такой формы, необходимо изломаешь послѣднюю на нѣсколько кусковъ. *Единственно возможное объясненіе даннаго факта то, что рука, сдѣлавшая эту форму, должна была, чтобы высвободиться изъ нея, дематеріализоваться*“.

„Такъ какъ на этомъ сеансѣ присутствовалъ д-ръ Робертъ Фризе (извѣстный читателямъ „Psyshische Studien“, и о которомъ д-ръ Гартманъ упоминаетъ на 42 стр. своего сочиненія) и собственноручно держалъ Эглинтона за руки, то я обратился къ нему съ просьбою прислать мнѣ описаніе этого сеанса со всѣми подробностями. Привожу отрывокъ изъ его письма ко мнѣ, написаннаго изъ Эльбинга 20-го марта 1886 года.

„Милостивый государь! Исполняя ваше желаніе, посылаю вамъ отчетъ о сеансѣ 9-го декабря 1878 г., бывшемъ въ Лондонѣ у д-ра Никольса съ медіумомъ Эглинтономъ.

„Насъ было двѣнадцать человѣкъ и мы размѣстились по тремъ стѣнамъ комнаты, имѣвшей четыре метра ширины и около пяти длины. Коленкоровая занавѣска, повѣшенная отъ стѣны до стѣны, укорачивала комнату на метръ, такъ что для насъ оставалось квадратное пространство въ четыре метра. По серединѣ стоялъ массивный столъ краснаго дерева, метра пол-

тора по крайней мѣрѣ въ діаметрѣ, и надъ нимъ ярко горѣлъ газовый рожокъ“...

Послѣ онисанія различныхъ явленій бывшихъ въ началѣ сеанса, д-ръ Фризе переходитъ къ полученію формъ:

„Занавѣска имѣла два метра вышины съ отверстіемъ по серединѣ. Эглинтонъ сѣлъ позади занавѣски, въ самомъ разрѣзѣ, мнѣ же предложили сѣсть противъ него передъ занавѣской и крѣпко держать его обѣ руки. Газъ ярко горѣлъ. Два цинковыя ведра, одно съ холодной водой, другое съ растопленнымъ парафиномъ были поставлены за занавѣскою. Какъ только я взялъ Эглинтона за руки, за занавѣской послышался пискливый голосъ Джоя (одного изъ Эглинтоновскихъ невидимыхъ руководителей), отдававшій позади занавѣски приказанія: „Макай руку! Такъ, такъ! Еще глубже, вотъ такъ! Теперь скорѣй въ воду!“ Затѣмъ раздалось приказаніе повторить: „Глубже! Что горячо? Вздоръ, глубже! Вотъ такъ! Теперь опять въ холодную воду и опять въ парафинъ и въ воду!“ Потомъ я услыхалъ, какъ легкая парафиновая форма упала на дно цинковаго ведра. Когда первая форма была готова, принялись за вторую. Повторился тотъ же процессъ. Когда, по окончаніи его, распахнули занавѣску, присутствующіе убѣдились, что я держалъ Эглинтона за руки, и въ отгороженномъ маленькомъ пространствѣ никого другого не было.

„Мы достали формы, лежавшія на днѣ ведра съ холодной водой, и всячески ихъ осматривали: онѣ были чрезвычайно нѣжны и хрупки, но на столько однако тверды, что мы могли взять ихъ въ руки, разумѣется съ осторожностью. *Намъ тотчасъ же бросилось въ глаза, что объ эти формы захватывали руку далеко выше кисти.* Для полученія отливковъ стоило только наполнить ихъ гипсомъ.“

Вслѣдъ за полученіемъ этого письма отъ д-ра Фризе я обратился къ нему еще съ нѣкоторыми вопросами относительно различныхъ подробностей, и вотъ отвѣтъ его отъ 5 марта:

„Милостивый государь! На поставленные вами мнѣ вопросы считаю долгомъ отвѣтить слѣдующее:

„1) Часть комнаты позади занавѣски не имѣла ни оконъ,

ии дверей, въ чемъ можно было удостовѣриться съ одного взгляда, такъ какъ, за исключеніемъ низенькаго диванчика, она была совершенно пуста и все пространство достаточно освѣщалось горѣвшимъ въ комнатѣ газомъ.

„2) Въ продолженіе сеанса я видѣлъ только руки Эглинтона, просунутыя въ отверстіе занавѣски; но онъ протянулъ мнѣ ихъ раньше, чѣмъ занавѣску скололи пятью булавками, и въ то время я видѣлъ и его самого. Съ той минуты какъ я взялъ его руки, онѣ оставались въ моихъ рукахъ до раскрытія занавѣски, и тогда всѣ могли удостовѣриться, что я держалъ руки Эглинтона, а не что иное.

„3) Я сидѣлъ противъ медіума и его ноги обхватывалъ своими; носки его ногъ были мнѣ постоянно видны.

„4) Онъ сидѣлъ спокойно, но никакихъ признаковъ транса я не замѣтилъ; подобное состояніе неминуемо бы отразилось на положеніи и напряженіи рукъ медіума: да и сидѣлъ онъ на простомъ стулѣ, а не въ креслѣ, къ которому онъ могъ бы покойно прислониться. Подавая мнѣ руки, онъ не опирался даже о спинку стула, и еслибъ это случилось позднѣе, я не могъ бы этого не замѣтить.

„5) На изготовленіе обѣихъ парафиновыхъ формъ потребовалось не болѣе десяти минутъ.

„6) Комната имѣла около четырехъ метровъ, а занавѣска не болѣе двухъ метровъ вышины. Газъ горѣлъ полнымъ свѣтомъ, такъ что обѣ части комнаты были вполнѣ освѣщены“.

Д-ръ Никольсъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ мнѣ фотографію того отливка руки своей дочери, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ опытѣ. Дама, получившая на томъ же сеансѣ форму руки своего ребенка, впослѣдствіи, благодаря посредничеству Эглинтона, также прислала мнѣ фотографію отливка, на которомъ въ двухъ пальцахъ видно уродство, послужившее для признанія личности.

Вотъ и третій опытъ, который въ подобныхъ же условіяхъ происходилъ при цѣлой комиссіи. Въ этомъ случаѣ вмѣсто рукъ медіума (того же Эглинтона), въ продолженіе всего сеанса была видна только его правая нога, которую и не выпускали изъ

виду; кромѣ того, медіумъ былъ тщательно завязанъ по рукамъ и по ногамъ, а такъ какъ въ этотъ разъ получилась именно только парафиновая форма правой ноги, то это все равно, какъ еслибъ и весь медіумъ былъ на лицо. Здѣсь часть служитъ доказательствомъ цѣлаго (pars pro toto). Привожу статью, помѣщенную въ „Spiritualist“’ѣ, 5-го мая 1876 года, на стр. 206:

„Въ пятницу, 28-го апрѣля 1876 г., въ Лондонѣ, состоялся одинъ изъ очередныхъ сеансовъ м-ра Блэкбёрна (Great-Russel street, 38). Медіумомъ былъ Эглинтонъ; въ сеансѣ участвовали капитанъ Джемсъ, д-ръ Кэртеръ Блэкъ, м-ръ Альджерноиъ Джой, м-съ Фицъ-Джеральдъ, м-ръ А. Вашеръ, м-съ С., миссъ Кислингбёри, м-ръ Жоржъ Стокъ, М. А. и я нижеподписавшійся, какъ представитель комиссіи сеансовъ. Было заявлено Джоемъ (руководителемъ медіума), что онъ постарается сдѣлать для насъ парафиновую форму посредствомъ повторенаго погруженія матеріализованнаго органа въ приготовленную массу. Для этой цѣли было пріобрѣтено два фунта парафина, который по указаніямъ м-ра Вашера былъ растопленъ на поверхности ведра съ горячей водой. Такъ какъ удѣльный вѣтъ парафина равняется 87 и онъ плавится при 100,7° Фаренгейта, то образующійся сверху слой расплавленной массы долго остается въ жидкомъ состояніи. Ведро съ парафиномъ было поставлено въ одной сторонѣ кабинета и подлѣ него другое съ холодной водой для охлажденія постепенныхъ наслоеній парафина. Медіумъ сѣлъ въ плетеное кресло, а гг. Альджерноиъ-Джой и д-ръ Блэкъ тщательно его связали тесьмой, причемъ ноги и руки также, какъ и шею, привязали къ креслу.

„Слѣдуетъ замѣтить, что послѣ того, какъ медіума крѣпко связали, правую ногу его выставили впередъ, на сколько позволяли завязки, и когда занавѣски были опущены, нога или, выражаясь точнѣе, сапогъ, въ который она была несомнѣнно обута въ началѣ сеанса, оставался на виду все время, до самаго его конца. Нѣкоторые изъ присутствующихъ, въ томъ числѣ и я самъ, не предполагая, чтобы нога была выставлена съ намѣреніемъ, наблюдали за нею только отъ времени до вре-

мени, но по окончаніи сеанса, четырьмя лицами мнѣ было заявлено, что они ни на единую секунду не спускали съ нея глазъ. Слѣдуетъ сверхъ того замѣтить, что медіумъ былъ обутъ въ шерстяные носки и штиблеты съ резинкой и что, по мнѣнію присутствующихъ, снять ихъ незамѣтно было бы для медіума при данныхъ условіяхъ совершенно невозможно. Одно время въ ногѣ были замѣтны легкія движенія, какъ если бы съ медіумомъ были конвульсіи.

„Вскорѣ послѣ начала сеанса, Джоэ потребовалъ, чтобы въ кабинетѣ открыли оба окошечка, должно быть вслѣдствіе сильнаго повышенія температуры въ небольшомъ замкнутомъ пространствѣ. Сеансъ уже продолжался минутъ сорокъ, когда мы услышали нѣсколько разъ повторившійся плескъ воды, какъ еслибъ что-то въ нее погружалось. Около часу спустя Джоэ сказалъ: „Теперь можете войти; мы дали вамъ доказательство особаго рода, и сдѣлали, что могли. Не знаю только, угодили ли на васъ?“

„Войдя въ кабинетъ, я замѣтилъ, что медіумъ былъ связанъ точно такъ же, какъ въ началѣ сеанса, и что въ ведрѣ съ холодной водой плавали двѣ формы. Эти нѣсколько помятыя формы были, очевидно, формами правой ноги. М-ръ Вашеръ, съ помощью д-ра Блэка, наполнилъ ихъ гипсомъ, и изъ этихъ отливковъ явствовало, что обѣ формы были сняты съ одной ноги. Ткань кожи отчетливо отпечаталась на внутренней сторонѣ формъ. Д-ръ Блэкъ намѣревался сравнить эти отливки съ ногами медіума, съ которыми, по нѣкоторой гипотезѣ, они очень легко могутъ имѣть сходство.

„Тесьму, связывавшую медіума, пришлось разрѣзать, такъ какъ развязать ее не было возможности. Я могу засвидѣтельствовать, что какъ положеніе медіума, такъ и всѣхъ бывшихъ на немъ завязокъ, оказалось въ концѣ сеанса совершенно такимъ же, какъ и въ началѣ.

„Десмондъ Фицъ-Джеральдъ“.

(Членъ Общества Телеграфныхъ Инженеровъ), въ качествѣ представителя комиссіи сеансовъ“.

Спустя нѣсколько времени въ „Spiritualist“'ѣ (стр. 300) появилась замѣтка подъ заглавіемъ: „*Раздвоеніе человѣческаго тѣла*. Парафиновая форма матеріализованной правой ноги, полученная на сеансѣ, бывшемъ 28-го апрѣля 1876 г., при медіумѣ Эглинтонѣ, въ то время, когда его правая нога, выставленная изъ кабинета, находилась въ виду присутствующихъ въ продолженіе всего сеанса, оказалась, по тщательному изслѣдованію д-ромъ Кэртеръ Блэкомъ, точною формою ноги Эглинтона“.

И такъ, въ этомъ случаѣ констатированъ драгоцѣнный фактъ раздвоенія тѣла медіума—не зрѣніемъ только, но абсолютнымъ доказательствомъ — пластическимъ воспроизведеніемъ всего раздвоеннаго органа. Фактъ этотъ не единственный, но въ этомъ случаѣ условія были превосходны, такъ какъ комитетъ, состоявшій изъ высокообразованныхъ лицъ, еще до этого продѣлалъ цѣлый рядъ тщательныхъ опытовъ, все при томъ же непремѣнномъ условіи, чтобы медіумъ или часть его тѣла постоянно была на лицо, и вполнѣ убѣдился, какъ въ добросовѣстности Эглинтона, служившаго медіумомъ на всѣхъ этихъ сеансахъ, такъ и въ подлинности явленій. Разъ осязаемое доказательство раздвоенія нами пріобрѣтено, мы вправѣ утверждать, что когда матеріализованная фигура имѣетъ поразительное сходство съ медіумомъ, какъ, напр., въ случаѣ Кэти-Кингъ, то это еще не доказываетъ, чтобы въ такихъ случаяхъ это всегда былъ самъ переодѣтый медіумъ и, слѣдовательно, Гартманъ ошибается, когда утверждаетъ категорически: „за недостаткомъ указанныхъ доказательствъ слѣдуетъ *всегда* принимать явленіе за иллюзію, въ основѣ которой самъ медіумъ“ (стр. 130).

III. Мы переходимъ теперь къ третьему отдѣлу: *дѣйствующая фигура на виду, медіумъ единенъ*. Я остановлюсь на случаѣ, котораго Гартманъ не могъ не знать, такъ какъ онъ помѣщенъ въ „Psych. Studien“, и который, вѣроятно, онъ и имѣлъ въ виду, когда говорилъ о тѣхъ случаяхъ, гдѣ медіумъ былъ занертъ въ клѣтку. Дѣйствительно, въ опытѣ, о которомъ идетъ рѣчь, произведенномъ м-ромъ Адшедомъ въ Бельперѣ, въ Англіи, была употреблена нарочно заказанная имъ клѣтка, съ цѣлью

запереть въ нее медіума во время матеріализаціонныхъ сеансовъ и такимъ образомъ разрѣшить окончательно вопросъ: есть ли являющаяся фигура нѣчто иное, чѣмъ самъ медіумъ?

Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Медіума, миссъ Вудъ, заперли въ клѣтку, дверь которой была завинчена. Планъ комнаты и кабинета, подлѣ котораго находилась клѣтка, помѣщенъ на стр. 296 „Psych. Stud.“ 1878 года. При этихъ условіяхъ появилась сперва фигура женщины, извѣстной подъ именемъ Мэгги, а потомъ — мужчины, по имени Бенни; обѣ онѣ выступали изъ кабинета (стр. 349, 354 и 451); затѣмъ тѣ-же фигуры матеріализовались и дематеріализовались въ виду присутствующихъ на сеансѣ и, наконецъ, эти же фигуры, на глазахъ тѣхъ же лицъ, занялись, каждая въ свою очередь, произведеніемъ парафиновой формы съ ноги. Все это, по мнѣнію д-ра Гартмана, объясняется очень просто: въ первомъ дѣйствіи это самъ медіумъ въ одѣяніи галлюцинаторномъ, или принесенномъ нервной силой, проходитъ сквозь клѣтку, взадъ и впередъ, безъ всякаго затрудненія; въ итогѣ: полу-галлюцинація. Во второмъ актѣ — полная галлюцинація фигуры и ея одежды. Въ третьемъ актѣ это опять полу-галлюцинація, ибо формы получались и остались; слѣдовательно, дѣйствовалъ самъ медіумъ („Спиритизмъ“, стр. 112). Но здѣсь возникаетъ затрудненіе, на которое Гартманъ не пожелалъ обратить вниманія: состоитъ оно въ томъ, что обѣ помянутыя фигуры произвели форму лѣвой ноги, такъ что *получились двѣ формы лѣвой ноги, строеніе и величина которыхъ оказались различными.* Вотъ въ этой то частности и заключается вся сила доказательства! Если даже и предположить, что въ этомъ случаѣ вовсе не было клѣтки (а для этого опыта она даже была пріотворена), то доказательство остается въ силѣ и состоитъ не въ заключеніи медіума, а въ различіи полученныхъ формъ, и Гартманъ не могъ не знать этого, какъ видно изъ слѣдующаго, приводимаго мною здѣсь цѣликомъ, мѣста:

„Мэгги первая приступила къ опыту. Выйдя изъ кабинета, она прямо подошла къ м-ру Смэдлею и положила руку за спинку его стула. На вопросъ, нуженъ ли ей стулъ, она утвердительно

кивнула головой. М-ръ Смэдлей всталъ и поставилъ свой стулъ передъ ведрами. сѣвшись на немъ, Мэгги подобрала свое длинное платье и стала погружать лѣвую ногу поочередно, то въ парафинъ, то въ холодную воду, продолжая это до тѣхъ поръ, пока форма не была готова. Вся фигура была такъ закутана, что мы не могли различить, кто именно передъ нами. Судя по живости ея движеній кто-то замѣтилъ: „Это Бэнни!“, но фигура положила свою руку на руку Смэдлея, какъ бы говоря: „посмотри, кто это!“ — „Это Мэгги, — сказалъ Смэдлей — она подала мнѣ свою маленькую ручку“. Когда слой парафина достигъ извѣстной толщины, Мэгги положила свою лѣвую ногу на правое колѣно и продержала ее въ этомъ положеніи минуты двѣ. Затѣмъ снявъ форму, она подняла ее кверху и постучала по ней, такъ что всѣ присутствующіе ее видѣли и слышали стукъ. Я попросилъ, чтобы форму отдали мнѣ и, получивъ ее, спряталъ въ надежное мѣсто. Между тѣмъ, Мэгги хотѣла продолжать то же самое съ правой ногой, но послѣ двухъ или трехъ попытокъ, у ней, вѣроятно, не хватило силы и она ушла въ кабинетъ, откуда болѣе не возвращалась. Парафинъ, приставшій къ правой ногѣ, былъ потомъ найденъ на полу кабинета.

„Послѣ того вышелъ Бэнни. Сдѣлавъ общій поклонъ, онъ положилъ свою большую руку на голову м-ра Смэдлея, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе это дѣлать. Взявъ предложенный ему стулъ, онъ сѣлъ передъ ведрами и, подобно Мэгги, но несравненно быстрѣе, сталъ погружать лѣвую ногу поперемѣнно то въ одно, то въ другое ведро. Быстрота и точность его движеній напоминали работу маленькаго паровика, какъ весьма удачно выразился одинъ изъ присутствующихъ.

„Чтобы дать читателямъ понятіе о тѣхъ благопріятныхъ для наблюденія условіяхъ, въ которыхъ находились присутствующіе на этомъ сеансѣ, скажу, что пока Бэнни занимался изготовленіемъ формы, м-ръ Смэдлей сидѣлъ такъ близко отъ него съ правой стороны, что Бэнни легко могъ класть руку ему на голову и гладить его по лицу, что онъ и дѣлалъ. Я сидѣлъ налѣво отъ Бэнни, и тоже такъ близко, что, когда форма была готова, взялъ ее, не вставая съ мѣста; изъ осталь-

ныхъ присутствовавшихъ, занимавшіе стулья передняго ряда, были на разстояніи не болѣе трехъ футовъ отъ ведеръ.

„Весь процессъ, начиная съ перваго погруженія ноги въ парафинъ и кончая полученіемъ готовой формы, былъ отлично видѣнъ всѣмъ, и фактъ этотъ для насъ такъ же несомнѣненъ, какъ несомнѣнно сіяніе солнца, или паденіе снѣга. Если бы у кого-нибудь изъ присутствующихъ оставалось еще въ умѣ подозрѣніе, что медіумъ какъ-нибудь изловчился дать намъ форму съ своей собственной маленькой ноги, то всякое сомнѣніе должно было исчезнуть, когда Бэнни на нашихъ глазахъ снялъ форму съ своей ноги и отдалъ мнѣ, причемъ я невольно воскликнулъ: „Какая разница!“

„Окончивъ изготовленіе формъ, Бэнни поставилъ стулъ на мѣсто и обошелъ присутствующихъ, пожимая имъ руки и разговаривая съ ними. Послѣ чего вспомнивъ, что по его просьбѣ дверь у клѣтки оставалась немного пріотворенной, онъ захотѣлъ доказать, что не смотря на это обстоятельство, медіумъ не принималъ личнаго участія въ этихъ явленіяхъ. Подойдя съ этой цѣлью къ клѣткѣ, онъ заперъ дверь и плотно придвинулъ къ ней столъ; потомъ взявъ обѣими руками мою руку, онъ сильно прижалъ ее къ столу, выражая этимъ желаніе, чтобы я не позволялъ его сдвинуть, что я и исполнилъ. Нагнувшись, онъ поставилъ подъ столъ музыкальный ящикъ ребромъ, такимъ образомъ, что однимъ концомъ онъ упирался въ дверь клѣтки, а другимъ объ полъ; если бы дверь отворилась, ящикъ долженъ былъ неминуемо опрокинуться. Продѣлавъ все это, Бэнни простился съ нами и исчезъ.

„Мнѣ остается засвидѣтельствовать, что столъ нисколько не былъ сдвинутъ, и что по окончаніи сеанса музыкальный ящикъ по-прежнему упирался въ дверь клѣтки, гдѣ привязанный къ стулу медіумъ еще продолжалъ быть въ трансѣ. Изъ чего слѣдуетъ, что упомянутыя парафиновыя формы были получены нами при столь же доказательныхъ условіяхъ, какъ если бы дверь клѣтки оставалась завинченной. Но даже если допустить, что опытъ съ клѣткой не достаточно доказателенъ, тѣмъ не менѣе получились нѣкоторые результаты, объяснить

которые естественнымъ путемъ не легко. Во-первыхъ, по обыкновенію у человѣка бываетъ одна лѣвая нога, а не двѣ, формы же, нами полученныя, были съ двухъ лѣвыхъ ногъ, различныхъ какъ по величинѣ, такъ и по строенію: при измѣреніи ноги Бэнни оказалось, что длина ея равнялась девяти дюймамъ, а ширина — четыремъ; нога же Мэгги имѣла въ длину восемь дюймовъ, а въ ширину — два съ четвертью. Затѣмъ, кабинетъ находился подъ такимъ строгимъ надзоромъ, что проникнуть туда незамѣтно было положительно невозможно. Итакъ, я спрашиваю, если формы, о которыхъ идетъ рѣчь, не были сняты съ ногъ медіума, а это, кажется, доказано несомнѣнно, то съ чьихъ же ногъ онѣ сняты?“ („Psych. Studien“ декабрь 1878 г., стр. 545 — 548. „Medium“ 1877 года, стр. 195).

А, между тѣмъ, д-ръ Гартманъ не стѣсняясь утверждаетъ: „Всѣ подобные разсказы, направленные къ тому, чтобы доказать реальность явленія, имѣютъ тотъ недостатокъ, что они перепрыгиваютъ черезъ вопросъ о тождественности явленія и медіума, опираясь на связываніе или запираніе послѣдняго“. („Спиритизмъ“ стр. 89).

Желая выяснить, на сколько можно, основательнѣе происхожденіе формъ, о которыхъ сейчасъ была рѣчь, и степень различія между ними, я обратился къ г. Адшеду съ просьбой заказать для меня фотографіи этихъ формъ, если-бы онѣ до сихъ поръ оказались у него въ цѣлости. Г. Адшедъ любезно исполнилъ мою просьбу и прислалъ мнѣ двѣ фотографіи, сдѣланныя Шмидтомъ въ Бельперѣ, изображавшія формы въ двухъ видахъ: съ боку и сверху. Достаточно одного взгляда на эти фотографіи, чтобы убѣдиться въ значительной разницѣ обѣихъ формъ. Но, чтобы имѣть объ нихъ еще болѣе точныя понятія, я попросилъ г. Адшеда пожертвовать формами, чтобы получить гипсовые отливки и затѣмъ заказать для меня фотографіи съ нихъ и прислать ихъ мнѣ вмѣстѣ съ точными измѣреніями отливковъ. Г. Адшедъ исполнилъ и эту просьбу съ величайшей любезностью. При наложеніи фотографіи одного отливка на фотографію другого, легко видѣть разницу въ величинѣ и формѣ ногъ. Измѣренія же отливковъ дали слѣдующія цифры. Нога

Мэгги: окружность ступни — 19 1/8 дюйма, длина — 8 дюймовъ, объемъ въ ширину, въ основаніи маленькаго пальца — 7 1/2 д. Нога Бэнни: окружность ступни—24 1/4 д., длина—9 д., объемъ ноги въ ширину, въ основаніи маленькаго пальца—9 1/2 дюймовъ.

IV. Мы переходимъ, наконецъ, къ послѣдней рубрикѣ: *фигура и медіумъ находятся одновременно на глазахъ присутствующихъ.* Приведу нѣсколько мѣстъ изъ сообщенія г. Аштона, прочитаннаго въ Нью-Кестлѣ 19-го сентября 1877 г. и напечатаннаго затѣмъ въ лондоискомъ „Medium and Daybreak“, отъ 5-го октября 1877 г., стр. 626:

„Мнѣ привелось быть свидѣтелемъ весьма замѣчательныхъ явленій, происходившихъ въ присутствіи медіума, миссъ Ферлэмъ, и я желаю сообщить вамъ здѣсь то, что произошло на сеансѣ въ воскресенье 8-го апрѣля этого года, состоявшемся въ помѣщеніи нашего общества. Кромѣ медіума присутствовали—дама и семь мужчинъ.

„По приходѣ миссъ Ферлэмъ, въ комнату для сеанса внесли два ведра: одно съ растоплеинымъ парафиномъ, другое съ чистой холодной водой и поставили на разстояніи двухъ футовъ передъ кабиетомъ. Кабинетъ состоялъ изъ зеленой шерстяной занавѣски, собранной и прибитой въ одномъ мѣстѣ къ стѣнѣ; спускаясь оттуда на полукруглый желѣзный прутъ, она представляла подобіе палатки. Послѣ тщательнаго осмотра кабинета и ведеръ, медіума попросили занять мѣсто въ кабинетѣ. Видя въ числѣ другихъ незнакомую ей личность, миссъ Ферлэмъ просила обставить все такимъ образомъ, чтобы условія, въ которыхъ она будетъ находиться, отстраняли отъ нея всякія подозрѣнія. Всѣ извѣстные способы уединенія медіума (какъ-то: связываніе веревкой или тесьмой, припечатываніе узловъ, сажаніе въ мѣшокъ или въ клѣтку и т. п.) не могли быть признаны вполнѣ надежными мѣрами, послѣ того какъ сеансы для физическихъ явленій доказали несостоятельность матеріальныхъ преградъ для дѣйствующихъ тутъ силъ; а такъ какъ всѣ присутствующіе вполнѣ довѣряли миссъ Ферлэмъ и ея невидимымъ руководителямъ, то всякія подобныя мѣры

были признаны излишними, за что мы и были вполнѣ вознаграждены.

„Послѣ того какъ мы нѣкоторое время нѣли, занавѣска стала потихоньку раздвигаться и изъ кабинета выглянула голова черноокаго, смуглаго мужчины съ черными или темно-каштановыми усами и бородой (у медіума бѣлокурые волосы и свѣтлоголубые глаза). Голова и плечи то появлялись, то скрывались, точно фигура желала испытать, до какой степени она способна переносить свѣтъ; затѣмъ занавѣска вдругъ распахнулась и передъ нами явилась вполнѣ матеріализованная фигура мужчины. Одѣтъ онъ былъ въ обыкновенную рубашку изъ полосатой фланели и бѣлые коленкоровые панталоны, а голова была обвита платкомъ или чѣмъ-то вродѣ шали. Въ этомъ и состоялъ весь его костюмъ. Воротъ и рукава рубашки были застегнуты. Онъ показался мнѣ росту въ пять или шесть футовъ, худощаваго, но крѣпкаго сложенія и вообще производилъ впечатлѣніе очень ловкаго и подвижнаго малаго. Продѣлавъ нѣсколько сильныхъ движеній руками, точно желая придать имъ болѣе гибкости, онъ пошелъ за занавѣску прибавить свѣту. Газъ проведенъ такимъ образомъ, что пламя можно было регулировать изъ кабинета и внѣ его. Появившись снова, онъ сталъ дѣлать другія гимнастическія движенія и опять ушелъ за занавѣску еще прибавить свѣту, и вернулся оттуда полный силы и энергіи. Продѣлавъ еще нѣсколько гимнастическихъ упражненій, онъ сталъ приготовляться къ производству формъ. Нагнувшись къ ведрамъ, онъ перенесъ ихъ подальше отъ кабинета и ближе къ зрителямъ...

„Взявъ стулъ, стоявшій около м-ра Армстронга, онъ отнесъ его къ кабинету и поставилъ такъ, что спинкой раздвинулъ объ половинки занавѣски дюймовъ на двадцать, причемъ медіумъ сталъ видимъ для троихъ изъ числа присутствующихъ. Тогда онъ сѣлъ на стулъ и принялся за процедуру дѣланія парафиновой формы со своей ноги. Такимъ образомъ матеріализованная фигура и медіумъ просидѣли передъ зрителями около пятнадцати минутъ, при болѣе чѣмъ достаточномъ освѣщеніи“. („Medium“ отъ 5-го октября 1877 года, стр. 626).

На сколько я понимаю, совокупность приведенныхъ подъ этой рубрикой фактовъ представляетъ намъ абсолютное доказательство реальной объективности матеріализаціи; а такъ какъ я имѣю отвѣчать Гартману, то я въ особенности настаиваю на томъ принципѣ, на которомъ это доказательство основывается, т. е., если разъ подлинность факта полученія парафиновой формы съ матеріализованнаго органа удостовѣрена, то этотъ фактъ служитъ абсолютнымъ доказательствомъ, что явленіе матеріализаціи не есть галлюцинація. Если Гартманъ съ этимъ не согласенъ, то мы выслушаемъ его возраженіе съ величайшимъ интересомъ. Долженъ быть опровергнутъ не какой-нибудь данный опытъ, но самый принципъ.

д) Я перехожу теперь къ доказательству реальной объективности явленія матеріализаціи посредствомъ *фотографіи*. Если бы фотографія была еще неизвѣстна, то приведенныя мною до сихъ поръ доказательства представили бы все, что только возможно желать для констатированія явленія, о которомъ идетъ рѣчь; можно поэтому сказать, что фотографія является теперь въ ряду представляемыхъ доказательствъ уже роскошью; по достоинству своему она далеко не можетъ соперничать съ формами и отливками, которые представляютъ намъ точное воспроизведеніе цѣлаго матеріализованнаго органа, между тѣмъ, какъ фотографія дастъ только изображеніе одной изъ его поверхностей. Я удивляюсь, что Гартманъ находитъ абсолютное доказательство помянутаго явленія только въ фотографіи; онъ могъ видѣть въ „Psych. Studien“, что способъ констатированія этого явленія посредствомъ снятія парафиновыхъ формъ уже существовалъ; и подобно тому, какъ онъ для фотографіи потребовалъ нѣкоторыхъ условій, чтобы дать этому способу доказательства полную достовѣрность, онъ могъ бы точно также и относительно опытовъ съ парафиновыми формами указать на тѣ условія, которыя, по его мнѣнію, абсолютно необходимы, чтобы доказательство этого рода было вполнѣ безспорнымъ. Какъ бы то ни было, Гартманъ находитъ это абсолютное доказательство не въ снятіи формъ, а въ фотографіи, и именно отъ нея требуетъ его. Поэтому мы и займемся имъ.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ я позволю себѣ замѣтить, что требованіе подобнаго доказательства представляется мнѣ со стороны Гартмана логической непослѣдовательностью. Это требованіе не находится въ согласіи съ тѣми гипотезами, которыя онъ уже пустилъ въ ходъ для объясненія другихъ пребывающихъ результатовъ, вызванныхъ медіумическими явленіями того-же рода. Если для отпечатковъ, произведенныхъ матеріализованными органами на какомъ-нибудь веществѣ, онъ могъ рѣшиться предложить гипотезу, что эти отпечатки ничто иное какъ „динамическія дѣйствія медіумической, нервной силы“, то онъ долженъ былъ, на основаніи той же логики, идти далѣе и утверждать, что даже фотографія матеріализованнаго тѣла не доказываетъ реальнаго, объективнаго существованія этого тѣла,—что она есть только результатъ „нервной силы, дѣйствующей на разстояніи“. Не надо забывать, что эта нервная медіумическая сила есть, по Гартману, сила физическая, подобно свѣту или теплу, и что, слѣдовательно, объективъ фотографическаго снаряда могъ бы направить на чувствительную пластинку лучи этой силы; что же касается до ихъ химическаго дѣйствія, необходимаго для фотографіи, то г. Гартманъ не долженъ бы, казалось, нисколько затрудняться признать и это дѣйствіе. Вспомнимъ также, что нервная сила одарена, по Гартману, чудесною способностью производить всякаго рода отпечатки, смотря по фантазіи медіума; слѣдовательно, и въ фотографіи „распредѣленіе линейныхъ силъ“ было бы произведено „фантастическимъ представленіемъ сомнамбулическаго сознанія медіума“, причемъ „эта система линейныхъ силъ была бы направлена только на требуемую для отпечатка поверхность“, то есть на чувствительную пластинку; и это могло бы быть произведено или непосредственнымъ дѣйствіемъ на негативъ, или образованіемъ передъ объективомъ „динамическаго аналога какой-либо поверхности безъ находящагося позади ея тѣла“—какъ г. Гартману угодно допустить это для отпечатковъ. Но не мнѣ развивать здѣсь эту гипотезу, послѣ того какъ я доказалъ, сколь мнѣ кажется, всю ея несостоятельность, когда рѣчь шла объ отпечаткахъ. Я утверждаю только, что

если галлюцинація можетъ, по мнѣнію г. Гартмана, производить съ помощью нервной силы какіе бы то ни было пребывающіе отпечатки, соотвѣтствующіе этой галлюцинаціи „безъ всякаго присутствія какой-либо органической формы въ матеріальномъ образѣ“ (стр. 64), — то эта самая галлюцинація могла бы при помощи нервной силы произвести также и на фотографическомъ негативѣ пребывающій отпечатокъ, соотвѣтствующій формѣ этой галлюцинаціи, нисколько не доказывая присутствія находящагося позади ея тѣла. Разъ первое предположеніе будетъ допущено, второе является только его естественнымъ развитіемъ и отрицаніе его, съ логической точки зрѣнія, не имѣло бы достаточнаго основанія. Такимъ образомъ фотографія матеріализованной формы, требуемая Гартманомъ, какъ абсолютное доказательство этого явленія, была бы, согласно его собственной гипотезы, ничто иное какъ нервио-динамо-графія.

Основываясь на этой аргументаціи, я могъ бы воздержаться отъ представленія доказательствъ посредствомъ фотографіи. Но такъ какъ самъ Гартманъ не рѣшился идти такъ далеко въ своей гипотезѣ нервной силы и ему угодно видѣть въ фотографіи неоспоримое доказательство явленія матеріализаціи, то мы и перейдемъ теперь къ этимъ доказательствамъ.

Условіе *sine qua non*, требуемое Гартманомъ, состоитъ въ томъ, чтобы фотографія изображала на одной и той же пластинкѣ матеріализованную фигуру вмѣстѣ съ медіумомъ. Это доказательство было бы легко и давно представлено, если-бы физическія условія тому не препятствовали. Извѣстно, что фотографія требуетъ яркаго свѣта; явленіе же матеріализаціи требуетъ, напротивъ, темноты или слабаго свѣта. Ни медіумъ, ни матеріализованная форма не выносятъ дѣйствія свѣта, поэтому, чтобы легче получить это явленіе и наблюдать его хотя бы при слабомъ свѣтѣ, приходилось уединять медіума въ совершенно темное помѣщеніе—обыкновенно за занавѣску, или въ шкафъ (въ кабинетъ), построенный съ этой спеціальной цѣлью; причемъ свѣтъ въ комнатѣ болѣе или менѣе убавляется, смотря по степени развитія и силы матеріализаціи, происхо-

дящей въ темномъ помѣщеніи и имѣющей потомъ явиться при такомъ свѣтѣ, какой она въ состояніи вынести. При необходимости подчиниться такимъ условіямъ для полученія явленія, приходилось весьма естественно принимать всякія мѣры противъ обмана, вольнаго и невольнаго со стороны медіума, и вотъ передъ нами безконечный рядъ мѣръ предосторожностей, принимаемыхъ противъ медіума, чтобы лишить его всякой возможности поддѣлать явленіе; такимъ образомъ мы неизбѣжно очутились передъ вопросомъ о запираніи медіума, годность котораго для подобныхъ наблюденій Гартманъ признавать не хочетъ, основываясь на слѣдующей аргументаціи: „Вѣрно то, что если допустить у медіумовъ способность проницать сквозь вещество, то нужно не матеріальное запираніе или связываніе медіумовъ, а совсѣмъ другія средства для того, чтобы доказать нетождественность медіума съ явленіемъ “ (стр. 111).

Прежде чѣмъ перейти къ этимъ „совсѣмъ другимъ средствамъ“, требуемымъ Гартманомъ для доказательства этого явленія, я не могу не остановиться на такой его аргументаціи.

Подобно тому какъ я протестовалъ противъ этой аргументаціи, когда рѣчь шла о „приносахъ“, точно также и здѣсь я долженъ протестовать по поводу запиранія или связыванія медіума. Что значитъ въ устахъ Гартмана фраза: „если разъ допустить у медіумовъ способность проникать сквозь вещество“. Кто допускаетъ? Надо полагать, что это самъ г. Гартманъ, такъ какъ онъ въ своихъ объясненіяхъ опирается на это. Какъ онъ условно допустилъ всѣ прочія физическія явленія медіумизма, чтобъ объяснить ихъ по своему, т. е. способомъ естественнымъ, такъ онъ допускаетъ, одинаково условно, тѣ явленія, которыя спириты объясняютъ проникновеніемъ матерін; но разъ онъ ихъ допускаетъ, онъ обязанъ представить и для этихъ явленій естественное объясненіе. Ибо я не перестану повторять, что Гартманъ взялся за перо, чтобы доказать, что въ спиритизмѣ нѣтъ ничего сверхъестественнаго — „нѣтъ ни малѣйшаго повода для переступанія естественныхъ объясненій“ (133), и чтобъ научить спиритовъ, какимъ образомъ надо „обходиться естественными причинами“ (147). *И вотъ, для явленій такъ называе-*

маго проникновенія матеріи, онъ не даетъ никакого объясненія. Слѣдовательно, онъ допускаетъ ихъ какъ таковыя, какъ явленія трансцендентальныя, и разъ онъ сдѣлалъ эту уступку для одного только рода явленій, вся его натуралистическая система рушится. Этотъ пунктъ гораздо важнѣе, чѣмъ кажется, и я удивляюсь, что критика не воспользовалась имъ для побѣды. Ибо тутъ именно ахиллесова пята всей тщательно выработанной теоріи г. Гартмана, и достаточно одного удара по этому уязвимому мѣсту, чтобы опрокинуть всю его систему.

Итакъ, если Гартманъ хочетъ оставаться вѣрнымъ своему исходному пункту, то онъ не имѣетъ права допустить въ своей теоріи спиритизма никакого объясненія спиритическихъ явленій на основаніи принципа проникновенія матеріи. Для него веревка есть веревка и клѣтка есть клѣтка; и когда медіумъ хорошо привязанъ за шею веревкой съ припечатанными узлами, или хорошо запертъ въ клѣтку — это такія условія, которыя Гартманъ долженъ признать вполнѣ достаточными для обезпеченія „матеріальнаго запиранія медіума“. Допустить, что медіумъ можетъ пройти *сквозь завязки*, которыми онъ завязанъ, сквозь мѣшокъ или клѣтку и вернуться въ эти завязки и въ эту клѣтку, проходя сквозь нихъ, это значитъ допустить фактъ трансцендентальный, чего Гартманъ не можетъ сдѣлать, не переступая самъ извѣстныхъ методологическихъ основъ — въ чемъ именно онъ обвиняетъ спиритовъ.

И г. Гартманъ не имѣетъ права сваливать грѣхъ подобнаго утвержденія на головы спиритовъ. Мало-ли что спириты утверждаютъ: для нѣкоторыхъ явленій они допускаютъ вмѣшательство духовъ, для другихъ—матеріализацію, хотя и временную, но реальную и объективную, для третьихъ, наконецъ—проникновеніе матерій. А г. Гартманъ взялся за перо именно для того, чтобы научить ихъ, какъ надо разсуждать, не выходя изъ границъ естественныхъ объясненій, и чтобы показать имъ, что нѣтъ ни духовъ, ни матеріализаціи, ни проникновенія матеріи. Но разъ онъ вмѣстѣ со спиритами допускаетъ послѣднюю гипотезу, онъ кладетъ оружіе.

Всего удивительнѣе, что Гартманъ могъ допустить такую

нелѣпость (будто человѣкъ можетъ входить и выходить сквозь запертую клѣтку, какъ ни въ чемъ не бывало), когда ему даже не было никакой необходимости дѣлать подобную уступку, имѣя въ своемъ распоряженіи для всѣхъ трудныхъ случаевъ готовое объясненіе посредствомъ галлюцинаціи.

Прежде чѣмъ идти далѣе, мнѣ слѣдовало бы указать г-ну Гартману, что даже и при донущеніи принципа проникиовенія матеріи, есть все-таки средства для абсолютнаго убѣжденія въ присутствіи медіума позади занавѣски (напр. связавъ его гальваническимъ токомъ, или даже простой тесьмой, концы которой въ рукахъ одного изъ присутствующихъ; илп когда волосы медіума — какъ бывало съ миссъ Кукъ — пропущены сквозь маленькое отверстіе въ кабинетѣ и остаются на виду присутствующихъ; см. Spiritualist“ 1873 г., стр. 133, и пр. и пр.); по будетъ излишне останавливаться на этихъ подробностяхъ, ибо, какъ я только что сказалъ, разъ присутствіе медіума въ кабинетѣ положительно доказано—пускается въ ходъ галлюцинація.

Наконецъ, я могъ бы еще сказать, что, къ счастью, явленія матеріализаціи достигли мало-по-малу такого развитія, что завязки выпили совершенно изъ употребленія, а секвестрація медіума сдѣлалась только временнымъ или второстепеннымъ условіемъ, такъ какъ процессъ матеріализаціи или дематеріализаціи уже довольно часто происходитъ въ присутствіи медіума и зрителей, или если медіумъ уединенъ, то на глазахъ самихъ зрителей. Но будетъ безполезно приводить и это высшее доказательство, ибо для г-на Гартмана именно *глаза-то и не годятся никуда* для констатированія явленія. Поэтому намъ остается только вернуться къ нашему предмету и искать „другихъ средствъ“, чтобы возстановить значеніе коллективнаго свидѣтельства человѣческихъ чувствъ, столь неожиданно сведеннаго г. Гартманомъ къ нулю.

Доказательства явленія матеріализаціи посредствомъ фотографіи могутъ быть подведены, относительно условій, при которыхъ они получаются, подъ слѣдующія пять рубрикъ.

I) Медіумъ на виду — матеріализованная фигура невидима

для обыкновеннаго зрѣнія, но проявляется на фотографической пластинкѣ.

II) Медіумъ невидимъ — фигура видима и фотографирована.

III) Медіумъ и фигура видимы, — фигура одна фотографирована.

IV) Медіумъ и фигура видимы и оба одновременно фотографированы.

V) Медіумъ и фигура невидимы: фотографія получается въ темнотѣ.

I) Въ первой рубрикѣ объективное доказательство матеріализаціи получается посредствомъ трансцендентальной фотографіи. Кажется, будетъ логично предположить, что если подобнаго рода фотографія можетъ изобразить различныя матеріальныя формы, недоступныя для нашихъ обыкновенныхъ чувствъ, то эта же самая фотографія тѣмъ болѣе можетъ изобразить ту форму, которая при нѣкоторыхъ условіяхъ достигаетъ степени матеріальности доступной для нашихъ внѣшнихъ чувствъ, хотя въ моментъ фотографированія это чувственное воспріятіе и не имѣло бы мѣста; или, другими словами, мы имѣемъ право предположить, что та фигура, которая является на сеансахъ въ матеріализованной формѣ, можетъ и должна также явиться путемъ трансцендентальной фотографіи. Если полученная фотографія будетъ соотвѣтствовать матеріализованной фигурѣ, наблюдавшейся на сеансахъ и неоднократно для этого описанной, то не можетъ быть болѣе рѣчи о галлюцинаціи. Случаи этого рода довольно обыкновенны. Медіумы для матеріализаціи нерѣдко получали трансцендентальныя фотографіи своихъ невидимыхъ руководителей, т. е. тѣхъ фигуръ, которыя обыкновенно матеріализуются на ихъ сеансахъ. Я остановлюсь только на нѣсколькихъ примѣрахъ и начну съ классической фигуры Кэти Кингъ, матеріализованиая форма которой, являвшаяся черезъ посредничество миссъ Кукъ, была фотографирована нѣсколько разъ г. Гаррисономъ при магнезіальномъ свѣтѣ, а потомъ г. Круксомъ — при электрическомъ. Типъ этой самой фигуры

былъ воспроизведенъ и въ трансцендентальной фотографіи у г. Паркса, медіума для подобнаго рода фотографій, о которомъ мы уже говорили выше (стр. 54) и съ тою особенностью, что онъ получаетъ свои фотографіи при магнезіальномъ свѣтѣ. Вотъ какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ фактѣ г. Гаррисонъ, весьма свѣдущій по части фотографической техники вообще и спиритической фотографіи въ частности:

„Что касается меня лично, то я не могъ признать ни одной изъ фигуръ, появлявшихся на пластинкахъ г. Паркса, но на сколько было возможно, я видоизмѣнялъ условія. Безъ вѣдома г. Паркса я написалъ м-съ Корнеръ (бывшей Флоренсъ Кукъ), жившей по сосѣдству, и просилъ ее, чтобы она послѣ полудня зашла къ Парксу для сеанса спиритической фотографіи; я имѣлъ въ виду, что внезапное участіе такого сильнаго и благонадежнаго медіума должно измѣнить характеръ получаемыхъ изображеній, чего не будетъ, если они напередъ приготовлены на транспарантахъ. Нѣсколько часовъ спустя по полученіи моего письма, м-съ Корнеръ посѣтила г. и г-жу Парксъ, которые ея не знали; ей пришлось объяснить имъ, кто она и для чего пришла. М-съ Парксъ тотчасъ же сказала: „О, пойдемте внизъ и тотчасъ же снимитесь: мы должны получить что-нибудь хорошее!“ Четвертъ часа спустя послѣ условленнаго времени, явился и я; г. Парксъ вошелъ въ комнату съ только что проявленнымъ негативомъ, на которомъ, рядомъ съ м-съ Корнеръ, находилось ясное изображеніе знаменитой „Кэти“ въ ея обыкновеиномъ бѣломъ одѣяніи. Это служитъ отличнымъ доказательствомъ честности фотографа, ибо, какъ уже сказано, м-съ Корнеръ совершенно неожиданно для Паркса пришла къ нему всего за нѣсколько минутъ до меня“ (См. „Спиритуалистъ“ 1875 г., т. I, стр. 162).

И удивительно въ этой фотографіи то, что она болѣе походитъ на фотографіи матеріализованной Кэти, которыя Гаррисонъ снималъ *также* при магнезіальномъ свѣтѣ, чѣмъ на фотографіи, снятыя Круксомъ при электрическомъ. Я имѣю экземпляръ этой фотографіи, которую въ 1886 году подарила мнѣ м-съ Кукъ, мать медіума. Она очень напоминаетъ фигуру

и позу Кэти на изображеніи, помѣщенномъ въ „Спиритуалистѣ“ 1873 г., стр. 200.

Для второго примѣра я беру матеріализованныя фигуры, не принадлежащія къ европейской расѣ и обладающія вслѣдствіе того столь характернымъ типомъ, что не трудно убѣдиться въ ихъ тождественности. На матеріализаціонныхъ сеансахъ мисъ Вудъ и мисъ Ферлэмъ, медіумовъ изъ Ньюкестля, появлялись между прочими двѣ маленькія чернокожія фигурки, извѣстныя подъ именами „Покка“ и „Сиссей“. Въ сообщеніяхъ, получавшихся отъ ихъ имени, онѣ заявляли себя принадлежащими къ расѣ чернокожихъ. Присутствовавшіе на сеансахъ ясновидящіе медіумы утверждали тоже самое. И вотъ, на фотографіяхъ, снятыхъ съ этихъ медіумовъ Гудсономъ въ Лондонѣ, видно: на одной, возлѣ миссъ Вудъ, черная фигура „Покка“, обыкновенно матеріализующаяся на ея сеансахъ, а на фотографіи миссъ Ферлэмъ видна черная фигура „Сиссей“ (См. „Medium and Daybreak“ 1875 г., стр. 346).

На фотографіи, экземпляръ которой имѣется у меня, сняты вмѣстѣ миссъ Ферлэмъ и мисс Вудъ, и на полу, около миссъ Вудъ, сидитъ чернокожая фигура въ бѣлой одеждѣ; это Покка: ея черное лицо открыто, а неевропейскій типъ ея сразу бросается въ глаза. На другой фотографіи, также имѣющейся у меня, подлѣ миссъ Ферлэмъ, какъ бы въ воздухѣ, видна фигура въ бѣломъ, съ чернымъ лицомъ, это Сиссей. На этихъ фотографіяхъ — трансцендентальныхъ — фигуры эти представляются именно въ томъ видѣ, какъ онѣ являлись множеству лицъ, присутствовавшихъ при ихъ матеріализаціи. Подтверждающія этотъ фактъ свидѣтельства я приведу дальше, когда буду говорить о прямомъ фотографированіи этихъ самыхъ матеріализованныхъ фигуръ.

Въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ условія, требуемыя д-ромъ Гартманомъ: медіумъ и матеріализующаяся на сеансахъ фигура сняты на одной фотографіи, но только трансцендентальной. Теперь, въ видѣ исключенія, приведу случай, въ которомъ позировалъ не медіумъ, а г. Реймерсъ, такъ какъ интересно прослѣдить одно и то же проявленіе въ различныхъ видахъ его

объективаціи. Мы знакомы уже съ фигурой Берти, появлявшейся на сеансахъ г. Реймерса, даже при разныхъ медіумахъ и въ реальности которой онъ вполнѣ убѣдился, получивъ сперва оттиски ея руки въ мукѣ и затѣмъ форму той же руки, отливокъ которой изображенъ на упомянутой выше фототиніи. Когда г. Реймерсъ находился однажды у трансъ-медіума (м-съ Вудфордъ), Берти не замедлила проявиться и на просьбу Реймерса о фотографіи, отвѣчала: „Хорошо, я надѣюсь, что это удастся; ступай завтра къ Гудсону и, быть можетъ, мнѣ дозволено будетъ исполнить твое желаніе“. На слѣдующій день г. Реймерсъ отправился къ Гудсону. „Я самъ вычистилъ пластинки— говоритъ онъ — и не выпускалъ ихъ изъ виду до вставки въ камеру“. На первой пластинкѣ появилась въ воздухѣ, налѣво отъ г. Реймерса, фигура съ женскимъ en trois quarts лицомъ, обращеннымъ въ его сторону. Голова ея покрыта шарфомъ, или вуалемъ, образующимъ конусообразную шапочку и спускающимся шлейфомъ внизъ. Ни на одной изъ Гудсоновскихъ фотографій я не видалъ подобнаго головного убора. Драпировка бюста съ одной стороны опускается до земли, а съ другой приподнята до подбородка, какъ бы придерживаемая снизу скрытой подъ нею рукой. Туловища не видать. При второй выставкѣ, тотчасъ послѣ первой, появилась на пластинкѣ та же фигура въ воздухѣ, съ лицомъ также обращеннымъ къ г. Реймерсу, но только съ правой стороны.

Что это та же самая фигура—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, но такъ какъ она явилась съ другой стороны, то все въ ней измѣнилось: положеніе фигуры ниже, чѣмъ когда она была слѣва, и ближе къ г. Реймерсу; то же лицо, но въ профиль, тотъ же головной уборъ, но складки падаютъ иначе; та же драпировка почти до земли, но съ другой стороны; правая рука, приподнимавшая ее до подбородка, опустилась ниже груди, гдѣ продолжаетъ ее придерживать. Реймерсъ описалъ этотъ опытъ въ „Psych. Stud.“ 1877 года, стр. 222; но я даю эти подробности по двумъ фотографіямъ, присланнымъ имъ мнѣ. Въ письмѣ ко мнѣ отъ 15-го мая 1876 г. г. Реймерсъ объясняетъ, почему онъ съ перваго раза не нашелъ полнаго сход-

ства: — „Мнѣ рѣдко удавалось видѣть лицо совершенно ясно и я долго пребывалъ въ сомнѣніи, пока, наконецъ, не убѣдился теперь, что это та же личность, наружный видъ которой мѣняется, смотря по условіямъ. Чрезвычайная подвижность фигуры и кратковременность ея появленія не позволяли мнѣ хорошо запомнить черты ея лица, но теперь она часто появляется точь въ точь такая, какъ на прилагаемыхъ фотографіяхъ, въ головномъ уборѣ временъ Елизаветы. Вчера она появилась въ цѣломъ облакѣ газа и поднялась вверхъ, какъ на фотографіи“.

Я долженъ здѣсь прибавить, что объективность матеріализаціи Берти подтверждается и опытами трансцендентальной фотографіи, произведенными г. Реймерсомъ въ собственномъ домѣ съ тѣмъ самымъ медіумомъ, который обыкновенно служилъ для этой матеріализаціи, причемъ всѣ фотографическія манипуляціи были продѣланы самимъ г. Реймерсомъ. Вотъ его слова:

„Будучи въ Бристолѣ, я посѣтилъ м-ра Битти, достигшаго, какъ извѣстно, въ этой области столь замѣчательныхъ результатовъ, и встрѣтилъ у него г. Аксакова, также занимавшагося изслѣдованіемъ этихъ фотографій. Доставши всѣ нужные приборы, я принялся за дѣло и въ скоромъ времени былъ въ состояніи самъ дѣлать снимки. Познакомившись съ разными способами поддѣлки, я рѣшилъ буквально все продѣлать самъ — отъ начала до конца, такъ чтобы всякая возможность обмана была положительно исключена. Даже и фонъ я устроилъ самъ, такъ какъ слышалъ, что фигура, нарисованная на фонѣ какимъ то химическимъ составомъ — не замѣтиымъ для глаза — можетъ быть воспроизведена фотографіей. Приготовившись такимъ образомъ, я усадилъ въ своей комнатѣ группу, въ которой участвовалъ и медіумъ, и не спускалъ съ нея глазъ во все время съемки. На первыхъ шести выставкахъ никого кромѣ насъ не вышло, но на семи послѣдующихъ проявилась та самая фигура, которую мы видѣли безчисленное число разъ. Замѣчательно, что во время этихъ сеансовъ г-жа Л. (ясновидящая) часто говорила мнѣ: „Я вижу бѣлое облако надъ вашимъ

плечомъ, теперь ясно вижу голову; судя по вашему описанію, это должна быть наша Берти“, и дѣйствительно, на всѣхъ фотографіяхъ надъ моимъ лѣвымъ плечомъ показывается голова“ („Psych. Stud.“. Декабрь 1884 г., стр. 546).

Далѣе мы увидимъ, какъ г. Реймерсъ получилъ фотографію этой самой фигуры въ полной темнотѣ.

II) Теперь мы перейдемъ къ обыкновенной фотографіи тѣхъ самыхъ матеріализованныхъ фигуръ, изображенія которыхъ были передъ этимъ получены трансцендентальнымъ путемъ, только при обратныхъ условіяхъ — медіума не видать, а фигура видна и фотографирована.

Въ этомъ отдѣлѣ я приведу два примѣра. Первый описанъ въ „Medium and Daybreak“ 1875 года, на стр. 657, м-ромъ Баркасомъ, человѣкомъ положительной науки, а по спеціальности своей геологомъ. Живетъ онъ въ Нью-Кестлѣ на Тайнѣ, и отъ времени до времени читаетъ тамъ лекціи по астрономіи, геологіи, оптикѣ и физіологіи. Вотъ выдержка изъ его статьи:

„Въ пятницу, 20-го февраля 1875 года, я былъ приглашенъ въ одинъ частный домъ въ Нью-Кестлѣ на опыты фотографированія матеріализованныхъ фигуръ. На сеансѣ 6-го февраля былъ сдѣланъ опытъ и получилась фотографія маленькой закутанной фигуры. Въ обоихъ сеансахъ фотографомъ былъ м-ръ Лоозъ. Первая снятая фотографія извѣстна подъ № 1, а негативы, полученные въ моемъ присутствіи, извѣстны подъ №№ 2, 3 и 4. Въ восемь часовъ 20-го февраля мы собрались въ большой гостиной. Присутствовали: двѣ молодыя дѣвушки въ качествѣ медіумовъ, четыре дамы, четырнадцать человѣкъ мужчинъ и двѣ фотографа, м-ръ Лоозъ и его сынъ. Лоозъ не спиритуалистъ; онъ никогда не занимался изслѣдованіемъ этого предмета и до пятницы 6-го февраля, когда онъ снялъ первую фотографію, онъ никогда не видалъ подобныхъ явленій. Въ отгороженномъ ширмами углу гостиной, направо отъ камина, положили на полъ двѣ подушки для медіумовъ, которые, одѣтые въ темныя платья и пальто, вошли за ширмы въ 8 ч. 27 минутъ. Каминъ и находившееся надъ нимъ зеркало за-

вѣсили темно-зеленымъ сукномъ, которое должно было служить фономъ для фотографіи. Передъ каминомъ, въ двухъ съ половиной футахъ отъ прохода за ширмы, стоялъ стулъ. Лампочку съ магніемъ поставили на маленькій круглый столикъ около ширмъ, а подлѣ, на стулѣ, помѣстился старшій Лоозъ, чтобы зажигать магній, когда это понадобится. На середину комнаты выдвинули фортепіано и установили его приблизительно футахъ въ десяти отъ камина. На фортепіано поставили фотографическую камеру, и фокусъ былъ взятъ на пространство, находящееся между ширмами и стуломъ. Къ сукну, обтягивавшему каминъ, на разстояніи четырехъ футовъ отъ полу, прикололи три листа бѣлой бумаги, съ цѣлью точнѣе опредѣлить вышину имѣвшихъ явиться фигуръ, какъ это видно на фотографіяхъ. Участвовавшіе въ сеансѣ размѣстились рядами по обѣ стороны фортепіано, позади его и напротивъ входа за ширмы, откуда ожидалось появленіе фигуръ. Всѣ участники составили цѣпь, свѣтъ же былъ на столько убавленъ, что мы сидѣли почти въ темнотѣ. Такъ просидѣли мы около часа, занимаясь по временамъ пѣніемъ народныхъ мелодій. Въ 9 же часовъ 3 минуты намъ было сказано стуками, потомъ однимъ изъ медіумовъ въ трансѣ, что надо прибавить свѣту въ газовомъ рожкѣ и зажечь спиртовую лампочку для того, чтобы нѣсколько подготовить имѣющую появиться фигуру къ яркому магнезіальному свѣту, необходимому для фотографіи. Спиртовая лампа и газъ были зажжены и комната освѣтилась достаточно. Въ 9 ч. 40 м. намъ сказали держать пластинки на-готовѣ въ ожиданіи фигуры. Какъ только все это было сдѣлано и о томъ заявлено, одна изъ половинокъ ширмы отодвинулась и передъ нами появилась маленькая женская фигура, или, по крайней мѣрѣ, живое маленькое существо, драпированное по-женски. Она встала у откинутой половинки ширмъ, противъ камеры. Магнезіальная проволока была немедленно зажжена. Яркій свѣтъ магнія освѣтилъ всю фигуру. Широкое одѣяніе покрывало ее всю, за исключеніемъ лица и рукъ, которыя были темно-коричневаго, почти чернаго цвѣта, и одна рука темнѣе другой. Одѣяніе ея, казалось, состояло изъ обыкновенной ки-

сеи, падавшей пышными складками до самаго низа, нисколько не помятоїй и не запачканноїй. Лицо у нея было темно-коричневое, какъ у мулатовъ, глаза большіе, тусклые, съ тяжело поднимавшимися и опускавшимися вѣками, налитые кровью, какъ обыкновенно бываетъ у негровъ; носъ большой, широкіи и толстыя ярко-красныя губы. Лицо, по нашимъ англійскимъ понятіямъ, никакъ нельзя было назвать красивымъ. Оно выражало робость и удивленіе, охватывающія человѣка мало образованнаго и непривычнаго къ обществу, когда онъ попадаетъ въ чуждую для него среду. Ея лицо подъ яркимъ свѣтомъ магнія было мнѣ отлично видно, но фигура не могла выносить свѣта и стала понемногу отъ него отворачиваться, почему на фотографіи № 2 видна только незначительная часть лица, черты котораго разобрать невозможно. Темныя тѣни на платьѣ происходятъ отъ складокъ въ одеждѣ, такъ какъ магній освѣщалъ фигуру сбоку. На всѣхъ фотографіяхъ ноги какъ-будто отсутствуютъ, а туловище и тѣло точно на подставкѣ. Выставка продолжалась около десяти секундъ. Когда фигура скрылась, намъ было дано обѣщаніе, что она постарается явиться опять.

„Приготовивъ вторую пластинку, стали ожидать вторичнаго появленія фигуры. Этотъ разъ она смотрѣла на насъ прямѣе, чѣмъ въ первый, и лицо ея совершенно походило на описанное мною выше. Она видимо дѣлала усилія, чтобы сохранить свою позу передъ камерой, но мало-по-малу стала отворачиваться отъ свѣта, и фотографія № 3 вышла точно также неудачна. Выставка продолжалась двѣнадцать секундъ. Мы стали упрашивать фигуру вернуться на мѣсто и держать лицо повернутымъ къ камерѣ. Она обѣщала исполнить наше желаніе съ условіемъ, чтобы присутствующіе закрыли глаза и никто, кромѣ фотографа и его помощника, не смотрѣлъ на нее. Мы, конечно, согласились на ея условія. Опять стали приготовлять пластинку, но раньше, чѣмъ все было готово, намъ сказали, что одинъ изъ медіумовъ, находясь въ трансѣ, будетъ выведенъ и посаженъ на стулъ для того, чтобы поддержать силы фигуры во время фотографированія. Одинъ изъ медіумовъ, завернутый въ

темный плащъ, вышелъ, автоматически двигаясь, изъ-за ширмъ и сѣлъ на стулъ. Когда все было готово, маленькая фигура появилась снова и встала около медіума. Согласно данному обѣщанію, присутствующіе закрыли глаза и получилась фотографія № 4. На ней видно неясное очертаніе лица, безспорно похожаго на то, которое я видѣлъ въ нродолженіе первыхъ двухъ выставокъ. Послѣдняя длилась около четырнадцати секуидъ. Фигура и медіумъ скрылись за ширмы въ 10 ч. 25 м. Напряженіе медіумической силы было такъ велико, что прошло болѣе часу прежде, чѣмъ медіумы пришли въ нормальное состояніе, жалуясь на сильное утомленіе.

„Неподдѣльность этихъ явленій впослѣдствіи подтвердилась поразительнымъ образомъ. Оба медіума были въ Лондонѣ у Гудсона, не разъ уже получавшаго такъ называемыя спиритическія фотографіи, и позировали у него для своихъ портретовъ и могущихъ притомъ явиться иныхъ изображеній. Въ результатѣ получилась на одной изъ фотографій маленькая темная женская фигурка, лицо которой ясно видно и совершенно сходно съ лицомъ фигуры, появлявшейся на только-что описанномъ частномъ сеансѣ“ („Medium and Daybreak“ № 289, октября 15-го 1875 г., стр. 657 — 658).

Медіумы, служившіе для этого опыта, были миссъ Вудъ и миссъ Ферлэмъ, какъ заявляетъ о томъ м-ръ Баркасъ въ своемъ сообщеніи на съѣздѣ англійскихъ спиритуалистовъ, бывшемъ въ Лондонѣ въ 1877 году; описывая тутъ этотъ самый опытъ, онъ заканчиваетъ его слѣдующими словами: „Мнѣ могутъ возразить и, повидимому, не безъ нѣкотораго основанія, что въ этомъ случаѣ не было принято никакихъ мѣръ предосторожности, т. е. медіумовъ не раздѣвали и не облекали въ другое платье, не привязывали и по окончаніи сеанса не осматривали ихъ платья. Всѣ эти возраженія совершенно справедливы, но, не смотря на отсутствіе подобныхъ предосторожностей, фактъ появленія несомнѣнно живой человѣческой фигуры, по внѣшнему виду нисколько не похожей на медіумовъ, служитъ самъ по себѣ достаточнымъ доказательствомъ, что эта фигура не была одинъ изъ медіумовъ; а подвижное лицо ея со всѣми

признаками жизни явно доказываетъ, что это была не маска". („Spiritualist", № 234, февраля 16, 1877 года, стр. 77).

Я долженъ здѣсь замѣтить, что, по Гартману, когда явленіе не представляетъ никакого сходства съ медіумомъ относительно „роста, вѣшности, цвѣта кожи и національности, то въ этомъ нельзя видѣть трансфигурацію медіума, и тогда для объясненія этого явленія приходится искать другія причины" (Стр. 113). Таковъ именно случай, о которомъ сейчасъ была рѣчь, и, слѣдовательно, явленіе маленькой негритянки должно, согласно понятіямъ г. Гартмана, быть разсматриваемо какъ галлюцинація. Но, тѣмъ не менѣе, это явленіе было фотографировано, и, слѣдовательно, его негаллюцинаторный характеръ долженъ, согласно понятіямъ г. Гартмана, быть признанъ достаточно доказаннымъ.

Для второго опыта, о которомъ я буду говорить, мнѣ послужитъ классическое явленіе Кэти-Кингъ. Она была фотографирована при магнезіальномъ свѣтѣ 7-го мая 1873 года г. Гаррисономъ, издателемъ „Спиритуалиста", который, какъ знатокъ фотографическаго искусства, продѣлалъ самъ всѣ манипуляціи. Подробное описаніе упомянутаго опыта, перваго въ этомъ родѣ въ лѣтописяхъ спиритизма, помѣщено г. Гаррисономъ въ „Спиритуалистѣ" на стр. 200 и 201, вмѣстѣ съ гравюрой по этой фотографіи. Я упомяну здѣсь только о необходимыхъ для меня подробностяхъ. Сеансъ происходилъ при самыхъ строгихъ условіяхъ. Передъ началомъ его м-съ и миссъ Корнеръ, присутствовавшія въ качествѣ свидѣтелей, удалились вмѣстѣ съ медіумомъ, миссъ Флоренсъ Кукъ, въ ея спальню, и тамъ, раздѣвъ ее и тщательно обыскавъ, надѣли на нее вмѣсто платья, прямо на бѣлье и на юбки, темно-сѣрый суконный ватерпруфъ и тотчасъ же привели ее въ сеансовую комнату, гдѣ г. Луксморъ и связалъ ея руки тесьмою по запястьямъ. Узлы были осмотрѣны каждымъ изъ присутствующихъ и потомъ припечатаны печатью. Тогда миссъ Кукъ была посажена въ кабинетъ, также предварительно осмотрѣнный. Г. Луксморъ въ особомъ письмѣ свидѣтельствуетъ, что онъ тщательно осмотрѣлъ весь кабинетъ въ то время, когда м-съ и миссъ Корнеръ осматри-

вали медіума. Еслибъ тутъ было что спрятано, то онъ не могъ бы не увидать этого. Тесемка отъ завязокъ была пропущена черезъ мѣдную скобку, укрѣпленную въ полу, выведена изъподъ занавѣски наружу и крѣпко привязана къ стулу въ нѣсколькихъ футахъ отъ кабинета, такъ что малѣйшее движеніе медіума было бы тотчасъ обнаружено... На узлы, завязываемые г. Луксморомъ, можно положиться: онъ морякъ и знаетъ это дѣло хорошо. Что касается кабинета, то это было ни что иное, какъ небольшое пространство между угломъ комнаты съ одной стороны и выступомъ камина съ другой, отдѣленное занавѣской; ни дверей, ни оконъ въ этомъ углу не было, въ чемъ я могъ убѣдиться и лично, когда былъ на одномъ изъ сеансовъ въ домѣ г. Кука, о которомъ скажу ниже... Какъ только медіумъ вступилъ въ кабинетъ, онъ впалъ трансъ и черезъ нѣсколько минутъ Кэти выступила въ комнату, одѣтая вся въ бѣлое, какъ бывало и прежде. Въ концѣ сеанса узлы, печати и завязки были тщательно осмотрѣны всѣми присутствующими, найдены въ цѣлости и тогда только разрѣзаны. Завязки были на столько туги, что вокругъ запястьевъ отъ нихъ оставались замѣтные слѣды.

При этихъ условіяхъ было снято съ Кэти четыре фотографіи въ продолженіе сеанса. По мнѣнію г. Гартмана, который обязался давать намъ только естественныя объясненія, былъ фотографированъ никто иной, какъ самъ медіумъ. Но Гартманъ забываетъ, что въ этомъ, повидимому, простомъ опытѣ *три акта*, которые всѣ должны быть объяснены естественными причинами. *Первый актъ* состоитъ въ томъ, что медіумъ, по мнѣнію Гартмана, вышелъ изъ завязокъ, которыми былъ связанъ, и затѣмъ снова въ нихъ очутился безъ всякаго ихъ поврежденія; тутъ, слѣдовательно, фактъ проникновенія матеріи, фактъ трансцендентальный, для котораго Гартманъ не даетъ намъ никакого естественнаго объясненія. *Второй актъ* состоитъ въ томъ, что медіумъ, одѣтый въ темно-сѣрый ватерпруфъ, черезъ нѣсколько минутъ явился въ бѣломъ одѣяніи, съ бѣлымъ поясомъ и съ бѣлымъ вуалемъ; тутъ, слѣдовательно, былъ, по Гартману, принось и исчезновеніе этого одѣянія; это опять фактъ, хотя Гарт-

маномъ и допускаемый, но тѣмъ не менѣе, фактъ трансцендентальный, для котораго опять-таки онъ не даетъ намъ никакого объясненія. *Третій актъ* состоитъ въ появленіи фигуры; этотъ актъ Гартманъ объясняетъ намъ посредствомъ естественной причины, утверждая, что эта фигура—самъ медіумъ. *Итакъ, Гартманъ объясняетъ намъ явленіе естественное съ помощью двухъ явленій сверхестественныхъ.* Едва ли какая-нибудь критика одобритъ такой способъ толкованія. Поэтому, съ своей стороны, я позволю себѣ утверждать, что доколѣ Гартманъ не представитъ намъ простого и естественнаго объясненія для первыхъ двухъ актовъ даинаго опыта, дотолѣ его естественное объясненіе третьяго акта, съ точки зрѣнія его собственной логики, несостоятельно.

Во время этого фотографическаго опыта произошелъ еще слѣдующій любопытный фактъ: „Къ концу первой половины сеанса Кэти сказала, что ея сила уходитъ, что она просто таетъ. И дѣйствительно, проникшій въ кабинетъ свѣтъ разрушалъ, повидимому, нижнюю часть фигуры и она опустилась внизъ такъ, что затылокъ касался пола, отъ тѣла же ничего не оставалось. Ея послѣднія слова были, чтобы мы пѣли и сидѣли смирно нѣсколько минутъ. Это было исполнено и Кэти скоро явилась опять въ томъ же видѣ, какъ прежде, вслѣдъ затѣмъ была снята еще одна фотографія. Луксморъ, съ своей стороны, свидѣтельствуетъ, что „вскорѣ послѣ снятія одной изъ фотографій, Кэти, раздвинувъ занавѣску, сказала, чтобы мы посмотрѣли на нее, при чемъ оказалось, что все ея тѣло исчезло. Видъ ея былъ самый странный: она, какъ будто, держалась только на шеѣ, голова была у самаго пола, бѣлое же платье ея лежало на полу, подъ нею“. Еслибы фигура Кэти не была фотографирована на этомъ сеансѣ нѣсколько разъ, до и послѣ этой дематеріализаціи воочію, то Гартманъ, разумѣется, воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы увидать въ немъ отличное подтвержденіе своей гипотезы, что явленіе Кэти было тутъ ничто иное какъ галлюцинація. Но такъ какъ Кэти была фотографирована,—значитъ она не была галлюцинаціей, а только ея дематеріализація была временною галлюцинаціей; такимъ образомъ для одного и того

же явленія мы имѣемъ два совершенно противоположныхъ объясненія: въ данный моментъ это медіумъ, въ слѣдующій моментъ это галлюцинація! Но кѣмъ же эта галлюцинація произведена? Самимъ медіумомъ! И такъ медіумъ, возвратившись въ кабинетъ, имѣвшій только тридцать семь дюймовъ въ длину и двадцать одинъ дюймъ въ ширину, въ мгновеніе ока мѣняетъ свой туалетъ, облекается въ свой суконный ватерпруфъ, входитъ въ свои завязки, бросаетъ свое бѣлое платье на полъ (платье реальное, такъ какъ оно было фотографировано) и надъ этимъ платьемъ заставляетъ видѣть галлюцинацію своей головы! Гдѣ цѣли и смыслъ подобнаго дивертисмента? Вотъ настоящій случай для фотографіи... Но это въ далекомъ будущемъ.

Мы имѣли въ этихъ обѣихъ рубрикахъ два рода опытовъ, которые пополняли другъ друга: фотографія невидимой фигуры подтверждалась фотографіей той же фигуры, становившейся видимой, и обратно. Такимъ образомъ трансцендентальная фотографія служила доказательствомъ подлинности явленія, воспроизводимаго обыкновенной фотографіей. Эти факты, достаточно убѣдительные по себѣ, не отвѣчаютъ однако условіямъ, требуемымъ Гартманомъ, и мы перейдемъ теперь къ рубрикѣ, гдѣ встрѣтимся съ условіями, которыя уже весьма удовлетворительны для обыкновенныхъ смертныхъ, но все еще не для д-ра Гартмана.

III) Фотографированіе матеріализованной фигуры въ то время, когда фигура и медіумъ видимы одновременно.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ намъ представляется второй опытъ Гаррисона, происходившій пять дней спустя послѣ перваго, т. е. 12 мая 1873 года, также при магнезіальномъ свѣтѣ и на которомъ было снято четыре фотографіи Кэти; всѣ тѣ-же мѣры предосторожности были повторены, но съ тѣмъ существеннымъ дополненіемъ, что въ то время, когда Кэти была фотографирована, медіумъ былъ на виду. Вотъ заявленіе о томъ:

„Мы нижеподписавшіеся желаемъ опять засвидѣтельствовать, что на сеансѣ миссъ Кукъ, бывшемъ 11 мая, Кэти выходила изъ кабинета при тѣхъ же доказательныхъ условіяхъ обыскиванія и завязыванія медіума, какъ на сеансѣ 7 мая,

но съ тѣмъ добавленіемъ, что миссъ Корнеръ, сидѣвшая влѣво отъ кабинета подъ такимъ угломъ, что могла удобно видѣть все происходившее внутри его, заявила, что видитъ одновременно миссъ Кукъ и Кэти; положеніе же всѣхъ остальныхъ присутствующихъ не позволяло имъ видѣть происходившее внутри. Было бы, пожалуй, безполезнымъ дѣлать вторичное заявленіе относительно нашихъ фотографическихъ опытовъ при тѣхъ же доказательныхъ условіяхъ, еслибъ не прибавился тотъ фактъ, что миссъ Кукъ и Кэти были видимы одновременно.

Amelia Corner, 3, St. Thomas's-square, Hackney.

Caroline Corner, 3, St. Thomas's-square, Hackney.

J. C. Luxmore, 16, Gloucester-square, Hyde-parc.

William H. Harrison. Chaucer-road, Herne-hill.

G. R. Tapp, 18 Queen Margaret's grove, Mildmay-parc, London, N".

(„Спиритуалистъ" 1873 г., стр. 117).

По правдѣ сказать, подобное же заявленіе могло бы быть сдѣлано и относительно перваго опыта г-мъ Луксморомъ, который точно также сидѣлъ тогда возлѣ самаго кабинета, гдѣ находился медіумъ, такъ что, когда Кэти раздвигала занавѣски и показывалась для фотографированія, Луксморъ могъ видѣть медіума, и только его крайняя добросовѣстность не позволила ему заявить объ этомъ, какъ это видно изъ нѣсколькихъ словъ его, произнесенныхъ на митингѣ въ октябрѣ 1873 г., въ Гауеръ-стритѣ, когда рѣчь зашла объ этомъ фотографическомъ сеансѣ (см. „Спиритуалистъ" 1873 г., стр. 361).

Самыя же положительныя фотографическія доказательства, относящіяся до этой рубрики, безъ сомнѣнія тѣ, которыя мы имѣемъ въ опытахъ г. Крукса. При внимательномъ ихъ изученіи нельзя не подивиться поверхностному отношенію Гартмана къ этимъ опытамъ, устанавливающимъ фактъ матеріализаціи внѣ всякаго сомнѣнія. Что можетъ быть страннѣе слѣдующихъ словъ его: „Къ сожалѣнію, Круксъ въ опытахъ съ миссъ Кукъ не сохранилъ той степени критической обдуманности, которую можно ожидать отъ научнаго изслѣдователя; онъ считаетъ достаточнымъ гальваническое связываніе медіума, и

не различалъ образованія отдѣльной фигуры отъ трансфигураціи, а также не принималъ въ расчетъ вліянія передачи галлюцинацій и ихъ значенія по отношенію къ появленію воображаемой фигуры“ (стр. 22 и 23). Такъ какъ далѣе я уже не буду имѣть случая говорить объ этихъ опытахъ Крукса, значеніе которыхъ Гартманъ старается умалить, то я долженъ сказать здѣсь о нихъ нѣсколько словъ.

Приведенныя мною строки Гартмана содержатъ два обвиненія противъ Крукса:

1) Первая его ошибка состоитъ въ томъ, что онъ считалъ связываніе медіума гальваническимъ токомъ вполнѣ достаточнымъ.

2) Вторая его ошибка состоитъ въ томъ, что онъ не сумѣлъ различить матеріализованной фигуры отъ трансфигураціи медіума.

Первое обвиненіе, для котораго, очевидно, требуется представить какое-нибудь основаніе, поясняется Гартманомъ въ слѣдующей замѣткѣ: „Связываніе посредствомъ прикосновенія къ электродамъ, какъ употребляли его Круксъ и Варлей при сеансахъ для физическихъ явленій съ г-жею Фай, можетъ считаться достаточнымъ обезпеченіемъ, но нельзя признавать таковымъ прикрѣпленіе къ рукамъ, посредствомъ резины, монетъ и мокрой бумаги, которыя могутъ быть сдвинуты назадъ или наверхъ и не помѣшаютъ медіуму выступить“ („Psych. Studien“ 1. S. 341—346). Стр. 22.—Послѣднія три строчки этой замѣтки относятся именно къ опытамъ Крукса и Варлея съ миссъ Кукъ, когда она была введена въ гальваническій токъ. И такъ, какими-нибудь тремя строчками Гартманъ думаетъ опрокинуть все значеніе опытовъ, произведенныхъ съ величайшимъ тщаніемъ двумя столь именитыми физиками, какъ Круксъ и Варлей! Посмотримъ же, насколько факты оправдываютъ Гартмана.

Достаточно прочитать эти три строчки, чтобы убѣдиться, что Гартманъ *не понялъ ни смысла, ни значенія опыта*, о которомъ идетъ рѣчь. Для вполнѣ яснаго пониманія постановки этого опыта, столь же важнаго, сколь и остроумнаго, я дол-

женъ просить читателя познакомиться со всѣми его подробностями въ статьѣ Варлея, напечатанной въ „Psych. Studien“ 1874 г., стр. 341—349 [1]). Но для тѣхъ, которые не имѣютъ этой возможности, я долженъ дать здѣсь вкратцѣ его описаніе по возможности въ словахъ самого Варлея.

Чтобъ разрѣшить воиросъ — находится ли миссъ Кукъ внутри кабинета въ то время, когда Кэти находится внѣ его, г. Варлею [2]) пришла мысль пропустить слабый электрическій токъ черезъ тѣло медіума въ продолженіи всего времени, покуда фигура находится на виду, а результаты наблюдать посредствомъ указаній отражательнаго гальванометра, находящагося въ комнатѣ...

„Опытъ, о которомъ идетъ рѣчь, происходилъ въ домѣ мирового судьи Луксмора въ Лондонѣ. Задняя гостиная была отдѣлена отъ передней посредствомъ тяжелой занавѣски, и имѣла цѣлью служить темнымъ кабинетомъ. Комната была осмотрѣна до начала сеанса и затѣмъ двери въ нее заперты. Передняя гостиная освѣщалась лампой за экраномъ. Гальванометръ былъ поставленъ на каминъ въ разстояніи отъ десяти до одиннадцати футовъ отъ занавѣски. Присутствовали: г. Луксморъ, г. Круксъ, г-жа Круксъ, г-жа Кукъ съ дочерью, г. Таппъ, г. Гаррисонъ и я (Варлей).

„Миссъ Кукъ посадили въ кресло въ задней гостиной; два золотыхъ съ припаянными къ нимъ платиновыми проволоками были прикрѣплены посредствомъ резины къ рукамъ медіума немного выше запястья. Между монетами и тѣломъ была положена тройная простилка изъ толстой бѣлой пропускной бумаги, смоченной растворомъ азотно-кислаго аммонія. Платиновыя проволоки были проведены вдоль рукъ до самыхъ плечъ и прикрѣплены къ рукамъ тесемками, такъ что движеніе рукъ оставалось свободнымъ. Къ каждой платиновой проволокѣ была

---

[1]) На русскомъ языкѣ она помѣщена въ только что появившейся книгѣ г. Петрова: „Медіумическія Матеріализаціи“. Спб. 1891 г.

[2]) К. Ф. Варлей извѣстный англійскій физикъ, особенно по части проложенія электрическихъ кабелей; членъ Лондонскаго Королевскаго общества и другихъ.

прикрѣплена тонкая, обвитая бумажной ниткой, мѣдная проволока, которая была выведена въ переднюю гостиную, гдѣ находились присутствовавшіе. Проволоки были соединены съ двумя элементами Даніеля и провѣрочнымъ кабельнымъ аппаратомъ. Когда все было готово, занавѣски были опущены, медіумъ (миссъ Кукъ) остался въ темнотѣ и слабый электрическій токъ проходилъ чрезъ его тѣло во все время сеанса... Токъ протекалъ изъ обоихъ элементовъ чрезъ гальванометръ, чрезъ элементы сопротивленія, чрезъ миссъ Кукъ и затѣмъ обратно къ батареѣ".

Прежде чѣмъ миссъ Кукъ была введена въ токъ, при соединеніи золотыхъ, образовавшихъ полюсы батареи, гальванометръ давалъ отклоненіе въ 300 дѣленій.

Послѣ того какъ миссъ Кукъ была введена въ токъ и когда золотые были прикрѣплены къ ея рукамъ нѣсколько выше запястья, гальванометръ указалъ только 220 дѣленій.

Итакъ тѣло медіума, введеннаго въ токъ, представляло сопротивленіе электрическому току равное 80 дѣленіямъ скалы.

Весь смыслъ этого опыта основанъ именно на сопротивленіи, оказываемомъ тѣломъ медіума электрическому току.

Малѣйшее измѣненіе въ мѣстѣ нахожденія полюсовъ батареи, прикрѣпленныхъ къ рукамъ миссъ Кукъ эластическими повязками, неизбѣжно произвело бы измѣненіе въ величинѣ сопротивленія, представляемаго тѣломъ медіума.

При этихъ-то условіяхъ фигура Кэти явилась нѣсколько разъ въ разрѣзѣ занавѣски, нѣсколько разъ показала свои обѣ руки, обнаженныя до локтя, спросила бумаги, карандашъ и писала въ виду присутствовавшихъ.

По мнѣнію Гартмана, это было продѣлано самимъ медіумомъ, причемъ „монеты и мокрая бумага могли быть сдвинуты назадъ или наверхъ и не помѣшать медіуму выступить" (стр. 22).

Еслибъ монеты вмѣстѣ съ мокрой бумагой были сдвинуты назадъ до самыхъ плечъ, чтобы обнажить обѣ руки медіума, то пространство, пробѣгаемое электрическимъ токомъ, сократилось бы, по крайней мѣрѣ, на половину, и, слѣдовательно, со-

иротивленіе, оказываемое тѣломъ медіума, также сократилось бы на половину, т. е. на 40 дѣленій *и гальванометръ поднялся бы съ 220 на 260 дѣленій.* Вмѣсто этого мы видимъ *совершенно противоположное:* съ самаго начала сеанса не только не было никакого увеличенія въ отклоненіи, но напротивъ, уменьшеніе, которое продолжалось до окончанія сеанса и было вызвано высыханіемъ смоченной бумаги; это обстоятельство только увеличило сопротивленіе электрическому току, и произвело уменьшеніе въ отклоненіи гальванометра съ 220 на 146.

Если-бы одинъ изъ золотыхъ былъ „сдвинутъ назадъ“ хотя бы только на одинъ дюймъ, то гальванометръ уже поднялся бы, и попытка медіума была бы изобличена; но, какъ я уже сказалъ, гальванометръ въ продолженіи всего сеанса *только опускался.*

И такъ доказано абсолютнымъ образомъ, что монеты, прикрѣпленныя къ рукамъ медіума, не сдвинулись ни на одну линію и что руки, появлявшіяся и писавшія, не были руками медіума; и что, слѣдовательно, связываніе посредствомъ гальваническаго тока для доказательства присутствія медіума позади занавѣски, есть методъ абсолютно вѣрный; предложенное же г. Гартманомъ объясненіе для доказательства недостаточности этого способа связыванія обличаетъ только недостаточное пониманіе экспериментальнаго метода, о которомъ идетъ рѣчь.

Помимо этой капитальной ошибки со стороны Гартмана, проистекавшей отъ незнанія физическаго принципа, лежавшаго въ основаніи опыта, нельзя не удивляться тому, что Гартманъ нисколько не проникся всею тонкостью опыта, не смотря на разъясненія, помѣщенныя въ отчетѣ, напечатанномъ въ „Psych. St.“; изъ нихъ ясно, что съ помощью употребленнаго метода имѣлась въ виду возможность не только констатировать неповрежденность аппарата, прилаженнаго къ рукамъ медіума, *но даже всякое движеніе этихъ рукъ при неповрежденности аппарата.* Измѣненія въ электрическомъ токѣ, проходившемъ черезъ тѣло медіума, были указаны посредствомъ отражательнаго гальванометра—инструмента столь чувствительнаго, что самый слабый электрическій токъ, переданный атлантическимъ

кабелемъ, на разстояніи 3000 миль, оказалъ бы на него дѣйствіе. *Малѣйшее движеніе медіума*, сидѣвшаго за занавѣской, вызвало бы и движеніе въ гальванометрѣ. Это было провѣрено до начала сеанса, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста упомянутой статьи Варлея, гдѣ всѣ движенія гальванометра во все продолженіе опыта изображены въ цифрахъ минута за минутой: „Прежде чѣмъ медіумъ впалъ въ трансъ, ему было предложено сдѣлать руками круговыя движенія; измѣненіе величины металлической поверхности въ дѣйствительномъ соприкосновеніи съ бумагой и тѣломъ вызвало отклоненіе отъ 15 до 20 дѣленій и даже болѣе; слѣдовательно, если медіумъ во время сеанса сдѣлалъ бы хотя какое-нибудь движеніе руками, то этотъ фактъ былъ бы немедленно указанъ гальванометромъ. Въ сущности миссъ Кукъ изображала собою телеграфный кабель во время электрической провѣрки“. („Psych. Stud.“ 1874 г. стр. 344).

А г. Гартманъ говоритъ намъ, „что монеты и мокрая бумага могутъ быть сдвинуты назадъ и наверхъ и не помѣшать медіуму выступить“. Чтобы продѣлать эту операцію и показать свои обѣ обнаженныя руки, медіумъ долженъ былъ бы засучить до плечъ рукава своего платья вмѣстѣ съ монетами, резинками, мокрой бумагой, платиновыми проволоками и завязками, прикрѣплявшими эти проволоки къ рукамъ. И все это не только безъ перерыва электрическаго тока, хотя бы на одну секунду („Если бы токъ былъ прерванъ хотя бы на одну десятую долю секунды, то гальванометръ покачнулся бы по крайней мѣрѣ на 200 дѣленій“. „Psych. St.“, стр. 344), но даже не вызывая никакихъ другихъ отклоненій, кромѣ тѣхъ, которыя соотвѣтствовали простому движенію рукъ!! Но и это не все: до окончанія сеанса медіумъ долженъ бы былъ, согласно объясненію Гартмана, привести въ прежнее положеніе рукава своего платья вмѣстѣ со всѣми приспособленіями; не смотря на это, мы видимъ, что въ 7 часовъ 45 м. Кэти повторила еще разъ опытъ съ писаніемъ, причемъ вся обнаженная рука ея была видна внѣ занавѣски; а въ 7 часовъ 48 м. Кэти пожала руку г. Варлея и сеансъ былъ оконченъ. Въ

эти три минуты гальванометръ далъ только ничтожныя колебанія отъ 146 до 150 дѣленій. Слѣдовательно, медіумъ не имѣлъ никакой возможности продѣлать всѣ необходимыя движенія для возстановленія своего прежняго положенія.

И еще: г. Гартманъ забываетъ, что Кэти не иначе показывалась, какъ въ своемъ бѣломъ одѣяніи, покрывающемъ голову и тѣло. Также и въ этомъ сеансѣ Кэти отодвинула занавѣску и показалась нѣсколько разъ въ своемъ обычномъ одѣяніи. По мнѣнію г. Гартмана, это было ничто иное, какъ переодѣваніе медіума, даже не смотря на то, что „платиновыя проволоки были прикрѣплены къ мѣднымъ, выведеннымъ въ освѣщенную комнату“.

Эти послѣднія возраженія неоспоримо доказываютъ, съ какимъ недостаткомъ вниманія изучалъ Гартманъ этотъ прекрасный опытъ; но, строго говоря, всѣ эти возраженія являются излишними, разъ тотъ физическій принципъ, на которомъ основанъ весь опытъ — опредѣленіе степени сопротивленія, представляемаго электрическому току тѣломъ медіума, — хорошо понятъ, и при томъ фактъ, что цифра, изображавшая величину этого сопротивленія, *ни разу не уменьшилась*.

Но есть еще фактъ, относящійся къ этой категоріи опытовъ Крукса, который еще болѣе отягчаетъ отвѣтственность Гартмана за необдуманное сужденіе, высказанное имъ о методахъ Крукса. Этотъ же самый опытъ былъ воспроизведенъ вторично однимъ Круксомъ и въ этотъ разъ въ то время, какъ медіумъ былъ введенъ въ токъ, Кэти Кингъ не только показалась, но и вышла совершенно изъ-за занавѣски. Вотъ мѣсто въ „Psych. St.“, относящееся до этого и которое Гартманъ могъ бы прочитать на той самой страницѣ, гдѣ начинается сообщеніе Варлея объ его опытѣ.

„При повтореніи этого опыта, по случаю отсутствія Варлея, самъ Круксъ руководилъ имъ. Онъ получилъ одинаковые результаты, но при этомъ такъ мало оставилъ свободной проволоки, что медіумъ, еслибъ сталъ двигаться, могъ бы показаться только у отверстія занавѣски. Кэти же выступила изъ-за занавѣски на шесть или восемь футовъ; никакихъ проволокъ на

рукахъ ея не было и за все это время показанія гальванометра были превосходныя. Кромѣ того г. Круксъ попросилъ Кэти, чтобы она опустила свои руки въ сосудъ съ растворомъ іодистаго калія, что она и сдѣлала, но это не вызвало никакихъ движеній въ стрѣлкѣ гальванометра; если-бы проволоки были гдѣ-нибудь прикрѣплены къ Кэти, то жидкость укоротила бы путь для тока и увеличила бы отклоненіе гальванометра". („Psych. St." 1874 г., стр. 342).

Г. Гаррисонъ, издатель „Спиритуалиста", присутствовавшій при этомъ опытѣ и сообщившій о немъ вышеприведенныя извѣстія въ своемъ журналѣ, послалъ, сверхъ того, въ „Медіумъ" слѣдующее письмо, просмотрѣнное Круксомъ и Варлеемъ:

„Г. редакторъ!

„Такъ какъ мнѣ недавно случилось присутствовать на нѣсколькихъ сеансахъ, на которыхъ гг. Варлей и Круксъ пропускали слабый электрическій токъ черезъ тѣло миссъ Кукъ въ продолженіи всего времени, когда она находилась въ кабинетѣ, а Кэти внѣ его — то нѣкоторые изъ присутствовавшихъ просили меня сообщить вамъ о полученныхъ результатахъ; это послужитъ, быть можетъ, къ опроверженію неприличныхъ нападковъ, коимъ подвергается хорошій и честный медіумъ. Когда Кэти выступила изъ кабинета, на ней не было никакихъ проволокъ. Покуда она находилась внѣ его, электрическій токъ не былъ прерванъ, какъ этому слѣдовало бы быть, еслибъ проволоки были сняты съ рукъ миссъ Кукъ и еслибъ концы снятыхъ проволокъ не были снова соединены. Но въ послѣднемъ случаѣ уменьшеніе электрическаго сопротивленія немедленно обнаружилось бы на указателѣ инструмента. Опыты эти доказали, что миссъ Кукъ дѣйствительно находилась внутри кабинета въ то время, когда Кэти была внѣ его. Опыты производились частью въ квартирѣ г. Луксмора, частью въ квартирѣ г. Крукса. Письмо это было показано гг. Круксу и Варлею и посылается вамъ съ ихъ согласія.

„11, Эви — Мэри — лэнъ. 17 марта 1874 г.

„Уилліамъ Г. Гаррисонъ".

(См. „Медіумъ“ 1874 г., стр. 187. „Спиритуалистъ“ 1874 г., т. I, стр. 134).

Но для Гартмана должно быть достаточно и замѣтки о томъ же изъ „Psych. Stud.“, еслибъ только онъ хотѣлъ отнестись къ дѣлу съ должнымъ вниманіемъ. Какъ будетъ онъ отстаивать въ данномъ случаѣ „недостаточность гальваническаго связыванія“? Куда теперь сдвинуты „монеты и мокрая бумага“? Не давши себѣ труда основательно изучить и понять прекрасные опыты Крукса и Варлея, Гартманъ третируетъ этихъ именитыхъ физиковъ, какъ малыхъ дѣтей, затѣявшихъ поиграть въ науку. Онъ опровергаетъ ихъ опыты первыми пришедшими въ голову объясненіями. Таковъ легкій методъ, приличествующій фельетонисту, потѣшающему публику въ ущербъ истинѣ, но не философу, коему истина дорога.

По поводу этихъ опытовъ съ гальваническимъ токомъ, я долженъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ методѣ изслѣдованія тѣлесности матеріализаціи а, стало быть, и доказательства ея реально-объективнаго характера. Этотъ методъ былъ также предложенъ Варлеемъ Круксу, который и приложилъ его къ дѣлу. Остается только сожалѣть, что мы имѣемъ о немъ лишь нѣсколько слѣдующихъ словъ Гаррисона:

„Противоположные полюсы батареи соединяются съ двумя сосудами, наполненными ртутью, а затѣмъ гальванометръ и медіумъ вводятся въ токъ; когда Кэти Кингъ опустила свои пальцы въ эти сосуды со ртутью, то электрическое сопротивленіе не уменьшилось и токъ нисколько не усилился; но когда миссъ Кукъ вышла изъ кабинета и опустила свои пальцы въ ртуть, это произвело сильное отклоненіе гальванометрическаго указателя. Кэти Кингъ представляла въ пять разъ болѣе сопротивленія протеканію электрическаго тока, чѣмъ миссъ Кукъ“ („Спиритуалистъ“ 1876 г., т. I, стр. 176). Изъ этого опыта мы можемъ, слѣдовательно, заключить, что электрическая проводимость человѣческаго тѣла въ пять разъ больше, чѣмъ проводимость человѣческаго тѣла матеріализованіаго.

По поводу упомянутыхъ опытовъ Варлея и Крукса и ихъ критики г. Гартманомъ, я долженъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе и прибавить нѣсколько страничекъ къ изданнымъ мною давно тому назадъ „Разоблаченіямъ“ [1]). Дѣло въ томъ, что подобный опытъ заключенія медіума въ гальваническій токъ былъ произведенъ здѣсь профессоромъ Вагіеромъ, въ 1875 г., съ медіумомъ Бредифомъ, и описанъ имъ въ его статьѣ „Медіумизмъ“, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ 1875 г. Въ „Матеріалахъ для сужденія о спиритизмѣ“, изданныхъ профес. Менделѣевымъ, этотъ опытъ критикуется г. Боргманомъ, а вмѣстѣ съ симъ критикуются и опыты Крукса въ этомъ родѣ, но столь невѣжественно, что невозможно, при представляющемся случаѣ, умолчать. Если не ошибаюсь, г. Боргманъ—физикъ; но такъ какъ дѣло касается спиритизма, то онъ и позволяетъ себѣ говорить всякій вздоръ, въ полной увѣренности, что никто изъ собратовъ не подыметъ на него руки, чтобъ обличить его въ невѣжествѣ. Въ моихъ „Разоблаченіяхъ“ я не коснулся этой части „Матеріаловъ“, потому что она не имѣла прямого отношенія къ разоблачавшимся мною дѣйствіямъ комиссіи. Но здѣсь кстати, послѣ критики философа, разоблачить критику физика, которая окажется такого же достоинства. Чтобы не быть голословнымъ, я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности и цитировать доподлинно. Вотъ прежде всего слова г. Боргмана:

„Въ опытахъ г. Крукса особенно неубѣдителенъ этотъ способъ. Крукъ прилагаетъ этотъ способъ при явленіяхъ матеріализаціи, въ присутствіи одного медіума, какой-то дѣвицы, т.-е. при появленіи въ присутствіи ея, конечно, въ темнотѣ, человѣческой фигуры. Медіумъ этотъ былъ не спящій, какъ Бредифъ, не засыпалъ во время „транса“, во время совершенія медіумическихъ явленій, а потому г. Крукъ не считалъ нужнымъ даже прибинтовывать рукоятки къ рукамъ медіума, онъ просто давалъ ему держать ихъ. Далѣе онъ ни слова не сообщаетъ

---

[1]) „Разоблаченія. Исторія медіумической комиссіи Физическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ“. *А. Аксаковъ*. Спб. 1883 г.

о томъ, чтобы проволоки, идущія отъ рукоятки къ батареѣ и гальванометру, были неподвижно прикрѣплены къ бокамъ кресла, на которомъ долженъ былъ сидѣть медіумъ, и тѣмъ самымъ рукоятки сдѣланы были бы мало свободными; по всей вѣроятности и не было сдѣлано этого закрѣпленія. Такимъ образомъ медіумъ совершенно свободно могъ переложить рукоятки изъ руки въ ротъ, освободить такимъ манеромъ одну руку, слазить въ карманъ, замѣнить затѣмъ свое тѣло шнуркомъ или чѣмъ-нибудь другимъ и имѣть тогда возможность „матеріализоваться“ въ образѣ загробнаго духа. Зачѣмъ служило опредѣленіе сопротивленія тѣла медіума въ опытахъ г. Крукса — понять мудрено... Кто же мѣшаетъ медіуму, если только онъ понимаетъ, въ чемъ дѣло, а попять это не хитро... заранѣе подыскать шнурокъ, котораго сопротивленіе приблизительно равнялось бы сопротивленію тѣла?.. Вотъ почему способъ г. Крукса я счелъ за вполнѣ неубѣдительный“ („Матеріалы“, стр. 240—241).

Прежде всего видно, что самъ г. Боргманъ не знаетъ, о чемъ онъ говоритъ. Изъ того, что „медіумъ былъ не спящій“, надо предположить, что рѣчь идетъ объ опытѣ Крукса съ г-жею Фай; между тѣмъ г. Боргманъ говоритъ, что этотъ медіумъ „какая-то дѣвица“; очевидно, онъ слышалъ что-то про дѣвицу Кукъ и перепуталъ.

Далѣе г. Боргманъ говоритъ, что способъ этотъ прилагался Круксомъ „при явленіяхъ матеріализаціи“; но этотъ способъ былъ приложенъ къ такимъ явленіямъ и описанъ Варлеемъ, а не Круксомъ, и медіумомъ для такихъ явленій была миссъ Кукъ, а не г-жа Фай, и къ тому же медіумомъ спящимъ. Полная путаница. Объ опытахъ Варлея было сказано мною выше.

Единственное же описаніе опытовъ подобнаго рода, принадлежащее Круксу, относится къ его опытамъ съ г-жею Фай, со спеціальною цѣлью наблюденія движеній неодушевленныхъ предметовъ, а не матеріализаціи.

Тутъ же г. Боргманъ говоритъ, что такой способъ употреблялся Круксомъ „при появленіи въ присутствіи медіума-дѣвицы, конечно, въ темнотѣ, человѣческой фигуры“. Но темноты

не было ни при опытахъ съ миссъ Кукъ, ии при опытахъ съ г-жею Фай.

Теперь вникнемъ въ опытъ по существу. Скажу для поясненія, что онъ происходилъ на квартирѣ Крукса; его библіотека служила темнымъ помѣщеніемъ для медіума Mrs. Fay; рядомъ, въ его лабораторіи, помѣщались всѣ присутствовавшіе при опытѣ. Дверь между лабораторіей и библіотекой была замѣнена драпировкой. Гальваническій снарядъ съ указателемъ помѣщался въ лабораторіи, у стѣны, отдѣлявшей лабораторію отъ библіотеки, и сквозь эту стѣну были пропущены въ библіотеку концы двухъ короткихъ толстыхъ проволокъ и припаяны къ двумъ мѣднымъ, обтянутымъ полотномъ рукояткамъ со стороны библіотеки, гдѣ г-жа Фай и должна была помочить свои руки въ соленую воду и затѣмъ уже взяться за рукоятки; при этомъ я всегда находилъ, что, благодаря большой поверхности, соприкасающейся съ руками, величина отклоненія была очень постоянна. Когда она схватывала рукоятки, точная величина отклоненія, вызванная сопротивленіемъ ея тѣла, указывалась гальванометромъ; если бы она соединила рукоятки вмѣстѣ, то отклоненіе было бы такъ велико, что свѣтовой указатель стремительно соскочилъ бы со скалы; если бы она на мгновеніе отняла руку отъ рукоятки, свѣтовой лучъ упалъ бы на нуль; если бы она стала пробовать замѣнять свое тѣло чѣмъ-нибудь соединяющимъ обѣ рукоятки, то всякое движеніе ея рукъ, во время такой попытки, вызвало бы большія колебанія свѣтоваго указателя, которыя немедленно выдали бы ее, послѣ чего возможность возстановить прежнее отклоненіе была бы безконечно мала.

„На сеансѣ, происходившемъ 19 февраля 1875 года, приглашенные мною знакомые осмотрѣли устройство, при этомъ двое изъ нихъ, весьма извѣстные члены Королевскаго Общества, пробовали, что возможно было сдѣлать посредствомъ соединенія обѣихъ рукоятокъ смоченнымъ платкомъ. Послѣ многихъ старательныхъ приспособленій, причемъ они каждый разъ должны были спрашивать меня о величинѣ отклоненія на гальванометрѣ, имъ удалось, наконецъ, получить сопротивленіе,

равное сопротивленію человѣческаго тѣла; но достичь этого было невозможно безъ сообщенія указаній, получаемыхъ на гальванометрѣ въ другой комнатѣ, и кромѣ того, во все время, сильныя колебанія свѣтоваго луча показывали, что по ту сторону пытались замѣнить данное сопротивленіе какимъ-нибудь другимъ способомъ. И наконецъ, чтобы устранить и этотъ, едва-ли возможный источникъ ошибки, мѣдныя рукоятки были прибиты на столько далеко одна отъ другой, что пріятели мои выразили свое полное убѣжденіе, что повтореніе подобныхъ попытокъ съ платкомъ невозможно... Рукоятки были прибиты такъ, что г-жа Фаї не могла бы двинуть ихъ, хотя бы на одинъ дюймъ, ни направо, ни налѣво.

„Тогда попросили г-жу Фаї войти въ библіотеку; она сѣла на стулъ противъ рукоятокъ, и горѣвшій въ библіотекѣ газъ былъ иотушенъ, за исключеніемъ одного рожка, пущеннаго низко. Мы попросили ее смочить свои руки въ соляномъ растворѣ и взяться за рукоятки. Она сдѣлала это, и тотчасъ получилось на скалѣ гальванометра отклоненіе, равнявшееся сопротивленію ея тѣла; мы тогда вышли изъ библіотеки и вошли въ лабораторію, которая была на столько освѣщена газомъ, что мы могли все видѣть отчетливо“. („Спиритуалистъ“, 1875, т. I, стр. 126, 127).

Сеансъ продолжался всего десять минутъ. Колебанія гальванометра за это время были самыя ничтожныя, между 208 и 215°. Тотчасъ послѣ начала сеанса показалась изъ-за занавѣски рука, въ трехъ футахъ отъ рукоятки, и стала подавать присутствующимъ, каждому по его спеціальности, книги съ полокъ библіотеки, а также и разныя другія вещи, находившіяся на такомъ разстояніи отъ г-жи Фай, что она никоимъ образомъ не могла достать ихъ съ своего мѣста. Объ остальномъ я умалчиваю, такъ какъ рѣчь теперь не о явленіяхъ, а объ критикѣ г. Боргмана. Интересующіеся могутъ найти подробное описаніе подобнаго же сеанса у г. Крукса, только не имъ самимъ написанное, въ „Ребусѣ“ 1887 г., № 48.

Теперь обратимся къ г. Боргману. Не краснѣетъ ли онъ за свою критику? Гдѣ его „медіумъ-дѣвица“, гдѣ его „явленія

матеріализаціи“, гдѣ его „темнота“, гдѣ его „неприкрѣпленныя рукоятки“, гдѣ его „кресло“, къ бокамъ котораго проволоки должно было прикрѣпить?“ Какимъ образомъ его медіумъ „совершенно свободно переложитъ рукоятку изъ руки въ ротъ и слазитъ въ карманъ, и стрѣлка на гальванометрѣ не отклонится?“ И какимъ образомъ его медіумъ, съ такимъ же удивительнымъ результатомъ, замѣнитъ свое тѣло шнуркомъ, не зная, что показываетъ гальванометръ? Гдѣ та физическая лабораторія, гдѣ его медіумъ-дѣвица могла научиться „понимать въ чемъ дѣло“ и, при помощи такого же гальваническаго снаряда, упражняться въ приспособленія своего шнурка? Видно, однако, „дѣло“ не такъ просто, если г. Боргманъ, присяжный физикъ, иронически восклицаетъ: „Зачѣмъ служило опредѣленіе сопротивленія тѣла медіума въ опытахъ Крукса— попять мудрено. Неужели такое опредѣленіе представляетъ собою какой-нибудь контроль!“

Изъ сказаннаге одно несомнѣнно ясно и вѣрно, это — что г. Боргманъ даже не читалъ сдѣланнаго Круксомъ описанія своего опыта. Слышалъ кое-что и пустился критиковать, и съ какой надменностью и самоувѣренностью! Гдѣ-же это видано въ наукѣ, представителемъ которой г. Боргманъ себя, вѣроятно, почитаетъ? Да онъ и не посмѣлъ бы этого сдѣлать, если-бъ дѣло не касалось спиритизма и статья его не предназначалась для „Матеріаловъ“, которыхъ ни одинъ человѣкъ науки и не читаетъ.

Среди всякаго вздора и вранья, которые мнѣ пришлось „разоблачать“ въ этихъ „Матеріалахъ“, статья г. Боргмана является перломъ первой величины; и вотъ только теперь, спустя 15 лѣтъ, мнѣ довелось вставить его въ подобающую оправу.

Покончивъ съ этимъ, возвратимся къ критикѣ Гартмана, къ его второму обвиненію противъ Крукса. Оно состоптъ въ томъ, что Круксъ не съумѣлъ „различить образованіе отдѣльной фигуры отъ трансфигураціи“, и что онъ не принялъ въ расчетъ „вліянія внушенныхъ галлюцинацій при явленіи во-

ображаемой фигуры“ (стр. 22). Посмотримъ теперь на аргументацію и на методъ г. Крукса. Чтобы признать отдѣльность фигуры Кэти Кингъ, онъ прежде всего устанавливаетъ въ принципѣ необходимость абсолютнаго доказательства; это доказательство должно состоять въ томъ фактѣ, чтобы медіумъ и матеріализованная фигура были видимы одновременно. Вотъ собственныя слова Крукса:

„Между всѣми аргументами, приводимыми съ обѣихъ сторонъ относительно медіумизма миссъ Кукъ, я вижу очень мало фактовъ, засвидѣтельствованныхъ такимъ образомъ, чтобы непредубѣжденный читатель могъ сказать, — вотъ, наконецъ, абсолютное доказательство; никто не заявилъ положительно, основываясь на свидѣтельствѣ своихъ собственныхъ чувствъ, что въ то время, когда фигура, называющая себя Кэти, видима въ комнатѣ — тѣло миссъ Кукъ находится или не находится въ кабинетѣ. Мнѣ кажется, что весь вопросъ сводится къ этой простой альтернативѣ: пусть будетъ доказано, что то, либо другое — фактъ, и всѣ прочіе побочные вопросы могутъ быть пока отложены; но доказательство должно *быть абсолютнымъ*, не основаннымъ на умозаключеніяхъ или на предполагаемой цѣлости печати, узловъ и завязовъ“. (Psych. St. 1874 г., стр. 290.)

Кажется, трудно усмотрѣть въ принципіальной постановкѣ этого доказательства недостатокъ критической осмотрительности со стороны Крукса и заключить, что онъ не принялъ необходимыхъ мѣръ предосторожности, чтобы убѣдиться, что онъ не имѣлъ дѣла лишь съ трансфигураціей медіума. Требуемое имъ абсолютное доказательство направлено именно противъ этой возможности.

Два мѣсяца спустя г. Крукъ намъ сообщаетъ:

„Я очень радъ заявить, что я, наконецъ, получилъ то абсолютное доказательство, которое я требовалъ въ предшествующемъ письмѣ своемъ“. И вотъ какимъ образомъ онъ описываетъ это доказательство.

„Кэти сказала, что она надѣется теперь быть въ состояніи показать себя вмѣстѣ съ миссъ Кукъ. Я долженъ былъ потушить газъ и войти съ моей фосфорной лампой въ комнату,

употребляемую нынѣ вмѣсто кабинета. Такъ я и сдѣлалъ, попросивъ нанередъ одного пріятеля, искуснаго стенографа, записывать все, что я буду говорить, находясь въ кабинетѣ, понимая всю важность первыхъ внечатлѣній и не желая довѣряться одной памяти. Эти замѣтки теперь передо мною.

„Я осторожно вошелъ въ комнату, въ ней было темно, и я ощупью нашелъ миссъ Кукъ, лежавшую на иолу. Ставъ на колѣни, я впустилъ воздухъ въ лампу и при ея свѣтѣ увидалъ молодую дѣвушку, одѣтую въ черный бархатъ, какъ и до сеанса, и повидимому совершенно безчувственную; она не двинулась, когда я взялъ ее за руку и поднесъ свѣтъ вилоть къ ея лицу, но продолжала спокойно дышать. Приподнявъ лампу, я оглянулся и увидалъ Кэти, стоявшую какъ разъ позади миссъ Кукъ. Она была одѣта въ бѣлое широкое платье, какъ мы видѣли ее передъ этимъ во все продолженіе сеанса. Держа одну изъ рукъ миссъ Кукъ въ своей, и все еще на колѣняхъ, я опускалъ и подымалъ лампу такъ, чтобы освѣтить всю фигуру Кэти и чтобы вполнѣ убѣдиться, что я дѣйствительно смотрю на ту самую Кэти, которую за нѣсколько минутъ передъ этимъ держалъ въ своихъ объятіяхъ, а не фантазмъ разстроеннаго мозга. Она не говорила, но кивала головой и привѣтливо улыбалась. Въ три пріема принимался я тщательно осматривать миссъ Кукъ, лежавшую передо мной, чтобы быть увѣреннымъ, что рука, которую я держалъ, была рука живой женщины и три отдѣльныхъ раза я обращалъ свѣтъ лампы на Кэти и разсматривалъ ее съ упорнымъ вниманіемъ, покуда не осталось во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея объективной реальности. Наконецъ, миссъ Кукъ сдѣлала легкое движеніе и Кэти тотчасъ подала мнѣ знакъ, чтобы я ушелъ. Я отошелъ въ другую сторону комнаты и тогда пересталъ видѣть Кэти, но не вышелъ изъ комнаты, покуда миссъ Кукъ не проснулась и двое бывшихъ на сеансѣ не вошли съ огнемъ“. (Psych. St. 1874 г., стр. 388—89).

Такъ какъ все, выходящее изъ-подъ пера г. Крукса, драгоцѣнно для этого вопроса, то я приведу здѣсь дополнительное свидѣтельство къ этому абсолютному доказательству, находя-

щееся въ письмѣ г. Крукса къ г. Пеннелю въ отвѣтъ на его сомнѣнія, и приведенное послѣднимъ въ письмѣ своемъ, напечатанномъ въ „Спиритуалистѣ“ 1874 г., т. I, стр. 179, откуда мы его и заимствуетъ.

Вотъ это письмо:

„Во время этого опыта я слишкомъ хорошо сознавалъ все его значеніе, чтобы пренебречь какимъ-бы то ни было доказательствомъ, представлявшимся мнѣ необходимымъ для его полноты. Такъ какъ я все время держалъ одну изъ рукъ миссъ Кукъ, стоя возлѣ нея на колѣняхъ, поднося лампу вплоть къ ея лицу и наблюдая за ея дыханіемъ, то я имѣю достаточное основаніе для убѣжденія въ томъ, что я не былъ обманутъ манекеномъ или сброшеннымъ платьемъ. Что касается самоличности Кэти, то я имѣю такое же положительное убѣжденіе. Ростъ, фигура, черты, сложеніе, платье, привѣтливая улыбка— все это было то же самое, что я часто видалъ и прежде; а такъ какъ мнѣ не разъ случалось въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ стоять на разстояніи нѣсколькихъ дюймовъ отъ ея лица, при хорошемъ освѣщеніи, то внѣшность Кэти мнѣ столько же знакома, какъ и внѣшность миссъ Кукъ“.

Въ третьей статьѣ г. Крукса, напечатанной въ „Psych. St.“ 1875 г., стр. 19, онъ между прочимъ говоритъ: „Съ нѣкотораго времени Кэти дала мнѣ позволеніе дѣлать все, что я найду желательнымъ—трогать ее, входить и выходить изъ кабинета, когда мнѣ вздумается, и я часто входилъ въ кабинетъ вслѣдъ за ней, иногда видѣлъ ее и медіума вмѣстѣ, но большею частью я находилъ только медіума, лежавшаго на полу въ трансѣ, а Кэти въ своемъ бѣломъ одѣяніи моментально исчезала“.

И такъ, ясно какъ день, что въ этихъ опытахъ г. Крукса не можетъ быть и рѣчи о трансфигураціи медіума. Тѣмъ не менѣе г. Гартманъ утверждаетъ съ величайшею увѣренностью, что Круксъ не умѣлъ „различать образованіе отдѣльной фигуры отъ трансфигураціи“, т. е., что Круксъ принималъ Кэти Кингъ за „отдѣльную фигуру“, когда это было ничто иное какъ трансфигурація миссъ Кукъ! Странное утвержденіе, когда объ фигуры на лицо!

Точно также ясно, что вышеупомянутые опыты Крукса Гартманъ долженъ былъ, въ силу своихъ собственныхъ теорій, объяснить не иначе, какъ только посредствомъ галлюцинаціи. И замѣчательно, что по какой-то неизвиняемой логикѣ, Гартманъ именно Круксу нигдѣ не приписываетъ галлюцинаціи; но Гартману именно трансфигурація медіума и была въ основѣ всѣхъ явленій, которыя Круксъ принималъ за матеріализацію. Но причина этой логики, безсознательной, быть можетъ, отгадывается: г. Гартманъ вѣдь зналъ, что ему придется имѣть дѣло и съ фотографіями г. Крукса. Что вчера было еще галлюцинаціей, завтра могло сдѣлаться фотографіей, съ которой надо будетъ считаться.

Теперь возвратимся къ нашему предмету, т. е. къ доказательствамъ матеріализаціи посредствомъ фотографіи, *снятой въ то время, когда медіумъ и матеріализованная фигура на виду*. Г. Круксъ, вѣрный своему принципу „абсолютнаго доказательства“, снялъ нѣсколько фотографій Кэти именно при этихъ условіяхъ. Я приведу здѣсь въ его собственныхъ словахъ существенную часть этихъ опытовъ:

„Въ продолженіе всей послѣдней недѣли передъ своимъ окончательнымъ исчезновеніемъ, Кэти давала сеансы у меня на дому почти каждый вечеръ, чтобы доставить мнѣ возможность сфотографировать ее при искусственномъ освѣщеніи. Пять полныхъ фотографическихъ снарядовъ были изготовлены для этой цѣли... такъ чтобы не могло быть никакой помѣхи во время фотографированія, исполняемаго мною самимъ съ помощью ассистента.

„Моя библіотека служила темнымъ кабинетомъ. Дверь изъ нея отворяется въ лабораторію; вмѣсто одной ея половинки, снятой съ петель, была повѣшена занавѣска, чтобы Кэти могла свободно входить и выходить изъ кабинета. Наши знакомые, присутствовавшіе на сеансахъ, помѣщались въ лабораторіи противъ занавѣски, а камеры находились нѣсколько позади ихъ, готовыя фотографировать Кэти, когда она выйдетъ изъ кабинета, а также фотографировать и все находившееся внутри его, когда занавѣска будетъ для этой цѣли отдернута. Каждый

вечеръ было отъ трехъ до четырехъ выставокъ въ пяти камерахъ, такъ что на каждомъ сеансѣ получалось до пятнадцати различныхъ фотографій; нѣкоторыя изъ нихъ были испорчены при проявленіи, а другія при регулированіи количества свѣта. Всего я имѣю сорокъ четыре негатива, — нѣкоторые плохи, другіе посредственны, а третьи превосходны.

„Входя въ кабинетъ, миссъ Кукъ обыкновенно ложилась на полъ, клала голову на подушку и скоро впадала въ трансъ. Во время фотографическихъ сеансовъ, Кэти окутывала голову своего медіума шалью, чтобы свѣтъ не падалъ на ея лицо. Мнѣ часто случалось отдергивать занавѣску съ одного бока, когда Кэти стояла возлѣ нея, и нерѣдко всѣ семь или восемь человѣкъ, находившіеся въ лабораторіи, видѣли миссъ Кукъ и Кэти одновременно, при полномъ блескѣ электрическаго свѣта. Правда, въ этихъ случаяхъ мы не видали лица медіума, закрытаго шалью, но видѣли его руки и ноги; видѣли, какъ миссъ Кукъ безпокойно шевелилась подъ вліяніемъ сильнѣйшаго свѣта, и слышали, какъ она иногда стонала. Я имѣю одну фотографію обѣихъ вмѣстѣ, но сидящая Кэти закрываетъ собою голову миссъ Кукъ“. („Psych. St.“ 1885 г., стр. 19—21).

Итакъ вотъ „абсолютное доказательство“, требуемое Круксомъ, получено имъ и фотографическимъ путемъ: оно оправдало и подтвердило то „абсолютное доказательство“, которое онъ уже получилъ путемъ свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ. Вотъ какимъ образомъ г. Круксъ, экспериментируя съ миссъ Кукъ, не отличалъ между отдѣльною матеріализованною фигурою и трансфигураціей медіума!

Но что же говоритъ г. Гартманъ объ этихъ фотографіяхъ Крукса? Очень просто: онъ утверждаетъ съ большимъ апломбомъ, что тутъ былъ фотографированъ самъ медіумъ, нисколько не давая себѣ труда объяснить—кого же видѣли позади занавѣски въ то время, какъ фигура находилась снаружи и была фотографирована? А между тѣмъ онъ легко могъ бы отвѣтить: это была обратная галлюцинація! Въ данномъ случаѣ фотографированная фигура это—трансфигурованный медіумъ, а фигура, которую видѣли за занавѣской, лежащею на полу, и при-

нимали за медіума, это—галлюцинація, наведенная медіумомъ на присутствующихъ. Такимъ образомъ критическій методъ здѣсь употребленный, былъ бы слѣдующій: *когда нѣтъ рѣчи о фотографіи* и когда видятъ медіума и фигуру, то эта фигура — галлюцинація; *но когда рѣчь идетъ о фотографіи* и когда видятъ медіума и фотографируемую, фигуру, то галлюцинаціей становится медіумъ.

Г. Гартману слѣдовало бы пояснить, признаетъ-ли онъ подобный методъ, но онъ объ этомъ умалчиваетъ.

И это еще на все: возникаетъ другое затрудненіе. Г. Круксъ указываетъ намъ на различіе, имъ констатированное, между миссъ Кукъ и Кэти: „Ростъ Кэти мѣняется; у себя я видѣлъ ее на шесть дюймовъ выше миссъ Кукъ. Вчера вечеромъ, съ босыми ногами, она была на четыре съ половиною дюйма выше миссъ Кукъ; шея Кэти была обнажена; кожа ея была совершенно гладкая на видъ и ощупь, между тѣмъ какъ на шеѣ миссъ Кукъ большой рубецъ, который ясно видѣнъ и ощущаемъ. Уши Кэти не пропяты, между тѣмъ какъ миссъ Кукъ обыкновенно носитъ серьги. Волоса у Кэти бѣлокурые, а у миссъ Кукъ темнорусые. Пальцы Кэти значительно длиннѣе, чѣмъ у миссъ Кукъ, и лицо ея гораздо больше“ („Psych. St.“ 1874 г., стр. 389).

На это г. Гартманъ даетъ намъ категорическое объясненіе: „пока дѣло идетъ о незначительныхъ уклоненіяхъ отъ вида самого медіума (какъ, напр., въ наблюденіяхъ Крукса), то появленіе самого медіума, очевидно, составляетъ способъ, облегчающій передачу галлюцинаціи“ (стр. 120).

Въ какой мѣрѣ выраженіе „незначительное уклоненіе“ приложимо здѣсь—это мы пока оставимъ въ сторонѣ; фактъ тотъ, что, по Гартману, эти уклоненія суть галлюцинаціи, наведенныя медіумомъ на свою собственную личность. Г. Гартманъ, очевидно, забываетъ, что въ числѣ этихъ „уклоненій“ разница въ цвѣтѣ волосъ была констатирована Круксомъ матеріальнымъ и пребывающимъ способомъ, вотъ его слова: „Русые волосы миссъ Кукъ на столько темны, что кажутся черными, а лежащій предо мной локонъ Кэти—золотисто-русый; съ ея

позволенія, я самъ его отрѣзалъ отъ ея роскошныхъ косъ, добравшись сперва до самыхъ корней волосъ и убѣдившись, что они дѣйствительно тутъ росли“ („Psych. St.“ 1875 г., стр. 22).

Это стоитъ фотографіи! Гартманъ старается въ одномъ мѣстѣ ослабить подобный фактъ, закидывая такую фразу: „относительно прядей волосъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что волоса на головѣ могутъ замѣтно отличаться цвѣтомъ и оттѣнкомъ, смотря по мѣсту своего нахожденія“ (стр. 112). Но здѣсь идетъ рѣчь объ общемъ цвѣтѣ волосъ Кэти, замѣтно отличавшихся отъ волосъ медіума, и срѣзанная прядь являлась только пребывающимъ образцомъ цвѣта этихъ волосъ. По Гартману же выходитъ, что Круксъ срѣзалъ эту прядь съ головы медіума, не замѣтивъ значительной разницы въ цвѣтѣ какъ разъ этой пряди волосъ! Или, быть можетъ, галлюцинація была направлена именно противъ этой пряди подобно тому, какъ и противъ ушей, пальцевъ или рубца!

Г. Гартманъ забываетъ также, что къ числу этихъ „уклоненій“ относится и ростъ, который былъ опредѣленъ измѣреніемъ. Разница отъ 4 1/2—6 дюймовъ не бездѣлица, легко вводящая въ заблужденіе; или это измѣреніе было взято въ состояніи галлюцинаторомъ? Но вотъ затрудненіе: г. Круксъ констатировалъ это „уклоненіе“ весьма оригинальнымъ и доказательнымъ способомъ—фотографіей. Вотъ его слова:

„Одна изъ самыхъ интересныхъ фотографій та, гдѣ я стою рядомъ съ Кэти. Она босая стояла на полу на опредѣленномъ мѣстѣ. Послѣ сеанса миссъ Кукъ одѣлась какъ Кэти, и я поставилъ ее и себя точь въ точь въ ту же позу и насъ сфотографировали тѣми же камерами, поставленными совершенно такъ же и при томъ же освѣщеніи. Если эти объ фотографіи наложить одну на другую, то мои оба изображенія вполнѣ совпадаютъ относительно роста и прочаго, но Кэти на полголовы выше миссъ Кукъ и выглядитъ въ сравненіи съ нею женщиной большаго роста. Что касается до ея лица, то оно по ширинѣ своей на многихъ фотографіяхъ существенно отличается отъ лица медіума; фотографіи же указываютъ и на нѣкоторыя другія различія между ними“ („Psych. St.“ 1875 г., стр. 21—22).—

См. эту фотографію въ книгѣ г. Петрова: „Медіумическія матеріализаціи“.

Полголовы — этого „уклоненія“ кажется за глаза достаточно, чтобы служить доказательствомъ, что въ данномъ случаѣ не было „передачи галлюцинаціи“ (стр. 120). Но что же говоритъ г. Гартманъ объ этой фотографіи Крукса? Очень просто: онъ повторяетъ все одно и то же, что былъ фотографированъ никто иной какъ самъ медіумъ. Вотъ его вердиктъ въ подлинныхъ словахъ:

„Вѣрно то, что если допустить у медіумовъ способность проницать сквозь вещество, то нужно не матеріальное запираніе медіума, *а совсѣмъ другія средства*, чтобы доказать не тожественность медіума съ явленіемъ... *Всѣ тѣ случаи*, гдѣ допущеніе нетожественности медіума и явленія основывается *только на томъ*, что медіумъ былъ матеріально запертъ, должны быть отброшены какъ недоказательные *и все сдѣланное явленіемъ должно быть въ такихъ случаяхъ приписано самому медіуму*. Сюда относятся, напр., случаи, когда явленіе отрѣзываетъ прядь волосъ и раздаетъ ихъ, прохаживается съ зрителями и ведетъ съ ними разговоръ, или позволяетъ себя фотографировать“ („Psych. St. 1875 г., стр. 19, 20, 22). „Спиритизмъ“, стр. 8, 111, 112.

Сдѣланныя здѣсь Гартманомъ ссылки на „Psychische Studien“, какъ видно, относятся именно до вышеприведенныхъ мною опытовъ Крукса. Но развѣ тутъ была рѣчь о „запираніи медіума“? Развѣ доказательство нетожественности медіума съ явленіемъ основывается здѣсь на томъ, что медіумъ былъ „матеріально запертъ“? Развѣ эта нетожественность не доказана здѣсь именно „другими средствами“ („Спир.“ стр. 111—112)?

Итакъ вотъ то вниманіе, которымъ Гартманъ почтилъ опыты Крукса, относящіеся до матеріализаціи и справедливо считающіеся у спиритовъ наиболѣе авторитетными. Насъ весьма естественно, всего болѣе интересовало, какимъ образомъ философъ мыслитель, подобный Гартману, отнесется къ этимъ опытамъ. Мы имѣли твердую увѣренность, что рѣшающіе опыты (связываніе гальваническимъ токомъ и фотографированіе) бу-

дуть подвергнуты тщательной, добросовѣстной оцѣнкѣ; и когда Гартманъ, еще не приступая къ дѣлу, уже обвинилъ Крукса въ недостаткѣ „критической обдуманности“ (стр. 22), мы естественно разсчитывали, что Гартманъ представитъ намъ въ подробности тѣ доводы, на основаніи которыхъ методы Крукса не отвѣчаютъ въ его глазахъ требуемой отъ „научнаго изслѣдователя осмотрительности“. Вмѣсто того мы нашли только тамъ и сямъ десятка два строкъ общихъ произвольныхъ утвержденій, въ прямомъ противорѣчіи съ самими фактами. Такимъ образомъ читатель, недавшій себѣ труда сличить слова Гартмана съ подлинными словами Крукса, составилъ бы себѣ совершенно ложное понятіе о значеніе методовъ, употребленныхъ симъ послѣднимъ въ изслѣдованіи явленій въ высшей степени невѣроятныхъ и требующихъ, по истинѣ, величайшей осмотрительности со стороны человѣка науки, уважающаго себя и хорошо понимающаго, чему онъ подвергаетъ свою репутацію, публично заявляя о существованіи подобныхъ явленій. Когда философъ, какъ Гартманъ, обвиняетъ первокласснаго физика, какимъ безспорно считается Круксъ, въ томъ, что онъ „не сохранилъ той степени критической обдуманности, которую можно ожидать отъ научнаго изслѣдователя“ (стр. 22),—онъ обязанъ прежде всего доказать, что онъ самъ сохранилъ эту степень критической обдуманности, первое условіе которой—основательно понять и ясно изложить то, что критикуетъ. Къ моему великому сожалѣнію я вынужденъ признать, что образъ дѣйствій Гартмана относительно Крукса нельзя назвать добросовѣстнымъ, и что обвиненіе въ „недостаткѣ критической обдуманности“ падаетъ всецѣло на голову самого Гартмана!

Гдѣ искать причину такого страннаго отношенія съ его стороны? Гартманъ обвиняетъ спиритуалистовъ въ томъ, что они „руководятся въ своихъ изслѣдованіяхъ не научнымъ интересомъ, а только интересомъ сердца“ (стр. 25). Они могутъ утѣшиться: не одни они поддаются обольстительному вліянію этихъ интересовъ.

Но мы еще не кончили съ ошибочными утвержденіями

Гартмана о фотографіяхъ Крукса, хотя Гартманъ и имѣетъ осторожность не называть его. Вотъ что онъ говоритъ:

„На дѣлѣ всѣ произведенные по сіе время фотографическіе опыты надъ различными видимыми зрителямъ явленіями говорятъ иротивъ объективности послѣднихъ; во всѣхъ опытахъ, доселѣ описанныхъ, результаты оказываются отрицательными, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда былъ снимаемъ фотографически самъ медіумъ. Въ послѣднихъ случаяхъ изображеніе далеко не такъ ясно, чтобы можно было рѣшить, удалось ли снять фотографически, кромѣ медіума, и ту иллюзію, которая его облекаетъ; другими словами — полученная фотографія изображаетъ-ли дѣйствительно фантомъ, пли только одного заключеннаго въ немъ медіума“ (стр. 122).

О чемъ говоритъ здѣсь г. Гартманъ? Все это мѣсто темно. Что надо понимать подъ всѣми произведенными фотографическими опытами, результаты которыхъ *оказались отрицательными?* И о какихъ случаяхъ онъ говоритъ, составляющихъ исключеніе? Зачѣмъ онъ не указываетъ источника, на которомъ основываетъ свои утвержденія? Но такъ какъ Гартманъ, судя по источникамъ, которыми онъ пользовался и имъ цитируемыхъ въ его сочиненіи, не могъ имѣть въ виду никакихъ иныхъ *„фотографическихъ опытовъ надъ видимыми зрителямъ явленіями“*, кромѣ приведенныхъ мною въ „Psych. St.“, гдѣ помѣщены только фотографическіе опыты Крукса, то ясно, что вышеупомянутая цитата можетъ относиться только къ этимъ фотографіямъ; тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за симъ онъ говоритъ о фотографіи Крукса, „гдѣ медіумъ виденъ одновременно съ призракомъ“ (стр. 122). Изъ этого слѣдуетъ, что въ указанной цитатѣ слова: „во всѣхъ произведенныхъ доселѣ фотографическихъ опытахъ надъ видимыми зрителямъ явленіями... результаты отрицательными“ — не имѣютъ никакого смысла, ни къ чему не относятся. Такихъ „отрицательныхъ результатовъ“ не существуетъ.

Точно также трудно понять вторую половину этого самаго изрѣченія, гдѣ Гартманъ утверждаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ результаты не оказались отрицательными, „гдѣ былъ снятъ

фотографически самъ медіумъ, — изображенія далеко не такъ ясны, чтобы можно было рѣшить, удалось ли снять фотографически, кромѣ медіума, и ту иллюзію, которая его облекаетъ". Что надо понимать подъ иллюзіей, облекающей медіума? Судя по страницамъ 113, 129, надо полагать, что это — „бѣлыя вуали и ткани", и „галлюцинаторная часть платья", съ помощью которыхъ медіумъ наводитъ желаемую иллюзію. На чемъ же основывается Гартманъ, говоря, что на этихъ фотографіяхъ не видно „той иллюзіи, которая облекаетъ медіума"? Какія фотографіи онъ видѣлъ? О какихъ фотографіяхъ говоритъ онъ? Ему бы слѣдовало пояснить это. Фотографіи матеріализованныхъ фигуръ не многочисленны, и считаютъ ихъ единицами, и я не знаю такихъ, къ которымъ слова Гартмана могли бы относиться. Я могу засвидѣтельствовать, что на всѣхъ этихъ фотографіяхъ, включая сюда и фотографіи Крукса, полученныя мною въ числѣ трехъ отъ него самого — „облекающая иллюзія", о которой говоритъ Гартманъ, отлично сфотографирована, и что, слѣдовательно, „полученная фотографія дѣйствительно изображаетъ" то, что Гартманъ называетъ „фантомомъ".

Закончу эту рубрику разсказомъ о моемъ личномъ знакомствѣ съ Кэти, о которомъ въ недавно вышедшей книжкѣ „Медіумическія матеріализаціи" только вкратцѣ упомянуто на стр. 103. Это было въ 1873 г. Въ то время Круксъ уже приступилъ къ изслѣдованію медіумическихъ явленій и обнародовалъ тѣ статьи свои, которыя помѣщены въ моемъ сборникѣ „Спиритуализмъ и наука", изданномъ въ 1872 году. Но въ матеріализацію онъ еще не вѣрилъ и говорилъ, что повѣритъ только тогда, когда увидитъ одновременно и медіума и фигуру — чего, какъ мы и теперь знаемъ, онъ и достигъ. Если не ошибаюсь, Кэти Кингъ была первою матеріализовавшеюся фигурою во весь ростъ и результатъ этотъ только что былъ добытъ въ 1873 году въ частномъ, семейномъ кружкѣ г. Кука. Находясь въ тотъ годъ за границей, я проѣхалъ нарочно въ Лондонъ, чтобы собственными глазами взглянуть на это единственное въ то время явленіе. Познакомившись съ семействомъ м-ра Кука я былъ любезно приглашенъ на сеансъ, имѣвшій

быть 10/22 октября. Сеансъ происходилъ въ маленькой комнатѣ, служившей столовой; въ углу, образуемомъ выступомъ камина, была повѣшена ходившая на кольцахъ занавѣска, за которой на низкомъ стульчикѣ усѣлась миссъ Кукъ; сеансомъ заправлялъ г. Люксморъ, принимавшій въ развитіи медіумизма миссъ Кукъ съ самаго начала особенное участіе. Онъ потребовалъ, чтобы я хорошенько осмотрѣлъ все помѣщеніе и наблюдалъ, какимъ образомъ онъ будетъ связывать медіума — такъ какъ, во избѣжаніе возможныхъ подозрѣній, считалъ необходимымъ имѣть эту гарантію. Каждую руку медіума у запястья онъ обвязалъ бѣлою тесьмою довольно туго, узлы припечаталъ; затѣмъ обѣ руки связалъ тѣми же тесьмами вмѣстѣ за спиною медіума, и припечаталъ ихъ; длинный конецъ тесьмы пропустилъ сквозь скобку, привинченную къ полу у стула, на которомъ усѣлся медіумъ, и затѣмъ, пропустивъ ее подъ занавѣской въ комнату, привязалъ къ столу, у котораго онъ и сѣлъ. Такимъ образомъ медіумъ не могъ бы встать, не потянувъ тесьмы. Комнатка освѣщалась лампочкой, поставленной за книгой. Не прошло четверти часа, какъ занавѣска со стороны камина отдернулась на полъ аршина; тутъ стояла во весь ростъ человѣческая фигура въ бѣломъ одѣяніи, съ открытымъ лицомъ, но головою также укутанною чѣмъ-то бѣлымъ; одѣяніе всего болѣе походило на сорочку, изъ широкихъ рукавовъ которой виднѣлись голыя руки; — то была Кэти. Въ правой рукѣ своей она что-то держала; шепотомъ подозвала г. Люксмора и вручила ему эту вещь, для передачи мнѣ—это оказалась баночка съ вареньемъ. Общій смѣхъ! Какъ видно, наше знакомство нельзя назвать мистическимъ. Откуда эта баночка? полюбопытствовалъ я узнать. — „Изъ кухни“, былъ отвѣтъ Кэти. Объясненіе, какъ видно, было также весьма прозаическое. Хотя я сидѣлъ прямо противъ Кэти и всего въ пяти шагахъ отъ нея, но по близорукости, а отчасти полутьмѣ, не могъ ясно видѣть черты лица ея. Она вообще казалась полнѣе и выше медіума, хотя ноги были босыя; лицо и руки также казались больше, что впослѣдствіи и подтвердилось изъ наблюденій Крукса. Все время она болтала съ членами кружка, какъ бы

вполголоса, шепотомъ. Неоднократно она повторяла: „Ставьте мнѣ вопросы—толковые вопросы“.—Я спросилъ ее: „Нельзя ли отрѣзать мнѣ кусочекъ того одѣянія, въ которомъ она находится?“ Она отвѣтила, что въ этотъ разъ не можетъ, но что это было уже сдѣлано для другихъ. Тогда я спросилъ, не можетъ ли она сама показать мнѣ своего медіума? — Она отвѣтила: „Да, подойдите поскорѣе и посмотрите“. — Я тотчасъ же былъ у занавѣски, отъ которой сидѣлъ въ пяти шагахъ, и отдернулъ ее—бѣлая фигура исчезла, предо мной былъ темный уголъ и темная фигура сидящаго на стульчикѣ медіума: онъ былъ одѣтъ въ черное шелковое платье, а потому былъ видѣнъ не очень отчетливо. Только что я сѣлъ на свое мѣсто, какъ изъ-за занавѣски выглянула опять бѣлая фигура Кэти и спросила меня: „хорошо ли вы видѣли? — Я отвѣтилъ, что не совсѣмъ. „Такъ возьмите лампу и смотрите скорѣе“ — возразила Кэти. Въ одно мгновеніе я былъ уже съ лампой за занавѣской — отъ Кэти не оставалось и слѣда; предо мной былъ только сидѣвшій медіумъ, въ глубокомъ трансѣ, съ завязанными за спиною руками... Едва я сѣлъ, Кэти опять выглянула изъза занавѣски. Между тѣмъ свѣтъ, упавшій на сидящаго медіума, произвелъ свое дѣйствіе—онъ сталъ стонать и просыпаться; тутъ послѣдовалъ за занавѣской интересный разговоръ между Кэти и миссъ Кукъ, которая хотѣла окончательно придти въ себя, между тѣмъ какъ Кэти силилась опять усыпить ее, но это ей не удалось; Кэти простилась и смолкла. Вслѣдъ за тѣмъ г. Люксморъ пригласилъ меня осмотрѣть повязки и узлы на рукахъ медіума; все было въ цѣлости, и когда мнѣ же было предложено разрѣзать тесемки, я съ трудомъ могъ просунуть подъ нихъ ножницы, до того туго были руки ими обвязаны. Когда миссъ Кукъ вышла изъ своего помѣщенія, я еще разъ осмотрѣлъ его: оно имѣло всего полтора аршина ширины и поль-аршина съ небольшимъ глубины; вокругъ была каменная стѣна. Что все это не могло быть продѣлкой миссъ Кукъ—для меня было ясно. Но откуда же пришла и куда же исчезла бѣлая фигура — живая, говорящая, полу-одѣтая, словомъ—цѣлая человѣческая личность? Помню свое тогдашнее

впечатлѣніе. Какъ я ни былъ приготовленъ къ тому, что пришлось увидать, но вѣрилось съ трудомъ. И свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ, и логика заставляли вѣрить, а разумъ не вмѣщалъ. Привычка нужна и къ этому; она заставляетъ насъ думать, что понимаемъ то, къ чему привыкли.

Для человѣка неносвященнаго всего естественнѣе предположить, что роль Кэти продѣлывалась другимъ лицомъ, являющимся чрезъ искусно устроенный проходъ. Но сеансы эти не всегда происходили на квартирѣ семейства Куковъ. И мнѣ самому довелось еще разъ видѣть Кэти на сеансѣ, происходившемъ $^{16}/_{28}$ октября на дому у г. Люксмора, богатаго человѣка, бывшаго мирового судьи. Гостей было человѣкъ пятнадцать; въ ожиданіи пріѣзда миссъ Флоренсъ Кукъ мы осматривали ту комнату, которая была рядомъ съ гостиной и имѣла служить темнымъ помѣщеніемъ для медіума. Въ ней была еще другая дверь; она была при насъ заперта на замокъ г-мъ Dumphey, однимъ изъ редакторовъ газеты „Morning Post“, который и взялъ ключъ отъ него къ себѣ. Вскорѣ явилась и миссъ Флоренсъ съ родителями; она была посажена на стулъ у двери въ гостиную и опять завязана г. Люксморомъ, только нѣсколько иначе — руки отдѣльно и станъ отдѣльно; тесьма отъ стана была опять пропущена въ скобу, привинченную къ полу возлѣ кресла миссъ Кукъ, и протянута въ гостиную; узлы тесемки были опять припечатаны печатью г. Люксмора. Всѣ гости присутствовали при этой операціи, по окончаніи которой мы удалились въ гостиную, и дверная занавѣска была задернута; мы усѣлись передъ нею полукругомъ; свѣту было весьма достаточно. Вскорѣ занавѣска отдернулась на полъ-аршина, въ дверяхъ показалась Кэти въ своемъ обычномъ уборѣ и повела свои обычныя рѣчи; тесемка, лежавшая на полу, оставалась недвижима. Кэти опять требовала толковыхъ вопросовъ. Я выразилъ желаніе, чтобъ она подошла къ намъ поближе, или хоть бы на шагъ выступила въ нашу комнату, какъ это бывало на другихъ сеансахъ. Она отвѣтила, что въ этотъ вечеръ она не можетъ этого сдѣлать. Скрывшись на минуту, она появилась опять, держа въ рукахъ огромную японскую чашу,

стоявшую въ той комнатѣ, гдѣ помѣщалась миссъ Кукъ, но далеко отъ ея кресла; когда эта чаша была принята изъ рукъ Кэти, она, стоя на томъ же мѣстѣ, быстро прокружилась три раза; этими двумя дѣйствіями она, вѣроятно, хотѣла показать намъ, что руки и станъ ея свободны отъ повязокъ, и что, слѣдовательно, передъ нами не медіумъ. Сеансъ продолжался около часу, во время котораго Кэти то показывалась, то исчезала; наконецъ миссъ Кукъ стала просыпаться, опять послѣдовала ея бесѣда съ Кэти, и пр.; одинъ изъ приглашенныхъ осмотрѣлъ печати и узлы и, разрѣзавъ тесемки, взялъ ихъ съ собою.

Въ записной моей книжкѣ того времени нахожу слѣдующую замѣтку: „Долженъ сознаться, что сеансы съ миссъ Кукъ сильно меня озадачили: глаза положительно отказывались вѣрить, а разсудокъ и знаніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла, съ другой стороны, заставляли вѣрить. Тѣмъ не менѣе не могу не замѣтить, что всѣ эти завязки нисколько не внушали полнаго довѣрія и вмѣстѣ съ тѣмъ несносны и обременительны для самого медіума. Чего проще, казалось бы, чтобъ миссъ Кукъ, сидя на стулѣ своемъ, выставила наружу, за занавѣску, одну руку свою, положивъ ее хоть на другой стулъ—такъ, чтобы зритель могъ, въ одно и то же время, видѣть и руку медіума и появляющуюся фигуру; или, еще проще,—если, какъ говорятъ, никакая часть тѣла медіума не выноситъ свѣту — чтобы сама Кэти отодвинула занавѣску своей же, видимой для другихъ рукой и показывала своего медіума, хоть на минуту — какъ я просилъ ее о томъ. Говорятъ, она обѣщала, что придетъ время, котда она будетъ снята на фотографіи вмѣстѣ съ своимъ медіумомъ“.

Предсказаніе это сбылось, и никто не могъ думать тогда, что именно Круксу придется осуществить его. Какъ я сказалъ выше, онъ въ то время еще не вѣрилъ въ матеріализацію. Когда я видѣлся съ нимъ послѣ описаныхъ выше сеансовъ, онъ спросилъ меня — что я думаю объ этихъ явленіяхъ. Я отвѣтилъ ему, что долженъ считать ихъ подлинными. „Никакія завязки — возразилъ онъ — не заставятъ меня повѣрить этому явленію; настолько я уже знаю, что для дѣйствующей тутъ

силы завязки ничего не значатъ; я повѣрю только тогда, когда увижу и фигуру и медіума единовременно". Вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Лондона, произошелъ тотъ случай „изобличенія" миссъ Кукъ, который отдалъ ее въ руки Крукса. Какой-то „спиритъ", возымѣвшій сильныя подозрѣнія, порѣшилъ выяснить дѣло на чистоту, и однажды, когда фигура Кэти вышла изъ-за занавѣски, онъ схватилъ ее... тутъ произошла сумятица; но скептикъ стоялъ на томъ, что фигура, которую онъ схватилъ, была ничто иное, какъ самъ медіумъ. Тогда родители обратились къ Круксу съ просьбой взять ихъ дочь въ полное свое распоряженіе и добиться истины... И вотъ, при слѣдующемъ свиданіи моемъ съ Круксомъ въ 1875 году, онъ уже показывалъ мнѣ весь рядъ фотографій, снятыхъ имъ съ Кэти. Фототипіи двухъ подобныхъ фотографій Крукса, и двухъ изъ упомянутыхъ выше фотографій Гаррисона помѣщены въ книгѣ г. Петрова: „Медіумическія матеріализаціи".

Мы можемъ поэтому, вопреки утвержденію Гартмана (см. стр. 122), засвидѣтельствовать, что на фотографіяхъ Кэти Кингъ „облекающая медіума иллюзія была дѣйствительно фотографически воспроизведена" и „что полученныя фотографіи вполнѣ схожи съ фантомомъ", котораго я самъ два раза, а другіе такъ часто видѣли.

IV. Я перехожу теперь къ четвертой рубрикѣ — къ абсолютнымъ условіямъ, требуемымъ г. Гартманомъ, состоящимъ въ томъ, чтобы медіумъ и фигура были фотографированы одновременно на одной пластинкѣ,

На первомъ мѣстѣ я долженъ упомянуть здѣсь объ одной изъ фотографій Крукса, о которой онъ говоритъ: „У меня есть одна фотографія, гдѣ обѣ (фигура и медіумъ) сняты вмѣстѣ, но Кэти сидитъ передъ головою миссъ Кукъ" („Psych. St." 1875 г., стр. 21). Правда, что эта фотографія неудовлетворительна; я имѣлъ случай видѣть ее въ Лондонѣ въ 1866 году, въ альбомѣ матери медіума. Медіумъ лежитъ на полу; головы его, покрытой шалью, не видно; не видать и ногъ его, такъ какъ фотографія доходитъ только до колѣнъ, а посреди виднѣются неопредѣленные контуры бѣлой фигуры, сидящей на

полу. Но г. Гартманъ, который не видалъ этой фотографіи, находитъ ее неудовлетворительной по причинамъ *совершенно иным*ъ. Вотъ какимъ образомъ онъ выражается по этому поводу: „Фотографія, изготовленная Круксомъ, гдѣ медіумъ видѣнъ одновременно съ призракомъ („Ps. St.“ II, 21), подлежитъ сильному подозрѣнію: можно думать, что вмѣсто предполагаемаго призрака снятъ самъ медіумъ, а вмѣсто предполагаемаго медіума—его платье, подбитое подушкой и находящееся въ полузакрытомъ положеніи“ (стр. 122). Но что могло вызвать это сильное подозрѣніе—Гартманъ не даетъ себѣ труда пояснить. Безъ этого же объясненія никогда нельзя будетъ понять, какимъ образомъ „тѣ семь или восемь человѣкъ, которые видѣли руки и ноги медіума и то, какъ онъ безпокойно двигался подъ вліяніемъ сильнаго свѣта“ (см. „Ps. St.“ тамъ-же), въ то время, когда Кэти находилась внѣ кабинета и была неоднократно фотографирована — перестали видѣть медіума въ тотъ *единственный разъ*, когда Кэти присѣла возлѣ него, чтобы быть съ нимъ фотографированной, и что вмѣсто медіума они стали видѣть только его платье, подбитое подушкой? Надо, по крайней мѣрѣ, объяснить это, если желаешь, чтобы высказанное сильное подозрѣніе было принято во вниманіе. Но я, съ своей стороны, могу доказать всякому, для кого слово Крукса имѣетъ свою цѣну, что „подозрѣніе“ г. Гартмана ни на чемъ не основано, и что г. Круксъ, имѣя въ виду подобныя „подозрѣнія“, *вполнѣ удостовѣрился въ томъ, что въ кабинетѣ лежала не кукла*. Мы имѣемъ на этотъ счетъ его собственное свидѣтельство въ письмѣ его къ г. Дитсону (жителю г. Албани, въ Соед. Штатахъ), которое вслѣдъ за симъ и приводимъ. Первая часть этого письма служитъ дополненіемъ къ письму Крукса къ г. Пеннелю, уже цитированному выше, а вторая его часть представляетъ намъ требуемую для разбираемой фотографіи подробность.

„М. Г.

„Цитатъ, приводимый г. Пеннелемъ въ письмѣ своемъ, помѣщенномъ въ „Спиритуалистѣ“, заимствованъ буквально изъ

письма, которое я ему писалъ. Въ отвѣтъ на вашу просьбу я имѣю честь объяснить, что я видѣлъ обѣихъ—миссъ Кукъ и Кэти одновременно при свѣтѣ фосфорной лампы, совершенно достаточномъ, чтобы я могъ видѣть ясно все мною описанное. Человѣческій глазъ охватываетъ, какъ извѣстно, широкій уголъ и поэтому обѣ фигуры находились одновременно въ моемъ полѣ зрѣнія, но такъ какъ свѣтъ былъ слабый, а между лицами было всего нѣсколько футовъ разстоянія, то я естественно поворачивалъ свою лампу и глаза попеременно отъ одного лица къ другому, когда желалъ, чтобы лицо миссъ Кукъ или Кэти находилось въ наиболѣе освѣщенномъ полѣ моего зрѣнія. Послѣ того какъ помянутое здѣсь обстоятельство имѣло мѣсто, Кэти и миссъ Кукъ были видѣны вмѣстѣ мною самимъ и восемью другими лицами, въ моемъ домѣ, при полномъ блескѣ электрическаго свѣта. Въ этомъ случаѣ лица миссъ Кукъ не было видно, потому что ея голова была покрыта толстой шалью, *но я спеціально удостовѣрился въ томъ*, что она дѣйствительно *находилась тутъ*. Попытка освѣтить ея лицо, когда она въ трансѣ, сопровождалась серьезными послѣдствіями. Для васъ будетъ небезъинтересно узнать, что прежде чѣмъ Кэти разсталась съ нами, мнѣ удалось снять съ нея нѣсколько очень хорошихъ фотографій при электрическомъ свѣтѣ.

„Уилльямъ Круксъ.

„Лондонъ 28, 1874 года“.

(См. „Спиритуалистъ“, 1874 г. II, стр. 29).

Именно около этого времени, между 1872 и 1876 годами, всего болѣе занимались въ Англіи медіумической фотографіей и, если не ошибаюсь, г. Россель, о которомъ я уже говорилъ по поводу трансцендентальныхъ фотографій, былъ первый, которому удалось получить фотографію матеріализованной фигуры вмѣстѣ съ медіумомъ. У меня даже есть маленькая фотографическая карточка, изображающая медіума Ульямса съ фигурой Джона Кинга, которую я нашелъ, будучи въ Лондонѣ въ 1886 году, въ коллекціи фотографій г. Уеджвуда, одного изъ членовъ Лондонскаго Общества для психическаго изслѣ-

дованій, и которую онъ имѣлъ любезность мнѣ подарить. Карточка помѣчена 1872 годомъ. Г. Росселя нѣтъ болѣе въ живыхъ, а медіумъ Уильямсъ заявилъ мнѣ, что это дѣйствительно одна изъ фотографій Росселя, но въ журналахъ того времени никакого извѣстія объ этой фотографіи я не нашелъ. Эти опыты производились въ то время для личнаго убѣжденія и имъ не давали надлежащей огласки. Будучи въ Лондонѣ, я обратился къ г. Чамперноуну, другу покойнаго Росселя, живущему также въ Кингстонѣ, за нѣкоторыми разъясненіями, и между прочимъ онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: „Я находился вмѣстѣ съ Росселемъ въ то время, когда онъ производилъ фотографическіе опыты, и помню, что матеріализованныя фигуры были сняты очень удачно вмѣстѣ съ медіумомъ, причемъ объ фигуры выходили совершенно явственно, но что сдѣлалось съ этими фотографіями, я не знаю“ и т. д.

Такимъ образомъ я могу упомянуть объ этомъ фотографическомъ опытѣ только въ смыслѣ историческаго антецедента. Прибавлю къ свѣдѣнію, что фигура Джона Кинга на этой фотографіи представляетъ совершеннаго двойника медіума. Портретъ его, нарисованный художникомъ при дневномъ свѣтѣ, въ то время какъ медіума за занавѣской держали за обѣ руки, помѣщенный въ „*Медіумѣ*“ 1873 года, стр. 435, также напоминаетъ собою черты Уильямса, только *en beau*; на фотографіи же матеріализованнаго Джона Кинга, снятой въ 1874 году (см. „*Медіумъ*“ 1874 г., стр. 786), при магніезіальномъ свѣтѣ, въ домѣ нашего соотечественника, П. П. Грека, — сходство съ медіумомъ совершенно отсутствуетъ; типъ лица совсѣмъ иной; онъ положительно безобразенъ; г. Грекъ, проживавшій въ 1887 г. въ Москвѣ, а нынѣ умершій, къ которому я обратился за нѣкоторыми подробностями, объясняетъ это безобразіе дѣйствіемъ магнезіальнаго свѣта, что весьма возможно.

Около этого же времени происходили въ Ливерпулѣ, въ частномъ кружкѣ, совершенно необыкновенные сеансы матеріализаціи: медіумъ г. Б., котораго я видѣлъ, будучи въ Ливерпулѣ въ 1886 году, никогда не желалъ огласки, вотъ почему мы и находимъ въ англійской спиритической литературѣ

только скудныя извѣстія о его сеансахъ. Это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что въ сказанномъ кружкѣ весьма часто получались фотографіи матеріализованныхъ фигуръ, даже узнанныхъ, а иногда и вмѣстѣ съ медіумомъ. Будучи въ Лондонѣ, я видѣлъ у Бёрнса (издателя „Медіума“) нѣкоторыя изъ послѣднихъ, но то были позитивы на стеклѣ; изъ негативовъ у него былъ только одинъ, именно фотографіи, полученной въ его присутствіи на томъ единственномъ сеансѣ, на которомъ онъ находился вмѣстѣ съ своей женой; благодаря его любезности, я имѣю позитивъ этой фотографіи на бумагѣ; а такъ какъ на ней видна не только матеріализованная фигура, но и самъ медіумъ, то я и просилъ г. Бёрнса написать для меня подробный отчетъ этого сеанса, что онъ любезно и исполнилъ. Привожу здѣсь это описаніе, которое появляется въ печати впервые.

„Десять лѣтъ тому назадъ сильный медіумъ для физическихъ явленій, жившій въ Ливерпулѣ, давалъ у себя на дому частные сеансы, на которыхъ бывали весьма замѣчательныя и интересныя явленія матеріализаціи. Не смотря на совершенно частный характеръ сеансовъ, слухъ о нихъ проникъ въ общество и медіума стали осаждать просьбами о допущеніи на сеансы; люди богатые даже предлагали денежное вознагражденіе. Но медіумъ оставался непреклоннымъ и продолжалъ не допускать на сеансы никого, кромѣ близкихъ ему людей. По своему независимому характеру, онъ тщательно избѣгалъ извѣстности и это обстоятельство удерживало друзей его отъ сообщенія въ печати отчетовъ о бывавшихъ на его сеансахъ явленіяхъ. Подробности эти имѣютъ значеніе въ связи съ послѣдующимъ разсказомъ. Въ то время, когда происходили эти сеансы, медіумъ не имѣлъ никакого побужденія къ обману, ибо они не приносили ему ни денегъ, ни славы, равно и настоящая статья не принесетъ ему ничего въ этомъ отношеніи, такъ какъ онъ давно уже пересталъ интересоваться этимъ предметомъ. Такимъ образомъ явленія, о которыхъ будетъ рѣчь, имѣютъ значеніе только по своему внутреннему содержанію.

„Я былъ нѣсколько знакомъ съ медіумомъ, и полагаю, что

моя общественная дѣятельность по спиритизму возбудила въ немъ желаніе заняться этимъ вопросомъ. Одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей, покойный поэтъ м-ръ Генри Прайдъ, состоялъ членомъ этого кружка. Другой мой пріятель м-ръ В. С. Бальфуръ изъ Ливерпуля (St. John's market) также принималъ участіе въ сеансахъ. Когда м-ръ Бальфуръ пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Лондонъ, то было рѣшено, что и мы съ женою навѣстимъ кружокъ въ Ливерпулѣ. Далѣе мы уговорились, что невидимый руководитель кружка дастъ возможность проявиться одному изъ моихъ руководителей. Спустя нѣсколько времени насъ увѣдомили, что сказанному руководителю удалось проявиться, и день для нашего пріѣзда былъ назначенъ. Медіумъ былъ человѣкъ не лишенный нѣкотораго научнаго образованія; онъ изготовилъ порошокъ, который, воспламеняясь, давалъ возможность получать мгновенные фотографическіе снимки. Матеріализованныя фигуры, медіумъ и присутствующіе на сеансѣ бывали не разъ фотографированы этимъ способомъ и можно было надѣяться, что такая же фотографія получится и въ нашемъ присутствіи.

„Медіумъ жилъ въ одномъ изъ предмѣстьевъ, въ значительномъ отдаленіи отъ конторы извѣстной фирмы, дѣлами которой онъ завѣдывалъ. Обстановка его квартиры не внушала никакихъ подозрѣній относительно поддѣлки явленій. Члены кружка собирались обыкновенно нѣсколько раньше назначеннаго часа и проводили время за чаемъ въ пріятной бесѣдѣ. Хозяйка дома была особа весьма симпатичная; дѣти еще были очень маленькія, и въ семьѣ разсказывалось о томъ, какъ духи бродили по дому и даже приходили успокаивать дѣтей въ отсутствіе матери. Сеансы происходили въ маленькой комнатѣ, выходившей во дворъ и имѣвшей не болѣе двѣнадцати футовъ въ квадратѣ. Кабинетъ для медіума былъ устроенъ въ выступѣ съ наглухо заколоченнымъ окномъ; онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ полотнищъ шерстяной матеріи, повѣшенныхъ на изогнутый въ формѣ подковы желѣзный прутъ, вдѣланный въ стѣну. Въ этомъ отгороженномъ помѣщеніи было достаточно мѣста для медіума и еще для другого лица. Тутъ-то и про-

исходили матеріализаціи. Парафиновая лампа съ рефлекторомъ висѣла на противоположной стѣнѣ, около самой двери. Освѣщеніе было не особенно яркое, однако на пространствѣ всей комнаты можно было свободно читать и отлично все видѣть, стало быть и узнавать появлявшіяся фигуры.

„Передъ началомъ сеанса медіумъ вошелъ въ кабинетъ. Занавѣску задернули и онъ впалъ въ трансъ, продолжавшійся все время сеанса. Присутствующіе усѣлись полукругомъ, середина котораго приходилась подъ лампой, а концы доходили до противуположной стѣны. На одной сторонѣ комнаты стоялъ столъ съ книгами, газетами и т. п. Всѣ сидѣли лицомъ къ кабинету и спиной къ лампѣ. Шесть или семь матеріализованныхъ фигуръ выходили одна за другою изъ кабинета. Въ числѣ ихъ былъ молодой мужчина съ очень быстрыми и ловкими тѣлодвиженіями; взявъ со стола листъ бумаги, онъ свернулъ его въ трубку и сталъ бить ею насъ по головамъ, всякій разъ проворно отпрыгивая назадъ. Являлись и нѣкоторые изъ родственниковъ хозяевъ, обыкновенно показывавшіеся на ихъ сеансахъ: пожилая дама, мать мужа или жены, чья именно — не помню. На головѣ она носила чепчикъ съ гофрированными оборочками; ее до этого уже сфотографировали и не разъ вполнѣ узнавали. Появлялась также и сестра, красивая, статная молодая женщина. На имѣющейся у меня фотографіи между занавѣсками съ одного боку кабинета стоитъ братъ, а съ другой стороны выглядываетъ незадолго передъ тѣмъ скончавшаяся м-съ Арчибальдъ Ламонтъ. Большая часть матеріализовавшихся фигуръ принадлежала къ числу близкихъ друзей присутствующихъ. Руководителемъ сеанса считался старикъ съ длинной сѣдой бородой; онъ снятъ на одной пластинкѣ съ д-ромъ Гичманомъ. На сеансѣ, въ которомъ я принималъ участіе, значительная часть времени и проявлявшейся силы была потрачена въ пользу моихъ духовныхъ друзей. Одинъ изъ нихъ въ длинной одеждѣ стариннаго покроя, съ веревкой вмѣсто пояса, выдавалъ себя за философа и писателя древняго міра. Другой былъ ожидаемый нами „Робертъ Брюсъ“. Онъ находился въ сообщеніи со мною въ продолженіе многихъ лѣтъ

*

и насъ связывало взаимное чувство симпатіи, которое продолжается между нами и понынѣ. Онъ обладалъ большою силою и подолгу оставался съ нами. При выходѣ его изъ кабинета, меня пригласили подойти къ нему. Онъ такъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, что я услышалъ, какъ мышца въ рукѣ его хрустнула, какъ это иногда случается при сильномъ пожатіи. Анатомическій фактъ этотъ сопровождался для меня ощущеніемъ, что я держу руку совершенно натуральную. Жена моя также имѣла съ нимъ особое свиданіе, и не мимолетное, а на столько продолжительное, что она могла вполнѣ ясно разсмотрѣть его. Нѣкоторыя подробности этого сеанса останутся мнѣ навсегда памятны. Брюсъ прошелъ черезъ всю комнату къ лампѣ и снялъ ее съ крючка, вбитаго въ стѣну. Вернувшись съ ней къ кабинету, онъ вошелъ туда, прибавилъ въ лампѣ свѣту и направилъ его на лицо медіума; одновременно съ этимъ онъ поднялъ занавѣсъ на столько, что мы могли видѣть ихъ обоихъ. Затѣмъ онъ снова убавилъ огонь и понесъ лампу обратно на ея мѣсто. Ему стоило большого труда повѣсить лампу на крюкъ, такъ какъ она была покрыта рефлекторомъ. Молодая дама, сидѣвшая какъ разъ подъ лампой, такъ что ему приходилось наклоняться надъ нею, хотѣла ему помочь, но онъ отказался отъ ея помощи и упорно продолжалъ добиваться своего, до тѣхъ поръ, пока гвоздь не попалъ въ отверстіе и лампа не повисла на своемъ мѣстѣ.

„Послѣ этихъ довольно долго продолжавшихся явленій, когда всѣ присутствующіе нѣсколько разъ видѣли матеріализованныя фигуры и медіума, стали приготовляться къ фотографированію одновременно кружка, медіума и фигуры. Члены кружка, сидѣвшіе до тѣхъ поръ полукругомъ, сѣли теперь въ рядъ спиною къ кабинету, лицомъ къ двери. Камера была поставлена еще до начала сеанса въ одномъ изъ угловъ комнаты съ фокусомъ на кабинетъ. Подлѣ камеры стоялъ маленькій столикъ и на немъ лоточекъ съ надлежащимъ количествомъ магнезіальнаго порошка, вспышка котораго даетъ достаточно свѣта для моментальнаго снятія фотографіи. Фотографическія принадлежности находились въ кухнѣ, а такъ какъ

употребленіе сухихъ пластинокъ не было еще извѣстно, то пришлось приготовлять пластинки мокрымъ способомъ, что и было исполнено въ кухнѣ м-ромъ Бальфуромъ, хотя не фотографомъ по профессіи, но достаточно свѣдущимъ, чтобы сдѣлать все необходимое. Я сопровождалъ м-ра Бальфура въ кухню и внимательно прослѣдилъ за всѣми его дѣйствіями надъ пластинками; самъ медіумъ меня просилъ удостовѣриться въ томъ, что все дѣлается какъ слѣдуетъ, безъ обмана. Мы вскорѣ вернулись въ сеансовую комнату, гдѣ кассетка, содержавшая пластинку, была вставлена въ камеру. Всѣ присутствующіе, медіумъ и матеріализованная фигура были на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ мы ихъ оставили. Для сохраненія пластинки, при открытіи объектива, лампу погасили. Матеріализованная фигура стояла въ это время позади насъ, держа одну руку на моей головѣ, а другую на головѣ жены. Жена моя слегка вздрогнула, когда фигура, нагнувшись къ ней, сказала на старинномъ шотландскомъ нарѣчіи, чтобы она не пугалась. Затѣмъ фигура встала въ позу для фотографіи, и вскорѣ былъ данъ спгналъ зажечь фитиль, вложенный въ порошокъ, который, вспыхнувъ, ослѣпилъ насъ своимъ яркимъ свѣтомъ. М-ръ Бальфуръ тотчасъ же вынулъ кассетку изъ камеры. Я же нѣсколько безпокоился состояніемъ жены моей, готовой лишиться чувствъ. Въ комнатѣ былъ полнѣйшій мракъ и стоялъ удушливый запахъ отъ сгорѣвшаго порошка. Фигура продолжала стоять на своемъ мѣстѣ и, наклонившись къ моему уху, прошептала по-шотландски, нѣсколько грубымъ, старческимъ голосомъ: „Ступай за портретомъ“, давая понять, что останется при моей женѣ. Я вошелъ въ кухню вслѣдъ за м-ромъ Бальфуромъ. Онъ занялся проявленіемъ пластинки, но при своемъ нервномъ возбужденіи вторично пролилъ жидкость на негативъ, вслѣдствіе чего фигура моей жены почти стерта и общій тонъ рисунка неясенъ. Часть этой жидкости снята съ негатива, но еслибы она была стерта совсѣмъ, то исчезла бы и фигура м-съ Бёрнсъ. Повидимому, свѣтъ былъ слишкомъ силенъ и пластинка оказалась передержанной. Къ счастью, изображеніе матеріализованной фигуры не пострадало. Темная полоса черезъ ея плечо изобра-

жаетъ шотландскій плэдъ. Медіумъ, сидящій въ своемъ углубленіи, виденъ, но слабо. Сидящіе по обѣ стороны кабинета совсѣмъ не видны, такъ какъ на полученномъ мною экземплярѣ изображена средняя часть комнаты. Когда зажгли свѣтъ, медіумъ проснулся совершенно отуманенный продолжительнымъ трансомъ; наши разсказы объ удачномъ сеансѣ были имъ выслушаны съ свойственнымъ ему равнодушіемъ. На другихъ фотографіяхъ медіумъ вышелъ гораздо яснѣе; по правдѣ сказать, только что описанная здѣсь фотографія одна изъ худшихъ этой серіи, но принимая во вниманіе необычайность результата, нами полученаго, она неоцѣнима, какъ доказательство реальности явленій, никакимъ образомъ не объяснимыхъ обманомъ или галлюцинаціей. Это только одинъ изъ цѣлаго ряда опытовъ подтверждающихъ другъ друга самымъ положительнымъ образомъ.

„Дж. Бёрнсъ.

„Лондонъ. 19-го іюля 1886 года.“

Мнѣ остается присовокупить, что на этой довольно большой фотографіи (5×6 дюймовъ) видна очень хорошо, не смотря на техническіе недостатки, группа изъ семи лицъ, среди которыхъ стоитъ матеріализованная, окутанная въ бѣлое фигура; она стоитъ возлѣ кабинета, половина занавѣски котораго позади ея отдернута, и въ углубленіи видна сидячая фигура медіума или вѣрнѣе половина его лица, такъ какъ волосы и борода сливаются съ тѣнями кабинета. Но на такой фотографіи присутствіе медіума на негативѣ почти излишне, такъ какъ нѣтъ ничего общаго между внѣшностью медіума и фигурой; медіумъ—тридцатилѣтній брюнетъ, а фигура—это старецъ совсѣмъ лысый съ длинной, сѣдой бородой, лицо котораго, широкое и круглое, совсѣмъ иного типа, чѣмъ лицо медіума, мнѣ лично извѣстнаго. Фигура снята en face, глаза открыты, даже видны зрачки. Относительно ясности фотографія этого лица удалась гораздо лучше, чѣмъ полученная мною съ Эглинтономъ; замѣчательно, что эти фигуры выносятъ, не закрывая глазъ, ослѣпительный свѣтъ магнія.

Въ англійской литературѣ мнѣ извѣстны только два отчета,

относящіеся до замѣчательныхъ матеріализацій, происходившихъ въ присутствіи этого медіума. Эти два отчета принадлежатъ одному и тому же перу — г-жѣ Лунзѣ Томсонъ-Носъуорсей и относятся даже къ одному и тому же сеансу. А такъ какъ на этомъ сеансѣ была получена фотографія не только фигуры, но и самого медіума, то я и воспроизвожу здѣсь одинъ изъ этихъ отчетовъ.

Первый изъ нихъ былъ напечатанъ въ „Спиритуалистѣ“ отъ 28 іюля 1876 г., стр. 350. Я заимствую изъ него слѣдующее:

„Для читателей „Спиритуалиста“ можетъ быть небезъинтереснымъ узнать, что въ то время, какъ черезъ профессіональныхъ медіумовъ получаются неоспоримыя доказательства матеріализаціи временнаго человѣческаго тѣла, столь же осязаемаго и реальнаго, какъ и наше собственное, то же самое поразительное явленіе наблюдается еженедѣльно и въ тихомъ, совершенно частномъ кружкѣ Ливерпуля. Какъ одно изъ лицъ, имѣвшихъ иногда возможность присутствовать на этихъ сеансахъ, я посылаю вамъ отчетъ видѣннаго мною.

„Въ сентябрѣ прошлаго года гостившій у меня отецъ мой, Георгъ Томсонъ, пожелалъ быть свидѣтелемъ явленія матеріализаціи, вслѣдствіе чего я получила дозволеніе ввести его въ помянутый кружокъ. На этомъ сеансѣ въ числѣ участниковъ находился и д-ръ Уильямъ Гичманъ. Насъ пригласили сѣсть полукругомъ въ маленькой комнатѣ, около десяти футовъ въ квадратѣ, и предложили пѣть хоромъ, а медіумъ удалился за байковую занавѣску. Парафиновая лампа давала настолько свѣта, что мы могли видѣть другъ друга.

„Нѣсколько времени послѣ удаленія медіума, занавѣска раздвинулась, въ разрѣзѣ показалось что-то туманное, парообразное, съ неяснымъ очертаніями человѣческой формы; туманъ этотъ постепенно сгущался и, наконецъ, изъ него выдѣлилась рука и голова; первая тотчасъ начала манипулировать туманную массу, находившуюся ниже подъ нею, пока та не приняла формы человѣка, высокаго роста, одѣтаго въ бѣлое одѣяніе; эта фигура, хотя и сложилась изъ облачной массы и, такъ

сказать, сработала самое себя въ нашемъ присутствіи, вскорѣ доказала намъ, однако, что въ ней облачнаго ничего уже не было: выступивъ въ комнату, она каждому изъ насъ пожала руку своей сильною реальною рукой. Когда прибавили свѣта, глазамъ нашимъ предсталъ величественный старецъ со строгимъ взглядомъ, съ длинными развѣвающимися бѣлыми волосами и бородой. Побывъ довольно времени внѣ кабинета (который весь состоялъ изъ помянутой байковой занавѣски), фигура возвратилась къ тому мѣсту, гдѣ она возникла; стоя тутъ и отодвигая занавѣску своей собственной поднятой рукою, она поманила къ себѣ поочередно каждаго изъ присутствовавшихъ, приглашая постоять возлѣ нея и медіума. Стоя тутъ, старикъ смотрѣлъ намъ прямо въ глаза. Отецъ мой могъ разсмотрѣть свѣжій, почти румяный цвѣтъ его лица и полное достоинства выраженіе. Эта величавая фигура, стоявшая у занавѣски, придерживая ее одною рукою, а другою указывая на медіума, погруженнаго въ трансъ, представляла зрѣлище, которое нелегко забывается. И мой почтенный родитель говорилъ мнѣ потомъ, что внечатлѣніе, вынесенное имъ, было захватывающее, въ особенности, когда, стоя передъ фигурой такъ близко, что почти касался до нея, онъ услыхалъ изъ устъ этого посѣтителя изъ иного міра сказанныя тихимъ голосомъ слова: „Господь да благословитъ васъ“. Послѣ того показались еще три другія фигуры, которыя появлялись почти такимъ же образомъ, ходили вокругъ кружка, пожимали намъ руки и позволяли трогать и разсматривать ихъ одѣяніе. Одна изъ нихъ поднесла каждому изъ насъ фруктъ въ родѣ стручковаго перца, хотя таковаго, какъ насъ увѣряли, въ домѣ вовсе не находилось. Этотъ достопамятный сеансъ закончился тѣмъ, что первый посѣтитель явился вторично, и тогда была снята фотографія съ него вмѣстѣ съ докторомъ Гичманомъ...

„Г. Чарльсъ Блякбёрнъ описалъ одинъ изъ послѣдующихъ сеансовъ того же кружка, на которомъ я опять присутствовала. Вмѣстѣ съ архитекторомъ онъ осмотрѣлъ комнату, гдѣ происходили эти явленія, и убѣдился, что подъ ней не было никакихъ сводовъ, что она стояла прямо на землѣ (См. „Спири-

туалистъ“ 1876 г., т. I, стр. 114). Случалось нерѣдко, что на этихъ сеансахъ показывались по три фигуры заразъ, и я спрашиваю: можетъ ли какой-нибудь скептикъ найти другую теорію, помимо спиритической, для разъясненія подобныхъ явленій?“

Другой отчетъ о томъ же сеансѣ помѣщенъ тѣмъ же авторомъ въ журналѣ „Psychological Review“, т. I, 1878 г., стр. 348, въ статьѣ, озаглавленной „Воспоминанія о Георгѣ Томсонѣ, его дочери Луизы Томсонъ-Носъуорсей“. Въ этомъ описаніи, помимо нѣкоторыхъ подробностей, относящихся до осмотра комнаты и процесса фотографированія, сказано, между прочимъ, что на первой фотографіи, снятой при магнезіальномъ свѣтѣ, видна не только фигура, но и самъ медіумъ.

Въ этихъ двухъ извѣстіяхъ есть противорѣчіе, относящееся до фотографіи: въ отчетѣ 1876 года сказано, что вмѣстѣ съ матеріализованной фигурой былъ фотографированъ докторъ Гичманъ; а въ письмѣ 1878 года сказано, что вмѣстѣ съ фигурой былъ фотографированъ самъ медіумъ. Для разъясненія этого обстоятельства я обратился письмомъ къ самому доктору Гичману, и вотъ его отвѣтъ:

„Ливерпуль, 26-го апрѣля 1887 г.

„М. Г. Я имѣлъ честь получить ваше письмо 18 числа. Относительно содержащихся въ немъ разныхъ вопросовъ я долженъ сообщить вамъ, что иногда въ теченіе одного и того же вечера происходило нѣсколько сеансовъ, и когда снимались фотографіи, медіумъ (г. Б.) иной разъ попадалъ на пластинку, а другой разъ не былъ видимъ. Поэтому тутъ можетъ и не быть противорѣчія. Примите и проч.

„Уильямъ Гичманъ, докторъ медицины“.

Для дополненія извѣстій, относящихся къ фотографическимъ опытамъ на сеансахъ съ этимъ замѣчательнымъ медіумомъ, я не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ обратиться опять къ тому же д-ру Гичману (извѣстному ученому, предсѣдателю антропологическаго общества въ Ливерпулѣ и автору различ-

ныхъ сочиненій по медицинѣ), какъ самому компетентному члену того частнаго кружка, гдѣ происходили помянутыя явленія. Вотъ письмо его, полученное мною въ отвѣтъ:

„Ливерпуль, Пемброкъ-алэсъ, 62. Іюля 24-го, 1886 г.

„М. Г. Въ отвѣтъ на ваше любезное письмо, вчера полученное, я, къ сожалѣнію, по случаю многочисленныхъ спѣшныхъ работъ разнаго рода не могу въ настоящее время сообщить вамъ всѣ требуемыя подробности, научныя и философскія. Что касается фотографированія матеріализованныхъ фигуръ, онѣ получались при помощи электрическаго свѣта; для этой цѣли обыкновенно приготовлялось нѣсколько камеръ, въ томъ числѣ бинокулярныя и стереоскопическія, съ пластинками различной величины; онѣ были расположены позади присутствующихъ, сидѣвшихъ передъ кабинетомъ такимъ образомъ, чтобы можно было фотографировать не только появляющіяся матеріализованныя фигуры, но и самого медіума, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти фигуры, по нашей просьбѣ, отодвигали занавѣску. Вообще говоря, въ этихъ опытахъ неудачи не бывало; всѣ ванны и пластинки были заготовлены напередъ для немедленнаго употребленія. Я часто входилъ въ кабинетъ вслѣдъ за матеріализованными фигурами и видѣлъ ихъ вмѣстѣ съ медіумомъ (г. Б.) Мнѣ кажется, что я получилъ сколь возможно научно-доказанную достовѣрность, что каждая изъ этихъ фигуръ была отдѣльнымъ отъ земной личности медіума индивидуумомъ, такъ какъ я тщательно и съ помощью различныхъ инструментовъ изслѣдовалъ ихъ относительно дыханія, кровообращенія, роста, вѣса, объема и проч. Эти фигуры и духовно и тѣлесно были чрезвычайно изящны и въ то-же время совершенно реальны; хотя возникали онѣ, повидимому, *постепенно* изъ облачной массы, но исчезали, напротивъ, мгновенно и абсолютно. Я держусь того мнѣнія, что нѣкотораго рода духовныя существа гдѣ-нибудь да существуютъ и что разумныя фигуры, являвшіяся на этихъ сеансахъ, облекались въ видимыя объективныя тѣла, совершенно отличныя отъ извѣстныхъ намъ земныхъ тѣлъ, и при этомъ были одарены, подобно намъ,

сознаніемъ, мыслію, рѣчью, способностью передвиженія и проч. Имѣвъ неоднократно случай (въ присутствіи компетентныхъ свидѣтелей) прохаживаться между медіумомъ съ одной стороны и матеріализованной фигурой съ другой, пожимать ей руку и разговаривать съ нею по цѣлымъ часамъ — мнѣ нѣтъ болѣе охоты заниматься такими фантастическими гипотезами, какъ зрительныя или слуховыя иллюзіи, безсознательная церебрація, нервная сила и тому подобное. Истина, какъ въ вопросахъ духа, такъ и вещества обрѣтается только *при надлежащемъ исканіи*...

„Простите эти спѣшныя и поверхностныя замѣтки въ виду моего крайняго недосуга. Примите и проч.

„Уильямъ Гичманъ“.

Такъ какъ у д-ра Гичмана не оказалось на лицо ни одной оригинальной фотографіи для раздачи, то онъ былъ настолько любезенъ, что прислалъ мнѣ фотографію съ рисунка, представлявшаго одинъ изъ сеансовъ г. Б., на которомъ изображенъ весь кружокъ, а посрединѣ матеріализованная фигура старика, задрапированнаго въ бѣлое, стоящаго съ непокрытой головою возлѣ кабинетной занавѣски, которую онъ отдергиваетъ правою рукою, показывая сидящаго внутри медіума въ трансѣ. Между грудью матеріализованной фигуры и грудью медіума видна свѣтящаяся нить, соединяющая оба тѣла и освѣщающая лицо медіума. Такое явленіе бывало не разъ наблюдаемо при процессѣ матеріализаціи и сравниваемо съ пуповиной рождающагося ребенка. Эта фотографія была мнѣ прислана при слѣдующемъ письмѣ:

„26 іюля 1886 года.

„М. Г. Отправивъ мое послѣднее письмо къ вамъ, я нашелъ послѣ усердныхъ поисковъ посылаемый при семъ рисунокъ. Быть можетъ, онъ дастъ вамъ лучшее понятіе о всей серіи сеансовъ м-ра Б. Я ручаюсь за его точность. Изображенная тутъ матеріализованная фигура выдавала себя за доктора У. изъ Манчестера. Она отличалась своимъ замѣчательно

умнымъ выраженіемъ и между прочимъ нарисовала мой портретъ... По моему мнѣнію, только терпѣливое опытное изслѣдованіе объективныхъ фактовъ или внѣшнихъ явленій такъ называемаго спиритизма могутъ убѣдить германскихъ или иныхъ философовъ въ ихъ истинѣ и значеніи, какъ результатѣ естественной эволюціи при надлежащихъ условіяхъ. Разумъ, логика, аргументы и прочее *безъ* опытнаго изслѣдованія—пустая трата времени и силъ.

„Вашъ У. Гичманъ."

PS. Въ журналѣ „Phychological Review" за апрѣль 1879 г. первое мѣсто отведено моей статьѣ, озаглавленной „Мы и наука", въ которой изложены результаты наблюденій, произведенныхъ мною съ тѣми же научными пріемами, съ какими мы наблюдаемъ и всякіе другіе процессы въ любой лабораторіи".

Желая получить абсолютное доказательство, требуемое Гартманомъ, при соблюденіи всѣхъ условій, имъ указанныхъ, и въ опытѣ, произведенномъ мною самимъ, я имѣлъ съ этою цѣлью двѣ серіи опытовъ съ медіумомъ Эглинтономъ; для первой я пригласилъ его въ Петербургъ весною 1886 года. Послѣ немалыхъ стараній мы получили результатъ, который однако нельзя назвать удовлетворительнымъ; онъ описанъ вкратцѣ въ августовской книжкѣ „Ps. St." за 1886 годъ. Для второй серіи я вскорѣ затѣмъ самъ отправился въ Лондонъ, и результатъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Отчетъ объ этомъ опытѣ былъ помѣщенъ въ мартовской книжкѣ „Ps. St." 1887 года, а также и въ „Ребусѣ" № 50, 1886 года, откуда я и воспроизвожу здѣсь описаніе упомянутаго опыта; а фототипія съ полученной мною фотографіи приложена при семъ на таб. X-ой. Она изображаетъ Эглинтона въ трансѣ, поддерживамаго матеріализованной фигурой. Тутъ совершенно ясно, что мы видимъ передъ собою живую человѣческую фигуру, стоящую возлѣ медіума. Послѣ всего мною сказаннаго выше объ объективныхъ доказательствахъ явленій матеріализаціи, легко допустить возможность и подлинность полученнаго мною результата,

и, тѣмъ не менѣе, я первый готовъ признать, сколь трудно повѣрить реальности такого явленія.

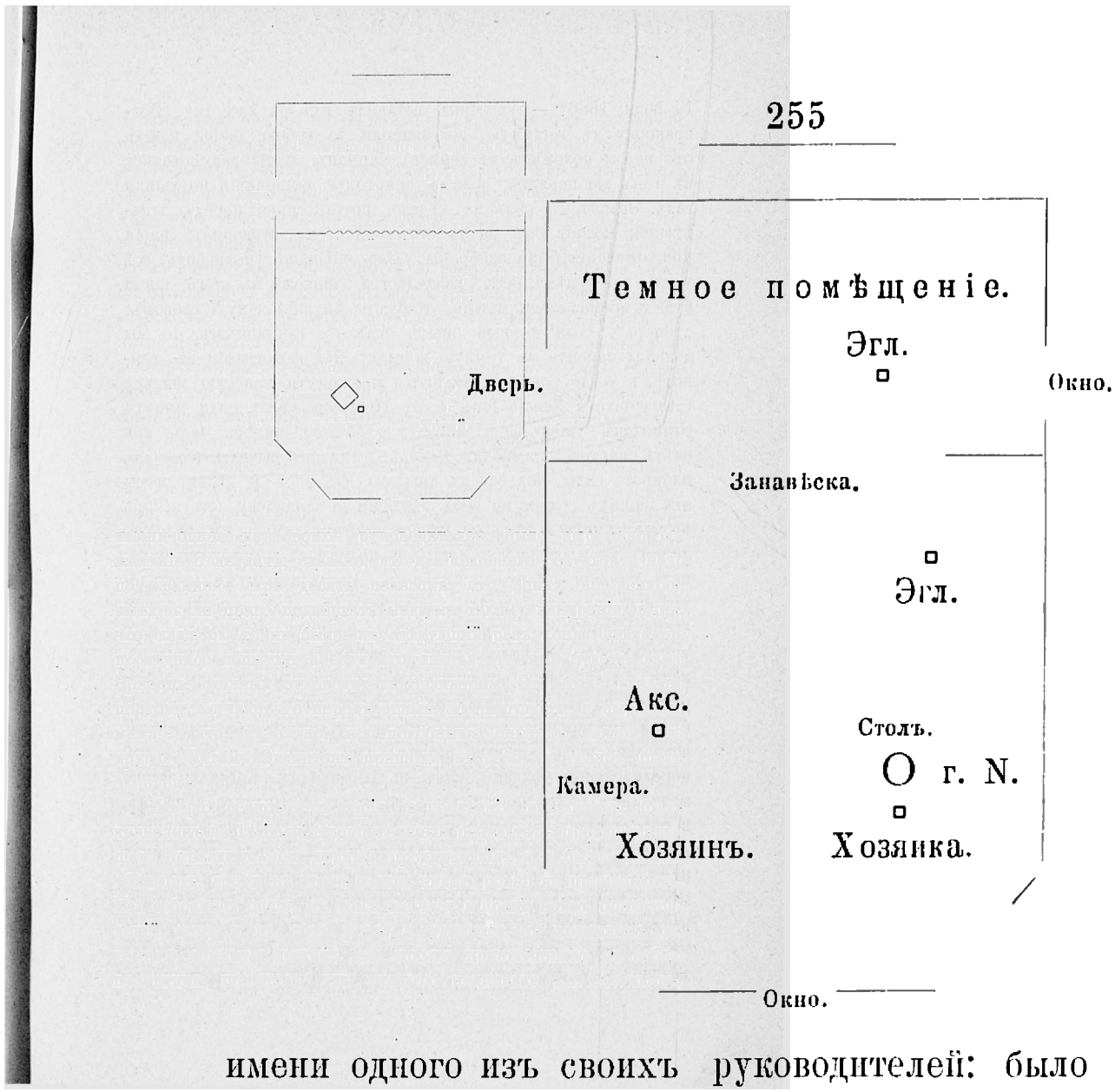
Поясню здѣсь только, для незнакомыхъ съ моими статьями въ „Ребусѣ“, что опыты, о которыхъ будетъ рѣчь, происходили въ Лондонѣ, въ домѣ богатаго джентльмена, недавно имъ для себя отстроенномъ, и что кружокъ нашъ состоялъ, не считая Эглинтона и меня, изъ хозяина, его жены и ихъ пріятеля, г. N. Такъ какъ они не желаютъ, чтобы имена ихъ были преданы гласности, то я и не имѣю права назвать ихъ. Засимъ привожу помѣщенное въ „Ребусѣ“ описаніе.

„10 іюля, въ 7 ч. вечера, мы собрались и, по окончаніи трапезы, предложенной гостепріимнымъ хозяиномъ, приступили къ приготовленіямъ. Для подобнаго сеанса, гдѣ предполагалось получить фотографію медіума вмѣстѣ съ матеріализованной фигурой, требовалась комната, въ которой можно было бы устроить темное помѣщеніе съ занавѣской; у хозяина нашего единственная комната, подходящая подъ эти условія, была гостиная, вхожая часть которой отдѣлялась отъ остальной комнаты тяжелой плюшевой занавѣской, подхваченной въ разрѣзѣ толстымъ шелковымъ шнуромъ. Эту часть гостиной и рѣшено было обратить въ темный кабинетъ; на 10 ф. ширины, онъ имѣлъ 14 ф. длины; въ немъ была одна дверь и одно окно; дверь,—единственная въ гостиную—выходила въ коридоръ и хорошо запиралась; окно выходило въ проходъ между домомъ хозяина и сосѣднимъ; для образованія темноты оно было закрыто ставнемъ, завѣшено клеенкой и шерстяными одѣялами, прибитыми къ косяку гвоздиками; въ помѣщеніи этомъ имѣлось нѣсколько стульевъ, этажерка и пьянино; гостиная, какъ и прочія комнаты, въ которыхъ мы имѣли сеансы, находилась въ третьемъ этажѣ. Прежде всего хозяинъ установилъ камеру; Эглинтонъ сѣлъ передъ разрѣзомъ занавѣски, и фокусъ былъ взятъ на такомъ разстояніи, чтобъ на пластинкѣ могла умѣститься цѣлая фигура. Противъ разрѣза занавѣски, который былъ не по срединѣ ея, а ближе къ одному боку, былъ поставленъ, шагахъ въ четырехъ отъ нея и вправо отъ камеры, небольшой круглый столикъ; на немъ, для защиты камеры отъ

прямого дѣйствія магніезіальнаго свѣта, была установлена высокая картонная ширма, а въ сгибѣ ея былъ укрѣпленъ вогнутый, металлическій рефлекторъ, вершковъ четырехъ въ діаметрѣ. Еще до этого не мало было толку о томъ, какъ освѣтить ту часть комнаты, въ которой мы сами имѣли сидѣть, причемъ свѣтъ имѣлъ быть хотя и слабымъ, но достаточнымъ, чтобы видѣть происходившее, и притомъ подъ рукою, чтобъ можно было немедленно зажечь магніезіальную ленту; остановились на спиртовой лампочкѣ съ толстымъ шнуровымъ фитилемъ, дѣйствіе которой, по испытаніи, оказалось вполнѣ удовлетворительнымъ. Такая лампочка и была поставлена на столикъ, въ сторонѣ отъ рефлектора, и возлѣ нея было положено нѣсколько плетежковъ изъ магніезіальной ленты, въ три ленточки каждый, длиною около пяти вершковъ; они были привязаны проволокой къ стекляннымъ палочкамъ, и на пріятеля нашего хозяина, г. N., была возложена обязанность, при данномъ сигналѣ, зажечь плетежокъ на лампочкѣ и держать его противъ самаго центра рефлектора, наблюдая, чтобъ фотографируемые субъекты находились въ полѣ отраженнаго свѣта. На предварительныхъ опытахъ, о которыхъ я упоминалъ выше, мы убѣдились, что при помощи этого рефлектора свѣту отъ плетежка изъ трехъ ленточекъ было достаточно для удовлетворительнаго результата.

„Когда все было готово, я удалился съ хозяиномъ въ темную комнату; тамъ, при свѣтѣ краснаго фонаря, я досталъ изъ своего мѣшка двѣ пластинки, помѣтилъ ихъ, хозяинъ вставилъ ихъ въ кассетку, и мы возвратились въ гостиную, заперевъ за собою входную дверь, ключъ отъ которой хозяинъ вручилъ мнѣ и я положилъ его въ карманъ. Мы расположились полукругомъ передъ занавѣской, на разстояніи 5—6 шаговъ отъ нея, какъ значится на прилагаемомъ рисункѣ.

„Зажгли спиртовую лампочку и потушили газъ. Было 10 ч. вечера. Эглинтонъ сперва сѣлъ на кресло передъ занавѣской, потомъ ушелъ за занавѣску, гдѣ было поставлено для него другое кресло; пробылъ тамъ болѣе получасу; ничего не было; наконецъ онъ вышелъ и, будучи въ трансѣ, заговорилъ отъ

имени одного изъ своихъ руководителей: было выражено сожалѣніе о неудачѣ; сказано, что для подобнаго результата надо по крайней мѣрѣ десять сеансовъ; что „они“ не знаютъ, имѣютъ ли право подвергать медіума такому изнуренію и пр., что, какъ бы то ни было, въ слѣдующій разъ „они“ сдѣлаютъ послѣднюю попытку, а если кто явится, то это будетъ самъ Эриестъ, главный руководитель Эглинтона. Это было сказано по тому случаю, что передъ этимъ, въ разговорѣ, я выразилъ мнѣніе, что, вѣроятно, для подобныхъ опытовъ явится кто другой. Затѣмъ Эглинтонъ пришелъ въ себя, и сеансъ былъ оконченъ.

„Второй сеансъ этой серіи, и послѣдній изъ всѣхъ, былъ назначенъ на 14 іюля. Отрицательный результатъ предшествующаго оправдалъ мои дурныя предчувствія, и я былъ вполнѣ убѣжденъ, что и на этомъ сеансѣ ничего ровно не произойдетъ. Мы собрались опять въ томъ же часу и послѣ всѣхъ приготовленій, какъ и въ тотъ разъ, я удалился съ хозяиномъ въ темную комнату; досталъ двѣ новыхъ принесенныхъ съ собою пластинки, помѣтилъ ихъ русскою надписью: „А. Аксаковъ,

14 іюля, 1886“ — и хозяинъ вставилъ ихъ въ кассетку. Возвращаясь въ гостиную, мы заперли за собою дверь; ключъ отъ нея я положилъ къ себѣ въ карманъ, и мы размѣстились въ томъ же порядкѣ; зажгли спиртовую лампочку и потушили газъ. Эглинтонъ сѣлъ на кресло, поставленное передъ занавѣской; вскорѣ онъ впалъ въ трансъ и заговорилъ: наши приготовленія были одобрены; было обѣщано употребить всѣ усилія для успѣха, безъ ручательства однакожъ въ немъ; когда будетъ время зажечь магній, это будетъ внушено г-ну N. словомъ: „теперь“; если первый опытъ окажется неудачнымъ, то мы должны перейти въ темную комнату, для фотографіи въ темнотѣ, и тогда „они“ постараются произвести женскую фигуру („to evolve a female form“). Въ 10 часовъ безъ пяти минутъ Эглинтонъ ушелъ за занавѣску; и я могъ видѣть часъ при свѣтѣ спиртовой лампочки. Вскорѣ Эглинтонъ вышелъ и началъ набирать силы, подходя къ каждому изъ насъ и дѣлая пассы отъ нашихъ головъ на себя. Ушедши за занавѣску, онъ вскорѣ вышелъ опять и сѣлъ на креслѣ противъ самаго ея разрѣза, лицомъ къ намъ; сильно двигался, поднималъ и опускалъ руки; надъ головой его что-то бѣлѣлось... Раздались стуки, мы недоумѣвали, раздались опять... „Зажигать?“—„Да“ — подтвердили стуки. Запылалъ магній, хозяинъ поднялъ объективъ, и я увидалъ при ослѣпительномъ освѣщеніи фигуру Эглинтона, какъ бы спокойно спавшаго, со скрещенными передъ собою руками; на лѣвомъ плечѣ его виднѣлась третья рука съ частью бѣлой драпировки, а на головѣ его, у самаго лба, виднѣлась четвертая рука — живыя, натуральныя руки, не имѣвшія той поразительной бѣлизны, какъ въ Петербургѣ. Когда выставка кончилась, руки не отнялись, но оттянули Эглинтона назадъ, и онъ скрылся за занавѣской. Хозяинъ тотчасъ перевернулъ кассетку и открылъ другую пластинку. Я думалъ, что сеансъ нашъ на томъ и закончится; но едва хозяинъ сѣлъ на свое мѣсто, какъ изъ-за занавѣски выступила, шага на три впередъ, высокая фигура вся въ бѣломъ и съ бѣлымъ же тюрбаномъ на головѣ. „Это Абдулла“ — сказалъ я. „Нѣтъ — отвѣчалъ хозяинъ — у этой фигуры обѣ руки“. И фигура, размахнувъ

руками, какъ бы въ подтвержденіе, скрестила ихъ на груди, поклонилась и скрылась за занавѣску. Черезъ нѣсколько секундъ показывается Эглинтонъ, выходитъ весь, а за нимъ выступаетъ еще фигура въ бѣломъ — та самая, которую мы сейчасъ видѣли; оба становятся передъ занавѣской и чей-то голосъ говоритъ: «light» (свѣтъ). Вторично запылалъ магній, и я съ изумленіемъ смотрѣлъ на высокую фигуру, лѣвой рукой своей обхватывавшую и поддерживавшую Эглинтона; онъ былъ въ глубокомъ трансѣ и едва держался на ногахъ; я сидѣлъ въ пяти шагахъ, и при ослѣпительномъ свѣтѣ могъ совершенно ясно разсмотрѣть удивительнаго пришельца; это былъ вполнѣ живой человѣкъ; я хорошо видѣлъ живую кожу лица его, совершенно натуральную черную бороду, густыя прямыя брови и проницательные глаза, все время смотрѣвшіе сурово, неподвижно, прямо въ огонь, который горѣлъ секундъ пятнадцать. Вся фигура была въ бѣломъ одѣяніи, спускавшемся до самаго пола; на головѣ было что-то вродѣ бѣлаго тюрбана. Лѣвой рукой она охватывала Эглинтона; правой рукой она придерживала свою драпировку. Когда г. N. сказалъ: „теперь“ — сигналъ для закрытія объектива, фигура скрылась за занавѣску, но увлечь за собой Эглинтона не успѣла, и онъ упалъ на полъ какъ мертвый, передъ занавѣской. Мы не двигались, зная, что тутъ медіумъ во власти иной. Тотчасъ же занавѣска распахнулась, та же фигура показалась въ третій разъ, подошла къ Эглинтону, и стоя, нагнувшись надъ нимъ, стала дѣлать пассы. Мы любовались этимъ зрѣлищемъ въ глубокой тишинѣ. Эглинтонъ началъ медленно приподыматься и, наконецъ, всталъ на ноги. Фигура обхватила его и увела за занавѣску. Вскорѣ раздался чуть слышный голосокъ Джоэ, говорившій, чтобы медіума тотчасъ вывели на свѣжій воздухъ и дали ему воды съ виски. Было 10 ч. 30 м., когда сеансъ кончился; онъ длился всего 35 минутъ. Хозяйка бросилась къ двери, чтобы принести воды; но она оказалась запертой: когда она обратилась ко мнѣ за ключемъ, я просилъ извинить меня, — дѣло было такого рода, что мнѣ надо было отпереть дверь самому; я прежде вполнѣ удостовѣрился, при свѣтѣ, что она

была заперта, и затѣмъ отперъ ее. Эглинтонъ лежалъ въ креслѣ своемъ въ глубокомъ трансѣ; поставить его на ноги не было никакой возможности, и мы втроемъ отнесли его въ столовую, гдѣ и посадили у растворенаго окна; но онъ тотчасъ же свалился на полъ и его стало корчить; на губахъ показалась кровь; мы усердно растирали его, давали ему нюхать спиртъ и пр.; только черезъ четверть часа онъ пришелъ въ себя, глубоко вздохнулъ и открылъ глаза.

„Оставивъ его, въ полномъ изнеможеніи, на попеченіи хозяевъ, я отправился съ г. N. въ темную комнату проявлять пластинки. Какъ только на одной изъ нихъ стали выступать очертанія обѣихъ фигуръ, я вышелъ въ столовую сообщить о томъ Эглинтону, который самъ не въ состояніи былъ придти къ намъ и только нетерпѣливо спрашивалъ о результатѣ. Узнавши наконецъ о полной удачѣ, его первымъ словомъ было: „Ну, что же, довольно для Гартмана?“ — „Конецъ галлюцинаціямъ“ — отвѣтилъ я. За то и дорогою цѣною поплатился Эглинтонъ за торжество свое, только черезъ часъ онъ оправился настолько, чтобы доплестись до подземной желѣзной дороги; г. N. взялся проводить его до дому и уложить въ постель, и тутъ съ нимъ сдѣлался вторичный припадокъ дурноты, съ корчами и легочнымъ кровоизліяніемъ. Онъ убѣдительно просилъ не говорить его домашнимъ о томъ, что съ нимъ было; тѣмъ не менѣе, на утро, его домашніе, встревоженные его видомъ, заходили ко мнѣ и спрашивали, что такое мы съ нимъ вчера сдѣлали, такъ какъ они никогда не видали его въ такомъ состояніи изнуренія.

„Изготовленные на спѣхъ, на другой же день, фотографіи оказались весьма удачными; особенно первая, на которой видны руки на Эглинтонѣ. Не такъ какъ въ Петербургѣ, онъ сидѣлъ подъ ослѣпительнымъ блескомъ горѣвшаго магнія совершенно спокойно, поэтому и руки на немъ вышли очень отчетливо. Вторая фотографія вышла, къ сожалѣнію, не совсѣмъ ясно; обѣ фигуры, стоя на ногахъ, очевидно, нѣсколько двигались, хотя на глазъ этого было вовсе незамѣтно. Но для требуемой цѣли результатъ былъ вполнѣ удовлетворителенъ; Эглинтона

можно легко узнать, хотя голова его и закинута нѣсколько на обхватившую его руку; рядомъ съ нимъ стоитъ та высокая фигура, которую мы видѣли полною жизни; борода, брови вышли хорошо; глаза тусклы; характерная черта этой фигуры — короткій носъ, совершенно отличный отъ эглинтоновскаго. На обѣихъ фотографіяхъ видны въ углу мои помѣтки. Всѣ негативы находятся у меня (см. таб. X).

„Такимъ образомъ мои старанія въ Лондонѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; я получилъ всю серію обѣщанныхъ мнѣ фотографій. Этимъ успѣхомъ я всецѣло обязанъ тому кружку, въ средѣ котораго мнѣ такъ любезно было позволено производить мои опыты. Я и прежде зналъ, что для полученія хорошихъ медіумическихъ явленій первое дѣло — кружокъ; что все зависитъ отъ кружка; но никогда не приходилось мнѣ такъ наглядно убѣдиться въ этой истинѣ. Легкость, скорость, отчетливость, съ которыми явленія совершались, не имѣли ничего общаго съ тѣмъ, что мы видѣли въ Петербургѣ. Помимо согласнаго настроенія кружка, въ который я былъ допущенъ, не малое значеніе, разумѣется, имѣло то обстоятельство, что въ этомъ кружкѣ уже получались трансцендентальныя фотографіи, и слѣдовательно какъ разъ была подготовлена та медіумическая почва, на которой могли имѣть успѣхъ и задуманные мною опыты. Я уже не говорю про то удобство и значеніе для опытовъ, которыя представляла мнѣ частная квартира: для пріѣзжаго найти въ Лондонѣ подходящее для подобныхъ опытовъ помѣщеніе — не малое затрудненіе. Еслибъ я продѣлалъ ихъ въ квартирѣ Эглинтона, то они потеряли бы половину своего значенія; такимъ образомъ содѣйствіе, столь любезно оказанное мнѣ нашимъ гостепріимнымъ хозяиномъ, было для меня во всѣхъ отношеніяхъ существеннымъ, и потому я считаю своимъ долгомъ высказать ему здѣсь мою глубокую, искреннюю благодарность, и не только отъ себя лично, но и отъ имени всѣхъ тѣхъ, которымъ дороги успѣхи медіумическаго дѣла.

„Здѣсь необходимо прибавить, что о тѣхъ замѣчательныхъ фотографіяхъ, которыя получаются въ кружкѣ нашего хозяина,

никто, кромѣ самыхъ близкихъ ему людей, не знаетъ; сеансы эти чисто семейные и никакихъ извѣстій о нихъ въ спиритическую англійскую прессу не проникало. Когда я былъ допущенъ въ кружокъ, то само собой разумѣлось, что я не буду оглашать имени его членовъ. Но когда сеансы мои закончились, то хозяинъ нашъ, въ виду тѣхъ замѣчательныхъ результатовъ, которые были получены, имѣлъ рѣшимость сказать мнѣ, что если только я нахожу это полезнымъ для дѣла, то онъ не считаетъ себя вправѣ требовать дальнѣйшаго умолчанія его имени, и потому разрѣшаетъ мнѣ назвать его. На это я отвѣтилъ, что, разумѣется, указаніе дома, гдѣ производились опыты, весьма желательно для полноты описанія, и я очень поблагодарилъ его за такое самоотверженіе, ибо таковымъ оно есть при настоящихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ; но обсудивъ положеніе дѣла и принимая во вниманіе именно эти понятія и данный намъ опытъ въ такихъ примѣрахъ, какъ Крукесъ и Уалласъ, которымъ все-таки не вѣрятъ, я высказалъ нашему хозяину свое глубокое убѣжденіе, что и въ данномъ случаѣ оглашеніе его имени и адреса нисколько дѣлу не поможетъ — все равно никто не повѣритъ, кромѣ тѣхъ, которые вѣрятъ и такъ, или знаютъ его лично; а глумленія со стороны и докуки отъ любопытныхъ будетъ ему не мало. Поэтому я предложилъ ему, не будетъ ли лучше, если я, не оглашая его имени печатно, только скажу, что имѣю его дозволеніе *частно* сообщать его имя тѣмъ лицамъ, которыя будутъ этимъ особенно интересоваться и которымъ я найду возможнымъ открыть его. На томъ и порѣшили.

„Кстати о недовѣріи и обманѣ. Принято подозрѣвать профессіональнаго медіума какъ лицо матеріально заинтересованное. Ясно, что въ этихъ послѣднихъ опытахъ Эглинтонъ одинъ не могъ бы продѣлать всего требуемаго для подлога; тутъ необходимо допустить его сообщничество съ членами кружка. Хозяинъ кружка — богатый независимый человѣкъ, имѣющій такое же общественное положеніе, какъ и я. Для возможности обмана съ его стороны, сопряженнаго съ не малыми хлопотами, надо же найти какой-нибудь достаточный мотивъ! О ма-

теріальной выгодѣ не можетъ быть и рѣчи. Что же могло бы служить побужденіемъ? — придумать трудно. И почему обманываетъ онъ, а не я. Гораздо логичнѣе предположить и легче объяснить обманъ съ моей стороны. Побужденіе понятно: выступилъ за спиритизмъ — ну, и надо его отстаивать во что бы ни стало.

„Но такое невѣріе меня нисколько не смущаетъ и не удивляетъ. Оно совершенно естественно и законно. Убѣжденія не насилуются, они слагаются итогами жизни, столѣтіями; вѣра же въ явленія природы пріобрѣтается не разумомъ, не логикой, а привычкой. Только въ силу привычки чудесное перестаетъ быть чудеснымъ.

„Впрочемъ, что касается до опытовъ, здѣсь описанныхъ, то они были предприняты мною съ ближайшею цѣлью — служить отвѣтомъ человѣку, который вѣритъ человѣческому свидѣтельству, признаетъ его значеніе и призываетъ ревнителей медіумическаго дѣла на производство подобныхъ опытовъ. Напоминаю здѣсь слова Гартмана:

„Вопросъ, въ высшей степени интересный теоретически, состоитъ въ томъ, можетъ ли медіумъ не только возбудить въ другомъ лицѣ опредѣленный образъ галлюцинаторно, но даже произвести таковой на самомъ дѣлѣ, какъ нѣчто реальное, хотя и состоящее изъ весьма тонкой матеріи, но тѣмъ не менѣе существующее на самомъ дѣлѣ въ объективно-реальномъ пространствѣ комнаты, гдѣ происходитъ засѣданіе... Одна лишь фотографія можетъ служить доказательствомъ, что матеріализованное явленіе представляетъ поверхность, способную отражать свѣтъ и существующую въ объективно-реальномъ пространствѣ... Такъ какъ матеріальное заключеніе медіума не можетъ служить ручательствомъ за подлинность явленія, то надобно получить одновременный снимокъ медіума и призрака прежде, чѣмъ принять, что видимое присутствующими явленіе объективно... Необходимое условіе для такого фотографическаго доказательства состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы къ фотографическому аппарату, къ кассеткѣ и пластинкѣ не допускался ни профессіональный фотографъ, ни медіумъ — для

того, чтобъ исключить всякое подозрѣніе относительно какихъ-либо манипуляцій... (См. весь цитатъ выше, стр. 33).

„Позволяю себѣ думать, что теперь условія эти выполнены во всей ихъ полнотѣ, и что Гартманъ, вникнувъ внимательно во всю обстановку — нравственную и физическую — при которой былъ произведенъ мною требуемый имъ опытъ, найдетъ ее совершенно достаточною для признанія явленія матеріализаціи реально существующимъ“ [1]).

V. Я долженъ, наконецъ, перейти къ послѣдней рубрикѣ доказательствъ объективности матеріализаціи посредствомъ фотографіи, а именно при необыкновенныхъ условіяхъ полной темноты. Здѣсь уже нѣтъ болѣе рѣчи о томъ, гдѣ находится медіумъ. Сколько бы онъ ни трансфигурировался, онъ все-таки не произвелъ бы никакого дѣйствія на пластинкѣ; а между тѣмъ фактъ таковъ, что матеріализованная фигура можетъ быть фотографирована въ абсолютной темнотѣ, представляя въ самомъ этомъ фактѣ доказательство своего трансцендентальнаго происхожденія. Первыя извѣстія о фотографіяхъ этого рода дошли до насъ изъ Америки въ 1875 году (см. „Спиритуалистъ“ 1875 года, томъ II, стр. 297; 1876 г., томъ I, стр. 308 и 313); но самая замѣчательная серія опытовъ подобной фотографіи была сдѣлана въ Парижѣ въ 1877 году графомъ де-Бюлэ съ медіумомъ Фирманомъ (см. „Спиритуалистъ“ 1877 года, томъ II, стр. 165, 178, 202), а впослѣдствіи графъ далъ о нихъ обстоятельный отчетъ въ статьѣ, напечатанной въ „Спиритуалистѣ“ 1878 года, томъ II, стр. 175.

---

[1]) Воспроизводя здѣсь эту статью мою изъ „Ребуса“, я полюбопытствовалъ взглянуть, какимъ образомъ воспроизведена она въ книгѣ г. Петрова: „Медіумическія матеріализаціи“, и, къ удивленію своему, увидалъ, что это переводъ съ нѣмецкаго перевода той-же статьи, помѣщеннаго въ моемъ нѣмецкомъ журналѣ „Ps. Studien“. Между тѣмъ, изъ примѣчанія г. Петрова на первой же страницѣ, надо понять, что эта статья прямо перепечатана имъ изъ „Ребуса“. Для чего понадобилось г. Петрову вмѣсто оригинала помѣстить переводъ съ перевода—понять трудно. Но я вынужденъ указать на это, потому что нѣмецкій переводъ вѣренъ, а переводъ съ нѣмецкаго грѣшитъ ошибками противъ смысла и слога, которыя всякій, естественно, припишетъ оригиналу.

Описаніе фотографіи подобнаго рода, полученной при томъ же медіумѣ, мы находимъ въ числѣ замѣчательныхъ опытовъ г. Реймерса и все та же Берти, которая доказала ему свою объективную индивидуальность всѣми возможными способами, завершила ихъ, давши свой образъ такимъ фотографическимъ процессомъ, который обманомъ объяснить невозможно, если только не заподозрить самого Реймерса. Вотъ, что онъ говоритъ:

„Въ теченіе зимы я имѣлъ случай произвести фотографическій опытъ, единственный въ своемъ родѣ, никакимъ обыкновеннымъ объясненіямъ не поддающійся. Я купилъ сухую пластинку, вставилъ ее въ кассетку въ девять часовъ вечера и держалъ руки свои въ камерѣ до того времени, покуда медіумъ не усѣлся за занавѣску, и тогда я погасилъ огонь. Былъ данъ сигналъ открыть объективъ, а черезъ нѣсколько секундъ закрыть его опять. Вмѣстѣ съ проснувшимся медіумомъ отправился я въ темную комнату и, не спуская ни на минуту глазъ съ пластинки, я увидалъ, какъ Берти съ крестомъ на шеѣ, въ томъ видѣ, какъ она обыкновенно матеріализуется, стала мало-по-малу выступать на пластинкѣ. Вотъ образъ, возникшій въ полномъ мракѣ, дѣйствуя на пластинку исходящими изъ него самого лучами, наперекоръ всѣмъ намъ извѣстнымъ законамъ природы. Видна только фигура въ одѣяніи, никакого слѣда чего-либо окружающаго; слѣдовательно, это не отраженный свѣтъ, а лучи исходятъ прямо изъ фигуры“ („Ps. St.“ 1879 года, стр. 399).

Обратившись къ г. Реймерсу за нѣкоторыми дополнительными разъясненіями, я получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Уеллингтонъ Парадъ, Паулеттъ Стритъ, Мельбурнъ (Австралія), 8-го іюня 1886 года.

„М. Г. Я думаю, что я описалъ фотографію въ темнотѣ не достаточно точно, и потому тотчасъ же отвѣчаю вамъ на всѣ пункты.

„Вмѣстѣ съ Альфредомъ Фирманомъ отправился я въ городъ и купилъ сухія пластинки, которыя въ углахъ номѣтилъ. Возвратившись изъ Лондона въ Ричмондъ, мы устроили каби-

нетъ и уставили камеру, взявши фокусъ съ того мѣста, гдѣ фигура по даннымъ указаніямъ будетъ находиться. Когда стемнѣло (это было въ сентябрѣ въ 9 часовъ вечера), Фирманъ сѣлъ въ кабинетъ, а я сталъ возлѣ камеры, на которой все время держалъ руки, послѣ того какъ я вставилъ въ кассетку пластинку, находившуюся со времени покупки ея въ моемъ карманѣ. Джонъ Кингъ, пользуясь устами своего медіума, скомандовалъ быть на готовѣ для открытія объектива по его приказанію и тутъ наступила такая тишина, что малѣйшее движеніе медіума было бы услышано. Вдругъ раздался голосъ Джона: „Открыть!“ и черезъ нѣсколько минутъ: „Теперь закрыть!“ Зажегши свѣчу, я самъ вынулъ пластинку и, когда Альфредъ приготовилъ химическій растворъ, я далъ ему пластинку и, глядя черезъ его плечо, видѣлъ, какъ фигура проявлялась на негативѣ. На отпечаткѣ видна фигура съ крестомъ на шеѣ, какъ она обыкновенно показывалась, но темная, на сѣромъ фонѣ.

„Получивъ такой крайне замѣчательный результатъ и обдумывая, какъ я всегда это дѣлалъ послѣ сеансовъ, какимъ обманомъ онъ могъ бы быть объясненъ, я пришелъ къ заключенію, что помимо невозможной поддѣлки моей помѣтки на пластинкѣ, остается предположить одно еще менѣе возможное, а именно: ловкую подмѣну уже выставленной, но не проявленной пластинки. Вынуть изъ кассетки одиу пластинку и замѣнить ее другою въ абсолютной темнотѣ и безъ всякаго шума—для медіума немыслимо, не говоря о томъ, что моя рука все время лежала на камерѣ. А такъ какъ я, вынувъ пластинку изъ кассетки, ни на минуту не выпускалъ ея изъ виду, то дальнѣйшія объясненія я долженъ предоставить другимъ.

„Преданный вамъ С. Реймерсъ“.

VI. Покончивъ съ рубрикой, посвященной доказательствамъ негаллюцинаторнаго характера матеріализаціи черезъ полученіе пребывающихъ физическихъ результатовъ, я долженъ упомянуть объ одномъ видѣ доказательствъ, посредствомъ которыхъ мы можемъ убѣдиться, что въ явленіи матеріализаціи мы дѣйстви-

тельно имѣемъ дѣло съ явленіемъ, обладающимъ атрибутомъ тѣлесности, а не съ галлюцинаціей. Доказательство это—взвѣшиваніе матеріализованной фигуры, а также и самого медіума во время развитія явленія. Самъ Гартманъ говоритъ, что подобные опыты „могутъ казаться пригодными для разрѣшенія этого вопроса“ (стр. 131); но такъ какъ всѣ дѣйствія тяжести могутъ быть произведены чудодѣйственною нервною силою — которая въ состояніи сдѣлать медіума легче воздуха, а призракъ столь же тяжелымъ какъ медіумъ,—то Гартманъ и приходитъ самъ къ заключенію, что такимъ путемъ „нельзя ничего констатировать навѣрное“ (стр. 131). По этой причинѣ я и не сталъ бы говорить въ моемъ отвѣтѣ объ этомъ видѣ объективнаго доказательства, еслибы я не прочелъ у г. Гартмана, вслѣдъ за приведенными мною словами, слѣдующее примѣчаніе:

„Въ одномъ извѣстномъ мнѣ случаѣ, гдѣ явленіе было взвѣшено, вѣсъ его согласовался съ вѣсомъ медіума („Ps. St.“ VIII, 52), изъ чего можно заключить, что это былъ самъ медіумъ, который и становился на вѣсы“ (стр. 131).

Сравнивъ это примѣчаніе съ приведенной ссылкой на „Ps. St.“, я нашелъ тутъ, въ письмѣ г. Армстронга къ г. Реймерсу, слѣдующее:

„Я присутствовалъ на трехъ сеансахъ съ г-жею Вудъ, гдѣ былъ въ употребленіи аппаратъ г. Блякбёрна для взвѣшиванія. Медіума напередъ взвѣсили и затѣмъ отвели въ кабинетъ (Кабинетъ устроенъ такъ, что медіумъ во время сеанса выйти не можетъ). Три фигуры показались одна за другой и вступили на вѣсы. Во второмъ сеансѣ вѣсъ колебался между 34 ф. и 176-ю—нормальномъ вѣсомъ медіума. На третьемъ сеансѣ вышла только одна фигура. Вѣсъ колебался между 83-мя и 84-мя ф. Такіе вѣсовые опыты, если только эти силы насъ не морочатъ, очень убѣдительны; но желалъ бы я знать, что же остается отъ медіума въ кабинетѣ, когда фигура вытягиваетъ его вѣсъ? Эти результаты, въ сравненіи съ подобными же опытами, становятся еще интереснѣе. На провѣрочномъ сеансѣ (test-seance) миссъ Ферлямъ (медіумъ) была такъ сказать за-

нита въ гамакъ, и такимъ образомъ подвѣшена на столбикахъ, что они показывали вѣсъ медіума, и при томъ такъ, что всѣ присутствовавшіе могли одновременно видѣть колебаніе. Въ короткое время стала замѣтна постепенная убыль въ вѣсѣ, и наконецъ появилась фигура, которая стала обходить присутствовавшихъ; убыль въ вѣсѣ медіума дошла до шестидесяти фунтовъ, до половины нормальнаго вѣса. Во время ухода и дематеріализаціи фигуры вѣсъ медіума сталъ опять прибывать, и когда по окончаніи сеанса его взвѣсили, оказалось, что онъ потерялъ отъ 3 — 4 фунтовъ. Развѣ это не доказательство, что вещество извлекается изъ медіума?“ („Ps. St.“ 1881 г., стр. 52—53).

Изъ этого письма мы видимъ, что въ третьемъ опытѣ съ миссъ Вудъ вѣсъ матеріализованной фигуры во все время былъ равенъ почти половинѣ нормальнаго вѣса медіума, а въ опытѣ миссъ Ферлямъ убыль вѣса ея тѣла дошла въ свою очередь до половины нормальнаго вѣса. Какъ согласовать этотъ фактъ съ замѣткой г. Гартмана? Не слѣдуетъ ли искать причину этого промаха также въ области „безсознательнаго“? А эти три, четыре фунта, которые медіумъ потерялъ въ своемъ нормальномъ вѣсѣ во время опыта? Не новое ли это проявленіе нервной силы, объясненіе котораго остается въ долгу за г. Гартманомъ?

Для тѣхъ, кто пожелалъ бы познакомиться съ исторіей опытовъ этого рода въ области матеріализаціи, я даю слѣдующія указанія: „Olcott. People from the other world“. Hartford 1875 г. стр. 241 — 243, 487. — „Spiritualist“ 1875 г., т. I, 207, 290; 1878 г., т. I, стр. 211, 235, 268, 287; т. II, стр. 115, 163. — „Light“ 1886 г., стр. 19, 195, 211, 273.

Первая часть моей главы о явленіяхъ матеріализаціи, имѣвшая доказать *несостоятельность галлюцинаторной гипотезы Гартмана съ точки зрѣнія фактической* — закончена. Мы получили отъ этого явленія всѣ требуемыя доказательства для убѣжденія, что тѣлесные аттрибуты, съ которыми оно связано, хотя и временнаго характера, но тѣмъ не менѣе реально-

объективны, каковыми бываютъ аттрибуты настоящаго тѣла, а не галлюцинаціи. Поэтому я считаю себя теперь вправѣ сказать, что для теоріи галлюцинаціи не только ничего не осталось „отъ узкой опоры, на которой она искусно балансировала“, но даже теорія эта потеряла и всякую почву подъ собою (см. выше, стр. 90).

Я имѣю полное убѣжденіе, что въ явленіяхъ матеріализаціи галлюцинація не играетъ ровно никакой роли; воображеніе, иллюзія — это другое дѣло; но если они и принимали тутъ участіе, то развѣ только при самомъ началѣ этихъ явленій, что весьма понятно и извинительно; въ настоящее же время пріобрѣтенная опытность принесла свои плоды и спириты относятся уже къ этимъ поразительнымъ явленіямъ гораздо трезвѣе.

Я перехожу теперь ко второй части той же главы, которая будетъ посвящена тому же тезису, *но только съ точки зрѣнія теоретической.*

Б. Несостоятельность галлюцинаторной гипотезы г. Гартмана съ точки зрѣнія теоретической.

Первая часть этой главы получила такое развитіе, котораго я самъ не ожидалъ; но я не отступалъ передъ накоплявшимися у меня матеріалами, по мѣрѣ того какъ я подвигался впередъ, такъ какъ я считаю явленіе матеріализаціи самымъ замѣчательнымъ и самымъ существеннымъ результатомъ, добытымъ въ спиритизмѣ. Поэтому установленіе объективной реальности этого явленія въ противоположность отрицательнымъ гипотезамъ д-ра Гартмана было для моего отвѣта главнымъ пунктомъ. Достигъ ли я намѣченной цѣли — судить не мнѣ. Обыкновенно философы влюблены въ свои теоріи; они держатся за нихъ во что бы то ни стало. Но такъ какъ все сочиненіе Гартмана о спиритизмѣ основано на предположеніи реальности явленій (см. стр. 19, 29), то я надѣюсь, что онъ не откажется „высказать условное сужденіе“ (стр. 29) и о фактахъ, упомянутыхъ мною въ этой главѣ, дотолѣ ему неизвѣстныхъ, и что онъ не захочетъ уклониться отъ естественно вытекающихъ

изъ оныхъ заключеній, прибѣгая именно для этихъ фактовъ къ столь легкому и избитому объясненію обманомъ и обманутыми.

Безъ всякаго сомнѣнія, факты представляютъ основу всякаго изслѣдованія въ области природы, и лучшій методъ, котораго я имѣлъ держаться въ своемъ отвѣтѣ Гартману, состоялъ, разумѣется, въ томъ, чтобы опираться на факты, представляя ихъ, на сколько было мнѣ возможно, въ условіяхъ, имъ самимъ требуемыхъ, или необходимыхъ для опроверженія галлюцинаторной гипотезы. Послѣ всей массы матеріаловъ, собранныхъ въ отдѣлѣ А главы I-й для доказательства, въ силу логики фактовъ, негаллюцинаторнаго характера явленія матеріализаціи, было бы почти безполезнымъ защищать тотъ же тезисъ съ точки зрѣнія теоретической. Но такъ какъ гипотеза г. Гартмана представляетъ, даже съ точки зрѣнія теоретической, такія несостоятельности, которыя навязываются сами собой, то я не могу пройти ихъ совершеннымъ молчаніемъ. Я буду кратокъ на сколько возможно, потому что теоретическія разсужденія всегда эластичны и ничего не разрѣшаютъ. Простой фактъ болѣе убѣдителенъ, чѣмъ какія бы то ни было разсужденія; поэтому я и не придаю имъ большого значенія. Трудно возражать противъ теоріи г. Гартмана, коихъ факторы, подобно сказочнымъ героямъ, одаряются, по волѣ его пера, магическими способностями. При всей артистической постановкѣ ихъ ролей, есть однако логическія требованія, которыя невозможно оставить безъ всякаго вниманія.

1. Остановимся прежде всего на общихъ началахъ теоріи Гартмана, имъ самимъ установленныхъ.

Первое положеніе. Медіумъ одаренъ способностью по своей волѣ переходить въ сомнамбулическое состояніе и внушать себѣ самому въ этомъ состояніи желаемыя галлюцинаціи. Я не буду останавливаться на первой половинѣ этого положенія, но только на томъ утвержденіи, что медіумъ, будучи въ трансѣ, имѣетъ какія захочетъ гллюцинаціи. На чемъ основано это утвержденіе? Если мы спросимъ самихъ медіумовъ и въ особенности тѣхъ, у которыхъ матеріализаціи не придерживаются стереотипныхъ формъ, они намъ отвѣтятъ, что, впадая въ трансъ,

они нисколько не думаютъ о фигурахъ, имѣющихъ появиться, что они не даютъ никакого „направленія“ своему сомнамбулическому сознанію, и что, просыпаясь, они ни о чемъ не помнятъ; но такое показаніе, съ одной стороны, можетъ быть и недобросовѣстно, а съ другой, — самовнушеніе можетъ произойти и безсознательно, какъ результатъ дѣятельности сомнамбулическаго сознанія. Намъ остается провѣрить высказанное положеніе состояніемъ самого медіума въ трансѣ. Гипнотическіе или сомнамбулическіе субъекты, когда галлюцинируютъ, всегда выражаютъ происходящее въ нихъ какими-нибудь внѣшними знаками; но медіумъ въ трансѣ подобенъ мертвецу—ни единое слово, ни единое движеніе не даютъ предположить, чтобы онъ видѣлъ что нибудь, и еще менѣе фигуру, которую видятъ другіе; если съ нимъ говорятъ, онъ не отвѣчаетъ. Что такое галлюцинація во время сна, какъ не сновидѣніе, коего реальность доведена до послѣдней степени напряженія и приводитъ спящаго въ такое состояніе возбужденія, отъ котораго онъ внезапно просыпается. Въ эту минуту онъ не можетъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія этой ужасной реальности. Очень часто спящій человѣкъ говоритъ и жестикулируетъ—значитъ, онъ видитъ сонъ. Ничего подобнаго не происходитъ съ медіумомъ въ трансѣ: онъ спитъ глубоко и спокойно. На чемъ же основано это коренное положеніе г. Гартмана, что медіумъ въ трансѣ галлюцинируютъ и даже „съ особенною интенсивностью галлюцинаціи“? Оно совершенно произвольно.

Второе общее положеніе. Медіумъ, разъ заснувши и галлюцинируя, внушаетъ присутствующимъ свою собственную галлюцинацію. Вотъ слова Гартмана: „сомнамбулическій медіумъ имѣетъ галлюцинаціи, принимаемыя имъ за дѣйствительность, и обладаетъ въ то же время сильнымъ желаніемъ, чтобы присутствующіе видѣли эту воображаемую дѣйствительность, т. е. имѣли бы тѣ же галлюцинаторныя представленія, какъ и онъ самъ“ (стр. 69). Это легко сказать въ общихъ словахъ, но вникнемъ ближе въ то, что происходитъ. Медіумъ, находясь за занавѣской, спитъ и видитъ во снѣ фигуру, которую „принимаетъ за дѣйствительность“. Тогда ему приходитъ

„сильное желаніе“ (ибо онъ не забываетъ своей роли медіума?), чтобы присутствующіе видѣли эту фигуру — такова цѣль сеанса. По его желанію, фигура выходитъ изъ темнаго кабинета, чтобы показаться зрителямъ — такъ обыкновенно бываетъ на сеансахъ. Какъ только фигура выходитъ изъ кабинета, медіумъ не видитъ ея болѣе, слѣдовательно, онъ перестаетъ галлюцинировать и присутствующіе также ничего не видятъ, — ибо медіумъ не можетъ внушить имъ галлюцинаціи, которой онъ больше не имѣетъ. Если бы г. Гартманъ возразилъ, что галлюцинація есть явленіе субъективное, внушаемое мозгамъ присутствующихъ, неограничиваемое предѣломъ кабинета, или занавѣски, и что медіумъ можетъ очень хорошо продолжать галлюцинировать, такъ сказать, и по ту сторону занавѣски, — я буду утверждать, что это не такъ, ибо вся постановка должна вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительности; медіумъ долженъ видѣть себя въ кабинетѣ, позади занавѣски: онъ долженъ быть убѣжденъ, что передъ нимъ дѣйствительная фигура, которую, разъ она вышла изъ кабинета, онъ не можетъ и не долженъ болѣе видѣть. Если бы онъ продолжалъ ее видѣть сквозь занавѣску, это было бы противно законамъ дѣйствительности, противно установленному обычаю; онъ понялъ бы тогда, что это галлюцинація; разъ это разсужденіе явилось, галлюцинаціи болѣе нѣтъ. Кромѣ того, не надо забывать, что если бодрственное сознаніе медіума дало ему такое внушеніе, что во время сеанса должна явиться передъ зрителями фигура, то это же самое бодрственное сознаніе внушаетъ ему, что во время этого появленія, онъ долженъ быть въ трансѣ, позади занавѣски, ничего не видѣть. Такова „традиція спиритическихъ кружковъ“. Будучи рабомъ этого внушенія, его галлюцинація, если таковая имѣется, не можетъ переступить за занавѣску. И такъ это второе положеніе Гартмана, въ силу самого закона внушенныхъ галлюцинацій, невозможно.

Перейдемъ *къ третьему положенію*. Какимъ образомъ медіумъ внушаетъ свои галлюцинаціи присутствующимъ? Г. Гартманъ объясняетъ намъ это: „универсальный медіумъ долженъ быть болѣе чѣмъ автосомнамбулъ; онъ долженъ быть также

сильнымъ магнетизаторомъ“ (стр. 41). „Медіумы въ своемъ состояніи сомнамбулизма, скрытаго или явнаго, обладаютъ такой массой нервной силы — будетъ ли то сила ихъ собственнаго организма, или сила, извлеченная изъ организма присутствующихъ и сконцентрированная — какую не развивалъ еще ни одинъ магнетизеръ въ своемъ совершенно бодрственномъ состояніи; вмѣстѣ съ тѣмъ и способность медіумовъ погружать присутствующихъ въ состояніе явнаго или скрытаго сомнамбулизма, при помощи этого большого запаса силы, должна быть большей, чѣмъ способность какого бы то ни было магнетизера, дѣйствующаго въ состояніи бодрственномъ“ (стр. 68). Это объясненіе не согласуется съ данными опыта. Медіумъ прежде всего существо пассивное, сенситивное, воспріимчивое ко всякаго рода вліяніямъ; когда онъ переходитъ въ трансъ или, по Гартману, въ сомнамбулическій сонъ, онъ переходитъ въ состояніе полной пассивности. Всякій сонъ есть состояніе пассивное, отличительная черта котораго отсутствіе воли. Это тѣмъ болѣе имѣетъ мѣсто въ вызванномъ сомнамбулическомъ снѣ, гдѣ сомнамбулъ не имѣетъ болѣе своей воли — она принадлежитъ магнетизеру. У медіума-автосомнамбула мѣсто магнетизера занимаетъ бодрственная воля, которая и даетъ сомнамбулическому сознанію медіума „опредѣленное направленіе по отношенію къ имѣющимся появиться галлюцинаціямъ“ (стр. 107). Но разъ импульсъ данъ, разъ превращеніе совершено, медіумъ ничто иное какъ автоматъ, рабъ галлюцинаціи, его охватившей и подчинившей. И вотъ, по г. Гартману, этотъ автоматъ, не переставая галлюцинировать, вдругъ дѣлается *дѣятельнымъ*, дѣлается въ свою очередь магнетизеромъ; онъ располагаетъ громадною силою, подчиняя своей волѣ, — безъ словъ, безъ жестовъ, и весьма часто даже не показываясь,— умы присутствующихъ; онъ повергаетъ ихъ въ гипнотическое состояніе безъ сна, которое Гартманъ называетъ скрытымъ сомнамбулизмомъ, и навождаетъ ихъ своими собственными галлюцинаціями. Сомнамбулъ магнетизеръ поступаетъ совершенно обдуманно. Когда онъ находитъ, что „всѣ участники сеанса достаточно подпали подъ его власть“ (стр. 115), онъ

тогда только пускаетъ въ ходъ галлюцинаціи. Онъ обдумываетъ, какого рода галлюцинацію онъ будетъ имѣть самъ и какую внушить другимъ: покажется ли онъ самъ въ роли Джона Кинга, или заставитъ видѣть отшедшаго, и сколько чувствъ будутъ охвачены галлюцинаціей (см. стр. 118, 119, 126). Здѣсь г. Гартманъ забываетъ сказать намъ, какимъ образомъ происходитъ *измѣненіе галлюцинацій* въ медіумѣ автосомнамбулѣ? Откуда берется новое „направленіе“? Предположимъ, что онъ галлюцинируетъ, что онъ видитъ Джона Кинга и переноситъ эту галлюцинацію на присутствующихъ; потомъ эта галлюцинація исчезаетъ и уступаетъ мѣсто „усиленному желанію возбудить въ близко находящемся воспринимателѣ галлюцинацію личнаго присутствія отшедшаго духа“ (стр. 119); какимъ образомъ совершается эта перемѣна въ сомнамбулѣ? Въ магнетической или гипнотической практикѣ перемѣна внушенныхъ галлюцинацій совершается посредствомъ пробужденія субъекта, вторичнаго усыпленія и внушенія другой галлюцинаціи. Въ нашемъ случаѣ автосомнамбулъ продѣлываетъ все это самъ. Заставивъ себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ галлюцинировать, что онъ Джонъ Кингъ, онъ находитъ, что пришло время смѣнить эту галлюцинацію другой; онъ возвращается къ состоянію сомнамбулизма безъ галлюцинаціи, обозрѣваетъ состоянія маскированнаго сомнамбулизма въ присутствующихъ, видитъ посредствомъ чтенія мыслей въ „гиперэстезической сомнамбулической памяти“ одного изъ нихъ образъ кого-нибудь изъ отшедшихъ, онъ внушаетъ себѣ эту галлюцинацію и переноситъ ее въ то же время на сомнамбулическое маскированное сознаніе этого присутствующаго и всѣхъ остальныхъ, затѣмъ продѣлываетъ то же самое съ другой галлюцинаціей и т. д., и т. д. Такимъ образомъ мы имѣемъ въ медіумѣ сомнамбулѣ существо пассивное и дѣятельное въ то же время, галлюцинирующее и заставляющее галлюцинировать другихъ, галлюцинирующее и сознающее свою галлюцинацію, галлюцинирующее и властвующее надъ своими галлюцинаціями, которыми онъ играетъ передъ зрителями какъ маріонетками. Все это — цѣлый рядъ психическихъ неодолимыхъ противо-

рѣчій. Гартманъ будетъ апеллировать къ своему магическому фактотуму — сомнамбулическому сознанію медіума. Вотъ *deus ex machina*. Но каковъ онъ ни богъ, онъ не можетъ дѣлать двухъ вещей заразъ!

Четвертое положеніе. Медіумъ автосомнамбулъ не только заставляетъ присутствующихъ галлюцинировать вмѣстѣ въ собой, но въ то же время онъ заставляетъ внушаемыя имъ галлюцинаціи производить *физическія дѣйствія*—двигать предметы, писать, дѣлать оттиски и проч. Эти дѣйствія производятся посредствомъ нервной силы медіума, которую онъ направляетъ по волѣ своего сомнамбулическаго сознанія. И такъ къ той двойственной психической дѣятельности, которую сомнамбулическое сознаніе медіума уже проявило, присоединяется теперь и третья, проявляемая одновременно съ другими — дѣятельность совершенно физическая, ибо таковъ характеръ нервной силы по г. Гартману. Эта теорія весьма удобна, только она отвѣчаетъ еще менѣе ученію о единствѣ психическаго акта. И дѣйствительно, операція переноса своей собственной галлюцинаціи на кружокъ изъ нѣсколькихъ лицъ уже сама по себѣ такая затрата психической силы, которая, казалось бы, должна была поглотить весь запасъ психической энергіи, потраченной операторомъ; но ничуть не бывало, она происходитъ одновременно съ такимъ дѣйствіемъ воли, „которое освобождаетъ магнетическую или медіумическую нервную силу изъ нервной системы и направляетъ ее опредѣленнымъ образомъ на живые или мертвые объекты“ (стр. 67). Тутъ есть небольшое слово, надъ которымъ нельзя не задуматься. Что значитъ „опредѣленнымъ образомъ“? Гартманъ намъ ничего не поясняетъ. Посмотримъ однако, что происходитъ: фигура является, я подаю ей бумагу и карандашъ, она беретъ ихъ, пишетъ и кладетъ бумагу на столъ. Чтобы продѣлать это, невидимый операторъ-медіумъ (или его сомнамбулическое сознаніе) долженъ быть ясновидящимъ. Это не есть простое „чтеніе, или переносъ мыслей“, которые даютъ оператору понятіе о формѣ и „умственномъ содержаніи фигуры“; нѣтъ, этого не достаточно, чтобы заставить совпасть движеніе гал-

люцинаторной фигуры съ реальнымъ содержаніемъ внѣшняго міра: для этого требуется прямое ясновидѣніе предметовъ, находящихся въ реально-объективномъ пространствѣ. Вотъ что значитъ словечко „опредѣленнымъ образомъ“! И такъ дѣятельность, проявленная медіумомъ сомнамбуломъ, уже *учетверилась!* Эта множественность *одновременныхъ ролей,* навязанныхъ психическому единству, представляетъ такую смѣсь фантастическихъ утвержденій, передъ которыми всякая критика отступаетъ.

Пятое положеніе. Оно спеціально относится до участниковъ сеанса. Они должны находиться во время сеанса въ состояніи маскированнаго сомнамбулизма; въ это состояніе ихъ повергаетъ самъ медіумъ, ибо оно для него необходимо для внушенія галлюцинацій. Это условіо *sine qua non* для наблюденія явленія такъ называемой матеріализаціи. Въ чемъ же состоитъ этотъ маскированный сомнамбулизмъ? Какимъ внѣшнимъ признакомъ отличается такое состояніе отъ нормальнаго? Никакимъ, отвѣчаетъ намъ Гартманъ. Почему же оно называется сомнамбулическимъ? Гартманъ этого не поясняетъ. Какимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, оно происходитъ?—Очень просто, медіумъ удаляется за занавѣску, переходитъ въ состояніе яваго сомнамбулизма, силою своей воли магнетизируетъ присутствующихъ и приводитъ ихъ въ состояніе скрытаго сомнамбулизма. Но гдѣ же доказательство? Оно ясно: они видятъ матеріализованную фигуру, которая не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ галлюцинаціей; слѣдовательно они галлюцинируютъ, хотя и не спятъ,—слѣдовательно, они находятся въ состояніи маскированнаго сомнамбулизма. Развѣ это не ясное доказательство?

Сравнимъ этотъ образъ дѣйствій съ тѣмъ, что происходитъ въ магнетической или гипнотической практикѣ при вызываніи галлюцинацій. Прежде всего субъектъ долженъ быть усыпленъ; признано, что не болѣе половины людей воспріимчивы къ магнетическому воздѣйствію и что въ этой половинѣ степень воспріимчивости болѣе или менѣе различна въ каждомъ; разъ субъектъ усыпленъ, нѣкоторое отношеніе (rapport) уста-

навливается между нимъ и магнетизеромъ, который можетъ внушить ему галлюцинацію посредствомъ слова, или инымъ внѣшнимъ способомъ; чтобы прекратить галлюцинацію, магнетизеръ долженъ разбудить его, но по пробужденіи субъектъ ни о чемъ не помнитъ. Ничего подобнаго, какъ мы знаемъ, не происходитъ съ присутствующими на сеансѣ. Аналогіи никакой. Правда, и г. Гартманъ говоритъ: „что между медіумомъ и участниками должно установиться тѣсное соотношеніе, прежде чѣмъ могутъ удасться трансфигураціи и матеріализаціи“ (стр. 114); это соотношеніе устанавливается, по его мнѣнію, частымъ повтореніемъ сеансовъ одного и того же медіума съ однимъ и тѣмъ же кружкомъ. Но если соотношеніе и можетъ установиться этимъ путемъ, то много случаевъ, гдѣ подобнаго соотношенія и не существуетъ: десятокъ лицъ собираются; они никогда не были гипнотизированы; нѣкоторыя изъ нихъ никогда не присутствовали на сеансахъ этого медіума; другія никогда не присутствовали ни на какихъ сеансахъ и третьи, наконецъ, пришли съ твердымъ убѣжденіемъ, что при нихъ ничего не произойдетъ — все это нисколько не мѣшаетъ тому, что медіумъ безъ малѣйшихъ магнетическихъ пріемовъ подчинятъ всѣхъ членовъ этой разнородной компаніи, нисколько ихъ не усыпляя, одной и той же галлюцинаціи, которую они всѣ запоминаютъ очень хорошо. Такъ, напр., я самъ въ первый разъ въ жизни увидалъ матеріализованную фигуру (Кэти Кингъ) на первомъ моемъ сеансѣ у миссъ Кукъ. По г. Гартману, это именно была галлюцинація, а не трансфигурація медіума, такъ какъ я поднялъ занавѣску вслѣдъ за исчезновеніемъ фигуры и убѣдился въ неизмѣнности положенія медіума. Прибавлю, что я нисколько не сенситивенъ и никогда не чувствовалъ никакого дѣйствія отъ магнетизаціи. Прибавлю, еще, что, противно утвержденію Гартмана, частные кружки, постоянные и однородные по составу, такъ называемые гармоническіе, составляютъ исключеніе въ спиритизмѣ, а напротивъ большинство кружковъ состоитъ изъ публичныхъ, измѣнчивыхъ и разнородныхъ.

Укажу здѣсь еще на замѣчательную особенность, изъ ко-

торой видно, сколь мало сходнаго имѣютъ медіумическіе пріемы съ какой-либо магнетизаціей. Извѣстно, что для успѣшной магнетизаціи или гипнотизаціи требуется согласіе лица, т.-е. чтобы оно не противилось опыту, чтобы приняло извѣстную позу, чтобы наложило на себя нѣсколько минутъ молчанія и сосредоточенности. На медіумическомъ сеансѣ требуется какъ разъ обратное. Обыкновенно говорятъ и Гартманъ также повторяетъ, что медіумическія явленія обнаруживаются вслѣдствіе психическаго возбужденія, вызваннаго долгимъ „напряженнымъ ожиданіемъ“. Такъ предполагается и утверждается тѣми, кои нисколько не знакомы съ предметомъ практически. Тѣ же, которые имѣютъ достаточную опытность въ этомъ дѣлѣ, знаютъ очень хорошо, что для происхожденія явленій требуется именно обратное условіе — что сосредоточеніе мыслей всего болѣе вредитъ на сеансахъ, въ особенности когда явленія еще не начались. Будь это сеансъ свѣтлый или темный, для явленій физическихъ или для матеріализаціи — всегда налагается медіумомъ или невидимыми силами то же самое условіе: *не сосредоточиваться, слегка разговаривать, пѣть или играть на какомъ-нибудь инструментѣ*. Что особенно вредитъ присутствующимъ впервые на сеансахъ — это возбужденіе, ожиданіе чего-то необыкновеннаго. Привычные же участники ихъ знаютъ, что именно во время легкаго разговора, неимѣющаго никакого отношенія къ спиритизму, и происходятъ самыя замѣчательныя явленія. И вотъ, по г. Гартману, всѣ члены подобнаго кружка, занимающагося музыкой, пѣніемъ или пустою болтовней, должны сдѣлаться жертвою той одной галлюцинаціи, которую спящему медіуму вздумается создать.

Къ чему же сводится теорія г. Гартмана, относящаяся до явленія матеріализаціи? Не смотря на всѣ осложненія, нагороженныя на упомянутыхъ мною выше общихъ основаніяхъ, она сводится въ простѣйшемъ выраженіи своемъ къ слѣдующей формулѣ: *медіумъ спитъ и грезитъ, а присутствующіе грезятъ вмѣстѣ съ нимъ, но не спятъ*. Вотъ что г. Гартманъ называетъ „научно-психической точкой зрѣнія“.

2. Посмотримъ теперь, какъ вяжется эта теорія г. Гарт-

мана съ историческимъ началомъ спиритизма. Въ главѣ о матеріализаціяхъ онъ построилъ свою теорію, разсматривая это явленіе въ тѣхъ условіяхъ, какъ оно обыкновенно наблюдается въ наше время. Эти условія слѣдующія: 1) Появленіе цѣлой фигуры. 2) Слабый свѣтъ или полумракъ. 3) Медіумъ невидимъ за занавѣской. 4) Медіумъ находится въ состояніи сна болѣе или менѣе анормальнаго.—Такая постановка поддается нѣкоторымъ образомъ объясненію, предлагаемому докторомъ Гартманомъ, что медіумъ есть автосомнамбулъ и проч. Но возвратимся къ первымъ временамъ спиритизма, къ годамъ 1848—1850 и слѣдующимъ; въ ту пору сеансы происходили при свѣтѣ, медіумъ самъ участвовалъ въ кружкѣ, онъ не впадалъ въ трансъ или въ какое бы то ни было состояніе усыпленія, — онъ самъ былъ въ числѣ зрителей; всѣ медіумическія физическія явленія, нынѣ намъ извѣстныя, происходили уже и тогда во всей силѣ, только не было явленія матеріализаціи полныхъ фигуръ: оно ограничивалось прикосновеніями и появленіями рукъ, съ передвиженіемъ матеріальныхъ предметовъ, или безъ онаго; прибавимъ къ этому, что первыми медіумами были дѣти — дѣвочки 10 и 12 лѣтъ. Какъ согласовать подобную постановку со словами Гартмана: „Этотъ произвольный переходъ въ сомнамбулизмъ во всякое время, когда понадобится, требуетъ въ особенности *значительнаго упражненія*, чтобы проявляться съ нѣкоторою опредѣленностью, по желанію чужихъ людей“ (стр. 38). И далѣе: „Каждый участникъ медіумическихъ сеансовъ долженъ, напротивъ, постоянно помнить, что онъ находится подъ вліяніемъ весьма сильнаго магнетизера, котораго интересъ, имъ самимъ сознаваемый, состоитъ въ томъ, чтобы погрузить присутствующаго въ скрытый сомнамбулизмъ и заразить его своими галлюцинаціями“ (стр.70). И далѣе: „Въ явный сомнамбулизмъ медіумъ впадаетъ обыкновенно: во-первыхъ, при невольной рѣчи; во-вторыхъ — при физическихъ явленіяхъ, которыя требуютъ особеннаго напряженія нервной силы, и въ третьихъ — для передачи галлюцинацій присутствующимъ, для чего, повидимому, галлюцинаціи эти должны быть особенно интенсивны въ самомъ медіумѣ“

(стр. 38). Еще далѣе: „Произведеніе галлюцинацій въ зрителяхъ совершается, какъ кажется, вообще лишь при маломъ свѣтѣ“ (стр. 12).

Гдѣ найдемъ мы „значительное упражненіе“, „сильнаго магнетизера“, „явный сомнамбулизмъ“. и „малый свѣтъ“ у дѣвочекъ медіумовъ 1849 года, вокругъ которыхъ медіумическія явленія такъ неожиданно разразились. Не смотря на всѣ ихъ усилія, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, эти явленія преслѣдовали ихъ безъ устали, подвергая всевозможнымъ непріятностямъ. Ничто не могло остановить ихъ. „Повѣдайте эти истины міру“—вотъ что потребовали невидимыя силы первымъ полученнымъ по азбукѣ сообщеніемъ, и дѣвочки медіумы, не смотря на все свое сопротивленіе, были вынуждены наконецъ уступить и предать эти явленія публичному разслѣдованію. Я позволяю себѣ думать, что еслибъ матеріализаціи остановились на этой первоначальной фазѣ своего развитія и продолжали бы происходить при вышеупомянутыхъ условіяхъ, то г. Гартманъ не нашелъ бы тогда достаточныхъ данныхъ для построенія своей галлюцинаторной теоріи. А между тѣмъ родъ явленія очевидно одинаковъ.

3. Изученіе явленій матеріализаціи доказываетъ намъ, что въ основѣ этого явленія лежитъ общій законъ, который уже самъ по себѣ опровергаетъ теорію галлюцинаціи. Этотъ законъ состоитъ въ томъ, что первыя фазы матеріализаціи носятъ поразительное сходство съ отдѣльными членами или даже всей фигурою медіума. Впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія медіума въ этомъ направленіи, сходство это можетъ, не исчезая совершенно, дать мѣсто матеріализаціи фигуръ самыхъ разнообразныхъ; другіе медіумы не переступаютъ за этотъ предѣлъ и всѣ ихъ матеріализаціи представляютъ такое сходство съ медіумомъ, что естественно приходишь къ предположенію, что это самъ трансфигурированный медіумъ, покуда, послѣ достаточныхъ мѣръ предосторожности, не убѣдишься, что имѣешь передъ собою полное раздвоеніе медіума. Напримѣръ, въ классическихъ случаяхъ Кэти Кингъ и Джона Кинга, имѣвшихъ мѣсто въ Англіи и на разные лады обслѣдованныхъ, приходилось признать во-

обще большее или меньшее, а иногда и полное сходство съ медіумомъ; такъ Джонъ Кингъ являлся при дневномъ свѣтѣ и портретъ его былъ нарисованъ въ то время, какъ медіума за занавѣской держали за обѣ руки („Медіумъ“ 1873 г., стр. 346); или онъ являлся въ темнотѣ, освѣщая себя собственнымъ свѣтомъ въ то время, какъ медіума держали за руки въ кружкѣ или внѣ его; такъ Кэти Кингъ являлась въ то время, какъ часть тѣла медіума была видима, или она мгновенно исчезала, когда кто-нибудь входилъ вмѣстѣ съ нею въ кабинетъ, чтобы видѣть медіума. Эти случаи, по Гартману, суть очевидныя галлюцинаціи, а не трансфигураціи, если же это галлюцинаціи то къ чему же это сходство съ медіумами? *Сходство это приводило медіумовъ въ отчаяніе* и разумѣется, если бы только они могли производить галлюцинаціи по своей волѣ и фантазіи, то *никакъ бы не стали изображать въ этихъ галлюцинаціяхъ свои собственныя фигуры*, что вызывало только подозрѣнія и всякаго рода попытки изобличить обманъ.

То же самое относится и до матеріализацій, образующихся на глазахъ присутствующихъ. Какъ галлюцінація, этотъ способъ явленія нравится г. Гартману, но какъ объективное явленіе онъ ему не нравится; въ доказательство того, что не самъ медіумъ „безсознательно производитъ призракъ“ (стр. 138), г. Гартманъ требуетъ нѣчто иное; онъ говоритъ: „когда же полное отдѣленіе и призракъ былъ *наблюдаемъ въ теченіе процесса своего происхожденія и исчезновенія, то оказывалось, что онъ вполнѣ исходилъ изъ медіума и возвращался въ него*, и притомъ не въ видѣ готоваго образа, постепенно наполняющагося веществомъ и опоражнивающагося отъ вещества, но въ видѣ безформеннаго тумана, мало-по-малу пріобрѣтавшаго опредѣленный видъ и подобнымъ же образомъ терявшаго его“ (стр. 137). Если подобный призракъ былъ бы дѣйствительно только галлюцинаціей, то фантазія медіумовъ даже превзошла бы всѣ требованія г. Гартмана: всякаго рода „готовые образы“, отвѣчающіе самымъ горячимъ ожиданіямъ присутствующихъ, появлялись бы и исчезали мгновенно.

Здѣсь представляется и другое соображеніе: если матеріа-

лизація ничто иное какъ галлюцинація, вызванная медіумомъ, и если медіумъ имѣетъ способность видѣть всѣ образы, накопившіеся въ глубинахъ скрытаго сомнамбулическаго сознанія присутствующихъ, и посредствомъ чтенія мыслей проникать во всѣ мысли и впечатлѣнія, таящіяся въ ихъ памяти въ скрытомъ состояніи — то для него было бы дѣломъ самымъ легкимъ доставить присутствующимъ на сеансѣ величайшее удовлетвореніе, давая имъ всегда возможность видѣть близкихъ и дорогихъ имъ отшедшихъ. Какое торжество, какая слава, какой источникъ богатства для такого медіума! Но къ великому сожалѣнію всѣхъ медіумовъ дѣло обстоитъ не такъ: большею частью появляются фигуры, которыхъ никто не узнаетъ не смотря на желаніе, и случаи, гдѣ сходство съ отшедшимъ вполнѣ установлено и доказано не только относительно внѣшней формы, но и внутренняго содержанія, — очень рѣдки. Первые составляютъ общее правило, — вторые исключеніе. Всѣ эти отрицательныя стороны, не отвѣчающія возлагаемымъ на эти явленія ожиданіямъ, служатъ, въ моихъ глазахъ, доказательствомъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ естественнымъ, проявляющимся въ извѣстномъ видѣ и при извѣстныхъ условіяхъ, настоящій смыслъ котораго намъ покуда не извѣстенъ.

4. Если мы прослѣдимъ исторію матеріализаціи нѣкоторыхъ фигуръ, регулярно появлявшихся въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, мы встрѣтимся съ нѣкоторыми случаями, которые также имѣютъ значеніе для теоріи даннаго явленія и представляютъ своего рода доказательство, что это не простыя галлюцинаціи. Первый случай этого рода относится къ появленію Кэти Кингъ и такъ какъ онъ былъ удостовѣренъ наилучшими свидѣтельствами, то я на немъ и остановлюсь. Съ самаго начала своего появленія она объявила, что будетъ матеріализоваться только въ теченіе трехъ лѣтъ, что съ истеченіемъ этого срока „ея дѣло будетъ закончено“, и что она не будетъ болѣе въ состояніи проявляться физически, видимо и осязаемо; что переходя въ болѣе высокое состояніе, она уже не будетъ имѣть возможности сообщаться со

своимъ медіумомъ столь матеріальнымъ образомъ. (См. „Спиритуалистъ“ 1874 г. т. I, стр. 258 и т. II, стр. 291). Назначенный срокъ истекалъ въ маѣ 1874 года; послѣдній сеансъ былъ назначенъ Кэти на 21-е мая; онъ происходилъ у г. Крукса. Вотъ, по его словамъ, какъ произошло исчезновеніе Кэти: „Когда для Кэти пришло время насъ покинуть, я просилъ ее, чтобъ она позволила мнѣ остаться съ нею до послѣдней минуты. Послѣ того, она подзывала къ себѣ каждаго изъ присутствующихъ и говорила ему нѣсколько словъ, собственно до него относящихся, а затѣмъ дала нѣсколько общихъ указаній для миссъ Кукъ въ руководство на будущее время. Окончивъ свои наставленія, Кэти пригласила меня съ собою въ кабинетъ и позволила остаться тамъ до конца. Опустивъ занавѣску, она нѣкоторое время разговаривала со мной и затѣмъ прошла чрезъ всю комнату къ миссъ Кукъ, которая лежала на полу въ безчувственномъ состояніи. Наклонясь, Кэти дотронулась до нея и сказала: „Проснись Флорри, проснись, я теперь должна оставить тебя!“ Миссъ Кукъ проснулась и со слезами просила Кэти остаться съ нею хотя еще немножко: „Моя дорогая, я не могу, мое дѣло исполнено. Богъ да благословитъ тебя!“ отвѣчала Кэти и продолжала разговаривать съ миссъ Кукъ. Онѣ проговорили между собою нѣсколько минутъ, до тѣхъ поръ пока слезы миссъ Кукъ лишили ее возможности говорить. По указанію Кэти я подошелъ поддержать миссъ Кукъ, упавшую на полъ въ истерическихъ рыданіяхъ. Я оглянулся кругомъ, но бѣлая фигура Кэти уже исчезла“. (См. *Н. Петрова „Матеріализаціи“*, стр. 187). Г. Гаррисонъ, издатель „Спиритуалиста“, въ своемъ отчетѣ объ этомъ же послѣднемъ сеансѣ, говоритъ между прочимъ: „Кэти сказала, что она никогда не будетъ болѣе въ состояніи говорить или показывать свое лицо; что тѣ три года, въ продолженіе которыхъ она производила эти физическія явленія были тяжкимъ и грустнымъ для нея временемъ „покаянія за грѣхи свои“, и что теперь она собирается перейти на болѣе высокую ступень духовнаго бытія; что только изрѣдка она будетъ въ состояніи сообщаться съ своимъ медіумомъ письменно, но что онъ во всякое время бу-

деть имѣть возможность видѣть ее въ ясновидѣніи, когда его будутъ магнетизировать“ (см. „Ps. St.“ 1874 г., стр. 488).

Я не могу достаточно остановиться на внутреннемъ значеніи этого факта. Какъ объяснить раціональнымъ образомъ, съ точки зрѣнія теоріи трансфигураціи, или галлюцинаціи, или даже обмана, это добровольное прекращеніе явленія Кэти Кингъ? Если бы это явленіе зависѣло только отъ медіума, то какой мотивъ могъ бы побудить его положить ему конецъ? Миссъ Кукъ, какъ медіумъ находилась тогда на вершинѣ своей славы; самолюбіе медіумовъ въ этомъ направленіи развивается весьма естественно въ высокой степени, ибо ихъ необыкновенныя способности раскрываютъ передъ ними двери высшаго общества и они становятся центромъ особеннаго всесторонняго вниманія и поклоненія, что не можетъ не льстить ихъ самолюбію. Она была тогда единственнымъ въ Европѣ медіумомъ для матеріализаціи полныхъ фигуръ. Для чего же ей добровольно сходить съ этого пьедестала, чтобы остаться въ забытіи? Она не могла знать, что станется потомъ съ ея медіумическими способностями, достигнетъ ли она подобныхъ же результатовъ? И зачѣмъ ей было мѣнять вѣрное на невѣрное? Г. Крукъ, съ своей стороны, былъ крайне заинтересованъ этими сеансами и ничего такъ не желалъ, какъ продолжать свои наблюденія и опыты. Участіе въ нихъ г. Крукса, признавшаго открыто всю подлинность явленія, придавало имъ исключительный интересъ и значеніе, и медіумъ не могъ не понимать и цѣнить этого. Какой же мотивъ, спрашиваю я опять, могъ быть довольно сильнымъ, чтобы заставить медіума прекратить это явленіе? Если оно зависѣло единственно отъ его воли, ему оставалось только продолжать и наслаждаться своей возрастающей славой. Можно бы еще предположить ослабленіе медіумическихъ способностей и въ прощаніяхъ Кэти Кингъ усмотрѣть только ловкую комедію для отступленія. Но мы знаемъ, что явленія, напротивъ, только возрастали и въ послѣднее время становились все опредѣленнѣе и удовлетворительнѣе, и что по исчезновеніи Кэти способности миссъ Кукъ нисколько не пострадали: вскорѣ новая фигура стала показы-

ваться съ такимъ же совершенствомъ, какъ это видно изъ письма г-жи Крукъсъ въ „*Спиритуалистъ*“ 1875 г., т. I, стр. 312. И этотъ фактъ прекращенія матеріализаціи фигуры, являвшейся въ продолженіе нѣкотораго времени, не единственный въ лѣтописяхъ спиритизма (см. „Medium“, 1876 г., стр. 534). Насколько я понимаю, подобные факты доказываютъ, что въ этихъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ волею иною, чѣмъ самого медіума, и что явленіе само по себѣ имѣло объективную реальность.

5. Чтобы закончить съ теоретической стороной, я долженъ повторить здѣсь одно теоретическое возраженіе, мною уже высказанное въ первомъ отдѣлѣ этой главы, когда рѣчь шла объ отпечаткахъ, производимыхъ матеріализованными членами. Возраженіе это слѣдовало бы оставить для теоретической части, но я увлекся желаніемъ указать на логическую непослѣдовательность, вытекающую изъ теорін Гартмана когда мнѣ пришлось говорить спеціально объ этомъ явленіи. Я напомню здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ о чемъ идетъ рѣчь, ибо эта самая непослѣдовательность, очевидно, не ограничивается галлюцинаторнымъ объясненіемъ появленія какой-либо части человѣческаго тѣла, но одинаково относится и къ появленію цѣлой матеріализованной фигуры. Г. Гартманъ нашелъ себя вынужденнымъ сдѣлать уступку для появленія рукъ: онѣ могутъ и не быть чистыми галлюцинаціями зрѣнія, а могутъ имѣть реально-объективный субстратъ въ нервной силѣ, сосредоточеніе которой можетъ быть таково, что рука способна сдѣлаться осязаемой и *чувство осязанія* не будетъ въ этомъ случаѣ галлюцинаціей этого чувства, что доказывается отпечаткомъ, производимымъ этой рукой на закопченной бумагѣ. Но видимость этой руки для лица ее осязающаго будетъ, по г. Гартману, уже галлюцинаціей. Вотъ гдѣ кроется „логическая непослѣдовательность“, захватывающая очевидно всю галлюцинаторную теорію, предложенную Гартманомъ для объясненія матеріализацій. Когда цѣльная фигура является, совершаетъ всякаго рода физическія дѣйствія и даетъ до себя дотрагиваться, г. Гартманъ допускаетъ, что эти дѣйствія могутъ быть реальными, негаллюцинаторными,

произведенными нервною медіумическою силою, „представляющею аналогъ давящей поверхности руки, безъ лежащаго за этой поверхностью вещественнаго тѣла“ (стр. 125). Почему же онъ не допускаетъ, что этотъ самый „аналогъ давящей поверхности“ можетъ произвести зрительное дѣйствіе? Такимъ образомъ, для одной серіи дѣйствій, вызванныхъ тѣмъ же явленіемъ, г. Гартманъ допускаетъ, что причина его лежитъ „въ чемъ то матеріальномъ, существующемъ въ объективно-реальномъ пространствѣ и дѣйствующемъ на органы чувствъ присутствующихъ“, а для другой серіи дѣйствій, ощущаемыхъ и заявляемыхъ тѣмъ же субъектомъ, онъ утверждаетъ, что эта причина „уже не нѣчто матеріальное, а субъективная галлюцинація медіума“ (стр. 120). Нельзя не видѣть противорѣчія въ этихъ двухъ способахъ объясненія. И это тѣмъ болѣе непослѣдовательно, что самъ г. Гартманъ говоритъ, *что нервная сила можетъ принимать видимые образы, которые не суть галлюцинаціи.* Такъ напр., она можетъ „превращаться въ свѣтовыя явленія“ (стр. 58) и тогда принимать опредѣленныя формы, но это большею частью формы кристаллическія, или по крайней мѣрѣ, не органическія, напр., кресты, звѣздочки, свѣтлое поле съ мерцающими на немъ свѣтовыми точками“ (стр. 61—62). *Здѣсь нервная сила становится видимою и не есть галлюцинація.* Почему же эта самая сила, становясь видимою въ органическомъ образѣ матеріализаціи (которая бываетъ иногда и свѣтящеюся), превращается въ галлюцинацію? Вотъ на что г. Гартману будетъ трудно отвѣтить. Его теорія галлюцинаціи опрокидывается логикою его собственныхъ гипотезъ.

ГЛАВА II.

ФИЗИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ.

Послѣ того какъ я уже говорилъ о матеріализаціяхъ и призналъ въ нихъ явленіе объективно-реальное, мой отвѣтъ г. Гартману, относительно того, что касается явленій физическихъ, понятенъ самъ собою. Ибо ясно, что если явленіе матеріализаціи признается, то большая часть явленій физическихъ *сложныхъ* объясняется простымъ предположеніемъ, что они производятся матеріализованными органами, невидимыми для нашего глаза; но это не значитъ, что всѣ физическія явленія должны объясняться этимъ способомъ, и что никакая доселѣ неизвѣстная физическая сила тутъ не участвуетъ; я думаю напротивъ, что будетъ разумно допустить, что явленія физическія *простыя* совершаются зачастую какою-то физическою силою, исходящею изъ нашего организма и доселѣ намъ невѣдомою; я называю *простыми* тѣ физическія явленія, которыя получаются при прикосновеніи рукъ и безъ онаго, происходятъ по прямой линіи — горизонтальной или вертикальной, и имѣютъ простой характеръ притяженія или оттолкновенія. Такъ, напр., явленіе полнаго поднятія стола, видѣнное мною многократно при наложеніи на него рукъ, меня всегда удивляло совершенной вертикальностью своего направленія, причемъ всѣ четыре ножки одновременно отдѣлялись отъ полу и такимъ же образомъ опускались; и даже, когда случалось, что столъ былъ приподнятъ подъ угломъ 45°, онъ на воздухѣ принималъ горизонтальное положеніе и оттуда уже падалъ вертикально на всѣ четыре ножки заразъ. Что касается явленій *сложныхъ*, описывающихъ кривыя линіи, они, повидимому, производятся

какимъ-нибудь физическимъ невидимымъ органомъ, направляемымъ волею и разумомъ, ему принадлежащими. Это предположеніе, такъ сказать, не имѣло времени остаться въ качествѣ гипотезы, ибо какъ только необыкновенныя физическія явленія обнаружились при самомъ началѣ сниритическаго движенія, руки, ихъ производившія, были часто видимы и осязаемы. Я показалъ въ первой главѣ, что реальная объективность этихъ рукъ была констатирована всѣми возможными средствами. Простѣйшее средство убѣдиться въ непосредственномъ дѣйствіи такой руки на физическіе предметы состоитъ въ томъ, чтобы покрывать ихъ жидкостью, свѣтящейся въ темнотѣ. Такъ, когда я держалъ медіума (Кэтъ Фоксъ) за обѣ руки въ темномъ сеансѣ, я увидѣлъ ясно на колокольчикѣ, стоявшемъ возлѣ меня на столѣ и отчетливо видимомъ благодаря свѣтящейся жидкости, которою я его намазалъ — темный силуэтъ нѣсколькихъ пальцевъ, схватившихъ этотъ колокольчикъ и позвонившихъ имъ на воздухѣ. Обѣ руки медіума, равно какъ и мои, лежали на доскѣ, свѣтящейся въ темнотѣ, такъ что положеніе рукъ медіума и моихъ могло быть наглядно констатировано. Что руки, движущія предметы при свѣтѣ, весьма часто *невидимы* — это происходитъ отъ степени матеріализаціи; а что невидимая матеріализація существуетъ, мы имѣемъ тому доказательство въ трансцендентальной фотографіи; и я напомню здѣсь, что на одной изъ фотографій Мумлера изображается физическое дѣйствіе, произведенное невидимой человѣческой фигурой, а именно приподнятіе платья, видимое для глаза, произведено рукой, для глаза невидимой, но видимой на фотографіи. (См. таб. VI фот. 4.).

По Гартману всѣ физическія явленія въ медіумизмѣ — простыя и сложныя — одинаково производятся нервною силою медіума, которая ничто иное, какъ „сила физическая, истекающая изъ его нервной системы“; онъ очень настаиваетъ на этомъ опредѣленіи и находитъ непонятнымъ, „почему Коксъ далъ этой силѣ вводящее въ заблужденіе названіе *психической* вмѣсто *нервной*“ (стр. 45). Но каждый разъ, когда Гартманъ пытается объяснить этой силой какое-либо сложное явленіе, то

что мы находимъ? Оказывается, что воля „направляетъ“ эту силу, „овладѣваетъ ею“ (стр. 61), что „распредѣленіе силы зависитъ отъ фантастическаго образа, находящагося въ сомнамбулическомъ сознаніи медіума“ (стр. 64); а въ концѣ своей главы о физическихъ явленіяхъ Гартманъ считаетъ необходимымъ пояснить: „не одна воля магнетизера сама по себѣ, какъ таковая, производитъ эти явленія въ другихъ индивидуумахъ посредствомъ чисто психическаго вліянія, точно также какъ и не одна воля медіума своимъ чисто психическимъ вліяніемъ вызываетъ упомянутыя физическія явленія въ неодушевленныхъ предметахъ; въ обоихъ случаяхъ ближайшее дѣйствіе воли заключается въ томъ, чтобы освободить магнетическую или медіумическую нервную силу изъ нервной системы и направить ее опредѣленнымъ образомъ на живые и мертвые объекты“ (стр. 67). И такъ какъ это „направленіе опредѣленнымъ образомъ“ должно ежеминутно мѣняться для произведенія кривой линіи, или системы линій „давленія и натяженія“ (стр. 62), (какъ, напр., въ непосредственномъ письмѣ), то ясно, что воля медіума неразлучна съ этой силой. Въ свою очередь дѣлается непостижимымъ, какимъ образомъ Гартманъ хочетъ непремѣнно видѣть въ ней силу только физическую. Съ другой же стороны, я думаю, приверженцы психической силы никогда и не желали утверждать, что эта сила дѣйствуетъ физически безъ всякаго субстрата физической силы.

Утверждая, что нервная медіумическая сила есть физическая, имѣющая аналогію съ электричествомъ и магнетизмомъ, Гартманъ говоритъ: „рѣшительно непонятнымъ и имѣющимъ наихудшее значеніе по отношенію къ научному интересу со стороны спиритовъ — является то обстоятельство, что никто изъ нихъ еще до сихъ поръ не сдѣлалъ ни одного опыта для того, чтобы приблизиться къ разрѣшенію этихъ вопросовъ“ (стр. 44). Но это утвержденіе, подобно другимъ, совершенно произвольно. Проф. Геръ и физикъ Варлей продѣлали не мало опытовъ этого рода, но они не могли открыть никакого слѣда родства между силою медіумической и электричествомъ или земнымъ магнетизмомъ (см. Геръ „Опытныя изслѣдованія“

стр. 98—109 нѣмецкаго изданія; Варлей въ „Отчетѣ комитета Діалектическаго общества“ томъ II; „Спиритуалистъ“ 1876 г., томъ II, стр. 205). Въ 1853 г. была напечатана въ Готѣ брошюра подъ заглавіемъ: „Верченіе столовъ; 64 новыхъ физическихъ опытовъ съ указаніемъ полученныхъ результатовъ“; авторъ брошюры, доцентъ математики и физики въ Готской семинаріи, *Христіанъ Герингъ*, приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Итакъ новооткрытая сила совершенно противоположна магнетизму; ее даже можно назвать антимагнетизмомъ или нейтрализующей силой“ (стр. 57).

Говоря въ главѣ I-ой объ отпечаткахъ, произведенныхъ, по мнѣнію г. Гартмана, нервной силой, я уже достаточно пояснилъ, насколько подобный результатъ несовмѣстимъ съ нашими понятіями о физической силѣ. Взглянемъ теперь на гипотезу нервной силы въ примѣненіи къ объясненію сложныхъ медіумическихъ явленій, какъ-то, летанія предметовъ по воздуху, игры музыкальныхъ инструментовъ, непосредственнаго письма и т. п.

Физика учитъ насъ, что всякая сила притяженія или отталкиванія дѣйствуетъ по прямой линіи и что тѣло, приведенное такою силою въ движеніе, не можетъ иначе описать кривой линіи, какъ подъ вліяніемъ другихъ силъ, присоединяющихся къ первой ежесекундно. Такимъ образомъ предметъ, находящійся въ разстояніи отъ медіума, насыщенный нервною силою, можетъ быть только притянутъ или оттолкнутъ медіумомъ по прямому направленію; онъ могъ бы еще, — предположивъ, что эта сила „измѣняетъ динамическія отношенія между предметами и землею“ (стр. 45)—подняться вертикально на воздухъ и притянуться медіумомъ въ прямомъ направленіи. Но никогда подобный предметъ, по извѣстнымъ намъ законамъ физики, не могъ бы направляться налѣво или направо, и описать самыя фантастическія кривыя линіи, произвести самыя сложныя движенія, и притомъ съ разумною цѣлью. Для этого бы требовалось, чтобы данный предметъ подвергся дѣйствію силъ, исходящихъ изъ другихъ центровъ нежели самъ медіумъ.

Какимъ же образомъ происходятъ явленія, о которыхъ мы говоримъ? По мнѣнію г. Гартмана это очень просто. Медіумъ есть центръ нервной силы, излучающейся по всѣмъ возможнымъ направленіямъ; онъ заряжаетъ этой силой всѣ точки комнаты и все въ ней находящееся такимъ образомъ, что всякая точка и всякій предметъ становятся въ свою очередь центрами силъ, дѣйствующихъ по волѣ медіума.

Посмотримъ на *modus operandi* этой силы на сеансѣ. Возьмемъ для примѣра одинъ изъ сеансовъ Юма, на которыхъ я много разъ присутствовалъ: нѣсколько человѣкъ садятся за столъ вмѣстѣ съ медіумомъ, двѣ свѣчи горятъ на столѣ, всѣ руки на немъ, но, противно утвержденію Гартмана (стр. 59), не образуютъ цѣпи; въ медіумѣ, также противно словамъ Гартмана (стр. 38), не видать ни малѣйшаго слѣда явнаго сомнамбулизма; онъ принимаетъ участіе въ общемъ разговорѣ. И вотъ спустя десять или пятнадцать минутъ, все общество порядкомъ заряжено нервной силой и погружено въ скрытое сомнамбулическое состояніе. Явленія начинаются; я чувствую прикосновеніе къ колѣнамъ, опускаю свою руку подъ столъ и чувствую пальцы, работающіе около моего перстня съ намѣреніемъ снять его съ пальца — это токи нервной силы медіума съ внушеніемъ галлюцинаціи прикосновенія какъ бы пальцевъ; мой сосѣдъ наклоняется, чтобы посмотрѣть подъ столъ; медіумъ, видя это движеніе, тотчасъ внушаетъ ему галлюцинацію руки и мой сосѣдъ восклицаетъ, что увидалъ руку. Я заявляю, что мой перстень снятъ, онъ не падаетъ на полъ — будучи хорошо заряженъ нервной силой, онъ плыветъ по воздуху; медіумъ заряжаетъ притягательной силой колѣна моего визави и перстень, притягиваемый этимъ центромъ, касается его; онъ опускаетъ руку подъ столъ и перстень ему вручается. — Мой сосѣдъ беретъ колокольчикъ и держитъ его подъ столомъ; онъ говоритъ, что чувствуетъ прикосновеніе пальцевъ, отнимающихъ колокольчикъ, который затѣмъ плыветъ по воздуху и звонитъ; чтобы произвести такой результатъ медіумъ заряжаетъ ноги моего сосѣда нервной силой, образуя въ нихъ центръ притяженія; онъ такимъ же образомъ заряжаетъ ноги его визави

и образуетъ въ нихъ другой центръ притяженія; колокольчикъ, хорошо заряженный, находится между двухъ противоположныхъ центровъ притяженія, и медіуму остается только „регулировать“ его движенія, чтобы онъ звонилъ. — Мой визави беретъ платокъ, держитъ его подъ столомъ, испытываетъ тѣ же прикосновенія, и говоритъ, что платокъ тянутъ внизъ — это пустое дѣло: маленькій центръ притяженія устроенъ на полу подъ платкомъ, вотъ и все. Платокъ поднятъ и тотчасъ же переданъ изъ-подъ стола моему сосѣду съ двумя или тремя узлами на немъ. И это пустяки: платокъ уже насыщенъ нервной силой; медіумъ заряжаетъ ею полъ, столъ и ноги присутствующихъ, образуя такимъ образомъ центры притяженія различной силы, которыми платокъ притягивается во всѣ стороны; медіуму остается только „регулировать“ его движенія и узелъ готовъ. Наконецъ медіумъ беретъ аккордіонъ одной рукой, другая остается на столѣ и, опустивъ его подъ столъ между собой и сосѣдомъ, держитъ его за нижній конецъ, а верхній съ клавіатурой опрокинутъ внизъ къ полу. Слышится мелодія; это очень просто: центръ притяженія, устроенный въ полу, тянетъ аккордіонъ внизъ и растягиваетъ мѣхъ, но это могло бы дать только звукъ; чтобы получить мелодію, необходимо нажимать клавиши особымъ дѣйствіемъ поперечныхъ силъ; для достиженія этого результата медіуму стоитъ только устроить десятокъ центровъ притяженія или оттолкновенія въ собственной ногѣ, или хоть въ ножкѣ своего стула, и заставить дѣйствовать эти центры силъ единственно на клавиши; затѣмъ ему остается только „регулировать“ ихъ— вотъ и мелодія.—Надо предположить, что если бы всѣ эти предметы, заряженные нервною силою, были предоставлены самимъ себѣ, не будучи „регулированы“ медіумомъ, то всѣ они пришли бы въ движеніе сами собой и стали бы выплясывать самымъ забавнымъ образомъ. Изъ этого слѣдуетъ также, что медіумъ, по мнѣнію Гартмана, могъ бы зарядить мячикъ нервною силою и, бросая его вверхъ, заставить его летать на глазахъ зрителей самымъ фантастическимъ образомъ; или взять арлекина и заставить его выплясывать руками и ногами безъ

помощи всякихъ нитокъ. Вещи очень простыя, но продѣлать ихъ спиритическіе медіумы еще никогда не могли.

Я полагаю, что въ этомъ приложеніи теоріи къ практикѣ я остался вѣренъ той теоріи нервной силы, которую Гартманъ *въ общихъ словахъ* примѣнялъ для объясненія явленій, происходящихъ на спиритическихъ сеансахъ. Комментаріи здѣсь излишни и мнѣ остается только для завершенія анализа и оцѣнки этой теоріи—дать этой чудесной силѣ надлежащее опредѣленіе, отъ формулированія котораго Гартманъ осторожно воздержался.

Что же такое, по г. Гартману, нервная медіумическая сила?

Это сила физическая, производящая всѣ тѣ физическія дѣйствія, которыя можетъ произвести и человѣческое тѣло, не исключая и дѣйствій пластическихъ.

А такъ какъ эти физическія дѣйствія имѣютъ мѣсто очень часто вмѣстѣ съ явленіями матеріализаціи, то необходимо присовокупить здѣсь опредѣленіе и этого явленія.

Что же такое матеріализація по г. Гартману?

Это галлюцинація человѣческой фигуры, вполнѣ совпадающая съ дѣйствіями физическими, произведенными нервной медіумической силой, и слѣдовательно имѣющая всю видимость и всѣ атрибуты реальной человѣческой фигуры.

Надо, ио-истинѣ, имѣть отвращеніе даже отъ одной мысли о реальности человѣческой трансцендентальной формы, чтобы выдавать подобныя тавтологіи за научныя теоріи, ибо на самомъ дѣлѣ трудно понять, въ чемъ подобная галлюцинація отличалась бы отъ того, что спириты называютъ матеріализованной человѣческой фигурой? Это только споръ о словахъ. Откинемъ слово галлюцинація и смыслъ остается тотъ же. Ибо спириты подъ своимъ словомъ „матеріализація“ врядъ ли понимаютъ что-либо болѣе опредѣленное, чѣмъ Гартманъ подъ своей галлюцинаціей съ подкладкой нервной силы. Но теоретически различіе громадно, ибо гипотеза, которую я высказалъ въ началѣ этой главы, сравнительно говоря, очень проста и, навязываясь сама собой всѣми данными непосредственнаго наблюденія и опыта, она не представляетъ ничего нераціональнаго;

между тѣмъ какъ объ гипотезы г. Гартмана суть гипотезы магическія или фантастическія, крайне сложныя, одинаково насилующія разумъ и науку.

Я долженъ теперь предъявить противъ г. Гартмана формальное обвиненіе гораздо болѣе серьезное, чѣмъ всѣ возраженія, которымъ я подвергъ его теоріи; всякій вправѣ формулировать свои теоріи по крайнему разумѣнію; но мое обвиненіе касается метода, принципы котораго неизмѣнны для всякаго критическаго изслѣдованія любой области природы. Что касается спиритизма, г. Гартманъ превосходно формулировалъ тѣ „общіе методологическіе законы“, которые должны быть положены въ основаніе его научнаго изслѣдованія и состоятъ въ слѣдующемъ:

„Есть общія методологическія основы, за которыя нельзя переступать безнаказанно. Во-первыхъ, принципы не должны быть умножаемы безъ надобности; значитъ не слѣдуетъ искать другой причины, покуда достаточно одной. Во-вторыхъ, слѣдуетъ какъ можно больше придерживаться тѣхъ причинъ, за существованіе которыхъ ручается опытъ и несомнѣнные выводы, и не браться безъ нужды за такія, которыхъ существованіе сомнительно или не доказано и которыя, въ качествѣ гипотезы для объясненія данныхъ явленій, еще нуждаются въ подтвержденіи. Въ третьихъ, слѣдуетъ какъ можно дольше обходиться причинами естественными и не переходить къ сверхъестественнымъ безъ настоятельной необходимости. Спиритизмъ грѣшитъ противъ этихъ трехъ основныхъ правилъ. Правда, онъ хотя и признаетъ первый, естественный родъ причинъ, являющійся намъ въ лицѣ медіумовъ, но рядомъ съ нимъ ставитъ еще другой, сверхъестественный, не выводимый изъ опыта — такой, котораго существованіе именно и надлежитъ прежде доказать на почвѣ той области явленій, о которыхъ шла у насъ рѣчь“ (стр. 147).

„Для того, чтобы рядомъ съ причинами перваго рода можно было допустить и вторыя, спиритизмъ долженъ бы постараться въ точности опредѣлить ту *пограничную черту*, за которой оканчивается возможность объясненія причинами перваго рода,

и доказать посредствомъ самой тщательной критики, *почему* за этой границей упомянутыя причины недостаточны. До тѣхъ поръ, пока эта граница не опредѣлена и это доказательство не дано — на допускающемъ лежитъ вся тяжесть обязанности доказывать содѣйствіе причинъ второго рода; но спиритизмъ *не сдѣлалъ еще ни малѣйшей попытки* для рѣшенія такой задачи“ (стр. 148).

Невозможно возразить что-нибудь противъ этихъ основъ; онѣ дѣйствительно „абсолютно неоспоримы“, какъ самъ г. Гартманъ выражается въ письмѣ своемъ къ Массэй (см. „Light“ 1885 г., стр. 432). Но есть еще четвертый методологическій принципъ, котораго г. Гартманъ не высказалъ; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: всякая гипотеза или теорія, предлагаемая для объясненія явленій данной области природы, должна охватывать всю совокупность явленій этой области. Я полагаю, что г. Гартманъ, съ своей стороны, найдетъ этотъ методологическій принципъ одинаково неоспоримымъ.

Посмотримъ же теперь, остался ли г. Гартманъ вѣренъ этимъ принципамъ въ своемъ изслѣдованіи спиритизма? Повидимому, онъ убѣжденъ, что самъ остался имъ вѣренъ, ибо очень положительно говоритъ: „Съ другой стороны мы видѣли, что при свободномъ критическомъ обсужденіи этихъ явленій во всей ихъ области, за исключеніемъ настоящаго ясновидѣнія, не представляется ни малѣйшаго повода переступать за предѣлы естественныхъ объясненій, и что кажущаяся необходимость противнаго зависитъ отъ заблужденія, хотя и понятнаго психологически, но несостоятельнаго въ научномъ смыслѣ“ (стр. 133).

Вѣрно ли это? Одно „исключеніе“, какъ мы сейчасъ видѣли, допускаетъ самъ г. Гартманъ, и мы вернемся къ нему впослѣдствіи. Но единственное ли оно? Вѣрно ли, что „необходимость противнаго“ есть только „кажущаяся“, порождаемая „заблужденіемъ“? Съ своей стороны я утверждаю, что „поводъ переступать за предѣлы естественныхъ объясненій“ намъ данъ, и самымъ положительнымъ образомъ. Въ ряду физическихъ явленій спиритизма есть явленіе, обыкновенно называемое

„проникновеніемъ матеріи“. Г. Гартманъ также говоритъ о немъ въ своемъ трактатѣ и перечисляетъ различные его виды, какъ-то: продѣваніе желѣзнаго кольца сквозь руку медіума, проникновеніе монетъ, кусковъ грифеля и т. п. въ совершенно закрытые ящики, надѣваніе кольца на тумбу стола, завязываніе узловъ на шнуркахъ и ремняхъ съ припечатанными концами и т. п., приносъ въ сеансовую комнату предметовъ изъ другой комнаты или другихъ домовъ, а также приносъ цвѣтовъ растущихъ снаружи... „Поэтому спириты вообще принимаютъ, что медіумъ въ сомнамбулическомъ состояніи можетъ вслѣдствіе проникновенія матеріи освобождаться отъ всякихъ завязокъ и снова входить въ нихъ“ (стр. 54—56).

Такъ какъ г. Гартманъ упоминаетъ обо всѣхъ этихъ фактахъ, то мнѣ нѣтъ надобности приводить подробно другіе опыты, несомнѣнно устанавливающіе ихъ реальность.

Что же думаетъ г. Гартманъ объ этихъ явленіяхъ? Вотъ, что онъ думаетъ: „Особенно невѣроятная область явленій представляется намъ въ извѣстіяхъ, относящихся до проникновенія матеріи“ (стр. 54).

Итакъ онъ ихъ отвергаетъ, какъ „невѣроятныя“? Ничуть не бывало. Онъ ихъ принимаетъ „условно“, какъ и всѣ прочія явленія, и широко ими воспользовался для подтвержденія своихъ теорій трансфигураціи медіума и галлюцинаціи, трактуя о матеріализаціяхъ съ точки зрѣнія естественной.

Въ такомъ случаѣ онъ объяснилъ или, по крайней мѣрѣ, попытался объяснить явленіе такъ называемаго проникновенія матеріи посредствомъ какой-нибудь естественной теоріи, какъ онъ это сдѣлалъ для другихъ явленій? Ничуть не бывало; онъ даже и не попытался представить объясненіе. Но онъ говоритъ о нихъ и ссылается на нихъ, какъ если бы такое объясненіе было имъ дано.

Вотъ гдѣ я обвиняю г. Гартмана въ проступкѣ противъ метода.

Ибо одно изъ двухъ: или онъ отвергаетъ явленія проникновенія матеріи, или не отвергаетъ ихъ. Если онъ отвергаетъ ихъ, то это было бы противно четвертому принципу, и въ та-

комъ случаѣ онъ не долженъ бы былъ пользоваться ими въ своихъ объясненіяхъ; если онъ не отвергаетъ ихъ, то онъ долженъ разсматривать ихъ какъ явленія естественныя и, согласно второму и третьему методологическимъ принципамъ, дать имъ соотвѣтственное объясненіе, но онъ этого не сдѣлалъ. И это понятно, ибо явленіе „проникновенія матеріи“ такого рода, что мы не можемъ объяснить его естественными, извѣстными намъ причинами; съ точки зрѣнія нашего знанія, это явленіе трансцендентальное, или, если г. Гартманъ хочетъ такъ называть его, сверхъестественное. Такимъ образомъ, въ признаніи „повода къ переходу за предѣлы естественныхъ объясненій“ не можетъ быть никакого „заблужденія“. Слѣдовательно, г. Гартманъ, принимая принциніально такой фактъ какъ „проникновеніе матери“, когда идетъ рѣчь объ объясненіи явленій матеріализаціи (напр., допуская, что медіумъ можетъ пройти сквозь завязки или сквозь клѣтку, чтобы представиться въ роли духа, или что драпировка фигуръ можетъ быть приносима сквозь стѣны), черезъ это самое переступилъ за тѣ общія методологическія основы, которыя онъ самъ установилъ.

Г. Гартманъ, разумѣется, возразитъ на это, что онъ допустилъ „проникновеніе матери“ только условно, становясь на точку зрѣнія спиритовъ (стр. 111), чтобы научить ихъ, какъ должно разсуждать. Но рѣчь совсѣмъ не объ этомъ. Спириты давнымъ давно сами дошли до такого разсужденія. Рѣчь идетъ о разсужденіи самого г. Гартмана. Онъ говоритъ: „Вѣрно то, что если допустить у медіумовъ способность проникать сквозь вещество, то нужно не матеріальное запираніе или связываніе медіумовъ для того, чтобы доказать нетожественность медіума съ явленіемъ“ (стр. 111).

На это я отвѣчу: Вѣрно то, что „если допустить у медіумовъ способность проникать сквозь вещество“, *то г. Гартманъ не имѣетъ болѣе права говорить*, что „спиритизмъ не представляетъ ни малѣйшаго повода къ преступанію за предѣлы естественныхъ объясненій“. *Онъ не имѣетъ права упрекать спиритовъ* въ томъ, что они прибѣгаютъ безъ всякой надоб-

ности „къ сверхъестественной причинѣ, не выводимой изъ опыта — къ такой, существованіе которой именно и надлежитъ прежде доказать въ той области явленій, о которой идетъ рѣчь“ (стр. 147), и, *слѣдовательно, онъ не имѣетъ права обвинять спиритизмъ* въ томъ, что онъ „не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки опредѣлить ту пограничную черту, за которой оканчивается возможность объясненія причинами естественными“ (стр. 148).

Пробѣлъ, находящійся въ теоріяхъ г. Гартмана относительно „явленій проникновенія матеріи“ — его молчаніе относительно ихъ объясненія — *вотъ доказательство, данное имъ самимъ, что эта „пограничная черта“ существуетъ*, и, не смотря на всю свою діалектику, не смотря на всѣ магическія способности своей „нервной силы“, онъ не рѣшился переступить черезъ эту черту. Вотъ тотъ Рубиконъ, передъ которымъ онъ сложилъ оружіе, и я это констатирую. *Разъ это такъ,— методъ изслѣдованія, не объясняющій всѣхъ фактовъ, которые онъ берется объяснить, или допускающій ихъ безъ объясненія, самъ себѣ произноситъ приговоръ.*

Примѣчаніе: Желающіе ближе ознакомиться съ физическими медіумическими явленіями могутъ обратиться къ слѣдующимъ сочиненіямъ:

Геръ. Опытное изслѣдованіе спиритическихъ явленій, съ 4 рис. Спб. 1889 г.

Круксъ. Спиритуализмъ и наука. Опытныя изслѣдованія надъ психической силой, съ 16 рис. Спб. 1872 г.

А. Н. Аксаковъ. Предвѣстники спиритизма за послѣдніе 250 лѣтъ. Отчетъ Миланской комиссіи о явленіяхъ чрезъ Евзапію Паладино. Спб. 1895 г.

М. М. Петрово-Соловово. Медіумическія физическія явленія и ихъ научное изслѣдованіе. Спб. 1900 г.

ГЛАВА III.

УМСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНІЕ СООБЩЕНІЙ.

Изслѣдованіе кореннаго вопроса въ спиритизмѣ: есть ли въ немъ такія явленія, которыя для объясненія своего требуютъ допущенія причины, находящейся внѣ медіума.

Наконецъ то я перехожу къ той области явленій, гдѣ пункты разногласія между г. Гартманомъ и мною — и я скажу, большинствомъ разумныхъ спиритовъ — гораздо менѣе многочисленны, чѣмъ въ предшествующей главѣ; ибо теорія г. Гартмана, относящаяся до объясненія умственной стороны спиритическихъ явленій, представляется совершенно допустимой для значительнаго числа ихъ, и мои возраженія будутъ имѣть единственной цѣлью выяснить: дѣйствительно-ли она достаточна для объясненія фактовъ во всей ихъ совокупности, какъ то утверждаетъ г. Гартманъ?

Его теорія относительно фактовъ этой области состоитъ въ слѣдующихъ общихъ основоположеніяхъ: „Сомнамбулическое сознаніе есть единственный подъ рукою находящійся источникъ содержанія спиритическихъ сообщеній“ (стр. 73). „Происхожденіе содержанія сомнамбулическаго сознанія обусловливается:

1) частью — наличнымъ содержаніемъ бодрственнаго сознанія;

2) частью—гиперэстезированной памятью тѣхъ частей мозга, въ которыхъ это сомнамбулическое сознаніе гнѣздится;

3) частью—прямою передачей представленій;

4) и, наконецъ, частью—дѣйствительнымъ ясновидѣніемъ“.

„Тотъ, кто достаточно понимаетъ все значеніе этихъ раз-

личныхъ источниковъ сомнамбулическаго знанія, едва-ли будетъ введенъ въ искушеніе искать другого объясненія для умственнаго содержанія медіумическихъ сообщеній“ (стр. 75). А въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: „Какъ скоро допущены эти три источника познаванія вмѣстѣ съ чувственнымъ воспріятіемъ, то уже вообще нельзя представить себѣ такого мысленнаго содержанія, которое, по своей природѣ, не могло бы быть изъ нихъ почерпнуто“ (стр. 146).

Я позволю себѣ подпасть этому „искушенію“ и хочу посмотрѣть, дѣйствительно ли нѣтъ мѣста для „другого объясненія“? Только я поставлю свой тезисъ шире. Существенный пунктъ въ спиритизмѣ, и съ котораго необходимо начать, когда приступаешь къ вопросу о теоріи, долженъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ:

Можетъ ли вся совокупность медіумическихъ явленій объясниться сознательными, или безсознательными дѣйствіями, исходящими изъ природы самого медіума, т. е. причинами, пребывающими *внутри* его, или же есть и такія явленія, причину которыхъ приходится искать *внѣ* медіума?

Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на второй вопросъ предметомъ дальнѣйшаго изслѣдованія будетъ опредѣленіе природы впѣ-медіумическаго дѣятеля. Займемся же теперь первымъ вопросомъ, объемлющимъ, очевидно, не только умственное содерженіе сообщеній, но также физическія явленія и матеріализаціи.

Само собою разумѣется, что мы должны прежде всего пытаться объяснить медіумическія явленія всякими естественными причинами разумно мыслимыми, и покуда представляется какая либо возможность подъискать для нихъ причину естественную, было бы неразумно искать разгадки въ причинѣ сверхъестественной. Къ этимъ причинамъ естественнымъ относятся именно тѣ, которыя перечислены Гартманомъ, и я вполнѣ признаю, что значительная часть медіумическихъ явленій можетъ быть ими объяснена — какъ я это и допустилъ и развивалъ въ своей критикѣ на сочиненіе Дассьэ, появившейся за годъ до трактата Гартмана о спиритизмѣ. Но я долженъ замѣтить здѣсь, что я не согласенъ съ г. Гартманомъ въ значеніи слова

„сверхъестественное“, которымъ онъ желаетъ обозначать причину спиритическую въ этимологическомъ значеніи этого слова. Спиритизмъ совершенно отвергаетъ энитетъ сверхъестественнаго, обыкновенно придаваемый его явленіямъ; ибо если они и дѣйствительно производятся „духами“, то трудно понять, почему причина дѣйствія, приписываемая *человѣку живому*, будетъ болѣе „естественна“, чѣмъ причина, приписываемая *человѣку умершему*, или какому бы то ни было человѣческому существу невидимому? Но съ другой стороны я совершенно понимаю, что признаніе существованія „духовъ“, какъ факта, доказаннаго путемъ непосредственнаго наблюденія и опыта, имѣетъ такое огромное значеніе, что до подобнаго признанія должны быть исчерпаны всѣ возможныя средства объясненія сказанныхъ явленій причинами земными.

Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, я считаю необходимымъ обратить особенное вниманіе на то, что выдающіеся представители спиритизма — сами медіумы и ясновидящіе — были въ числѣ первыхъ, утверждавшихъ, что половина медіумическихъ явленій должна быть приписываема причинамъ, присущимъ самому медіуму. Я воздамъ имъ только должное, приводя здѣсь ихъ благоразумныя слова.

Такъ Дэвисъ, въ самомъ началѣ спиритическаго движенія, въ сочиненіи своемъ „*Настоящій вѣкъ*“ (Present age and inner life), напечатанномъ въ 1853 г., говоритъ:

„На слѣдующихъ страницахъ мы помѣщаемъ объяснительную таблицу, которая представляетъ систематическій взглядъ на причины медіумическихъ явленій и показываетъ, что многія явленія, приписываемыя сверхъестественнымъ причинамъ, на самомъ дѣлѣ вызываются дѣйствіемъ естественныхъ законовъ нашего существа, а именно общеніемъ невидимыхъ физико-психо-динамическихъ началъ — переносомъ и взаимодѣйствіемъ сознательныхъ и безсознательныхъ силъ нашего духа, которыя, какъ я выше опредѣленно высказалъ, должны необходимо быть признаны при правильномъ объясненіи нѣкоторыхъ низшихъ видовъ этого великаго проявленія духовной жизни“ (стр. 160—161).

Изъ классификаціи этой поясните́льной таблицы видно, что, по Дэвису, только 40% явленій могутъ претендовать на спиритическое происхожденіе, остальное же должно быть отнесено въ рубрику „ясновидѣнія, мозговаго сочувствія (cerebro sympathy), нервной психологіи жизненнаго электричества и сознательнаго обмана“ (стр. 197).

Далѣе онъ говоритъ: „*Главная причина противорѣчій* состоитъ въ одновременномъ воспріятіи впечатлѣній изъ обѣихъ сферъ бытія, т. е. отъ умовъ, принадлежащихъ человѣческому земному обществу, и отъ умовъ, принадлежащихъ обитателямъ духовнаго міра. Со стороны медіума, духовидца, сенситива и т. п. требуется значительная доля психологической опытности и знанія, чтобы быть въ состояніи, хотя бы съ нѣкоторой степенью истиннаго распознаванія, найти различіе между впечатлѣніями, воспринимаемыми изъ умовъ сего міра и исходящими изъ высшихъ сферъ“.

„Поясню примѣромъ: медіумъ можетъ почерпать мысли отъ лица, сидящаго въ кружкѣ или даже находящагося гдѣ-либо на земномъ шарѣ, и при этомъ вполнѣ обманываться относительно ихъ источника. Ибо, что касается нервоначальныхъ внутреннихъ ощущеній и личныхъ доказательствъ, то эти впечатлѣнія воспринимаются медіумомъ и представляются ему совершенно такими же, какъ и тѣ впечатлѣнія, которыя происходятъ отъ духа, отрѣшеннаго отъ плоти. Это такъ, потому что законы духовной симпатіи тѣ же на землѣ, какъ и въ томъ мірѣ. Отъ этого происходитъ, что нѣкоторые медіумы и ясновидящіе или умы, погруженные въ молитву, часто получаютъ отвѣты на свои мысли и молитвы изъ земныхъ источниковъ или умовъ, не смотря на то, что субъектъ внутренно убѣжденъ и утверждаетъ, что полученный имъ отвѣтъ исходитъ изъ сверхчувственнаго источника, или отъ невидимой личности“ (стр. 202).

„Въ силу вышеизложенныхъ соображеній и возможностей легко допустить, что противорѣчія, которыя многими увѣровавшими приписываются „злымъ духамъ“, но на землѣ пребывающимъ, должны быть отнесены во всѣхъ этихъ случаяхъ къ причинамъ земнымъ — къ вмѣшательству человѣческихъ

дѣятелей... Ибо духъ человѣческій такъ чудно одаренъ, и располагаетъ столькими и столь различными способами дѣйствія и проявленія, что человѣкъ можетъ своими органическими силами и нервными динамическими элементами дѣйствовать *на себя самого и внутри самого себя* безсознательно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ волевыя начала, сосредоточенныя во внутреннемъ мозгу, становятся *непроизвольными* и продолжаютъ дѣйствовать безъ малѣйшаго внушенія или поддержки со стороны воли. Примѣры такого состоянія мы находимъ въ случаяхъ ипохондріи, истеріи, пляски св. Витта, каталепсіи и умопомѣшательства. Изъ моей таблицы мы видимъ, что 16% современныхъ медіумическихъ явленій относятся къ этой причинѣ. Единственно на этомъ основаніи нѣкоторыя лица *считаютъ* себя медіумами для физическихъ или мимическихъ проявленій разныхъ знаменитостей, давно тому назадъ покинувшихъ нашу землю“ (стр. 205).

Гудзонъ Тутль, также извѣстный американскій медіумъ-духовидецъ, еще въ сочиненіи своемъ „Arcana of nature“ (Тайны природы), вышедшемъ въ 1862 году, говорилъ о духовномъ взаимообщеніи между живыми людьми (томъ II, стр. 132); позднѣе въ своихъ „Arcana of spiritualism“ (Тайны спиритуализма), вышедшихъ въ 1871 г., онъ говоритъ: „Когда духъ дѣйствуетъ на медіума, онъ подлежитъ тѣмъ же законамъ, какъ и земной магнетизеръ. По этой причинѣ получаются результаты смѣшаннаго характера и трудно различить въ не вполнѣ развитыхъ медіумахъ магнетическое дѣйствіе кружка отъ дѣйствія духа, пытающагося сообщиться. Необходима величайшая осторожность для избѣжанія самообмана. Если медіумъ находится въ томъ особенно воспріимчивомъ состояніи, которое свойственно первоначальной стадіи развитія, онъ просто будетъ отражать умственное содержаніе кружка, и то, что сочтется за духовное сообщеніе, будетъ ничто иное, какъ эхо мыслей присутствующихъ лицъ.

„То состояніе, въ силу котораго медіумъ бываетъ воспріимчивъ къ вліянію духа, дѣлаетъ его въ той же степени воспріимчивымъ къ вліянію земной личности; вслѣдствіе сходства

этихъ магнетическихъ явленій трудно различить земное отъ неземного. Очень часто кружки впадаютъ въ ошибку благодаря перевѣсу своихъ положительныхъ силъ; они отталкиваютъ вліяніе духовныхъ внушителей и замѣняютъ его эхомъ собственныхъ мыслей. Въ результатѣ — противорѣчіе и путаница, которыя они приписываютъ злымъ духамъ.

„Истина нисколько не выиграетъ отъ утвержденія или преувеличенія значенія одного факта въ ущербъ другому. Честные изслѣдователи спиритизма, приступая къ дѣлу безъ предварительнаго знакомства съ животнымъ магнетизмомъ, относятъ всякое явленіе, свидѣтелемъ котораго имъ приходится быть, къ дѣйствію духовъ, между тѣмъ какъ, по всей вѣроятности, по меньшей мѣрѣ половина всего ими наблюдаемаго исходитъ изъ чисто земныхъ источниковъ (стр. 194—195).

„Во избѣжаніе недоразумѣнія скажу, что цѣль моя состоитъ въ томъ, чтобы провести опредѣленную черту между явленіями по-истинѣ духовнаго происхожденія и другими — происхожденія земнаго. Мы можемъ откинуть половину или двѣ трети всѣхъ явленій, почитаемыхъ за спиритическія, но за то *остатокъ* будетъ тѣмъ цѣннѣе. Наборъ неподходящихъ фактовъ не помогаетъ, а вредитъ дѣлу истины; опроверженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ зачастую принимается за опроверженіе всѣхъ фактовъ этого разряда.

„Надежное правило — ничего не приписывать духамъ, что можетъ быть объяснено земными причинами; факты, такимъ образомъ процѣженные, имѣютъ истинную цѣнность для скептика и изслѣдователя. Человѣкъ во плоти такой же духъ какъ и внѣ ея. Какъ духъ онъ подлежитъ тѣмъ же законамъ; магнетическое состояніе можетъ быть вызвано самимъ субъектомъ, или земнымъ магнетизеромъ, или не земнымъ и это одинаково относится ко всѣмъ его видамъ — сомнамбулизму, трансу или ясновидѣнію.

„Вполнѣ признавъ это, нельзя не увидать, какъ легко наблюдателю ошибиться въ природѣ этихъ вліяній. Когда кружокъ составленъ и съ однимъ изъ его членовъ дѣлаются нервные спазмы, то изъ этого не слѣдуетъ необходимо, что онъ

находится подъ духовнымъ вліяніемъ; нельзя съ увѣренностью утверждать этого, пока духъ не доказалъ своей самоличности. Только критическимъ изслѣдованіемъ явленій можно дойти до точнаго и здраваго пониманія духовныхъ законовъ. Любителю чудеснаго можетъ нравиться относить всѣ явленія къ одному источнику — отъ невольной судороги мышцы, отъ утоленія боли наложеніемъ руки, отъ безсвязныхъ рѣчей сенситивнаго медіума, подпавшаго вліянію кружка, и до подлинныхъ внушеній неземныхъ существъ; но это не удовлетворитъ требованіямъ науки, которая со временемъ займется всѣми этими фактами и будетъ стремиться согласовать ихъ между собою“ (стр. 196, 197).

Тутль еще разъ коснулся этой темы въ статьѣ „*Мозговая дѣятельность*“, напечатанной въ „Religio-Philosophical Journal“ 1883 года, въ № отъ 1-го декабря.

Теперь мы перейдемъ къ главному вопросу, и посмотримъ, существуетъ ли на самомъ дѣлѣ этотъ „*остатокъ*“, — есть ли какое нибудь основаніе для притязаній спиритизма на такія явленія, которыя должны быть отнесены къ внѣ-медіумическимъ причинамъ?

По теоріи г. Гартмана сомнамбулическое сознаніе, сосредоточиваясь въ среднихъ частяхъ мозга, находится естественно въ зависимости отъ „тѣхъ частей большого мозга, въ которыхъ гнѣздится сознательная воля“ (стр. 31). „Дѣятельность среднихъ частей мозга обыкновенно имѣетъ значеніе только подготовительное, или исполнительное“ (стр. 32). Бодрственное сознаніе и его сознательная воля даютъ „общее направленіе желаемому роду явленій“ (стр. 41). Такъ какъ сомнамбулическое сознаніе — этотъ великій факторъ всѣхъ медіумическихъ явленій — проявляетъ одновременно не только дѣятельность умственную, но и волевую („пониманіе и хотѣніе“, стр. 26), то слѣдуетъ заключить, что эти обѣ дѣятельности составляютъ одно цѣлое, и что онѣ не только согласны между собою, но также и съ тѣми же самыми дѣятельностями бодрственнаго сознанія, т. е. что пониманіе и воля сомнамбулическаго сознанія находятся въ согласіи съ пониманіемъ и волей бодр-

ственнаго сознанія. Это же и слѣдуетъ понимать изъ словъ г. Гартмана: „Отсюда и выходитъ, что сомнамбулическое сознаніе пишетъ слова и рѣченія, отвѣчаетъ на вопросы и принимаетъ во вниманіе желанія, продиктованныя или сообщенныя бодрственнымъ сознаніемъ при наступленіи скрытаго сомнамбулизма, или во время его“ (стр. 74). И далѣе: „Содержаніе сообщеній обыкновенно бываетъ ниже духовнаго уровня медіума и присутствующихъ; самое большее, оно иногда равняется съ нимъ, но *никогда не превосходитъ его*“ (стр. 145).

Дѣйствительно, во всемъ предшествующемъ мы видѣли, что явленія повинуются волѣ сомнамбулическаго сознанія согласно волѣ и представленіямъ бодрствующаго сознанія медіума. Но прежде чѣмъ намъ заняться философіей *„умственнаго содержанія* сообщеній“, которой г. Гартманъ посвятилъ отдѣльную главу, и разсматривать, находятся ли эти сообщенія „ниже“ или „выше“ духовнаго уровня медіума, мы должны остановиться на *волевомъ содержаніи* явленій, ибо здѣсь представляется вопросъ: вѣрно ли, что сомнамбулическое сознаніе всегда „принимаетъ во вниманіе желанія, продиктованныя или сообщенныя бодрственнымъ сознаніемъ?“ Не случается ли такъ, что явленія не только не повинуются желаніямъ и мыслямъ бодрственнаго сознанія, но даже діаметрально ему *противоположны?* Если подобное *несогласіе* возможно, что же тогда становится съ теоріей сомнамбулическаго сознанія? А такъ какъ факты подобнаго рода дѣйствительно существуютъ, то я и начну указаніемъ на тѣ изъ нихъ, которые *противны волѣ* бодрственнаго сознанія, а затѣмъ естественно будетъ перейти къ такимъ явленіямъ, которыя противны *убѣжденіямъ* и *характеру* медіума.

1. Явленія противныя волѣ медіума.

Здѣсь мы замѣчаемъ слѣдующія градаціи:

а) Въ спиритизмѣ общеизвѣстенъ тотъ фактъ, что явленія не подчиняются волѣ медіума и это одинаково относится къ явленіямъ какъ умственнаго, такъ и физическаго порядка.

Медіумъ не можетъ вызывать ихъ по своему желанію. Я не говорю о явленіяхъ на сеансахъ случайныхъ, въ кружкѣ новичковъ или разномысляцихъ лицъ, но говорю о явленіяхъ, происходящихъ въ цѣломъ рядѣ сеансовъ, въ одномъ и томъ же кружкѣ и съ наилучшими результатами. Часто случается, что въ слѣдующій сеансъ, при совершенно тѣхъ же условіяхъ и когда ничего лучшаго не желаютъ, какъ получить тѣ же явленія — не получается ничего: ни малѣйшаго движенія стола или карандаша въ рукѣ медіума. Даже извѣстно, что настойчивое желаніе только вредитъ явленіямъ.

б) Разъ явленія начались, ихъ нельзя продолжать по волѣ присутствующихъ. Такъ, когда проявляющаяся въ письменномъ сообщеніи разумная сила заявляетъ, что она кончила, карандашъ останавливается, или даже падаетъ изъ рукъ медіума, особенно если послѣдній находится въ трансѣ, и сколько бы вы ни повторяли свой вопросъ, рука останется неподвижной. Точно также и на сеансахъ физическихъ явленій, разъ прощаніе произнесено или конецъ заявленъ (напр., словомъ „кончено“, какъ то было въ обыкновеніи въ семействѣ Фоксовъ; см. „Missing link“ стр. 53), столъ становится какъ мертвый — и сколько бы вы ни сидѣли — ни звука, ни движенія.

в) И наоборотъ, явленія не могутъ быть прерваны или пріостановлены по волѣ присутствующихъ, развѣ только насиліемъ. Вы желаете прекратить сеансъ по какой нибудь причинѣ (напр., болѣзненнаго состоянія медіума), вы берете изъ его рукъ карандашъ, если онъ находится въ трансѣ, а рука судорожно сжимаетъ его, не выпускаетъ, или требуетъ его обратно такими настойчивыми движеніями, что вы вынуждены возвратить ей карандашъ; или движенія стола, или стуки настойчиво требуютъ азбуку, когда вы думаете, что все уже кончено.

г) Личный характеръ сообщеній точно также не зависитъ отъ воли медіума. Г. Гартманъ правъ, говоря, что большинство сеансовъ устраивается ради „интересовъ сердца“; ничего такъ не желаютъ, какъ войти въ сообщеніе съ близкими намъ отшедшими, а это-то именно и удается весьма рѣдко — если не удо-

влетворяться самыми банальными фразами. Вопросъ о самоличности духовъ, какъ хорошо извѣстно, есть камень преткновенія въ спиритизмѣ. А между тѣмъ, по теоріи Гартмана, съ помощью такихъ могущественныхъ факторовъ, какъ гиперэстезія памяти и передача мыслей, ничего бы не было легче, какъ получать доказательства этой самоличности. Такъ, мнѣ извѣстенъ кружокъ, который былъ устроенъ вдовцомъ съ цѣлью получить сообщеніе отъ покойной жены; кружокъ состоялъ только изъ него, изъ сестры и сына покойной жены — всего изъ трехъ лицъ, которымъ желанная личность была разумѣется коротко извѣстна; и тѣмъ не менѣе этотъ кружокъ, получая въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сообщенія болѣе или менѣе замѣчательныя, изъ коихъ нѣкоторыя были отъ имени личностей, извѣстныхъ членамъ кружка или даже родственниковъ — ни разу не получилъ сообщенія отъ имени жены вдовца. А вѣдь по теоріи Гартмана ничего не могло быть легче.

д) И наоборотъ, сообщенія, полученныя отъ имени какой-либо личности единожды или нѣсколько разъ, не могутъ быть получаемы по желанію; напр., вы желали бы получить сегодня сообщеніе отъ А., какъ и въ прошлый разъ, но получается оно отъ Б., или А. даже никогда болѣе не сообщается. Такъ въ кружкѣ, который былъ устроенъ мною самимъ, среди самыхъ банальныхъ сообщеній, появился собесѣдникъ, который выказалъ столько остроумія, столько критическаго, глубокофилософскаго ума, что было истинное наслажденіе получать его отвѣты; но онъ появлялся только рѣдко, не смотря на все наше желаніе бесѣдовать съ нимъ почаще; онъ укорялъ насъ въ томъ, что мы не умѣемъ говорить съ нимъ, что онъ теряетъ свое время съ нами, и кончилъ тѣмъ, что пересталъ являться.

е) Имена, которыя очень часто сопровождаютъ сообщенія, точно также не зависятъ отъ воли медіума. Самыя банальныя сообщенія подписываются великими именами — лучшее доказательство, что они исходятъ не отъ этихъ личностей. Но очень часто, когда сообщенія выше обыкновеннаго уровня, собесѣдникъ не даетъ своего имени и отказывается представить доказательство своей самоличности; такъ, напр., невидимый со-

бесѣдникъ, о которомъ я говорилъ въ предшествующемъ параграфѣ, никогда не хотѣлъ назваться. Точно также замѣчательныя сообщенія, полученныя М. А. (Oxon)'омъ и напечатанныя подъ заглавіемъ „Spirit Teachings“, остались анонимными, не смотря на всѣ старанія медіума проникнуть въ эту тайну. И наоборотъ, иногда заявляется имя, когда медіумъ ни за что на свѣтѣ не желалъ бы его оглашенія. Такъ я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго факта: на сеансѣ, гдѣ медіумомъ была моя жена, стуки въ столѣ потребовали азбуку, и начало складываться слово; съ нервыхъ же буквъ жена догадалась, что то было имя, относившееся до семейной тайны; всею силою воли жена противилась складыванью этого имени и, тѣмъ не менѣе, все имя, состоявшее изъ 10 буквъ, было сложено къ величайшему ея неудовольствію.

ж) Также и способъ сообщенія не зависитъ отъ воли медіума. Вы держите планшетку, а отвѣчаетъ столъ, или вы держите столъ, а требуютъ планшетку. Вы говорите русскую азбуку, а требуютъ французскую; въ случаѣ недоразумѣнія получается русскими буквами слова французскія или англійскія; иногда вмѣсто буквъ вы получаете цифры, въ которыхъ ничего не понимаете, покуда та же разумная сила не дастъ вамъ ключа къ соотвѣтствующимъ буквамъ; иногда это анаграммы, слова писанныя на выворотъ, или съ переставками и исчисленіями весьма сложными, которыя вамъ только надоѣдаютъ, но сообщеніе идетъ своимъ порядкомъ до конца; правописаніе сокращается и упрощается самымъ курьезнымъ образомъ, такъ что, переписывая буквально полученное сообщеніе, съ трудомъ сохраняешь это странное правописаніе и невольно впадаешь въ обычное. Я знаю случай, гдѣ молодая особа, имѣвшая способность писать медіумически, получала сообщенія отъ имени своей матери; она часто участвовала въ кружкѣ, гдѣ сообщенія получались типтологически (стуками), и часто пользовалась этимъ случаемъ, чтобы обращаться къ матери съ вопросами, но мать ея никогда не хотѣла прибѣгать къ этому способу и каждый разъ, если она тутъ проявлялась, она только отвѣчала своей дочери: „пиии“.

*

3) Случается иногда, что сообщающаяся разумная сила идетъ прямо противъ воли медіума. Такъ одинъ мой знакомый, И. И. Мусинъ-Пушкинъ, убѣдившись на частномъ сеансѣ въ постороннемъ домѣ въ реальности этихъ явленій, захотѣлъ попробовать у себя дома, не имѣетъ ли онъ самъ какихъ-нибудь медіумическихъ способностей? Раздаются стуки, онъ получаетъ сообщеніе отъ имени своей матери, которая, сдѣлавъ ему нѣсколько упрековъ самаго интимнаго характера, заканчиваетъ словами: „ты не долженъ заниматься спиритизмомъ, это тебѣ вредно“. Послѣ того всякій разъ, когда онъ садился за сеансъ, ничего другого не получалось, кромѣ словъ: „не занимайся спиритизмомъ“.

и) Бываетъ такъ, что по проявленіи медіумическихъ способностей дѣйствующая въ нихъ сила ставитъ себѣ задачей нравственное и физическое воспитаніе медіума, стараясь побороть его дурныя наклонности.

Мнѣ извѣстенъ случай, гдѣ молодая особа, пишущая въ трансѣ, къ великому своему смущенію, сообщала другимъ, своей собственной рукой, о такихъ своихъ поступкахъ, въ которыхъ сознательно ни за что бы не призналась. Что касается до физическаго воспитанія, то та же разумная сила даетъ медіуму указанія, какъ сохранять и развивать свои способности; если же онъ не соблюдаетъ ея предписаній, то она прямо противится его дѣйствіямъ и прибѣгаетъ даже къ насилію, чтобы заставить его повиноваться.

Д-ръ Никкольсъ разсказываетъ слѣдующее: „Медіумы поучаются своими руководителями соблюденію извѣстной діэты, воздержанію отъ опьяняющихъ напитковъ и наркотически дѣйствующихъ средствъ, они признаютъ такой образъ жизни необходимымъ условіемъ для достиженія явленій высшаго порядка. Лучшій изъ извѣстныхъ мнѣ медіумовъ въ продолженіе сорока лѣтъ не ѣлъ мяса, рѣдко пилъ вино и никогда не употреблялъ ни чаю, ни кофе. Я знаю въ Америкѣ хорошаго медіума для физическихъ явленій, котораго руководитель хотѣлъ отучить отъ дурной привычки курить табакъ. По этому поводу у нихъ нерѣдко происходили столкновенія. Разъ медіумъ ска-

залъ: „Если ты выпешь сигару у меня изо рта, то я перестану курить“. Сигара, которую онъ держалъ во рту, была тотчасъ же вырвана и исчезла. Но отъ такой привычки отдѣлаться трудно; медіумъ продолжалъ курить и пить, и кончилъ тѣмъ, что потерялъ свою медіумическую способность.

„Одинъ изъ лучшихъ знакомыхъ мнѣ медіумовъ для различныхъ явленій долженъ былъ пройти строгую школу у своихъ руководителей, желавшихъ отучить его отъ дурныхъ привычекъ, сдѣлать его образъ жизни чище и подготовить его къ новому призванію. Онъ былъ молодъ и отличался жадностью къ пищѣ, вредно отзывавшейся на его здоровьѣ. Мясо, чай, кофе и табакъ были ему совершенно запрещены, а молоко, масло и соль разрѣшались только въ весьма ограниченномъ количествѣ, — это послѣднее, вслѣдствіе особенныхъ причинъ, связанныхъ съ состояніемъ его печени, почекъ и кожи. Если медіумъ намѣревался нарушить діэту, его предостерегали громкими стуками въ столѣ, за которымъ онъ обѣдалъ или завтракалъ. Если же онъ продолжалъ упорствовать, столъ отъ него отклонялся, а иногда слышался даже голосъ руководителя съ увѣщаніемъ не нарушать предписанія. Здоровье медіума поправилось совершенно и онъ сталъ получать удивительныя явленія. Табакъ чаще всего вводилъ его въ искушеніе, какъ это бываетъ со многими. Однажды, будучи на морѣ, соблазняясь примѣромъ товарищей, онъ выкурилъ сигару. Но по возвращеніи на сушу, на первомъ же сеансѣ онъ былъ за это сильно наказанъ. Во время транса его бросили на полъ и засунули ему въ ротъ толстый окурокъ сигары, послѣ чего онъ уже навсегда получилъ отвращеніе отъ табаку“ („Light“ 1881 г., стр. 79).

к) Когда медіумъ злоупотребляетъ своими способностями и впадаетъ въ крайности, могущія имѣть для него дурныя послѣдствія, руководящая имъ разумная сила прибѣгаетъ иногда къ особымъ средствамъ, чтобы вернуть его на путь благоразумія, какъ видно изъ примѣра, сообщеннаго м-ромъ Брэккетомъ въ лондонскомъ „Light“, отъ 14 августа 1886 г., № 392, стр. 368:

„Дама, пробывшая нѣкоторое время въ заведеніи для ума-

лишенныхъ въ Соммервилѣ (Массачусетсъ), разсказывала, по своемъ возвращеніи оттуда, слѣдующій случай изъ собственной жизни. Она была богатая вдова, получила прекрасное образованіе и вращалась въ лучшемъ обществѣ Бостона и его окрестностей. Съ перваго появленія спиритизма, она стала пищущимъ медіумомъ. Увлекаясь открывшейся ей возможностью сообщенія съ отшедшими, она широко растворила свои двери, приглашая всѣхъ желающихъ пользоваться ея способностью, не требуя при этомъ „платы за входъ или иного вознагражденія“. Нерѣдко приходилось ей просиживать съ утра до ночи, доставляя всѣмъ приходившимъ къ ней утѣшеніе и желаемыя ими доказательства. Постоянное возбужденіе, въ которомъ она находилась, стало вредно отзываться на ея здоровьѣ и ея незримые друзья не разъ убѣждали ее не увлекаться и умѣреннѣе пользоваться своимъ даромъ. Но она не слушала ихъ совѣтовъ, считая дѣло слишкомъ хорошимъ и не желая лишать кого-бы то ни было отрады новаго откровенія.

„У нея былъ братъ, очень искусный врачъ, жившій въ сосѣднемъ домѣ. Какъ большинство его товарищей, онъ относился къ спиритизму весьма скептически; внимательно слѣдя за образомъ жизни сестры, онъ полагалъ, что она подпала опасному заблужденію, и часто намекалъ, что она кончитъ домомъ умалишенныхъ, если будетъ продолжать такую жизнь. Однажды утромъ ея невидимые друзья предложили ей спуститься въ подвалъ. Она спросила: „зачѣмъ?“. Они отвѣчали, что скажутъ, когда она будетъ тамъ. Неохотно повинуясь имъ, она увидала на нижней ступени большой чанъ. „Поставь его на полъ“, приказали ей. „Зачѣмъ?“ — „Сама увидишь. — Теперь войди въ него“. Она отказалась выполнить такое нелѣпое требованіе, но ее уговорили послушаться.—„Теперь садись!“— было ей вновь приказано. Ей это показалось смѣшнымъ, но ее увѣрили, что она вскорѣ увидитъ смыслъ этого требованія. Едва она его исполнила, какъ братъ зашелъ ее провѣдать. Не находя ее въ комнатахъ и увидавъ дверь на подвальную лѣстницу отворенной, онъ спустился въ подвалъ и засталъ тамъ сестру въ этомъ смѣшномъ положеніи.

„Пристально взглянувъ на нее, онъ выразилъ свое удивленіе и затѣмъ удалился. Она въ ту же минуту освободилась изъ-подъ бывшаго на ней вліянія, почувствовала, что наступилъ кризисъ въ ея жизни, и не удивилась даже, когда вернувшійся черезъ нѣсколько минутъ братъ пригласилъ ее съ нимъ прокатиться. Хотя она и подозрѣвала его намѣреніе, но чувствуя, что всякое сопротивленіе будетъ безполезно, согласилась. Черезъ нѣсколько времени они остановились у воротъ пріюта для умалишенныхъ Мэкъ-Лина, въ Соммервилѣ, гдѣ братъ сдалъ ее въ качествѣ душевно-больной.

„Оставшись, наконецъ, одна въ отведенной ей комнатѣ, она стала упрекать своихъ невидимыхъ друзей за то, что они вовлекли ее въ такую непріятность. Они отвѣтили: „Мы сдѣлали это нарочно для твоей же пользы. Ты не хотѣла слушать нашихъ предостереженій и совѣтовъ, и мы привели тебя сюда, чтобы спасти отъ гибели физической и нравственной, къ которой ты упорно стремилась.

„Она поняла справедливость сказаннаго и охотно подчинилась своему положенію. Къ счастью, пріютъ Мэкъ-Лина находился въ то время подъ надзоромъ нашего стараго пріятеля д-ра Лютера Бэлля [1]), который, признавая отчасти спиритическіе факты, занимался ихъ изслѣдованіемъ и былъ знакомъ съ различными видами медіумизма. Онъ очень скоро понялъ ея положеніе, увидалъ, что она нисколько не душевно-больная, а только медіумъ, и имѣлъ съ ней много интересныхъ сеансовъ. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ, необходимыхъ для отдыха и успокоенія, ей было дозволено оставить заведеніе. Она вернулась домой, гдѣ стала относиться къ своему прежнему увлеченію съ надлежащей трезвостью“.

л) Бываетъ и обратно, что разумная сила, производящая явленія, избираетъ себѣ извѣстное лицо и заставляетъ его, не смотря на сопротивленіе, покориться ея вліянію. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ подобнаго случая представляетъ

---

[1]) См. о немъ у Гера въ его „Опытныхъ изслѣдованіяхъ спиритическихъ явленій“.

собой д-ръ Декстеръ, черезъ посредство котораго были получены въ 1852 году сообщенія, помѣщенныя въ сочиненіи судьи Эдмонса „Спиритуализмъ“, 1853 г. Свидѣтельство г. Декстера имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что онъ докторъ медицины, и стало быть лицо вполнѣ способное наблюдать и анализировать подобныя явленія. Въ своемъ предисловіи къ первому тому помянутаго сочиненія онъ, разсказывая о своей борьбѣ съ силами, сдѣлавшими изъ него медіума, говоритъ такъ:

„Теперь прошло безъ малаго два года, съ тѣхъ поръ какъ „спиритическія явленія“ впервые привлекли мое вниманіе, и я уже говорилъ, что невѣріе мое было такъ сильно, что я готовъ былъ признать ихъ всѣ за одно изъ величайшихъ шарлатанствъ нашего времени. Соглашаясь же на предложеніе одного пріятеля посѣщать сеансы спиритическаго кружка, я руководился двумя соображеніями: во-первыхъ, желаніемъ удовлетворить собственное любопытство, а во-вторыхъ, предположеніемъ, что если явленія не обусловливаются преднамѣреннымъ обманомъ, то могутъ быть слѣдствіемъ естественнаго закона и что мнѣ, можетъ быть, удастся или раскрыть обманъ, или найти естественную причину, лежащую въ ихъ основаніи (стр. 82).

„Удовлетворивъ свое любопытство ежедневнымъ ихъ наблюденіемъ и убѣдившись, что не было ни фокусничества, ни стачки, какъ въ умственныхъ, такъ и въ физическихъ явленіяхъ, я долженъ былъ сознаться, что ни естественные, ни психическіе законы, доселѣ извѣстные, не даютъ имъ надлежащаго объясненія; тѣмъ не менѣе, какъ бы страннымъ это ни казалось, не смотря на частыя и поразительныя доказательства, получаемыя мною, я продолжалъ относиться къ вопросу скептически. И хотя даже послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ внимательныхъ изслѣдованій я не былъ въ состояніи разрѣшить эту удивительную проблему, и бывали минуты, когда я готовъ былъ признать себя почти убѣжденнымъ спиритуалистомъ, все-таки я продолжалъ не вѣрить. Ибо я не могъ допустить возможности, чтобы духъ, неосязаемый, невещественный, эфирный, какимъ я его всегда представлялъ себѣ, могъ

входить въ общеніе съ человѣкомъ; и въ особенности не вѣрилъ я тому, чтобы духъ, по общему о немъ понятію, не имѣющій ничего осязаемаго, могъ двигать столы, стучать въ стѣну, поднимать на воздухъ людей, вообще проявлять себя въ этомъ матеріальномъ мірѣ, имъ на вѣки покинутомъ. Безпристрастно сравнивая фактъ съ фактомъ, доказательство съ доказательствомъ, я не могъ не сознавать, что въ любомъ спорномъ вопросѣ половины всѣхъ предъявленныхъ фактовъ было бы достаточно, чтобы повѣрить. Но я *зналъ*, что этого не можетъ быть, и потому не вѣрилъ (стр. 88).

„Ни воля моя, ни желаніе нисколько не участвовали въ моемъ медіумическомъ развитіи, ибо оно шло противъ нихъ, и когда въ первый разъ я почувствовалъ на себѣ то вліяніе, проявленіе котораго я видалъ на другихъ медіумахъ, то воспротивился этому всѣми силами духа и тѣла (стр. 89).

„Однажды, поздно вечеромъ, я сидѣлъ у себя въ пріемной комнатѣ одинъ, на креслѣ; правая рука моя лежала на ручкѣ его. Мысли мои были заняты тѣмъ, что я только что читалъ. Я почувствовалъ во всей рукѣ какое-то странное ощущеніе, какъ если бы у плеча схватили ее двѣ руки; я попробовалъ поднять ее, но не могъ, и едва сдѣлалъ усиліе, какъ пальцы были прижаты къ ручкѣ кресла и невольно крѣпко обхватили ее. Вслѣдъ затѣмъ рука моя стала дрожать и всю ее сильно дергало. Въ это время я ясно услыхалъ два громкихъ стука въ стѣнѣ, и тогда мнѣ пришло въ голову, что та невидимая сила, проявленія которой я такъ часто наблюдалъ на другихъ, хочетъ подѣйствовать и на меня. „Такъ-ли это?“— спросилъ я громко. Тотчасъ раздались три отчетливыхъ стука. Тогда я всталъ, привелъ свои книги въ порядокъ и пошелъ спать. Покуда я убиралъ столъ, ощущеніе въ рукѣ моей прошло. Когда же я легъ, опять послышались стуки въ стѣнѣ, и рука моя начала дрожать, но я всею силою воли противился вліянію, и оно отошло. Я желалъ бы понять, какому дѣйствію естественнаго закона можетъ быть приписано подобное странное явленіе? Что касается меня лично, то я былъ тутъ ни при чемъ. Я даже не думалъ о спиритизмѣ, и еще менѣе ожидалъ, чтобы

я самъ могъ подвергнуться какому нибудь подобному вліянію. Зачѣмъ послышались стуки въ то же время? зачѣмъ перешли они и въ спальню? Я полагалъ до этого, что всѣ такъ называемыя спиритическія воздѣйствія на физическую природу медіумовъ возникаютъ отъ дѣйствія какой-либо силы, исходящей изъ тѣла или духа присутствующихъ лицъ; но я не могъ не сознавать, что умъ мой не былъ виновникомъ ощущенія, которое я испытывалъ въ своемъ собственномъ тѣлѣ, а такъ какъ я былъ одинъ, то и не могъ приписать его умственному вліянію другого лица. Сознавая, насколько я всей силою воли противился этимъ вліяніямъ, я не могу иначе объяснить мое странное ощущеніе въ рукѣ, какъ приписавъ его дѣйствію невидимой разумной силы, избравшей меня своимъ орудіемъ и дѣйствительно успѣвшей овладѣть мной (стр. 89—90).

„Въ виду очевиднаго намѣренія „духовъ“ приспособить мой организмъ для ихъ общенія съ нашимъ міромъ, возникаетъ вопросъ: если для установленія вліянія одной воли на другую требуется полная пассивность субъекта и если электрическое или психическое сродство лицъ, составляющихъ кружокъ, также необходимо для установленія требуемаго соотношенія, то какимъ образомъ могла моя рука поддаться такому вліянію, когда, какъ я уже не разъ говорилъ, я былъ невѣрующимъ, и мыслями и волей противился всякому роду подобныхъ проявленій. Во всякомъ случаѣ мое отношеніе къ нимъ было не пассивное. Казалось бы по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ, что мое враждебное отношеніе къ этой силѣ электрической или психической, дѣлало меня физически и психически для нея недосягаемымъ, не допуская никакого воздѣйствія ея на мой организмъ. Предоставляю разрѣшить этотъ вопросъ тѣмъ, которые объясняютъ такъ называемыя спиритическія явленія дѣйствіемъ матеріальныхъ силъ (стр. 91).

„Послѣ такихъ попытокъ завладѣть мною я пересталъ посѣщать сеансы и надѣялся, что это меня избавитъ отъ всякихъ вліяній, но вышло наоборотъ. Даже во время сна рука моя приходила въ движеніе и тѣмъ будила меня. Въ тотъ промежутокъ времени, когда я избѣгалъ участвовать въ ка-

кихъ бы то ни было сеансахъ, меня дважды приподнимали съ постели и держали на воздухѣ. Первый разъ это случилось со мной, когда я иерешелъ изъ прежней спальни въ другую комнату. Я еще не засыпалъ и сознавалъ все, что происходило вокругъ меня. Лежа на постели съ намѣреніемъ заснуть, я замѣтилъ, что все мое тѣло слегка дрожитъ. Попробовалъ поднять руку, но не могъ пошевельнуть ни единымъ члеіомъ; глаза мои были сомкнуты и вѣки не поднимались. Умственная же дѣятельность была въ полной силѣ, и все происходившее вокругъ сознавалось мною яснѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Тѣлесная воспріимчивость также замѣтно усилилась. Когда я такимъ образомъ лежалъ, лишенный всякой возможности движенія, я почувствовалъ, какъ тѣло мое было приподнято и осторожно вмѣстѣ съ одѣяломъ и простыней подвинуто къ краю постели; тамъ оно пролежало съ минуту, затѣмъ было совсѣмъ снято съ кровати и нѣсколько секундъ продержалось на воздухѣ. Въ эту минуту раздался набатъ, и тотчасъ же тѣло мое было перенесено на кровать, на прежнее мѣсто, причемъ я почувствовалъ толчокъ, точно державшія меня руки выпустили меня. Способность движенія вернулась ко мнѣ въ ту же минуту; я всталъ съ постели, осмотрѣлъ простыню и одѣяло; они были стянуты къ тому краю, съ котораго я былъ поднятъ, и волочились по полу (стр. 91—92).

„Такое очевидное проявленіе спиритической силы меня глубоко тронуло. Повторявшіяся раньше попытки овладѣть мною, по миновапіи ихъ, не оставляли во мнѣ никакого впечатлѣнія. Прежде бывало, только одна рука попадала странному вліянію; теперь же все мое тѣло подверглось ему, не смотря на все мое усиліе и желаніе ему противодѣйствовать. Въ другой разъ, когда я точно также никакъ не ожидалъ этого, повторилось то же самое. Тутъ внервые мнѣ пришло въ голову, что если я отдамся вполнѣ этому вліянію, которое очевидно хочетъ сдѣлать изъ меня медіума, мнѣ, быть можетъ, удастся добраться до истины въ этомъ дѣлѣ. Я вздумалъ спросить: есть ли тутъ кто? Три отчетливыхъ стука были даны въ знакъ утвержденія. Будучи слишкомъ возбужденъ, чтобы разспрашивать далѣе, я

лечь опять въ постель, раздумывая надъ этимъ неопровержимымъ для меня доказательствомъ, что силы эти могутъ въ самомъ дѣлѣ вліять на человѣка (стр. 92).

„То же самое повторилось со мной и въ другой разъ во время моего пребыванія въ деревнѣ. Тѣло мое двигали и поднимали точно также, когда я уже былъ въ постели. Какъ въ первый, такъ и въ этотъ разъ я испытывалъ странныя ощущенія и все произошло такъ неожиданно, что, казалось, невидимые дѣятели намѣренно проявляли свое вліяніе надо мною, когда я всего менѣе ожидалъ этого. Такая возможность со стороны духовъ дѣйствовать на меня безъ всякой предварительной подготовки съ моей стороны открыла мнѣ существованіе внутренней связи между духовнымъ и нашимъ міромъ, а также ихъ способность проявлять свое вліяніе независимо отъ разныхъ условій и обстоятельствъ. Но чтобы дать мнѣ еще большее доказательство ихъ способности воздѣйствія на меня, они показали, что могутъ, черезъ посредство моего организма, проявлять ту разумность, которая характеризуетъ ихъ, какъ существъ мыслящихъ и чувствующихъ. Убѣдившись на опытѣ въ ихъ физической силѣ, я сталъ искать случая ближе ознакомиться съ ихъ проявленіями. Когда я сталъ съ этой цѣлью посѣщать спиритическіе кружки, невидимая сила схватывала мою руку и заставляла ее писать. Вначалѣ фразы были коротки и выражали отрывочныя мысли, но по мѣрѣ моего развитія исписывались цѣлыя страницы на разнообразные темы и вопросы. Но все-таки въ томъ, что писалось тогда моей рукой, не проявлялось еще положительнаго намѣренія написать черезъ меня цѣлое сочиненіе“ (стр. 92—93).

Одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ вторженія медіумическихъ явленій и преслѣдованія ими опредѣленной, разумной цѣли, несмотря на сопротивленіе субъектовъ, представляетъ намъ возникновеніе спиритическаго движенія черезъ дѣтей-медіумовъ семейства Фоксъ въ 1848 году. Безполезно будетъ входить во всѣ подробности этого событія, такъ какъ ихъ можно найти въ спеціальныхъ сочиненіяхъ Капрона и Ліи Ондергиль, одной изъ сестеръ Фоксъ (Modern spiritualism,

its facts and fanaticisms, by Capron, Boston, 1855. — The missing link in modern spiritualism, by Lea Underhill of the Fox family. New-York 1885 г.) и также въ русскомъ изданіи сочиненія Дэль-Оуэна „Спорная область“ (С.-Петерб. 1881 г.), въ спеціальной главѣ: „Рочестерскіе стуки“, стр. 267—281. Оуэнъ самъ разспрашивалъ членовъ семейства Фоксовъ о всѣхъ подробностяхъ. Поэтому я укажу вкратцѣ только на главные моменты этого достопамятнаго событія: Начало стуковъ въ февралѣ 1848 года, въ Гайдсвилѣ. Они продолжаются каждый день, не даютъ покоя семейству и пугаютъ дѣтей. Невозможность сохраненія тайны. Вторженіе сосѣдей и начало гоненій. Фоксовъ публично обвиняютъ въ мошенничествѣ или въ сношеніяхъ съ нечистой силой. Методистская епископальная церковь, къ которой принадлежали Фоксы, пользуясь среди ея членовъ общимъ уваженіемъ, исключаетъ ихъ изъ среды своей. Открытіе разумности стуковъ; посредствомъ ихъ заявляется, что въ домѣ было совершено убійство, жертва коего зарыта въ погребѣ, что потомъ и подтвердилось. Въ апрѣлѣ 1848 года, въ надеждѣ избавиться отъ явленій, семейство переселяется въ Рочестеръ, въ домъ г-жи Фишъ, старшей дочери Фоксовъ, которая была учительницей музыки; но явленія продолжаются и развиваются съ еще большей силою; къ стукамъ присоединяются движенія и киданія всякаго рода предметовъ, безъ прикосновенія къ нимъ, появленія и прикосновенія рукъ и пр. Любопытные вторгаются въ домъ съ утра до вечера и дѣлаются свидѣтелями явленій. „Безпорядокъ дошелъ до того, что музыкальные классы г-жи Фишъ совсѣмъ разстроились и правильное теченіе домашняго хозяйства нарушилось“ (Capron, стр. 63). „Методистскій пасторъ предложилъ изгнать духовъ заклинаніемъ“ (тамъ же стр. 60), но это ни къ чему не послужило. Только четыре мѣсяца спустя послѣ начала стуковъ, случай открываетъ возможность войти въ сношеніе съ невидимыми разумными силами посредствомъ азбуки. „Назвавъ себя, къ великому удивленію семейства, ихъ родственниками и знакомыми“ (Capron, стр. 64), первымъ дѣломъ разумныхъ силъ было потребовать и настаивать, чтобы изслѣдованіе этихъ явленій сдѣлалось публичнымъ: „вы

должны провозгласить эти истины міру“ — было первымъ сообщеніемъ (Missing link, стр. 48). Такое требованіе встрѣтило со стороны семейства самое упорное сопротивленіе. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о положеніи дѣла, я приведу слова Ліи Ондергиль:

„Я должна здѣсь обратить вниманіе на тотъ фактъ, что общее чувство нашей семьи, всѣхъ насъ, было единодушно направлено противъ всѣхъ этихъ странныхъ, диковинныхъ вещей. Мы смотрѣли на нихъ, какъ на великое несчастіе, какъ на испытаніе, намъ ниспосланное — кѣмъ, какъ и почему, мы знать не могли. Взгляды и понятія окружающихъ насъ сосѣдей и всего околотка совпадали съ нашимъ собственнымъ, привитымъ отъ воспитанія убѣжденіемъ, что все это дѣло было „нечистое“. Оно насъ мучило и смущало, неестественность же его бросала на насъ скорбную тѣнь. Мы противились ему, боролись съ нимъ и постоянно и горячо молились объ избавленіи, даже въ то время, когда какое-то странное обаяніе приковывало насъ къ этимъ чудеснымъ проявленіямъ, намъ противъ воли навязаннымъ какими-то невидимыми силами или дѣятелями, которыхъ мы не могли ни понять, ни осилить. Если бы наша воля, горячее желаніе и молитвы могли помочь намъ, если бы онѣ были услышаны, то все это дѣло и прекратилось бы тогда же, не пошло бы далѣе нашего маленькаго околотка; міръ никогда бы не услыхалъ о рочестерскихъ стукахъ или о несчастномъ семействѣ Фоксовъ. Но дѣло было не въ нашихъ рукахъ и не мы заправляли имъ (стр. 55).

„Въ ноябрѣ 1848 года эти „дѣятели“ заявили семейству, что они не могутъ вѣчно бороться съ нимъ, что въ виду постояннаго невниманія медіумовъ къ ихъ просьбамъ, они должны покинуть ихъ. На это послѣдовалъ со стороны медіумовъ отвѣтъ, что они ничего лучшаго и не желаютъ“ (Capron, стр. 88). Дѣйствительно, въ продолженіе двѣнадцати дней все прекратилось — ни одного стука не раздалось. И вотъ тогда произошелъ въ чувствахъ новоротъ: стали глубоко сожалѣть о томъ, что мірскія соображенія были поставлены выше долга, налагаемаго во имя истины, и когда по просьбѣ зашедшаго

пріятеля стуки раздались вновь, они были привѣтствованы съ восторгомъ. „Это было для насъ, — говоритъ Лія Ондергиль,— какъ бы возвращеніе долго отсутствовавшихъ друзей, цѣны которымъ, покуда они были съ нами, мы не знали“ (стр. 60). Но стуки вернулись только, чтобы повторять: „Вамъ надлежитъ исполнить долгъ; мы требуемъ, чтобы вы предали это дѣло гласности“ (Capron, стр. 90). Невидимые дѣятели сами указали планъ дѣйствія со всѣми подробностями: — нанять большой публичный залъ — „кориифскій“; медіумы должны предстать на платформѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей; лица, назначенныя для ознакомленія публики съ предметомъ, были Вильетсъ и Капронъ (авторъ цитируемой книги); этотъ послѣдній имѣлъ прочесть лекцію о возникновеніи и развитіи явленій; комитетъ изъ пяти лицъ имѣлъ быть выбранъ публикой для изслѣдованія предмета и представленія о немъ отчета па слѣдующемъ митингѣ; сами невидимые распорядители обѣщали произвести стуки столь громкіе, чтобы ихъ было слышно по всей залѣ. Это требованіе было встрѣчено положительнымъ отказомъ. „Мы не имѣли желанія,—говоритъ г. Капронъ,—подвергать себя публичному осмѣянію и вовсе не хотѣли получить извѣстности такимъ путемъ... Но насъ увѣряли, что это былъ наилучшій способъ для прекращенія всякихъ нареканій и утвержденія истины, и что такимъ путемъ откроется возможность для болѣе широкаго развитія спиритическаго общенія въ недалекомъ будущемъ“ (стр. 90—91).

Но страхъ міра сего бралъ верхъ и никто не рѣшался предстать публично; тогда тѣ же „невидимые распорядители предложили, чтобы митинги устраивались въ частныхъ домахъ съ большими залами, гдѣ бы можно было убѣдиться въ возможности услыхать стуки въ присутствіи разнороднаго общества“. Цѣлый годъ прошелъ въ колебаніяхъ и толкахъ съ одной стороны и увѣщаніяхъ съ другой; наконецъ, попытка была сдѣлана и г. Капронъ „ириступилъ къ устройству митипговъ въ частныхъ домахъ; залы всегда были полны и стуки каждый разъ раздавались громко и отчетливо“ (стр. 91). Тогда только рѣшились на великій шагъ: публичный митингъ былъ объявленъ

на вечеръ 14 ноября 1849 г., въ коринѳскомъ залѣ, въ Рочестерѣ. Успѣхъ былъ полный. Три послѣдовательныхъ митинга состоялись съ одинаковымъ результатомъ и спиритическое движеніе возникло!

м) Мы видѣли въ предшествующемъ случаѣ, что явленія, хотя и противныя волѣ медіума, преслѣдовали однако цѣль благую, что причины ихъ или были поняты, или оправдывались результатомъ. Но это бываетъ не всегда. Случается весьма часто, что сообщенія, получаемыя автоматическимъ письмомъ, содержатъ только насмѣшки или вышучиванія, первыми жертвами которыхъ — сами медіумы; явленія какъ бы находятъ удовольствіе въ мистификаціяхъ. Сообщенія, имѣвшія до этого правильное и удовлетворительное теченіе — исходившія постоянно отъ однѣхъ и тѣхъ же личностей, или извѣстныхъ медіуму при жизни своей, или знакомство съ которыми было сдѣлано цѣлымъ рядомъ сообщеній, — вдругъ прерываются вторженіемъ личности, которая говоритъ одни пошлости, напр.: изъясненія въ любви, или брань, или наконецъ непристойности, что только надоѣдаетъ медіуму и сердитъ его; и нѣтъ иной возможности отдѣлаться отъ такого вліянія, какъ прекратить сеансы. Точно такъ и съ физическими явленіями: иногда это только шутки, шаловливыя продѣлки, которыя лишь надоѣдаютъ медіуму: прячутъ отъ него необходимыя вещи, стаскиваютъ съ него одѣяло, обрызгиваютъ водой, пугаютъ разными шумами и т. п. (см. „Light“ 1883 г., стр. 31); на темныхъ сеансахъ проявленія дѣлаются иногда столь буйными, даже враждебными, что продолженіе сеанса становится опаснымъ и приходится немедленно прекратить его. Иногда проявленія, не будучи вызваны никакимъ сеансомъ, внезапно вторгаются въ семейство. Тутъ мы встрѣчаемся съ цѣлымъ цикломъ явленій, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ „нечистыхъ“, привязывающихся къ дому, жильцовъ котораго они обращаютъ въ бѣгство, или къ какому-нибудь семейству, принимая характеръ настоящаго преслѣдованія, жертвою котораго становится не только семейство медіума, но и онъ самъ.

Я остановлюсь только на двухъ подобныхъ случаяхъ. Первый

относится къ безпорядкамъ, происходившимъ въ Стратфордѣ (Соединенные Штаты), въ семействѣ пастора Эліакима Фельпса, въ 1850—51 гг.; они пространно описаны въ помянутомъ выше сочиненіи Капрона. Проявленія начались, какъ обыкновенно, со стуковъ, движеній и таинственныхъ киданій различныхъ домашнихъ вещей; запираніе на замокъ не препятствовало ихъ исчезновенію. „Видѣли, какъ стулъ поднимался съ полу и ударялся объ него нѣсколько разъ съ такою силою, что домъ приходилъ въ сотрясеніе, ощущавшееся въ сосѣднихъ квартирахъ. Большой металлическій подсвѣчникъ, стоявшій на каминѣ, былъ какою-то невидимой силой поставленъ на полъ и тутъ началъ ударяться объ него съ такою яростью, что наконецъ сломался. Это была первая попорченная въ домѣ вещь“... „Иногда громкіе стуки заканчивались страшнымъ крикомъ“ (стр. 141). „Посреди комнаты являлись чучелы, сдѣланныя изъ находившагося въ домѣ разнаго платья, нагороженнаго на подобіе человѣческой фигуры“ (стр. 145). „Тогда еще не знали, что́ такое медіумъ, но замѣтили, что явленія особенно привязывались къ одиннадцатилѣтнему сыну Фельпса—Генри. Его шляпа и платье нерѣдко разрывались на мелкіе куски“ (стр. 142). „Однажды его бросили въ цистерну съ водой, а другой разъ связали и привѣсили къ дереву“ (стр. 146). „Когда его отдали въ школу въ Пенсильваніи, то стали щипать его, колоть булавками и всякимъ образомъ надоѣдать ему, рвали его платья и книги; стуки преслѣдовали его даже въ школѣ“... „Семья, въ которую его помѣстили, встревоженная этими страшными явленіями, отказалась держать его, такъ что пришлось взять его домой“ (стр. 170). „Вскорѣ началась порча и уничтоженіе имущества, главнымъ образомъ фаянсовой и стеклянной посуды. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль почти каждый день разбивались оконныя стекла; общее число разбитыхъ дошло до 71. Д-ръ Фельпсъ видѣлъ, какъ щетка, лежавшая на каминѣ, возлѣ котораго никого не было, полетѣла въ окно и пробила его. Онъ видѣлъ, какъ стаканъ, стоявшій на полкѣ, поднялся съ своего мѣста, полетѣлъ въ окно и пробилъ въ немъ послѣднее уцѣлѣвшее стекло, когда

въ комнатѣ никого не было, кромѣ его самого и Генри, стоявшаго все время рядомъ съ нимъ возли двери, на далекомъ разстоянiи отъ полки, такъ что для него было невозможно достать до нея“ (стр. 148). „Около половины мая Фельпсъ съ сыномъ отправились за семь миль въ Хентонктонъ. Когда они отъѣхали отъ дома одну милю, въ ихъ экипажъ брошенъ былъ камень величиною съ куриное яйцо; за первымъ послѣдовали другiе... По возвращенiи домой, въ экипажѣ нашлось ихъ шестнадцать“ (стр. 157—58). Д-ръ Фельпсъ имѣлъ въ своемъ столѣ двѣ записныя книжки; въ одной изъ нихъ онъ записывалъ въ формѣ дневника подробный отчетъ о таинственныхъ проявленiяхъ. Однажды онъ замѣтилъ, что всѣ исписанныя страницы были изъ книжки вырваны и исчезли. Послѣ долгихъ поисковъ, остатки ихъ были найдены въ подвалѣ. Копiи различныхъ появлявшихся писанiй, тщательно сберегаемыя Фельпсомъ, исчезли безъ слѣда. Въ туалетномъ ящикѣ сохранялось большое количество таинственно появившихся записокъ. Онѣ были въ этомъ ящикѣ подожжены, о чемъ узнали, когда оттуда появился дымъ; записки оказались на столько уже обугленными, что ни къ чему болѣе не годились“ (стр. 163). „Вечеромъ, 18 iюля, были опять подожжены въ столѣ д-ра нѣкоторыя бумаги, и до двадцати писемъ и бумагъ сгорѣло. Одновременно въ обоихъ шкапахъ подъ лѣстницей были подожжены бумаги, о чемъ также узнали по дыму“ (стр. 165). Когда наконецъ г. Фельпсъ, благодаря вмѣшательству г. Капрона, согласился войти въ собесѣдованiе съ дѣйствовавшими силами, тогда узнали, чего они добивались; требованiе было исполнено и явленiя мало-по-малу прекратились.

Другой случай, который я здѣсь приведу и который также окончился самовозгораniемъ предметовъ, произошелъ у насъ на Руси, въ Уральской области, на хуторѣ, недалеко отъ Илецкаго городка. Владѣлецъ хутора, Василiй Андреевичъ Щаповъ, сообщилъ „Ребусу“ въ 1886 году (№№ 43—48) подробное описанiе таинственныхъ преслѣдованiй, коимъ подвергалось его семейство въ теченiе шести мѣсяцевъ, начиная съ ноября 1870 года. Случай этотъ, чисто русскiй, на столько интересенъ

и замѣчателенъ, на столько поучителенъ по общимъ чертамъ своимъ съ подобными же явленіями, — извѣстія о которыхъ намъ приходится большею частію почерпать изъ иностранныхъ источниковъ — и описаніе, сообщенное г. Щаповымъ, составлено имъ такъ обстоятельно, что я считаю необходимымъ воспроизвести его въ слѣдующихъ пространныхъ выдержкахъ:

„Вотъ уже 15 лѣтъ минуло съ того памятнаго для меня времени, когда вдругъ, ни съ того ни съ сего, мирное существованіе всей нашей семьи встревожило происшествіе, до того небывалое и необычайное, что ему въ то время рѣшительно не подыскивалось никакого болѣе или менѣе реально-разумнаго объясненія; его попросту въ концѣ концовъ свели на шарлатанство, въ которомъ и обвинили насъ, ни въ чемъ неповинныхъ и не преминули оповѣстить о томъ въ мѣстной газеткѣ (не помню, въ какомъ № мартовскихъ 1871 года „Уральскихъ Вѣдомостей“). И хотя съ тѣхъ поръ мое знакомство съ такъ называемыми медіумическими явленіями, почерпнутое мною изъ всего, что только писалось объ этомъ на русскомъ языкѣ, и уяснило до нѣкоторой степени бывшія у насъ явленія, но, тѣмъ не менѣе, былая дѣйствительность и, такъ сказать, невольное личное участіе во всемъ происходившемъ, — далеко оставляетъ за собой всю силу впечатлѣнія прочитаннаго или слышаннаго, потому что тутъ, при прочтеніи напримѣръ, возможенъ еще простой выходъ, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ многіе, не испытавшіе лично — именно: не вѣрить. Но что подѣлаете вы, когда при всемъ желаніи какимъ бы то ни было способомъ стряхнуть съ себя эту обузу необычайности и неестественности происходившаго, при желаніи даже насильственно измыслить что нибудь подходящее къ естественному понятію, — чувствуете между тѣмъ, что вы просто приперты, такъ сказать, къ стѣнѣ силою фактовъ, говорящихъ вамъ наперекоръ вашего такъ называемаго здраваго смысла — совершенно противное. И тѣмъ болѣе еще, что при отсутствіи тогда знакомства съ какимъ бы то ни было даже намекомъ на существованіе медіумической силы — явленія эти, кромѣ высшей степени странности ихъ характера, своеобразности и неподат-

*

ливости къ наблюденіямъ, имѣли подъ конецъ какую-то враждебность и явное, почти, посягательство на наше благополучіе, не говоря уже о той нелестной репутаціи, сплетняхъ и злословіи, какія сложились о насъ у общества верстъ на полтораста въ окружности, по поводу этихъ явленій. Положимъ, я самъ былъ виновникомъ этой огласки, такъ какъ, не стѣсняясь нисколько и дѣйствуя единственно въ интересахъ научной любознательности — разсказывалъ, писалъ и просилъ всѣхъ и вся объяснить мнѣ по возможности: что все это значило? И ко мнѣ пріѣзжали, слѣдили, слушали, смотрѣли все происходящее у всѣхъ на виду, но объясненія тѣмъ не менѣе не находилось. Были люди вполнѣ образованные, съ полнымъ и обширнымъ знаніемъ науки, и всячески старались какъ нибудь (именно: какъ нибудь!) свести все это на обыкновенную реальную почву, и мы всей нашей семьей съ радостью ухватились за всякія объясненія этихъ явленій, происходящихъ, какъ намъ объяснили вначалѣ, при помощи яко бы свободнаго электричества, магнетизма, а потомъ даже стали объяснять болѣзненностью моей жены, маніей дурачествъ, которыми она будто бы одержима и, дурача всѣхъ окружающихъ, сама, яко бы, смѣется въ душѣ надъ нами простаками. И охотно повѣришь тому и другому, но черезъ день, черезъ недѣлю, всѣ эти теоріи рушились сами собою, при очевидной ихъ несостоятельности. Именно все это надо было испытать на себѣ, видѣть и слышать, не спать ночей, мучиться физически и нравственно до крайняго истощенія силъ, чтобы придти наконецъ къ неоспоримому убѣжденію, что дѣйствительно есть въ природѣ то, о чемъ не снилось мудрецамъ“...

„16-го ноября 1870 года, передъ вечеромъ, я вернулся изъ сосѣдняго городка, верстахъ въ 30-ти отъ нашего хутора, при мельницѣ, гдѣ года за полтора передъ тѣмъ мы поселились всей нашей семьей, состоявшей тогда изъ двухъ старухъ — матери и тещи, лѣтъ по 60-ти каждой, жены моей, бывшей тогда лѣтъ 20-ти съ небольшимъ, и дочери, еще грудного ребенка. Съ первыхъ же словъ послѣ привѣтствій жена сообщила мнѣ, что они безъ меня вотъ уже двѣ ночи почти совсѣмъ не

спали отъ какихъ-то неестественныхъ, по ея словамъ, стуковъ на подволокѣ дома, въ стѣны, въ окна и проч. и заключила, „что у насъ просто завелись въ домѣ черти“.

Разсказавъ, какъ, тотчасъ по своемъ пріѣздѣ, самъ г. Щаповъ сдѣлался свидѣтелемъ непонятныхъ стуковъ, раздававшихся пять ночей подъ рядъ, почти постоянно то въ окно, то въ стѣны; какъ 20-го декабря они на нѣсколько дней возобновились и, кромѣ того, началось самопроизвольное летаніе разныхъ вещей, причемъ мягкія тѣла „производили звукъ какъ бы отъ паденія твердаго тяжелаго тѣла, а всѣ твердыя тѣла падали безъ всякаго звука“; какъ наканунѣ новаго 1871 года стуки возобновились опять, и ихъ наблюдали уже цѣлымъ обществомъ, причемъ „стоявшіе снаружи дома слышали звукъ исходившимъ извнутри, а оставшіеся въ комнатѣ слышали тотъ же звукъ исходившимъ снаружи“,—г. Щаповъ продолжаетъ:

„Послѣ того какъ 8-го января въ бытность у меня одного знакомаго Ф. Ф. С., по минованіи многочисленныхъ манифестацій, въ формѣ различныхъ стуковъ и самопроизвольныхъ летаній вещей—съ женой моей случился обморокъ отъ появленія какого то свѣтящагося шара, вылетѣвшаго изъ-подъ ея кровати, сначала небольшого, а потомъ увеличившагося, по ея словамъ, до величины обыкновенной суповой чашки, похожаго на надутый гуттаперчевый пузырь краснаго цвѣта, — мы ужъ положительно стали относиться къ нимъ (явленіямъ) враждебно и со страхомъ, тѣмъ болѣе, что на другой день, 9-го января, эти проклятые стуки въ окно женниной спальни — раздались уже днемъ, часовъ около 3-хъ, когда она вздумала прилечь отдохнуть послѣ обѣда, и начали съ этого времени преслѣдовать ее всюду. Такъ, когда она сидѣла на диванѣ въ этотъ день за часомъ часовъ въ 5 вечера — забарабанило рядомъ съ ней по ручкѣ дивана, и когда я пересѣлъ на ея мѣсто, то звукъ перешелъ опять рядомъ съ ней на клеенку дивана и по временамъ слышался въ складкахъ ея шерстянаго платья; переходилъ за нею въ шкафъ, куда она ставила посуду, преслѣдовалъ въ кладовой и проч. Тутъ ужъ мы, надо правду сказать, даже оробѣли, потому что такая безспорная реальность

явленій среди бѣлаго дня, да исключительная группировка ихъ около жены — ложились какъ-то тяжело на душу намъ обоимъ, а она такъ даже всплакнула. Боясь какихъ нибудь дурныхъ послѣдствій для ея здоровья, въ особенности умственнаго разстройства, такъ какъ она говорила, что хотя и не испытываетъ особеннаго страха, но тѣмъ не менѣе передъ началомъ явленій чувствуетъ каждый разъ какую то безотчетную слабость въ организмѣ и какъ бы позывъ ко сну, что дѣйствительно и было рѣзко замѣтно: она въ это время была какъ бы въ забытьи, а когда находилась въ постели, то спала неестественно крѣпко. Избѣгая еще большихъ бѣдъ — рѣшили переѣхать въ городъ, гдѣ и остановились въ своемъ домѣ, намѣреваясь пробыть съ мѣсяцъ. Но въ первый же день нашего пріѣзда встрѣтились съ однимъ знакомымъ врачемъ III—вымъ, пріѣхавшимъ по службѣ, который, выслушавъ мой разсказъ обо всемъ и отбросивъ, разумѣется, всякую таинственность и сверхъестественность его подкладки, — отнесъ эти явленія прямо къ области электричества и магнетизма, проявившихъ свою силу, по его словамъ, вслѣдствіе, вѣроятно, или особаго состава почвы подъ нашимъ домомъ, или, быть можетъ, отъ особаго индивидуальнаго свойства въ организаціи моей жены. Эти хотя и не особенно ясныя, а главное мало подходящія къ данному случаю объясненія, но показавшіяся намъ, людямъ малосвѣдущимъ, довольно убѣдительными — подѣйствовали на насъ успокоительно, и хотя они, повторяю, по уровню нашихъ научныхъ познаній, тоже были довольно отвлеченными, но все же мы могли понять изъ этого, что рѣчь идетъ о естественныхъ законахъ природы, и это для насъ было уже находкой, лишь-бы избавиться отъ гнетущей насъ чертовщины, названіемъ которой до этого мы окрестили эту силу за неимѣніемъ болѣе подходящаго...

„Но каково было наше изумленіе и даже ужасъ, когда 21-го января, возвратившись домой по наступленіи ночи, какъ только жена моя улеглась въ постель — стуки и бросаніе вещей въ комнатахъ дома снова возбновились и вдобавокъ еще начали летать небезопасныя вещи: такъ, напримѣръ, столовый

ножикъ, лежавшій до этого на печкѣ, съ силою ударился въ дверь, и мы стали тщательнѣе прятать всякія подобныя и тяжеловѣсныя вещи, но и это не помогало. Иногда среди ночи внезапно всѣ ножи и вилки, бывшіе съ вечера положенными въ шкафъ съ плотно затворенными дверцами — съ силою разлетались по комнатѣ, и нѣкоторые оказывались вонзившимися въ стѣну у нашей кровати. Признаюсь, я ужъ не на шутку началъ опасаться этихъ какъ бы угрожающихъ манифестацій и былъ благодаренъ тому, что многіе изъ нашихъ знакомыхъ навѣщали насъ въ это время и ради любопытства оставались ночевать. И если доселѣ докторская теорія электричества не вязалась какъ то съ страннымъ характеромъ явленій, то ужъ послѣ 24-го числа января, когда случайно обнаружилась новая способность этой силы, — теорія эта оказалась окончательно не пригодной. Такъ, вечеромъ этого числа, въ бытность у меня въ гостяхъ одного знакомаго Л. С. Алексѣева, когда они съ женой моей сидѣли въ одной комнатѣ, а я въ другой въ это время ходилъ съ своей дочкой на рукахъ, напѣвая ей какіе-то куплеты, — слышу, что Алексѣевъ и жена моя просятъ меня продолжать только что прерванный мотивъ цыганки; я пропѣлъ и меня просятъ перемѣнить на другой — я начинаю „Фигурантку“ и подойдя къ нимъ узнаю, что подъ мое нѣніе раздаются стуки въ стѣну около нихъ и совершенно точно воспроизводятъ тактами мотивъ пѣсни. Запѣваю опять что-то и дѣйствительно слышу, что въ стѣну прямо иротивъ меня — безъ участія кого бы то ни было, какъ внутри дома, такъ и снаружи (о чемъ справиться мы сочли, разумѣется, первымъ долгомъ),—точь въ точь, какъ бы ногтями пальцевъ, отчетливо выбивается каждый тактъ пѣсни. Пріятель мой при этомъ намѣренно затягиваетъ протяжную пѣсню и нарочно прерываетъ ее, но тѣмъ не менѣе ритмъ звуковъ въ точности слѣдовалъ за каждымъ тактомъ, хотя въ то же время видимо сбивался при намѣренныхъ перерывахъ со стороны Алексѣева. Пробовали вести мотивъ тихо, доходя до шопота, а потомъ до простого шевеленія губами и даже продолжали, ради опыта, перебирать разные мотивы только въ умѣ, безъ всякихъ звуковъ—

и тогда аккомпанименть получался совершенно вѣрный. Словомъ, ясно и неоспоримо было видно, что сила эта одарена и слухомъ и смысломъ и даже больше того, — способностью угадыванія! Мы на столько были поражены разумностью этой силы, чего доселѣ въ ней не примѣчали, что рѣшили продолжать наблюденія въ тотъ вечеръ, и, чтобы имѣть звуки отчетливѣе и громче, попросили жену мою перемѣститься съ своей кровати на другую, которая находилась возлѣ стеклянной двери, куда тотчасъ же, слѣдомъ за ней, перенеслись и цѣлые потоки стуковъ по стеклу. Тутъ, кромѣ воспроизведенія аккомпанементовъ всевозможныхъ маршей, полекъ и мазурокъ (а гимнъ „Боже Царя храни“ вышелъ даже эффектенъ), обнаружена была способность силы и просто отзываться на стукъ по стеклу столько разъ, сколько кто стукнетъ или задумаетъ.

„Считаю не лишнимъ упомянуть снова, что мы во все это время самымъ тщательнымъ образомъ контролировали возможность обмана и не выпускали изъ виду главную виновницу, около которой группировалось все это, т. е. мою жену, спавшую все это время самымъ спокойнымъ образомъ.

„Понятно, что послѣ этого никакія теоріи электричества сюда не подходили, и я рѣшился писать обо всемъ этомъ самому автору этой теоріи — знакомому доктору Ш—ву, тѣмъ болѣе, что къ этому времени подоспѣла и болѣе побудительная причина для описанія, именно запросъ отъ Оренбургскаго отдѣленія Императорскаго географическаго общества, которое черезъ управляющаго Илецкими станицами маіора Погорѣлова просило сообщить о явленіяхъ вообще, а главное о метеорологическихъ, какъ тамъ было названо явленіе свѣтящагося шара, о которомъ я упоминалъ, какъ о причинѣ обморока моей жены. И вотъ, изложивъ все какъ было, я послалъ по одному экземпляру въ общество и д-ру Ш—ву въ Уральскъ съ просьбою, разумѣется, объяснить, что все это значило? Съ своей же стороны, какъ ни стыдно было въ этомъ признаться — совершенно откровенно окрестилъ все это чертовщиной, такъ какъ, не смотря на всю нелѣпость этого эпитета — иныхъ никакихъ объясненій не подыскивалось.

„Вскорѣ, къ величайшему моему удовольствію, изъ Уральска къ намъ пріѣхало три лица и именно такихъ, какихъ и было желательно въ данномъ случаѣ, по ихъ образованности, развитости и прочимъ достоинствамъ, каковы въ нихъ намъ были хорошо извѣстны. 1-й—инженеръ-технологъ, состоявшій тогда чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, есаулъ Александръ Ѳеогніевичъ Акутинъ; 2-й—бывшій въ то время, кажется, редакторомъ „Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостей“ (мѣстный литераторъ и поэтъ) Никита Федоровичъ Савичевъ и 3-й—тотъ же докторъ, что пріѣзжалъ въ первый разъ и къ которому я адресовалъ свои описанія—А. Д. Ш—въ.

„Пріѣхали они, какъ сказали вначалѣ, просто въ качествѣ интересующихся моихъ знакомыхъ, для изслѣдованія явленій. Оказалось же потомъ, что это была оффиціальная комиссія, наряженная по распоряженію самого губернатора генерала Веревкина. Я былъ, повторяю, несказанно радъ ихъ пріѣзду и, снова повторивъ имъ во всей подробности происходившее—отдался весь къ ихъ услугамъ, попросивши въ то же время и жену свою отбросить на этотъ разъ всякія излишнія церемоніи и щепетильности; такъ, напримѣръ, чтобы спальня ея была доступна для насъ всѣхъ во всякое время и всякіе лишніе уборы, драпировки и, по возможности, прислуга были бы удалены, на что она изъявила полное свое согласіе и готовность къ облегченію успѣха изслѣдованій, тѣмъ болѣе, что люди эти были ей вполнѣ извѣстны и уважаемы; первые двое какъ ея бывшіе учителя того заведенія, гдѣ она училась, а послѣдній—какъ докторъ.

„Понятно, что съ перваго же разу они приступили къ строжайшему и подробному осмотру дома, въ которомъ жилыхъ комнатъ, гдѣ мы помѣщались въ эту зиму — было только три, считая и переднюю, остальная половина дома съ капитальной стѣной была необитаема, какъ лѣтнее помѣщеніе, служившее въ эту зиму какъ кладовая. Такъ какъ до этого времени ничего не происходило и въ домѣ все было тихо, то я, конечно, не могъ ручаться за непремѣнное повтореніе явленій. Но только въ первый же вечеръ ихъ пребыванія — явленія обна-

ружились, какъ въ стукахъ въ стѣны, въ стекла оконъ, такъ и въ летаніи предметовъ и проч. На другой день ими поставлены были привезенные съ собою физическіе приборы, для чего даже взломали часть пола въ спальной жены и поставили тамъ желѣзный прутъ (какъ онъ въ физикѣ называется,—не знаю), одинъ конецъ котораго углубили въ самую почву подъ иоломъ, а другой, верхній, съ загнутымъ и заостреннымъ концомъ — приходился противъ той стеклянной двери, въ которую обыкновенно раздавались удары и на стеклѣ который устроенъ былъ конденсаторъ изъ листовъ свинцовой бумаги. Привезена была ими и Лейденская банка, компасы, магнитъ и всякая научная диковинка, но ни одинъ изъ ириборовъ во все время не оказался пригоднымъ ни для одного опыта и посредствомъ ихъ не удалось уловить ни малѣйшаго намека на сродство явленій съ электричествомъ и магнетизмомъ; равно какъ и химическія реакціи, производимыя самимъ Акутинымъ, не показали никакого особенно напряженнаго состоянія атмосфернаго электричества въ помѣщеніяхъ дома, или насыщенія окружающаго воздуха сгущеннымъ озономъ. Словомъ, всѣ усердныя старанія ихъ по этому предмету не привели ни къ чему, а явленія между тѣмъ своеобразно продолжались каждый вечеръ аккуратно. Для записыванія ихъ въ послѣдовательномъ и строгомъ порядкѣ былъ заведенъ журналъ, и всѣ мы поочередно во всѣ почти ночи дежурили въ спальной жены, откуда они преимущественно и начинались.

„Первое и главное желаніе было подвести ихъ иодъ какую-либо систему или правило, но какъ нарочно (а пожалуй и дѣйствительно нарочно!) выходило всегда наоборотъ. Такъ, напримѣръ, съ самаго еще, кажется, начала, сидя всѣ вмѣстѣ за чаемъ, наблюдали самопроизвольное летаніе со стола разныхъ вещей — ложечекъ, крышки съ чайника и проч., и всѣ эти вещи слетали непосредственно въ направленіи отъ моей жены въ стороны, что навело на мысль о присутствіи въ ней отталкивающей сплы, какъ бы отрицательнаго тока; но тутъ же вслѣдъ за этимъ обнаружилось и противоположное: идетъ, напримѣръ, она въ посудный шкафъ и только-что отворяетъ

дверцы, какъ на нее сыплются вещи оттуда и летятъ далеко прочь. Но всякій разъ это случалось такъ, что намъ, собравшимся вокругъ стола или шкафа вчетверомъ или пятеромъ, никакъ не удавалось уловить того момента, когда вещь поднимается съ своего мѣста, а приходилось видѣть ее уже только на лету и падающею. И вотъ заставляемъ жену мою дотрогиваться по очереди до вещей въ шкафу и всѣ онѣ у насъ на виду остаются въ спокойномъ состояніи, а потомъ вдругъ откуда нибудь изъ-за угла,. куда никто изъ насъ не смотрѣлъ въ данный моментъ — срывается съ своего мѣста какой-нибудь предметъ: подсвѣчникъ, ковшъ и т. и. и летитъ изъ шкафа къ ней навстрѣчу и, перелетѣвъ черезъ наши головы,—падаетъ далеко въ сторону. Тутъ уже приходилось признавать въ ней притягательную силу, и такъ во всемъ и всюду встрѣчались противорѣчія, сбивавшія наблюдателей съ толку“.

„Не помню ужъ, сколько именно дней мы сообща наблюдали и записывали разнородныя явленія, выражавшіяся то въ различныхъ звукахъ, то въ передвиженіи предметовъ, и по прежнему не приходили ни къ какому результату, когда однажды обнаружилось случайно нѣчто уже болѣе загадочное. Такъ, самъ Акутинъ, сидя разъ ночью очереднымъ, такъ сказать, дозорщикомъ въ спальнѣ около глубоко-спящаго медіума, тревожнымъ шопотомъ зоветъ насъ изъ другой комнаты и сообщаетъ, что онъ, слыша временами какой-то неопредѣленный шорохъ, какъ бы по подушкѣ и одѣялу спящей, — вздумалъ просто поцарапать ногтемъ по той же подушкѣ и простынѣ и къ удивленію услышалъ точно такой же звукъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ самъ его передъ тѣмъ пропзвелъ, и приглашаетъ насъ прислушаться, такъ какъ просто не довѣряетъ уже себѣ. Дѣйствительно, какъ только онъ провелъ ногтемъ по шелковому или шерстяному, кажется, одѣялу спящей — такъ тотъ же самый звукъ, почти одновременно и на томъ же самомъ мѣстѣ отчетливо повторился самъ собою. Проведетъ ногтемъ же по наволочкѣ два раза — и точно такой же двукратный звукъ отзовется въ отвѣтъ. Начнетъ варьировать звуки, — напримѣръ, сдѣлаетъ два болѣе сильныхъ и третій слабѣе—въ отвѣтъ по-

вторится то же самое до точности поразительной. Сколько бы ни отсчитали звуковъ по одѣялу, подушкѣ, спинкѣ кровати или стула—даже далеко отъ неподвижно спящей и иногда едва-едва слышнымъ образомъ — звуки повторялись и воспроизводились безошибочно — точно столько же разъ, съ одинаковой силой и по тому же самому мѣсту, гдѣ были сдѣланы. Тогда Акутинъ просто начинаетъ спрашивать, напримѣръ: кто изъ насъ 4-хъ или 5-хъ произвелъ звукъ и перебираетъ имена присутствующихъ, и каждый разъ отвѣтъ такимъ же шорохомъ раздается именно при имени того, кто произвелъ звукъ. А за спящею мы, между тѣмъ, наблюдаемъ всѣ, и она лежитъ совершенно неподвижно, даже съ отворотившейся нѣсколько головой къ стѣнѣ и ужъ насъ ни въ какомъ случаѣ видѣть не можетъ, даже если бы и полуоткрывала нѣсколько глаза, что при достаточномъ освѣщеніи, на виду всѣхъ, тоже было бы неминуемо замѣчено.

„Это Акутина ужасно взволновало и онъ долго ходилъ молча, задумавшись и отдуваясь. Затѣмъ опять подсѣлъ и началъ спрашивать о разныхъ событіяхъ изъ области политики, литературы и проч., напримѣръ о ходѣ бывшей тогда Франко-Германской войны — и отвѣты звуками получались до того вѣрные и точные, какъ о времени событій, такъ о мѣстѣ и лицахъ, что только постоянно и внимательно-толково читавшій газеты — могъ давать такіе отвѣты, но никакъ уже не жена моя, не бравшая почти въ руки газетъ, которыхъ, кстати, въ домѣ въ ту пору у насъ и не получалось. И сколько мы ни пытались и ни настаивали, чтобы получить звукъ на умышленно невѣрный вопросъ — ни разу не получалось ни малѣйшаго шороха, а соблюдалось полнѣйшее молчаніе, которое означало отрицательность. При этомъ Акутинъ задавалъ вопросы и на иностранныхъ языкахъ — французскомъ и нѣмецкомъ, и результатъ былъ одинъ: вѣрность и безошибочность, что утверждалъ уже самъ спрашивающій, такъ какъ большая часть изъ насъ окружающихъ не знали этихъ языковъ... Тутъ ужъ я вплотную, что называется, присталъ къ Акутину: что же это такое?! Если это опять-таки какъ-нибудь незамѣтно для

насъ жена моя продѣлываетъ шорохи (мы все-таки еще думали тогда про себя: не одурачены ли мы какъ-нибудь ею) — то какъ же она, напримѣръ, буквально не читая газетъ (это я положительно утверждаю), можетъ знать о событіяхъ войны, о дѣятеляхъ ея и прочихъ эпизодахъ, о которыхъ она навѣрное и во снѣ не видала; или — почему ей извѣстно, напримѣръ, что одинъ изъ извѣстныхъ писателей-соціалистовъ, — Лассаль—(еще живъ въ то время), тогда какъ я, напримѣръ, кое-что еще зная о Лассалѣ — думалъ, что онъ уже давно не существуетъ, такъ какъ при полученіи утвердительнаго отвѣта, что онъ еще живъ—я воскликнулъ тутъ же: что это уже вздоръ; но Акутинъ же и поправилъ тогда мою ошибку. А потомъ: какимъ образомъ получились точные отвѣты на вопросы, задаваемые по-французски и нѣмецки, когда она, учась еще въ дѣтствѣ, знала по-французски только чуть ли не одну азбуку, а нѣмецкому языку и совсѣмъ не училась? Понятно, что Акутинъ волновался при этомъ больше, чѣмъ мы, прося оставить его пока въ покоѣ — и не ложился во всю остальную часть ночи, прошагавъ до утра въ глубокой задумчивости. А утромъ, зачаемъ, наведя нарочно разговоръ на политику, обратился къ женѣ съ нѣкоторыми самыми обыкновенными вопросами о текущихъ военныхъ событіяхъ, но оказалось, что она не только о подробностяхъ, сообщенныхъ вчера шорохо-образными отвѣтами — не знала, но чуть ли знала даже о существованіи самой войны между нѣмцами и французами; также точно о Лассалѣ и о другомъ прочемъ не имѣла никакого понятія (такъ какъ выйдя рано замужъ, она исключительно была занята дѣтьми и хозяйствомъ).

„Тогда Акутинъ долженъ былъ признать, что это ужъ проявленія не электричества и магнетизма, хотя быть можетъ и нѣчто сродное; и что, слѣдовательно, жена моя во время сна находится въ такомъ исключительномъ, какъ бы прозорливомъ состояніи, что, воспринимая впечатлѣнія извнѣ, даетъ на нихъ отвѣты такъ сказать, *нутромъ* (какъ онъ выразился на мѣстномъ народномъ жаргонѣ), т. е. психически. Это было тѣмъ болѣе ново, какъ для него, такъ и для насъ остальныхъ, что

въ то время еще нигдѣ не упоминалось о психическихъ явленіяхъ... Отъ себя Акутинъ объявилъ, приблизительно, слѣдующее: такъ какъ эти проявленія не подходятъ ни подъ одну изъ общеизвѣстныхъ и принятыхъ въ наукѣ рубрикъ, а между тѣмъ факты на лицо и для него они уже теперь не опровержимы, то онъ до времени пока отрѣшается отъ какого-либо предвзятаго, извѣстнаго ему, научнаго взгляда и ограничился пока тѣмъ, что окрестилъ эту силу словомъ „Еленизмъ“,— производя его по просту отъ имени жены моей Елены — намѣреваясь писать объ этомъ въ одну изъ нѣмецкихъ газетъ. А между тѣмъ, для вящшей убѣдительности, просилъ перенести мѣсто наблюденія въ Илецкій городокъ, гдѣ мы и остановились опять въ своемъ домѣ. Тамъ повторялось почти то же самое, хотя въ меньшей и слабѣйшей степени. Такъ, звуки, напримѣръ, отдавались только въ полу и именно около того мѣста, гдѣ находилась жена, какъ будто стуки прятались за нее, а въ каменныхъ стѣнахъ дома ихъ совсѣмъ слышно не было...

„Какъ только въ первыхъ числахъ марта мы перебрались въ хуторъ, такъ съ перваго же шага въ домѣ опять пошла разгуливать эта сила. И на этотъ разъ явленія совершались даже безъ присутствія жены. Такъ, однажды, передъ вечеромъ, на моихъ глазахъ запрыгалъ на всѣхъ четырехъ ножкахъ большой тяжелый диванъ, да еще вдобавокъ въ то время, когда на немъ лежала моя старуха-мать, перепугавшаяся, разумѣется, ужаснѣйшимъ образомъ. Этотъ случай имѣетъ для меня особое значеніе потому, что до этого я все какъ будто не такъ хорошо могъ провѣрить себя во многомъ изъ видѣннаго и слышаннаго, такъ какъ во все время былъ посторонній народъ и я могъ быть подъ чужимъ вліяніемъ, хотя, повторяю, сомнѣній и тогда не было, но тутъ вѣдь весь диванъ былъ на виду, такъ какъ дѣло было днемъ, подъ нимъ никого и ничего не было, мать-старуха лежала на немъ совершенно спокойно, въ комнатѣ, кромѣ меня и мальчика у двери въ передней, тоже никого не было, а между тѣмъ пяти-шести пудовый диванъ, съ лежащей на немъ старухой — раза три-

четыре подпрыгнулъ, какъ сказано, сразу на всѣхъ ножкахъ— ясно, что ужъ тутъ никакъ не галлюцинація. Затѣмъ въ тотъ же, или на слѣдующій день, вечеромъ, когда мы сидѣли въ большой нашей комнатѣ — вдругъ у всѣхъ насъ на виду, изъ-подъ умывальнаго шкафчика, стоявшаго въ передней — съ трескомъ вылетѣла синевато-фосфорическаго цвѣта искра, по направленію къ спальной жены (гдѣ ея въ это время не было), и, одновременно съ стремительнымъ вылетомъ этой искры — мы увидѣли, что въ спальнѣ что-то моментально вспыхнуло. Опрометью ринувшись туда, я увидѣлъ, что горитъ ситцевое недошитое платье, лежащее на столикѣ въ переднемъ углу. Затушить его предупредила меня моя теща, находившаяся одна въ этой комнатѣ и успѣвшая вылить на вспыхнувшее пламя кувшинъ воды. Я, остановившись въ узенькихъ дверяхъ и не пропуская никого впередъ себя въ эту комнату, принялся нервымъ долгомъ за изслѣдованіе: не было ли причиной воспламененія платья чего-либо иного, помимо видѣнной нами искры, какъ-то: упавшей свѣчки, спички или т. п. Но положительно ничего такого вблизи этого мѣста не было, а между тѣмъ въ то же время въ комнатѣ чувствовался довольно сильный и смрадный запахъ сѣры, исходившій именно отъ залитаго платья, горѣлыя мѣста котораго, не смотря на то, что были мокры отъ вылитой воды, на ощупь были еще горячія и отъ нихъ шелъ паръ, какъ будто вода была вылита на горячее желѣзо, а не на ситецъ.

„Какъ ни тяжело и опасно было оставлять въ такое время своихъ семейныхъ — двухъ старухъ и жену съ ребенкомъ, но я по одному безотлагательному дѣлу долженъ былъ на одинъ день поѣхать въ городъ, а чтобы семейнымъ не было страшно оставаться однимъ (такъ какъ мы всѣ уже не на шутку стали бояться этихъ явленій), я попросилъ одного юношу, сосѣда нашего А. И. П — ва, остаться съ ними. Вернувшись черезъ день, застаю всю семью въ сборахъ съ уложенными уже на возъ вещами; мнѣ объявляютъ, что оставаться долѣе никакъ нельзя, потому что начались самовозгоранія въ домѣ разныхъ вещей и дошло до того, что вчерашнимъ вечеромъ на самой

хозяйкѣ дома (т. е. моей женѣ) воспламенилось само собою платье и П—въ, бросившійся тушить его на ней, обжегъ себѣ всѣ руки, которыя у него и оказались дѣйствительно забинтованными и сплошь почти покрытыми пузырями. Вотъ что разсказалъ мнѣ объ этомъ П—въ. Вечеромъ, въ день моего отъѣзда, явленія, кромѣ стуковъ и проч., осложнились еще появленіемъ свѣтящихся метеоровъ, которые появлялись передъ окномъ, выходящимъ въ наружный корридоръ; числомъ ихъ было нѣсколько штукъ и разной величины, начиная отъ большого яблока и до грецкаго орѣха; формой круглые и цвѣтомъ темно-красные и синевато-розовые, не совсѣмъ прозрачные, а скорѣе матовые. Довольно долго, по его словамъ, продолжалось это удивительное летаніе свѣтящихся огоньковъ, смѣнявшихъ одинъ другого. Подлетитъ такой шарикъ къ окну, повертится по ту сторону стекла нѣсколько времени, безъ всякаго шума и только-что скроется, какъ на смѣну ему, отъ противоположной стѣны корридора — другой, третій; потомъ два, три вмѣстѣ и т. д. продолжалась эта игривая смѣна огоньковъ, какъ будто желавшихъ проникнуть внутрь дома. Жена моя не спала въ это время. На другой день къ вечеру, только что они вышли посидѣть на крыльцо (время настало уже теплое), какъ П—въ сейчасъ же вернулся опять зачѣмъ-то въ комнату и видитъ, что горитъ постель. Зоветъ на помощь, сбрасываютъ покрывало, простыни, прогорѣвшія уже довольно изрядно, и затушивши все тщательно и осмотрѣвши кругомъ, не осталось ли гдѣ огня — снова выходятъ на воздухъ отъ дыма въ комнатѣ и недоумѣваютъ, откуда могъ появиться на постели огонь, когда тамъ не было ни зажженной свѣчки, ни курящихъ папиросы... какъ вдругъ снова слышатъ гарь въ комнатѣ. На этотъ разъ оказался горящимъ волосяной тюфякъ, съ нижней его стороны, около угла и огонь настолько уже успѣлъ проникнуть во внутрь толстой волосяной (безъ всякой примѣси) набивки тюфяка, что, по ихъ мнѣнію, этого никакъ не могло произойти отъ недосмотра при тушеніи перваго воспламененія, потому что горящія мѣста были потушены окончательно и огня не должно было остаться, тѣмъ болѣе, что волосяная набивка—

матеріалъ не горючій — не то что мочала или вата, которыхъ тутъ и не было.

„Но и этимъ все не кончилось, а завершилось въ тотъ же вечеръ такой катастрофой, послѣ которой уже и рѣшено было совсѣмъ оставить домъ, переѣхать куда-нибудь, не смотря на то, что уже снѣгъ таялъ и кругомъ бѣжали вешніе ручьи.

„Этотъ случай тотъ же II—въ передалъ мнѣ такъ: „Сижу говоритъ, я и наигрываю на гитарѣ, а сидѣвшій тутъ передъ тѣмъ мельникъ вышелъ изъ комнаты, а вслѣдъ за нимъ вскорѣ вышла и Елена Ефимовна (моя жена), и только-что затворилась за ней дверь, какъ я услышалъ откуда-то, какъ-бы изъ далека, глухой и протяжно-жалобный вопль. Голосъ же мнѣ показался знакомый и, оторопѣвъ на мгновеніе отъ охватившаго меня безотчетнаго ужаса,—бросился за дверь и въ сѣняхъ увидалъ буквально огненный столбъ, посреди котораго, вся объятая пламенемъ, стояла Елена Ефимовна, — на ней горѣло платье снизу и огонь покрывалъ ее почти всю. Разомъ соображаю, что огонь не сильный, такъ какъ платье на ней тоненькое, легкое, — кидаюсь тушить руками; но въ то же самое время чувствую, что ихъ страшно жжетъ, какъ будто онѣ прилипаютъ къ горящей смолѣ; раздается какой-то трескъ и шумъ изъ-подъ пола и весь онъ въ это время сильно колеблется и сотрясается. Прибѣжалъ со двора на помощь мельникъ, и мы вдвоемъ внесли на рукахъ пострадавшую въ обгорѣломъ платьѣ и безъ чувствъ.

„Жена же разсказала слѣдующее. Только-что вышла она за дверь въ сѣни, какъ подъ ней вдругъ затрясся весь полъ, раздался оглушительный шумъ, и въ то же время изъ-подъ полу съ трескомъ вылетѣла точно такая же синеватая искра, какую мы прежде видѣли вылетѣвшею изъ-подъ умывальнаго шкафика, и только-что она успѣла вскрикнуть отъ испуга, какъ внезапно очутилась вся въ огнѣ и потеряла память. При этомъ весьма замѣчательно то, что сама она не получила ни малѣйшаго обжога, тогда какъ бывшее на ней тоненькое жаконетовое платье кругомъ обгорѣло выше колѣнъ, а на ногахъ не оказалось ни одного обожженаго пятнышка.

„Что же дѣйствительно оставалось дѣлать? Передо мною былъ съ искалѣченными, отъ обжоговъ, руками П—въ, обгорѣлое платье, на тонкой матеріи котораго не было ни малѣйшихъ слѣдовъ какого-либо горючаго матеріала, — ясно, что оставалось бѣжать! Что мы и сдѣлали въ тотъ же день, переѣхавши въ сосѣдній поселокъ, въ квартиру казака, гдѣ и прожили все время половодья безъ всякихъ уже тревогъ. Не было никакого новторенія и по возвращеніи нашемъ въ домъ, который я однако тѣмъ же лѣтомъ распорядился сломать“.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь, хотя и не идущее прямо къ предмету, но драгоцѣнное по себѣ, столь рѣдко удающееся, наблюденіе надъ матеріализаціей, которымъ г. Щановъ заканчиваетъ свою статью:

„Забылъ еще въ своемъ мѣстѣ упомянуть о томъ, что было два случая видѣть, такъ называемую теперь — матеріализацію (тогда же просто мы называли дьявольскимъ навожденіемъ).

„Такъ въ первый разъ жена видѣла въ окнѣ, снаружи, нѣжную розовую, какъ бы дѣтскую, ручку, съ прозрачными свѣтящимися ногтями, которыми и барабанили въ стекло. Потомъ въ томъ же окнѣ видѣла два какія-то темнаго цвѣта живыя существа въ родѣ піявокъ, которыя и напугали ее до обморока. А другой разъ я уже самъ, будучи одинъ въ домѣ и мучась нѣсколько часовъ подсмотрѣть: кто и какъ (не жена ли сама, притворяясь спящею) барабанитъ по полу въ ея спальнѣ,— я нѣсколько разъ незамѣтно подкрадывался къ дверямъ спальни, гдѣ стуки по полу шли непрерывно, но каждый разъ лишь только я чуть-чуть заглядывалъ въ спальню — звуки пріостанавливались и тотчасъ же возобновлялись снова, когда я отходилъ или отводилъ только глаза отъ внутренности спальни, какъ будто дразнили меня. Но вотъ, полагаю въ двадцатый, а то и большій разъ, я какъ-то вдругъ ворвался въ комнату, лишь только тамъ начались стуки и... оледенѣлъ отъ ужаса: маленькая, почти дѣтская розовенькая ручка, быстро отскочивъ отъ пола, юркнула подъ покрывало спящей жены и зарылась въ складкахъ около ея плеча, такъ что мнѣ ясно было видно, какъ неестественно быстро шевелились самыя складки покры-

вала, начиная отъ нижняго его конца до плеча жены, куда ручка спряталась. И пугаться-то, кажется, особенно было нечего, но меня, какъ я говорю, оледенилъ ужасъ, потому что спрятавшаяся ручка была вовсе не рука моей жены (хотя и у той руки были небольшой величины). Это ужъ я замѣтилъ ясно, и, кромѣ того, самое положеніе спящей жены было такое (на лѣвомъ боку отворотившись къ стѣнѣ), что при ея неподвижности, на моихъ глазахъ, невозможно было спускать руку на полъ и потомъ такъ неестественно быстро поднять ее въ одной вертикальной линіи съ плечемъ... Что тутъ надобно было думать—галлюцинація? Но нѣтъ, тысячу разъ—нѣтъ! Я этому совершенно не подверженъ. Обманъ со стороны жены, ея болѣзненное къ тому предрасположеніе? Но форма, цвѣтъ, величина самой ручки, какую я видѣлъ?—Да, наконецъ, покойница была женщина вполнѣ солидная, серьезная, любящая мать и жена, строго религіозная и никакимъ болѣзненнымъ ирпадкамъ до самой смерти (отъ родовъ, въ апрѣлѣ 1879 г.) не подвергалась. А между тѣмъ всѣ почти явленія, какъ-то летаніе вещей и стуки, какъ бы прятались за нее, отчего многимъ казалось, что это дѣлаетъ именно она сама, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюдали съ недовѣріемъ или сомнѣніемъ, хотя въ то же самое время можно было привести сто шансовъ противъ одного за невозможность исполнить ею то, что совершалось, такъ какъ зачастую вылетали, напр., вещи изъ закрытыхъ помѣщеній шкафовъ, сундуковъ и проч., до которыхъ она въ данный моментъ и не дотрагивалась. Такъ однажды, когда наша комиссія въ полномъ составѣ трехъ лицъ, и насъ постороннихъ столько же, сѣли обѣдать и жена въ это время, возвращаясь изъ кладовой съ полными руками баиокъ съ маринадами, только что начинала еще — съ трудомъ отъ занятыхъ ношею рукъ—отворять наружныя изъ сѣней двери, противъ которой находился обѣденный столъ — какъ въ этотъ самый моментъ, къ намъ на приборы и на столъ, черезъ головы и въ промежутки сидящихъ, посыпались разныя мелкія вещи: свинцовыя пули, старыя ржавыя гайки и прочій хламъ въ количествѣ нѣсколькихъ горстей, — находившійся до этого

*

(какъ я едва припомнилъ) въ закрытомъ и заваленномъ разнымъ громоздкимъ старьемъ ящикѣ, въ той же кладовой, до котораго, однако, по удостовѣренію прислуги, барыня и не дотрагивалась. Да и бросить ей такое количество вещей прямо на столъ черезъ одну комнату — занятыми руками — было невозможно.

„Странно было еще и то, что, несмотря на силу, съ какой упали эти тяжеловѣсныя вещи на тарелки, ни одна изъ нихъ не была разбита. А все же казалось, что бросила она, хотя всѣ, видя ее входящую въ дверь, не могли замѣтить ни малѣйшаго со стороны ея жеста или усилія. И такъ, повторяю, было во всемъ и всегда: т. е. желаніе этой силы какъ бы скомпрометировать самого медіума“ [1]).

Въ „Ребусѣ“ можно найти извѣстія о многихъ другихъ русскихъ случаяхъ преслѣдованія медіумическими явленіями, изъ коихъ упомяну здѣсь о не мало нашумѣвшемъ въ 1853 г. случаѣ, бывшемъ въ Липцахъ, около Харькова, единственномъ въ своемъ родѣ, такъ какъ явленія были удостовѣрены полицейскими и судебными разбирательствами; замѣчательно, что и тутъ они окончились самовозгараніемъ. Производство по этому дѣлу хранилось въ упраздненномъ нынѣ архивѣ Харьковскаго внутренняго гарнизоннаго батальона, подъ заглавіемъ: „Дѣло Харьковскаго уѣзднаго суда о явленіяхъ, бывшихъ въ квартирѣ начальника Липецкой конно-этапной команды, капитана Жандаченко, и пожарѣ, происшедшемъ вслѣдствіе оныхъ 25 числа іюля, 1853 г., въ слободѣ Липцахъ“. См. описаніе въ „Ребусѣ“ 1884 г., стр. 4, составленное по подлинному дѣлу, находившемуся у меня и нынѣ сданному мною на храненіе въ Императорскую Публичную Библіотеку.

Упомяну еще о случаѣ подобнаго же преслѣдованія, про-

---

[1]) Эти явленія у г. Щапова, равно какъ и ниже указываемые случаи самоироизвольныхъ явленій въ слободѣ Липцахъ, въ Харьковской губ., въ семействѣ Іоллера въ Швейцаріи и другіе, подробно описаны мною въ моей книгѣ: *Предвѣстники Спиритизма,* изданной въ 1895 г. (см. также прибавленіе къ ней: Воспомиианія очевидца о загадочныхъ явленіяхъ въ слободѣ Липцахъ. Спб. 1897 г.).

нешедшемъ въ 1862 году, въ семействѣ г-жи Каролины Плотъ, проживавшемъ въ Ташликѣ, мѣстечкѣ Кіевской губерніи. Подробное описаніе помѣщено въ „Ребусѣ“ 1888 года, стр. 120, куда оно было сообщено докторомъ М. И. Кузнецовымъ въ подлинномъ письмѣ г-жи Плотъ къ своей сестрѣ—его тещѣ.

Любопытно, что въ этомъ самомъ году точно такіе же по ихъ типу преслѣдованія разразились надъ семействомъ почтеннаго Іоллера въ Швейцаріи и точно также заставили его покинуть родительскій домъ. Въ случаѣ г-жи Плотъ молитва совершенно измѣнила характеръ проявленій; въ случаѣ Іоллера, несмотря даже на просьбы невидимыхъ дѣятелей, къ молитвѣ не прибѣгли, вслѣдствіе чего и результаты вышли другіе. Читателя, желающаго познакомиться съ злоключеніями г. Іоллера, отсылаемъ къ интересной брошюрѣ самого претерпѣвшаго, цѣликомъ переведенной въ „Ребусѣ“, подъ заглавіемъ: „Описаніе таинственныхъ явленій“ (См. 1888 годъ, стр. 203 и слѣдующія) или къ выше упомянутой моей книгѣ „Предвѣстники Спиритизма“.

Кстати укажу еще на нѣсколько подобныхъ случаевъ, не входя въ утомительныя повторенія. См. „Spiritual Magazine“ 1862 г., стр. 499, и 1864 г., стр. 49. — „Human Nature“ 1875 года, стр. 176 и статью о „Polter Geist“ въ „Light“ѣ 1883 года, страница 125.

Я не понимаю, какимъ образомъ подобранные мною здѣсь факты могутъ согласоваться съ теоріями г. Гартмана По его мнѣнію, всѣ спиритическіе факты суть ничто иное, какъ проявленія сомнамбулическаго сознанія и производятся либо черезъ посредство мышцъ медіума, либо черезъ посредство нервной силы. Сомнамбулическое сознаніе, какъ мы видѣли, есть ничто иное, какъ функція мозга и находится въ зависимости „отъ тѣхъ частей большого мозга, въ которыхъ гнѣздится сознательная воля“; „дѣятельность же этихъ среднихъ частей мозга обыкновенно имѣетъ значеніе подготовительное или исполнительное“. Далѣе г. Гартманъ прибавляетъ: „такъ какъ этимъ среднимъ частямъ мозга принадлежитъ также память, пониманіе и хотѣніе, то результаты ихъ дѣятельности могутъ пред-

ставляться какъ бы исходящими отъ разумной индивидуальности“; „у натуръ анормальныхъ нѣкоторая самостоятельность среднихъ частей мозга по отношенію къ частямъ, которымъ принадлежитъ сознательная воля, можетъ достигать значительной степени“ (стр. 31 и 32).

Какъ видно, эта теорія не идетъ далѣе возможности приписать среднимъ частямъ мозга „относительную самостоятельность“, принимающую видъ „разумной индивидуальности“, „отличной отъ медіума“. Это допускаемъ и мы для значительной части явленій. Но нѣтъ возможности ни понять, ни допустить, чтобы низшія части мозга могли возмутиться противъ высшихъ, не повиноваться „указаніямъ“, или еще менѣе приказаніямъ бодрственнаго сознанія, категорически высказаннымъ; чтобы сомнамбулическое сознаніе стало прямо противодѣйствовать сознанію нормальному, и, наконецъ, чтобы безсознательная воля взяла верхъ надъ волею сознательной и не только при стремленіи къ добру, но и къ явному вреду носителя бодрственнаго сознанія, до преслѣдованія его и причиненія ему даже физическаго зла. Единственное мѣсто въ сочиненіи Гартмана, которое могло бы относиться къ разряду упоминаемыхъ здѣсь фактовъ, слѣдующее: „Часто случаются такія явленія, что въ домѣ въ опредѣленные часы звонятъ колокольчики... или извѣстное мѣсто бомбардируется камнями, кусками угля, или другими лежащими вокругъ предметами, а поставленные при этомъ полиціей или частными людьми сторожа никакъ не могутъ замѣтить того, кто причиняетъ подобное безпокойство. Потомъ оказывается обыкновенно, что явленія условливаются присутствіемъ въ данномъ мѣстѣ какой-нибудь служанки, или истерической женщины, или дѣвочки въ возрастѣ развитія, и что именно вблизи этихъ лицъ падаютъ брошенные предметы. Власти, какъ и частныя лица, обыкновенно и не подозрѣваютъ подобнаго соотношенія, и скорѣе готовы вѣрить сверхъестественному происхожденію явленій, чѣмъ приписывать ихъ къ безсознательному вліянію медіума“ (стр. 52). Но это мѣсто ничего не объясняетъ; нельзя понять, какимъ образомъ медіумъ заряжаетъ нервной силой камни, находящіеся

на улицѣ, и заставляетъ ихъ описывать параболы; нельзя понять, зачѣмъ бы онъ сталъ бомбардировать ими свой собственный домъ; да наконецъ, „безпокойство“ не есть еще явленіе прямо противное волѣ медіума или преслѣдованіе, направленное прямо противъ его личности.

Еще серьезное затрудненіе: по теоріи Гартмана ясно, что степень „относительной самостоятельности“ сомнамбулическихъ функцій зависитъ отъ степени самостоятельности бодрственнаго сознанія; т. е., что высшая степень сомнамбулической самостоятельности имѣетъ мѣсто при низшей степени бодрственнаго сознанія — когда оно находится въ состояніи усиленія; самъ Гартманъ говоритъ, что „физическія явленія, требующія особеннаго напряженія, происходятъ, когда медіумы впадаютъ въ явный сомнамбулизмъ“ (См. стр. 38). Кажется, не можетъ быть спора о томъ, что явленія у Фоксовъ, Фельпсовъ, Щановыхъ и другихъ должны были потребовать наивысшаго „напряженія нервной силы“ и, тѣмъ не менѣе, они всегда происходили въ то время, *когда медіумы были въ нормальномъ состояніи*. И такъ мы должны предположить здѣсь, по Гартману, одновременную полную дѣятельность двухъ сознаній въ борьбѣ между собою, причемъ такъ называемое сомнамбулическое сознаніе одерживаетъ даже верхъ надъ бодрственнымъ, подвергая его всякаго рода непріятностямъ и мученіямъ.

II. Явленія, противныя убѣжденіямъ медіума.

Случаи этого рода многочисленны въ лѣтописяхъ спиритизма. Все спиритическое ученіе сложилось изъ сообщеній противныхъ общепринятымъ убѣжденіямъ толпы и самихъ медіумовъ; тутъ есть матеріалъ для цѣлаго спеціальнаго трактата. Вотъ напр., что д-ръ Декстеръ, который, какъ мы видѣли, сдѣлался медіумомъ по-неволѣ, говоритъ въ своемъ предисловіи: „Я ни коимъ образомъ не могъ повѣрить, чтобы духи могли имѣть какое-нибудь участіе въ этихъ явленіяхъ... мысль, чтобы души нашихъ отшедшихъ друзей могли сообщаться съ нами на землѣ, не согласовалась съ убѣжденіями, привитыми мнѣ воспитаніемъ, была противна всѣмъ моимъ прежнимъ

понятіямъ... Долженъ замѣтить, что получающіяся черезъ меня сообщенія писаніемъ или физическимъ проявленіемъ, когда я одинъ или когда я въ кружкѣ, совершенно свободны отъ моего личнаго участія... я повторяю это утвержденіе, дабы ясно было, что полученныя черезъ посредство моей руки и напечатанныя въ этой книгѣ ученія, мысли, чувства и убѣжденія были совершенно противоположны моимъ воззрѣніямъ того времени“ (стр. 85 и 95).

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ случаевъ проявленій этого рода представляютъ намъ сообщенія, полученныя г. М. А. (Оксон.) [1]), личностью хорошо извѣстною въ спиритической литературѣ; они сперва помѣщались отрывками въ „Спиритуалистѣ“ 1874 и слѣдующихъ годовъ, а позднѣе, въ 1883 году, были собраны и напечатаны въ одномъ томѣ подъ заглавіемъ „Spirit Teachings“ (Спиритическія поученія). Главный интересъ этой книги состоитъ въ томъ, что она знакомитъ насъ съ ходомъ и подробностями умственной борьбы между завѣтными убѣжденіями медіума и сообщеніями, имъ получаемыми посредствомъ своей собственной руки, такъ какъ въ книгѣ содержатся вопросы и возраженія, возникавшіе послѣ каждаго сообщенія въ умѣ того, кто самъ писалъ ихъ. Медіумъ, человѣкъ высокаго умственнаго образованія, имѣлъ уже твердо установленныя религіозныя убѣжденія, когда обнаружились его медіумическія способности для явленій физическихъ и умственныхъ и въ особенности для автоматическаго письма. Когда дѣло коснулось до вѣрованій, велико было его удивленіе и смущеніе при полученіи посредствомъ его собственной руки сообщеній, діаметрально противоположныхъ его самымъ завѣтнымъ убѣжденіямъ. Интересующагося подробностями этого случая я *долженъ* отослать, если не къ подлиннику, то къ цитатамъ изъ него, приведеннымъ въ нѣмецкомъ изданіи моего отвѣта Гартману (стр. 375 — 377).

Случается также, что опыты, предпринятые съ полнымъ убѣжденіемъ, что спиритическія явленія суть ничто иное, какъ

---

[1]) Т. е. Magister Artium Oxoniensis (магистръ философіи оксфордскаго университета).

явленія физическаго разряда, даютъ результаты совершенно противоположные этому убѣжденію. Таковъ именно фактъ, описанный профессоромъ Вагнеромъ въ „Ps. Studien“ 1879 года и относящійся до г. Д., химика и горнаго инженера, находящагося здѣсь, въ Петербургѣ, на государственной службѣ по части технической химіи. Я имѣю изъ его устъ подтвержденіе того факта, что ни онъ, ни члены его семейства никогда не занимались спиритизмомъ, что ихъ убѣжденія были совершенно противоположны его ученіямъ, и что опыты этого рода были предприняты имъ съ цѣлью доказать, что въ его явленіяхъ, если только таковыя существуютъ, нѣтъ ничего мистическаго. Статья эта была переведена по-русски и помѣщена въ мартовской книжкѣ „Литературнаго журнала“ за 1881 годъ, издававшагося въ Петербургѣ; заимствуемъ изъ нея слѣдующія строки, указывающія на неожиданный результатъ перваго сеанса:

„Этотъ небольшой кружокъ приступилъ къ спиритическимъ сеансамъ въ полной увѣренности, что ему удастся подвести медіумическія явленія подъ разрядъ явленій физическихъ, въ общепринятомъ нынѣ смыслѣ этого слова. Въ этихъ видахъ, столъ, за которымъ происходили сеансы, былъ установленъ на стеклянныя подставки, и ножки его были обмотаны проволокой, проведенной къ гальванометру. Но никакихъ физическихъ явленій еще не произошло, какъ столъ съ перваго же сеанса настоятельно потребовалъ азбуку. Помощью стуковъ составились фразы, и вотъ какой возникъ разговоръ:

— Я страдаю, потому что ты не вѣруешь.

— Къ кому относятся эти слова? спросили присутствовавшіе на сеансѣ.

— Къ Катеринѣ Л.

— Кто же ты такой? спросила К. Л.

— Я твоя подруга, Ольга Н.

Катерина Л. была глубоко поражена и взволнована этимъ сообщеніемъ, такъ какъ Ольга Н., одна изъ самыхъ дорогихъ и любимыхъ ея подругъ, такая же атеистка, какъ и она сама, скончалась за годъ передъ тѣмъ“ (стр. 394).

Наглядный примѣръ того, что сообщеніе можетъ быть про-

тивно волѣ и убѣжденіямъ медіума, мы находимъ въ слѣдующемъ фактѣ, сообщаемомъ профессоромъ Геромъ:

„Однажды я досталъ изъ кармана книжку, которую медіумъ никогда не видалъ, открылъ ее на страницѣ съ заголовкомъ „Издатель читателю“ и поднесъ слова эти къ азбучному кругу, обративъ корешокъ книги къ медіуму. Стрѣлка сложила *изда*—и остановилась, будто не въ силахъ была продолжать; въ это время медіумъ отвлекся на минуту, чтобы успокоить своего ребенка, а стрѣлка тотчасъ дополнила недостававшія буквы *тель*, чтобы сложить полное слово *издатель*. Медіумъ объяснилъ мнѣ при этомъ, что по ея соображенію непремѣнно должно было выйти слово *изданіе* и, чтобы помочь, она усиливалась сложить требуемыя для этого буквы, но какъ только отвлечена была ребенкомъ, сообщавшійся тотчасъ овладѣлъ ею и докончилъ заданное слово. См. *Опытное изслѣдованіе спиритическихъ явленій Роберта Гера, стр. 37.*

III. Явленія, противныя характеру и чувствамъ медіума.

Было бы трудно говорить объ этого рода явленіяхъ съ нѣкоторою опредѣленностью, еслибъ не существовало внѣшняго, пребывающаго процесса, въ точности отражающаго характеръ человѣка. Такой процессъ представляетъ намъ письмо. Оно носитъ на себѣ столь же оригинальную, какъ и вѣрную печать своего автора. Это, такъ сказать, фотографія характера человѣка. Графологія, находящаяся еще только въ зачаткѣ, тѣмъ не менѣе признала фактъ, что почеркъ есть точное выраженіе безсознательныхъ движеній, характеризующихъ личность (см. „Revue Philosophique“, ноябрь 1885 года). Новѣйшіе опыты въ области гипнотизма констатировали, что внушеніе фиктивной личности влечетъ за собою въ почеркѣ субъекта измѣненія, соотвѣтствующія характеру внушенной личности. Будучи въ 1886 году въ Парижѣ, я имѣлъ случай, благодаря любезности г. Шарля Рише, присутствовать на опытахъ этого рода; почеркъ и правописаніе субъекта (образцы которыхъ я сохраняю) дѣйствительно измѣнились съ внушенными ролями (см. „Ребусъ“, 1887 г., № 1, статью „Мое свиданіе съ Рише“);

но легко видѣть, что это только модификація нормальнаго почерка субъекта, соотвѣтствующая, равно какъ его выраженія и жесты, внушенному типу. Извѣстно, что въ спиритизмѣ медіумы довольно часто пишутъ почеркомъ, который отличается отъ ихъ нормальнаго, и какъ для значительной части медіумическихъ проявленій я допускаю, вмѣстѣ съ Гартманомъ, что они — результатъ нашихъ безсознательныхъ дѣятельностей, такъ точно и здѣсь я допускаю охотно, что измѣненіе медіумическаго почерка можетъ во многихъ случаяхъ быть только безсознательной модификаціей нормальнаго почерка медіума, смотря по воображаемымъ личностямъ, разыгрываемымъ его безсознательными способностями. Но какъ и во всѣхъ медіумическихъ явленіяхъ есть градаціи въ сложности факта и прилагаемости гипотезъ, точно также и здѣсь мы должны принять въ соображеніе, почему медіумъ, пишущій автоматически отъ имени A, пишетъ своимъ нормальнымъ почеркомъ, а отъ имени B и C почеркомъ ему чуждымъ? Съ точки зрѣнія сомнамбулизма или гипнотизма условія за или противъ измѣненія почерка должны быть одинаковыми для всѣхъ случаевъ и дать одинаковые результаты. Затрудненіе возрастаетъ, когда B, C и D *всегда* удерживаютъ свой почеркъ съ математическою тожественностью, ибо если B, C и D суть случайныя роли, созданныя въ данный моментъ, какъ могутъ они воспроизводиться постоянно съ идентичными оттѣнками характера, выражающимися въ идентичныхъ оттѣнкахъ почерка? Психическія состоянія, субъективныя и безсознательныя, не суть величины неизмѣнныя (какъ индивидуальныя особи) и ихъ повтореніе не можетъ быть идентичнымъ; мы не знаемъ словъ, повторяющихся идентично, и рѣдкіе случаи подобнаго рода являются исключительными, почему ихъ обыкновенно и приписываютъ личному, невидимому вмѣшательству. Затѣмъ представляются тѣ случаи, гдѣ автоматическій почеркъ совершенно отличается отъ почерка медіума; создать оригинальный почеркъ внезапно и всегда идентично воспроизводить его — вещь трудно поддающаяся объясненію той же теоріей. И, наконецъ, имѣются и такіе случаи, гдѣ въ медіумическомъ по-

черкѣ мы признаемъ почеркъ другого лица, котораго медіумъ никогда и не видалъ. Здѣсь никакое внушеніе со стороны гипнотизера или безсознательной дѣятельности не объяснитъ факта; впрочемъ я не стану распространяться теперь объ этомъ предметѣ, о которомъ буду говорить подробнѣе въ IV главѣ.

Но и *содержаніе* сообщеній можетъ быть противно характеру медіума. Какъ, напр., объяснить случай, гдѣ ругательства, богохульства и неприличія произносятся устами, или пишутся рукою ребенка? Вотъ два случая такого рода, сообщенные г. Подморомъ въ № „Light“'а отъ 20 мая 1882 года:

„Бабтистскій пасторъ, жившій въ Экшанѣ, около Оксфорда, получалъ черезъ своихъ дѣтей письменныя сообщенія, исходившія отъ имени его покойной жены. Въ этихъ посланіяхъ содержалось много утѣшительнаго для него и много доказательствъ самоличности. Въ продолженіи нѣкотораго времени пасторъ былъ убѣжденъ, что онъ находится въ общеніи съ женою. Внезапно, безъ всякой невидимой причины, характеръ сообщеній измѣнился, библейскіе тексты и слова участія и любви смѣнились богохульствомъ и сквернословіемъ, и несчастный мужъ долженъ былъ придти къ заключенію, что онъ все время былъ жертвою злостнаго обмана. Всѣ подробности этого случая, крайне поразительнаго, читатель найдетъ въ „Human Nature“ за 1875 годъ, стр. 176.

„Второй случай переданъ мнѣ тѣмъ лицомъ, съ которымъ онъ произошелъ. Вскорѣ послѣ смерти его жены, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, его родственница, начала писать психографически. Сообщенія получались также, какъ и въ первомъ случаѣ, отъ имени умершей жены и содержали въ себѣ много вѣскихъ доказательствъ въ пользу такого происхожденія. Было сдѣлано не мало намековъ на событія, извѣстныя только мужу и женѣ, и на разговоры, происходившіе между ними съ глазу на глазъ. Но желая получить еще большія доказательства, пріятель мой сталъ допрашивать сообщающагося еще обстоятельнѣе. Тутъ оказалось, къ его удивленію, что память или знаніе внушавшаго эти посланія простирались не далѣе, какъ за шесть недѣль до кончины его жены; все же происходившее

ранѣе было ему неизвѣстно. Упрекая сообщавшагося въ обманѣ, онъ пришелъ въ ужасъ отъ посыпавшихся на него проклятій и грязной брани, и все это, вспомнимъ, писалось рукою ребенка, который едва-ли когда могъ слышать, а еще менѣе понимать смыслъ употребленныхъ словъ".

Другой корреспондентъ „Light"'а сообщаетъ: „Замѣчательная вещь, что при писаніи посредствомъ планшетки весьма часто случается, что характеръ сообщеній находится въ полномъ противорѣчіи съ характеромъ медіума. Такъ, напр., я видѣлъ, какъ ужаснѣйшія проклятія выливались изъ-подъ рукъ людей, которые скорѣе готовы были бы умереть, чѣмъ позволить себѣ подобныя рѣчи" („Light", 1883 года, стр. 124).

Вообще фактъ полученія сообщеній грубо-неприличныхъ черезъ медіумовъ, совершенно невинныхъ и чистыхъ душою, а иногда и неспособныхъ понимать значеніе ими написаннаго,—одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и вмѣстѣ поразительныхъ; всѣ опытно знакомые съ медіумизмомъ подтвердятъ это.

IV. Сообщенія, коихъ содержаніе выше умственнаго уровня медіума.

Только теперь, собственно говоря, я перехожу къ разбору 3-й главы, посвященной г. Гартманомъ вопросу „объ умственномъ содержаніи сообщеній" и главный аѳоризмъ которой гласитъ: „всѣ сообщенія имѣютъ содержаніе, соотвѣтствующее умственному уровню и взглядамъ медіума" (стр. 142). И далѣе: „содержаніе этихъ сообщеній обыкновенно бываетъ *ниже* духовнаго уровня медіума и присутствующихъ; самое большее оно иногда *равняется* съ нимъ, но никогда *не превосходитъ его*" (стр. 145). Что сообщенія далеко не всегда отвѣчаютъ „взглядамъ медіума", это мы видѣли на предшествующихъ страницахъ; посмотримъ теперь, вѣрна-ли первая часть этого аѳоризма. Справедливость требуетъ сказать, что дѣйствительно большинство медіумическихъ сообщеній содержитъ общія мѣста, пустые отвѣты или разсужденія, не превосходящіе нормальныхъ способностей медіума, а очень часто и чистыя пошлости; без-

полезно говорить, что было бы безразсудно искать причину подобныхъ произведеній помимо безсознательной психической дѣятельности самого медіума. Этотъ родъ сообщеній объясняетъ и оправдываетъ отчасти то обычное со стороны критиковъ спиритизма утвержденіе, что медіумическія сообщенія никогда не превышаютъ нравственный и умственный уровень медіума. Но слово „никогда“ является лишнимъ въ этомъ утвержденіи; формулированное такимъ образомъ оно служитъ доказательствомъ недостаточнаго изученія литературы предмета, или малаго практическаго съ нимъ знакомства; ибо спиритическая литература обладаетъ не малымъ количествомъ фактовъ, доказывающихъ, что получаемыя сообщенія могутъ быть и выше умственнаго уровня медіума и нѣтъ такого опытнаго спиритиста, который не имѣлъ бы случая въ этомъ убѣдиться. Но объективное установленіе этого факта вещь не легкая. Какъ опредѣлить духовный уровень личности, какъ опредѣлить границы умственнаго возбужденія, до котораго человѣкъ можетъ достичь подъ вліяніемъ какихъ-либо случайныхъ причинъ и во время котораго онъ можетъ создать изъ ряду вонъ выходящее произведеніе, причемъ мы не имѣемъ однако права приписать его какому-либо другому фактору, какъ умственнымъ способностямъ самого субъекта. Другое затрудненіе состоитъ въ необходимости ссылаться или только на свидѣтельство самого медіума, или на свидѣтельство лицъ, его знающихъ; это сводится къ личному убѣжденію, основанному на близкомъ знакомствѣ съ субъектомъ, которое для постороннихъ не имѣетъ никакого значенія. И, наконецъ, чтобы судить и доказать, надо имѣть документы на лицо, надо представить факты конкретные и осязаемые, что не всегда возможно. Степень образованія и познанія въ положительныхъ наукахъ представляетъ, повидимому, самое вѣрное мѣрило для оцѣнки явленія, о коемъ идетъ рѣчь. Еслибъ мы могли удостовѣрить, что какой-нибудь медіумъ обнаружилъ въ своихъ медіумическихъ произведеніяхъ такія положительныя познанія, которыми онъ не обладаетъ въ нормальномъ состояніи, то этотъ фактъ послужилъ бы достаточнымъ доказательствомъ, что утвержденіе г. Гартмана не-

правильно. Между фактами подобнаго рода мы имѣемъ медіумическія произведенія Гудзона Тутля, изъ коихъ всего замѣчательнѣе его первое сочиненіе „Тайны природы“ (Arcana of nature), написанное когда ему было восемнадцать лѣтъ, первый томъ котораго былъ переведенъ и напечатанъ въ Германіи подъ заглавіемъ: „Исторія и законы міросданія“ (Geschichte und Gesetze des Schöpfungsvorganges) докторомъ Ашеромъ въ Эрлагенѣ, въ 1860 году, и у котораго Бюхнеръ заимствовалъ нѣсколько мотто, не подозрѣвая, что это было безсознательное сочиненіе молодого фермера, не получившаго никакого научнаго образованія, написанное въ пустыняхъ штата Огайо, въ Америкѣ (см. „Ps. St.“, 1874 года, стр. 93 „Встрѣча Бюхнера съ Гудзономъ Тутлемъ въ Америкѣ“).

Если захотятъ возразить, что это произведеніе — научнаго, безличнаго характера — имѣло источникомъ ясновидѣніе, причемъ будутъ опираться на примѣръ Девиса, утверждающаго, что его сочиненіе „Principles of nature“ („Начала природы“) не имѣло другого источника (хотя одно и не опровергаетъ другого), то я приведу для примѣра другое медіумическое произведеніе, личный характеръ котораго не объяснитъ никакое ясновидѣніе; я говорю о романѣ Чарльза Диккенса „Эдвинъ Друдъ“, оставленномъ авторомъ неоконченнымъ и законченномъ рукою медіума Джемса, молодымъ человѣкомъ безъ образованія. Свидѣтели видѣли способъ происхожденія этого сочиненія, и компетентные судьи высказались о литературномъ достоинствѣ его содержанія. Я войду въ нѣкоторыя подробности объ этомъ единичномъ въ лѣтописяхъ спиритизма произведеніи. Когда распространился слухъ, что романъ Диккенса дописывается такимъ необычайнымъ способомъ, газета „Springfield Daily union“ отправила своего корреспондента въ Братльборо (въ штатѣ Вермонъ), гдѣ проживалъ медіумъ, чтобы разузнать на мѣстѣ обо всѣхъ подробностяхъ; я приведу здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ его отчета, напечатаннаго на восьми столбцахъ въ № отъ 26 іюля 1873 г. названной газеты и перепечатаннаго въ „Benner of Light“, а затѣмъ отчасти и въ „Спиритуалистѣ“ 1873 г., стр. 322, откуда мы ихъ и заимствуемъ.

Вотъ что говорится о самомъ медіумѣ: „Онъ родился въ Бостонѣ, и на четырнадцатомъ году сталъ обучаться механическому мастерству, которымъ занимается и по настоящее время, такъ что его школьное образованіе закончилось, когда ему было тринадцать лѣтъ. Не будучи нисколько неграмотнымъ или непонятливымъ, онъ однако не имѣлъ никакого расположенія къ литературнымъ занятіямъ, и до этого никогда имъ не предавался—даже ни разу не пытался помѣстить въ газетѣ хотя какую-либо статейку. Таковъ человѣкъ, который взялся за перо Чарльза Диккенса, чтобы закончить и почти закоичилъ „Тайну Эдвина Друда“.

„Я былъ первымъ, которому посчастливилось узнать отъ него самого всѣ подробности, разсмотрѣть рукопись и сдѣлать изъ нея извлеченія.

„Дѣло было такъ: мѣсяцевъ десять тому назадъ молодой человѣкъ (котораго для краткости я буду называть г. А., такъ какъ медіумъ до сихъ поръ не желаетъ оглашать своего имени) былъ прпглашенъ своими пріятелями присѣсть къ столу для спиритическаго опыта. До этого времени онъ смѣялся надъ всякими „спиритическими чудесами“, считая ихъ шарлатанствомъ, нисколько не подозрѣвая, что онъ самъ обладаетъ какими-нибудь медіумическими способностями. Едва начался сеансъ, какъ стали раздаваться учащенные стуки и столъ послѣ самыхъ рѣзкихъ и разнообразныхъ движеній опрокинулся на колѣни къ г. А., чтобы показать, что медіумъ былъ онъ. На слѣдующій вечеръ его пригласили участвовать въ другомъ сеансѣ. Проявленія были еще сильнѣе. Г. А. внезапно впалъ въ трансъ, схватилъ карандашъ и написалъ сообщеніе отъ имени ребенка одного изъ присутствующихъ, о существованіи котораго г. А. ничего не зналъ. Но распространяться о дальнѣйшихъ случаяхъ этого рода мнѣ здѣсь нѣтъ надобности...

„Въ концѣ октября прошлаго, 1872 года, на одномъ изъ сеансовъ г. А. написалъ сообщеніе къ себѣ самому, подписанное именемъ Чарльза Диккенса, съ просьбою дать ему спеціальный сеансъ 15 ноября; но приближеніи этого срока ему постоянно о томъ напоминалось... Результатомъ сеанса 15 ноября

который, согласно данным указаніямъ, происходилъ въ темной комнатѣ, въ присутствіи одного А., было длинное сообщеніе отъ имени Диккенса, выражавшаго желаніе закончить черезъ него, какъ медіума, неоконченный имъ романъ. Въ сообщеніи говорилось, что онъ (Диккенсъ) давно искалъ какимъ бы способомъ этого достигнуть, но до сихъ поръ не находилъ никого подходящаго для успѣшнаго выполненія такой задачи. Онъ желалъ, чтобы первая диктовка происходила въ канунъ Рождества, въ ту ночь, которую онъ болѣе всего любилъ на землѣ, и просилъ медіума отдать на это дѣло столько времени, сколько это было для него возможно безъ ущерба для его обычныхъ занятій... Вскорѣ стало очевидно, что тутъ работаетъ рука мастера и г. А. сталъ охотнѣе покоряться постигшей его странной участи. Результатъ его труда отъ Рождества до настоящаго времени (іюля 1873 года),—труда внѣ ежедневныхъ десятичасовыхъ занятій своимъ ремесломъ — представляетъ теперь 1200 страницъ рукописи, которой достаточно для октавнаго тома въ 400 страницъ“.

Критикуя затѣмъ новую часть романа, корреспондентъ говоритъ: „Здѣсь передъ нами прежде всего цѣлая группа лицъ, каждое съ своими отдѣльными характеристическими чертами, и роли всѣхъ этихъ лицъ должны быть выдержаны до конца— трудъ не легкій для человѣка, который никогда отъ роду ни о какомъ предметѣ не написалъ и трехъ страницъ. И вотъ въ первой же главѣ насъ поражаетъ полное сходство новой части съ прежней: нить разсказа подхвачена съ того самаго слова, на которомъ она была прервана смертью, и повѣствованіе продолжается съ такой цѣльностью, что самый острый глазъ критика, не знающаго, гдѣ кончилось старое и гдѣ началось новое, не будетъ въ состояніи уловить тотъ моментъ разсказа, когда смолкло слово Диккенса! Каждое лицо романа продолжаетъ быть столь же живымъ, типичнымъ, вѣрнымъ самому себѣ во второй части, какъ и въ первой. И это еще не все: мы знакомимся съ другими новосозданными личностями (Диккенсъ всегда вводилъ новыя лица даже въ послѣднихъ главахъ своихъ романовъ) и эти лица никакъ не дубликаты героевъ первой части,

не просто манекены, а живые люди, цѣльные созданные типы. Кѣмъ же созданы они?“ (стр. 323).

„Здѣсь нѣкоторыя подробности — говоритъ критикъ — могутъ представлять несомнѣнный интересъ. Разсматривая рукопись, я нашелъ слово *traveller* (путешественникъ), вездѣ написанное съ двумя *l*, какъ это всегда соблюдается въ Англіи, и очень рѣдко у насъ въ Америкѣ. Также слово *coal* (уголь) всегда писано *coals*, какъ принято въ Англіи. Нельзя не замѣтить еще особеннаго употребленія большихъ буквъ, какъ это встрѣчается у Диккенса. Удивительно знакомство съ топографіей Лондона, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ мною выдержекъ. Встрѣчаются обороты рѣчи, совершенно неслыханные въ Америкѣ, но обычные въ Англіи. Упомяну еще о внезапныхъ переходахъ отъ прошедшаго времени къ настоящему, особенно въ живомъ разсказѣ, переходъ очень любимый Диккенсомъ, особенно въ его послѣднихъ сочиненіяхъ. Эти и многія тому подобныя частности, быть можетъ, и не важны, но именно о нихъ бы и разбилась грубая поддѣлка“.

Вотъ заключеніе, къ которому приходитъ корреспондентъ: „Я пріѣхалъ въ Братльборо въ увѣренности, что найду это посмертное твореніе легко разоблачаемой поддѣлкой. Послѣ двухъ дней тщательнаго и критическаго разсмотрѣнія, я уѣзжаю, признаюсь, иорядкомъ озадаченный. Я отвергаю прежде всего какъ нѣчто невозможное — какъ сдѣлаетъ это и всякій послѣ тщательнаго разслѣдованія дѣла — то предположеніе, что эта рукопись была написана самимъ медіумомъ. Онъ говоритъ, что никогда не читалъ перваго тома, и мнѣ нѣтъ дѣла до того, читалъ онъ его или нѣтъ, такъ какъ я совершенно убѣжденъ, что онъ не въ состояніи написать даже одной страницы второй части. И въ этомъ нѣтъ для него ничего обиднаго, ибо многіе ли способны дѣлать то, что Диккенсъ оставилъ недодѣланнымъ.

„Я вынужденъ, поэтому, признать одно изъ двухъ: или какой-нибудь геніальный человѣкъ унотребляетъ личность А. какъ орудіе, чтобы необыкновенное произведеніе представить публикѣ и путемъ необыкновеннымъ, или эта книга какъ и претендуетъ ея невѣдомый авторъ, есть дѣйствительно диктовка самого Диккенса съ того свѣта. Едва ли второе предположеніе

чудеснѣе перваго. Если есть въ Вермонтѣ человѣкъ доселѣ неизвѣстный, способный писать какъ Диккенсъ, то ему, разумѣется, нѣтъ надобности прибѣгать къ такимъ пріемамъ. Если же, съ другой стороны, самъ Диккенсъ „хотя и мертвъ, но глаголетъ“, то чего же ждать еще? Я долженъ по чести заявить, что при предоставленной мнѣ полной свободѣ изслѣдованія, я не нашелъ ни малѣйшаго признака обмана; а еслибъ я имѣлъ право обнаружить имя „медіума-писца“, то этого было бы достаточно, чтобы удалить всякую тѣнь подозрѣнія среди тѣхъ, кто его сколько-нибудь знаетъ“.

Вотъ нѣкоторыя подробности относительно того, какъ писалось продолженіе романа:

„Сперва медіумъ писалъ только три раза въ недѣлю, по три или по четыре страницы заразъ, но потомъ сталъ писать по два раза въ день и по десяти, двѣнадцати, и иногда даже по двадцати страницъ въ одинъ присѣстъ. Почеркъ не его собственный, и насколько удалось сравнить его, имѣетъ нѣкоторыя особенности Диккенсова. Въ началѣ каждаго сеанса почеркъ красивъ, изященъ, точно женскій, но съ каждой дальнѣйшей страницей становится все грубѣе и грубѣе и на послѣдней оказывается разъ въ пять, если не въ десять, крупнѣе, чѣмъ на первой страницѣ; такой порядокъ въ измѣненіи почерка наблюдается на всѣхъ написанныхъ доселѣ полутора тысячахъ страницахъ, рѣзко отдѣляя одинъ сеансъ отъ другого. Въ началѣ нѣкоторыхъ страницъ стоятъ стенографическіе знаки, о которыхъ медіумъ не имѣетъ никакого понятія. Иногда писаніе было столь быстрое, что трудно разобрать его.

„Способъ веденія сеансовъ очень не сложенъ. Приготовивъ два остроочиненныхъ карандаша и большое количество бумаги, разорванной на полулисты, г. А. уходитъ одинъ въ свою комнату. Обычное время писанья — шесть часовъ поутру и половина восьмого вечеромъ, т. е. такіе часы, въ которые въ это время года свѣтло; впрочемъ, вечерніе сеансы нерѣдко переходятъ за половину девятаго и позднѣе и писаніе происходитъ одинаково хорошо въ темнотѣ, какъ и при свѣтѣ, зимою же всѣ сеансы происходятъ въ темнотѣ. Положивъ бумагу и ка-

рандаши такъ, чтобы удобно было достать ихъ, этотъ „писецъ“ Диккенса кладетъ руки на столъ ладонями внизъ и беззаботно ждетъ результата. Впрочемъ, не вполнѣ беззаботно, ибо хотя явленіе, давно потерявъ свою новизну, стало для него уже привычнымъ, а всетаки, по его собственному признанію, оставаясь одинъ на этихъ сеансахъ, и какъ бы вызывая умершаго, онъ никогда не можетъ отрѣшиться отъ нѣкотораго чувства страха. Сидитъ онъ въ ожиданіи, куря иногда въ это время сигару, двѣ, три, пять минутъ, а не то и десять, даже полчаса, но обыкновенно, если „условія хороши“, не болѣе двухъ минутъ. Условія, главнымъ образомъ, зависятъ отъ погоды. Въ свѣтлый, тихій день и его машина, какъ и электрическая, работаетъ безостановочно; буря производитъ помѣху; чѣмъ буря сильнѣе, тѣмъ помѣхи больше, такъ что въ очень дурную погоду сеансъ отлагается. Просидѣвъ за столомъ въ ожидательной позѣ потребное, смотря по условіямъ, время, г. А. не постепенно, а вдругъ теряетъ сознаніе, и писаніе продолжается полчаса, часъ, однажды оно продолжалось цѣлыхъ полтора. Единственное воспоминаніе, сохраняемое медіумомъ объ этомъ трансѣ, это видѣніе имъ всякій разъ Диккенса, сидящаго возлѣ него, склонившаго голову на руки, какъ бы въ сильной задумчивости, съ серьезнымъ, нѣсколько грустнымъ выраженіемъ лица. Онъ не говоритъ ни слова, но иногда внушительно взглядываетъ на медіума,—„О, какіе это глаза!“

„Вспоминается это медіуму такъ, какъ вспоминается намъ тотчасъ послѣ пробужденія только-что видѣнный сонъ, т. е. какъ нѣчто реальное, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неуловимое. Въ знакъ, что сеансъ конченъ, Диккенсъ всякій разъ кладетъ на руку медіума свою холодную, тяжелую руку; въ началѣ сеансовъ г. А. вскрикивалъ при этомъ прикосновеніи, да и теперь, при воспоминаніи о немъ, невольно вздрагиваетъ. Черезъ это прикосновеніе онъ приходитъ въ себя, но обыкновенно требуется еще постороняя помощь, чтобы отнять его руки отъ стола, къ которому онѣ, повидимому, магнетически притягиваются [1]).

[1]) Это не притягиваніе, а каталептическое состояніе, которое я неоднократно наблюдалъ надъ женой своей, по окончаніи писанія. *А. А.*

Придя въ себя, онъ находитъ на полу исписанные въ тотъ день листки, разбросанные по разнымъ направленіямъ. Страницы не перенумерованы и г. А. приходится впослѣдствіи уже по смыслу проставлять страницы. Нѣкоторое время послѣ окончанія сеанса медіумъ чувствуетъ сильную боль въ груди, но она скоро проходитъ; вотъ единственное испытываемое имъ непріятное послѣдствіе. Чрезвычайная нервозность, которою онъ страдалъ прежде развитія своихъ медіумическихъ способностей, теперь совершенно его оставила, и онъ никогда не былъ такъ крѣпокъ и здоровъ физически". (стр. 326).

Для большихъ подробностей отсылаю читателя къ страницамъ 322—326 и 375 „Спиритуалиста" 1873 г., гдѣ помѣщены и выдержки изъ новой части романа, и еще къ стр. 26, 1874 года, на которой г. Гаррисонъ, издатель „Спиритуалиста", хорошій знатокъ англійской литературы, выражается по этому поводу слѣдующимъ образомъ:

„Трудно предположить, чтобъ геніальность и художественность, проявляющіяся въ этомъ произведеніи, носящемъ на себѣ такую печать сходства съ Диккенсомъ, могли побудить его автора, кто бы онъ ни былъ, предстать передъ міромъ только въ роли искуснаго поддѣлывателя".

Могу указать еще для примѣра на книгу, подъ заглавіемъ: *Отголоски изъ невидимаго міра* (Essays from the unseen, through the mouth of WZ, a sensitive, and recorded by A. T. P. P. London. 1885), которая содержитъ въ себѣ не малое количество весьма замѣчательныхъ сообщеній, идущихъ отъ имени различныхъ историческихъ лицъ, философовъ, поэтовъ, богослововъ и другихъ, высказанныхъ въ глубокомъ трансѣ ремесленникомъ средняго умственнаго уровня и обычнаго этому сословію образованія, безъ всякой остановки и колебанія, и такъ быстро, какъ только могъ записывать ихъ стенографически г. А. Т. Р. Р., издатель этой книги.

Если хотятъ возразить, что эти случаи не представляютъ достаточной достовѣрности, такъ какъ не исключаютъ возможности предварительной подготовки, или искусной поддѣлки, то вотъ другой примѣръ, гдѣ сообщенія цѣнны тѣмъ, что получа-

лись тотчасъ, экспромптомъ, въ видѣ отвѣтовъ на неожиданные вопросы. Г. Баркасъ, изъ Нью-Кастля, котораго я имѣю удовольствіе знать лично, такъ же, какъ и медіума, о которомъ будетъ рѣчь, напечаталъ въ „Light“'ѣ 1885 г., стр. 85, рядъ статей подъ заглавіемъ: „*Импрозизированные научные отвѣты, чрезъ даму-медіума, очень обыкновеннаго образованія*“, изъ которыхъ я приведу нѣсколько выдержекъ:

„Въ 1875 году я былъ приглашенъ на рядъ сеансовъ, происходившихъ въ скромной квартирѣ молодой дамы, не профессіональнаго медіума въ Нью-Кастлѣ. Всѣ вопросы вносились въ тетрадь въ тотъ моментъ, когда они ставились, и медіумъ тутъ же немедленно отвѣчалъ на нихъ письменно. Всѣ тетради съ вопросами и отвѣтами находятся у меня и всякій можетъ видѣть ихъ.

„Задача состоитъ въ томъ: женщина, сравнительно мало образованная, отвѣчала на разные научные, критически обдуманные вопросы, въ продолженіе тридцати семи вечеровъ, по три часа каждый разъ, такимъ образомъ, какъ, вѣроятно, ни одинъ человѣкъ въ Англіи не могъ бы на нихъ отвѣтить... то есть, не могъ бы отвѣтить, при тѣхъ же условіяхъ, на всѣ эти вопросы съ одинаковой точностью и вѣрностью.

„Замѣчу, что подробное описаніе этихъ сеансовъ, автобіографія медіума, примѣры вопросовъ и отвѣтовъ находятся въ „Psychological Review“, томъ I, стр. 215, октябрь, 1878 года.

„Необходимо имѣть въ виду, что дама эта весьма ограниченнаго образованія; что она находилась въ присутствіи наблюдателей, критически относившихся къ происходившему, что вопросы писались и прочитывались вслухъ въ тотъ моментъ, когда они ставились; что отвѣты писались рукой медіума въ той же тетради, очень быстро, безъ всякой подготовки, безъ возможности для справокъ или поправокъ; что вопросы относились до разныхъ научныхъ и другихъ предметовъ, съ которыми женщины обыкновенно не знакомы; что дама-медіумъ, по личному ея заявленію, совершенно въ этихъ предметахъ несвѣдуща; что рука ея писала отвѣты автоматически, причемъ сама пишущая нисколько не сознавала, правильны-ли они,

или нѣтъ; люди, близко ее знающіе, утверждаютъ, что она не имѣла расположенія къ научнымъ занятіямъ, ни доступа къ научнымъ книгамъ, и, насколько имъ извѣстно, никогда и не занималась научными вопросами“.

Большая часть вопросовъ писалась самимъ Баркасомъ и до внесенія ихъ въ тетрадь никому изъ участниковъ сеанса не была извѣстна; отвѣты писались медіумомъ въ нормальномъ состояніи, въ темнотѣ.

Изъ цѣлой сотни вопросовъ и отвѣтовъ, приведенныхъ Баркасомъ для примѣра, я, въ свою очередь, ограничусь десяткомъ слѣдующихъ, переведенныхъ для меня спеціалистами по части музыки:

„*Вопросъ*. Что такое гармоническіе тона?

„*Отвѣтъ*. Гармоническіе тона суть тѣ звуки, которые обусловливаются узлами или волнообразными сегментами струнныхъ инструментовъ, въ послѣдовательности тѣхъ и другихъ.

„*Вопросъ*. Одинаковы-ли гармоническіе тона одного и того же звука въ духовой трубкѣ и на струнѣ?

„*Отвѣтъ*. Разумѣется, не одинаковы. Въ глухой духовой трубкѣ они расположены по ея центральной линіи, а на струнныхъ инструментахъ они расположены въ мѣстахъ звуковыхъ узловъ.

„*Вопросъ*. Имѣютъ-ли различные звуки различное число гармоническихъ тоновъ?

„*Отвѣтъ*. Разумѣется, различное; но число звучащихъ гармоническихъ тоновъ зависитъ отъ температуры атмосферы.

„*Вопросъ*. Какимъ образомъ ощущеніе звука доходитъ до сознанія?

„*Отвѣтъ*. Это спорный вопросъ. Вы, разумѣется, знаете, что звукъ, подобно свѣту и теплу, есть движеніе, и производится частицами воздуха, приведенными въ колебаніе. То, что вы называете амплитудой, вибраціей, это частички воздуха, движущіяся взадъ и впередъ и образующія распространяющуюся звуковую волну; эта волна, касаясь уха и барабанной перепонки, заставляетъ слуховой нервъ вибрировать и, такимъ образомъ, ощущеніе звука возникаетъ въ чувствилищѣ.

„*Вопросъ*. Почему два тожественныхъ звука вызываютъ прекращеніе звука, а два различныхъ звука не вызываютъ такого прекращенія?

„*Отвѣтъ*. Потому что двѣ тожественныя звуковыя волны при встрѣчѣ взаимно уничтожаются. Возьмите въ каждую руку по одинаковому камертону, ударьте ими обоими съ одинаковой силой и приставьте ихъ концы къ столу, волны при этомъ встрѣтятся и вы увидите, что гребни каждой волны взаимно покрываются. Подобный опытъ стоитъ продѣлать (стр. 86).

„*Вопросъ*. Какая разница между гармоническими тонами 8-ми футовой открытой органной трубки и 4-хъ футовой закрытой?

„*Отвѣтъ*. Въ открытыхъ трубкахъ первый узелъ волны находится въ серединѣ трубки; первый верхній гармоническій тонъ находится на половинѣ между первымъ узломъ и отверстіемъ трубки; другіе же находятся на $^1/_4$, $^1/_6$, $^1/_8$, $^1/_{10}$ этого разстоянія. Въ закрытыхъ трубкахъ оконечность образуетъ узелъ, соотвѣтствующій первому среднему узлу открытой трубки; отраженная волна образуетъ первый узелъ на разстояніи $^1/_3$ отъ конца трубки, а остальные узлы слѣдуютъ на разстояніи $^1/_5$, $^1/_7$, $^1/_9$ и т. д. („Light“, стр. 128).

„На сеансѣ 30 августа,—продолжаетъ далѣе г. Баркасъ,—присутствовалъ ученый профессоръ музыки, котораго я пригласилъ съ собою для того, чтобы онъ ставилъ музыкальные вопросы, на которые человѣкъ съ обыкновенными познаніями въ музыкѣ не былъ бы въ состояніи отвѣчать безъ особой подготовки. Вопросы въ нижеслѣдующемъ порядкѣ были поставлены профессоромъ музыки, вписаны мною въ тетрадь, прочтены вслухъ и затѣмъ очень быстро отвѣчены письменно рукою медіума. Слѣдующее за симъ есть дословная копія вопросовъ и отвѣтовъ, въ томъ порядкѣ, въ которомъ они были даны. Правильны-ли они, или нѣтъ, я не въ состояніи сказать, но во всякомъ случаѣ это подходящіе отвѣты на трудные вопросы, и весьма вѣроятно, при подобныхъ же условіяхъ, могли бы быть отвѣчены такъ хорошо только однимъ музыкантомъ изъ пяти тысячъ. Я еще не встрѣчалъ музыканта, который могъ бы

на нихъ отвѣтить экспромптомъ также хорошо, и встрѣчалъ очень мало такихъ, которые вполнѣ понимали бы ихъ даже теперь, когда отвѣты на лицо".

Изъ двадцати пяти вопросовъ и отвѣтовъ, приводимыхъ г. Баркасомъ, я представлю здѣсь два слѣдующіе:

„*Вопросъ*. Можете ли вы мнѣ сказать, какъ вычислить отношеніе между данными спеціальными колебаніями воздуха при постоянномъ объемѣ и неизмѣнномъ давленіи, основываясь на наблюдаемой скорости звука и опредѣляя эту скорость по формулѣ Ньютона?

„*Отвѣтъ*. Это отношеніе можетъ быть исчислено только слѣдующимъ образомъ: положимъ, вы ударили по двумъ струнамъ или по двумъ камертонамъ одновременно; если интенсивность звука та же самая, или почти та же самая, то колебанія будутъ происходить въ слѣдующей формѣ: пусть одна волна имѣетъ 228 колебаній, а другая 220 въ секунду; тогда колебанія достигнутъ уха въ размѣрѣ 228—220=8 въ секунду. Это вамъ дастъ 8 колебаній въ секунду, что и будетъ наивысшимъ числомъ звуковыхъ колебаній, могущихъ дойти до слуха.

„*Вопросъ*. Можете ли вы дать намъ объясненіе колебаній несовершенныхъ созвучій?

„*Отвѣтъ*. Этотъ вопросъ относится собственно къ области акустики. Ударъ или пульсація вызывается звуковой волной и нѣсколько звуковъ вызываются нѣсколькими волнами. Звуки, исходящіе изъ одной части комнаты, вызываютъ волнообразныя, звуковыя комбинаціи, въ непосредственномъ между собою сосѣдствѣ, причемъ волны пересѣкаются другъ съ дружкой, что вызываетъ несовершенныя пульсаціи или несовершенные удары, не достигающіе уха одновременно" (стр. 189).

Заканчиваю послѣднимъ вопросомъ, приведеннымъ въ статьѣ Баркаса:

„*Вопросъ*. Не можете ли вы дать намъ популярное описаніе человѣческаго глаза?

„*Отвѣтъ*. Человѣческій глазъ есть выпуклость, впереди которой находится сферическая роговая оболочка. Онъ имѣетъ

три или—что не всѣми признается—четыре оболочки: склеротическую, хороидную и сѣтчатую; послѣдняя собственно не оболочка, но только распространеніе оптическаго нерва. Съ внѣшней стороны склеротика есть оболочка, закрывающая даже и роговицу, извѣстная въ медицинѣ подъ именемъ соединительной, или *adnata*. Хороидная оболочка находится внутри склеротики, она темно-коричневаго цвѣта, и извѣстна подъ именемъ *pigmentum nigrum*; служитъ она для поглощенія всѣхъ ненужныхъ волнъ свѣта. Возьмемъ прежде роговицу, или окно глаза—прозрачное, слоистое талькy-подобное вещество, внутри котораго, заключенная въ мѣшечкѣ, находится стекловидная жидкость; позади нея помѣщается ирисъ, дѣйствующій на подобіе діафрагмы, устраняющей всѣ внѣшніе лучи, которые иначе попали бы въ зрачекъ. Хрусталикъ есть выпуклая или обоюдовыпуклая чечевица, болѣе выпуклая со стороны, помѣщающейся въ стекловидной жидкости, наполняющей большую полость глаза и сосредоточивающей лучи свѣта, которые входятъ черезъ зрачекъ и, собираясь въ фокусѣ, фотографируются на сѣтчаткѣ; эта послѣдняя, будучи приведена въ движеніе свѣтовыми лучами, вступающими въ глазъ — не тѣми, которые отражаютъ предметы — дѣйствуетъ какъ стимулъ на оптическій нервъ, передающій ощущеніе мозгу. Глазъ самъ по себѣ видитъ не болѣе, чѣмъ инструментъ, сдѣланный оптикомъ; онъ только отражаетъ и фотографируетъ предметы. Я не увѣренъ въ томъ, что мое объясненіе достаточно ясно. Я въ состояніи лучше отвѣтить на ваши вопросы относительно структуры этого органа“ (стр. 202).

Когда, въ 1876 году, г. Баркасъ сообщилъ о своихъ вышеупомянутыхъ опытахъ въ публичномъ чтеніи въ Нью-Кастлѣ, впослѣдствіи напечатанномъ въ „Спиритуалистѣ“ (1876 года, томъ II, стр. 146, 188), то закончилъ его слѣдующими общими соображеніями:

„Приведенные мною вопросы и отвѣты представляютъ только небольшой отрывокъ изъ всего мною полученнаго черезъ этого медіума. Всякій легко замѣтитъ, что данные отвѣты должны были исходить отъ лица, коротко знакомаго со всѣми не лег-

кими предметами, о которыхъ заводилась рѣчь. Отвѣты не были только общими мѣстами, но исчерпывали весь предложенный вопросъ и даже заходили далеко за его предѣлы, явно свидѣтельствуя о короткомъ знакомствѣ со всѣми затронутыми предметами. Я получалъ не только краткіе отвѣты, касавшіеся разныхъ научныхъ областей, но также писанные рукою того же медіума цѣлые выработанные трактаты о теплѣ, свѣтѣ, физіологіи растеній, электричествѣ, магнетизмѣ, анатоміи человѣческаго тѣла, и ни одинъ изъ этихъ трактатовъ не былъ бы недостоинъ пера человѣка науки; при всемъ этомъ всѣ они были писаны, или вѣрнѣе импровизованы безъ запинки, подъ импульсомъ минуты, очевидно, безъ всякой подготовки. Я могу прибавить, что во время всего сеанса медіумъ, повидимому, былъ въ своемъ нормальномъ состояніи. Онъ разговаривалъ съ нами и отвѣчалъ на случайные вопросы, какъ всегда. Постороннее на него вліяніе проявлялось единственно въ автоматически двигавшейся рукѣ.

„Въ чемъ я могу поручиться, это — что вопросы большею частью были задуманы и предложены мною самимъ, что никакого намека о нихъ заранѣе медіуму не дѣлалось, что никто, кромѣ меня, не зналъ о ихъ содержаніи, а многіе изъ нихъ задавались подъ впечатлѣніемъ минуты, безъ всякаго приготовленія; что отвѣты писались немедленно передъ нами рукою медіума, что для него было совершенно невозможно какими нибудь естественными, извѣстными намъ средствами, заранѣе заручиться требуемыми отвѣтами и, наконецъ, что дама-медіумъ никогда ни получала никакого вознагражденія за тѣ сотни часовъ, которые она самоотверженно отдаетъ другимъ для изслѣдованія замѣчательныхъ явленій ея медіумизма“.

Лондонское Общество для психическихъ изслѣдованій, вниманіе котораго было обращено на этотъ случай, не придало ему никакого значенія въ виду нѣкоторыхъ ошибокъ, содержавшихся въ отвѣтахъ. Ошибки всегда возможны; г. Баркасъ не указываетъ на эти отвѣты, какъ на образцы научной непогрѣшимости. Суть дѣла не въ этомъ. Допустимъ, что даже половина отвѣтовъ содержитъ въ себѣ ошибки (критика, помѣ-

щенная въ журналѣ Общества за 1885 годъ, касается какого-нибудь десятка отвѣтовъ), остается объяснить происхожденіе всѣхъ остальныхъ, коихъ цѣлыя сотни. Въ этой критикѣ все дѣло объясняется „хорошей памятью словъ“, „чтеніемъ стариннаго учебника объ акустикѣ“ и нѣкоторыхъ „новѣйшихъ популярныхъ учебниковъ“; и такъ опять дешевое объясненіе посредствомъ обмана, безъ мотивированія страннаго выбора „стариннаго учебника“. Не для того ли, быть можетъ, чтобъ придать болѣе колориту индивидуальности невидимаго отвѣтчика? Но въ такомъ случаѣ одно неосторожное слово изъ „новѣйшаго учебника“ могло бы изобличить источникъ.

По мнѣнію же г. Гартмана, этотъ источникъ надо искать въ таинственной способности чтенія мыслей; это возраженіе, разумѣется, болѣе серьезно; въ виду его, я обратился къ г. Баркасу съ нѣкоторыми вопросами, имѣвшими цѣлью выяснить приложимость этой гипотезы. Вотъ его отвѣтъ:

„Нью-Кастль на Тайнѣ, 8-го февраля 1888 года“.

„М. Г. Вы спрашиваете прежде всего насколько я былъ бы въ состояніи самъ дать тѣ же самые отвѣты на предложенные мною вопросы по части физики; и во-вторыхъ, насколько полученные черезъ медіума отвѣты могли быть результатомъ чтенія мыслей. Я могу сказать относительно вашего перваго пункта, что на многіе изъ вопросовъ по части физики я могъ бы отвѣтить и самъ, но не такъ хорошо, какъ это было сдѣлано медіумомъ, а во многихъ случаяхъ не тѣми словами, такъ какъ отвѣты медіума были болѣе техническіе и болѣе точные, чѣмъ могли бы быть мои отвѣты въ то время. Въ особенности я разумѣю отвѣты на вопросы о мозгѣ и нервной системѣ, о кровообращеніи, о структурѣ и функціяхъ глаза и уха; говоря вообще, отвѣты были лучше тѣхъ, которые я могъ бы дать *тогда*, и тѣхъ, которые я — по прошествіи двѣнадцати лѣтъ — могъ бы дать *теперь*, безъ особенной и тщательной подготовки.

„Я просматривалъ около трехъ четвертей вопросовъ, прежде чѣмъ ставить ихъ, но даже и на эти я не могъ бы отвѣтить такъ правильно и изящно, какъ отвѣтилъ медіумъ. Были упо-

треблены такого рода обороты, которыхъ, разумѣется, я бы не употребилъ по незнакомству съ предметомъ; такія названія, которыхъ я до того и не слыхалъ, такъ напр., выраженіе *adnata* вмѣсто соединительной оболочки, и здѣсь я встрѣтилъ только одного медика, которому это выраженіе было знакомо.

„Сознаюсь, что мнѣ трудно дать вамъ удовлетворительные отвѣты на ваши вопросы; тутъ многое въ зависимости отъ моей собственной честности, знанія и личнаго убѣжденія относительно того, что я зналъ и чего не зналъ въ то время, когда ставилъ эти вопросы; но могу сказать утвердительно, что на многіе изъ вопросовъ, поставленныхъ мною и никому другому неизвѣстныхъ, я не могъ бы отвѣтить самъ такъ же хорошо, *а на нѣкоторые я не могъ бы отвѣтить и вовсе.*

„Относительно вопросовъ по части музыки совершенно вѣрно, что я не могъ бы отвѣтить на нихъ. Такихъ сеансовъ было три, на послѣднихъ двухъ присутствовалъ профессоръ музыки.

„На первомъ сеансѣ всѣ вопросы по части музыки ставилъ я, позаимствовавъ ихъ за день или два до этого отъ пріятеля, хорошаго музыканта, тщательно воздерживаясь отъ всякой попытки понять ихъ. Эти вопросы я задалъ медіуму, и его рука немедленно дала напечатанные мною отвѣты. При этомъ не присутствовало никакого музыканта (а самъ г. Баркасъ, какъ говоритъ это въ другомъ мѣстѣ—„*Medium*“ 1887 года, стр. 645—„не имѣетъ понятія о музыкѣ“. — А. А.).

„На остальныхъ двухъ сеансахъ большая часть критическихъ вопросовъ была сдѣлана профессоромъ музыки, а остальная часть мною самимъ — я запасся ими отъ другихъ знакомыхъ музыкантовъ. Нѣкоторые изъ отвѣтовъ на вопросы профессора были, сколько мнѣ помнится, несогласны съ его собственными понятіями, а относительно отвѣтовъ на остальные вопросы, я въ то время не зналъ — вѣрны они или нѣтъ.

„Я очень радъ былъ бы узнать хотя бы о единомъ, хорошо удостовѣренномъ случаѣ, гдѣ необразованный, незамагнетизированный сенситивъ отвѣчалъ бы письменно, правильно и научнымъ языкомъ, на музыкальные и научные вопросы по-

средствомъ передачи мыслей отъ живого ученаго или музыканта.

„Я желалъ бы, чтобы г. Гартманъ продѣлалъ этотъ опытъ, предложивъ мои вопросы кому-нибудь изъ своихъ месмерическихъ или немесмерическихъ сенситивовъ. Далѣе, чтобы опытъ былъ добросовѣстенъ и вполнѣ одинаковъ съ моимъ, требуется, чтобы не только его мысли были дословно прочтены, но и мысли постороннихъ лицъ, не состоящихъ въ месмерическомъ общеніи съ сенситивомъ.

„Вы спрашиваете, какіе именно были вопросы, на которые ни я и ни кто другой въ комнатѣ не могъ бы разумно отвѣтить. На первомъ сеансѣ по части музыки никто въ комнатѣ не могъ бы разумно отвѣтить на вопросы. Ни единый человѣкъ въ комнатѣ не могъ бы отвѣтить на химическіе вопросы, или на вопросы, касающіеся анатоміи, кровообращенія, уха, глаза, мозга, строенія нервной системы, и на многіе вопросы по части общей физики; за исключеніемъ м-ра Белля, который былъ нѣсколько знакомъ съ практической химіей, но не имѣлъ дара слова, и меня, имѣющаго общія понятія о физикѣ, всѣ остальные присутствующіе были люди безъ всякихъ познаній въ этихъ предметахъ.

„Примите увѣреніе и проч. И. Т. Баркасъ“.

Вотъ еще другой случай, который, кажется, отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ; онъ былъ сообщенъ генералъ-маіоромъ Драйсономъ въ „Light“’ѣ (1884 года, стр. 499) подъ заглавіемъ „Разрѣшеніе научныхъ проблемъ спиритическимъ путемъ“, и я здѣсь цѣликомъ привожу его.

Вслѣдствіе сдѣланнаго мнѣ г. Стоксомъ запроса, могу ли я представить хотя бы одинъ примѣръ немедленнаго разрѣшенія духомъ, или выдающимъ себя за такового, какой-нибудь научной проблемы, смущавшей европейскихъ людей науки за послѣднія сто лѣтъ, честь имѣю представить слѣдующій отчетъ о моемъ личномъ опытѣ.

„Въ 1781 году Ульямъ Гершель открылъ планету Уранъ и его спутниковъ, замѣтивъ, при этомъ, что эти спутники дви-

гались совсѣмъ не такъ, какъ другіе спутники солнечной системы, а именно съ востока на западъ, вмѣсто того, чтобы двигаться съ запада на востокъ. Дж. Ф. Гершель въ своихъ „Астрономическихъ очеркахъ“ говоритъ: „Орбиты этихъ спутниковъ представляютъ совершенно неожиданныя и безпримѣрныя особенности въ полиомъ противорѣчіи съ постоянной аналогіей, представляемой всей планетной системой. Плоскости ихъ орбитъ почти перпендикулярны къ эклиптикѣ и движенія ихъ по этимъ орбитамъ *обратныя*, т. е. вмѣсто того, чтобы двигаться вокругъ центра своей планеты отъ запада къ востоку, какъ это наблюдается повсюду, они движутся въ противоположномъ направленіи.

„Когда французскій математикъ Лаплась провозгласилъ теорію, что солнце и всѣ планеты образовались изъ туманоподобнаго вещества, эти спутники были для него загадкой.

„Адмиралъ Смитъ въ своемъ „Небесиомъ Циклѣ“ говоритъ, что къ удивленію всѣхъ астрономовъ движеніе этихъ спутниковъ ретроградное, т. е. противоположно движенію всѣхъ прочихъ небесныхъ тѣлъ.

„Въ „Галлереѣ природы“ сказано, что спутники Урана обращаются вокругъ него съ востока на западъ — странная аномалія, являющаяся исключеніемъ изъ общихъ законовъ солнечной системы.

„Во всякой книгѣ по части астрономіи, изданной до 1860 г., говорится то же самое о спутникахъ Урана.

„Съ своей стороны я не имѣлъ объясненія для этой особенности; для меня это было такою же тайной, какъ и для упомянутыхъ мною выше писателей.

„Въ 1858 году у меня гостила дама-медіумъ, и каждый вечеръ мы устраивали сеансы. Однажды эта дама говоритъ мнѣ, что она видитъ около меня личность, которая выдаетъ себя за бывшаго астронома. Я спросилъ ее: знаетъ ли онъ теперь болѣе того, что зналъ на землѣ? — „Много больше“, отвѣтилъ онъ. Мнѣ пришло на умъ сдѣлать вопросъ, который, по меньшей мѣрѣ, могъ бы служить провѣркой знанія предполагаемаго духа и я спросилъ: „Можетъ ли онъ сказать мнѣ,

почему спутники Урана движутся съ востока на западъ, а не съ запада на востокъ?“

„Тотчасъ же былъ данъ слѣдующій отвѣтъ:

„Спутники Урана не движутся вокругъ него съ востока на западъ, но съ запада на востокъ, точно такъ же, какъ луна движется вокругъ земли съ запада на востокъ. Ошибка произошла отъ того, что южный полюсъ Урана былъ обращенъ къ землѣ, когда планета эта была открыта впервые, и подобно тому, какъ солнце, наблюдаемое съ южнаго полушарія, представляется движущимся справа налѣво, а не слѣва направо, такъ точно и спутники Урана двигались слѣва направо, но это не значитъ съ востока на западъ“. Послѣ другого вопроса съ моей стороны, было прибавлено: „Поколѣ южный полюсъ Урана былъ обращенъ къ землѣ, спутники его для наблюдателя на землѣ казались движущимися съ востока на западъ, и это иоложеніе продолжалось около сорока двухъ лѣтъ. Когда сѣверный полюсъ Урана будетъ обращенъ къ землѣ, тогда спутники его будутъ двигаться справа налѣво или, какъ говорится, съ запада на востокъ“.

„Я тогда снросилъ, какимъ образомъ случилось, что ошибка не была замѣчена въ теченіе сорока двухъ лѣтъ послѣ открытія Гершелемъ планеты, отвѣтъ былъ: „Потому что люди, по обыкновенію, только повторяютъ сказанное прежними авторитетами и, будучи ими ослѣплены, не думаютъ самостоятельно.

„Руководствуясь этимъ извѣстіемъ, я продѣлалъ проблему геометрически и нашелъ объясненіе здравымъ и разрѣшеніе весьма простымъ. Вслѣдствіе чего въ 1859 году я написалъ статью объ этомъ предметѣ въ „Запискахъ Института Королевской Артиллеріи“. Послѣ того времени я напечаталъ въ 1862 году небольшое астрономическое сочиненіе, озаглавленное „Common sights in the Heavens“, въ которомъ предложилъ это самое объясненіе для предполагаемой загадки; но пагубное вліяніе авторитета такъ сильно, что только теперь писатели по части астрономіи иачинаютъ говорить, что тайна, представляемая спутниками Урана, вѣроятно, происходитъ вслѣдствіе положенія оси этой планеты.

„Въ началѣ 1859 года я имѣлъ случай бесѣдовать, черезъ того же медіума, съ тѣмъ же предполагаемымъ лицомъ и спросилъ его, не можетъ ли онъ сообщить мнѣ какой-нибудь другой фактъ по астрономіи, доселѣ неизвѣстный. Въ то время у меня былъ телескопъ съ четверть-дюймовымъ объективомъ, при пяти футахъ фокуснаго разстоянія. Мнѣ было сказано, что у планеты Марсъ есть два спутника, которыхъ никто еще не видалъ, и что при благопріятныхъ обстоятельствахъ я могъ бы открыть ихъ. Я воспользовался первымъ случаемъ, чтобы отыскать ихъ, но это мнѣ не удалось. Я сказалъ тремъ или четыремъ пріятелемъ, вмѣстѣ со мною занимавшимся такъ называемыми спиритическими явленіями, объ этомъ сообщеніи, и мы уговорились молчать, такъ какъ не имѣли доказательства его вѣрности и могли бы только подвергнуться осмѣянію. Будучи въ Индіи, я упомянулъ объ этомъ сообщеніи г. Синнету, но когда именно—не могу припомнить. Восемнадцать лѣтъ спустя я узналъ, что эти спутники дѣйствительно существуютъ; они были открыты астрономомъ въ Вашингтонѣ въ 1877 году.“

V. Медіумизмъ грудныхъ и маленькихъ дѣтей.

Г. Гартманъ говоритъ намъ: „Только медіумъ, умѣющій писать, можетъ производить автоматическое писаніе или вызывать письмо на разстояніи (безъ участія руки)“ (стр. 61). Очевидно, что грудныя дѣти еще не умѣютъ писать, и что если нѣчто подобное удостовѣрено, то оно должно служить несомнѣннымъ доказательствомъ, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ разумной причиной, находящейся внѣ организма ребенка и превышающей его способность. Въ лѣтописяхъ спиритизма мы находимъ нѣсколько случаевъ этого рода. Приходится сожалѣть, что имъ не придали того значенія, которое съ точки зрѣнія теоріи они заслуживаютъ, и что не было продѣлано съ этою цѣлью надлежащихъ опытовъ, и намъ остается лишь воспользоваться случайными наблюденіями или краткими упоминаніями; но каковы бы они ни были, они иредставляютъ существенный интересъ.

Первый извѣстный мнѣ случай этого рода находится въ

упомянутомъ выше сочиненіи Капрона „Современный спиритуализмъ“ (стр. 210) и относится къ 1850 году. Вотъ онъ: „Въ домашнемъ кружкѣ нашемъ, говоритъ г. Леруа Сондерландъ, вопросы никогда не оставались безъ отвѣта. Обыкновенно они получались черезъ нашу дочь Маргариту Куперъ, а иногда и черезъ ея дочь, а нашу внучку, которой всего два мѣсяца. Державъ ее на рукахъ въ то время, когда никого не было возлѣ, мы получали черезъ нее отвѣты (стуками), и отвѣчавшіе сами увѣряли насъ, что они производились черезъ этого маленькаго медіума“.

Изъ случаевъ этого рода, относящихся къ тому же времени, я могу упомянуть о слѣдующемъ, который заимствую изъ сочиненія г-жи Гарднижъ *Modern American Spiritualism, New York 1870.* (Новѣйшій американскій спиритуализмъ). Когда медіумическія явленія стали сильно распространяться въ мѣстностяхъ Уатерфордѣ, возлѣ Нью-Іорка, мѣстные пасторы обратились къ генералу Болларду съ просьбою разслѣдовать это дѣло вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими согражданами и положить конецъ соблазну. Комиссія отправилась въ домъ къ г. Аттвуду, гдѣ, какъ было слышно, происходили удивительныя вещи черезъ медіумизмъ его ребенка. Члены ея были любезно приняты и отведены въ дѣтскую, гдѣ ребенокъ занимался своими игрушками. Посѣтители ему порядочно надоѣли, но леденцы сдѣлали свое дѣло и ребенка усадили за столъ на высокомъ стульчикѣ. Вскорѣ тяжелый столъ заколыхался, посѣтители со своими стульями были сдвинуты съ мѣста, громкіе стуки раздались по всей комнатѣ и посредствомъ ихъ стали складываться разныя сообщенія отъ именъ родственниковъ присутствующихъ скептиковъ. Между прочимъ заявилъ желаніе свое сообщиться покойный братъ генерала Болларда. Желая провѣрить подлинность явленія, онъ *мысленно* проговорилъ: „Если это дѣйствительно братъ мой, то пускай онъ придвинетъ ко мнѣ этого ребенка вмѣстѣ со стуломъ“. Каково же было удивленіе его и всѣхъ присутствующихъ, когда ребенокъ, сидѣвшій за большимъ круглымъ столомъ противъ генерала, былъ внезапно поднятъ вмѣстѣ со своимъ стуломъ на воздухъ,

обнесенъ вокругъ стола и осторожно опущенъ возлѣ него. Онъ одинъ понялъ смыслъ этого явленія, и, къ великому смущенію наряженной комиссіи, подъ впечатлѣніемъ неудержимаго чувства, воскликнулъ: „Клянусь Богомъ, все это правда!“

Одинъ изъ наилучше удостовѣренныхъ случаевъ медіумизма дѣтей представляетъ намъ цѣлый рядъ наблюденій надъ сыномъ г-жи Іенкенъ (Кэтъ Фоксъ), у котораго первые признаки медіумической способности обнаружились, когда ему было отъ роду всего два мѣсяца. Первую замѣтку объ этомъ фактѣ мы находимъ въ „Спиритуалистѣ“ 1873 г., стр. 425 (срав. также со страницей 455).

„Въ воскресенье, 16-го ноября 1873 года, интересныя спиритическія явленія произошли въ домѣ г. Іенкена, о которыхъ онъ намъ сообщилъ слѣдующее: „По возвращеніи моемъ вмѣстѣ съ женою изъ поѣздки въ Блакхизъ, кормилица, на рукахъ которой оставался нашъ ребенокъ, разсказала, что во время нашего отсутствія происходили удивительныя вещи; голоса раздавались шепотомъ надъ кроватью ребенка, слышались шаги по комнатѣ. Испуганная кормилица призвала горничную и объ заявляютъ, что слышали голоса и шелестъ платья. Ихъ показанія тѣмъ цѣннѣе, что ни одна изъ нихъ не знала и не знаетъ объ удивительныхъ медіумическихъ способностяхъ моей жены. Утромъ въ день нашего пріѣзда, въ то время, когда я держалъ ребенка на рукахъ, а жены въ комнатѣ не было, стали раздаваться стуки — явное доказательство присутствія медіумическихъ способностей въ этомъ ребенкѣ“.

Недѣлю спустя г. Іенкенъ сообщаетъ „Спиритуалисту“ слѣдующее: „Развитіе медіумической силы въ нашемъ крошкѣ продолжается. Представьте себѣ, — кормилица разсказываетъ, что видѣла, какъ вчера вечеромъ нѣсколько рукъ дѣлали какъ бы пассы надъ малюткой“ (стр. 442).

Этотъ случай особенно интересенъ съ точки зрѣнія теоріи, г. Гартмана: двухмѣсячный магнетизеръ, безсознательно внушающій своей кормилицѣ галлюцинацію рукъ, дѣлающихъ надъ нимъ пассы!

Имѣя отъ роду пять съ половиною мѣсяцевъ, ребенокъ на-

чалъ писать. Вотъ что мы находимъ объ этомъ въ журналѣ *Medium and Daybreak* отъ 8 мая 1874 г.

На первой страницѣ означеннаго № подъ заглавіемъ: „*Чудесная медіумическая способность ребенка*“, находится сфотографированное факсимилэ слѣдующаго сообщенія: „Я люблю этого малютку, да благословитъ его Богъ. Совѣтую его отцу въ понедѣльникъ непремѣнно возвратиться въ Лондонъ. Сусанна“. Подъ этой подписью стоитъ: „Слова эти написаны 6 марта 1874 года въ Брайтонѣ рукою маленькаго сына м-ра Іенкена, когда ему было 5 мѣсяцевъ и 15 дней. Случилось это въ нашемъ присутствіи, причемъ карандашъ былъ вложенъ въ руку малютки невидимой силой, водившей и его ручкой“. Слѣдуютъ подписи: Уэсоиъ, К. Фоксъ Іенкенъ и крестъ м-съ Мэкъ-Карти, неграмотной кормилицы ребенка, державшей его на колѣняхъ.

Привожу вслѣдъ за симъ изъ того же № относящееся до этого случая показаніе Уэсона:

„Супруги Іенкенъ пріѣхали изъ Лондона въ Брайтонъ для здоровья матери и ребенка, и въ указанное 6 марта исполнилось гораздо болѣе трехъ мѣсяцевъ ихъ тамъ пребыванія; я же въ то время былъ ихъ гостемъ, или лучше сказать, раздѣлялъ съ ними ихъ жилище. Здоровье м-съ Іенкенъ, равно какъ и ребенка, замѣтно улучшилось, но м-ръ Іенкенъ, напротивъ, сталъ чувствовать себя очень нехорошо: сильныя нервныя головныя боли, сопровождаемыя невральгіями, общія разстройства желудка и пищеварительныхъ органовъ съ каждымъ днемъ усиливались. Я приписывалъ это его постояннымъ переѣздамъ изъ его лондонской квартиры въ Темплѣ къ семьѣ въ Брайтонъ, что составляло 105 англійскихъ миль ежедневно, а въ четыре мѣсяца пребыванія въ Брайтонѣ составило ни болѣе, ни менѣе, какъ 8,000 англійскихъ миль. Но м-ръ Іенкенъ не раздѣлялъ моего взгляда на причину своего недомоганія и обратился за совѣтомъ къ своему большому пріятелю доктору-нѣмцу, который согласился съ нимъ, а не со мною, и мнѣ уже никакъ не удалось убѣдить его во вредѣ его ежедневныхъ путешествій по желѣзной дорогѣ, въ омнибусахъ и въ кэбахъ.

„Въ указанный день, т. е. 6 марта, приблизительно около часа съ половиной пополудни, кормилица сидѣла въ гостиной у камина, держа ребенка на колѣняхъ, а я писалъ на стоявшемъ по близости столѣ; м-съ Іенкенъ находилась въ сосѣдней комнатѣ, дверь въ которую изъ гостиной была отворена. Вдругъ кормилица воскликнула: „У малютки въ рукахъ карандашъ!“ Она не сказала при этомъ, что карандашъ вложенъ въ руку ребенка невидимой силой; а какъ я зналъ по опыту, какъ крѣпко можетъ такой крошка схватить васъ за палецъ, то и не обратилъ вниманія на ея слова, и продолжалъ писать. Вслѣдъ за первымъ восклицаніемъ кормилица вскрикнула еще болѣе удивленнымъ голосомъ: „Малютка пишетъ!“ что обратило вниманіе м-съ Іенкенъ, и она поспѣшила въ гостиную; я тоже всталъ съ своего мѣста и, взглянувъ черезъ плечо м-съ Іенкенъ, увидалъ карандашъ въ рукѣ мальчика, а подъ нимъ бумагу съ написаннымъ на ней сообщеніемъ, позднѣе нами сфотографированнымъ.

„Я долженъ еще прибавить, что „Сусанна“,—имя моей отшедшей жены, которая, при жизни, чрезвычайно любила дѣтей и чей духъ (какъ предполагали) уже не разъ проявлялъ себя и стуками и автоматическимъ письмомъ черезъ м-съ Іенкенъ, которая до замужества носила знаменитое въ спиритическомъ мірѣ имя Кэтъ Фоксъ, черезъ чью семью близъ Нью-Іорка въ Соединенныхъ Штатахъ впервые проявились медіумическіе стуки, извѣстные подъ именемъ Рочестерскихъ, положившіе начало спиритуалистическому движенію въ нашемъ вѣкѣ.

„Что же касается совѣта, высказаннаго Сусанной м-ру Іенкену въ своемъ сообщеніи — *возвратиться въ понедѣльникъ въ Лондонъ*, — то онъ оцѣнится читателями по достоинству, когда они узнаютъ, что, послѣдовавъ ему и прекративъ свои постоянные переѣзды, Іенкенъ вскорѣ пересталъ чувствовать свои болѣзненные припадки и сдѣлался здоровъ и крѣпокъ по прежнему.

Примите и пр.

„Джонъ Уэсонъ, Стряпчій.

„Ливерпуль, собственный домъ“.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о развитіи медіумической способности ребенка сообщены отцомъ въ „Спиритуалистѣ“ отъ 20 марта 1874 года, откуда мы ихъ и приводимъ:

„Способность къ писанію, повидимому, не оставляетъ нашего малютку. 11 марта, пока мы съ женой обѣдали, въ комнатѣ находилась и кормилица съ ребенкомъ; сидѣла она напротивъ меня; въ это самое время въ правую ручку малютки вложили карандашъ. Тогда жена положила на колѣни къ кормилицѣ подъ ручку ребенка листокъ бумаги, и онъ быстро написалъ слѣдующую фразу:

„Я люблю этого мальчика. Да благословитъ Богъ его маму. Я счастливъ“. „Ж. Б. Т.“

„Я тогда выразилъ желаніе, чтобы малютка написалъ нѣсколько словъ своей бабушкѣ, которой въ настоящее время исполнилось болѣе девяноста лѣтъ. Нѣсколько минутъ спустя со стоявшаго въ сторонѣ столика былъ взятъ невидимой силой листокъ бумаги и положенъ на колѣни къ кормилицѣ, въ то же время въ ручку моего мальчика вложили карандашъ и онъ тотчасъ же быстро написалъ: „Я люблю мою бабушку“, послѣ чего карандашъ и бумага были сброшены съ кормилицыныхъ колѣнъ и громкіе стуки сказали мнѣ, что духи исполнили мое желаніе.

„Другой случай проявленія необычайной силы медіумичнаго малютки имѣлъ мѣсто нѣсколько недѣль тому назадъ, когда я вошелъ въ дѣтскую, чтобы зажечь ночную лампочку. Подойдя къ кроваткѣ, я увидѣлъ голову ребенка, окруженную сіяніемъ, которое, постепенно расплываясь, освѣтило, наконецъ всего мальчугана, отбрасывая свѣтъ на простыню и одѣяльце. Посредствомъ стуковъ сложилось: „обратите вниманіе на свѣтъ“. *М-съ Іенкенъ не только не было въ эту минуту въ комнатѣ, но и во всемъ этажѣ, такъ что явленіе произошло никакъ не посредствомъ ея медіумической силы.* Въ комнатѣ, кромѣ кормилицы, никого не было“.

Очеркъ развитія медіумизма этого ребенка вмѣстѣ съ описаніемъ только-что приведеннаго случая былъ напечатанъ мною въ „Ps. St.“ 1875 года, стр. 158—163. Г. Гартманъ не обра-

тилъ на него никакого вниманія и даже не упомянулъ о немъ по той причинѣ, быть можетъ, что онъ объяснилъ бы его безсознательнымъ дѣйствіемъ медіумизма матери, тутъ присутствовавшей. Но изъ совокупности всѣхъ явленій, упомянутыхъ на страницахъ 159—160 „Ps. St.“, и которыя я воспроизвелъ здѣсь отчасти изъ первыхъ рукъ,—изъ тѣхъ случаевъ, которые произошли въ отсутствіи м-съ Іенкенъ, и изъ тѣхъ, о которыхъ упомяну вслѣдъ за симъ, можно заключить, что медіумизмъ ребенка былъ самостоятельный. Такъ, три мѣсяца спустя, г. Іенкенъ сообщаетъ („Спиритуалистъ“ 1874 г., томъ I, стр. 310; ср. также „Медіумъ“ 1874 г., стр. 408):

„Писаніе черезъ посредство малютки продолжается. Нѣсколько дней тому назадъ, поздно вечеромъ, глазки его заблестѣли; изъ движенія его рукъ мать поняла, что онъ хочетъ писать. Передъ нимъ положили большой листъ бумаги. Онъ написалъ длинное сообщеніе, занявшее весь листъ. Оно было частнаго характера и потому только я не передаю его. Другой разъ онъ написалъ коротенькое сообщеніе и подписалъ его своими заглавными буквами. Въ этотъ вечеръ жены моей не было дома. Я взялъ ребенка къ себѣ, чтобы поиграть съ нимъ. Въ то время, какъ онъ забавлялся моей золотой цѣпочкой, раздались легкіе стуки, сложилось нѣсколько сообщеній, свидѣтельствовавшихъ о постоянномъ присутствіи тѣхъ существъ, которыя, повидимому, окружаютъ насъ и дѣйствуютъ на насъ путями доселѣ столь мало понятными. Иногда жена говоритъ мнѣ, что она должна употреблять насиліе, чтобы не давать ребенку писать, но его нѣжный возрастъ требуетъ родительской заботы, не уступающей вліяніямъ, которыя могли бы отозваться вредно на его здоровьи“.

Что скажетъ г. Гартманъ о слѣдующемъ случаѣ? „2 февраля 1874 года г. и г-жа Іенкенъ вмѣстѣ съ г. Уэсономъ сидѣли вечеромъ въ гостиной за сеансомъ. Вдругъ г-жа Іенкенъ почувствовала непреодолимую потребность пойти къ ребенку. Вышедши на площадку между гостиной и дѣтской, она встрѣтила тутъ фигуру, несшую ея ребенка на рукахъ. Крайне встревоженная, она взяла ребенка къ себѣ на руки, а фигура

немедленно исчезла. Г. и г-жа Іенкенъ тотчасъ отправились въ дѣтскую, гдѣ нашли кормилицу спящей на кровати, нисколько не подозрѣвавшей того, что случилось". (См. „Medium" 1874 года, отъ 8 мая, стр. 167 и 290). Позднѣе въ „Спиритуалистѣ" 1875 г., отъ 13 августа, стр. 75, г. Іенкенъ сообщаетъ: „Представьте себѣ, прошлою ночью маленькій Фредди былъ вынутъ изъ своей колыбельки и прямо черезъ комнату перенесенъ въ руки матери и такъ осторожно, что даже наши крики удивленія его не разбудили. Затѣмъ, тотчасъ же стуками было сказано: „Мы выхватили его, чтобы прервать вредное вліяніе постороннихъ силъ".—Проявленіе нервной силы со стороны матери медіума, подхватившей своего ребенка на воздухъ,—скажетъ г. Гартманъ! Какая невинная забава для матери!

Нѣкоторыя дальнѣйшія подробности о развитіи медіумизма этого ребенка можно найти въ „Спиритуалистѣ" 1875 года, томъ II, стр. 66, и въ „Медіумѣ" 1878 года, стр. 296, которыя приведены въ моемъ нѣмецкомъ изданіи; но изъ того, что приведено мною здѣсь, достаточно ясно, что маленькій Іенкенъ былъ орудіемъ для другихъ постороннихъ силъ, не исходившихъ отъ безсознательной психической дѣятельности его матери; достаточно стуковъ, раздававшихся въ то время, когда матери не было въ домѣ, чтобы установить этотъ фактъ (отецъ же вовсе не былъ медіумиченъ). Съ другой же стороны, зачѣмъ нервная сила матери будетъ искать себѣ орудія въ своемъ новорожденномъ малюткѣ, когда она (эта сила) не переставала производить тѣ же самыя явленія черезъ организмъ матери? Это предположеніе еще менѣе правдоподобно, когда мы видимъ, что мать всѣми силами противилась развитію медіумическихъ способностей своего ребенка изъ опасенія повредить его здоровью.

Приведу еще нѣсколько случаевъ дѣтскаго медіумизма, такъ какъ они рѣдки и драгоцѣнны. Маленькая внучка барона Сеймура Киркупа писала, когда ей было девять дней. Вотъ письмо барона къ г. Іенкену:

„Дочь моя была медіумомъ двухъ лѣтъ отъ роду; теперь ей двадцать одинъ годъ, а ея дочь, моя внучка, стала писать,

когда ей было всего девять дней. Ея писаніе цѣло и я пришлю вамъ съ него фотографію. Она родилась семи мѣсяцевъ и была непомѣрно мала. Мать придерживала ее одной рукой на подушкѣ, а другой рукой держала книгу съ лежавшимъ на ней листомъ бумаги; карандашъ былъ вложенъ въ ручку ребенка неизвѣстно кѣмъ, и Валентина, таково ея имя, держала его въ кулачкѣ. Сперва она написала заглавныя буквы именъ своихъ руководителей: Р. А. Д. И. Тутъ карандашъ упалъ, и я думалъ, что кончено. Дочь моя, Имогена, воскликнула: „Карандашъ опять у нея!“ И ребенокъ быстро написалъ нетвердымъ почеркомъ по прежнимъ буквамъ слѣдующія слова: „Non mutare, questa e buona prova, fai cosa ti abbiamo detto, addio“ (ничего не мѣняй, это хорошее доказательство, сдѣлай то, что мы тебѣ сказали, прощай). Вы все это увидите на фотографіи. Я также составилъ протоколъ, который вамъ посылаю. Ребенка отправили, по совѣту невидимыхъ руководителей, на другой же день вмѣстѣ съ кормилицей въ деревню; но мы послали за нимъ опять, чтобы попробовать получить фотографію, такъ какъ я былъ знакомъ съ медіумомъ-фотографомъ. Мы отправились къ нему, я старался, чтобъ ребенокъ держалъ карандашъ, надѣясь снять его пишущимъ, но онъ карандашъ бросилъ; посылаю вамъ портретъ его, какимъ онъ удался, но за то на немъ вышелъ образъ его бабушки Реджины, которая умерла двадцать лѣтъ тому назадъ девятнадцати лѣтъ. Сходство полное, дочь и внучка тоже очень похожи“. Іенкенъ отъ себя прибавляетъ: „къ письму, полученному мною отъ барона Киркупа изъ Ливорно (Kirkup of Loghorn), были приложены: фотографія съ написанныхъ ребенкомъ словъ, протоколъ за подписью семи человѣкъ свидѣтелей и очень хорошая спиритическая фотографія бабушки ребенка, извѣстной Реджины“ (См. „Спиритуалистъ“ 1875 г., томъ I, стр. 222). Къ сожалѣнію, здѣсь не пояснено, какого рода былъ медіумизмъ матери ребенка; повидимому, она не была медіумомъ для физическихъ явленій, и въ такомъ случаѣ не была причастна писанію ребенка, ибо такое писаніе черезъ ребенка равнялось бы физическому дѣйствію.

Въ „Медіумѣ“ 1875 г., стр. 647, находимъ статью „*Еще ребенокъ-медіумъ*“, гдѣ говорится о семинедѣльномъ Артурѣ Омеродъ, личико котораго въ день смерти его дѣда преобразилось, принявъ черты умершаго. Онъ отвѣчалъ на вопросы, открывая и закрывая глаза условное число разъ, отвѣчалъ улыбками, киваньемъ головы и пожатіемъ руки. Ни о какихъ слѣдахъ медіумизма въ семействѣ не упоминается“.

Въ „Banner of Light“ за 1876 годъ упоминается о слѣдующемъ замѣчательномъ случаѣ непосредственнаго письма черезъ двухлѣтняго ребенка, перепечатанномъ впослѣдствіи въ „Спиритуалистѣ“ 1876 г., томъ II, стр. 211. „Духъ Эсси Моттъ, дочери Ж. М. Моттъ, въ Мемфисѣ (Миссури), покинулъ послѣ продолжительной болѣзни свое бренное тѣло 18 октября, пяти лѣтъ одиннадцати мѣсяцевъ отъ роду. Эсси была ребенкомъ, духовно развитымъ не по лѣтамъ, и черезъ ея медіумизмъ получилось не мало убѣдительнѣйшихъ фактовъ. Будучи двухъ лѣтъ отъ роду, ей случалось держать совершенно одной грифельную доску подъ столомъ и получать такимъ образомъ писанныя на ней сообщенія въ отвѣтъ вопрошавшимъ, когда сама она не знала ни единой буквы азбуки. За послѣдніе два года родители не позволяли употреблять ее въ качествѣ медіума, считая это вреднымъ для ея крайне нѣжнаго здоровья. Я былъ вызванъ телеграммой изъ Айова, чтобы присутствовать на ея похоронахъ.—*Уарренсъ Чезъ*“. Это свидѣтельство достопочтеннаго Уарреиса Чеза достаточно для ручательства въ подлинности явленія. Свѣдѣніе это было мною перепечатано въ „Ps. St.“ 1877 года, стр. 467; но г. Гартманъ не обратилъ на него никакого вниманія. А между тѣмъ, чего же не достаетъ этому свидѣтельству? Позднѣе я случайно нашелъ показаніе г. M'Call Black'a, который былъ убѣжденъ въ истинахъ спиритизма именно тѣмъ фактомъ, что получалъ сообщенія черезъ двухлѣтняго ребенка (См. „Religio-Philosophical Journal“ 1890 года отъ 25 января).

Въ „Спиритуалистѣ“ 1880 года, стр. 47, упоминается о случаѣ медіумизма двухлѣтняго ребенка г-жи Марки, въ г. Буффало въ Америкѣ, которая сама была нѣкогда извѣстнымъ

медіумомъ; но сообщаемыя тутъ подробности слишкомъ кратки, чтобы стоило воспроизводить ихъ. Я очень хорошо понимаю, что приведенныхъ мною въ этой рубрикѣ случаевъ недостаточно, чтобы установить вполнѣ объективно фактъ самостоятельнаго медіумизма маленькихъ дѣтей; но со временемъ, когда на подобныя явленія будетъ обращено должное вниманіе, они будутъ служить несомнѣннымъ, наглядным доказательствомъ проявленія внѣ медіумическихъ разумныхъ силъ. Въ настоящее же время эта рубрика можетъ служить только указаніемъ на важное значеніе подобныхъ фактовъ, возможность которыхъ позволительно считать доказанной.

Заканчивая эту монографію медіумизма дѣтей, а не могу не замѣтить, что случаи, когда маленькія дѣти видятъ привидѣнія—не рѣдки; для примѣра сошлюсь на случай ребенка двухъ съ половиною лѣтъ, игравшаго своими игрушками вмѣстѣ съ духомъ своей маленькой покойной сестры („Light“ 1882 г., стр. 337); я лично знаю случай, какъ двухлѣтній ребенокъ извѣстнаго русскаго медіума, во время явленій отцу его знакомой ему личности, также видѣлъ ее и, потирая отъ удовольствія свои пальчики, повторялъ, указывая на видѣніе: „тётя, тётя!“

Здѣсь кстати упомянуть о тѣхъ дѣтяхъ, — въ числѣ ихъ были и грудныя, — которыя, во время гоненія протестантовъ во Франціи, исполнялись „Духа“, какъ выражались въ то время, и говорили, и пророчествовали, и проповѣдывали на хорошемъ французскомъ языкѣ, тогда какъ вокругъ нихъ, въ глухихъ деревняхъ Севенскихъ горъ, всѣ говорили на провинціальномъ *patois*. Одинъ изъ свидѣтелей, Жанъ Вернэ, разсказываетъ: „когда мы прибѣжали, тринадцатимѣсячный ребенокъ лежалъ спеленатый въ колыбелькѣ, и до этого онъ никогда не произносилъ ни одного слова и не ходилъ. Когда я вошелъ съ моими пріятелями, онъ отчетливо говорилъ по-французски, голосомъ для возраста своего довольно громкимъ, такъ что его свободно можно было слышать во всей комнатѣ. Онъ проповѣдывалъ, какъ и другіе, которыхъ я видѣлъ, подъ напіемъ духа, „о дѣлахъ покаянія“ (См. „Figuier. Histoire du mer veilleux“, Paris, 1860, т. II, стр. 267, 401, 402).

„Весьма замѣчательно,—говоритъ самъ Фигьэ,—то обстоятельство, что вдохновленные всегда выражались въ своемъ экстазѣ на чистомъ французскомъ языкѣ, а не на мѣстномъ нарѣчіи, не имѣющемъ ничего общаго съ первымъ. Это было результатомъ той моментальной экзальтаціи умственныхъ способностей, которая составляетъ одну изъ принадлежностей болѣзни севенскихъ экстатиковъ“ (стр. 402). Но какъ мы вслѣдъ за симъ увидимъ вмѣстѣ съ г. Гартманомъ и Эннемозеромъ, никакая „экзальтація умственныхъ способностей“ не можетъ служить объясненіемъ подобнаго явленія.

VI. Рѣчь на языкѣ медіуму неизвѣстномъ.

Я перехожу теперь къ рубрикѣ фактовъ, считаемыхъ мною за абсолютное доказательство сообщенія не только внѣ умственнаго уровня медіума, но и исходящаго изъ источника, внѣ его находящагося. Г. Гартманъ далъ явленіямъ этого рода опредѣленіе, несоотвѣтствующее дѣйствительности; онъ говоритъ: „Такъ называемый „ударъ языковъ“ есть ничто иное, какъ безсознательная рѣчь въ религіозномъ экстазѣ“ (стр. 29 нѣмец. подлин.) То же самое слѣдуетъ разумѣть, когда онъ говоритъ: „Нѣкоторые медіумы при своихъ мимическихъ трансфигураціяхъ обнаруживаютъ особый даръ языковъ“ (стр. 109 рус. перев.). Не смотря на всѣ магическія способности, которыми г. Гартманъ наградилъ сомнамбулическое познаніе, онъ не рѣшился одарить его даромъ языковъ, идущимъ далѣе того, „какъ передавать звуки, слова и фразы на чужихъ, непонятныхъ нарѣчіяхъ, которыя задолго до того медіумъ слышалъ случайно, не обративъ на то вниманія“ (стр. 75); въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Сомнамбулы въ состояніи повторять письменно и устно слова и фразы на непонятныхъ языкахъ, когда эти слова и фразы внутренно произносятся магнетизеромъ или лицомъ, поставленнымъ въ сношеніе съ ними; сомнамбулы понимаютъ даже ихъ смыслъ, насколько понимаетъ его передающій и насколько онъ его себѣ представляетъ, произнося слова громко или мысленно. Доказательствомъ служитъ здѣсь то, что на вопросы, дѣлаемые сомнамбулу на незнако-

мыхъ языкахъ, онъ отвѣчаетъ осмысленно на языкахъ ему доступныхъ, но отвѣта не получается, если вопросъ ставится на такомъ языкѣ, который непонятенъ для самого спрашивающаго“ (стр. 82). Итакъ, въ сущности, это ничто иное, какъ чтеніе мыслей, или, какъ выражается самъ г. Гартманъ, это только самый „одухотворенный случай передачи мысли“ (тамъ-же). И въ этомъ г. Гартманъ совершенно правъ: никогда еще сомнамбулъ не говорилъ на языкѣ ему неизвѣстномъ. Эннемозеръ, въ своемъ сочиненіи „Магнетизмъ“ (Штутгардъ 1853 г.), утверждаетъ то же самое; вмѣстѣ съ Эшеймайеромъ онъ считаетъ подобную способность у сомнамбуловъ за „химеру“ (стр. 29); далѣе онъ поясняетъ даже почему это такъ:

„Если даже допустить, — говоритъ онъ, — что ясновидящій подобно тому, какъ онъ проникаетъ въ мысли другихъ людей, могъ бы проникать и въ чуждый для него языкъ, то во всякомъ случаѣ подобной способности можно было бы приписать только знаніе содержанія или смысла рѣчи, но не способа выраженія, ибо этотъ способъ только условный, установленный путемъ предварительнаго соглашенія, которому надо напередъ научиться. Способность говорить есть искусство техническое, подобно тому, какъ и игра на какомъ-нибудь инструментѣ; и кто на какомъ-нибудь языкѣ не упражнялся, хотя по крайней мѣрѣ элементарно, тотъ не можетъ даже повторить такую рѣчь, а еще менѣе тотчасъ же заговорить на этомъ языкѣ; точно также, какъ онъ не можетъ повторить сыгранную музыкальную пьесу, если не пріобрѣлъ упражненіемъ этой способности. Музыкальный геній будетъ создавать новыя произведенія, запоминать сыгранное другими, хотя бы разъ только имъ слышанное, но онъ въ состояніи повторить это лишь на своемъ инструментѣ, а никакъ не на другомъ, ему незнакомомъ. То же самое и съ языкомъ. Органы рѣчи суть инструменты, которые для рѣчи вообще и для каждаго языка въ особенности должны быть напередъ подготовлены упражненіемъ. Что же касается до смысла или содержанія, то, каковъ бы онъ ни былъ, ясновидящіе всегда будутъ передавать его на своемъ родномъ,

или имъ извѣстномъ языкѣ, или такомъ, котораго по крайней мѣрѣ элементы имъ знакомы“ (стр. 451—52).

Итакъ, по теоріи Гартмана невозможность какъ для сомнамбула, такъ и для медіума говорить на языкѣ, котораго онъ не знаетъ, или играть на инструментѣ, не учившись музыкѣ, твердо установлена. Тѣмъ не менѣе такіе факты въ спиритизмѣ хорошо извѣстны.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ мы имѣемъ свидѣтельство, на которое можно вполнѣ положиться — судьи Эдмондса, наблюдавшаго это явленіе въ собственномъ семействѣ, въ лицѣ дочери своей Лауры [1]). Въ предисловіи ко II-му тому своего сочиненія „Спиритуализмъ“, 1855 года, мы находимъ интересныя подробности о развитіи медіумическихъ способностей его дочери, которую онъ тогда еще не называетъ:

„Она была молодая дѣвушка, получившая порядочное воспитаніе, и ревностная католичка. Ея церковь учила ее не вѣрить спиритуализму и она отказывалась присутствовать при его явленіяхъ, какъ ни были они часты въ окружавшей ее средѣ. Наконецъ, домъ, въ которомъ она жила, обратился въ то, что въ былыя времена называли „непокойнымъ“. Такъ продолжалось около полугода: она почти постоянно слышала странные звуки и видѣла не менѣе странныя явленія, которыя, какъ она въ этомъ удостовѣрилась, происходили безъ человѣческаго участія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, носили отпечатокъ

[1]) Судья Эдмондсъ пользовался въ свое время большою извѣстностью въ Соединенныхъ Штатахъ по занимаемымъ имъ высокимъ должностямъ, сперва предсѣдательствующаго сенатора, а потомъ члена верховнаго апелляціоннаго суда въ Нью-Іоркѣ. Когда вниманіе его было обращено на спиритуализмъ, какъ на предметъ общественнаго значенія, онъ отнесся къ нему со всею подозрительностью и умѣлостью человѣка опытнаго въ дѣлѣ оцѣнки человѣческихъ показаній. Послѣ обстоятельнаго изслѣдованія, онъ имѣлъ мужество не только печатно признать факты, но и придаваемое имъ духовное значеніе. Взрывъ общественнаго удивленія и негодованія былъ такъ великъ, что онъ тотчасъ же сложилъ съ себя званіе судьи и сталъ на сторонѣ того, что почиталъ за истину. Его голосъ далъ спиритуализму въ Америкѣ огромный толчокъ и пользуется тамъ заслуженною авторитетностью.

разумности. Любопытство ея возбудилось и она стала посѣщать сеансы. Вскорѣ она увидѣла достаточно, чтобы убѣдиться въ присутствіи духовнаго дѣятеля, а вслѣдъ затѣмъ и сама сдѣлалась медіумомъ. Этому прошло теперь около года и медіумизмъ ея за это время переходилъ различныя фазы. За всѣмъ этимъ я слѣдилъ съ живѣйшимъ интересомъ.

„Вначалѣ ее судорожно сильно подергивало; вскорѣ она стала механически писать, т. е. безъ всякаго участія воли со своей стороны и безъ всякаго сознанія того, что она писала. Обладая сильною волею, она была въ состояніи во всякую минуту остановить явленія. Затѣмъ она сдѣлалась говорящимъ медіумомъ. Она не впадала въ трансъ, какъ многіе другіе, т. е. въ безсознательное состояніе, но вполнѣ сознавала все, что говорила, и все вокругъ нея происходившее... Послѣ того она начала говорить на разныхъ языкахъ. Она не знаетъ никакого языка, кромѣ своего природнаго и французскаго, насколько ему можно выучиться въ школѣ; тѣмъ не менѣе она говорила на девяти или десяти различныхъ языкахъ, иногда по цѣлому часу, съ легкостью и скоростью природной рѣчи. Нерѣдко случалось, что иностранцы бесѣдовали черезъ нее съ своими отшедшими друзьями на своемъ природномъ языкѣ. Недавно былъ такой случай: одинъ изъ нашихъ посѣтителей, родомъ грекъ, имѣлъ съ ней нѣсколько свиданій, во время которыхъ, иногда по цѣлымъ часамъ, онъ велъ разговоръ на греческомъ языкѣ и получалъ черезъ нее отвѣты иногда на этомъ языкѣ, иногда на англійскомъ; между тѣмъ, дотолѣ, она никогда не слыхала ни одного слова на ново-греческомъ языкѣ.

„Около того же времени развились ея музыкальныя способности. Она неоднократно пѣла на различныхъ языкахъ — на итальянскомъ, индійскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и нерѣдко, въ настоящее время, поетъ на родномъ языкѣ, *импровизируя* слова и музыку, причемъ мелодія замѣчательно хороша и оригинальна, а смыслъ словъ глубоко возвышенный“ (стр. 44—45).

Позднѣе, въ 1858 году, Эдмондсъ напечаталъ серію „Спиритическихъ трактатовъ“, изъ коихъ 6-ой подъ спеціальнымъ

заглавіемъ: „Рѣчь на неизвѣстныхъ языкахъ“, гдѣ онъ сообщаетъ еще большія подробности объ этомъ видѣ медіумизма своей дочери, не скрывая болѣе, что рѣчь идетъ о ней, называетъ ее по имени и указываетъ на многіе другіе подобные случаи.

„Спиритическій трактатъ № 10-й“ заключаетъ въ себѣ письма, напечатанныя Эдмондсомъ въ 1859 году въ газетѣ „Нью-Іоркская Трибуна“, изъ коихъ VIII-ое озаглавлено: „Медіумическая рѣчь на неизвѣстныхъ медіуму языкахъ“. Въ этомъ письмѣ собрано болѣе пятидесяти подобныхъ случаевъ. Всѣ эти письма были изданы мною по-нѣмецки въ 1873 г. въ особой брошюрѣ иодъ заглавіемъ: „Американскій спиритизмъ, изслѣдованія судьи Эдмондса“; тамъ можно найти всѣ подробности, здѣсь же я воспроизведу самые замѣчательные случаи, ибо придаю этого рода явленіямъ особенное значеніе; г. Гартманъ игнорировалъ ихъ, равно какъ и парафиновыя формы съ матеріализованныхъ рукъ и ногъ.

Прежде всего вотъ тѣ случаи, которые наблюдалъ самъ Эдмондсъ:

„Однажды вечеромъ, — говоритъ онъ, — пришла ко мнѣ въ домъ молодая дѣвушка изъ восточныхъ штатовъ. Она явилась въ Нью-Іоркъ, чтобы искать счастья. Воспитаніе ея ограничивалось тѣмъ, которое получается въ обыкновенной сельской школѣ. Она была медіумъ, и черезъ нее очень часто проявлялся какой-то французъ, который не давалъ ей покою. Онъ могъ говорить чрезъ нее, но только по-французски. Болѣе часу продолжался разговоръ между моей дочерью и этой дѣвушкой — миссъ Доудъ. Онѣ обѣ говорили только по-французски и такъ быстро и свободно, какъ природные французы. Языкъ г-жи Доудъ былъ какой-то patois южныхъ французскихъ провинцій, а дочери моей — чисто парижскій. Это происходило въ моей библіотекѣ, въ прпсутствіи пяти или шести человѣкъ, и г-жа Доудъ и теперь еще находится въ городѣ.

„Въ другой разъ, нѣсколько польскихъ джентльменовъ просили свиданія съ дочерью моей; она ихъ вовсе не знала; во время этого свиданія она нѣсколько разъ говорила на ихъ

языкѣ слова и рѣчи, которыхъ сама не понимала, но они понимали; большую часть разговора они вели на польскомъ языкѣ, и получали черезъ нее отвѣты иногда на англійскомъ, а иногда на польскомъ языкѣ. Этотъ случай можетъ быть удостовѣренъ только свидѣтельствомъ самой Лауры, ибо никто при этомъ не присутствовалъ, кромѣ ея и тѣхъ двухъ джентльменовъ, которые именъ своихъ не сообщили.

„Случай съ грекомъ произошелъ такъ: однажды вечеромъ, когда у меня въ гостиной было отъ двѣнадцати до пятнадцати человѣкъ посѣтителей, пришелъ г. Гринъ, здѣшній артистъ, въ сопровожденіи джентльмена, котораго онъ представилъ какъ г. Эвангелидеса, изъ Греціи.

„Онъ говорилъ по-англійски плохо, но по-гречески свободно. Вскорѣ черезъ мою дочь проявилась какая-то личность, которая заговорила съ нимъ по-англійски; по всему тому, что она сказала ему, онъ призналъ въ ней пріятеля своего, нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончавшагося въ его домѣ, но о которомъ никто изъ насъ никогда не слыхалъ. Иногда дочь моя выговаривала слова или цѣлую фразу по-гречески, вслѣдствіе чего г. Э. спросилъ—не можетъ ли онъ и самъ говорить по-гречески? Остальная часть разговора продолжалась, въ теченіе болѣе часа, съ его стороны по-гречески, съ ея же—то на греческомъ, то на англійскомъ. Иногда дочь моя не понимала, что говорилось ею или имъ; а иногда понимала, хотя въ это время и она и онъ говорили по-гречески. По временамъ онъ былъ такъ взволнованъ, что обращалъ на себя вниманіе общества: мы спросили его, что могло быть тому причиной; но онъ уклонился отъ отвѣта. По окончаніи разговора, онъ сказалъ намъ, что до этого никогда не видалъ никакихъ спиритическихъ явленій, и что онъ во время разговора дѣлалъ разные опыты, чтобы провѣрить то, что было для него такъ ново. Эти опыты состояли въ томъ, что онъ разговаривалъ о предметахъ, о которыхъ дочь моя — онъ былъ вполнѣ увѣренъ— ничего не знала, и часто и внезапно мѣнялъ предметъ разговора, переходя отъ частныхъ дѣлъ къ политическимъ, отъ философскихъ вопросовъ къ богословскимъ и т. д. Въ отвѣтъ

на разспросы наши — такъ какъ никто изъ насъ по-гречески не зналъ — онъ завѣрилъ насъ, что медіумъ его греческую рѣчь понималъ и самъ говорилъ по-гречески правильно.

„При этомъ присутствовали: г. Гринъ, г. Аллепъ—предсѣдатель бостонскаго банка, два джентльмена — извѣстные желѣзнодорожные подрядчики одного изъ восточныхъ штатовъ, дочь моя Лаура, племянница моя Дженни Киэсъ, я самъ, и многіе другіе, которыхъ не помню. Послѣ того г. Эвангелидесъ имѣлъ съ дочерью моей еще нѣсколько свиданій, на которыхъ разговоръ происходилъ по-гречески.

„Упомянутая племянница моя, также медіумъ, часто пѣла по-итальянски, импровизируя и слова и мелодію, между тѣмъ какъ она вовсе не знаетъ этого языка. Такихъ случаевъ множество.

„Однажды дочь моя и племянница пришли ко мнѣ въ бібліотеку и начали со мной разговоръ по-испански,—одна изъ нихъ начинала фразу, другая ее оканчивала. Онѣ оказались подъ вліяніемъ одной личности, которую я при жизни зналъ въ Центральной Америкѣ, и было упомянуто о многихъ вещахъ, случившихся тамъ со мною, и имъ обѣимъ, какъ я это твердо знаю, точно также неизвѣстныхъ, какъ и испанскій языкъ. Засвидѣтельствовать это можемъ только мы трое.

„Дочь говорила со мной и по-индѣйски, на нарѣчіяхъ Чиппева и Маномони. Я зналъ ихъ, потому что жилъ два года среди индѣйцевъ.

„Такимъ образомъ я указалъ на случаи, когда дочь моя говорила на индѣйскомъ, испанскомъ, французскомъ, нольскомъ и греческомъ; я также слышалъ, какъ она говорила на итальянскомъ, португальскомъ, венгерскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, которыхъ я не зналъ. Случаи были слишкомъ многочисленны, чтобы припомнить имена присутствовавшихъ лицъ“.

„Теперь я приведу подобные же случаи съ посторонними лицами, бывшіе въ моемъ присутствіи.

„Г-жа Елена Лидсъ, живущая въ Бостонѣ, 45 Carver Street, довольно извѣстный медіумъ въ той мѣстности, очень часто говорила по-китайски. Она очень ограниченнаго образо-

ванія и никогда не слыхала слова на этомъ языкѣ; это случалось съ ней такъ часто въ одну пору ея медіумизма, что я не ошибусь, если скажу, что тысячи лицъ были свидѣтелями этого. Я самъ видѣлъ это по крайней мѣрѣ сотню разъ.

„Я очень хорошо помню, что г-жа Свитъ, одинъ изъ здѣшнихъ медіумовъ, весьма мало образованная, очень часто говорила по-французски, а впослѣдствіи также на итальянскомъ и еврейскомъ.

„Мнѣ случалось очень часто присутствовать при сродномъ явленіи, когда сообщенія происходили черезъ стуки и давались на иностранномъ языкѣ, тогда какъ медіумъ зналъ только по-англійски.

„Я также слышалъ у себя въ домѣ, какъ дочь губернатора Тольмэджа говорила по-нѣмецки въ присутствіи многихъ лицъ.

„Таковъ мой личный онытъ но этому вопросу; между тѣмъ онъ обиимаетъ весьма малую часть того, что происходило въ этомъ родѣ, и, если не ошибаюсь, еще меньшую долю того, что уже было опубликовано“ (Tract. № 6).

Судья Эдмондсъ, проникнутый важностью явленій этого рода, обнародовалъ въ спиритическомъ журналѣ „Banner of Light“ воззваніе съ просьбой сообщать ему подобные факты. Не прошло мѣсяца, какъ онъ получилъ до двадцати писемъ съ описаніемъ подобныхъ же случаевъ; ихъ содержаніе составляетъ ириложеніе къ его „Спиритическому трактату“ № 10. Заимствую оттуда нѣсколько наиболѣе удостовѣренныхъ случаевъ:

„Куксвиль. 9-го апрѣля 1859 г.

„Г. редакторъ! Прочитавъ въ „Banner“’ѣ воззваніе судьи Эдмондса о сообщеніи ему медіумическихъ случаевъ рѣчи на неизвѣстиомъ языкѣ, я желаю передать вамъ о случившемся въ нашемъ кружкѣ два года тому назадъ. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ мы имѣли сеансы каждое воскресенье по вечерамъ. Медіумами были два молодыхъ человѣка — одинъ зять мой, а другой мой пріятель. Однажды на сеансѣ, на которомъ присутствовалъ одинъ изъ этихъ медіумовъ, онъ впалъ въ трансъ и въ скоромъ времени началъ говорить на всѣмъ намъ непо-

нятномъ языкѣ, но въ которомъ отецъ мой и братъ признали китайскій, такъ какъ, будучи въ Калифорніи, встрѣчали немало китайцевъ, но говорить на ихъ языкѣ не могли. На слѣдующемъ сеансѣ оба медіума заговорили на томъ же языкѣ и, поговоривъ нѣсколько минутъ, повидимому, узнали другъ въ другѣ пріятелей, и взаимныя привѣтствія ихъ сдѣлались столь бурны, что жилецъ, помѣщавшійся въ другой части дома и не вѣрившій въ спиритуализмъ, пришелъ посмотрѣть, не было ли у насъ въ гостяхъ кого изъ китайцевъ, ибо, ведя съ ними торговлю въ Калифорніи, онъ былъ нѣсколько знакомъ съ ихъ обычаями. Послѣ этого оба медіума нерѣдко подпадали подъ это вліяніе; иногда одинъ изъ нихъ пѣлъ по-китайски, а другой переводилъ содержаніе его пѣсенъ. Никто изъ присутствующихъ не могъ говорить по-китайски, а медіумы никогда китайцевъ не видали. Кружокъ нашъ былъ открытъ для всѣхъ желающихъ, и комната часто наполнялась любопытствующими. Всѣ одинаково признавали, что слышали разговоръ на иностранномъ языкѣ и, зная медіумовъ за честныхъ юношей, никто не заподозрѣвалъ ихъ въ поддѣлкѣ, равно какъ и другимъ путемъ не умѣлъ объяснить это загадочное явленіе.

„Примите и пр.

„Б. С. Гокси“ (стр. 75).

„Флешингъ, возлѣ Нью-Іорка, 16-го апрѣля 1859 г.

„М. г.! Я прочиталъ о вашемъ желаніи узнать о лицахъ, говорившихъ на незнакомомъ языкѣ. Я слышалъ Сусанну Гойтъ, говорившую итальянскую патріотическую рѣчь, которая, по мѣрѣ произношенія, переводилась американцемъ, понимавшимъ по-итальянски. Я изучалъ итальянскій языкъ и могу вполнѣ быть увѣренъ, что она говорила по-итальянски. Есть человѣкъ, живущій около Хемпстеда, близъ Ньютоуна, которому 35 лѣтъ; его зовутъ, если не ошибаюсь, Шмидтомъ, но Гойты могутъ вамъ узнать о немъ; его я нѣсколько разъ слышалъ декламирующимъ рѣчи на итальянскомъ языкѣ, и бываетъ это съ нимъ нерѣдко. Онъ часто навѣщаетъ Гойтовъ, и когда я въ первый разъ услышалъ его, то спрашивалъ другихъ, ужъ

говоритъ ли онъ хотя одно слово по-англійски! Когда онъ пришелъ въ себя, онъ мнѣ сказалъ, кто онъ и что никогда не читалъ ни одного слова ни на одномъ языкѣ, кромѣ англійскаго.

„Честь имѣю быть

„Уильямъ Р. Принсъ“ (стр. 77).

„Брайнтри, въ Вермонтѣ, 29-го марта 1859 г.

„М. г.! Прочитавъ ваше заявленіе, считаю долгомъ сообщить вамъ слѣдующее. Въ февралѣ 1858 года я жилъ у Джона Пэйна въ городѣ Лэйстерѣ. Г-жа Сара Пэйнъ, его невѣстка—медіумъ. Въ это время туда прибылъ французъ для изслѣдованія спиритуализма. Будучи католикомъ, онъ не вѣрилъ въ него и сильно противъ него возставалъ. Черезъ нѣсколько минутъ медіумъ впалъ въ трансъ и началъ говорить съ нимъ на его родномъ языкѣ, такъ что французъ вполнѣ понималъ его; проговорили между собой довольно долго; изъ присутствующихъ никто ихъ не понималъ, кромѣ ихъ самихъ. Затѣмъ французъ попросилъ медіума написать его имя по-французски. Г-жа Пэйнъ исполнила это и, кромѣ того, такимъ же образомъ написала имя его отца и матери. Онъ сказалъ, что его отецъ и мать померли и что не было человѣка въ Соединенныхъ Штатахъ, кто бы зналъ ихъ имена. Г-жа Пэйнъ никогда до этого не видала его. Никакого языка, кромѣ своего роднаго англійскаго, она не знаетъ. При этомъ были многочисленные свидѣтели. Я не могу припомнить всѣхъ ихъ именъ, но назову слѣдующихъ: Іосифъ Морзъ, Д. С. Смисъ, Исаакъ Морзъ, Джонъ Пэйнъ, Эдуардъ Пэйнъ,—всѣ изъ Лэйстера; Наоанаилъ Чёрчиль и жена его изъ Брандона, и вашъ покорный слуга“.

„Нельсонъ Лернедъ“ (стр. 89).

„Линнъ (Масс.) 8, North Commonstreet, 24-го марта 1859 г.

„Г. редакторъ, прочитавъ воззваніе судьи Эдмондса, я могу сообщить слѣдующее:

„Г-жа Джонъ Гарди — медіумъ, безсознательно говорящій въ трансѣ, — вовсе не знаетъ ни французскаго, ни индѣйскаго

языковъ, никогда имъ не учившись. Черезъ нее говоритъ индѣйскій духъ подъ именемъ Сахми, черезъ нее же онъ произвелъ многія исцѣленія. Онъ говоритъ по-индѣйски и затѣмъ передаетъ сказанное имъ по-англійски, насколько умѣетъ. Этотъ случай весьма доказателенъ. Черезъ г-жу Гарди говоритъ также французскій духъ, — молодая дѣвушка по имени Луиза Дюионъ — актриса, мнѣ кажется. Она говорила въ присутствіи учителя языковъ и ея выговоръ и рѣчь были найдены правильными. Учитель сдѣлалъ ей по-французски неприличный вопросъ, какъ онъ самъ сознался, и получилъ отвѣтъ, который такъ его сконфузилъ, что онъ схватилъ шапку и ушелъ. Французская дѣвушка говорила передъ слѣдующими лицами, имена которыхъ я прилагаю, но не для печати. Судья Эдмондсъ можетъ, если сочтетъ нужнымъ, адресоваться къ нимъ для справки по этому дѣлу“.

„Примите и проч.

„Джонъ Аллей“ (стр. 91).

„Миланъ (Огайо), 4-го апрѣля 1859 года“.

„М. Г.! Прочитавъ въ „Banner of Light“ о вашемъ желаніи, имѣю честь сообщить слѣдующее:

„Въ февралѣ 1857 г. я былъ вмѣстѣ съ г-жею Уарнеръ въ домѣ г. Льюиса, въ Троѣ. Однажды вечеромъ, когда г-жѣ Уарнеръ нездоровилось, черезъ нее проявился какой-то индѣецъ, который и занялся ея врачеваніемъ. Въ это время одинъ нѣмецъ — въ семействѣ его называли Мильтономъ — вошелъ въ комнату. Онъ страдалъ сильною головною болью, но ничего не сказалъ объ этомъ въ присутствіи г-жи Уарнеръ; она подошла къ нему и въ нѣсколько минутъ, простымъ наложеніемъ рукъ, избавила его отъ головной боли. Затѣмъ, она сказала ему, на ломаномъ, индѣйцамъ обычномъ, англійскомъ языкѣ, что тутъ находится „блѣдный духъ“, который покинулъ тѣло по ту сторону „великихъ водъ“ и который желаетъ говорить съ нимъ. Немного погодя, она заговорила по-нѣмецки и, между прочимъ, повторила молодому человѣку, какъ онъ передалъ намъ, послѣднія слова, сказанныя ему матерью его на смерт-

номъ одрѣ. Молодой человѣкъ, бывшій до того упорнымъ скептикомъ, прослезился и сказалъ, что „сдается“. На разспросы членовъ семейства г. Льюиса, онъ повторилъ намъ эти слова и иеревелъ ихъ; послѣднія были: „милый сынъ мой, не могу болѣе дать тебѣ хлѣба“. Г-жа Уарнеръ никогда ничего не слыхала о семействѣ этого молодого человѣка, и никакого языка, кромѣ англійскаго, не знаетъ...

„М-ръ Понъ, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ гражданъ въ Троѣ, многочисленные члены его семьи, со включеніемъ и молодого нѣмца, подтвердятъ истину мною разсказаннаго. Почтовый адресъ ихъ: „*Уэльшфильдъ, Огайо*...

„Въ сентябрѣ 1857 г. г-жа Уарнеръ посѣтила Миланъ для публичныхъ чтеній. По окончаніи послѣдняго, она сказала небольшую рѣчь на индѣйскомъ языкѣ, и потомъ дала ея переводъ; это было убѣдительное воззваніе въ пользу остающихся индѣйскихъ племенъ. Житель Милана, по имени Мериллъ, принадлежавшій къ иресвитеріанской церкви, присутствовалъ при этомъ, и такъ остался доволенъ подлинностью индѣйской рѣчи, что призналъ себя убѣжденнымъ. Съ самаго дѣтства своего и до восемнадцатаго года онъ жилъ среди индѣйцевъ и говорилъ на ихъ языкѣ совершенно свободно, поэтому онъ и могъ судить о подлинности слышанной имъ индѣйской рѣчи. Прилагаю его свидѣтельство:

„Симъ свидѣтельствую, что факты, изложенные г. И. Уарнеромъ, совершенно вѣрны, а также, что изъ личныхъ сношеній моихъ съ г-жею Уариеръ я вполнѣ убѣдился, что она, въ своемъ нормальномъ состояніи, нисколько не понимаетъ поиндѣйски; вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣжденъ, что когда она находится подъ такъ называемымъ „вліяніемъ духа“, она, дѣйствительно, можетъ говорить по-индѣйски.

„Миланъ, апрѣль 1859 г.“

„Джемсъ Мериллъ“.

„Можете поступить съ сообщаемымъ мною по вашему усмотрѣнію“.

„Ибенизеръ Уарнеръ“ (стр. 97).

„Чикаго, 5-го апрѣля 1859 года“.

„М. г.! Прочитавъ ваше заявленіе въ „Banner of Light“, я могу сообщить вамъ слѣдующее:

„Четыре года тому назадъ я сталъ устраивать сеансы у себя на дому съ цѣлью изслѣдованія „современнаго спиритуализма“, и вскорѣ убѣдился, что жена моя медіумъ. Такое открытіе настолько ее огорчило и раздосадовало, что она готова была дать все на свѣтѣ, чтобы этого не было; долгое время она боролась съ тою силою, которая повергала ее въ трансъ и говорила посредствомъ ея организма, но предубѣжденіе ея было наконецъ осилено... Подобно многимъ, принадлежащимъ къ рабочему классу, она не получила никакого образованія, кромѣ пріобрѣтаемаго въ народныхъ школахъ.

„Вотъ, между прочимъ, чему я былъ свидѣтелемъ:

„На сеансѣ у д-ра Родда, на которомъ присутствовали гг. Миллеръ, Кимбаль, Кильбёрнъ и др., намъ былъ заданъ концертъ на испанскомъ языкѣ, который продолжался болѣе двухъ часовъ. Вскорѣ послѣ того, какъ мы соединили руки, жена моя, молодая дама (миссъ Сконгаль) и молодой человѣкъ, котораго онѣ видѣли въ первый разъ, подпали одновременно вліянію, и начали бѣгло говорить между собою по-испански. Послѣ пятнадцатиминутнаго разговора, тріо встало на ноги и начало пѣть какую-то трудную пьесу по-испански; всѣ трое участвовали и пѣли въ полной гармоніи; такимъ образомъ было превосходно пропѣто до двѣнадцати пьесъ. Между каждой пьесой они оживленно разговаривали и обсуждали, какую слѣдующую пьесу имъ пѣть... Закончивъ пѣніе, всѣ три медіума одновременно пришли въ себя и были крайне удивлены, узнавъ о томъ, что происходило. Вскорѣ послѣ того молодой человѣкъ впалъ въ трансъ подъ другимъ вліяніемъ и объяснилъ все видѣнное нами. Давшіе намъ чрезъ медіумовъ концертъ были испанцы, братъ и двѣ сестры, бывшіе во время земной жизни своей по профессіи пѣвцами, и этимъ заработывавшіе себѣ хлѣбъ; въ этотъ вечеръ они явились къ намъ не только ради удовольствія и назиданія, а также и для того, чтобы доказать,

что дни Пятидесятницы еще не миновали. Долженъ присовокупить здѣсь, что легко удостовѣрить самымъ положительнымъ образомъ, что ни одинъ изъ помянутыхъ медіумовъ не можетъ, въ нормальномъ состояніи своемъ, говорить на какомъ-либо другомъ языкѣ, кромѣ своего роднаго.

„Однажды жена моя находилась подъ вліяніемъ, повидимому, нѣмецкихъ „духовъ“, говорила и пѣла на этомъ языкѣ въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ; но никто изъ нашего кружка не зналъ этого языка. Желая хорошенько провѣрить это явленіе, я зашелъ къ доктору-нѣмцу, по имени Эйлеръ, и просилъ его зайти ко мнѣ и обстоятельно изслѣдовать это дѣло. Онъ приходилъ два раза и говорилъ съ медіумомъ по цѣлому часу на своемъ родномъ языкѣ. Удивленіе его было велико, но радость еще больше. Кромѣ нѣмецкаго, жена моя говорила неоднократно и на итальянскомъ языкѣ, который, разумѣется, ей точно также непзвѣстенъ“.

„Джонъ Юнгъ“ (108).

„Толедо, 9-го апрѣля 1859 г.“

„М. Г.! Прочитавъ о вашемъ желаніи имѣть свѣдѣнія о медіумахъ, говорящихъ на неизвѣстныхъ имъ языкахъ, я могу сообщить вамъ, что я иногда говорю въ трансѣ отъ имени индѣйскаго духа. Я не понимаю этого языка и не могу знать, насколько правильно я говорю на немъ. Но на дняхъ я встрѣтила одного господина, заявившаго себя скептикомъ, не вѣрящимъ сношенію съ духовнымъ міромъ. Мой индѣйскій духъ заговорилъ съ нимъ по-индѣйски, я же, впавъ въ состояніе ясновидѣнія, описала ему одного индѣйскаго вождя, умершаго, по его словамъ, дня за три до отъѣзда этого господина изъ Іова. Мой руководитель узналъ названнаго духа и далъ много убѣдительныхъ доказательствъ упомянутому господину, знавшему языкъ этого племени, которое онъ назвалъ Пауни. Прилагаю частное письмо, написанное мнѣ этимъ господиномъ, по его возвращеніи въ Іова, можете извлечь изъ него все, что сочтете полезнымъ для успѣха нашего дѣла“.

„М-съ Сара М. Томсонъ“.

Изъ этого письма я приведу слѣдующія, наиболѣе интересныя строки:

„Винтоиъ (Іова) 17-го февраля 1859 г.“.

„Многоуважаемая миссъ! Какъ вы знаете, я не вѣрю въ спиритическое ученіе; я остаюсь при томъ убѣжденіи, что это ничто иное, какъ проявленіе вліянія человѣческаго духа на другой, таковой же. Такъ какъ я еще немного занимался этимъ предметомъ, то не знаю, къ какому заключенію я бы пришелъ, еслибъ имѣлъ возможность вполнѣ его изслѣдовать. Но есть одно обстоятельство, которое я теперь вспоминаю и никакъ не могу понять, это то, что вы говорили на индѣйскомъ нарѣчіи совершенно правильно, со всѣми особенностями рѣчи, употребляемой въ индѣйскихъ вигвамахъ (хижинахъ)“.

„Яковъ Уэтцъ“ (стр. 110).

О другихъ случахъ, понавшихъ мнѣ подъ руки, я ограничусь краткими замѣтками.

Въ первомъ спиритическомъ журналѣ — „Spiritual Telegraph“, издававшемся въ Нью-Іоркѣ Партриджемъ, я нахожу въ томѣ III, 1854 года, на стр. 62, слѣдующее:

„Уильямъ Бриттингамъ, будучи у насъ нѣсколько дней тому назадъ въ конторѣ, разсказалъ интересный фактъ. Г. Уальденъ, говорящій медіумъ изъ Элликотвиля, недавно посѣтилъ Спрингзъ, принадлежащій г. Чэзу. Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, когда онъ стоялъ еще на крыльцѣ, къ нему на встрѣчу вышла изъ дома горничная, шведка, съ которой г. Уальденъ заговорилъ. Никто изъ присутствующихъ не понималъ его языка, не понималъ и самъ медіумъ, что онъ говорилъ. Дѣвушка, видя, что къ ней обратились на родномъ языкѣ, пустилась въ разговоръ, она оказалась весьма заинтересованной и вскорѣ тронутой до слезъ. Г. Бриттингамъ спросилъ, что съ нею? Она отвѣтила приблизительно слѣдующее: „Этотъ человѣкъ знаетъ все про моихъ отца и мать, изъ коихъ первый умеръ шесть мѣсяцевъ, а вторая восемь лѣтъ тому назадъ,

мнѣ сказали, что это они говорятъ со мною черезъ него и могутъ говорить также и черезъ другихъ медіумовъ“. Дѣвушка, никогда не видавшая ничего подобнаго, была поражена и, разумѣется, не могла понять, какъ г. Уальденъ, американецъ, совершенно не знавшій ни ея семейства, ни шведскаго языка, могъ говорить съ ней столь загадочнымъ образомъ“.

Въ 1873 году Алленъ Путнамъ издалъ біографію м-съ Коннантъ, бывшей когда-то очень извѣстнымъ въ Америкѣ говорящимъ медіумомъ, чрезъ уста которой получались въ редакціи „Banner of Light“ тѣ сотни сообщеній, которыя печатались въ каждомъ его номерѣ. М-съ Коннантъ сама первая сомнѣвалась въ сообщеніяхъ, высказываемыхъ ею въ трансѣ. Она часто находилась подъ вліяніемъ индѣйскихъ духовъ, давшихъ ей имя „Тулуларъ“, т. е. „нѣчто, черезъ что смотрѣть“. — „Какъ могу я знать, что слова и выраженія, употребляемыя Спринфлоуеръ, моей обычной внушительницей-индѣянкой и другими, вѣрны и правильны,—говорила она,— я не сознаю того, что говорю, и никто изъ присутствующихъ не можетъ рѣшить, если ли какой-нибудь смыслъ въ томъ, что говорится черезъ меня этими индѣйскими духами?..“ Желая выяснить, насколько въ этомъ было правды, она пользовалась всякимъ случаемъ для провѣрки сообщеній... Однажды посѣтилъ ее полковникъ Таполь, членъ сѣверо-американской комиссіи умиротворенія индѣйцевъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми джентльменами, среди которыхъ находился одинъ господинъ, бывшій въ продолженіе пятнадцати лѣтъ правительственнымъ агентомъ по индѣйскимъ дѣламъ, вслѣдствіе чего ему пришлось ознакомиться съ большинствомъ нарѣчій, употребляемыхъ туземцами; это былъ отличный случай для провѣрки. „Спрингфлоуеръ“ тотчасъ же проявилась и свободно заговорила съ агентомъ, даже не разъ брала надъ нимъ верхъ, ибо ему нерѣдко приходилось отыскивать въ памяти требуемое слово, тогда какъ его невидимая собесѣдница казалась вполнѣ въ своемъ элементѣ... Г-жа Коннантъ спросила его: „Какъ онъ думаетъ, еслибъ ей пришлось быть среди индѣйцевъ того племени, къ которому принадлежала „Спрингфлоуеръ“, и тамъ

заговорить въ трансѣ отъ ея имени, то поняли бы ее или нѣтъ?“ Онъ отвѣтилъ, что въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія“ (стр. 152—54).

Я прохожу молчаніемъ всѣ писанныя сообщенія, полученныя медіумами на неизвѣстныхъ имъ языкахъ. Хотя эти случаи весьма многочисленны, но большею частью это цитаты изъ авторовъ или отрывочныя слова, о которыхъ всегда можно сказать, что они были подслушаны или выучены наизусть, или списаны — сознательно или безсознательно; а не то это короткія фразы, происхожденіе которыхъ всегда оставляетъ мѣсто подозрѣнію. Есть много случаевъ, гдѣ, по личному убѣжденію присутствующихъ, медіумъ никакъ не могъ знать языка, на которомъ писалъ, — въ моемъ личномъ опытѣ есть нѣсколько подобныхъ фактовъ, — но такія убѣжденія не передаются. Вотъ почему сообщенія этого рода не имѣютъ почти никакого значенія въ сравненіи съ фактами живой рѣчи, примѣры которой были мною приведены выше.

Я долженъ упомянуть въ этой рубрикѣ и о случаяхъ сообщеній, полученныхъ *телеграфическими знаками*, медіуму неизвѣстными, что равносильно неизвѣстному языку (См. „Wolfe. Startling facts“, стр. 247—55). Интересный случай разсказанъ въ біографіи м-съ Коннантъ, который я здѣсь и приведу:

„Однажды, въ то время, когда м-съ Коннантъ жила въ Cummings House’ѣ въ Бостонѣ, къ ней зашелъ незнакомый господинъ, заявившій, что, занимаясь изслѣдованіемъ спиритизма, онъ желалъ бы получить особенное доказательство самоличности отъ своего пріятеля; это до сихъ поръ ему не удавалось; но онъ только-что былъ у одного медіума, на другомъ концѣ города, гдѣ ему сказали, что если онъ будетъ имѣть сеансъ съ м-съ Коннантъ, то, быть можетъ, ему удастся получить желаемое, почему онъ и явился къ м-съ Коннантъ. Они усѣлись. Вдругъ ея рука начала подниматься и опускаться какимъ-то страннымъ, порывистымъ образомъ и карандашъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ производилъ по бумагѣ какіе-то частые удары; медіумъ не могъ понять, что все это означало. Наконецъ, отчаявшись въ результатѣ и весьма сму-

щенная видимой неудачей, м-съ Коннантъ сказала своему посѣтителю: „Безполезно продолжать; повидимому, никого нѣтъ изъ вашихъ знакомыхъ, кто желалъ бы теперь сообщиться съ вами. Кто-то есть, но, очевидно, онъ не умѣетъ проявиться“. Она была очень удивлена, когда посѣтитель ей отвѣтилъ, что онъ, напротивъ, совершенно доволенъ, что сеансъ былъ вполнѣ удаченъ, что онъ получилъ отъ своего пріятеля желаемое доказательство и даже незамѣтно для нея записалъ его. Изъ дальнѣйшаго объясненія оказалось, что посѣтитель былъ телеграфистъ, и что пріятель, отъ котораго онъ ждалъ сообщенія, былъ также телеграфистъ; для доказательства своей самоличности онъ долженъ былъ сообщиться посредствомъ телеграфныхъ знаковъ, что и было исполнено механически при помощи карандаша м-съ Коннантъ, въ то время какъ она, находясь въ нормальномъ состояніи и нисколько не понимая телеграфнаго алфавита, удивлялась неудачнымъ попыткамъ написать что-нибудь понятное. Такимъ образомъ совершенное незнакомство орудія сообщенія, т. е. медіума, съ его содержаніемъ было вполнѣ и наглядно доказано посѣтителю“ (стр. 199—201).

Замѣчательный случай разсказанъ Круксомъ: „На сеансѣ съ Юмомъ маленькая дощечка подошла ко мнѣ по столу при свѣтѣ и дала мнѣ сообщеніе, ударяя меня по рукѣ: я говорилъ азбуку, а она ударяла меня при требуемыхъ буквахъ. Другой конецъ дощечки опирался о столъ, въ небольшомъ разстояніи отъ рукъ Юма. Похлопыванія были столь рѣзки и отчетливы и дощечка, повидимому, находилась въ такомъ полномъ распоряженіи невидимой силы, заправлявшей ея движеніями, что я сказалъ: „Можетъ ли разумная сила, управляющая движеніями дощечки, измѣнить характеръ движеній и дать мнѣ телеграфическое сообщеніе посредствомъ Морзовскаго алфавита, ударами по моей рукѣ?“ (Я имѣю полное основаніе думать, что Морзовскіе сигналы никому другому изъ присутствующихъ не были извѣстны и мнѣ самому они извѣстны только отчасти). Едва я сказалъ это, характеръ похлопываній измѣнился и сообщеніе продолжалось указаннымъ мною способомъ. Буквы указывались для меня слишкомъ быстро, такъ что я только

тутъ и тамъ схватывалъ слово, и поэтому смыслъ сообщенія утратился; но съ меня было достаточно, чтобъ убѣдиться, что хорошій телеграфистъ находился на томъ концѣ линіи, гдѣ бы онъ ни былъ“ (см. Круксъ, Researchs, стр. 95).

Заканчиваю эту рубрику случаемъ музыкальнаго исполненія ребенкомъ, никогда не учившимся музыкѣ, о которомъ свидѣтельствуетъ бывшій сенаторъ и губернаторъ Висконсинскаго штата (въ С. Америкѣ), Толмэджъ, причемъ медіумомъ была его дочь. Въ предисловіи къ изданному имъ сочиненію *The Healing of the nations, by Linton, New-York,* 1858 года онъ говоритъ:

„Въ іюнѣ 1853 года, возвратившись изъ Нью-Іорка, гдѣ я видѣлъ разныя медіумическія явленія, я зашелъ къ одному нищущему медіуму, живущему въ моемъ сосѣдствѣ, и получилъ сообщеніе, въ которомъ мнѣ совѣтовали составить у себя дома кружокъ и обѣщали, что у меня разовьется медіумъ, имѣющій превзойти всѣ мои ожиданія. Я спросилъ, кто это будетъ? Мнѣ отвѣтили, что моя дочь. Я спросилъ, которая? такъ какъ у меня ихъ было четыре. Мнѣ сказали: Эмилія; затѣмъ прибавили, чтобъ я, когда кружокъ у меня дома составится, посадилъ Эмилію за фортепіано. Я спросилъ: „Вы будете учить ее играть?“ — „А вы увидите“, былъ отвѣтъ. Эмилія была моя младшая, въ то время тринадцатилѣтняя, дочь. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что она отроду не знала ни единой ноты и никогда въ своей жизни никакой мелодіи не наигрывала. Ибо, когда мы сюда переѣхали, страна была еще мало населенная, такъ что имѣть для нея учителя музыки не было никакой возможности. Остальнымъ предметамъ я обучалъ ее самъ, или кто-либо изъ семейства. Вскорѣ мнѣ удалось составить у себя дома кружокъ. Я далъ Эмиліи бумагу и карандашъ. Рука ея начала проводить прямыя линіи и начертила, наконецъ, пять нотныхъ линеекъ. На этомъ она написала ноты; потомъ поставила всѣ различные музыкальные знаки, о которыхъ не имѣла никакого понятія. Тутъ она бросила карандашъ и стала стучать по столу такъ, какъ еслибъ ударяла по клавишамъ. Тогда я вспомнилъ, что мнѣ было сказано посадить ее за фор-

тепіано, я и предложилъ это; хотя и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но она тотчасъ послушалась и сѣла къ инструменту со спокойствіемъ и самоувѣренностью опытнаго исполнителя. Она смѣло ударила по клавишамъ и сыграла „Большой вальсъ Бетховена“ съ такимъ стилемъ, который сдѣлалъ бы честь хорошему музыканту. Затѣмъ сыграла нѣсколько извѣстныхъ мелодій, „какъ то: „Sweet Home“, „Bonnie Doon“, „Last Rose of Summer“, „Hail to the Chief“, „Lilly Dale“, и пр. Потомъ она сыграла какую то совершенно новую арію и пропѣла ее съ импровизованными, или внушенными на этотъ случай словами“ (стр. 61).

Что скажетъ г. Гартманъ на это? Ясно, что явленія, совершающіяся противъ воли и убѣжденій медіума и особенно разговоръ на языкѣ ему неизвѣстномъ, не имѣютъ положительно ничего общаго ни съ гинерэстезіей памяти, ни съ передачей мыслей, ни съ ясновидѣніемъ, образующими источникъ содержанія сомнамбулическаго сознанія. Эта послѣдняя рубрика пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ виду категорическаго вердикта г. Гартмана относительно невозможности подобныхъ явленій. Вотъ тотъ Рубиконъ въ области умственныхъ фактовъ, который г. Гартманъ не будетъ въ состояніи перейти и передъ которымъ, подобно тому, какъ и передъ физическимъ фактомъ проникновенія матеріи, онъ долженъ будетъ еще разъ сложить оружіе. Такъ какъ эти явленія не могутъ объясниться никакою дѣятельностью нормальнаго сознанія медіума и никакою дѣятельностью сознанія сомнамбулическаго, то приходится по необходимости допустить проявленіе иного фактора—*третьяго*; а какъ въ самомъ медіумѣ мы найти его не можемъ, то мы, естественно, должны заключить, что этотъ третій факторъ находится *внѣ* медіума.

VII. Различныя явленія смѣшаннаго характера.

Прежде чѣмъ перейти къ рубрикѣ фактовъ, для объясненія которыхъ самъ г. Гартманъ находитъ необходимымъ сдѣлать исключеніе изъ своихъ „методологическихъ основъ“ и прибѣгнуть къ „метафизическому, сверхъестественному объ-

ясненію“—къ абсолюту, я долженъ упомянуть здѣсь о родѣ явленій смѣшаннаго характера, служащихъ подтвержденіемъ и поясненіемъ вышесказаннаго заключенія.

Г. Гартманъ говоритъ: „Опытнымъ доказательствомъ, что писаніе это безсознательно лишь относительно, но сознательно для скрытаго сомнамбулическаго сознанія — можетъ служить то, что медіумъ, переходя въ открытый сомнамбулизмъ, вспоминаетъ, что было имъ безсознательно написано, и сообщаетъ объ этомъ изустно“ (стр. 73). И далѣе: „Если медіумъ въ сомнамбулическомъ состояніи можетъ изустно сообщать въ точности содержаніе того, что было прежде написано на разстояніи и что совершенно неизвѣстно его бодрственному сознанію, то этимъ дается несомнѣнное доказательство, что сомнамбулическое сознаніе медіума не устранено изъ его медіумическихъ дѣйствій, но принимаетъ въ нихъ опредѣленное участіе“ (стр. 142). Итакъ, если медіумъ будетъ писать въ сомнамбулическомъ состояніи и не сможетъ „сообщить въ точности“ содержаніе того, что имъ было написано, не будучи въ этомъ сомнамбулическомъ состояніи, но возвратившись къ нормальному— то мы получимъ „несомнѣнное доказательство“, что его сомнамбулическое сознаніе „*было устранено* изъ его медіумическихъ дѣйствій и *не принимало* въ нихъ опредѣленнаго участія“. Въ слѣдующемъ фактѣ мы имѣемъ это доказательство:

„Корреспондентъ, подписывающійся буквами Т. П. Б., поручикъ арміи, сообщаетъ въ журналѣ „Knowledge“ (Знаніе), отъ 2 марта, слѣдующій интересный случай писанія планшеткой.

„Нѣсколько времени тому назадъ я началъ производить опыты съ планшеткой, держась въ то время убѣжденія, что писаніе это (говорю о случаѣ, гдѣ возможность обмана исключается) производилось безсознательнымъ дѣйствіемъ рукъ, покоившихся на машинкѣ; но это объясненіе, если оно правильно, повлечетъ за собою новое, весьма любопытное понятіе о дѣятельности мозга. Мнѣ посчастливилось имѣть знакомую, у которой планшетка во всякое время писала замѣчательно хорошо, такъ что я могъ предпринять разные интересные опыты.

Когда я клалъ ея руку на машинку (которую я сдѣлалъ самъ, просверливъ дырочку въ край дощечки и воткнувъ туда карандашъ) и ставилъ вопросъ, отвѣтъ писался съ изумительной быстротой, даже скорѣе, чѣмъ обыкновенное письмо, и весьма четко, хотя и различными почерками, нисколько не походившими на почеркъ медіума, что я считаю весьма замѣчательнымъ. Сама дама не знала написаннаго, покуда не прочитывала его. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сообщавшееся было извѣстно только мнѣ или кому-нибудь изъ находившихся въ комнатѣ и поэтому, при теоріи безсознательнаго дѣйствія, могло бы быть только объяснено посредствомъ чтенія мыслей.

„Но опытъ, на который я въ особенности желаю обратить ваше вниманіе, слѣдующій: я нѣсколько разъ магнетизировалъ эту даму и, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, заснувши, она могла отвѣчать на всякіе вопросы, но при пробужденіи ни о чемъ не помнила. (Мимоходомъ замѣчу, что если ей случалось на-яву что-либо потерять, или куда-нибудь заложить, то во снѣ она всегда могла указать, гдѣ эта вещь находилась). Поэтому мнѣ пришло въ голову положить ея руки на планшетку во время магнетическаго сна. На поставленный вопросъ отвѣтъ былъ написанъ, какъ всегда; еще не читавъ его самъ, я спросилъ ее, что было написано, въ полномъ убѣжденіи, что она немедленно отвѣтитъ. *Но она не могла этого сказать.* Не доказываетъ ли это, что написанныя слова не были произведеніемъ ея мозга ни въ его нормальномъ состояніи, ни въ томъ особенномъ, которое свойственно месмерическому сну. Мы должны поэтому допустить или третье состояніе, доселѣ неизвѣстное, или придти понемногу къ мысли о постороннемъ дѣятелѣ, признать котораго я далеко не склоненъ“ („Light“ 1883 года, стр. 124).

Ошибка г. Гартмана состоитъ въ обобщеніи своего положенія; во многихъ случаяхъ писаніе будетъ дѣломъ сомнамбулическаго сознанія, но это не исключаетъ возможности того, что въ другихъ случаяхъ оно подчиняется внушенію, исходящему изъ посторонняго источника. Эта возможность наглядно поясняется слѣдующимъ случаемъ, разсказаннымъ г. Юнгомъ,

намъ уже знакомымъ изъ цитатовъ рѣчи на неизвѣстномъ языкѣ:

„На сеансѣ, имѣвшемъ мѣсто у д-ра Гаскеля, въ присутствіи д-ра Бедда, гг. Кимбаля, Миллера, Кильбёрна и другихъ, жена моя, находясь въ трансѣ, говорила отъ имени итальянки, называвшей себя Леонорой; такъ какъ жена моя была часто магнетизируема, то одинъ изъ присутствовавшихъ выразилъ мысль, что говорящій „духъ“ былъ ничто иное, какъ духъ самого магнетизера, находившагося тутъ въ числѣ другихъ посѣтителей, и предложилъ, чтобъ магнетизеръ устранилъ вліяніе, подъ которымъ она находилась, и, подчинивъ ее собственному вліянію, заставилъ ее говорить. Какъ только это было сказано, она тотчасъ пришла въ нормальное состояніе; затѣмъ была замагнетизирована, и, повинуясь волѣ магнетизера, начала пѣть съ большимъ чувствомъ извѣстную пѣснь „Annie Laurie“. Этотъ опытъ доставилъ скептикамъ большое удовольствіе и вполнѣ доказалъ правильность ихъ теоріи. Но ликованіе ихъ было недолго: когда она пѣла послѣдній стихъ, и только допѣла его до половины, прежнее вліяніе выхватило ее изъ-подъ власти магнетизера, который уже ничего не могъ сдѣлать съ нею. Онъ усиленно старался заставить ее окончить пѣснь, но напрасно; не успѣвъ въ этомъ, онъ хотѣлъ освободить ее, по крайней мѣрѣ, отъ овладѣвшаго ею вліянія; но, впервые ничего не могъ сдѣлать съ субъектомъ своимъ. Тогда одинъ изъ скептиковъ, видя неожиданный оборотъ дѣла, заявилъ такое требованіе: если медіумъ находится подъ вліяніемъ итальянскаго „духа“, то пусть запоетъ на этомъ языкѣ. Какъ это ни покажется чудеснымъ, но требованіе было немедленно исполнено, и всѣ пришли въ восхищеніе отъ превосходнаго музыкальнаго исполненія. Между нами не было итальянцевъ, но были лица, на столько понимавшія языкъ, что могли судить о его правильности. Подобные опыты были повторены нѣсколько разъ, причемъ жена моя также и говорила по-итальянски“.

Мы видимъ здѣсь, что внушеніе, исходившее отъ видимаго магнетизера, должно было уступить внушенію болѣе сильнаго

магнетизера, хотя и невидимаго. Вотъ другой случай, гдѣ невидимый внушитель долженъ уступить мѣсто другому, также невидимому внушителю, или сообщеніе, диктованное, быть можетъ, сомнамбулическимъ сознаніемъ медіума, внезапно прерывается сообщеніемъ изъ другого источника. Г. Бриттенъ, писатель, очень извѣстный въ спиритической литературѣ, сообщаетъ въ письмѣ своемъ къ редактору „Religio-Philosophical Journal“ слѣдующій фактъ:

„Однажды утромъ, въ 1852 году, я находился на сеансѣ въ Гринфильдѣ (Масс.), гдѣ медіумомъ былъ столь извѣстный впослѣдствіи Д. Д. Юмъ. Въ то время какъ кто-то изъ участвующихъ говорилъ азбуку и получалось сообщеніе посредствомъ стуковъ, вдругъ они сдѣлались очень громкими и условнымъ ихъ числомъ (пять) была потребована азбука. Кто-то замѣтилъ, что не было никакого смысла въ такомъ требованіи, такъ какъ азбука и безъ того уже говорилась. Тотъ же сигналъ былъ данъ сильнымъ движеніемъ стола, на что кто-то замѣтилъ, что дикій безпорядокъ замѣнилъ царившую гармонію. Догадываясь, въ чемъ дѣло, я сказалъ кружку, что тутъ можетъ быть и не безпорядокъ, что явилась другая личность и прервала получавшееся сообщеніе, имѣя, вѣроятно, сказать нѣчто важное, не терпящее отлагательства. Это тотчасъ было подтверждено громкими стуками въ разныхъ частяхъ комнаты и сильнѣйшими движеніями стола. Я сталъ говорить азбуку и получилъ слѣдующую депешу: „Ступайте домой, вашъ ребенокъ очень боленъ, отправляйтесь тотчасъ, а не то опоздаете къ поѣзду“. Схвативъ свой дорожный мѣшокъ, я тотчасъ же отправился. Едва я вышелъ на улицу, какъ услышалъ свистокъ подходившаго поѣзда, въ тотъ день послѣдняго, съ которымъ я могъ бы попасть домой. До вокзала было около одной осьмой мили. Бѣжавши изо всѣхъ силъ, я прибѣжалъ на станцію, когда поѣздъ уже трогался, и только успѣлъ вскочить на заднюю площадку послѣдняго вагона. Вернувшись домой, я узналъ, что спиритическая депеша вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительности“ („Light“ 1881 г., стр. 266).

Какая, по мнѣнію Гартмана, могла быть причина пере-

*

рыва этого сообщенія? Что она не крылась въ медіумѣ — это очевидно. Быть можетъ, то была телепатическая депеша, посланная сомнамбулическимъ сознаніемъ одного изъ членовъ семейства Бриттена? Но Гартманъ не допускаетъ умственныхъ сообщеній на большомъ разстояніи иначе какъ въ галлюцинаторной формѣ (о чемъ мы будемъ говорить далѣе), а здѣсь оно выразилось стуками и движеніями стола; и откуда то отдаленное сомнамбулическое сознаніе могло знать о приближавшемся поѣздѣ?

Вотъ другой подобный случай, гдѣ причина перерыва не выяснена, но одинаково не представляется достаточнаго основанія отыскивать ее въ самомъ медіумѣ. Заимствую этотъ случай изъ книги пастора Баллу въ цитатѣ, приведенной проф. Геромъ въ своемъ сочиненіи „Опытныя изслѣдованія сиирическихъ явленій“, § 1602:

„По приглашенію невидимыхъ дѣятелей, я долженъ былъ говорить въ назначенное время проповѣдь, съ увѣреніемъ съ ихъ стороны, что они при этомъ будутъ выражать стуками свое одобреніе, что и было въ точности исполнено. Однажды на сеансѣ совершенно неожиданно, когда никто объ этомъ не думалъ, сложился вопросъ: „Выбранъ ли вами текстъ для проповѣди въ слѣдующее воскресенье?“ — „Выбранъ, но только одинъ“, отвѣтилъ я, „не укажете ли вы мнѣ текстъ для вечерней проповѣди?“ — „Хорошо“. — „Какой же?“ спросилъ я. Сложилось слово: „*вторая*“, и остановилось. Покуда я дивился этому молчанію, объявилась другая личность и стала сообщаться не стуками, какъ предшествовавшая, а движеніями стола. Она сказала, что ея предшественникъ, сообщавшійся стуками, былъ отозванъ на нѣсколько минутъ, но скоро вернется. Дѣйствитедьно, черезъ четверть часа онъ вернулся и закончилъ сообщеніе словами: „*глава 1-го посланія къ Коринѳянамъ, стихъ 12 и 13*“. Никто изъ присутствующихъ не могъ вспомнить содержанія указанныхъ стиховъ, оказавшихся вполнѣ пригодными для проповѣди“. — Еслибъ этотъ перерывъ былъ дѣломъ сомнамбулическаго сознанія, гдѣ разумная причина замѣщенія стуковъ движеніями стола?

Вотъ другой случай, гдѣ намъ приходится выбирать между признаніемъ третьяго фактора или alibi (нахожденія въ другомъ мѣстѣ) сомнамбулическаго сознанія:

„Миссъ Мэри Баннингъ, медіумъ, находясь 14 іюня 1852 г. въ домѣ г. Мура, въ Уинчестерѣ, желала получить сообщеніе отъ своего отшедшаго брата Іосифа Баннинга, но онъ противъ обыкновенія не заявлялъ себя. Вызовъ былъ повторенъ впродолженіе вечера, и опять безъ результата; наконецъ, поздно вечеромъ, когда общество было уже готово разойтись, стуки неожиданно заявили о присутствіи Іосифа Баннинга, который объяснилъ, что ранѣе онъ быть не могъ, ибо „весь день былъ съ сестрой своей Эдитой“. Эдита Баннингъ проживала въ Гартландѣ, въ шестнадцати миляхъ отъ Уинчестера, и занимала тамъ должность школьной учительницы. Вскорѣ Мэри Баннингъ получила письмо отъ Эдиты, писанное на утро послѣ вышеприведеннаго случая у г. Мура, въ которомъ она сообщала сестрѣ, что братъ Іосифъ былъ съ ней наканунѣ впродолженіе всего дня, проявляя себя стуками (S. R. Britten and Richmond a discussion of the facts of spiritualism. New-York. 1853 г., стр. 289)“.

Вотъ двѣ сестры-медіумы, миссъ Мэри и миссъ Эдита Баннингъ, и ихъ сомнамбулическое сознаніе, одинаково настроенное въ данную минуту, должно было дать каждой изъ нихъ одинаковое удовлетвореніе, или иначе сказать, такъ называемый духъ Іосифа Баннинга, ихъ брата, долженъ бы былъ проявиться у обѣихъ сестеръ одновременно! Но на дѣлѣ вышло иначе.

Подъ этой рубрикой я могу упомянуть объ одномъ случаѣ изъ моего личнаго опыта въ домашнемъ кружкѣ; хотя первая часть его и не принадлежитъ собственно къ этой рубрикѣ, но я привожу ее здѣсь въ видѣ вступленія къ слѣдующей части его, гдѣ фигурируютъ тѣ же личности. 17 (29) октября 1873 г., во вторникъ, я былъ въ Лондонѣ, на сеансѣ профессіональнаго медіума, г-жи Оливъ; одинъ изъ ея невидимыхъ внушителей Гамбо, называвшій себя ямайскимъ негромъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ, между прочимъ, что любитъ заниматься разви-

тіемъ медіумовъ. Замѣтивъ на моемъ пальцѣ изумрудное кольцо, онъ прибавилъ, что не любитъ изумруда, ибо эманаціи его нехороши, но что мнѣ лично онѣ не вредятъ, такъ какъ это кольцо память друга (это было вѣрно, кольцо подарено мнѣ В. И. Далемъ), и затѣмъ сказалъ, что онъ и вообще духи предпочитаютъ алмазъ, какъ символъ чистоты. „Жена ваша,— продолжалъ онъ,—носитъ брилліантъ на безъимянномъ пальцѣ“ (это было также вѣрно)—„Видите ли вы ее?“ спросилъ я.— „Да, знатный медіумъ (и это было вѣрно); добрая лэди, ея лѣвая рука не знаетъ, что даетъ правая“ (и это опять была правда). Онъ обѣщалъ посѣтить насъ въ Петербургѣ, чтобы содѣйствовать медіумическому развитію моей жены, и мы уговорились, что первое его посѣщеніе будетъ въ пятый вторникъ, считая съ 17 октября, т. е. 20 ноября, въ 8 часовъ вечера, и что онъ будетъ сообщаться стуками, такъ какъ жена моя въ трансѣ не говорила. Я выбралъ вторникъ потому, что въ ту пору всегда по вторникамъ имѣлъ съ женою сеансъ совершенно интимнаго характера. Когда я вернулся въ Петербургъ, сеансы возобновились; я никому ничего не сказалъ объ обѣщаніи Гамбо, и, когда насталъ сеансъ 20 ноября, разумѣется, я былъ занятъ мыслью, удастся ли этотъ опытъ, чего, конечно, очень желалъ. Но изъ него ничего не вышло. Что помѣха была не со стороны жены, это доказывается тѣмъ фактомъ, что сеансъ не прошелъ безъ результата и мы получили разныя другія сообщенія; слѣдовательно, ея сомнамбулическое сознаніе функціонировало; представлялся отличный случай прочитать въ моихъ мысляхъ и заставить говорить м-ра Гамбо. Условія къ тому были самыя благопріятныя, ибо, какъ говоритъ Гартманъ:

„Медіумъ всегда сильно заинтересованъ, чтобы угадать явныя или скрытыя мысли присутствующихъ, такъ какъ въ его интересѣ вызвать удивительныя явленія; а между тѣмъ нѣтъ ничего поразительнѣе для „здраваго человѣческаго смысла“ какъ проявленія такого знанія, которымъ присутствующіе ни съ кѣмъ не дѣлился, и котораго, быть можетъ, даже вовсе нѣтъ въ его бодрственномъ сознаніи. Поэтому волю, направленную къ воспріятію, надо предположить имѣющейся у медіума

всегда на лицо. Если же медіумъ работаетъ съ людьми, которые, съ своей стороны, также живо заинтересованы тѣмъ, чтобы удивительныя явленія совершались, то и въ нихъ должна развиться воля, направленная къ поддержкѣ медіума по мѣрѣ возможности и къ облегченію ему исполненія его задачи. А черезъ это безсознательная воля побуждается къ передачѣ представленій. Сверхъ того, въ сеансахъ кружковъ руки сосѣднихъ лицъ прикасаются, такъ что условія для передачи мыслей становятся крайне благопріятными“ (стр. 90). Почему же эта передача мыслей не состоялась, — вѣдь всѣ условія были на лицо?

Какъ бы то ни было, опытъ не удался; я этому не удивился, зная, сколь мало можно полагаться на обѣщанія этихъ собесѣдниковъ, и болѣе объ этомъ не думалъ; не имѣя чѣмъ похвастаться, я никому объ этомъ ничего не сказалъ. Въ слѣдующій вторникъ мы по обыкновенію усѣлись за свой сеансъ, но на этотъ разъ втроемъ, съ проф. Бутлеровымъ. Я потушилъ свѣчку, но комната весьма достаточно освѣщалась газомъ съ улицы. Была потребована англійская азбука; я сталъ ее говорить и записывать буквы, указываемыя ударами ножки стола, за которымъ мы сидѣли. Такъ какъ я не могъ схватить смысла, то остановился и зажегъ свѣчку, чтобы ориентироваться; жена уже была въ трансѣ и на бумагѣ находились слѣдующія буквы:

„gambereanewaslasttemewtghou“.

Увидавъ, что что-то складывается, что можно будетъ потомъ разобрать, я скорѣе погасилъ свѣчку и продолжалъ говорить азбуку. Смысла я опять схватить не могъ, но когда сообщеніе кончилось и я зажегъ свѣчку, то оказалось, что на этотъ разъ я записалъ почти безъ ошибокъ слѣдующее:

„As I promised, but I cannot yet take entirely control of her. Hambo“ (Какъ я обѣщалъ, но я еще не могу вполнѣ овладѣвать ею. Гамбо).

Нѣкоторыя буквы указывались иногда и стуками въ столѣ, а послѣднее слово сложилось сильнѣйшими его движеніями.

Жена моя все время была въ трансѣ и по окончаніи сообщенія спокойно пришла въ себя. Тогда я принялся разбирать первую фразу и съ замѣною нѣсколькихъ буквъ, очевидно неправильно записанныхъ, получилъ слѣдующее:

„I am here, and was last time with you“ (Я здѣсь и въ тотъ разъ также былъ съ вами).

Зачѣмъ же сомнамбулическое сознаніе медіума открываетъ въ моемъ мозгу представленіе Гамбо и персонифицируетъ его, когда я уже о немъ не думаю и когда это представленіе находится въ моемъ мозгу уже въ скрытомъ состояніи, зарытымъ въ глубинахъ моего замаскированнаго сомнамбулическаго сознанія?

Познакомивъ моихъ читателей съ Гамбо, я могу передать теперь тотъ случай — единственный въ лѣтописяхъ спиритизма — который прямо относится къ этой рубрикѣ. Въ слѣдующій сеансъ мы также были втроемъ и ожидали появленія Гамбо; вмѣсто того была потребована русская азбука; послѣ нѣсколькихъ русскихъ фразъ, относившихся до медіумизма жены, и когда онѣ были нами прочитаны, снова была потребована азбука; я потушилъ свѣчку; говоря и записывая русскія буквы и не имѣя возможности ихъ читать, я замѣтилъ: „Тутъ написано: *у и ч*, это, вѣроятно, англійское слово *which* (которое произносится *уичъ*), слѣдовательно надо говорить англійскую азбуку“ и я началъ. Сообщеніе вскорѣ остановилось, я зажегъ свѣчку и увидалъ, что мною было записано совершенно правильно, по-англійски:

„*youч wife*“ (ваша жена).

(Англійское прописное r, пишется какъ русское *ч*).

И такъ это не было *уич*, но *youч* и это слово было сложено, когда я говорилъ русскую азбуку; и такъ, диктовавшій ихъ воспользовался *формою русскихъ буквъ*, отражавшихся въ моей мысли по мѣрѣ того, какъ я ихъ произносилъ, чтобъ составить такимъ образомъ англійское слово *youч* (ваша). Что сообщенія на иностранномъ языкѣ дѣлаются русскими буквами, по созвучію ихъ съ иностранными буквами, когда говорится

русская азбука, это мнѣ случалось видѣть не разъ, почему я и принялъ рускія буквы *yuч*, за англійское слово *which;* но чтобы воспользовались формою русскихъ буквъ соотвѣтствующихъ формамъ нѣкоторыхъ иностранныхъ буквъ для составленія иностраннаго слова — это я увидалъ въ первый и послѣдній разъ и нигдѣ въ лѣтописяхъ спиритизма я ничего подобнаго не встрѣчалъ. Спрашивается теперь: зачѣмъ сомнамбулическое сознаніе моей жены, которая одинаково располагала азбуками русской и англійской, не потребовало тотчасъ англійскую азбуку или, наконецъ, не указывало на русскія созвучныя буквы для передачи англійскихъ словъ, причемъ англійское слово *your* передается легко и точно двумя русскими буквами *юр?* Но нѣтъ! Русская азбука была употреблена такимъ именно способомъ, какимъ употребилъ бы ее иностранецъ, не знающій этой азбуки и только выбирающій буквы похожія по формѣ на буквы своего языка.

Случаи подобнаго рода, указывающіе на достаточное основаніе предполагать участіе третьяго фактора, многочисленны въ спиритизмѣ, но ихъ мало цѣнятъ. Вотъ напр., что говоритъ д-ръ Вольфъ о медіумѣ Мансфельдѣ, писавшемъ однажды обѣими руками заразъ и въ то же время съ нимъ разговаривавшемъ: „Я видѣлъ Мансфельда, писавшаго два сообщенія одновременно: одно правой рукой, другое лѣвой и оба на неизвѣстномъ ему языкѣ. Будучи занятъ такимъ образомъ, онъ въ то же время велъ со мной дѣловой разговоръ, или продолжалъ бесѣду, начатую до этого двойного писанія. Такимъ образомъ, пока онъ разговаривалъ со мной, его обѣ руки также были заняты разговоромъ. Однажды, я помню это очень хорошо, когда онъ писалъ обѣими руками на двухъ различныхъ языкахъ, онъ сказалъ мнѣ: „Докторъ, знали ли вы въ Колумбіи человѣка по имени Якобсъ?“ Я отвѣтилъ утвердительно; онъ продолжалъ: „Онъ здѣсь и желаетъ вамъ сказать, что онъ покинулъ тѣло сегодня утромъ“. Это извѣстіе оказалось вѣрнымъ, а случилось это на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль. Какое объясненіе можетъ быть предложено для этого одновременнаго тройственнаго проявленія разумности и силы?“ (Вольфъ, „Порази-

тельные факты въ современномъ спиритуализмѣ“ 1874 г., стр. 48).

Достопочтенный Дж. Б. Фергюссонъ свидѣтельствуетъ о подобномъ же фактѣ въ своей книгѣ „Supramundane facts“ („Сверхчувственные факты“) London 1865, стр. 57).

О такомъ же болѣе современномъ фактѣ повѣствуется въ „Трудахъ Лондонскаго Общества Психическихъ Изслѣдованій“ 1887 г., стр. 222.

Г. Круксъ свидѣтельствуетъ о подобномъ же фактѣ: „Я видѣлъ какъ миссъ Кэтъ Фоксъ (позднѣе м-съ Іенкенъ) писала автоматически сообщеніе для одного присутствующаго лица, въ то время какъ другому лицу о другомъ предметѣ давала сообщеніе азбукой посредствомъ стуковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ все это время она свободно разговаривала съ третьимъ лицомъ о предметѣ, не имѣвшемъ ничего общаго съ получавшимися сообщеніями“ (Круксъ, *Researches*, стр. 95).

Я самъ помню, какъ м-съ Іенкенъ, бывшая миссъ Фоксъ, находясь въ моемъ кабинетѣ и сидя противъ меня за письменнымъ столомъ, писала сообщеніе въ то время, какъ стуки раздавались около нея въ полу справа и слѣва отъ нея, не поперемѣнно, а одновременно.

Въ области физическихъ явленій есть много случаевъ, когда игра производилась па многихъ музыкальныхъ инструментахъ заразъ (до шести), что также указываетъ на множественность сознательно дѣйствующихъ центровъ, напр. см. „Light“ № 372, или „Ребусъ“ 1888 г., стр. 290.

Закончу эту рубрику разсказомъ о замѣчательномъ фактѣ, происшедшемъ въ самомъ началѣ спиритическаго движенія и напечатанномъ въ „*Rochester Daily Magnet*“ отъ 26 февраля 1850 года, за подписями всѣхъ восьми лицъ, бывшихъ его свидѣтелями. Заимствую его изъ книги Capron'a *Modern Spiritualism*, но въ сокращенномъ изложеніи (стр. 82—87). Рѣчь идетъ о двухъ одинаковыхъ слово въ слово сообщеніяхъ, получившихся одновременно стуками въ двухъ одна отъ другой отдаленныхъ комнатахъ того же дома. Г. Дрэперъ, имѣя у себя въ семействѣ ясновидящую, обратился черезъ нее къ

Веніамину Франклину, котораго, по ея словамъ, она видѣла, съ вопросомъ: „Возможно ли устроить сообщеніе между двумя отдаленными пунктами посредствомъ стуковъ?“ На утвердительный отвѣтъ Франклина и согласно полученнымъ инструкціямъ, обѣ дѣвицы Фоксъ, Катерина и Маргарита, были приглашены Дэвидомъ Дрэпером вмѣстѣ съ нѣсколькими ирія телями на 15 февраля. Часть общества съ однимъ изъ медіумовъ осталась въ гостиной, а другая съ другимъ медіумомъ удалилась въ комнату на противоположной сторонѣ дома. Въ обѣихъ комнатахъ присутствующими въ нихъ слышались стуки. Но такъ какъ въ обѣихъ комнатахъ было много помѣхи отъ безпрестанно входившихъ и выходившихъ, то первая компанія въ гостиной вскорѣ получила слѣдующее сообщеніе: „Дѣло идетъ не такъ, какъ я указалъ, поэтому теперь продолжать нельзя; въ каждой комнатѣ должно быть не болѣе четырехъ лицъ“. Когда потомъ сличили это сообщеніе съ полученнымъ въ другой комнатѣ, они оказались тожественными. Второй опытъ былъ назначенъ на 20 февраля. Требуемый порядокъ былъ на этотъ разъ соблюденъ. Первая часть общества получила слѣдующее сообщеніе: „Теперь, друзья, я готовъ. Большія перемѣны произойдутъ въ XIX столѣтіи. То, что теперь кажется темнымъ и таинственнымъ, станетъ для васъ яснымъ. Міръ просвѣтится. Я подписываюсь своимъ именемъ — Веніаминъ Франклинъ. Въ ту комнату не ходите“. Вторая часть общества получила буквально такое же сообщеніе, за исключеніемъ послѣдней фразы, которая была замѣнена слѣдующей: „Ступайте въ гостиную и сравните записанное“ (стр. 86).

Какъ объяснить этотъ фактъ естественнымъ путемъ? Безсознательной передачею мыслей между обоими медіумами, находившимися въ разныхъ комнатахъ? Но такъ какъ оба медіума должны были дѣйствовать одновременно, то передача впечатлѣній должна была скреститься и произвести путаницу; если предположить, что одно сообщеніе было получено однимъ медіумомъ раньше, а потомъ уже немедленно воспроизведено другимъ, то затрудненій не меньше. Или это стачка между медіумами, заготовившими напередъ два одинаковыхъ сообщенія?

Но не надо забывать, что медіумы были почти дѣти и, кромѣ того, что никогда ни одинъ медіумъ не вызывалъ стуковъ по желанію. И наконецъ, всѣ эти попытки объясненія рушатся передъ тѣмъ фактомъ, что въ первый разъ *медіумы даже не знали, что были приглашены для спеціальнаго опыта* и въ чемъ онъ имѣлъ состоять, какъ это положительно утверждаетъ г. Дрэперъ (стр. 84).

VIII. Сообщеніе фактовъ неизвѣстныхъ ни медіуму, ни присутствующимъ.

Мы переходимъ теперь къ рубрикѣ фактовъ, для объясненія которыхъ самъ г. Гартманъ „считаетъ неизбѣжнымъ прибѣгнуть къ метафизическому, сверхчувственному объясненію“; рѣчь идетъ о „передачѣ представленій на большія разстоянія и о настоящемъ ясновидѣніи“ (стр. 102). Но совсѣмъ непонятно, какую связь желаетъ установить г. Гартманъ между этими фактами и спиритизмомъ? Говоря о передачѣ представленій на большія разстоянія, онъ утверждаетъ, что „спиритизмъ по отношенію къ этому предмету не представляетъ никакого матеріала“ (стр. 91); говоря о ясновидѣніи, онъ старается объяснить его: *для одной части фактовъ* — *„нѣкоторымъ чувственнымъ воспріятіемъ“*, или посредствомъ „особаго сенситивнаго ощущенія“ (стр. 93); таковы факты „личныхъ эманацій, или людей, или животныхъ, напр. ощущеніе присутствія кошки, хотя ее никто и не видитъ; указаніе между многими стаканами воды того, въ который магнетизеръ погружалъ палецъ; указаніе произвольно поставленнаго часа на спрятанныхъ въ ящикъ часахъ; прочитываніе никому неизвѣстныхъ изреченій, заключенныхъ въ орѣхѣ; прочитываніе слова, прикрытаго пальцемъ наугадъ: написаніе непосредственнымъ письмомъ какой-нибудь наугадъ указанной страницы въ закрытой книгѣ; опредѣленіе сомнамбуломъ по пряди волосъ болѣзни отдаленнаго, чуждаго ему лица; видѣніе, вызываемое прикосновеніемъ слоноваго зуба или сухой крови“, и тому под. (стр. 93—95); *для другой части фактовъ* — „соотношеніе (rapport) устанавливается не сенситивнымъ, чувственнымъ

воспріятіемъ, а *интересомъ воли*, напр. сильною любовью, дружбой, патріотизмомъ или тоскою по родинѣ“ (стр. 95); таковы факты: видѣніе на разстояніи особенныхъ событій, какъ то: пожаровъ, землетрясеній, войны (стр. 95); предузнаваніе будущаго; предвидѣніе случаевъ смерти съ несущественными подробностями или видѣніемъ самой погребальной процессіи; предвидѣніе пожара въ данномъ мѣстѣ, вызываемаго случайностью“ (стр. 95—97).

Всѣ эти явленія, за исключеніемъ чтенія безъ посредства глазъ, и въ особенности явленія послѣдней категоріи, приписываемыя Гартманомъ „чистому ясновидѣнію“ (стр. 97), имѣютъ очень малое отношеніе къ спиритизму; они принадлежатъ къ разряду „явленій двойного зрѣнія“ и магнетическаго ясновидѣнія. Г. Гартманъ нисколько не опредѣлилъ, какія спиритическія сообщенія должны быть объяснены ясновидѣніемъ; онъ не останавливается ни надъ какимъ примѣромъ, не входитъ ни въ какія подробности приложенія своей теоріи. Намъ остается, слѣдовательно, предположить, что это всѣ тѣ факты, которые не могутъ объясняться ни гиперэстезіей памяти, ни чтеніемъ мыслей, ни передачей представленій“. Поэтому мы должны посмотрѣть, въ чемъ состоятъ эти явленія и насколько гипотеза г. Гартмана соотвѣтствуетъ условіямъ ея примѣненія.

Начнемъ съ единственныхъ фактовъ, на которые Гартманъ намекаетъ и ясновидѣніе которыхъ онъ объясняетъ „нѣкоторымъ чувственнымъ воспріятіемъ“.

а) *Зрѣніе безъ посредства глазъ (въ темнотѣ или замкнутомъ пространствѣ).*

Фактъ зрѣнія безъ посредства глазъ былъ положительно доказанъ опытами въ области сомнамбулизма; что это нѣкотораго рода ясновидѣніе, это очевидно; но теорія ясновидѣнія, предложенная Гартманомъ, единая ли возможная, и приложима ли она одинаково ко всѣмъ фактамъ? имѣемъ ли мы надобность всегда прибѣгать къ „всезнанію абсолютнаго духа“ (стр. 99), что въ сущности то же самое, что прибѣгать къ божеству *in extremis* (въ крайнихъ случаяхъ)?

Чтобы ориентироваться въ этомъ вопросѣ, намъ нужно воз-

вратиться къ нѣкоторымъ физическимъ явленіямъ медіумизма, или, вѣрнѣе, къ одной особенности этихъ явленій, къ той именно, что они могутъ происходить въ полной темнотѣ съ совершенной точностью. Такъ, напр., на сеансахъ физическихъ явленій принято сидѣть въ полной темнотѣ, условіе это даже существенно для большей части этихъ явленій; а на этихъ сеансахъ, какъ извѣстно, музыкальные инструменты летаютъ надъ головами присутствующихъ, никогда ихъ не задѣвая; большіе музыкальные ящики, носясь по воздуху, опускаются на головы сидящихъ тихо и вѣрно; когда присутствующихъ трогаютъ руки, это дѣлается безъ малѣйшаго нащупыванія, и часто согласно выраженному ими желанію; становится ясинымъ, что сила, производящая эти явленія, видитъ въ темнотѣ такъ же хорошо, какъ мы видимъ при свѣтѣ. Мнѣ случалось нѣсколько разъ тайно провѣрять этотъ фактъ; такъ, на темномъ сеансѣ у г. Эвериттa, въ Лондонѣ, одинъ изъ невидимыхъ дѣятелей, Джонъ Уатъ, имѣлъ обыкновеніе долго разговаривать прямо голосомъ черезъ картонную трубку, положенную на столъ; онъ держалъ ее на высотѣ нѣсколькихъ футовъ надъ столомъ и голосъ его раздавался оттуда; такъ какъ мы сидѣли вокругъ стола въ полной темнотѣ, не дѣлая руками цѣпи, то я поднялъ правую руку свою кверху, мысленно пожелавъ, чтобы она была тронута сверху трубкой; никто не зналъ ни о моемъ намѣреніи, ни о моемъ движеніи, но едва только я поднялъ кверху руку, трубка нѣсколько разъ похлопала меня по концамъ пальцевъ. Въ другой разъ на темномъ сеансѣ съ миссъ Кэтъ Кукъ мы сидѣли, держа руки въ цѣпи; такъ какъ рука моя не была свободна, то я только поднялъ указательный палецъ кверху, пожелавъ, чтобъ до него дотронулись; никто не зналъ о моемъ опытѣ, и остальная часть руки оставалась неподвижна: немедлено два пальца схватили мой ноготь и пожали его. Въ нашихъ опытахъ съ Бреднфомъ, въ то время, когда онъ, сидя за занавѣской, находился въ трансѣ, я очень часто пробовалъ приложить руку къ какому-нибудь мѣсту занавѣски, и немедленно съ другой ея стороны, въ темномъ пространствѣ, пальцы похлопывали по моей рукѣ, или охватывали

ее черезъ занавѣску. Комната, въ которой мы сидѣли, находилась въ полутьмѣ, и видѣть сквозь суконную занавѣску движеніе и мѣсто моей руки для обыкновеннаго глаза вещь невозможная. Еслибъ мое желаніе могло быть узнано мысленной передачей, то этого было бы недостаточно для точнаго знанія мѣста, гдѣ находилась рука или палецъ. Интересный опытъ въ этомъ родѣ состоитъ въ томъ, чтобы нарисовать на бумагѣ какую-нибудь фигуру и положить эту бумагу на столъ вмѣстѣ съ ножницами. Слышно, какъ въ темнотѣ ножницы рѣжутъ бумагу и потомъ фигура оказывается отчетливо вырѣзанной. Подобные опыты были продѣланы съ Эглинтономъ у насъ, въ Москвѣ, г. Ярковскимъ (см. въ „Light“ѣ 1886 года, стр. 604, „Интересный случай видѣнія и различенія фотографіи въ темнотѣ“). Непосредственное письмо, происходящее въ темнотѣ въ закрытомъ или открытомъ пространствѣ, извѣстно, также какъ и чтеніе. Не мало опытовъ было продѣлано въ этомъ направленіи, включая и чтеніе чего-либо неизвѣстнаго присутствующимъ. См. также электрическіе опыты Варлея въ темнотѣ („Отчетъ Діал. Общ.“, II, стр. 115 моего нѣм. изд.).

Г. Гартманъ достаточно говорилъ объ этихъ явленіяхъ; ихъ физическую сторону онъ объясняетъ нервной силой медіума, а ихъ умственную сторону — сомнамбулическимъ сознаніемъ; но что касается собственно дѣйствій и видѣнія *въ темнотѣ*, онъ не остановился надъ этою особенностью явленія и не объясняетъ ее. Можно было бы предположить, что эта способность видѣнія въ темнотѣ одна изъ необычайныхъ принадлежностей сомнамбулическаго сознанія; но теперь надо заключить, что это не такъ, ибо въ противномъ случаѣ г. Гартманъ не пытался бы объяснить ясновидѣніемъ тотъ фактъ, „когда магнетизеръ ставитъ палецъ на какое-нибудь слово въ газетѣ, не зная его самъ, а сомнамбулъ узнаетъ его“ (стр. 94)—это опытъ Крукса съ дамою, писавшею планшеткой („Ps. St.“ 1874 г., стр. 209)—и такіе случаи, какъ „списываніе наугадъ указаной страницы въ закрытой книгѣ“ (стр. 94); подобные случаи для теоріи г. Гартмана не должны бы быть затруднительнѣе другихъ, ибо нервная сила проникаетъ вещество безъ

затрудненія (см. опыты Цöльнера съ писаніемъ и оттисками между двухъ досокъ) и медіумъ, находясь въ трансѣ, за занавѣской, видитъ очень хорошо присутствующихъ и предметы, приводимые имъ въ движеніе согласно своимъ галлюцинаціямъ; слѣдовательно, видѣть сквозь палецъ или въ закрытой книгѣ нисколько не труднѣе и въ сущности сводится къ зрѣнію въ темнотѣ или безъ посредства органовъ зрѣнія.

Какъ бы то ни было, очевидно, что происхожденіе этихъ явленій въ темнотѣ обусловливается нѣкоторою степенью ясновидѣнія, и надо это объяснить. Намъ предстоитъ выбирать между двухъ теорій: по г. Гартману это — способность „абсолютнаго знанія, принадлежащая индивидуальной душѣ“ (стр. 99—100); способность, которая въ концѣ-концовъ есть только „функція абсолютнаго субъекта“ (стр. 99). Такимъ образомъ, когда нервная сила въ темнотѣ вырѣзываетъ фигуру, нарисованную на бумагѣ, или изъ нѣсколькихъ цвѣтныхъ карандашей, положенныхъ между двухъ грифельныхъ досокъ, выбираетъ для письма карандашъ указаннаго цвѣта — ясновидѣніе, потребное для этого дѣйствія, есть „функція абсолютнаго субъекта!“ Но по теоріи, которая допускаетъ существованіе въ насъ индивидуальнаго трансцендентальнаго субъекта, физическое дѣйствіе на разстояніи производится раздвоеніемъ или проэкціей члена организма траисцендентальнаго субъекта, и зрѣніе въ темнотѣ есть только одна изъ его функцій; ибо его способности постиженія именно трансцендентальны, не будучи для этого функціями абсолютнаго. Эта теорія представляетъ для явленія естественную причину, простую и раціональную, и не впадаетъ въ „сверхъестественное“, прибѣгать къ которому Гартманъ считаетъ неизбѣжнымъ (стр. 102).

Что способность ясновидѣнія, о которой идетъ рѣчь, не есть функція абсолютнаго, но органическая трансцендентальная, болѣе или менѣе несовершенная, смотря по качеству этого организма, это можетъ быть констатировано рядомъ постепенныхъ опытовъ, исключающихъ мало-по-малу возможность объясненія другими гипотезами.

Я сдѣлалъ въ этомъ направленіи нѣсколько опытовъ до-

вольно интересныхъ. Десять лѣтъ тому назадъ мнѣ довелось имѣть цѣлый рядъ медіумическихъ сеансовъ въ самомъ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, состоявшемъ всего изъ трехъ лицъ: моей родственницы — пожилой дамы, моего близкаго родственника— молодого человѣка, и меня самого. Цѣлью были не физическія явленія, которыхъ я видѣлъ достаточно, а умственныя, для сужденія о нихъ по существу. Вопросъ о поддѣлкѣ, для меня лично, не существовалъ; поэтому и способъ экспериментированія былъ самый примитивный, удающійся въ значительномъ большинствѣ случаевъ: на картонѣ наклеена печатная азбука; лежащая на немъ маленькая дощечка, съ одного конца заостренная, служитъ указкой; участвующіе кладутъ на нее руки, она приходитъ въ движеніе и указываетъ буквы. Помянутые родственники мои никогда до этого въ качествѣ медіумовъ не упражнялись; это была первая попытка; я посадилъ ихъ за столикъ, не зная, выйдетъ ли что; въ результатѣ, они оказались медіумичными; сперва получались наклоны стола и произносимыя буквы указывались этимъ путемъ; но такъ какъ этотъ способъ крайне мѣшкотенъ, то мы перешли ко второму. Самъ же я нисколько не медіумиченъ, и потому мое участіе состояло только въ томъ, что, сидя за другимъ столомъ, я записывалъ буквы, которыя мнѣ диктовали.

Сеансы эти въ общемъ результатѣ дали очень интересный матеріалъ. Очевидно, вся цѣль сидѣній состояла въ томъ, чтобы выяснить, на сколько получаемыя такъ называемыя „сообщенія“ могутъ быть отнесены къ нашей собственной безсознательной дѣятельности или требуютъ допущенія участія посторонней разумной силы. Получалось не мало вздору, иногда и ничего не получалось, но были и весьма замѣчательныя вещи. Нѣкоторыя изъ сообщеній я напечаталъ въ своемъ журналѣ „Psychische Studien“, подъ заглавіемъ: „Филологическія загадки, заданныя медіумическимъ путемъ“. Здѣсь же желаю разсказать опытъ, представляющій загадку психо-физіологическую. Отъ времени до времени намъ приходилось получать сообщенія, которыя рѣзко отличались отъ другихъ, какъ по умственному содержанію, такъ и по складу рѣчи и по способу

провописанія: неизвѣстный авторъ ихъ вскорѣ сталъ опускать твердый знакъ, двойныя согласныя, замѣнять *ѣ* простымъ *е*, и вообще упрощалъ свое писаніе до возможности. Допытываясь, съ чѣмъ мы тутъ имѣемъ дѣло, мы постоянно получали отвѣты какъ бы отъ самостоятельной личности, которая, однакожъ, назвать себя никогда не хотѣла. Хотя предполагаемый собесѣдникъ нашъ всегда иронически относился къ моимъ попыткамъ выяснить индивидуальность проявляющейся разумности, но онъ тѣмъ не менѣе не отказывался отъ предлагаемыхъ мною опытовъ. Теперь всѣ эти сеансы напечатаны въ изданіи моемъ: „Матеріалы для сужденія объ автоматическомъ письмѣ“. Спб. 1899. Такъ, однажды, на сеансѣ 10 марта 1882 г., я спросилъ его (см. стр. 33):

— Видите вы насъ?

— Да.

— Видите и буквы азбуки?

— Да.

— Нашими глазами или своими?

— Вмѣстѣ.

— А если медіумы закроютъ глаза, будете ли вы въ состояніи видѣть буквы?

— Это все равно; немного труднѣе.

— Есть у васъ свой особый органъ зрѣнія? — Медіумы, держащіе правыя руки свои на дощечкѣ, закрываютъ глаза свои. Дощечка приходитъ въ движеніе, я слѣжу за ней, не дотрогиваясь ни до нея, ни до стола; складывается совершенно правильно:

— Есть.

— Какой же это органъ — тѣлесный? — Медіумы опять закрываютъ глаза; указка указываетъ рядъ буквъ, но слова сложить я не могъ; азбука приходилась мнѣ на выворотъ; я подошелъ къ столу съ другой стороны и попросилъ повторить; движенія указки повторились *тѣ же самыя*, но слова я все-таки схватить не могъ. Попросилъ медіумовъ открыть глаза, а собесѣдника нашего повторить слово, и сложилось:

— Конечно. (Оказалось, что дощечка до *к* не доходила,

останавливалась на *и*, и это сбивало меня. На подобныхъ сеансахъ очень часто случается, что дощечка, отъ быстроты или иной причины, не доходитъ до требуемой буквы; то же самое замѣчается и при выстукиваніи буквы ножкой стола).

Многочисленные опыты въ этомъ родѣ были продѣланы проф. Геромъ („Опытное изсл. спир. явл.“ Сиб. 1889 г.); онъ построилъ такіе снаряды для сообщеній, что медіумъ не могъ видѣть алфавита. Я самъ на первыхъ моихъ спиритическихъ сеансахъ пробовалъ то же самое: во время полученія сообщенія посредствомъ картоннаго алфавита, лежащаго на столѣ, я поднималъ картонъ вплоть къ своему лицу и продолжалъ указывать буквы, такъ что никто, кромѣ меня, не могъ ихъ видѣть, и тѣмъ не менѣе сообщеніе продолжалось по-прежнему. Мнѣ недавно попался опытъ подобнаго же рода въ XI ч. „Трудовъ Лонд. Общ. Псих. Изсл.“, стр. 221, гдѣ для большей осторожности, когда глаза медіума были завязаны, пустили въ ходъ другой алфавитъ, котораго медіумъ до этого не видалъ, съ буквами въ разбивку. Результатъ былъ тотъ же.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ есть однако *глаза, которые видятъ* — глаза присутствующихъ. Можно предположить, что медіумъ дѣйствуетъ посредствомъ безсознательной, телепатической передачи буквъ, которыя видятъ присутствующіе; но это предположеніе невѣрно, потому что присутствующіе видятъ только совокупность всѣхъ буквъ и ихъ вниманіе направляется *на одну букву* только тогда, когда она уже указана медіумомъ; но если допустить даже, что сообщеніе буква за буквой передается безсознательно мозгомъ одного изъ присутствующихъ, то это могло бы привести только къ мысленному чтенію со стороны медіума; онъ могъ бы повторить эти буквы, но это не помогло бы ему найти и указать эти буквы на печатномъ алфавитѣ; нѣкоторый процессъ ясновидѣнія во всякомъ случаѣ необходимъ. Въ моемъ опытѣ, напр., я взглядывалъ на алфавитъ только тогда, когда указка останавливалась на какой-нибудь буквѣ.

Продолжаю разсказъ объ этихъ опытахъ. Ихъ надо было продѣлать такъ, чтобы *исключить возможность участія какихъ бы то ни было глазъ*. Я воспользовался первымъ удобнымъ

случаемъ, чтобы довести ихъ до конца, и на сеансѣ 28 апрѣля обратился къ нашему собесѣднику съ такими словами:

— По поводу вашего зрѣнія рождаются недоумѣнія и вопросы. Вы говорили, что сами видите, не нуждаетесь въ чужихъ глазахъ; съ перваго раза небольшая проба удалась; во второй же разъ опытъ съ азбукой, даже при открытыхъ глазахъ одного медіума, не удался. Вотъ это ваше независимое зрѣніе крайне желательно провѣрить. Позвольте предложить такой опытъ: я возьму изъ кошелька нѣсколько монетъ, *не считая ихъ*, и положу, напр., позади стула одного изъ медіумовъ. Такимъ образомъ *никто* не будетъ знать ихъ числа. Можете-ли вы указать это число?

— Завяжите имъ глаза, попробую.

— Что именно?

— Показывать буквы (глаза завязаны, я слѣжу за указаніями и записываю буквы).

— Говори что нибтд бтгторвычаѣь, довольно с вас, можно и лучше, что вам и говорил жаранее.

— Сначала и подъ конецъ у васъ шло совсѣмъ хорошо, такъ не можете ли поправить; третье слово, очевидно, *нибудь*, а потомъ? (Дощечка тронулась—)

— бтду.

— Очевидно, *буду*; далѣе...

— Отвелась (и когда я прочелъ вслухъ, было указано на *ч*).

— Значитъ „отвѣчать“?

— Да.

Сличая, можно ясно прослѣдить, что и прежде складывались тѣ же самыя слова — *буду отвѣчать* — но неудачно. Снимаю повязку съ глазъ медіумовъ.

— Это уже весьма удовлетворительно. Но надо поставить опытъ такъ, чтобъ никто изъ насъ не видѣлъ предмета опыта. Поэтому возвращаюсь къ монетамъ за стуломъ. Можете увидѣть ихъ?

— Труднѣе.

Троекратная попытка не увѣнчалась усиѣхомъ: складывалось — *семь, девять, пять* — и каждый разъ было невѣрно.

— Это странно! Буквы на столѣ видите, а монеты на стулѣ не видите?

— Пространство между ними болѣе всего в распоряженіи моем; завяжите им глаза и положите ваши деньги на этот стол.

Завязываю медіумамъ глаза широкой повязкой, захватывающей и носъ. Закрывши свои глаза, вынимаю изъ кошелька на удачу нѣсколько монетъ и кладу ихъ ощупью, не считая, на дальній край картона, на которомъ была наклеена азбука (точнѣе, это была картонная шашечница), закрываю себѣ глаза рукою такъ, чтобы видѣть только азбуку, и начинаю слѣдить; складывается: *шдыь*, и опять *шдр*...

Попытки сложить слово правильно, очевидно, не удавались. Тогда, не глядя на монеты, я прикрылъ ихъ брошюрой, и мы всѣ открыли глаза.

— Укажите теперь.

— Шесть.

Я отнялъ брошюру: „шесть“ — вскрикнули мы въ одинъ голосъ. Но потомъ оказалось, что было семь, такъ какъ два гривенника лежали другъ на дружкѣ; я клалъ монеты сразу, чтобы при этомъ невольно не сосчитать ихъ; такъ что ошибка необходимо вытекала изъ самаго расположенія монетъ. Теперь оказалось, что и при завязанныхъ глазахъ все указывалось *шд*, даже *шдр*, т. е. *шес* — очевидная попытка сложить *шесть*.

Повторили опытъ. Завязалъ медіумамъ глаза. Точно также не глядя, взялъ и положилъ на столъ нѣсколько монетъ, и, закрывшись отъ нихъ, сталъ слѣдить за указаніями азбуки; складывается совершенно правильно:

— Разложите лучше. (Провожу по монетамъ ребромъ ладони, чтобы другъ на дружкѣ не лежали; складывается—)

— Опять шесть.

Смотримъ — вѣрно!... Еще разъ. Диктуется при открытыхъ глазахъ:

— На листъ бѣлой бумаги положите.

Опять завязываю медіумамъ глаза, кладу бумагу и монеты на нее такимъ же образомъ, и спрашиваю:

— Хорошо разложилъ?

— Хорошо, семь!

Смотримъ съ возрастающимъ любопытствомъ. Браво, вѣрно!

— Положите часы (говоритъ нашъ собесѣдникъ).

Беру съ моего стола стоячіе часы съ будильникомъ и ставлю ихъ, спинкой ко всѣмъ намъ на столикъ, за которымъ сидѣли медіумы.

— Хотѣлъ карманные; положите ихъ горизонтально.

Догадываюсь изъ этого, что ихъ надо положить стрѣлками вверхъ; поэтому опять завязываю медіумамъ глаза и кладу часы горизонтально, не глядя, разумѣется; проходитъ четверть минуты; указывается, записываю:

— Безъ пяти шесть.

Смотримъ — вѣрно и невѣрно. Стрѣлка будильника показывала *шесть*, а минутная и часовая на томъ же циферблатѣ были на одиннадцати, и выходило, какъ будто, — *безъ пяти шесть*.

— Попробуемъ теперь карманные, какъ вы хотѣли.

— Положите на бумагу.

Повторяется та же процедура, я кладу часы свои, не глядя. Четверть минуты проходитъ и складывается:

— Четыре минуты двѣнадцатаго.

Смотримъ: пять минутъ двѣнадцатаго.

— Значитъ, когда вы смотрѣли было четыре минуты, одна минута ушла на складываніе?

— Да.

— Положите деньги, мелочь, сосчитаю; будетъ финалъ, я утомленъ.

Завязываю медіумамъ глаза, кладу нѣсколько серебряной мелочи, не глядя. Складывается:

— Рубль серебра.

Смотримъ, вѣрно. Было четыре пятіалтынныхъ, одинъ двугривенный и два гривенника.

— Какъ было сложено, — переспросилъ я у медіумовъ — серебромъ или серебра? — И тотчасъ указка сложила:

— Конечно не серебромъ, было бы невѣрно.

Прежде чѣмъ перейти къ критической оцѣнкѣ полученныхъ

результатовъ, я закончу этотъ рядъ опытовъ тѣми объясненіями, за которыми я обращался къ тому же источнику.

На сеансѣ 5 мая, когда мы имѣли дѣло съ тѣмъ же собесѣдникомъ, я между прочимъ сказалъ ему:

— По поводу нашихъ опытовъ съ монетами, я имѣю сдѣлать вамъ два вопроса: 1) вы говорили, что видите сами, имѣете свой органъ зрѣнія и т. д., между тѣмъ изъ опытовъ нашихъ слѣдуетъ заключить, что вы въ зависимости отъ какихъ-то нашихъ условій; и 2) въ чемъ состоятъ эти условія?

— Отвѣт на первый: я говорил, что вижу сам; я говорил: одно дело видѣть самому, другое вам передать, я говорил его глаза нужнее; сума (сумма): отдѣльныя наши воспріятія, в том числѣ и зрѣніе, самостоятельны и независимы отъ вас, но потому то и качественно и количественно разнятся от вашего; чтобы поделиться, нужна асимиляція; и помимо того для всякаго общенія общеніе нужно. На второй—в чем оно состоит? Сфера моей деятельности въ общеніи с вами конечно ограничена; вспомните теперь куда вы клали и что она заслоняла его. (Толкуемъ про себя и поясняемъ, что посредница сидѣла передъ посредникомъ, а деньги были положены на скамейку, стоявшую позади посредницы, и слѣдовательно ея тѣло заслоняло ихъ). Не дурно: сфера же круглая, так ск(азать) и должна быть без перерыва, т. е. отъ него исходить и замыкаться.

Читаю вслухъ записанное; недоумѣваемъ.

— Не ясно! ведь и не шутка; ну представьте себѣ, я хочу вступить с вами во внешнее общеніе; самое удобное воспользоваться имъ (т. е. посредникомъ); вокругъ него есть, т. с. (такъ сказать), его атмосфера, наиболее духовная часть каждаго; мнѣ предстоит, с. б. (стало быть), дѣйствовать вот уже под условіем протяженія его атмосферы; потом круг этот должен быть замкнут, т. е. безпрерывен, как я сказал; перед ним сидит она, вот вам периферія.

— И такъ, чтобы видѣть, вообще, вы связаны медіумическими условіями?

— Никакими! Да что же вы про это знаете? т. е. пока я вас по своему и для себя вижу, мнѣ ничего не нужно, что ясно,

даже очень; раз я хочу для вас вполнѣ, по вашему, не только увидѣть, но и с вами поделиться, другое дело [1]).

— Еще одинъ вопросъ: для чего потребовали вы тогда бѣлую бумагу?

— А это личное условіе; бывает иногда и у вас такое чувство, что так увижу лучше, а у нас чаще.

Перечитывая теперь это объясненіе, я вижу, это оно относится до тѣхъ случаевъ, когда монеты были заслонены тѣломъ одного изъ сидящихъ; поэтому, вѣроятно, было потребовано, чтобы я и часы клалъ горизонтально цифербла́томъ вверхъ, ибо въ противномъ случаѣ корпусъ ихъ точно также заслонялъ бы стрѣлки. Но вѣдь и собственныя вѣки медіумовъ, будучи опущены, и сверхъ того платокъ, которымъ глаза ихъ были завязаны, точно также заслоняли азбуку, монеты и часы — точно также представляли „периферію“; почему же эти преграды не мѣшали? Въ то время я не догадался этого спросить.

Я очень хорошо понимаю, что подобная простая повязка на глазахъ, какъ бы она ни была тщательно и добросовѣстно сдѣлана, нисколько не можетъ служить *доказательствомъ* абсолютнаго исключенія всякаго участія естественнаго зрѣнія: даже гораздо болѣе сложныя повязки не могутъ служить этимъ доказательствомъ, и даютъ все-таки мѣсто для разныхъ ухищреній. Все значеніе передаваемыхъ здѣсь опытовъ основано на нравственномъ убѣжденіи въ ихъ неподдѣльности. Мы дѣлали ихъ не для показа; мы лично были заинтересованы въ разрѣшеніи нами самими поставленной задачи; и если глаза и завязывались, то это было единственно для того, чтобы оградить самихъ себя отъ невольнаго, хотя и самаго ничтожнаго под-

[1]) Отвѣтъ этотъ имѣетъ свое философское значеніе. Если нашъ собесѣдникъ дѣйствительно принадлежитъ къ міру сущностей, къ міру *ноуменовъ*, въ которомъ онъ видитъ наши вещи не такъ, какъ онѣ намъ представляются, а каковыми онѣ въ себѣ, то онъ и видитъ ихъ „по своему“, но разъ онъ долженъ видѣть по „нашему“, онъ долженъ вступить въ міръ явленій, въ міръ *феноменовъ*, и приспособиться къ условіямъ нашей организаціи; ибо какова организація, таково и міросозерцаніе.

нятія вѣкъ; при повязкѣ же потребовалось бы для зрѣнія умышленное дѣйствіе, приноровка.

Что же доказываютъ эти опыты? Кто же тутъ читалъ, считалъ, указывалъ время? Весь интересъ сосредоточивается на томъ: было-ли это результатомъ нашей, или какой бы то ни было безсознательной дѣятельности, или, наоборотъ, сознательной, и въ такомъ случаѣ чьей?

Если признать вѣрнымъ то положеніе, что „безсознательное не нуждается ни въ одномъ изъ органовъ сознанія“ (какъ однажды выразился нашъ собесѣдникъ), а логически нельзя не признать его абсолютно вѣрнымъ, — Гартманъ даже опредѣляетъ безсознательное какъ „всевѣдующее, всевидящее и непогрѣшимое“ — то представляется непонятнымъ, почему это безсознательное не видитъ вещей, положенныхъ такъ, что и участвующіе въ сеансѣ не могли бы ихъ видѣть при открытыхъ глазахъ; непонятно, почему оно можетъ обусловливаться извѣстнымъ „пространствомъ“ и „периферіей“; еще менѣе понятно, почему, когда условія пространства удовлетворены, зрѣніе остается тѣмъ не менѣе неяснымъ, что доказывается ошибками въ складываніи буквъ, — ошибками не безсмысленными, а такъ сказать осмысленными, ибо указка въ этихъ случаяхъ всегда останавливалась около искомой буквы; еще страннѣе ошибки съ часами и монетами: двѣ монеты, лежащія одна на другой, принимаются за одну; стрѣлка будильника — за часовую; а часовая и лежавшая на ней минутная за одну минутную — все это такія ошибки, которыя свойственны только недостаткамъ дѣйствія какого-нибудь органа зрѣнія. Поэтому мнѣ представляется правильнымъ заключить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ какою-нибудь безсознательною способностью нашего мозга, не нуждающеюся ни въ какомъ органѣ, но со способностью *сознательною, нуждающеюся въ какомъ-нибудь органѣ зрѣнія.* Но какъ наша сознательная дѣятельность и сознательное отправленіе нашихъ обычныхъ органовъ зрѣнія, при данныхъ условіяхъ, устранены, а фактъ зрѣнія на лицо, то представляется основаніе предположить, что въ данномъ случаѣ проявляется посторонняя *сознательная* дѣятельность, при-

надлежащая какому либо иному организму, т. е. организму нашего трансцендентальнаго субъекта.

Пойдемъ далѣе и мы найдемъ другіе случаи, гдѣ „периферія“ уже ие представляетъ препятствія къ проницанію зрѣнія. Такъ проф. Геръ пробовалъ брать карты, „вынутыя на-угадъ изъ колоды, и класть ихъ позади медіума и самого себя, такъ что названіе карты не могло быть извѣстно ни одному смертному; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ назывались правильно, въ другихъ, съ перемѣною сообщающейся личности, это не удавалось“ (см. Hare. Experimental Investigation, § 112, стр. 33).

Г. Капронъ, авторъ книги „Modern Spiritualism“, разсказываетъ слѣдующее объ одномъ изъ своихъ первыхъ спиритическихъ опытовъ: „Другой разъ, будучи вмѣстѣ съ Исаакомъ Постомъ изъ Рочестера, я попробовалъ сдѣлать такой опытъ: я взялъ изъ коробки въ кулакъ нѣсколько маленькихъ раковинъ и нотребовалъ, чтобы было указано ихъ число. Указали правильно. Такъ какъ я зналъ, сколько было раковинокъ въ моей рукѣ, то я продѣлалъ опытъ иначе, чтобъ устранить возможность всякаго при этомъ участія моего сознанія. Я захватывалъ цѣлую пригоршню раковинъ, не зная ихъ числа, и отвѣты все-таки получались правильные. Тогда я попросилъ г. Поста, который сидѣлъ рядомъ со мной, опустить свою руку въ коробку, взять оттуда нѣсколько раковиинъ безъ счета и положить ихъ въ мою руку, которую я тотчасъ же сжалъ и сталъ держать такъ, чтобы никто не могъ ее видѣть. Число раковинокъ продолжало указываться совершенно вѣрно. Мы повторили эти опыты еще нѣсколько разъ и отвѣты получались всегда безъ малѣйшей ошибки“ (стр. 75).

Здѣсь, по теоріи г. Гартмана, то передача мыслей, то вслѣдъ затѣмъ скачокъ въ абсолютное.

Вотъ опытъ г. Крукса:

„Одна дама писала автоматически посредствомъ планшетки. Я желалъ имѣть доказательство того, что писавшееся ею не было дѣломъ безсознательной церебраціи или какой иной дѣятельности мозга. Планшетка, по обыкновенію, настаивала на

томъ, что хотя она и приводится въ движеніе рукою дамы, но проявляемая разумность принадлежитъ невидимому существу, для котораго ея мозгъ все равно, что музыкальный инструментъ, посредствомъ коего ея мышцы и приводятся въ движеніе. Я обратился къ этой разумной силѣ такъ: „Можете вы видѣть находящееся въ этой комнатѣ?“—„Да“, отвѣтила планшетка.—„Видите ли эту газету и можете ли ее читать?“ спросилъ я, положивъ при этомъ мой палецъ па экземпляръ Таймса, лежавшій на столѣ позади меня, но не глядѣвши на него. — „Да“, отвѣтила планшетка. — „Хорошо, сказалъ я, если такъ, то напишите слово, которое теперь прикрыто моимъ пальцемъ, и я вамъ повѣрю“. Планшетка пришла въ движеніе. Медленно и съ большимъ трудомъ было написано слово „однакоже“. Я обернулся и увидалъ, что слово „однакоже“ было накрыто концомъ моего пальца. Я умышленно избѣгалъ смотрѣть на газету, когда продѣлывалъ этотъ опытъ, а для дамы не было никакой возможности, еслибъ даже она и пыталась прочесть хотя единое печатное слово, ибо она сидѣла за однимъ столомъ, а газета лежала на другомъ, который загораживался моимъ тѣломъ“. („Ps. St.“ 1874 года, стр. 200).

Опыты Эглинтона съ написаніемъ заданной на-угадъ строчки изъ указанной закрытой книги — извѣстны.

Первые опыты этого рода были продѣланы въ 1873 году медіумомъ М. А. Oxon'омъ, о которомъ мы не разъ уже упоминали. Они предпочтительнѣе всѣхъ прочихъ, какъ продѣланные въ интимномъ, домашнемъ кружкѣ съ цѣлью собственнаго убѣжденія. Вотъ что мы читаемъ въ „Спиритуалистѣ“ 1873 г., стр. 293 (См. также „Spirit Identity by M. A. Oxon, стр. 79):

„22 мая 1873 года медіумъ имѣлъ слѣдующій сеансъ, причемъ онъ самъ писалъ вопросы, а отвѣты получались тѣмъ способомъ, который проф. Карпентеръ назвалъ бы безсознательной церебраціей, управляющей движеніями руки.

— *Можете ли вы читать?*

— Нѣтъ, другъ, не могу, но Захаріи Греї и Р. могутъ. Я не въ состояніи матеріализоваться и управлять элементами.

— *Здѣсь ли кто нибудь изъ нихъ?*

— Я одного изъ нихъ приведу. Р. здѣсь.

— *Мнѣ сказали, что вы можете читать. Такъ ли это? Можете ли читать книгу?*

(Почеркъ измѣняется). Да, другъ, но съ затрудненіемъ.

— *Не согласитесь ли вы написать для меня послѣднюю строчку первой книги Энеиды?*

— Подождите... — „*Omnibus errantem terris et fluctibus aetas*“.

— *Совершенно вѣрно. Но я могъ знать это. Можете ли вы пойти къ полкамъ, взять предпослѣднюю книгу на второй полкѣ и прочесть мнѣ послѣдній параграфъ девяносто четвертой страницы? Я не видалъ этой книги, не знаю даже ея заглавія.*

„Я докажу краткимъ историческимъ разсказомъ, что папство — нововведеніе, постепенно возникавшее и развивавшееся послѣ первыхъ временъ чистаго христіанства“...

По справкѣ, книга оказалась весьма курьезной, подъ заглавіемъ *Rogers Antipopopriestian.*

Указанное выше мѣсто было приведено вѣрно, исключая одного слова, вмѣсто „разсказъ“, въ книгѣ стоитъ слово „отчетъ“.

— *Какъ это я попалъ на такое подходящее изреченіе?*

— Не знаю, это было совпаденіе; слово измѣнено по ошибкѣ. Я замѣтилъ, когда это произошло, но не хотѣлъ поправлять.

— *Какимъ образомъ вы читаете? Вы писали медленнѣе, порывисто и съ остановками.*

— Я писалъ то, что я запоминалъ, и затѣмъ читалъ далѣе. Такое чтеніе требуетъ особеннаго усилія, и полезно только какъ доказательство. Вашъ другъ былъ вчера правъ: мы можемъ читать, но только когда условія хороши. Будемъ опять читать и писать, и потомъ скажемъ вамъ, изъ какой это книги (и рукою медіума было написано): „Поэтъ, послѣдній великій писатель этой школы поэзіи — поэзіи разума, или вѣрнѣе разума, соединеннаго съ фантазіей“. Это написано вѣрно. Идите и возьмите одиннадцатую книжку на той же полкѣ. Она откроется вамъ на требуемой страницѣ, прочтите и уразумѣйте нашу силу и дозволеніе, данное намъ великимъ и

благимъ Богомъ, чтобы доказать вамъ нашу силу надъ веществомъ. Ему подобаетъ слава, аминь.

„Я взялъ указанную книгу, заглавіе которой было: „Поэзія, романизмъ и риторика“. Открылась она на страницѣ 145 и цитатъ былъ совершенно вѣренъ. Я передъ этимъ въ книгу не заглядывалъ и о содержаніи ея никакого понятія не имѣлъ“.

Здѣсь, какъ мы видимъ, феноменъ зрѣнія безъ посредства глазъ происходитъ при условіяхъ абсолютныхъ; но способность этого зрѣнія, проявляющаяся у того же самаго медіума и на одномъ и томъ же сеансѣ, не всегда одинакова: ея измѣненія соотвѣтствуютъ смѣнѣ проявляющихся разумныхъ силъ, изъ коихъ нѣкоторыя признаютъ за собою эту способность и доказываютъ ее, а другія заявляютъ, что не обладаютъ сю: изъ чего должно заключить, что эта способность не всегда можетъ быть приписываема трансцендентальному субъекту, условія дѣятельности котораго въ данное время оставались одинаковыми. Эта способность зрѣнія сквозь вещество, сквозь непрозрачныя тѣла принадлежитъ, повидимому, судя по извѣстнымъ намъ случаямъ, преимущественно медіумамъ универсальнымъ, т. е. тѣмъ, медіумизмъ которыхъ не ограничивается умственными проявленіями, но обнимаетъ и явленія физическія. „Проникновеніе матеріи“ принадлежитъ этому рода медіумизма и отношенія между этимъ явленіемъ и зрѣніемъ сквозь вещество очевидно. Мои опыты, напр., не дошли до этого, такъ какъ они происходили съ лицами, коихъ медіумическія способности были совершенно элементарны.

Я приписалъ эту способность зрѣнія трансцендентальному субъекту, ибо съ него надо начинать объясненіе, но, какъ мы увидимъ ниже, эта психическая индивидуальность можетъ проявиться или въ состояніи временнаго воплощенія или внѣ его; это будетъ уже вопросъ условій и подробностей.

б) *Знаніе фактовъ безъ посредства обычныхъ чувственныхъ орудій познанія.*

Здѣсь я могу упомянуть объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ случаевъ на моихъ домашнихъ сеансахъ — въ томъ самомъ кружкѣ изъ трехъ лицъ, гдѣ былъ продѣланъ упомя-

нутый выше опытъ зрѣнія безъ глазъ. Это тотъ самый кружокъ, въ которомъ я получалъ сообщенія, напечатанныя мною въ „Ps. St.“ подъ заглавіемъ: „Изъ личнаго опыта. Филологическія загадки, заданныя медіумически“ (1883 г., стр. 547, 1884, стр. 1, 49, 153, 564 и 1885 г., стр. 49). Г. Гартманъ два раза цитировалъ эти опыты; тѣмъ болѣе для меня нѣтъ повода говорить о нихъ; но я займусь только послѣднимъ, представляющимъ исключительную особенность. Такъ какъ этотъ опытъ мой единственный въ этомъ родѣ и я придаю ему особенное значеніе, то я долженъ воспроизвести его здѣсь со всѣми подробностями. (См. „Матеріалы“, стр. 9).

На нашемъ 57-мъ сеансѣ, 10-го февраля 1882 года, столъ пришелъ тотчасъ же въ движеніе. Была потребована русская азбука. Здѣсь надо сказать, что на 57-мъ сеансѣ мы придумали такой пріемъ, который далъ намъ возможность значительно облегчить и черезъ это расширить наши сообщенія съ невидимымъ собесѣдникомъ. Вмѣсто того, чтобы устно повторять весь алфавитъ для указанія требуемой буквы, я предложилъ употребить картонъ, на одной полорингѣ котораго я наклеилъ русскую, а на другой французскую азбуку; маленькая планшетка (дощечка), положенная на картонъ, служила указкой; картонъ лежалъ на маленькомъ столѣ, а оба медіума, сидя одинъ противъ другого, клали правыя руки на планшетку, которая вскорѣ приходила въ движеніе и указывала требуемыя буквы. Не начиная прямо съ картонной азбуки, мы присаживались къ столику только для того, чтобы убѣдиться болѣе наглядно въ наличности какого-нибудь вліянія, и переходили къ картонной азбукѣ уже послѣ ясно выраженнаго требованія.

Такимъ то образомъ на этомъ сеансѣ была потребована русская азбука. Изъ нѣкоторыхъ фразъ мы узнали того новаго собесѣдника, который проявился на послѣднемъ сеансѣ и никакъ не хотѣлъ себя назвать; его нельзя было не узнать по его остроумнымъ выходкамъ и совершенно особенному способу выражаться. Послѣ нѣсколькихъ русскихъ фразъ, указка перешла прямо на французскій алфавитъ и мнѣ были продиктованы буквы. Не надо забывать, что я медіумически никакого

участія въ сеансѣ не принималъ, что я сидѣлъ за особымъ столомъ и записывалъ буквы, диктуемыя мнѣ другими, но бесѣда велась мною. Вотъ записанныя мною буквы:

„Emekhabaccha“.

— Но въ этомъ нѣтъ никакого смысла.

— Ужели смысла нѣтъ?

— Такихъ словъ нѣтъ на французскомъ языкѣ.

— Кто вамъ сказалъ, что это по-французски?

— Скажите намъ — по каковски же это?

— Не знаете — тѣмъ лучше, а вамъ слѣдовало бы знать; по-русски значить: „долина слезъ“. Это ваше царство.

— Это какая-нибудь новая мистификація?

— Можетъ провѣрить меня, кто знаетъ по-еврейски.

— Такъ это по-еврейски?

— Да.

— Сложите то же слово русскими буквами.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что медіумы, диктовавшіе мнѣ буквы, не видя въ нихъ никакого смысла, не могли бы, разумѣется, повторить ихъ, а записаннаго мною они не видали; тѣмъ не менѣе было продиктовано совершенно правильно: „емекхабакка“.

— Скажите мнѣ первое слово.

— Емек.

— Откуда эти слова?

— Это очень извѣстное изрѣченіе одного португальскаго врача еврея.

— Можете сказать мнѣ его имя?

— Кажется Сардовій!

— Никогда не слыхалъ.

— Очень жаль.

Тутъ возникло длинное философское собесѣдованіе, которое воспроизводить здѣсь излишне. Сеансъ былъ на нѣсколько минутъ ирерванъ для чая; я воспользовался этимъ временемъ, чтобы разыскать въ еврейскомъ словарѣ сообщенныя еврейскія слова. Лѣтъ тридцать тому назадъ я нѣсколько занимался

еврейскимъ языкомъ, такъ что могу навести справку въ словарѣ, и я нашелъ при корнѣ „бака“ („плакалъ“) и выраженіе „эмек-хабака“ („долина плача“). Я узналъ изъ словаря, что это выраженіе встрѣчается въ Ветхомъ Завѣтѣ всего одинъ разъ и именно въ 83 псалмѣ, ст. 7. Оно было мнѣ совершенно незнакомо, тѣмъ болѣе, что мои занятія еврейскимъ языкомъ ограничивались первой главой книги Бытія и первыми десятью псалмами. Такимъ образомъ, цитатъ оказался вѣрнымъ, только латинское правописаніе его должно быть не „habaccha“, а „habbaca“.

Что касается имени Сардовія, то я въ своихъ біографическихъ словаряхъ его не нашелъ. Оба эти результата моихъ справокъ, одинъ утвердительный, другой отрицательный, были, разумѣется, сообщены моему маленькому обществу покуда оно занималось чаепитіемъ; покончивъ съ нимъ, мы опять принялись за сеансъ. Медіумы усѣлись за столикъ еще до моего прихода и въ ту же минуту, едва они положили руки на планшетку, имъ было сказано по-русски:

— Посмотрите-ка въ словарѣ *B. Cardosio* (при этомъ словѣ указка перешла на латинскую азбуку).

Въ эту минуту я вошелъ и мнѣ передали сообщенное.

Я присѣлъ и сказалъ:

— Я сейчасъ справлялся — еврейскій цитатъ вѣренъ.

— Знаю, что вѣренъ и что справлялись; я вспомнилъ, что онъ не Сардовій, а Кардовій (и переходя на латинскую азбуку, указка показываетъ): — *Cardosiob*, Кардозій — все сбиваюсь.

— Что значитъ *b*?

— Его имя—*B. Cardosio*. Очень извѣстный въ свое время ученый врачъ.

— Но какое же это имѣетъ отношеніе къ еврейскимъ словамъ?

— Знаменитое мотто.

Тутъ разговоръ опять перешелъ на философскую почву. Чтобы дать понятіе о діалектикѣ нашего собесѣдника, я приведу здѣсь нѣкоторые изъ его отвѣтовъ. Я спросилъ:

— Не можете ли вы намъ сказать, въ какой формѣ вы обрѣтаетесь?

— Пониманіе сущности формы — ваша ахиллесова пята.

— Я не спрашиваю про сущность, а про форму.

— Да что, по вашему, форма? вотъ, по моему, и спросить нельзя — живетъ или находится что-либо въ формѣ, ибо форма понятіе необходимое тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о какомъ-либо бытіи.

— Я и не спрашиваю, находитесь ли вы въ формѣ, а въ какой именно?

— Стало быть вы спрашиваете о сущности формы, потому что я сказалъ, что форма одно понятіе, и вы согласились.

Тутъ возникъ оживленный разговоръ между мною и проф. Бутлеровымъ (который на этотъ разъ присутствовалъ при сеансѣ); я обвинялъ нашего собесѣдника въ увертливости отъ прямого отвѣта. Планшетка пришла въ движеніе:

— Вникайте, я утверждаю, что форма есть понятіе — это разъ. Потомъ форма нужна для насъ, какъ понятіе, всюду тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о чемъ бы то ни было существующемъ; и наконецъ, всякому бытію соотвѣтствуютъ свои понятія, въ томъ числѣ и представленіе о формѣ, или, какъ сказалъ бы философъ, о явленіи.

Этотъ странный собесѣдникъ всегда выражался иронически, почти съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ нашимъ сеансамъ; онъ особенно насмѣхался надъ нашими стараніями добиваться доказательствъ самоличности духа, утверждая, что это вещь недоказуемая. Въ нашихъ съ нимъ философскихъ преніяхъ онъ всегда имѣлъ верхъ надъ нами, поражалъ насъ своей діалектикой, полной философскаго смысла и, въ то же время, сарказма. Посѣтивъ насъ разъ двадцать, причемъ онъ, каждый разъ высказывалъ надежду, что мы поумнѣемъ, онъ, наконецъ,ересталъ и являться, мотивируя это тѣмъ, что мы не умѣемъ говорить съ нимъ — въ чемъ онъ и былъ правъ.

По окончаніи сеанса я поспѣшилъ опять справиться въ словаряхъ и на этотъ разъ справки оказались успѣшны. Въ „Nouvelle biographie universelle“, изданной Дидо въ 46 томахъ, я нашелъ слѣдующее:

„Cardoso (Fernando), португальскій врачъ, родившійся въ началѣ XVII столѣтія, умершій во второй его половинѣ. Соб-

ственно Силорико отчизна этого страннаго человѣка, который пріобрѣлъ себѣ большую славу какъ врачъ, начиная съ 1630 г. Онъ переселился въ Испанію, въ Мадридъ, и пользовался тамъ званіемъ Phisico Major (старшаго врача). По-истинѣ было замѣчательно въ жизни этого человѣка, что, будучи воспитанъ въ христіанской религіи, онъ отъ нея отрекся, чтобы перейти въ лоно іудейства, котораго сталъ горячимъ ревнителемъ“... и проч.

И такъ на этотъ разъ нашъ собесѣдникъ „приномнилъ“ хорошо. Фамилія и характерныя черты вѣрны, только имя не *B.*; но это не особенно важно. Что касается мотто, дѣйствительно ли оно принадлежитъ Кардозо, я выяснить не могъ, ибо для этого надо было справляться въ его сочиненіяхъ, а таковыя въ нашей Публичной Библіотекѣ врядъ ля найдутся. Я объ этомъ и не справлялся. Случай достаточно замѣчателенъ и безъ этой подробности („Ps. St.“ 1885 года, стр. 49—63).

Объясненіе, предложенное г. Гартманомъ для подобнаго факта, состоитъ въ слѣдующемъ: „Можетъ случиться, что у кого-либо изъ присутствующихъ, вслѣдствіе возбужденія интереса въ извѣстномъ направленіи, пробудятся въ скрытомъ сомнамбулическомъ сознаніи воспоминанія о прежде слышанныхъ или видѣнныхъ рѣченіяхъ на чужихъ языкахъ; представленія эти могутъ быть угаданы медіумомъ посредствомъ чтенія мыслей и непроизвольно написаны или указаны посредствомъ стуковъ, причемъ бодрственное сознаніе упомянутаго присутствующаго вовсе не узнаетъ въ иолученномъ результатѣ своихъ собственныхъ восиоминаній“ (стр. 88).

Когда предшествующее было напечатано мною въ „Ps. St.“ въ 1885 году и затѣмъ въ концѣ 1888 года перепечатано въ настоящемъ моемъ сочиненіи (на нѣмецкомъ языкѣ), я могъ смѣло утверждать, что предложенное г. Гартманомъ для подобнаго факта объясненіе нисколько не подходитъ къ данному случаю, такъ какъ никто изъ насъ не слышалъ и не видѣлъ прежде подобнаго еврейскаго изрѣченія. Но какъ разъ, въ декабрѣ 1888 года, когда эта перепечатка была уже окончена мой лейпцигскій секретарь и корректоръ г. Виттихъ надумался

сообщить мнѣ, что загадка Кардозо разгадана, такъ какъ онъ еще въ мартѣ 1885 года случайно прочелъ въ нѣмецкомъ журналѣ „Der Salon“ (6-я тетрадь 1885 года) статью подъ заглавіемъ: „Поэзія поговорокъ и девизовъ“, въ которой между прочимъ упоминалось и мотто „Эмек Хабака“, какъ принадлежавшее ученому португальскому еврейскому врачу Кардозіо, причемъ была сдѣлана ссылка на книгу *Wichmann*'а: „Die Poesie der Sinnsprüche und Devisen“ (Düsseldorf, J. Voss. 1882). Я тотчасъ выписалъ себѣ эту книгу, и дѣйствительно, въ самомъ концѣ ея, на стр. 312—313, я прочелъ слѣдующія строки:

„Возвратимся на землю и закончимъ единственнымъ на еврейскомъ языкѣ мотто ученаго португальскаго еврейскаго врача B. Cardosio:

„Emek habbácha“.
„О, долина слезъ!“

Теперь ясно, что продиктованное намъ мотто было заимствовано изъ этой книги; всѣ подробности тутъ на лицо, особенно доказательно ошибочное имя B. Cardosio, которое было сообщено и намъ вмѣсто правильнаго F. Cardoso, какъ значится въ словарѣ. Поэтому весьма естественно и просто заключить, что это мотто было кѣмъ-нибудь изъ насъ прочитано въ этой книгѣ и затѣмъ на сеансѣ воспроизведено какимъ-бы то ни было дѣйствіемъ сомнамбулическаго сознанія.

Довольно трудно доказать, что кто-нибудь чего-нибудь не читалъ, даже когда никто не можетъ найти источника цитируемой фразы; еще труднѣе сдѣлать это теперь, когда источникъ цитата отысканъ. Тѣмъ не менѣе и утверждать противное не такъ легко, какъ оно кажется съ перваго взгляда. Нашъ сеансъ происходилъ, какъ было сказано, 10 (22) февраля 1882 года; книга издана, какъ на ней значится, въ 1882 году; предположимъ однако, что она вышла еще въ концѣ 1881 года, и появилась въ Петербургѣ вмѣстѣ съ другими новинками къ Рождеству. Слѣдовательно, если книга эта попалась кому-нибудь изъ насъ на глаза, то это могло быть только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ сеансу. А наружный видъ книги

бросается въ глаза: красивый тисненный переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ, каждая страница въ рамкѣ и весь текстъ испещренъ короткими цитатами, отдѣльно, другимъ шрифтомъ напечатанными. Заглянувъ однажды въ книгу, трудно совсѣмъ о ней забыть въ теченіе двухъ мѣсяцевъ — забыть до такой степени, что никто изъ насъ не вспомнилъ даже, что видѣлъ какую-то книгу, содержавшую различныя мотто, и не подумалъ поискать тамъ столь заинтриговавшее насъ изрѣченіе! Я самъ, будучи нѣсколько библіоманомъ, даже и не подозрѣвалъ тогда существованія подобныхъ сборниковъ девизовъ. Получивъ книгу, моимъ первымъ дѣломъ было показать ее моимъ двумъ медіумамъ; они заявили, что никогда ея не видали; проф. Бутлеровъ, присутствовавшій на этомъ сеансѣ, не премнулъ бы, разумѣется, упомянуть объ этомъ источникѣ, еслибъ за послѣдніе два мѣсяца видѣлъ что-нибудь подобное. Но, какъ сейчасъ узнаемъ изъ послѣдующаго, присутствіе г. Бутлерова и не имѣло значенія для даннаго случая. Только нѣсколько лѣтъ спустя, прочитавъ гдѣ-то объявленіе о книгѣ: „Büchmann, Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des Deutschen Volkes. 1882“, я тотчасъ ее выписалъ, чтобы поискать въ ней латинскія, греческія, итальянскія цитаты, полученныя на нашихъ сеансахъ. Но я въ ней ничего не нашелъ. Случилось такъ, что о книгѣ Вихмана я какъ разъ до этого времени не слыхалъ.

Но книга на лицо. Слѣдовательно, надо предположить, что кто-нибудь изъ насъ ее видѣлъ, машинально открылъ на страницѣ 312—13 и затѣмъ немедленно и совершенно позабылъ о ней; но машинальный взглядъ не поясняетъ дѣла; слова *эмек хабакка* не изъ тѣхъ, которыя невольно запоминаешь; они ничего не говорятъ сознанію, надо ихъ прочитать и перечитать, чтобы запомнить, а затѣмъ прочитать и значеніе ихъ, и еще *на другой страницѣ* объ ихъ историческомъ происхожденіи съ весьма опредѣленными подробностями. Тутъ мимолетнаго взгляда недостаточно, — требуется сознательное чтеніе; итакъ, новое затрудненіе для гипотезы безсознательнаго воспроизведенія.

Но вотъ что еще курьезнѣе. Получивъ книгу, я, весьма естественно, пожелалъ посмотрѣть, нѣтъ ли въ ней еще какихъ

„изрѣченій“ изъ числа сообщенныхъ на нашихъ сеансахъ. Такъ какъ въ книгѣ указателя нѣтъ, я перелисталъ ее страницу за страницей; мой трудъ не пропалъ даромъ; къ крайнему удивленію, на страницѣ 62 я нашелъ еще два мотто, которыя, — я тотчасъ это вспомнилъ, — были намъ продиктованы нашимъ таинственнымъ собесѣдникомъ. Прежде всего приведу здѣсь эти мѣста, какъ они находятся въ книжкѣ:

„Позднѣе изъ имени этого папы (Григорій XIII) былъ составленъ соотвѣтствующій девизъ: Драконъ съ леммою

Γρεγορει

Бодрствую.

„Игра словъ съ именемъ папы“.

„Основанная во Флоренціи въ 1584 году съ цѣлью очищенія итальянскаго языка academia della Crusca, намекая на слово „Crusca“ (мука), взяла для своего девиза сито со слѣдующимъ мотто:

„Il piu bel fior ne coglie“.

„Такъ остается тончайшее“.

А вотъ что я нахожу въ своихъ запискахъ. На сеансѣ 3 марта 1882 года, на которомъ нашъ собесѣдникъ проявился опять, я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы спросить его, какой былъ разумный поводъ для подобнаго еврейскаго цитата? Онъ отвѣтилъ:

— Есть самый непосредственный. Я нарочно спросилъ о пожарѣ [1]), думалъ, къ чему вамъ это? Но видѣлъ, что вы на этомъ выводите что-то, вотъ я и подумалъ: какъ плачевна жизнь ваша, какими средствами ничтожной убѣдительности вы владѣете; вмѣстѣ хотѣлъ поразить тѣмъ же.

И когда мы толковали о значеніи послѣднихъ словъ, онъ продолжалъ:

— Тутъ у насъ видно, что у васъ сокрыто. *Il piu bel fior ne coglie.*

— Къ чему эта итальянская рѣчь?

[1]) Это относится къ одной изъ мистификацій на нашихъ сеансахъ.

— Тончайшее переживаетъ.

— Это дополненіе, что ли, къ итальянскому?

— Вы должны довольствоваться вашей тѣлесной темницей; мы лучшій цвѣтъ.

— Хорошо, перейдемъ теперь къ философіи.

Тутъ русскими буквами было продиктовано:

— *Грегореи.*

— Это по каковски?

— По-гречески.

— Что же это значитъ?

— Это совѣтъ вамъ всѣмъ, ибо не вѣдаете ни дня, ни часа, а надо приготовляться.

— Таково значеніе слова грегореи?

— Да, *custodite.*

Послѣ того мы перешли къ философскимъ вопросамъ, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто. Ни моя свояченица, ни мой пасынокъ (мои медіумы) не знаютъ по-итальянски; фраза была указана по французскому алфавиту, безъ малѣйшей ошибки; она значитъ: „срываетъ самый лучшій цвѣтъ“. Греческое слово было неизвѣстно моему пасынку, который учился греческому языку въ гимназіи; въ словарѣ греческихъ конкорданцій я нашелъ только нѣсколько разъ „*грегореите*“, переданное въ латинскихъ переводахъ словомъ „*vigilate*“.

На слѣдующемъ сеансѣ 10 марта проявился опять тотъ же собесѣдникъ и я спросилъ его:

— Скажите мнѣ грамматическую форму греческаго слова на послѣднемъ сеансѣ?

— Второе лицо повелительнаго, единственнаго числа.

— А латинскаго слова?

— Множественнаго.

— Зачѣмъ эта разница?

— Не все ли равно?

— Удивляюсь, ибо въ Новомъ Завѣтѣ всѣ повелительныя этого глагола во множественіомъ?

— На одномъ гербѣ читалъ.

— Вы по-гречески знаете хорошо?

— Плохо.
— Однакожъ вы даете грамматическій анализъ?
— Развѣ это хорошо? можно хуже знать!
— А по-латыни знаете хорошо?
— Да.
— А по-итальянски?
— Нѣтъ.
— Откуда цитата?
— Кажется, Тассо.
— А по-еврейски знаете?
— Нѣтъ.
— Однако цитируете?
— Мало ли что помнится, а по-еврейски все-таки не знаю.

Позднѣе мой пасынокъ подтвердилъ мнѣ, что это было дѣйствительно второе лицо единственнаго числа повелительнаго наклоненія и слова *грегореин* значитъ *бодрствовать*, слѣдовательно продиктованное слово значитъ *бодрствуй*.

Теперь еще болѣе очевидно, что источникомъ этихъ трехъ мотто послужила книга Вихмана. Невозможно избѣгнуть этого заключенія. Но съ другой стороны становится еще труднѣе предположить, чтобы кто-нибудь изъ насъ трехъ (проф. Бутлеровъ не присутствовалъ на этихъ послѣднихъ сеансахъ, изъ чего ясно, что и еврейскій цитатъ на нервомъ не можетъ быть приписанъ его присутствію) имѣлъ въ рукахъ книгу Вихмана, прочелъ бы машинально эти три мотто, а потомъ, спустя нѣсколько недѣль, а можетъ быть и дней, воспроизвелъ бы ихъ на сеансахъ, вполнѣ забывъ, что видѣлъ эту книгу. Это не то, что одно слово, одна строчка на языкѣ извѣстномъ, которыя внезапно и безсознательно отпечатались бы въ нашемъ мозгу. Три мотто на трехъ различныхъ страницахъ, на трехъ различныхъ языкахъ, неизвѣстныхъ обоимъ медіумамъ, съ соотвѣтствующими переводами ихъ смысла, не удерживаются машинально и моментально въ такой степени, чтобъ не оставить въ нормальномъ сознаніи ни малѣйшаго слѣда, даже и на такой короткій срокъ, какъ нѣсколько недѣль. Подобное объясненіе

сводится къ тому, что безсознательная память могла продѣлать такую штуку въ то время, какъ сознательная не сохранила даже смутнаго воспоминанія о существованіи книги, съ содержаніемъ которой безсознательная память такъ хорошо познакомилась. Я говорю „познакомилась“, ибо нельзя разумно допустить, что книга была раскрыта только на трехъ страницахъ и что взоръ упалъ лишь на эти три мотто. Такая вещь совершенно невозможна.

Но это еще не единственное затрудненіе. Что тутъ нѣчто болѣе, чѣмъ безсознательное впечатлѣніе, это явствуетъ изъ слѣдующихъ соображеній. Первое данное имя было *Сардовій*, послѣ чего сеансъ былъ прерванъ для чаю и справокъ; какъ только сеансъ возобновился, сложилось имя *B. Cardosio*, точь въ точь какъ у Вихмана, а нѣсколько минутъ спустя *Кардовій*, потомъ *Кардозій*, и наконецъ опять настоящее—*B. Cardosio*. Спрашивается, какимъ камертономъ руководствовалась безсознательная память, чтобы выбирать между варіантами имени? И далѣе: слово *грегореи* не переведено „*бодрствую*“, какъ у Вихмана, что неправильно по грамматикѣ, но словомъ „*custodite*“, что имѣетъ другое значеніе и грамматическую форму болѣе правильную. Когда я настаивалъ на происхожденіи слова *грегореи*, нашъ невѣдомый собесѣдникъ не сказалъ, что это девизъ папы Григорія XIII, но отвѣтилъ парафразисомъ: „я ирочелъ это на гербѣ“, что одно и то же по смыслу. Слѣдовательно, нельзя видѣть во всемъ этомъ безсознательнаго воспроизведенія безсознательныхъ впечатлѣній.

Другое соображеніе. Зачѣмъ вмѣсто уклончиваго отвѣта: „я прочелъ на гербѣ“, не сказать по крайней мѣрѣ: „я прочелъ въ книгѣ девизовъ?“ Зачѣмъ, на мой вопросъ о происхожденіи итальянскаго цитата, указать на Тассо, а не настоящій источникъ? И зачѣмъ, когда я добивался узнать происхожденіе еврейскаго изрѣченія, отвѣтить, что это дѣло памяти, а не назвать прямо нѣмецкую книгу? Есть полное основаніе для предположенія, что личность — или безсознательная память медіума, или иной любой факторъ — диктовавшій намъ эти мотто, очень хорошо зналъ источникъ, изъ котораго онъ почерпалъ ихъ, по

что ради мистификаціи, или чтобъ „насъ удивить“, не хотѣлъ открыть этого.

Итакъ, тайна состоитъ въ томъ: какимъ способомъ мозгъ медіумовъ находился въ сообщеніи съ содержаніемъ книги? Чтобъ это произошло путемъ естественнымъ — непосредственнымъ чтеніемъ — я этого допустить не могу. Я имѣю полное основаніе предположить путь оккультный. Мнѣ кажется, что этотъ случай всего болѣе подходитъ къ случаямъ чтенія въ закрытыхъ книгахъ, упомянутыхъ мною выше. Припадокъ сомнамбулизма могъ бы объяснить этотъ фактъ, еслибъ книга находилась въ домѣ и еслибъ припадокъ сомнамбулизма былъ на лицо; но не было ни того, ни другого. Чтеніе это или передача мыслей? Можетъ быть. Но у кого и черезъ кого— вотъ въ чемъ вопросъ, и онъ останется, я опасаюсь, безъ отвѣта. Съ моей точки зрѣнія загадка не разгадана и случай остается столь же поучительнымъ, сколь и таинственнымъ. Абсолютныя доказательства всегда трудны. Теперь, когда книга на лицо, легко настаивать на предпочтительствѣ разгадокъ самыхъ простыхъ; но мы—участники сеанса—остаемся при полномъ и глубокомъ убѣжденіи, что источникъ познаванія находился внѣ нашего тогдашняго умственнаго содержанія.

Могу упомянуть здѣсь еще о такомъ случаѣ, бывшемъ на тѣхъ же нашихъ сеансахъ. Невидимымъ собесѣдникомъ нашимъ на этотъ разъ былъ знатокъ латинскаго и греческаго языковъ. Послѣ разныхъ сообщеній на латинскомъ языкѣ, я попросилъ его сказать намъ что-нибудь по-гречески; онъ потребовалъ греческую азбуку, и пасынокъ мой, учившійся по-гречески въ гимназіи, сталъ ее говорить; такимъ путемъ сложилась слѣдующая фраза.

σωματα αντρωπων δικαια εισι.

Я въ греческомъ не свѣдущъ вовсе, свояченица моя и подавно, пасынокъ же мой при помощи своихъ знаній не могъ объяснить этого изрѣченія. Понять первыя два слова „сомата антропонъ“, было не трудно, это значитъ: „тѣла людей“. Третье и четвертое слово: „дикайа ейси“—означали въ общеупотребительномъ смыслѣ: „справедливы суть“. Но какой же смыслъ

въ томъ, что „тѣла людей суть справедливы“. Вотъ въ этой то тонкости вся загадка. Пасынокъ мой справлялся въ томъ словарѣ, по которому учился въ гимназіи, и другого значенія для слова тамъ не нашелъ, а другихъ греческихъ словарей онъ никогда въ рукахъ не имѣлъ. Я обращался ко многимъ знатокамъ греческаго языка и они не могли понять смысла этой фразы, покуда справки въ обширныхъ греческихъ словаряхъ не разъяснили, въ чемъ дѣло. Это оказалось спеціальнымъ выраженіемъ, принадлежащимъ Ипократу. Откуда же наши мозги почерпнули его? Загадку я напечаталъ въ „Ps. St.“ 1884 года, стр. 5, а разгадку въ нѣмецкомъ изданіи этого отвѣта, стр. 494, куда и отсылаю интересующихся.

в) *Сообщенія, извѣщающія о совершеніи какихъ-либо событій, неизвѣстныхъ участникамъ сеанса, и гдѣ объясненіе посредствомъ передачи мыслей, въ силу самихъ условій сообщенія, недопустимо.*

Извѣщенія о смерти всего чаще встрѣчаются въ случаяхъ этого рода. Вотъ одинъ изъ нихъ, мнѣ лично извѣстный. 7-го января 1887 года меня посѣтилъ полковникъ Кайгородовъ, живущій въ Вильнѣ, и сообщилъ мнѣ о слѣдующемъ фактѣ. У гувернантки его дѣтей, швейцарки изъ Нёвшателя, г. Эммы Штрамъ, проявилась способность къ автоматическому писанію. На сеансѣ, происходившемъ 3 (15) января, послѣ 9-ти часовъ вечера, въ домѣ полковника, въ Вильнѣ, получилось въ его присутствіи на французскомъ языкѣ сообщеніе, которое я цитирую здѣсь по доставленной мнѣ копіи съ оригинала. Медіумъ, будучи въ нормальномъ состояніи, спросилъ:

— Здѣсь ли Лидія? (личность, проявлявшаяся на предшествовавшихъ сеансахъ).

— Нѣтъ, Луи [1]) здѣсь и хочетъ сообщить сестрѣ своей новость.

— Что такое?

— Одинъ твой знакомый отправился сегодня въ три часа.

---

[1]) Имя покойнаго брата медіума, обыкновенно проявлявшагося на сеансахъ г-жи Штрамъ.

— Какъ понять это?

— Это значитъ—умеръ!

— Кто же это?

— Огюстъ Дюванель.

— Отъ какой болѣзни?

— Отъ кровоизліянія (engorgement de sang), молись объ упокоеніи души его.

Двѣ недѣли спустя г. Кайгородовъ, будучи опять въ Петербургѣ, показалъ мнѣ письмо отца медіума, г. Давида Штрама, изъ Нёвшателя, помѣченное 18 января 1887 года (нов. ст.), *слѣдовательно, писанное три дня послѣ смерти Дюванеля* и полученное въ Вильнѣ 11 (23) января, въ которомъ отецъ извѣщаетъ дочь свою объ этомъ событіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Я перевожу буквально изъ подлинника:

„Любезная дочь!“

„...Теперь я хочу сообщить тебѣ большую новость: Огюстъ Дюванель умеръ 15 января въ 3 часа пополудни. Его смерть была почти внезапна, такъ какъ онъ былъ боленъ всего нѣсколько часовъ; съ нимъ сдѣлалось кровоизліяніе (engorgement de sang), когда онъ былъ въ банкѣ. Онъ очень мало говорилъ, и послѣднія слова его были о тебѣ; онъ поручаетъ себя твоимъ молитвамъ“.

Виленское время на часъ впередъ противъ швейцарскаго. Слѣдовательно, въ Вильнѣ было 4 часа дня, когда послѣдовала смерть Дюванеля въ Швейцаріи, а пять часовъ спустя извѣстіе о ней было получено автоматическимъ письмомъ.

Но кто же былъ Дюванель? Почему извѣстіе о его смерти могло быть большою новостью для Эммы Штрамъ? Вотъ свѣдѣнія, доставленныя мнѣ г. Кайгородовымъ на мои разспросы. Когда г-жа Штрамъ находилась еще въ Нёвшателѣ съ своими родителями, Дюванель просилъ ея руки; но онъ встрѣтилъ со стороны молодой дѣвушки самый положительный отказъ, а такъ какъ ея родители, напротивъ, желали этого брака и уговаривали ее, она рѣшилась покинуть отечество и искать мѣста гувернантки. Послѣднее ея свиданіе съ Дюванелемъ происхо-

дило за нѣсколько дней до ея отъѣзда изъ Швейцаріи въ 1881 году; въ перепискѣ съ нимъ она не была; семейство его она видѣла всего раза два или три. Годъ спустя послѣ ея отъѣзда онъ уѣхалъ изъ Нёвшателя и проживалъ до смерти своей въ Цюрихскомъ кантонѣ.

Посмотримъ теперь на объясненіе этого случая по Гартману. Что это не была передача мыслей самого Дюванеля, это ясно изъ того, что самъ передатчикъ во время сеанса, по понятіямъ г. Гартмана, болѣе не существовалъ. Но, быть можетъ, это была невольная и безсознательная передача со стороны друзей покойнаго? Мы находимъ этихъ друзей только въ лицѣ родителей г-жи Штрамъ, ибо въ этомъ случаѣ только между ними и ею можно искать эту „душевную связь“; но г. Гартманъ говоритъ: „бѣда при этомъ въ томъ, что, по имѣющимся опытамъ, слова и мысли не передаются на далекія разстоянія, а передаются только наглядныя и возможно живыя галлюцинаціи“ (стр. 144). Слѣдовательно, передача мыслей не объясняетъ дѣла.

Остается одинъ выходъ — ясновидѣніе: „Если всѣ индивидуумы высшаго и низшаго порядка коренятся въ абсолютѣ, то въ немъ и лежитъ ихъ взаимная связь между собою; нужно только, чтобы сильный интересъ воли установилъ въ абсолютѣ соотношеніе или, такъ сказать, телефонное соединеніе между индивидуумами, чтобы сдѣлать возможнымъ духовное, безсознательное общеніе между ними безъ прямого посредства чувствъ“ (стр. 99). Это объясненіе здѣсь къ дѣлу не идетъ по той простой причинѣ, что между Дюванелемъ и Эммой Штрамъ не было никакой симпатической связи; если же предположить, что сообщеніе было произведено сильнымъ интересомъ воли *со стороны одного Дюванеля*, то эта „связь“ могла бы быть установлена только за нѣсколько моментовъ *до его смерти* и должна была бы выразиться *тогда же* какимъ-нибудь проявленіемъ двойного зрѣнія со стороны медіума; но ничего подобнаго не было.

Вотъ еще опредѣленіе ясновидѣнія, обнимающее ни болѣе ни менѣе какъ все содержаніе вѣчности: „Всезнаніе абсолют-

наго духа охватываетъ въ настоящемъ мірозданія какъ будущее, такъ и прошедшее, а потому индивидуумъ, благодаря напряженному интересу воли, можетъ безсознательно черпать изъ безсознательнаго знанія абсолютнаго духа частности будущихъ происшествій; точно такъ же, какъ и частности того, что происходитъ въ мірозданіи, хотя бы то и въ отдаленныхъ мѣстахъ“ (стр. 99). И это объясненіе не идетъ къ дѣлу, ибо все-таки въ данномъ случаѣ не достаетъ главнаго условія—„напряженнаго интереса воли“ со стороны другого индивидуума, т. е. оставшагося въ живыхъ. Когда медіумъ приступилъ къ сеансу, его интересъ былъ на обычномъ уровнѣ, не было никакого мотива, никакого повода, чтобъ сдѣлать его „напряженнымъ“. И, кромѣ того, мы знаемъ, что не только г-жа Штрамъ не имѣла никакой симпатіи къ Дювапелю, но, напротивъ, имѣла къ нему скорѣй антипатію; слѣдовательно, никакой интересъ не напрягалъ ея воли въ этомъ направленіи. И наконецъ „бѣда въ этомъ та“, что, по мнѣнію г. Гартмана, „чистое ясновидѣніе является всегда въ галлюцинаторномъ видѣ, и нерѣдко одѣтымъ въ символическій образъ“ (стр. 87). Ничего подобнаго въ разбираемомъ случаѣ. Медіумъ находится въ нормальномъ состояніи; сообщеніе получается письмомъ, совершенно прозаическое, простое и точное, безъ всякаго символизма.

Теорія г. Гартмана сводится къ слѣдующему: покуда медіумъ получаетъ сообщеніе отъ своего брата Луи, и Луи говоритъ ему про А. Б. В. и т. д.—все это игра сомнамбулическаго сознанія медіума; но вотъ Луи сообщаетъ ему о внезапной смерти Дювапеля, и медіумъ переходитъ мгновенно въ прямое сношеніе съ абсолютнымъ, съ божественнымъ, съ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ мірозданія! Когда мнѣ предстоитъ выборъ между этимъ метафизическимъ и по-истинѣ сверхъестественнымъ отношеніемъ съ абсолютомъ и отношеніемъ съ Луи — это послѣднее, въ качествѣ гипотезы, представляется болѣе простымъ, болѣе естественнымъ, и я нахожу болѣе раціональнымъ предпочесть его первому.

Этотъ случай со многими послѣдующими подробностями

былъ сообщенъ мною Лондонскому Обществу психическихъ изслѣдованій, въ „Трудахъ“ котораго онъ и напечатанъ (см. часть XVI, стр. 343). Вотъ вкратцѣ эти постепенно добытыя мною подробности, очень сложныя и въ высшей степени интересныя.

Сличая подлинное сообщеніе Луи о смерти Дюванеля съ письмомъ отца Эммы Штрамъ, я былъ пораженъ буквальной тожественностью выраженія *engorgement de sang* вмѣстѣ съ бросающеюся въ глаза неопредѣленностью болѣзни, и просилъ г. Кайгородова, при личномъ съ нимъ свиданіи въ январѣ 1887 года въ Петербургѣ, разъяснить при первомъ удобномъ случаѣ это обстоятельство.

Между тѣмъ выяснилось, что г-жа Штрамъ на другой же день послѣ сеанса 3 (15) января, для провѣрки факта, написала къ сестрѣ, въ Швейцарію, спрашивая ее о Дюванелѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что видѣла во снѣ, что онъ умеръ. На что сестра, не знавшая, что отецъ уже извѣстилъ ее о смерти, и не желая, по нѣкоторымъ причинамъ, сказать правду, отвѣтила, что онъ живъ, но уѣхалъ въ Америку.

Когда г. Кайгородовъ, послѣ шестинедѣльнаго отсутствія, вернулся въ Вильну и узналъ о содержаніи этого отвѣта, противорѣчіе между двумя извѣстіями крайне его озадачило и онъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ спросить Луи, что оно означаетъ? Въ этомъ сеансѣ медіумъ находился въ трансѣ и говорилъ отъ имени Луи. Вотъ отвѣтъ Луи, тутъ же буквально записанный г. Кайгородовымъ:

— Онъ умеръ, но сестра не желала, чтобы она узнала о его смерти, ибо онъ умеръ не отъ „кровоизліянія“, какъ я написалъ. Я не могъ сказать правды, это повредило бы ея здоровью.

— Какъ же и гдѣ онъ умеръ?

— Онъ умеръ въ Цюрихскомъ кантонѣ, и самъ лишилъ себя жизни; она не должна знать этого, ибо если она узнаетъ о его самоубійствѣ, это подѣйствуетъ на ея здоровье. Вы не должны ничего говорить ей, она уже подозрѣваетъ истину.

— Какимъ образомъ случилось, что одно и то же выраже-

ніе *engorgement de sang* находится и въ вашемъ сообщеніи и въ письмѣ отца?

— Это я внушилъ ему это выраженіе.

Нѣсколько дней спустя послѣ сообщенія 3 (15) января, г-жа Штрамъ видѣла Дювanеля во снѣ всего въ крови, и на основаніи этого сна и противорѣчивыхъ извѣстій отца и сестры, она дѣйствительно начинала подозрѣвать истину. Узнала же она ее только осенью 1887 года, во время своей поѣздки въ Швейцарію для свиданія съ родными.

По дальнѣйшимъ, наведеннымъ по моей просьбѣ самымъ точнымъ справкамъ оказалось, что отецъ ея самъ узналъ о смерти Дювanеля только 5 (17) января, стало быть двумя сутками позднѣе сеанса, при случайной встрѣчѣ въ вагонѣ съ братомъ покойнаго, ѣхавшимъ на его похороны въ мѣстечко Цюрихскаго кантона Гиртэ, гдѣ Дювanель проживалъ послѣдніе два года совершенно одинъ, вдали отъ всей своей семьи. Изъ этого слѣдуетъ, что извѣстіе о его смерти никакъ не могло быть результатомъ телепатическаго воздѣйствія со стороны родственниковъ Эммы Штрамъ или Дювanеля.

Остается одинъ выходъ — построить объясненіе этого случая на единственномъ отношеніи, существовавшемъ между медіумомъ и покойнымъ Дювanелемъ, — отношеніи, состоявшемъ въ томъ фактѣ, что *медіумъ зналъ это лицо*. Если этого отношенія достаточно для какой бы то ни было ипотезы, объясняющей этотъ фактъ — тѣмъ лучше; а покуда я *перейду къ фактамъ, гдѣ даже и этого отношенія не существовало.*

Очень хорошій случай этого рода мы находимъ въ добавочныхъ подробностяхъ одного факта, о которомъ мы уже говорили. Я надѣюсь, читатель помнитъ, что дочь судьи Эдмондса, миссъ Лаура, сдѣлавшись медіумомъ, нѣсколько разъ говорила съ грекомъ Эвангелидесомъ на его родномъ языкѣ, которому никогда не училась. Въ помянутомъ выше цитатѣ Эдмондсъ не поясняетъ, чѣмъ именно былъ такъ разстроенъ г. Эвангелидесъ при своемъ разговорѣ съ миссъ Лаурой. Я нахожу эти подробности въ частномъ письмѣ Эдмондса, опубликованномъ лондонскимъ докторомъ Гёллэ, въ журналѣ „Spiritual Maga-

zine“ 1871 года, стр. 239, и воспроизвожу здѣсь цѣликомъ этотъ драгоцѣнный документъ, забытый въ ворохѣ спиритическихъ журналовъ; я позволю себѣ только вставить на должномъ мѣстѣ имя миссъ Лауры, о которой тутъ, очевидно, идетъ рѣчь.

„М. Г.

„Мнѣ очень хочется послѣ нашего свиданія на прошлой недѣлѣ изложить вамъ еще обстоятельнѣе одинъ случай, который, по моему, на столько знаменателенъ, что ему стоитъ пожертвовать и побольше времени.

„Я передавалъ вамъ, что Лаура говорила на разныхъ языкахъ, числомъ до четырнадцати. Позвольте, для примѣра, разсказать о слѣдующемъ случаѣ.

„Одиажды вечеромъ меня посѣтилъ какой-то грекъ и въ скоромъ времени онъ и Лаура стали разговаривать между собой по-гречески; во время этой бесѣды онъ былъ сильно взволнованъ и даже плакалъ. При этомъ было еще отъ шести до семи человѣкъ и одинъ изъ нихъ спросилъ, что именно могло такъ его разстроить? Но онъ уклонился отъ отвѣта, извиняясь тѣмъ, что это касается его домашнихъ дѣлъ.

„На слѣдующій день онъ возобновилъ этотъ разговоръ съ Лаурой и, заставши насъ однихъ, онъ поясинлъ мнѣ, что именно такъ глубоко взволновало его. Онъ передалъ мнѣ, что разговаривавшее съ нимъ черезъ Лауру разумное существо было его близкій пріятель, умершій въ его отечествѣ, въ Греціи, братъ греческаго патріота Марко Боцарриса; онъ ему возвѣстилъ черезъ Лауру о смерти одного изъ его сыновей, оставленнаго имъ въ Греціи передъ отъѣздомъ въ Америку живымъ и здоровымъ.

„Послѣ того онъ былъ у меня еще нѣсколько разъ и дней десять спустя послѣ перваго своего посѣщенія онъ намъ сообщилъ, что онъ только-что получилъ изъ дому письмо, извѣщавшее его о смерти этого сына, — письмо уже бывшее въ пути во время его перваго разговора съ Лаурой.

„Теперь я желаю, чтобы вы мнѣ сказали, куда мнѣ дѣваться съ этимъ фактомъ, что съ нимъ дѣлать? Отрицать его—

это не поможетъ: онъ слишкомъ хорошо удостовѣренъ. Я точно также могъ бы отрицать, что солнце свѣтитъ.

„Утверждать, что это иллюзія — также не поможетъ, ибо по своей наружной формѣ онъ ничѣмъ не отличался отъ всякой другой дѣйствительности, любого момента нашей жизни.

„При этомъ присутствовало отъ восьми до десяти человѣкъ хорошо образованныхъ, умныхъ, толковыхъ и, разумѣется, способныхъ не хуже всякаго другого отличить иллюзію отъ дѣйствительности.

„Не поможетъ и говорить, что это было отраженіе нашихъ родственныхъ умовъ: человѣка этого мы видѣли впервые, только въ этотъ вечеръ онъ былъ намъ представленъ черезъ общаго знакомаго; и какимъ же образомъ наши умы, еслибъ даже они и могли сообщить ему о смерти сына, заставили бы Лауру понимать и говорить по-гречески, когда она даже никогда не слыхивала этого языка?

„И опять я васъ спрашиваю, куда мнѣ дѣваться съ этимъ фактомъ и многими другими ему подобными?...

. . . . . .

„Преданный вамъ“

„Джонъ В. Эдмондсъ.“

Дѣйствительно, фактъ подавляющій! И если гдѣ призывать на помощь ясновидѣніе, такъ именно въ этомъ случаѣ; но увы! всѣ нити рвутся, нѣтъ никакой возможности прикрѣпить ихъ! Медіумъ видѣлъ г. Эвангелидеса въ первый разъ въ жизни: онъ не имѣлъ никакого понятія о проживавшемъ въ Греціи семействѣ его и еще менѣе о покойномъ его пріятелѣ; гдѣ же тотъ „напряженный интересъ“, тотъ могущественный поводъ, который внезапно сдѣлалъ бы медіума ясновидящимъ? И сколько бы ни было напряжено это ясновидѣніе, но никогда бы не научило Лауру говорить по-гречески! Не логично приписывать знаніе грѐческаго языка одному источнику, а знаніе о смерти сына другому. Ясно, что эти оба источника позиванія составляютъ одно.

Вотъ еще два случая извѣстій о смерти, которые я заимствую также у Эдмондса:

Г. Юнгъ, котораго я уже имѣлъ случай цитировать, пишетъ: „Однажды вечеромъ на нашемъ сеансѣ жена моя заговорила подъ вліяніемъ Мэри Дабіэль, изъ Глазгова, въ Шотландіи, которая этимъ путемъ и *заявила о своемъ переходѣ въ другой міръ*. Я зналъ эту женщину, еще молодую, когда я жилъ въ Глазговѣ; когда я покинулъ этотъ городъ, она находилась въ домѣ умалишенныхъ и въ продолженіе пяти лѣтъ я ни слова не слыхалъ о ней; желая провѣрить сообщеніе, я обратился къ одному пріятелю въ Нью-Іоркѣ, отецъ котораго живетъ въ Глазговѣ, съ просьбой навести справку объ этой молодой женщинѣ. Три мѣсяца спустя, я получилъ отъ своего пріятеля записку, въ которой онъ подтвердилъ во всемъ сообщеніе, сдѣланное черезъ жену мою. Никто изъ насъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о ея смерти; кромѣ того, весь складъ сообщенія замѣчательно соотвѣтствовалъ характеру этой женщины“.

„Въ другой разъ жена моя находилась подъ вліяніемъ личности, которая на чистомъ шотландскомъ діалектѣ назвала себя г-жей Н., изъ Пейслея, въ Шотландіи, и *заявила о смерти своей* въ этомъ городѣ нѣсколько дней тому назадъ. Личность эта оказалась бабушкой одного изъ членовъ нашего кружка, который съ годъ или болѣе переѣхалъ въ Америку. Нѣсколько дней спустя, та же личность проявилась черезъ миссъ Скоигаль, изъ Рокфорда, въ Иллинойсѣ, *которая вовсе не знаетъ шотландскаго языка*, и на томъ же чистомъ діалектѣ, свойственномъ этой личности, повторила то же самое о смерти своей, и, кромѣ того, сообщила разныя подробности о домѣ, въ которомъ жила, о садѣ, деревьяхъ и т. д. Миссъ Сконгаль не присутствовала при первомъ проявленіи этой личности и ничего о томъ не слыхала. Молодой человѣкъ, къ которому сообщеніе это относилось, сдѣлалъ много вопросовъ для провѣрки подлинности объявившейся личности; разспрашивалъ и объ общихъ знакомыхъ ихъ въ Шотландіи и на все получилъ удовлетворительные отвѣты. Эта личность про-

являлась въ продолженіе нѣсколькихъ сеансовъ подъ рядъ и дала несомнѣнныя доказательства своей тожественности. Молодой человѣкъ до того въ этомъ убѣдился, что тотчасъ же написалъ къ своимъ роднымъ въ Шотландію, извѣщая ихъ о смерти своей бабушки, съ поясненіемъ источника, откуда онъ почерпнулъ это извѣстіе. Въ полученныхъ потомъ письмахъ все это было подтверждено". Edmonds. Letters on Spiritualism, New-York, 1860; стр. 118—120.

Здѣсь мы имѣемъ тотъ-же фактъ и при тѣхъ же условіяхъ: извѣстіе о смерти лица, совершенно неизвѣстнаго медіуму, и въ добавокъ на языкѣ ему невѣдомомъ, но природномъ той личности, которая возвѣщаетъ о своей смерти.

Медіумическіе случаи возвѣщенія о смерти въ трансѣ или письмомъ многочисленны. Вотъ одинъ изъ нихъ другого рода, гдѣ медіумъ видитъ лицо, увѣдомляющее о своей смерти и передаетъ его слова. Генералъ-майоръ Дрейсонъ на чтеніи въ обществѣ Лондонскихъ спиритуалистовъ, озаглавленномъ „Наука и такъ называемыя спиритическія явленія", сообщилъ слѣдующій фактъ, въ доказательство, что теорія: „nihil est in medio, quod non prius fuerit in praesentibus" (ничего нѣтъ въ медіумѣ, чего не было бы прежде въ присутствующихъ) — не всегда состоятельна:

„Много лѣтъ тому назадъ получилъ я однажды утромъ телеграмму, которая возвѣщала мнѣ о смерти очень хорошаго пріятеля, принадлежавшаго къ духовному званію и проживавшаго на сѣверѣ Англіи. Въ тотъ же день мнѣ довелось посѣтить знакомую даму, которая имѣла притязаніе видѣть „духовъ" и говорить съ ними. Когда я вошелъ къ ней, мысли мои были заняты извѣстіемъ о смерти моего пріятеля. Побесѣдовавши съ хозяйкой, я спросилъ ее, не видитъ ли она возлѣ меня кого нибудь, кто только-что покинулъ эту землю. Она отвѣтила, что видитъ кого-то только-что перешедшаго въ тотъ міръ. На умѣ у меня былъ образъ моего друга пастора. Тутъ дама заявила, что она видитъ кого-то въ военномъ мундирѣ, кто говоритъ ей, что онъ умеръ насильственной смертью. Затѣмъ она назвала мнѣ его имя и фамилію и сообщила еще

прозвище, которымъ я и другіе товарищи офицеры имѣли обыкновеніе называть его. На разспросы о дальнѣйшихъ подробностяхъ его смерти мнѣ было сообщено, что ему отрубили голову, а тѣло бросили въ канаву, и что это совершилось на востокѣ, но не въ Индіи. Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ этого офицера, и послѣднее извѣстіе о немъ было, что онъ находится въ Индіи.

„По справкамъ моимъ въ Вульвичѣ послѣ этого сообщенія я узналъ, что помянутый офицеръ находился въ Индіи, но по всѣмъ вѣроятіямъ долженъ былъ отправиться въ Китай. Нѣсколько недѣль спустя получилось извѣстіе, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ китайцами. За него былъ обѣщанъ большой выкупъ, но онъ пропалъ безъ вѣсти.

„Много лѣтъ спустя, будучи въ Индіи, я встрѣтился съ братомъ этого офицера и спросилъ его, не было ли когда-нибудь получено какихъ извѣстій о смерти его брата въ Китаѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что ихъ отецъ ѣздилъ въ Китай и узналъ достовѣрно, что монгольскій военноначальникъ, взбѣшенный утратою близкаго друга, приказалъ отрубить голову своего плѣнника на плотинѣ какого-то канала и бросить туда его тѣло.

„Таковъ одинъ изъ многихъ десятковъ мнѣ извѣстныхъ случаевъ этого рода, и я желалъ бы знать, какимъ образомъ могла бы объяснить ихъ помянутая теорія или какой-либо изъ извѣстныхъ намъ законовъ?

„Такіе и имъ подобные факты существуютъ, и теорія, которая ихъ не обнимаетъ и не объясняетъ, ничего не стоитъ. Старая ошибка—теоризировать на основаніи неполныхъ данныхъ“ („Light“ 1884 года, стр. 448).

И тутъ нѣтъ ни малѣйшаго повода для внезапнаго приступа ясновидѣнія.

Въ другихъ случаяхъ передается не одинъ голый фактъ смерти, но и подробности, относящіяся до частныхъ дѣлъ сообщающагося, никому изъ живыхъ неизвѣстныя. Вотъ интересный фактъ этого рода, напечатанный въ „Light“’ѣ 1885 г., стр. 315, подъ заглавіемъ:

„Таинственное дѣло“ [1]).

„У доктора Дэвея, живущаго возлѣ Бристоля, былъ сынъ, также медикъ, проживавшій за-границей. Надумавшись вернуться въ Англію, онъ отправился на англійскомъ суднѣ, идущемъ въ Лондонъ, предложивъ взамѣнъ платы за проѣздъ свои врачебныя услуги. Во время плаванія молодой врачъ умеръ. По прибытіи въ Лондонъ капитанъ судна сообщилъ объ этомъ отцу и передалъ ему 22 фунта, оказавшіеся, по его словамъ, у покойнаго послѣ его кончины; онъ вручилъ отцу и копію съ корабельнаго журнала, въ которомъ всѣ эти обстоятельства были записаны. Докторъ Дэвей былъ такъ доволенъ образомъ дѣйствій капитана, что въ знакъ благодарности подарилъ ему золотой карандашъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя доктору случилось быть вмѣстѣ съ женой на спиритическомъ сеансѣ въ Лондонѣ. Наступившія безпорядочныя явленія, движеніе мебели, стуки и проч. были объяснены медіумомъ (дамой) въ томъ смыслѣ, что вѣроятно кому-нибудь изъ общества желаютъ сдѣлать сообщеніе. Просили указать кому именно. Тутъ съ другого конца комнаты безъ всякаго къ нему прикосновенія двинулся большой столъ прямо къ д-ру Дэвею. Тогда обычнымъ порядкомъ обратились къ сообщавшемуся съ вопросомъ—кто онъ? Сложилось имя умершаго на морѣ докторскаго сына, который, къ общему ужасу, заявилъ, что онъ умеръ отъ яда. Д-ръ, желая убѣдиться въ самоличности говорившаго, просилъ его дать какое-либо въ ней доказательство, на что невидимый посѣтитель назвалъ, какого рода подарокъ былъ сдѣланъ его отцемъ капитану, чего никто изъ присутствующихъ знать не могъ. Тутъ д-ръ спросилъ, было ли отравленіе намѣренное? Послѣдовалъ отвѣтъ: „можетъ быть да, можетъ быть и нѣтъ“. Затѣмъ было сообщено,

---

[1]) Помѣщаемый разсказъ появился первоначально въ „Бристольскомъ журналѣ“ отъ 10-го октября 1863 года, откуда былъ перепечатанъ въ ноябрьской книжкѣ „Spiritual Magazine“ того же года, съ полнымъ прописаніемъ имени д-ра Джемса Г. Дэвей, врача въ Норвудскомъ домѣ умалишенныхъ возлѣ Бристоля.

что послѣ него осталось не 22, а 70 фунтовъ стерлинговъ, и нѣсколько другихъ подробностей. Вслѣдствіе всего этого д-ръ выправилъ себѣ копію изъ корабельной книги отъ судовладѣльца и она, какъ оказалось, существенно отличалась отъ копіи, выданной ему капитаномъ. Открылись еще и другія таинственныя обстоятельства, о которыхъ мы не имѣемъ права говорить. Мы слышали, что д-ръ Дэвей по этимъ даннымъ намѣренъ привлечь капитана къ суду".

Въ октябрѣ 1884 года, воспроизводя этотъ разсказъ, мы обратились къ д-ру Дэвею и получили слѣдующій отвѣтъ:

„4, Редлэндъ Родъ, Бристоль, 31-го октября 1884 года".

„М. Г. Въ 1863 году сынъ мой, возвращаясь изъ Африки, умеръ на морѣ отъ отравленія. Относящіяся до этого обстоятельства были мнѣ переданы капитаномъ корабля, какъ я полагалъ, совершенно вѣрно; но въ теченіе того же года мнѣ довелось нѣсколько познакомиться съ спиритизмомъ и однажды, на сеансѣ въ Лондонѣ, я узналъ отъ своего покойнаго сына, что извѣстіе о его смерти въ томъ видѣ, какъ оно передано мнѣ капитаномъ, — невѣрно, что смерть его фактически произошла по винѣ эконома, который, вмѣсто потребованныхъ сыномъ моимъ мятныхъ капель съ касторовымъ масломъ, далъ ему эссенціи горькаго миндаля. Объ упоминаемыхъ денежныхъ дѣлахъ я ничего не зналъ. Въ возвращенныхъ мнѣ вещахъ сына было только нѣсколько мѣдныхъ монетъ, хотя я имѣлъ полное основаніе предполагать, что у него во время кончины должно было находиться около 70 фунтовъ. Спиритизмъ,—великій фактъ, и съ 1865 года у меня было не мало сообщеній отъ моего сына чисто личнаго характера. Раскрытые имъ въ 1863 году факты впослѣдствіи оправдались къ видимому неудовольствію капитана, который сталъ меня избѣгать и поторопился пуститься въ новое плаваніе во избѣжаніе, сколько я полагаю, привлеченія къ суду".

„Преданный Вамъ

„Дж. Г. Дэвей".

Хорошій случай этого рода могъ найти г. Гартманъ въ отчетѣ Комитета Діалектическаго Общества. Онъ произошелъ въ интимномъ кружкѣ самихъ членовъ одной изъ подкомиссій, безъ всякаго профессіональнаго медіума. Было получено слѣдующее сообщеніе отъ имени своднаго брата хозяйки, въ чьемъ домѣ происходилъ сеансъ, умершаго четырнадцать лѣтъ тому назадъ: „Я очень люблю мою дорогую М., хотя я о ней мало“..... На этомъ пунктѣ хозяйка, вспомнивъ, что братъ былъ очень лѣнивый корреспондентъ, воскликнула: „Помнилъ!“ — „Нѣтъ“. Тогда стали продолжать азбуку, и было сказано: „позаботился, когда былъ“..... „Живъ“—воскликнулъ одинъ изъ присутствующихъ.—„Нѣтъ“.—„Въ тѣлѣ“,— „Нѣтъ“. Тутъ послѣдовалъ рядъ стуковъ, какъ бы выражавшихъ неудовольствіе по поводу частыхъ перерывовъ. Просили продолжать: „на землѣ, она должна бы получить“... „Письмо!“ опять воскликнула хозяйка, все думая, какъ рѣдки были его письма.—„Нѣтъ“. Опять обратились къ азбукѣ, перечитали все полученное, оно гласило: „Я очень люблю свою дорогую М., хотя я объ ней мало позаботился, когда былъ на землѣ; она должна была бы получить“..... и далѣе было сказано: „мое состояніе. Оно заключалось въ деньгахъ, они находятся у моего душеприкащика Х.“—На вопросъ: зачѣмъ было сдѣлано это сообщеніе, послѣдовалъ отвѣтъ: „Какъ доказательство духовнаго существованія и моей любви къ М.“. Упомянутое здѣсь обстоятельство, совершенно неизвѣстное заинтересованнымъ въ немъ лицамъ, оказалось совершенно вѣрнымъ. (См. „Report Dialect. Soc.“, 1873, p. 33).

Мнѣ лично извѣстенъ слѣдующій случай: мой другъ и товарищъ по лицею, тайный совѣтникъ бароиъ К. Н. Корфъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, сообщилъ мнѣ, что по смерти его дяди, барона Павла Ивановича Корфа, въ Варшавѣ, не смотря на всѣ розыски не могли найти его завѣщанія, и только вслѣдствіе сообщенія, полученнаго княземъ Эмилемъ Витгенштейномъ, оно было найдено въ потайномъ ящикѣ согласно даннымъ указаніямъ (Подробности будутъ мною сообщены въ VI главѣ).

Есть и такого рода сообщенія о неизвѣстныхъ фактахъ, которыя относятся до различныхъ бѣдъ или несчастій, постигшихъ или могущихъ постигнуть нашихъ близкихъ, и сообщенія эти состоятъ изъ просьбъ о помощи, или различныхъ предостереженій, иногда получаемыхъ внѣ всякаго сеанса, или даже безъ всякаго медіума.

Такъ, я уже привелъ въ 7-й рубрикѣ разсказъ г. Бриттена о томъ, какъ однажды на сеансѣ съ Юмомъ получавшееся сообщеніе было прервано, чтобы дать мѣсто слѣдующему: „Вы нужны дома, вашъ ребенокъ очень боленъ, ступайте тотчасъ, или опоздаете“ (см. стр. 455). Какой разумный мотивъ, какой исключительный интересъ къ ребенку г. Бриттена могъ внезапно прервать дѣятельность сомнамбулическаго сознанія медіума, чтобы вдругъ повергнуть его въ припадокъ ясновидѣнія, относящагося до болѣзни этого ребенка?

Слѣдующій случай былъ мнѣ сообщенъ покойнымъ генераломъ П. И. Мельниковымъ, бывшимъ министромъ путей сообщенія. Рукою частнаго медіума (г-жи Я.) были даны имя и адресъ одного несчастнаго (онъ мнѣ его назвалъ), находившагося въ величайшей нуждѣ, о которомъ ни онъ, ни медіумъ не имѣли никакого понятія.

Судья Эдмондсъ упоминаетъ о подобномъ же случаѣ, сообщенномъ ему г-жею Френчъ, очень извѣстнымъ въ свое время медіумомъ: „Будучи въ трансѣ подъ внушеніемъ духа одной итальянки, она была приведена ею въ дальнюю часть города, гдѣ нашла въ одной бѣдной небольшой комнатѣ чѣтырнадцать человѣкъ больныхъ и изнуренныхъ итальянцевъ, съ которыми она совершенно свободно заговорила на ихъ родномъ языкѣ“ (см. Edmonds, Spiritual Tracts).

Мы читаемъ въ „Light“’ѣ 1886 года, стр. 147: „Другой разъ было получено сообщеніе отъ очень бѣдной въ своей земной жизни и совершенно неизвѣстной кружку женщины, съ просьбой передать вѣсть о ней ея дочери, имя и адресъ которой она въ точности указала. По справкѣ то и другое было найдено совершенно вѣрнымъ, только оказалось, что по этому адресу дочь жила во время кончины матери, а потомъ переѣхала.

Или бываютъ случаи такого рода, безъ всякаго медіума налицо: капитанъ Друско разсказываетъ, какимъ образомъ въ зиму 1865 года, командуя судномъ „Гарри Бузъ“, шедшимъ изъ Нью-Іорка въ Драй-Тортугазъ, онъ былъ спасенъ отъ крушенія. Передаю существенную часть разсказа его словами:

„Увидавши, что на палубѣ все въ порядкѣ, я оставилъ на своемъ мѣстѣ г. Патерсона, моего помощника, человѣка надежнаго и усерднаго, и сошелъ внизъ немного отдохнуть.

„Въ одиннадцать часовъ безъ десяти минутъ я услыхалъ голосъ, ясно, отчетливо сказавшій: „Ступай наверхъ и бросай якорь“.—„Кто ты такой?“ спросилъ я и выскочилъ на палубу, такъ какъ я не привыкъ получать приказанія отъ кого бы то ни было. Я нашелъ, что судно шло должнымъ курсомъ и все въ порядкѣ. Я спросилъ г. Патерсона, не видѣлъ ли онъ кого входившаго въ каюту; но ни онъ, ни рулевой ничего не видѣли и не слышали.

„Подумавъ, что это была галлюцинація, я опять пошелъ внизъ. Въ двѣнадцать безъ десяти минутъ человѣкъ въ длинномъ сѣромъ пальто и широконолой шляпѣ вошелъ въ каюту и, взглянувъ мнѣ прямо въ лицо, приказалъ идти наверхъ и бросить якорь. Онъ спокойно вышелъ изъ комнаты и я слышалъ его тяжелую поступь, когда онъ проходилъ мимо меня. Еще разъ я выскочилъ на палубу и нашелъ все въ порядкѣ. Увѣренный въ своемъ курсѣ, я нисколько не былъ намѣренъ принять это предостереженіе, отъ кого бы то оно не исходило. Опять я вернулся въ каюту, только не съ тѣмъ, чтобы спать, и не раздѣвался, чтобы быть готовымъ вскочить опять.

„Въ часъ безъ десяти минутъ тотъ же человѣкъ вошелъ въ каюту и еще повелительнѣе, чѣмъ прежде, сказалъ: „Ступай наверхъ и бросай якорь“. Я тотчасъ призналъ въ говорившемъ моего стараго друга, капитана Джона Бартона, съ которымъ я плавалъ, будучи мальчикомъ, пользуясь его особеннымъ расположеніемъ. Я тотчасъ побѣжалъ на палубу, велѣлъ бросить якорь, убрать паруса, и мы стали на глубинѣ 50 саженъ“. И тѣмъ судно было спасено отъ крушенія на

рифахъ Багамскихъ скалъ (см. подробности въ „Light“'ѣ 1882 г., стр. 303).

По теоріи Гартмана это случай ясновидѣнія, ибо чистое ясновидѣніе всегда проявляется галлюцинаторнымъ образомъ; но такъ какъ во многихъ предшествовавшихъ случаяхъ не было ничего галлюцинаторнаго и такъ какъ имъ не доставало и условія sine qua non („напряженнаго интереса“), какъ для телефоннаго соединенія съ другими индивидуумами въ абсолютѣ, такъ и для почерпанія будущихъ событій изъ безсознательнаго знанія абсолютнаго духа, — почему мы и не нашли основанія объяснять ихъ ясновидѣніемъ, — то это даетъ намъ право не прибѣгать къ нему и въ настоящемъ случаѣ; хотя галлюцинаторная форма ему и присуща, но за то „усиленный интересъ воли“ со стороны субъекта, имѣющаго быть ясновидящимъ, совершенно отсутствуетъ; этотъ интересъ можетъ быть найденъ только со стороны отшедшаго друга, и такимъ образомъ объясненіе спиритическое беретъ верхъ надъ метафизическимъ. Къ моему предмету не относится оцѣнка этого явленія по его внутреннему содержанію: было ли оно объективное или субъективное; очень вѣроятно — послѣднее. Я утверждаю одно, что „causa efficiens“, т. е. причина, вызвавшая видѣніе, или внушеніе, находилась внѣ медіума; образъ проявленія ея видоизмѣняется (письмо, рѣчь, зрѣніе), смотря по условіямъ даннаго момента и организма, на который она вліяетъ.

Если всѣ предшествующіе случаи, гдѣ факты сообщаются чрезъ посредство медіумовъ, вовсе не знающихъ тѣхъ лицъ, до которыхъ они относятся, мы не нашли необходимымъ объяснять путемъ сверхъестественымъ, обращеніемъ къ абсолюту — то разумнѣе предпочесть болѣе простое объясненіе и для другихъ фактовъ, болѣе *простыхъ* и также *медіуму неизвѣстныхъ*, хотя бы личность, до которой они относятся, и была бы ему *извѣстна*.

Беру для примѣра слѣдующій случай, полученный мною изъ первыхъ рукъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двѣ мои знакомыя г-жи М. Д. П—ко и В. И. Пр—ва, двѣ живущія въ Москвѣ пріятельницы, часто занимались съ планшеткою. Пер-

вое время М. Д. получала очень хорошія сообщенія отъ имени своего брата Николая. Но вскорѣ они прекратились, и характеръ сообщеній совершенно измѣнился; ей постоянно говорили очень непріятныя вещи, самымъ грубымъ образомъ упрекали ее въ разныхъ недостаткахъ, предсказывали различныя несчастія, что очень волновало ее и раздражало. Тогда В. И. посовѣтовала ей оставить это занятіе, очевидно для нея вредное, и М. Д. дала ей слово не принимать болѣе участія въ сеансахъ. Вскорѣ послѣ того В. И. уѣхала въ Петербургъ; пріятельницы не переписывались и ничего не знали другъ о другѣ. Г-жа Пр—ва, которая иногда пишетъ медіумически, однажды, нисколько не думая о М. П. и не предлагая никакого касающагося до нея вопроса, послѣ цѣлаго ряда сообщеній о религіозныхъ предметахъ отъ имени ея обычнаго руководителя, вдругъ получила отъ него же слѣдующее сообщеніе: „Напиши Маріи, чтобы она перестала заниматься съ планшеткой, объ этомъ ее проситъ Николай. Она находится подъ дурнымъ вліяніемъ и занятіе это можетъ сдѣлаться для нея опаснымъ“. На что В. И. возразила, что Марія давно оставила это занятіе и дала ей слово не принимать участія въ сеансахъ; но затѣмъ рука ея написала: „Послѣднее время ее уговорили, и она снова взялась за планшетку“. Въ отвѣтъ на отправленное на слѣдующее же утро въ Москву письмо, Марія призналась, что не сдержала слова, и исполняя желаніе кружка, опять стала принимать участіе въ сеансахъ, которые снова дѣйствуютъ на нее раздражительно. Объ этомъ фактѣ я имѣю письменное свидѣтельство отъ Маріи П—ко и В. И. Пр—вой.

Фактъ этотъ въ сущности принадлежитъ къ той же категоріи, какъ и извѣстіе о смерти Дюванеля. Я уже сказалъ, почему объясненіе передачею мыслей и ясновидѣніемъ къ нему не подходитъ. Въ настоящемъ случаѣ симпатія между двумя пріятельницами — единственная основа для объясненія его ясновидѣніемъ; но такъ какъ мы видѣли передъ этимъ подобные же случаи, гдѣ не было мѣста никакой симпатіи, ибо медіумъ даже не зналъ лица, о которомъ шла рѣчь, то мы не имѣемъ достаточнаго основанія прибѣгать къ ясновидѣнію и въ этомъ

простомъ случаѣ. Г-жа В. И. Пр—ва никогда не была сомнамбулой, никогда не впадала въ трансъ; она писала всегда въ нормальномъ состояніи; на данномъ сеансѣ ея мысли были направлены къ отвлеченнымъ предметамъ, она нисколько не думала о томъ, что дѣлала ея пріятельница, и вотъ, по теоріи г. Гартмана, она внезапно вступаетъ въ общеніе съ абсолютомъ!

По той же причинѣ я не вижу надобности относить къ ясновидѣнію и цѣлую серію аналогичныхъ фактовъ, когда они совершаются путемъ медіумическимъ. Таковы, напр., факты, о которыхъ судья Эдмондсъ повѣствуетъ слѣдующее: „Во время моего прошлогодняго путешествія по центральной Америкѣ, друзья мои въ Нью-Іоркѣ постоянно получали обо мнѣ точныя свѣдѣнія. Когда же въ первый разъ спросили обо мнѣ, я уже четыре дня находился на морѣ. Мы были въ 800 миляхъ отъ дома, подъ 73° восточной долготы, возлѣ береговъ Флориды. Съ выхода нашего изъ гавани мы ни съ какимъ судномъ не переговаривались, такъ что оставшіеся въ Нью-Іоркѣ земнымъ путемъ не могли знать о томъ, какъ я въ то время себя чувствовалъ и что я дѣлалъ. Въ тотъ вечеръ, въ половинѣ десятаго, собрался нашъ кружокъ и былъ поставленъ вопросъ: „Могутъ ли сообщающіеся извѣстить насъ о здоровьи судьи Эдмондса?“ На что получился отвѣтъ: „Вашъ другъ чувствуетъ себя хорошо, путешествіе его покуда благополучно и духомъ онъ повеселѣлъ. Онъ теперь думаетъ о своемъ кружкѣ и занятъ разговоромъ о васъ. Я вижу, онъ смѣется и бесѣдуетъ съ пассажирами“ и т. д. Я ничего объ этомъ не зналъ до возвращенія моего домой четыре мѣсяца спустя; когда мнѣ это было передано, я справился съ моими замѣтками въ дневникѣ и нашелъ, что часъ и все прочее было совершенно вѣрно. Четыре дня спустя, когда я все еще былъ на морѣ, черезъ того же медіума и также вѣрно было сообщено: „Вашъ другъ судья чувствуетъ себя не такъ хорошо и тоскуетъ по дому. Онъ довольно много писалъ и это вызвало его прежнюю тоску“. Три дня спустя они опять услыхали обо мнѣ, „что мое морское путешествіе кончилось, я нахожусь на материкѣ и отдыхаю отъ пути“. Наше плаваніе окончилось наканунѣ и я отъ-

ѣхалъ около 90 миль отъ берега. Двадцать два дня спустя про меня было сказано: „Онъ подвигается теперь медленно, такъ какъ недостаточно еще привыкъ къ трудностямъ путешествія; теперь у него голова болитъ“. Справившись съ дневникомъ, я нашелъ, что я наканунѣ проѣхалъ четыре мили, а въ этотъ день восемь миль, и что въ тотъ часъ, когда это было сказано въ Нью-Іоркѣ, я, будучи отъ него на разстояніи 2000 миль, лежалъ на своей постели, вслѣдствіе сильной головной боли“ (см. Edmonds, „Spiritualism“, т. 1, стр. 30).

Изъ числа подобныхъ же случаевъ, записанныхъ въ моемъ указателѣ, я приведу здѣсь еще два. Г. Джонъ Кови въ Думбарденѣ, въ Шотландіи, тревожась о судьбѣ судна „Бречникастль“, на которомъ находился его братъ, возвращавшійся изъ Австраліи, устраиваетъ дома сеансъ и получаетъ слѣдующее сообщеніе: „Бречникастль“ прибылъ въ Трентадъ, все благополучно, услышите о немъ въ слѣдующую пятницу“. И дѣйствительно, телеграмма Глазгоу-Геральда въ слѣдующую пятницу (въ день получки почты) подтвердила это извѣстіе (см. подробности „Light“ 1881 г., стр. 407). Точно также г. Дж. Г. М., безпокоясь о судьбѣ сына своего Герберта, отправившагося въ Австралію, въ Аделанду, чтобы тамъ искать себѣ мѣста, въ августѣ 1885 года получаетъ устами жены своей, находившейся въ трансѣ, отъ имени ея сестры слѣдующее сообщеніе: „Я была въ Аделандѣ, видѣла Герберта. Онъ вполнѣ здоровъ и ему удалось получить мѣсто“. И на вопросъ „у кого?“ было прибавлено: „Въ мельничной компаніи Аделаиды“. 30 августа получилось отъ сына письмо, подтвердившее это извѣстіе (см. „Light“, 1887 г., стр. 248).

Главная цѣль этой рубрики доказать, что иногда сообщаются факты, неизвѣстные никому изъ участниковъ сеанса, и даже относящіеся до личностей, медіуму вовсе незнакомыхъ, и что эти извѣстія не объясняются передачей мыслей или ясновидѣніемъ. Но быть можетъ есть еще средство придерживаться этихъ теорій, утверждая, что неизвѣстный фактъ относится, правда, къ личности медіуму невѣдомой, но что эта личность кому-нибудь изъ присутствующихъ на сеансѣ все-таки извѣстна.

Такъ вотъ эта-то личность и можетъ быть разсматриваема какъ „орудіе нѣкотораго чувственнаго воспріятія“, которое „совершается уже не при посредствѣ зрѣнія, слуха, обоянія, вкуса или осязанія, но посредствомъ особой сензитивности, воспріятія которой лишь потомъ уже, дѣйствіемъ сомнамбулическаго сознанія, превращаются въ ощущенія зрительныя или слуховыя, или въ мысленныя представленія“ (стр. 93). Вотъ нить между медіумомъ и личностями и фактами, ему неизвѣстными, для подведенія явленій этой категоріи къ ясновидѣнію. Хотя тутъ и не достаетъ другихъ характерныхъ его условій— „галлюцинаторной формы и возбужденнаго интереса воли“—и хотя это „чувственное воспріятіе“ ничто иное, какъ слово, ничего не объясняющее, все равно уловка все-таки есть, чтобы прибѣгнуть къ „абсолюту“, который представляется болѣе близкимъ и естественнымъ, чѣмъ любое человѣческое существо,

Поэтому мнѣ остается представить—

IX. Сообщеніе отъ личностей совершенно неизвѣстныхъ ни медіуму, ни участникамъ сеанса.

Какъ прототипъ сообщеній этого рода и, быть можетъ, первое изъ удостовѣренныхъ надлежащимъ образомъ, я приведу здѣсь описаніе сеанса, напечатанное въ „Spiritual Telegraph“, издававшемся тогда докторомъ Бриттеномъ. Я заимствую его изъ сочиненія Капрона: „Modern Spiritualism“ 1855 г., гдѣ оно цитировано на стр. 284—287:

„Уатерфордъ, Нью-Іоркъ, 27-го марта 1853 г., Г. Бриттену“ — М. г.! На сеансѣ, происходившемъ здѣсь въ концѣ февраля, произошли явленія, которыя на столько относятся къ возгорѣвшемуся спору о совершающихся теперь странныхъ фактахъ, что краткое извѣстіе о нихъ не будетъ безъинтересно для вашихъ читателей.

„Присутствовало нѣсколько медіумовъ въ различныхъ стадіяхъ развитія и получалось много разнообразныхъ явленій, преимущественно въ формѣ одержанія [1]). Въ теченіе вечера

[1]) Теперь принято это называть трансомъ.

г. Джонъ Проссеръ, житель Уатерфорда, подвергающійся этому одержанію въ самой его совершенной формѣ, находился подъ вліяніемъ духа, который заявилъ, что никто изъ присутствующихъ въ комнатѣ даже никогда о немъ не слыхалъ, но что онъ почувствовалъ себя привлеченнымъ къ кружку. Онъ сказалъ, что ему было болѣе ста лѣтъ, когда онъ покинулъ землю, что онъ служилъ солдатомъ во время революціи и часто видалъ Вашингтона, о которомъ отзывался съ глубокимъ уваженіемъ. Онъ совѣтовалъ намъ, какъ илодъ своего долгаго опыта, жить собственнымъ умомъ и брать для руководства великую книгу природы... Привожу буквально послѣднія его слова:

„Все, что я вамъ говорю, вѣрно; если только захотите нѣсколько потрудиться, то увидите, что все это именно такъ, какъ я вамъ говорю. Я жилъ въ Пойнтъ-Плезантѣ, Нью-Джерсей, и если пожелаете, то можете въ точности узнать, говорилъ ли вамъ правду дядя Джонъ Чамберленъ“.

„Онъ пересталъ говорить, и показались обыкновенные признаки иаступающаго въ трансѣ другого вліянія, иричемъ одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ: „какъ жаль, что онъ не далъ большихъ о себѣ подробностей; при данныхъ условіяхъ это послужило бы отличнымъ доказательствомъ самоличности“. Вскорѣ стало ясно, что дѣдушка г. Проссера (медіума), который считался его духомъ-покровителемъ, овладѣлъ имъ. Окинувъ всѣхъ своимъ добродушнымъ взглядомъ, онъ сказалъ, что, такъ какъ многіе желаютъ, какъ онъ это видѣлъ, еще послушать старика, то послѣдній на нѣсколько мпнутъ вернется. Послѣ маленькой паузы г. Проссеръ весь преобразился въ ту личность, которая передъ тѣмъ говорила черезъ него, и сказалъ:

„Друзья мои, я не разсчитывалъ опять съ вами бесѣдовать, но я желаю сказать вамъ слѣдующее, какъ доказательство. Я умеръ въ пятницу, 15 января 1847 года, и былъ отцомъ одиннадцати дѣтей, и вотъ, если захотите немного потрудиться, то увидите, что именно все это сущая правда. Моя рѣчь—не ваша, но если вамъ любо слушать старика, то я приду опять. Прощайте, я долженъ идти“.

„На слѣдующій вечеръ былъ сеансъ въ другомъ домѣ, на

которомъ присутствовали нѣкоторые изъ членовъ вчерашняго кружка. Г. Проссеръ былъ единственнымъ медіумомъ. Старый дядя Джонъ Чамберленъ явился опять и повторилъ статистическую часть своего сообщенія, причемъ оказалось, что наканунѣ по ошибкѣ было записано Плезантъ-Пойнтъ, вмѣсто Пойнтъ-Плезантъ. Нашедши, что въ штатѣ Нью-Джерсей такая почтовая станція существуетъ, и что 15 января 1847 года дѣйствительно падаетъ на пятницу, мы написали почтмейстеру и получили въ отвѣтъ, что „старый дядя“ сообщалъ о себѣ свѣдѣнія совершенно вѣрныя. Мы посылаемъ вамъ выписки изъ полученныхъ писемъ, которыя засвидѣтельствуютъ истину всего сообщеннаго имъ о фактахъ его земной жизни.

„Мы нижеподписавшіеся присутствовали при первомъ помянутомъ сеансѣ и свидѣтельствуемъ о правильности его описанія. Мы заявляемъ также, что мы никогда ничего не знали и не слыхали о Джонѣ Чамберленѣ или о какихъ-либо фактахъ, до его жизни или смерти относящихся; не знали также и о томъ, что въ штатѣ Нью-Джерсей есть мѣстечко Пойнтъ-Плезантъ“.

„Джонъ Проссеръ.
„Сара С. Проссеръ.
„Жюльетъ Е. Перкинсъ.
„А. А. Тюрберъ.
„Летти А. Бойсъ.
„Альберъ Кендрикъ.
„Э. Уотерсъ.
„М-съ Н. Д. Россъ.
„Н. Ф. Уайтъ.
„Н. Д. Россъ.
„Ж. Г. Рейней.
„М-съ Ж. Г. Рейней“.

I. „Письмо къ почтмейстеру Пойнтъ-Плезанта. — Троя, 28-го февраля 1853 года. М. г.! Будьте такъ любезны, извѣстите меня, не умеръ ли въ вашемъ городѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ старикъ по имени Чамберленъ. Если это такъ, потрудитесь сообщить мнѣ, когда именно и какихъ лѣтъ онъ умеръ; также назовите мнѣ кого-нибудь изъ его семейства, чтобы я могъ съ нимъ списаться.

„Преданный вамъ
„Э. Уотерсъ“.

II. „Отвѣтъ г. Э. Уотерсу.— Другъ! [1]). Я получилъ твое письмо отъ 28 числа, съ просьбою сообщить свѣдѣнія о Чам-

[1]) По этому обращенію видно, что Кукъ былъ квакеръ.—А. А.

берленѣ. Могу сообщить ихъ тебѣ въ точности, ибо я былъ знакомъ съ нимъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ и жилъ въ сосѣдствѣ. Онъ скончался 15 января 1847 года, ста четырехъ лѣтъ отъ роду. Онъ имѣлъ семерыхъ дѣтей, доживших до брачнаго возраста; трое изъ нихъ померли, оставивъ дѣтей. Онъ имѣлъ четырехъ дочерей, которыя и теперь живы; три изъ нихъ мои сосѣдки; старшая дочь вдова семидесяти восьми лѣтъ; три замужемъ; одна изъ нихъ живетъ въ двадцати миляхъ отъ меня. Такъ какъ онѣ очень малограмотны, то онѣ просятъ тебя переписываться черезъ меня. Съ удовольствіемъ сообщу тебѣ все, что могу.

„Преданный тебѣ
„Томасъ Кукъ“.

„Пойнтъ-Плезантъ, 7-го марта, 1853.

„P. S. Онъ служилъ солдатомъ во время революціи, былъ на войнѣ и получалъ маленькую пенсію.

„Томасъ Кукъ“.

III. „Любезный Бриттенъ! Получивши это письмо, я опять написалъ Куку и спросилъ о числѣ дѣтей Чамберлена и получилъ отвѣтъ, что всего онъ имѣлъ ихъ одиннадцать, но что двое умерли въ дѣтствѣ, а остальныя девять дожили до преклонныхъ лѣтъ.

„Преданный вамъ.
„Э. Уотерсъ“.

Издающійся въ Бостонѣ съ 1857 года еженедѣльный спиритическій журналъ „Banner of Light“ составилъ себѣ спеціальность изъ подобнаго рода фактовъ. Въ каждомъ № есть страница, озаглавленная: „*Отдѣлъ сообщеній*“, гдѣ печатаются разнообразнѣйшія сообщенія, публично получаемыя въ кружкѣ редакціи, черезъ уста ея медіума, миссисъ Конантъ, въ состояніи транса. Эти сообщенія, за рѣдкимъ исключеніемъ, исходятъ отъ личностей, медіуму и кружку совершенно неизвѣст-

ныхъ, но такъ какъ при нихъ даются земныя имена, фамиліи и адресы умершихъ, съ другими подробностями ихъ частной жизни, то ихъ провѣрка на мѣстѣ весьма возможна. Такъ и дѣлается. Въ „Banner“'ѣ есть рубрика подъ заглавіемъ: „Провѣрка спиритическихъ сообщеній“. Тутъ помѣщаются удостовѣрительныя письма знакомыхъ и родственниковъ тѣхъ лицъ, отъ имени которыхъ получались сообщенія. Недавно возникла въ „Light“'ѣ полемика о подлинности этихъ удостовѣрительныхъ писемъ. Извѣстный англійскій спиритуалистъ С. С. Массей, хотя и признаетъ все значеніе подобныхъ сообщеній, могущихъ служить доказательствомъ, что разумный источникъ оныхъ находится внѣ кружка и медіума, но всетаки, по его мнѣнію, эти письма желаемой цѣли не достигаютъ, ибо изъ журнала вовсе не видно, чтобы были предпринимаемы какія-либо правильныя и систематическія мѣры для провѣрки сихъ удостовѣреній (см. „Light“ 1886 г., стр. 63, 172, 184).

Издатель „Баннера“ отвѣтилъ на это въ № отъ 26 февраля 1886 года слѣдующее: „Въ первые годы изданія „Баннера“ всѣ сообщенія, получаемыя черезъ миссисъ Коннантъ, до ихъ опубликованія, тщательно провѣрялись нами — слѣдовательно мы какъ разъ дѣлали то, чего требуетъ г. Массей. Мы писали къ упомянутымъ въ сообщеніяхъ лицамъ, жившимъ въ отдаленныхъ штатахъ, о которыхъ, какъ намъ было подлинно извѣстно, нашъ медіумъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и въ девяти случаяхъ изъ десяти мы получали самыя удовлетворительныя удостовѣренія. Это ободрило насъ продолжать доброе дѣло. Слѣдующіе года мы рѣдко, за неимѣніемъ времени, наводили личныя справки и замѣнили ихъ постояннымъ воззваніемъ о доставленіи намъ справокъ и удостовѣреній; съ того времени мы напечатали ихъ цѣлыя тысячи, стекавшіяся къ намъ со всѣхъ концовъ нашего отечества, а иногда и изъ чужихъ странъ“. Тутъ издатель разсказываетъ случай, какъ профессоръ Гёнингъ, геологъ, сомнѣвавшійся въ истинѣ подобныхъ сообщеній, явился въ редакцію съ требованіемъ доказательствъ; и все еще не довѣряя имъ, захотѣлъ самъ провѣрить это дѣло. Нашедши въ одномъ номерѣ сообщеніе какого-то

шотландца къ своей женѣ въ Гласго, онъ заявилъ, что, отправляясь въ Англію, нарочно поѣдетъ въ Гласго, чтобы лично убѣдиться въ этомъ фактѣ, угрожая въ противномъ случаѣ изобличить всю эту наглую продѣлку. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ зашелъ опять въ редакцію и передалъ о встрѣчѣ своей съ упомянутой вдовой и о полномъ подтвержденіи сообщенія.

Въ біографіи миссисъ Конантъ, изданной г. Путнамомъ въ Бостонѣ въ 1873 году, находятся интересныя подробности о началѣ печатанія этихъ сообщеній въ „Баннерѣ“, причемъ все вышесказанное редакторомъ подтверждается (стр. 105). Затрудненія возникли съ той стороны, съ какой ихъ не ожидали — со стороны родственниковъ лицъ, отъ имени коихъ шли сообщенія; они усматривали въ этомъ поношеніе памяти отшедшихъ. Негодующій отецъ привлекъ даже „Баннеръ“ къ суду за безчестіе (стр. 108—109). Въ концѣ книги помѣщено нѣсколько случаевъ особенно замѣчательныхъ подтвержденій, напр. сообщенія Гарріеты Шельдонъ, которое было лично удостовѣрено ея мужемъ 16 лѣтъ спустя послѣ его появленія на страницахъ „Баннера“ (стр. 238—239).

Мнѣ кажется, что фабрикація ложныхъ подтвердительныхъ писемъ была бы раскрыта очень скоро: вѣдь наши враги не спятъ! Провѣрка же удостовѣрительныхъ писемъ весьма проста: ихъ сочинители даютъ свое имя и адресъ, поэтому нѣтъ легче, какъ убѣдиться въ ихъ существованіи личною справкою на мѣстѣ, или письмомъ. Случаи подобнаго рода разсѣяны тутъ и тамъ въ спиритической литературѣ; одинъ изъ нихъ совсѣмъ кратко и безъ подробностей приведенъ мною въ предшествующей рубрикѣ, а настоящую закончу фактомъ, случившимся у медіума, г. М. А., честность и искренность котораго въ спиритическомъ мірѣ стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Въ „Спиритуалистѣ“ отъ 11 декабря 1874 года, стр. 284, мы читаемъ слѣдующее письмо г. М. А. къ редактору:

„Справка, затребованная изъ Америки“.

„М. Г.! Вы меня очень обяжете помѣщеніемъ нижеслѣдующаго письма, ибо я надѣюсь, что нѣкоторые изъ вашихъ аме-

риканскихъ читателей помогутъ мнѣ убѣдиться въ самоличности проявившагося.

„Въ августѣ 1874 года я находился вмѣстѣ съ др. Спиромъ въ Шанклинѣ, на островѣ Уайтѣ [1]). На одномъ изъ нашихъ сеансовъ получилось сообщеніе отъ имени нѣкоего Авраама Флорентина, заявившаго, что онъ участвовалъ въ американской войнѣ 1812 года, и что онъ недавно перешелъ въ тотъ міръ, въ Бруклинѣ, въ Америкѣ, а именно 5 августа, имѣя отъ роду восемьдесятъ три года, одинъ мѣсяцъ и семнадцать дней. Способъ, которымъ было дано сообщеніе, былъ весьма необыкновенный. Мы сидѣли втроемъ около тяжелаго стола, который съ трудомъ могли бы двинуть. Вмѣсто обычныхъ стуковъ, столъ началъ наклоняться. Такъ нетерпѣливо было вліяніе, что столъ приподымался уже за нѣсколько буквъ впередъ, весь дрожалъ въ какомъ-то неописанномъ возбужденіи, и затѣмъ при требуемой буквѣ ударялся объ полъ съ неимовѣрной силой. И такъ продолжалось до конца сообщенія... Въ числѣ многихъ подобныхъ случаевъ, происходившихъ на нашихъ сеансахъ, я не знаю ни одного, который не оказался бы совершенно вѣрнымъ; я имѣю поэтому основаніе надѣяться, что и этотъ случай окажется такимъ же. Я былъ бы очень благодаренъ, если бы американскіе журналы перепечатали это сообщеніе, и кто-либо помогъ мнѣ провѣрить этотъ фактъ. Въ видѣ догадки я позволю себѣ высказать предположеніе, что Авраамъ Флорентинъ, былъ хорошій солдатъ, настоящій рубака, и радость его вслѣдствіе избавленія отъ тѣла, удрученнаго болѣзнью, сказалась и теперь съ обычной ему горячностью.“

М. А. выразилъ ту же просьбу въ частномъ письмѣ къ извѣстному американскому спиритуалисту Сарджентy (Epes Sargent), который и помѣстилъ публикацію объ этомъ случаѣ въ „Banner of Light“’ѣ отъ 12 декабря 1874, а въ номерѣ отъ 13 февраля 1875 г. уже появился слѣдующій отзывъ:

„Г. Редакторъ. Въ послѣднемъ номерѣ „Banner“’а вы спра-

---

[1]) На южномъ берегу Англіи.—А. А.

шиваете, слыхалъ-ли кто объ Авраамѣ Флорентинѣ, солдатѣ войны 1812 года. Находясь четырнадцать лѣтъ у принятія прошеній отъ солдатъ 1812 года нью-іоркскаго штата, у меня въ рукахъ списки всѣхъ подававшихъ прошенія за службу въ эту войну. Въ этихъ спискахъ есть имя Авраама Флорентина, изъ Бруклина; полное же свѣдѣніе о его службѣ можете получить въ канцеляріи генералъ-адъютанта нью-іоркскаго штата, по просьбѣ за № 11518, за войну 1812 г.

„Уильсонъ Милларъ, пріемщикъ прошеній.

„Вашингтонъ, 13 декабря 1874 г.“

Въ томъ же номерѣ „Banner“'а помѣщена и справка, полученная отъ генералъ-адъютанта. Въ ней значится:

„М. Г.! Въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 22 января, могу сообщить вамъ слѣдующее свѣдѣніе изъ записей этой канцеляріи: Авраамъ Флорентинъ, рядовой солдатъ роты капитана Николя, перваго полка нью-іоркской милиціи, поступилъ охотникомъ въ Нью-Іоркѣ 2 сентября 1814 года, служилъ три мѣсяца и былъ уволенъ съ правомъ на полученіе въ награду сорока акровъ земли, по квитаціи за № 63365.

„Франклинъ Тоунсендъ, генералъ-адъютантъ.

„Канцелярія генералъ-адъютанта нью-іоркскаго штата, въ Албани, 25-го января 1875 г.“.

А въ слѣдующемъ номерѣ „Banner“'а отъ 20 февраля появилось такое письмо:

„Г. Редакторъ. Прочитавши въ послѣднемъ номерѣ о провѣркѣ сообщенія отъ Авраама Флорентина, я просмотрѣлъ бруклинскую адресную книгу и тамъ нашелъ это имя и адресъ,— Коптюцкая улица, 119. Я отправился туда; мнѣ отворила дверь пожилая женщина, у которой я спросилъ: тутъ ли живетъ Авраамъ Флорентинъ. Отвѣтъ былъ: „Онъ жилъ здѣсь, но его нѣтъ болѣе въ живыхъ“.

— Могу я спросить, вы не вдова ли его?

— Такъ точно.

— Не можете ли сказать мнѣ, когда онъ скончался?
— Въ прошломъ августѣ.
— Котораго числа?
— Пятаго.
— Какихъ лѣтъ онъ скончался?
— Восьмидесяти трехъ.
— Слишкомъ?
— Да, ему минуло восемьдесятъ три года 8-го іюня.
— Бывалъ онъ на войнѣ?
— Да, въ войнѣ 1812 года.
— Какого былъ онъ нрава — живого, самостоятельнаго или наоборотъ?
— Онъ былъ нрава довольно горячаго, любилъ дѣлать по своему.
— Долго онъ хворалъ, страдалъ?
— Онъ болѣе году пролежалъ въ постели и выстрадалъ не мало.

„Я передаю вопросы и отвѣты слово въ слово, какъ они были записаны мною на мѣстѣ. Послѣ послѣдняго отвѣта вдова Флорентинъ, которая казалась весьма почтенной женщиной лѣтъ шестидесяти пяти, спросила меня, почему я освѣдомляюсь о всѣмъ этомъ; тогда я прочиталъ ей статью въ „Banner“'ѣ, относящуюся до ея мужа, которая и озадачила и заинтересовала ее, и мнѣ пришлось ей многое пояснить къ немалому ея удивленію. Она подтвердила каждую строчку и просила меня доставить ей экземпляръ этого номера.

„Евгеній Кроуель, докторъ медицины.

„Бруклинъ, 15-го февраля 1875 г.“.

М. А., перепечатывая этотъ случай въ книгѣ своей „Spirit-identity“, London, 1879, прибавляетъ: „Едва ли стоитъ упоминать, что ни имя Флорентина, ни относящіяся до него подробности никому изъ насъ не были извѣстны; да никому бы и не пришло въ голову сообщить намъ изъ Америки факты, не имѣющіе для насъ никакого значенія“.

Вотъ и русскій случай, происшедшій въ 1887 году у г. Нарцева, въ Тамбовѣ. Прослышавъ о немъ, я обратился къ г. Нарцеву, котораго я не имѣю удовольствія знать лично, съ письмомъ, въ которомъ просилъ его сообщить мнѣ всѣ подробности этого случая, на что онъ отозвался съ величайшей любезностью. Къ счастію, въ кружкѣ г. Нарцева велись протоколы сеансовъ, такъ что представилась возможность, при нѣкоторой еще перепискѣ, возстановить этотъ случай документально. Вышло однако такъ, что въ печати онъ появился первоначально въ „Трудахъ Лондонскаго Общества психич. изслѣд.“ („Proceedings of the Society for psychical research“. Part. XVI, p. 355), такъ какъ нѣмецкій отвѣтъ мой Гартману былъ уже отпечатанъ, а г. Майерсъ какъ разъ собиралъ въ это время случаи подобнаго рода, я для него собственно и возсоздалъ его. Теперь онъ появляется наконецъ въ своемъ настоящемъ русскомъ видѣ, въ слѣдующихъ подлинныхъ документахъ, хранящихся у меня:

Появленіе Перелыгиной на другой день по смерти своей.

I. *Копія съ протоколами сеанса, происходившаго 18-го ноября 1887 года, въ домѣ Нарцева (въ г. Тамбовѣ), на Инвалидной улицѣ.*

Присутствовали: А. З. Слѣпцова [1]), Н. П. Тулушевъ [2]), А. П. Иванова [3]), А. Н. Нарцевъ [4]).

Сеансъ начатъ въ 10 час. вечера, за круглымъ чернымъ столомъ, поставленномъ среди комнаты, при свѣтѣ ночника, стоявшаго на каминѣ; двери всѣ были заперты. Цѣпь составили слѣдующимъ образомъ: лѣвая рука каждаго лежала на правой рукѣ сосѣда, а нога прикасалась чужой ноги, такъ что все время сеанса какъ руки, такъ и ноги были постоянно

---

[1]) Александра Захаровна Слѣпцова—землевладѣлица Кирсановскаго уѣзда, тетка г. Нарцева, живущая въ его домѣ; [2]) Николай Петровичъ Тулушевъ — городской врачъ; [3]) экономка г-жи Слѣпцовой; [4]) Алексѣй Николаевичъ Нарцевъ—землевладѣлецъ Кирсановскаго уѣзда.

контролируемы. Сначала раздались рѣзкіе стуки въ полу, затѣмъ перешли въ стѣну и въ потолокъ. Послѣ этого стуки сразу раздались въ срединѣ стола, сверху, какъ бы кто ударилъ кулакомъ, и на столько часто и сильно, что столъ все время дрожалъ. Тогда одинъ изъ присутствующихъ (Нарцевъ) спросилъ: „Можете ли вы разумно отвѣчать? Если да, то отвѣтьте тремя стуками; если нѣтъ, то однимъ“.

Отв. (стуками). Да.

Вопр. Желаете ли вы отвѣчать азбукой.

Отв. Да.

Вопр. Сложите свое имя.

Произносится азбука. На извѣстной буквѣ три стука и т. д.

Отв. Анастасья Перелыгина.

Вопр. Теперь скажите пожалуйста, зачѣмъ вы явились и чего вы хотите?

Отв. (складывается по азбукѣ). Несчастная я. Молитесь за меня. Вчера днемъ умерла въ больницѣ. Третьяго дня я спичками отравилась.

Вопр. Разскажите о себѣ подробнѣе. Сколько вамъ было лѣтъ? Сколько лѣтъ, столько и стукните.

Отв. (Раздается 17 стуковъ).

Вопр. Чѣмъ вы были?

Отв. Была горничной. Отравилась спичками.

Вопр. Почему отравились?

Отв. Не скажу. Больше ничего не скажу.

Затѣмъ тяжелый столъ, стоявшій около стѣны, внѣ цѣпи, три раза быстро подвинулся къ сеансирующимъ, но каждый разъ былъ отброшенъ назадъ неизвѣстно кѣмъ. Въ стѣнѣ раздались семь стуковъ (заранѣе условленный знакъ, что сеансъ оконченъ) и въ 11 ч. 20 м. сеансъ оконченъ.

А. З. Слѣпцова. Н. П. Тулушевъ.
А. Н. Нарцевъ. А. П. Иванова.

Съ подлиннымъ протоколомъ совершенно вѣрно, что удостовѣряю своею подписью.

Алексѣй Нарцевъ.

II. *Заявленіе.*

Мы нижеподписавшіеся, присутствовавшіе на сеансѣ, происходившемъ 18-го ноября 1887 г., въ домѣ А. Н. Нарцева, симъ свидѣтельствуемъ, что ничего не знали о существованіи и смерти Анастасьи Нерелыгиной и о имени ея услыхали въ первый разъ только на помянутомъ сеансѣ. Апрѣля 6-го дня 1890 г., Тамбовъ.

Н. П. Тулушевъ. Алексѣй Нарцевъ.
А. Слѣпцова. А. Иванова.

III. *Письмо д-ра Н. П. Тулушева къ А. Н. Аксакову.*

„М. Г.“

„На сеансѣ, бывшемъ 18 ноября 1887 года у г. Нарцева, было получено стуками сообщеніе отъ имени Анастасьи Перелыгиной, просившей помолиться о ней и объяснившей, что она отравилась спичками и умерла 17 ноября. Въ первое время я не повѣрилъ этому, потому что мнѣ, какъ тамбовскому городовому врачу, полиція даетъ немедленно знать о всѣхъ случаяхъ самоубійства; но такъ какъ она объяснила, что смерть ея произошла въ больницѣ, а въ Тамбовѣ эта больница богоугодныхъ заведеній въ одно и то же время есть и городская и губернская земская больница, и мнѣ не подчинена, даже въ подобныхъ случаяхъ сама приглашаетъ полицію и судебныхъ слѣдователей, — то я и обратился съ письмомъ къ товарищу моему, доктору Зундблату, старшему ординатору этой больницы. Не упоминая ничего о случившемся, я только просилъ его увѣдомить меня, — не было ли въ больницѣ случая самоубійства въ послѣдніе дни, съ кѣмъ именно и при какихъ обстоятельствахъ? Копія съ его отвѣта (подлинникъ котораго хранится при протоколахъ у г. Нарцева), засвидѣтельствованная имъ самимъ, г. Зундблатомъ, была уже доставлена вамъ.

„Съ глубокимъ уваженіемъ имѣю честь быть
Н. Тулушевъ.“

15-го апрѣля 1890 г.
Г. Тамбовъ, Семинарская ул., соб. домъ.

IV. *Копія съ письма доктора Зундблата къ доктору Тулушеву.*

19-го ноября (1887 г.). Дорогой коллега, Николай Петровичъ! 16-го числа я былъ дежурнымъ и дѣйствительно въ этотъ день поступили въ больницу двѣ больныя, которыя отравились фосфоромъ. Первая—Вѣра Косовичъ, 38 лѣтъ (кажется, жена чиновника), жившая въ домѣ Богословской, въ Теплой улицѣ, была доставлена въ больницу при отношеніи 3-й части, въ 8 ч. вечера, а вторая, служанка при домѣ умалишенныхъ, Настасья Перелыгина, 17 лѣтъ, поступила въ 10 часовъ вечера; послѣдняя выпила, кромѣ настоя 10 коробочекъ спичекъ, еще полчашки керосина и была уже съ самаго начала плоха. Она умерла 17 числа, въ часъ дня, и была сегодня вскрыта судебно-медицинскимъ порядкомъ. Косовичъ умерла вчера и на завтра назначено судебно-медицинское вскрытіе ея трупа. Косовичъ объяснила, что приняла фосфоръ въ припадкѣ тоски, а Перелыгина не высказала причины отравленія. Вотъ все, что могу тебѣ сообщить объ этомъ дѣлѣ. Крѣпко жму твою руку.

Твой Ф. Зундблатъ.

Копія эта слово въ слово списана съ подлинника, что удостовѣряемъ подписями.

Алексѣй Нарцевъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Врачъ Ф. И. Зундблатъ.

V. *Письмо А. Н. Нарцева къ А. Н. Аксакову отъ 4 мая 1890 года.*

Желая выяснить, не могла ли г-жа Иванова, экономка Слѣпцовой, случайно зайти въ больницу и тамъ узнать о смерти Перелыгиной, или услыхать объ этомъ отъ кого-либо другого, я просилъ г. Нарцева разузнать все это, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить мнѣ, какъ далеко находится больница отъ ихъ дома, и была ли Перелыгина грамотна, ибо меня удивляло, что отъ горничной могло получиться сообщеніе по азбукѣ. На это г Нарцевъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее:

„Въ отвѣтъ на письмо ваше спѣшу сообщить вамъ, что экономка моей тетки не просто экономка, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а скорѣе другъ семейства, живущій съ нами уже болѣе пятнадцати лѣтъ, и пользующійся полнымъ нашимъ довѣріемъ. Она не могла до сеанса знать о фактѣ самоотравленія Перелыгиной, такъ какъ у нея нѣтъ ни знакомыхъ, ни родныхъ въ Тамбовѣ, и она никогда не выходитъ изъ дому.

„Больница, въ которой Перелыгина умерла, находится на противоположномъ концѣ города, въ пяти верстахъ отъ моего дома. Д-ръ Зундблатъ сообщаетъ мнѣ, на основаніи протокола дознанія, что Перелыгина умѣла читать и писать“.

Въ дополненіе ко всему сказанному мнѣ остается пояснить, что Перелыгина служила горничной въ отдѣленіи умалишенныхъ, находящемся въ стѣнахъ той же больницы богоугодныхъ заведеній, куда и была доставлена наканунѣ своей смерти.

Какое возможно объясненіе для подобныхъ случаевъ по теоріямъ г. Гартмана? Нечего распространяться о томъ, что тутъ не можетъ быть переноса мыслей на далекое разстояніе, ибо существенное для того условіе „душевная связь“—между двумя лицами, другъ другу неизвѣстными—не можетъ имѣть мѣста; остается опять ясновидѣніе; но единственно возможное „чувственное посредство“ для воспріятія сенситивиаго ощущенія, предполагаемое въ присутствующемъ на сеансѣ лицѣ, знавшемъ отшедшаго — также не имѣетъ мѣста. Поэтому возможно прибѣгнуть только къ чистому ясновидѣнію; но всякій случай ясновидѣнія обусловленъ достаточными причинами, а во всѣхъ этихъ фактахъ существенное условіе, — „напряженный интересъ воли“ — какъ для установки въ абсолютѣ телефоннаго соотношенія между медіумомъ и живыми (т. е. друзьями отшедшаго, а не съ самимъ отшедшимъ, который равенъ нулю), такъ и для прямого соотношенія медіума съ „абсолютнымъ знаніемъ абсолютнаго духа“, одинаково отсутствуетъ.

На самомъ дѣлѣ, есть ли малѣйшая возможность допустить, чтобы медіумъ — возьмемъ для примѣра хоть случай съ миссисъ Коннантъ — въ назначенный въ недѣлѣ день и часъ, занявъ свое мѣсто въ редакціи „Баннера“, нѣсколько минутъ

спустя входилъ въ соотношеніе съ абсолютомъ, и чтобъ въ результатѣ черезъ уста находящагося въ безсознательномъ состояніи медіума получался цѣлый рядъ сообщеній отъ отшедшихъ? Не была ли бы это комедія, навязанная нами абсолюту? Ибо „абсолютное знаніе“ должно же, по этой теоріи, знать, что эти отшедшіе болѣе не существуютъ, и роль, которую бы оно заставило разыграть медіума, была бы только жалкой ложью, несовмѣстимой съ понятіемъ объ абсолютѣ.

Сверхъ того, самъ г. Гартманъ взялъ на себя трудъ пояснить намъ, на сколько всякія толкованія ясновидѣніемъ здѣсь неприложимы:

„Настоящее ясновидѣніе, повидимому, потому только не встрѣчается у профессіональныхъ медіумовъ, что они обыкновенно чужды присутствующимъ и не питаютъ глубокаго участія къ нимъ, а потому здѣсь нѣтъ интереса воли, достаточнаго для того, чтобы установить достаточно глубокое общеніе. При тѣхъ передачахъ представленій, которыя лежатъ въ интересахъ медіума, достаточна индукція посредствомъ колебаній мозга, такъ что здѣсь вовсе нѣтъ надобности въ установленіи того общенія въ абсолютномъ, о которомъ была рѣчь; по отношенію же къ прошедшей и будущей судьбѣ участниковъ сеанса или ихъ друзей и родныхъ можетъ еще тѣмъ менѣе пробуждаться интересъ, достаточно глубокій для того, чтобы безсознательная воля принуждена была черпать изъ абсолютнаго знанія, коренящагося въ абсолютной основѣ. То, что спириты считаютъ ясновидѣніемъ въ своихъ медіумахъ — не есть таковое; настоящаго ясновидѣнія, представляющаго наиболѣе нѣжный, хотя и болѣзненный, цвѣтокъ безсознательной духовной жизни человѣчества, спириты не находятъ въ своихъ медіумахъ, слишкомъ ремесленно занимающихся своимъ дѣломъ“ (стр. 103—104).

И такъ ясно, что съ точки зрѣнія Гартмана ни передача мыслей на далекомъ разстояніи, ни ясновидѣніе не могутъ объяснить фактовъ этой рубрики, но тѣмъ не менѣе они существуютъ и, слѣдовательно, должны имѣть объясненіе. И они, какъ разъ, этими обѣими гипотезами и объясняются, если

только ихъ разсматривать не съ метафизической и не съ сверхъестественной точки зрѣнія, а съ естественной, человѣческой. Ибо что такое, въ самомъ дѣлѣ, передача мыслей на разстояніи? Это обмѣнъ сознательныхъ или безсознательныхъ впечатлѣній между двумя центрами психической дѣятельности. При обыкновенныхъ опытахъ передачи мыслей магнетическимъ, гипнотическимъ или инымъ путемъ мы знаемъ, изъ какого центра психической дѣятельности исходитъ внушеніе. При медіумическихъ опытахъ, когда получается сообщеніе факта, который извѣстенъ намъ лично, или одному изъ участниковъ мы имѣемъ право приписать это сообщеніе безсознательному обмѣну впечатлѣній между психическими дѣятельностями присутствующихъ лицъ. Но когда идетъ рѣчь о сообщеніи факта, присутствующимъ неизвѣстнаго, то естественно мы должны приписать его кому-нибудь отсутствующему, знающему этотъ фактъ; здѣсь необходимо симпатическое соотношеніе; когда же такового между живыми не существуетъ, а только между живымъ и отшедшимъ, и когда притомъ этотъ отшедшій имѣетъ интересъ сообщить живому данный фактъ — и къ тому же фактъ, извѣстный ему одному, — развѣ не естественно и логично сообщеніе этого факта приписать той индивидуальности, которая себя таковою заявляетъ? Здѣсь процессъ передачи мыслей совершается непосредственно, естественнымъ путемъ, не прибѣгая къ сверхъестественному, къ телефонному соединенію съ абсолютомъ.

Ясновидѣніе подтверждаетъ этотъ способъ объясненія еще лучше. Что такое ясновидѣніе по мнѣнію г. Гартмана? Это— „воспріятіе дѣйствительныхъ объективныхъ явленій безъ посредства органа чувствъ“ (стр. 93). Такъ, напр.: ясновидящій видитъ на большомъ разстояніи пожаръ, смертный случай и т. п.; это — объективныя явленія, которыя и воспринимаются какъ таковыя; но когда этотъ самый ясновидящій видитъ „духа“, то это уже ничто иное, какъ „субъективное явленіе“. Тутъ уже нѣтъ болѣе ясновидѣнія! Къ чему же было говорить, что „содержаніе сомнамбулическаго сознанія“ имѣетъ источникомъ и „дѣйствительное ясновидѣніе“? (стр. 74). Лучше

было бы объ этомъ умолчать!.. И далѣе: „Индивидуальной душѣ принадлежитъ способность абсолютнаго знанія... помощь извнѣ какого бы то ни было посредника становится не нужной, и менѣе всего нужна помощь духовъ отшедшихъ“ (стр. 98). Вотъ медіумъ въ трансѣ, черезъ уста котораго проявляется отшедшій, всѣмъ присутствующимъ неизвѣстный, но извѣстный тѣмъ, конхъ самъ отшедшій называетъ и кои подтверждаютъ вѣрность всѣхъ подробностей, сообщенныхъ имъ о себѣ самомъ, о своей частной и общественной жизни. Это опять ясновидѣніе. Его имя, фамилія, всѣ эти подробности почерпнуты „изъ абсолютнаго знанія абсолютнаго духа“; только фактъ его неземнаго бытія—ложь! Здѣсь абсолютное знаніе уже не достовѣрно, уже не абсолютно. Такимъ образомъ это ясновидѣніе участвуетъ въ нашемъ сомнамбулическомъ сознаніи не больше и не иначе, чѣмъ *намъ* это угодно допустить.

Развѣ не гораздо разумнѣе для этихъ исключительныхъ случаевъ принять психическій центръ дѣятельности, внѣ медіума находящійся? Разъ таинственный фактъ индивидуаціи намъ данъ, воспринятіе сенситивомъ впечатлѣнія, исходящаго отъ живого, хотя бы и вдали находящагося индивидуума, не менѣе чудесно, чѣмъ воспріятіе, исходящее отъ такъ называемаго умершаго индивидуума, доказывающаго самымъ фактомъ внушеннаго впечатлѣнія, что онъ не умеръ; сенситивъ можетъ даже видѣть и чувствовать присутствіе подобнаго индивидуума, не будучи ясновидящимъ въ силу абсолюта; разъ центръ этой неземной дѣятельности данъ, сенситивъ подвергнется всѣмъ его воздѣйствіямъ, подобно тому, какъ онъ подвергается воздѣйствіямъ, исходящимъ изъ центра дѣятельности земной, какъ мы это видимъ въ опытахъ магнетическихъ и гипнотическихъ; это будетъ только расширеніемъ вида и степени психическаго воздѣйствія между данными центрами сознанія, безъ призванія на помощь метафизики и абсолюта. Что подобные центры дѣятельности не суть только воображаемые, это видно не только изъ данныхъ черезъ фотографію доказательствъ, но также изъ способа проявленія ихъ дѣятельности, который никакъ нельзя назвать психическимъ и который никакого отношенія къ ясно-

видѣнію не имѣетъ. Возьмемъ случай Авраама Флорентина: медіумъ находился во время этого явленія въ трансѣ; не черезъ уста его и не черезъ посредство рукъ его проявляется эта разумная сила, но посредствомъ движеній стола, необычайно энергичныхъ — способъ проявленія для медіума совершенно необыкновенный; итакъ, движеніями стола и его стуками выразился бы здѣсь этотъ приступъ ясновидѣнія! Неразрѣшимое для какой бы то ни было логики отношеніе причины и дѣйствія! Еще менѣе разрѣшимое для теоріи, которая допускаетъ ясновидѣніе только подъ формою галлюцинаторною. Мы приходимъ теперь къ рубрикѣ фактовъ, которые служатъ звеномъ между психическими и физическими проявленіями той же дѣйствующей причины; такихъ фактовъ, гдѣ необходимость признанія этой причины за самостоятельный центръ дѣятельности, внѣ медіума находящійся, или, по выраженію г. Гартмана, за причину трансцендентальную, становится очевидною.

X. Передача сообщеній на большія разстоянія.

Мы читаемъ у Гартмана: „До сихъ поръ спиритическіе сеансы еще не представляютъ никакого матеріала по отношенію къ передачѣ представленій на большія разстоянія, такъ какъ медіумъ пока оставался обыкновенно активной стороной, вмѣсто того, чтобы находиться — какъ это необходимо при подобныхъ опытахъ — въ пассивномъ отношеніи къ другому медіуму, находящемуся въ отдаленномъ мѣстѣ“ (стр. 91). Какъ это утвержденіе, такъ и теорія одинаково опровергаются фактами. Случаи передачи сообщеній на далекія разстоянія, хотя и рѣдки, но все-таки существуютъ въ спиритизмѣ. Первое мѣсто принадлежитъ опыту проф. Гера, который не безъ основанія придавалъ ему большую цѣну, считая его за абсолютное доказательство проявленія силы, внѣ медіума находящейся.

Въ сочиненіи своемъ „Опытныя изслѣдованія спиритическихъ явленій“ (С.-Петерб., 1889 г.) онъ свидѣтельствуетъ о слѣдующемъ фактѣ:

§ 89. „3-го іюля 1855 года, находясь въ Кэнъ-Мэ, Айландѣ, я попросилъ своего духа-покровителя отправиться въ Филадельфію къ моей знакомой, г-жѣ Гурлей, съ порученіемъ къ ея мужу — доктору Гурлею: справиться въ банкѣ о платежномъ срокѣ по векселю и сказать ей, что я въ половинѣ 4-го буду сидѣть за спиритоскопомъ, въ ожиданіи отвѣта. Это было въ часъ пополудни, а въ назначенное мною время мой невидимый другъ возвратился и передалъ мнѣ результатъ наведенной справки. Вернувшись въ Филадельфію, я узналъ отъ г-жи Гурлей, что мой невидимый посланецъ прервалъ сообщеніе, передававшееся въ это время черезъ нее (какъ медіума) посредствомъ спиритоскопа, чтобъ заявить ей о моемъ порученіи, вслѣдствіе чего мужъ ея и братъ отправились въ банкъ и навели справку, которая, по сличеніи, оказалась та самая, что была мнѣ передана въ половинѣ 4-го моимъ духомъ-покровителемъ“.

§ 90. „Бухгалтеръ банка помнилъ объ этомъ дѣлѣ, но въ ту пору не взялъ на себя труда заглянуть въ банковую книгу, не имѣвшуюся тогда у него подъ руками. Поэтому свѣдѣніе, полученное просителями, было невѣрно, но согласно съ отвѣтомъ, переданнымъ мнѣ моимъ посланнымъ, и не согласно съ тѣмъ, что я ожидалъ узнать, а слѣдовательно и не могло быть взято изъ моей головы. Объ этомъ я ничего никому не говорилъ, покуда, вернувшись въ Филадельфію и посѣтивъ г-жу Гурлей, не спросилъ ея: не имѣла ли она во время моего отсутствія какого сообщенія отъ меня? Изъ ея отвѣта я узналъ, что въ то время, когда ея братъ получалъ черезъ нее сообщеніе отъ своей покойной матери, оно было прервано моимъ духовнымъ посланцемъ съ моимъ порученіемъ къ ея мужу, вслѣдствіе чего требуемая мною справка и была наведена“.

Передъ нами фактъ, который никакъ не поддается объясненію посредствомъ какой бы то ни было психической теоріи (передача мыслей, ясновидѣніе и т. п.) И въ самомъ дѣлѣ, разстояніе не малое, почти сто англійскихъ миль; нѣтъ никакой „душевной связи“, никакого „интереса воли“, сильной любви или дружбы, чтобы устроить въ абсолютѣ „телефонное

соединеніе“ двухъ индивидуумовъ (проф. Гера и г-жи Гурлей), нѣтъ „галлюцинаторныхъ образовъ“, нѣтъ „мимической передачи внушенныхъ галлюцинацій“ (стр. 82), а, напротивъ, абстрактное понятіе, порученіе по векселю; второй медіумъ не находится „въ пассивномъ состояніи относительно перваго“, какъ того требуетъ г. Гартманъ (см. стр. 91); напротивъ, медіумъ находился въ полной психической дѣятельности, давалъ сообщеніе, которое совершенно неожиданно и насильственно было прервано другимъ сообщеніемъ; и оба медіума были сверхъ того въ полномъ нормальномъ состояніи. Болѣе того, депеша была передана не посредствомъ ихъ мозговъ, а посредствомъ инструмента! Какое же объясненіе дастъ намъ г. Гартманъ? Онъ, пожалуй, скажетъ: „это дѣйствіе нервной силы на разстояніи, такъ какъ обмѣнъ сообщеній произошелъ физическимъ путемъ посредствомъ спиритоскопа“. — Нѣтъ, возражаю я, это лишь запутываетъ вопросъ, ибо спиритоскопъ служилъ только внѣшнимъ орудіемъ для передачи мысли; этого-то именно и нельзя понять: къ чему движеніе спиритоскоповъ, если это только умственное явленіе? Суть дѣла въ томъ, что именно произошла передача мысли. Затрудненіе, при объясненіи Гартмана, остается то же самое, да еще съ усложненіями, ибо нервная сила должна при этомъ быть и ясновидящей, чтобъ видѣть вдали спиритоскопъ, буквы на немъ и проч.! Г. Гартману ничего другого не остается, какъ измѣнить условія своего воззванія къ абсолюту, къ этому Аллаху, выручающему его изъ всѣхъ затрудненій.

Вотъ другой подобный же случай, который я заимствую также изъ книги проф. Гера (§§ 1485 — 1492 англійскаго изданія; § 201 рус. изд.). Онъ приводитъ слѣдующее полученное имъ письмо:

„Филадельфія, 6-го сентября, 1855 года“.

„М. Г. При нашемъ послѣднемъ свиданіи вы пожелали узнать нѣсколько фактовъ изъ моего личнаго опыта. Около трехъ лѣтъ тому назадъ, я читалъ лекціи въ этомъ городѣ противъ *духовности* такъ называемыхъ нынѣ спиритическихъ

явленій, защищая теорію нервнаго тока, послушнаго орудія воли. Въ то время я имѣлъ способность останавливать физическія движенія; вослѣдствіи виновники сихъ движеній отказались повиноваться мнѣ. Они объяснили мнѣ потомъ, будто они только на время дали мнѣ власть надъ ними, съ тѣмъ, чтобы потомъ убѣдить меня, отнявъ у меня эту власть.

„Прочитавъ вашъ разсказъ о посланіи, переданіомъ вами, прошлаго іюня, изъ Кэпъ-Мэ въ нашъ городъ, спиритическимъ путемъ, мнѣ показалось, что разсказъ о подобіомъ же посланіи, отправленномъ мною такимъ же способомъ въ кружокъ здѣшняго города, будетъ для васъ не лишенъ интереса. Вечеромъ, 22 іюня 1853 г., сидя у стола г-жи Лонгъ (пишущаго медіума, живущаго въ Томсонъ-Стритѣ, 9, въ Нью-Іоркѣ), я получалъ сообщенія отъ имени жены моей. Въ это время я былъ назначенъ распорядителемъ кружка, собиравшагося каждую среду, вечеромъ, въ домѣ г. Гордона, 103, Норсъ-Фифсъ-Стритъ, въ Филадельфіи. Я спросилъ свою жену, можетъ ли она передать посланіе кружку, собирающемуся въ то же время въ Филадельфіи. Она отвѣчала: *попробую*. Я попросилъ ее тогда засвидѣтельствовать кружку мое почтеніе и передать ему, что я превосходно успѣваю въ изслѣдованіяхъ своихъ и все сильнѣе убѣждаюсь въ истинѣ подобныхъ явленій. Чрезъ семнадцать минутъ она снова заявила о присутствіи своемъ и увѣдомила насъ объ исполненіи порученія. Въ слѣдующую среду, вечеромъ, находясь въ Филадельфіи, я явился въ кружокъ, и всѣ члены заявили мнѣ, что мое посланіе было имъ въ точности передано; они тогда получали сообщеніе отъ другого лица, но оно было прервано, и жена моя, заявивъ имя свое, передала, чрезъ руку г. Гордона, сущность даннаго ей порученія. При этомъ присутствовало до двѣнадцати человѣкъ, достойныхъ полнаго уваженія, между которыми были: г. и г-жа Гоуель, г. и г-жа Лэрдъ, г. Ааронъ Комфортъ, г. Вильямъ Кнапиъ и др. Самъ я не медіумъ, поэтому возраженіе о медіумической симпатіи будетъ здѣсь неумѣстно.

„И. Уэстъ.“

„Джоржъ-Стритъ 4“.

Вотъ еще хорошій случай, который я заимствую изъ совершенно благонадежнаго источника. Въ книгѣ г. Бриттена: „Разсужденіе о фактахъ и философіи древняго и новаго спиритуализма“ („A discussion on the facts and philosophy of ancient and modern Spiritualism, by S. B. Brittan and D-r Richmond, New-York 1853“), на стр. 289, мы читаемъ: „У г. Б. М. Фарлянда, жители Лоуэля въ Массачусетѣ, есть дочь Сусанна, одаренная медіумическими способностями. Зиму 1851 — 1852 годовъ она проводила на югѣ, въ штатѣ Георгіи, и въ это время произошелъ слѣдующій интересный фактъ. Передаю его, какъ онъ разсказанъ г. Фарляндомъ въ адресованномъ ко мнѣ письмѣ:

„Г. С. Б. Бриттэну. — М. Г. Вечеромъ 2 февраля 1852 г., на сеансѣ, который происходилъ у меня на дому, въ Лоуэлѣ, жена моя спросила — тутъ ли Луиза (наша отшедшая дочь), и получила утвердительный отвѣтъ. На вопросъ — часто ли ты бываешь съ Сусанной (нашей единственной дочерью въ живыхъ, путешествовавшей въ то время съ друзьями своими въ Георгіи)? — былъ полученъ также утвердительный отвѣтъ. Тогда жена моя сказала: „*Ступай и оставайся съ Сусанной, и охраняй ее отъ всякаго несчастья во еремя ея отсутствія*“. На это Луиза отвѣтила стуками, что она это исполнитъ. Это происходило, прошу помнить, вечеромъ 2 февраля. Спустя недѣлю мы получили письмо отъ Сусанны, изъ Аталанты, въ Георгіи, помѣченное 3-мъ февраля, 1852 г., въ которомъ значилось: „Вчера вечеромъ у насъ былъ сеансъ, пришла Луиза, стукомъ потребовала азбуку, и продиктовала мнѣ: „*Мать желаетъ, чтобы я пришла къ тебѣ, и оставалась съ тобою, и охраняла тебя отъ всякаго несчастія во все время твоего отсутствія изъ дома. Луиза*“. Изъ этого вы видите, что какой-то невидимый дѣятель, именующій себѣ моей дочерью, получилъ отъ насъ порученіе въ Лоуэлѣ, въ Массачусетѣ, и передалъ его слово въ слово въ Аталантѣ, въ Георгіи (на разстояніи до тысячи миль) въ теченіе одного часа“.

„Преданный вамъ Б. М. Фарляндъ“.

*

Я заканчиваю эту рубрику фактомъ, особенность котораго состоитъ въ томъ, что *сообщеніе было передано безъ названія лица, коему оно предназначалось*, причемъ выборъ этого лица былъ предоставленъ на волю проявлявшейся разумной силы. Почерпаю этотъ фактъ изъ письма г. Фезерстонафа, напечатаннаго въ „Light“ъ 1886 г., стр. 603:

„Согласно печатно выраженному вами желанію, сообщаю вамъ мой опытъ съ миссисъ Маудъ Лордъ . . . . . У меня есть миніатюрный портретъ, писанный лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ, и такъ какъ онъ лежалъ у меня очень давно запечатаннымъ въ конвертѣ, то я имѣлъ намѣреніе воспользоваться имъ для ряда опытовъ въ темнотѣ съ различными медіумами. Не зная въ ту пору адреса такого медіума, на котораго я могъ бы положиться, я мысленно выразилъ едва ли сбыточное желаніе, чтобы проявлявшаяся у меня личность, называвшая себя именемъ С. и утверждавшая, что всегда знаетъ мои мысли, посѣтила какого-нибудь медіума и внушила бы ему прислать мнѣ свой адресъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ письмо отъ миссисъ Лордъ, проживавшей отъ меня въ двухъ стахъ миляхъ, со слѣдующими, между прочимъ, строками: „С. проявилась на одномъ изъ моихъ сеансовъ и просила меня выслать вамъ, согласно вашему желанію, мой адресъ, что я и дѣлаю“ („Light“, 18 декабря 1886 года).

XI. Переносъ вещей на большія разстоянія.

Мы сейчасъ видѣли, что сила, вызывающая спиритическія явленія, не ограничивается личностью самого медіума или комнатою сеансовъ, но можетъ проявиться и передать сообщеніе и на большомъ разстояніи; что подобное проявленіе не есть передача мыслей отъ одного мозга къ другому и не есть дѣйствіе ясновидѣнія, мы должны были заключить это изъ отсутствія тѣхъ условій, которыя г. Гартманъ требуетъ для подобныхъ явленій, а также изъ того факта, что эта сила проявляется и на разстояніи черезъ стуки и движенія стола; мы теперь тотчасъ увидимъ, что это физическое дѣйствіе на

разстоянiи не есть просто отраженiе или превращенiе психическихъ впечатлѣнiй, получаемыхъ находящимся въ отдаленiи медiумомъ, но что это дѣйствiе исходитъ изъ самостоятельнаго центра силы, и что это не простая физическая сила, вызывающая звуки и движенiя въ косныхъ тѣлахъ, но что это нѣчто гораздо болѣе субстанцiальное и сложное; ибо оно можетъ не только передать сообщенiе, но и матерiальный предметъ; и при этомъ не только при такихъ условiяхъ, когда переносъ происходитъ на большомъ разстоянiи (что, будучи возможно для человѣческихъ средствъ, не насилуетъ нашихъ физическихъ понятiй и не включаетъ необходимо процесса, который мы бы назвали „сверхъестественнымъ“), — но также и при такихъ условiяхъ, когда переносъ совершается при проникновенiи чрезъ плотную матерiю, что уже насилуетъ наши физическiя понятiя и уже не представляется намъ „естественнымъ“.

Такимъ образомъ, мы мало-но-малу подошли къ такому ряду явленiй, которыя, по собственному воззрѣнiю Гартмана, мы должны назвать сверхъестественными или трансцендентальными; такъ какъ онъ не смогъ объяснить ихъ причинами естественными, какой-либо дѣятельностью самого медiума, то изъ этого мы должны заключить, что они требуютъ допущенiя силы иного порядка, внѣ медiума существующей. Перейдемъ къ примѣрамъ.

Переносъ фотографiи изъ Лондона въ Лоустофтъ, на разстоянiи 175 километровъ (верстъ).

Это превосходный случай, почерпнутый изъ очень хорошаго источника. Профессоръ Барретъ ручается за него. Онъ повѣствуетъ о немъ слѣдующее:

„Я не имѣю права назвать имени, ни даже настоящихъ начальныхъ буквъ лица, сообщившаго мнѣ слѣдующiй замѣчательный фактъ. Но я лично съ нимъ знакомъ и имѣю о немъ самые лучшiе отзывы, въ особенности отъ одного весьма извѣстнаго духовнаго лица, который случайно оказался на-

нимъ общимъ знакомымъ. . . . . На основаніи моихъ разслѣдованій, наблюденій и перекрестныхъ допросовъ во мнѣ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія въ совершенной правдивости разсказчика . . . . Засимъ я просто передаю его письмо объ этомъ случаѣ. Получилъ я его въ концѣ 1876 года.

„М. Г. Въ 1868 году мнѣ привелось имѣть нѣсколько сеансовъ въ моемъ собственномъ домѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми моими пріятелями, причемъ мы получали обыкновенные результаты — движенія и поднятіе стола, стуки и проч. Это побудило меня предпринять, для основательнаго изслѣдованія предмета, цѣлый рядъ сеансовъ съ пріятелями моими и вмѣстѣ съ профессіональными медіумами. Происходили они въ разныхъ помѣщеніяхъ и при разнообразныхъ условіяхъ.

„Я былъ твердо увѣренъ, что полученные результаты были чужды всякаго непосредственнаго участія медіума, который не имѣлъ никакого вліянія ни на родъ явленій, ни на электрическія или иныя необходимыя для нихъ условія. Но я не былъ однакожъ увѣренъ въ сверхъестественіомъ характерѣ этихъ явленій и сознавалъ, что невозможно было составить себѣ окончательнаго убѣжденія относительно участія медіума, покуда я не получилъ бы подобныхъ же результатовъ въ моемъ собственномъ кружкѣ, безъ профессіональнаго медіума и при условіяхъ, исключавшихъ всякую возможность обмана. Благопріятный къ тому случай представился въ 1870 году.

„Я находился въ ту пору на берегу моря въ Лоустофтѣ съ моей женой, знакомой молодою дамой и одинимъ господиномъ — старымъ короткимъ пріятелемъ. Всѣ они, въ особенности моя жена, были невѣрующими и надъ всѣмъ этимъ смѣялись. Но все-таки мы порѣшили попытать, чего можемъ достигнуть.

„Мы сидѣли въ гостиной въ первомъ этажѣ, дверь была заперта и ключъ въ моемъ карманѣ. Мы завернули газъ, но въ окна свѣтилъ полный мѣсяцъ и въ комнатѣ было достаточно свѣтло, чтобы видѣть другъ друга и все, въ ней находившееся. Столъ былъ тяжелый, орѣховый, продолговатый и четырехугольный. Своего пріятеля я обозначу буквою Ф, а молодую даму буквою А...“.

Далѣе слѣдуетъ описаніе нѣсколькихъ сеансовъ, на которыхъ происходили разныя явленія физическаго порядка, какъ-то: движенія предметовъ, прикосновенія, появленія огоньковъ, фигуръ, приносы цвѣтовъ; „этотъ послѣдній видъ явленій далъ намъ мысль получить приносъ какого-либо извѣстнаго, оставленнаго дома предмета“.

„Ф. проситъ принести ему что нибудь изъ его дома; тутъ его начинаетъ бросать во всѣ стороны, онъ впадаетъ въ трансъ и на столѣ передъ нимъ появляется какая то фотографія. Жена моя беретъ ее и, когда, минутъ пятнадцать спустя, онъ пришелъ въ себя, показываетъ ему. Онъ прячетъ ее въ карманъ и, обливаясь слезами, говоритъ: „Я бы ни за что въ мірѣ этого не пожелалъ!“

„Фотографія эта была единственный экземпляръ портрета молодой дѣвушки, съ которой онъ былъ нѣкогда обрученъ. Она находилась въ альбомѣ въ ящикѣ, запертомъ двумя замками, въ его домѣ въ Лондонѣ. Когда мы вернулись въ городъ, она оказалась исчезнувшей, и жена его, вовсе незнавшая, что мы занимались сеансами, сказала намъ, что въ это самое время въ его спальнѣ раздался ужасный трескъ и всѣ бывшіе въ домѣ сбѣжались, чтобы узнать причину“ („Light“ 1883 года, стр. 30 — 31). Этотъ же случай, со многими интересными подробностями, появился теперь въ „Трудахъ Лонд. Общ. Пс. Изслѣд.“ за 1891 г., ч. XIX, стр. 191.

Вотъ еще другой очень интересный случай: *Переносъ деревянныхъ спицъ на двадцать миль разстоянія*, который также заимствую изъ „Light“'а 1883 года, стр. 117.

„Я недавно былъ свидѣтелемъ переноса предмета не человѣческими средствами изъ одной мѣстности въ другую на разстояніи болѣе двадцати англ. миль. Буду по возможности кратокъ, но долженъ напередъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ кружкѣ. Онъ состоитъ всего изъ шести человѣкъ, изъ коихъ пятеро старые, опытные спириты, но шестой изъ нихъ — недавно обращенный изъ бывшихъ веслеянцевъ, который съ большимъ рвеніемъ ратовалъ за пропаганду методизма и уничтоженіе спиритизма. Онъ теперь отступился отъ этой секты

и, къ немалому своему удивленію, сдѣлался хорошимъ трансъ-медіумомъ“.

„Недѣли за двѣ до этого замѣчательнаго сеанса, одинъ мой пріятель, котораго я назову г. Г., пріѣхалъ въ Іоркъ провести съ нами праздники (онъ школьный учитель) и въ это время участвовалъ въ нашемъ кружкѣ. На послѣднемъ сеансѣ г. Г. вздумалъ предложить нашимъ невидимымъ участникамъ, чтобъ они, по его возвращеніи домой, принесли намъ въ Іоркъ какую-нибудь вещицу изъ его дома, на что получился отвѣтъ: „мы попробуемъ“.

„На слѣдующихъ двухъ сеансахъ, уже въ отсутствіе Г., не произошло ровно никакихъ явленій — вещь для насъ совершенно необычная; но на третьемъ, послѣ того какъ мы просидѣли отъ восьми часовъ до половины десятаго, какъ разъ за моей спиною упали съ быстротою молніи двѣ деревянныя вязальныя спицы, длиною около фута. Это случилось при свѣтѣ, нѣсколько убавленномъ.

„Медіумъ, черезъ котораго произошло это явленіе — дама безупречнаго характера, стоящая внѣ всякихъ подозрѣній, не получившая никогда ни одного пенни за свой медіумизмъ. Во время этого сеанса она была въ трансѣ и сидѣла противъ меня. Когда спицы упали, она заговорила и сказала приблизительно слѣдующее: „спицы, которыя мы вамъ принесли, взяты изъ ящика въ передней г. Г. На крышкѣ ящика было нѣсколько банокъ съ вареньемъ, мы достали спицы не безъ труда. Въ продолженіе дня г. Г. гулялъ по пригоркамъ, собирая ягоды“ и т. д.

„Я тотчасъ же написалъ своему пріятелю, сообщая ему подробно о случившемся, и онъ немедленно отвѣтилъ, что все это совершенно вѣрно. Онъ и жена его вечеромъ, въ половинѣ десятаго, когда принесены были намъ спицы, уже ложились спать. Едва они вошли въ спальню, какъ г-жа Г. услышала шумъ въ передней, но такъ онъ не повторился, то она и не обратила на него дальнѣйшаго вниманія. Спицы, вѣроятно, были въ эту самую минуту вынуты изъ ящика; онѣ упали за моей спиной, какъ разъ въ это время. — Остаюсь съ уваженіемъ преданный вамъ А. Р. Уильсонъ“.

„P. S. — Г. Г. пріѣзжалъ въ Іоркъ, осматривалъ спицы и призиалъ ихъ своими“.

„20, Оршардъ-Стритъ, Іоркъ, 27 февраля 1883 года.“

Заимствую еще одинъ случай изъ „Спиритуалиста“ 1876 года, томъ I, стр. 177.

Переносъ локона невидимой силой изъ Портсмута въ Лондонъ на разстояніи 60 англ. миль.

Одно духовное лицо, проживающее въ Портсмутѣ, сообщаетъ редакціи слѣдующее:

„Около девяти часовъ вечера одна молодая дама, одаренная медіумическими способностями, на домашнемъ интимномъ сеансѣ, впала въ трансъ и заговорила отъ имени Самуила, той самой личности, которая обыкновенно проявлялась черезъ нее и еще черезъ другого медіума, Монка, гостившаго въ то время у г. Ф., въ Лондонѣ. Поговоривъ нѣкоторое время съ кружкомъ, Самуилъ спросилъ ножницы, чтобы отрѣзать прядку волосъ съ головы медіума, говоря, что онъ отнесетъ ее своему другому медіуму, Монку; и съ этими словами оставилъ насъ, но сеансъ нашъ продолжался довольно долго и очень удачно. Къ концу его опять явился Самуилъ, веселый и очень довольный собою, а маленькая индіанка Дэзи, въ то время говорившая черезъ медіума, сказала своимъ ломаннымъ языкомъ, что Самуилъ удивительно ловокъ и дѣйствительно исполнилъ то, что мы приняли за шутку.

„Около двухъ часовъ на слѣдующее утро, къ великому нашему удивленію, пришло письмо отъ г. Ф. съ слѣдующимъ извѣстіемъ: „Сегодня вечеромъ, пока я разговаривалъ съ Монкомъ о разныхъ посторонникъ вещахъ, вдругъ проявился Самуилъ и сказалъ: „Мнѣ пора, я долженъ быть въ Портсмутѣ“. Часа черезъ два, на глазахъ у меня и моихъ домашнихъ, рукою медіума внезапно овладѣла сила, и въ то время, какъ онъ, продолжая разговаривать съ нами, даже не смотрѣлъ на бумагу, рука его написала: „Добрый вечеръ! Я

сейчасъ былъ въ Портсмутѣ у Х., въ доказательство чего я отрѣзалъ прядь ея волосъ и принесъ ее сюда къ моему медіуму. Сообщите это ея отцу и пошлите ему волосы. Вотъ они, смотрите! Самуилъ“. Мы взглянули на Монка и увидали, изъ юго-восточнаго угла комнаты летѣла прямо на его голову прядь волосъ и потомъ упала на полъ, откуда я и поднялъ ее. Я долженъ прибавить, что все это произошло не на форменномъ сеансѣ, а совершенно неожиданно, при полномъ газовомъ освѣщеніи“.

Впрочемъ, для цѣли, которую мы преслѣдуемъ въ этой главѣ, безразлично, принесенъ ли предметъ издалека или нѣтъ; суть дѣла въ томъ, чтобы доказать дѣйствительность явленія, извѣстнаго въ спиритизмѣ подъ именемъ „проникновенія матеріи“, передъ которымъ естественныя объясненія безсильны. Считаю безполезнымъ распространяться о томъ, что явленіе завязыванія узловъ на безконечной нити и исчезновенія и появленія столика, какъ это описано Цёлькеромъ, съ точки зрѣнія Гартмана „не естественныя“, и надо полагать, Цёльнеръ не безъ достаточнаго основанія нашелъ себя вынужденнымъ принять, для ихъ объясненія, не только гипотезу четвертаго измѣренія пространства, но и располагающихъ этимъ пространствомъ существъ.

Между наилучше доказанными фактами я упомяну здѣсь объ одномъ, констатированномъ самимъ Круксомъ. Вотъ что онъ говоритъ въ своихъ „Замѣткахъ, относящихся до изслѣдованія такъ называемыхъ спиритическихъ явленій въ 1870 — 1873 годахъ:

„Миссъ Фоксъ прошлаго года весной обѣщала дать мнѣ сеансъ у меня на дому. Въ то время, какъ я ее поджидалъ, мои два старшіе сына, одиннадцати и четырнадцати лѣтъ, вмѣстѣ съ нашей родственницей находились въ столовой, гдѣ обыкновенно происходили сеансы, а я занимался у себя въ кабинетѣ. Услыхавъ подъѣхавшій кэбъ и звонокъ, я самъ отперъ дверь для миссъ Фоксъ и провелъ ее прямо въ столовую. Она сказала, что наверхъ не пойдетъ, такъ какъ долго оставаться не можетъ, и положила свою шляпу и шаль на стулъ

въ этой комнатѣ. Тогда я сказалъ своимъ обоимъ мальчикамъ, чтобы они перешли въ мой кабинетъ, и тамъ продолжали заниматься своими уроками; я затворилъ за ними дверь, заперъ ее и положилъ ключъ себѣ въ карманъ, какъ это дѣлаю обыкновенно на сеансахъ.

„Мы усѣлись; миссъ Фоксъ справа отъ меня, а другая дама слѣва. Тотчасъ было сказано азбукой потушить газъ и мы остались въ полной темнотѣ, причемъ я объ руки миссъ Фоксъ все время держалъ въ одной изъ своихъ. Вскорѣ получилось сообщеніе такого содержанія: „мы что нибудь принесемъ, чтобъ показать свою силу“. Почти вслѣдъ за тѣмъ мы всѣ услыхали звонъ колокольчика, не на одномъ и томъ же мѣстѣ, но по всей комнатѣ — то у стѣны, то въ отдаленномъ углу, то колокольчикъ касался моей головы, то ударялъ объ полъ. Послѣ того какъ онъ, такимъ образомъ, цѣлыхъ пять минутъ звонилъ по комнатѣ, онъ упалъ на столъ у самыхъ моихъ рукъ.

„Въ то время, какъ это происходило, никто не двигался и руки миссъ Фоксъ были совершенно покойны. Я сказалъ, что это звонитъ никакъ не мой маленькій колокольчикъ, ибо онъ оставался въ кабинетѣ (Незадолго передъ этимъ, до пріѣзда миссъ Фоксъ, мнѣ случайно понадобилось справиться въ книгѣ, которая лежала на книжной этажеркѣ. Колокольчикъ стоялъ на этой книгѣ и, чтобъ взять ее, я долженъ былъ его отставить въ сторону. Благодаря этому ничтожному обстоятельству, я твердо зналъ, что колокольчикъ находится въ кабинетѣ). Газъ горѣлъ полнымъ пламенемъ въ комнатѣ, куда выходила дверь столовой, такъ что отворить ее было невозможно, не впустивъ къ намъ свѣта, еслибъ даже у медіума и былъ въ домѣ сообщникъ съ двойнымъ ключемъ, какового, разумѣется, быть не могло“.

„Я зажегъ огонь. Передо мною на столѣ лежалъ мой колокольчикъ. Я тотчасъ прошелъ въ кабинетъ и при первомъ взглядѣ убѣдился, что колокольчика на прежнемъ мѣстѣ не было. Я спросилъ у своего старшаго сына: „Не знаешь ли ты, гдѣ мой колокольчикъ?“ — „Да, папа—отвѣтилъ онъ,—вотъ

тамъ“, и показалъ на то мѣсто, гдѣ ему слѣдовало быть. Взглянувъ туда при этихъ словахъ, онъ замѣтилъ: — „Нѣтъ, его тамъ нѣтъ, но онъ сейчасъ тутъ былъ“. — „Какъ же такъ, развѣ кто входилъ и взялъ его?“ — „Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, никто ни входилъ, но я знаю вѣрно, что онъ тутъ былъ, потому что, когда ты насъ сюда послалъ изъ столовой, Д. (младшій мальчикъ) началъ имъ звонить, такъ что я не могъ продолжать заниматься, и запретилъ ему“. — Д. подтвердилъ это и сказалъ, что, позвонивъ въ колокольчикъ, онъ опять поставилъ его на свое мѣсто“ (Crookes „Researches“, p. 97).

О другихъ случаяхъ переноса вещей сквозь запертыя двери, удостовѣренныхъ г. Круксомъ, см. его опыты съ м-съ Фай, описанные имъ въ „Spiritualist“, 1875 г., т. I, стр. 126.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ приносъ предмета былъ болѣе или менѣе неожиданъ. Привожу здѣсь поэтому два такихъ, которые представляютъ изъ себя напередъ обдуманный опытъ. Г-же Сайеръ (Thayer) была въ Америкѣ очень извѣстнымъ медіумомъ; выдающаяся черта ея медіумизма состояла въ приносѣ цвѣтовъ и другихъ вещей. Полковникъ Олькоттъ спеціально занялся ею, придумывая различныя мѣры предосторожности. Опишу здѣсь слѣдующій опытъ, заимствуемый мною изъ „Light“'а 1881 года, стр. 416. Находясь однажды вечеромъ совершенно случайно на кладбищѣ Форестъ-Гиль, ему пришло въ голову испробовать слѣдующее доказательство:

„Проходя черезъ оранжерею, — говоритъ онъ, — я обратилъ вниманіе на одно рѣдкое растеніе съ длинными, узкими, бѣлыми и блѣднозелеными полосатыми листьями. То была драцена регина. Я начертилъ синимъ карандашемъ на одномъ изъ ея листьевъ кабалистическій знакъ — два другъ въ друга вставленные трехугольника — и просилъ невидимыхъ принести мнѣ въ слѣдующій вечеръ этотъ листъ на сеансъ. Усѣвшись умышленно справа отъ г-жи Сайеръ, я крѣпко держалъ объ ея руки, и вдругъ почувствовалъ, какъ что-то свѣжее и сырое упало мнѣ на руки. Когда зажгли свѣчу, я увидалъ помѣченный мною листокъ. Я пошелъ въ оранжерею и убѣдился, что отмѣченный мною листокъ былъ дѣйствительно оторванъ“.

(Изъ сообщенія Олькотта въ „New-York Sun“, 18 августа 1875 года).

Слѣдующій опытъ г. Роберта Купера, давно извѣстиаго въ спиритизмѣ по своимъ долголѣтнимъ и добросовѣстнымъ изслѣдованіямъ, можетъ считаться за абсолютное доказательство упоминаемаго явленія. Вотъ его слова („Light“, 1881 г., стр. 366 — 367):

„Я часто присутствовалъ на сеансахъ г-жи Сайеръ и имѣлъ полную возможность убѣдиться въ подлинности происходящихъ при ней явленій. Наконецъ, мнѣ пришло въ голову, что если эти силы могутъ приносить цвѣты въ запертую комнату, то они могутъ принести ихъ и въ запертый ящикъ. Поэтому я спросилъ г-жу Сайеръ, какъ она думаетъ, можетъ ли это удасться? Она отвѣтила, что не знаетъ, но противъ такого опыта ничего не имѣетъ. Я купилъ себѣ у укладчика простой деревянный сундучекъ нѣсколько болѣе фута въ длину, ширину и глубину. Чтобы не имѣть надобности открывать его, я укрѣпилъ небольшое четырехугольное стекло съ внутренней стороны крышки такимъ образомъ, что, когда ящикъ заперъ, его вынуть невозможно. На этомъ, сколько мнѣ извѣстно, первомъ въ своемъ родѣ опытѣ, имѣли присутствовать до двѣнадцати человѣкъ. Когда они тщательно осмотрѣли сундучекъ, я заперъ его висячимъ патентованнымъ замкомъ, для этой цѣли мною купленнымъ, ключъ котораго находился постоянно у меня. Кромѣ того, я наклеилъ вокругъ сундука полоску бумаги и припечаталъ оба конца. Когда свѣтъ былъ потушенъ, г-жа Сайеръ сказала, что забыла свой носовой платокъ, которымъ она обыкновенно во время сеансовъ накрываетъ, себѣ голову, чтобы защищаться, какъ она говорила, отъ дѣйствующихъ тутъ электрическихъ вліяній. Одинъ изъ присутствующихъ досталъ изъ своего дорожнаго мѣшка пачку китайскихъ бумажныхъ салфетокъ и предложилъ ей одну изъ нихъ. Г-жа Сайеръ отвѣтила, что она ей не годится, потому что не шелковая; салфетка осталась на столѣ. Потушили огонь и мы начали пѣть. Въ скоромъ времени намъ было сказано заглянуть въ сундучекъ; посмотрѣвъ черезъ стекло,

мы увидали что-то, принятое нами за цвѣты, но, открывъ сундучокъ, нашли въ немъ бумажную салфетку, оставшуюся на столѣ, узоръ которой мы ошибочно приняли за цвѣты.

„Это ободрило насъ на новый опытъ, и черезъ недѣлю собрался съ этой цѣлью кружокъ изъ восьми лицъ; въ числѣ ихъ былъ и генералъ Робертсъ, издатель журнала „Mind and Matter“. Сундучекъ былъ такимъ же образомъ задѣланъ, какъ и въ тотъ разъ, и всѣ присутствующіе убѣдились, что въ немъ ничего другого не было, кромѣ китайской бумажной салфетки, появившейся въ немъ на первомъ сеансѣ. Потушивъ огонь, мы стали пѣть; спустя десять минутъ раздались по сундучку громкіе, оживленные стуки, я спросилъ: „продолжать пѣть?“— Три удара. Мы продолжали и вскорѣ почувствовали въ комнатѣ очень опредѣленное свѣжее вѣяніе, что было тѣмъ ощутительнѣе, что вечеръ былъ необычайно жаркій. Тутъ раздался громкій трескъ, какъ еслибъ сундучокъ былъ разбитъ въ дребезги. Зажгли огонь; сундучокъ, по осмотрѣ, оказался совершенно цѣлымъ и печати невредимыми, а внутри его мы ясно увидѣли нѣсколько цвѣтковъ и другихъ вещей, которымъ позднѣе была составлена опись, по коей значится: четыре тигровыхъ лиліи, три розана,—желтый и блѣдно-розовый; гладіолусъ; листъ папортника и нѣсколько небольшихъ цвѣточковъ; еще по одному номеру журналовъ: „The Banner of Lighit“ и „Voice of Angels“, и наконецъ, фотографія г. Кольби. Цвѣты были безъ малѣйшаго изъяна, и казались только что сорванными, а номера журналовъ были сфальцованы какъ бы для продажи. Послѣ опыта съ ящикомъ появилось на столѣ много пунцовыхъ розъ, и самый большой воткнули въ волоса медіума. Обоимъ сеансамъ были составлены протоколы, подписанные тотчасъ же всѣми присутствующими. И въ самомъ дѣлѣ, ничего не могло быть болѣе убѣдительнаго. Полковникъ Олькоттъ, пріѣхавшій въ это время въ Бостонъ, выразилъ желаніе присутствовать на одномъ сеансѣ съ сундучкомъ. Явясь на сеансъ, онъ припечаталъ своей печаткой крышку къ одному изъ бочковъ сундучка. Черезъ нѣсколько минутъ нашли сундучекъ на половину полнымъ цвѣтами, между кото-

рыми оказался кусокъ полотна около ярда длиною; полковникъ былъ вполнѣ убѣжденъ".

„Робертъ Куперъ".

„Истбурнъ, 14 ноября 1881 года".

Нельзя не обратить здѣсь вниманія на громкій трескъ, раздавшійся въ минуту приноса цвѣтовъ, напоминающій такой же трескъ при взятіи фотографіи изъ запертаго ящика (см. выше).

Могу указать еще и на очень замѣчательный русскій случай приноса напередъ намѣченной книги изъ запертаго шкапа, описанный г. Гейнце. См. „Ребусъ" № 32, 1891 года.

XII. Матеріализація.

Переходъ къ этой послѣдней рубрикѣ, не относящейся, повидимому, къ умственнымъ явленіямъ, напрашивается однако самъ собою какъ естественное дополненіе къ явленіямъ двухъ послѣднихъ рубрикъ. Изъ нихъ вытекаетъ достаточно ясно, что передача сообщеній и переносъ вещей на большія разстоянія должны быть приписаны одной и той же причинѣ, что сила разумная и сила дѣйствующая физически составляютъ тутъ одно цѣлое, образующее независимое, внѣ медіума находящееся существо. Въ настоящей же рубрикѣ это заключеніе вполнѣ оправдывается непосредственнымъ свидѣтельствомъ внѣшнихъ чувствъ. Носитель этой силы и носитель вещественнаго предмета является передъ нашими глазами въ формѣ человѣческаго существа. Извѣстно, что всякая матеріализація фигуры представляетъ собою и приносъ вещественнаго предмета въ видѣ облекающаго ее одѣянія. Если приносъ этого одѣянія есть безспорный фактъ, то логично заключить, что этотъ приносъ совершается той таинственной фигурою, на которой это одѣяніе находится; точно также логично будетъ распространить отношеніе между этимъ приносомъ и этой фигурой и на тѣ случаи приноса, гдѣ дѣйствующій факторъ остается невидимымъ; утвержденіе этого фактора, приписывающаго въ обоихъ случаяхъ это явленіе (приносъ) себѣ самому, пріобрѣ-

таетъ силу доказательства во-очію. Подымаясь выше по лѣстницѣ явленій, указанныхъ въ этихъ двѣнадцати рубрикахъ, утвержденіе этого невидимаго фактора относительно своей самостоятельной индивидуальности пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе достовѣрности и говоритъ въ пользу гипотезы столь же простой, сколь и раціональной.

Что касается фактовъ необъяснимаго появленія одѣяній на фигурахъ на сеансахъ матеріализаціи, то онъ былъ провѣренъ и удостовѣренъ самымъ тщательнымъ образомъ. Во многихъ опытахъ медіума раздѣвали до-нага, не исключая и обуви, и одѣвали въ бѣлье и темное платье, приносимое самими экспе, риментаторами (См. Отчетъ Баркаса въ „Медіумѣ“ 1875 г., стр. 266 и въ „Спиритуалистѣ“ 1878 года, томъ I, стр. 192; г. Этшеда въ „Медіумѣ“ 1877 г., стр. 186; и въ особенности опыты г. Массе съ частнымъ медіумомъ, описанные въ „Спиритуалистѣ“ 1878 года, томъ II, (стр. 294).

Но возвратимся къ Гартману, который не видитъ въ матеріализаціяхъ ничего такого, что требовало бы гипотезы внѣмедіумическаго дѣятеля. Посмотримъ, насколько это вѣрно. Для Гартмана было очень удобно выйти изъ затрудненія, признавъ, что явленіе матеріализаціи и все до него относящееся есть ничто иное, какъ галлюцинація. Но эта гипотеза имѣетъ свою слабую сторону. Вопросъ о матеріализаціи не можетъ быть отдѣленъ отъ вопроса объ одѣяніи; для тѣхъ случаевъ, гдѣ фигура появляется и исчезаетъ вмѣстѣ съ одеждой, галлюцинація торжествуетъ. Но, къ несчастью для этой гипотезы, были случаи, гдѣ части этого одѣянія остались въ рукахъ присутствующихъ; г. Гартманъ не могъ не знать этого; въ такомъ случаѣ, говоритъ онъ, это былъ „приносъ“. Но что такое приносъ? Г. Гартманъ оставилъ это безъ отвѣта. Такимъ образомъ одна половина явленія осталась безъ объясненія. Слѣдовательно, г. Гартманъ молчаніемъ своимъ призналъ, что по крайней мѣрѣ одна часть явленія не объясняется тѣми средствами, которыя онъ называетъ естественными — что и требовалось доказать. Его теорія галлюцинаціи, не будучи въ состояніи дать объясненіе для всей совокупности явленій въ данномъ

случаѣ, оказывается поэтому несостоятельной. Послѣ всего сказаннаго въ 1-й главѣ возвращаться къ этому безполезно.

Но г. Гартманъ запасся возраженіемъ на случай, если его теорія галлюцинаціи будетъ признана несостоятельной. Онъ говоритъ: „Впрочемъ, если и допустить, что спириты правы, принимая, что медіумъ можетъ отдавать часть своего органическаго вещества, изъ котораго образуется призракъ, сначала въ тонко-матеріальномъ, а потомъ въ болѣе и болѣе плотномъ состояніи, то не только все вещество этого объективно-реальнаго призрака происходило бы изъ тѣлеснаго организма медіума, но также и его форма являлась бы порожденіемъ сомнамбулической фантазіи медіума, а динамическія дѣйствія, призракомъ совершаемыя, имѣли бы источникомъ нервную силу медіума; вообще призракъ не былъ бы ничѣмъ инымъ и ничего бы другого не дѣлалъ, какъ только то, что ему предписала сомнамбулическая фантазія медіума, и все это осуществлялось бы при посредствѣ силы и вещества медіума“ (стр. 131). Какъ мы видимъ, тутъ нѣтъ ни мѣста, ни повода для сверхъестественнаго. А одѣяніе? То же затрудненіе, то же молчаніе, и слѣдовательно то же заключеніе.

Но разъ г. Гартманъ допускаетъ предположеніе, что матеріализованная фигура можетъ быть „объективно-реальною“, то не мѣшаетъ взглянуть на это поближе, чтобы вполнѣ уразумѣть, на сколько это явленіе, по Гартману, естественно. Посмотримъ же на его аттрибуты, насколько они извѣстны наблюдателямъ и о которыхъ читатели г. Гартмана должны имѣть понятіе весьма несовершенное. Матеріализованная фигура представляетъ на видъ человѣческое тѣло со всѣми деталями его анатомической формы; она болѣе или менѣе походитъ на медіума, или нисколько не походитъ на него, даже относительно пола и возраста; это тѣло одушевленное, одаренное разумомъ и волею, свободно движущееся, глядящее и говорящее совсѣмъ какъ живой человѣкъ; оно имѣетъ извѣстную плотность и извѣстный вѣсъ; оно образуется, когда условія хороши въ теченіе нѣсколькихъ минутъ; эта фигура всегда является болѣе или менѣе задрапированною; ея одѣяніе, по словамъ

самой фигуры, или происхожденія земного — „принесено“ какимъ-то необъяснимымъ способомъ, или оно тутъ же матеріализовано (фигура доказываетъ это, матеріализуясь иногда вмѣстѣ со своей одеждой на глазахъ присутствующихъ); фигура эта, вмѣстѣ съ своимъ одѣяніемъ, имѣетъ способность моментально появляться и исчезать въ продолженіе сеанса, даже на глазахъ у присутствующихъ какъ бы сквозь полъ или въ пространствѣ. Часть тѣла, такимъ образомъ матеріализованнаго, можетъ даже сдѣлаться пребывающею: волоса, отрѣзанные у такихъ фигуръ, сохраняются. Это неоспоримо на основаніи опыта Крукса, который отрѣзалъ прядь волосъ у фигуры Кэти Кингъ послѣ того, какъ онъ прощупалъ ихъ до корней, до головной кожи, и убѣдился, что они дѣйствительно тутъ росли“. („Ps. Studien.“ 1875, стр. 22).

Вотъ чудеса, трудно переваримыя, представляемыя намъ явленіемъ матеріализаціи! Не болѣе не менѣе, какъ созданіе временнаго человѣческаго тѣла, помимо всякихъ физіологическихъ законовъ. Морфологическое проявленіе сознательной индивидуальной жизни столь же очевидное, какъ и таинственное! И тѣмъ не менѣе г. Гартманъ находитъ это явленіе совершенно естественнымъ,—ничѣмъ инымъ, какъ дѣломъ „сомнамбулической фантазіи“ медіума. Но если матеріализація происходитъ, когда медіумъ даже *не въ трансѣ*, что же это такое — два сознанія, двѣ воли и два тѣла, дѣйствующія *одновременно?* Продолжаетъ ли и тутъ сомнамбулическая фантазія творить это чудо? А когда появляются двѣ и три фигуры одновременно, — какъ тогда справляется съ этимъ дѣломъ сомнамбулическая фантазія? Она размножаетъ тѣла и сознанія —не такъ ли?

Но и это не все. Тутъ есть маленькая подробность, которую не мѣшаетъ выставить наглядѣе передъ читателями. Не надо забывать, что г. Гартманъ не признаетъ существованія въ насъ психической самостоятельной единицы, какъ субъекта трансцендентальнаго, какъ индивидуальнаго, организующаго начала; онъ не видитъ надобности въ признаніи „метаорганизма“, т. е. астральнаго или психическаго тѣла, какъ под-

кладки физическаго организма. Ничего подобнаго. *Сомнамбулическое сознаніе,* творящее у г. Гартмана всѣ чудеса медіумизма, *есть ничто иное, какъ функція среднихъ частей мозга*, его субкортикальныхъ центровъ. Итакъ, явленіе матеріализаціи есть ничто иное, какъ дѣло безсознательныхъ функцій мозга медіума—тѣхъ именно частей его мозга, гдѣ зиждется сомнамбулическое сознаніе! Вотъ и все. Какъ говорятъ французы, *c'est à prendre ou à laisser.*

Вотъ гдѣ ссылка г. Гартмана на статью Яниша, напечатанную въ „Ps. Studien“ 1880 года становится особенно интересною. Продолжая цитированную мною выше свою аргументацію, г. Гартманъ прибавляетъ: „искать другую причину, внѣ самого медіума находящуюся, не было бы повода даже и въ этомъ случаѣ, какъ это пространно и убѣдительно доказано Янишемъ въ его статьѣ: „*Мысли о матеріализаціи духовъ*“, „Ps. Studien.“ 1880 г., стр. 115 и слѣдующія (стр. 132). Изъ этого можно бы заключить, что г. Гартманъ вполнѣ солидаренъ съ г. Янишемъ. Но какой сюрпризъ ожидаетъ насъ! Прежде всего г. Янишъ признаетъ самостоятельную индивидуальность души и ея предсуществованіе, и видитъ въ нашемъ тѣлѣ ея первое воплощеніе или матеріализацію (стр. 178). „Но душа вслѣдствіе присущаго ей побужденія, а даже и безъ онаго можетъ стремиться къ матеріализаціи и во время своей земной жизни, и въ этомъ-то и состоитъ медіумическое явленіе матеріализаціи“ (стр. 179); въ этомъ и причина сходства между матеріализованной фигурой и медіумомъ (чему сомнамбулическая фантазія г. Гартмана никогда не дала и дать не можетъ достаточнаго объясненія. А. А.) „Дальнѣйшей ступенью было бы, что душа созидаетъ себѣ другое тѣло, только сохраняющее общій человѣческій типъ, въ деталяхъ же совершенно отличающееся отъ своего прототипа, т. е. отъ тѣла медіума“ (стр. 209). — „Различныя матеріализованныя фигуры могутъ быть и образами чистой фантазіи, т. е. субъективнаго происхожденія; но побуждающая причина можетъ исходить и отъ объективнаго источника, ибо возможность сообщенія съ міромъ духовъ есть несомнѣнная истина. Поэтому можетъ слу-

читься, что медіумъ посредствомъ одного изъ присутствующихъ на сеансѣ входитъ въ соотношеніе съ однимъ изъ отшедшихъ друзей этого лица; далѣе, медіумъ, по внушенію этого отшедшаго, можетъ увидать образъ, который принадлежалъ ему на землѣ, и въ этомъ образѣ матеріализоваться. Въ такой фигурѣ одинъ изъ участвующихъ на сеансѣ признаетъ знакомую ему личность“ и т. д. (стр. 211).

Теперь мы знаемъ, дѣйствительно ли г. Янишъ „пространно и убѣдительно доказалъ“, какъ говоритъ г. Гартманъ, что „искать другую причину, внѣ самого медіума, нѣтъ никакого повода“.

Какое же заключеніе можемъ мы вывести изъ всего, что было сказано въ этой главѣ?

Мнѣ кажется, что принявъ въ соображеніе всѣ методологическія правила, указанныя г. Гартманомъ въ его сочиненіи „О спиритизмѣ“ и вкратцѣ имъ перечисленныя въ семи пунктахъ его „Послѣсловія“, и пропустивъ черезъ различныя рѣшета, соотвѣтствующія семи ступенямъ методологической лѣстницы, большую часть медіумическихъ явленій, все-таки останутся крупныя зерна, которыя не проходятъ черезъ рѣшета вышеупомянутой методики; зерна эти собраны мною въ этой главѣ и представляютъ, на сколько я понимаю, рядъ такихъ фактовъ, на основаніи коихъ „получилась возможность говорить о той границѣ, за которой всѣхъ этихъ способовъ объясненія уже оказывается недостаточно и представляется надобность въ новыхъ дальнѣйшихъ гипотезахъ“ (стр. 150).

Если-бъ спиритизмъ состоялъ только изъ физическихъ явленій и изъ матеріализаціи безъ умственнаго содержанія, намъ приходилось бы логически приписывать ихъ особен. ному развитію способностей человѣческаго организма (стр. 154), и даже самое трудное изъ этихъ явленій — проникновеніе сквозь матерію — мы были бы вынуждены, въ силу той же логики, приписать магической власти нашей воли надъ матеріей, въ состояніи исключительнаго, анормальнаго возбужденія.

Но такъ какъ физическія явленія медіумизма неотдѣлимы отъ явленій умственныхъ, такъ какъ эти послѣднія застав-

ляютъ насъ, въ силу той же логики, признать для нѣкоторыхъ случаевъ третьяго фактора, находящагося внѣ медіума, то естественно и логично видѣть въ томъ же факторѣ причину нѣкоторыхъ изъ ряду воиъ выходящихъ физическихъ явленій; разъ этотъ факторъ существуетъ, ясно, что онъ находится внѣ извѣстныхъ намъ условій времени и пространства, что онъ принадлежитъ къ сферѣ сверхчувственнаго бытія; поэтому и логично предположить, что этотъ факторъ одареиъ только властью иадъ веществомъ, какою человѣкъ не располагаетъ. И такъ, на вопросъ, поставленный въ началѣ этой главы (стр. 297), мы можемъ отвѣтить: на вершинѣ громадной пирамиды, представляемой массою медіумическихъ фактовъ всякаго рода, является таинственный факторъ, котораго намъ приходится искать внѣ медіума. Кто онъ такой? По его аттрибутамъ мы должны заключить, что этотъ факторъ есть индивидуальное человѣческое существо.

Такое заключеніе заставляетъ насъ предположить одно изъ трехъ: это человѣческое существо можетъ быть —

1) Или человѣческое существо, живущее на землѣ;

2) Или человѣческое существо, нѣкогда жившее на землѣ;

3) Или человѣческое существо неземное, неизвѣстнаго намъ рода.

Эти три предположенія, между коими намъ приходится выбирать, исчерпываютъ собою всѣ мыслимыя для насъ возможности, и мы займемся ими въ слѣдующей и послѣдней главѣ. Во всякомъ случаѣ заключеніе, къ которому мы пришли, избавляетъ насъ отъ необходимости прибѣгать къ метафизикѣ, къ „сверхъестественному“, къ „абсолюту“—и мы позволяемъ себѣ думать, что, принимая это заключеніе, мы остались болѣе вѣрны методологическимъ основамъ, указаннымъ г. Гартманомъ, чѣмъ онъ самъ, ибо онъ нашелъ себя вынужденнымъ преступить ихъ.

ГЛАВА IV.

ГИПОТЕЗА ДУХОВЪ.

А. Анимизмъ — внѣ-тѣлесное дѣйствіе живого человѣка, какъ переходная ступень къ спиритизму.

Предшествующая глава дала намъ право — и сколько мнѣ кажется, достаточно мотивированное — заключить, что для объясненія нѣкоторыхъ медіумическихъ явленій нельзя не допустить существованія внѣ-медіумическаго фактора. Изъ трехъ мыслимыхъ гипотезъ, представляющихся намъ для ближайшаго опредѣленія это фактора, мы оставимъ въ сторонѣ третью, которая упомянута мною только съ точки зрѣнія логической возможности, но нисколько не входитъ въ рамку этого отвѣта; намъ предстоитъ поэтому заняться спеціальнымъ разсмотрѣніемъ первой и второй.

Остановимся теперь на первой — будемъ игнорировать факты, которые для своего объясненія указывали бы на вторую гипотезу, попробуемъ обойтись безъ нея и посмотримъ, къ какимъ заключеніямъ мы должны неизбѣжно придти, на основаніи всѣхъ предшествующихъ фактовъ, *придерживаясь, разумѣется, указанныхъ г. Гартманомъ методологическихъ правилъ* (т. е. оставаясь на такъ называемыхъ имъ „естественныхъ основахъ“). Мы не будемъ представлять здѣсь никакого опредѣленія сущности явленія — никакого опредѣленія, имѣющаго притязаніе на теорію, ученіе или объясненіе; мы ограничимся заключеніями въ общихъ выраженіяхъ, которыя

были бы логически безсиориы для всякаго изслѣдователя, готоваго разсуждать на даиных̀ъ основаніяхъ.

Первая глава, трактующая о матеріализаціяхъ, дала намъ достаточно матеріала, чтобы заключить, что явленія этого рода не галлюцинаціи, но явленія реальныя, объективныя. Слѣдовательио, мы должны признать, что человѣческій организмъ имѣетъ способность при нѣкоторыхъ условіяхъ производить изъ себя безсознательио иластическіе образы, болѣе или менѣе походящіе на его собственное тѣло, или вообще на человѣческое тѣло, и съ различными аттрибутами тѣлесности (г. Гартманъ также согласенъ допустить это, какъ только фактъ матеріализаціи будетъ неоспоримо доказанъ стр. 131).

Вторая глава, трактующая о физическихъ явленіяхъ, заставляетъ насъ допустить также вмѣстѣ съ г. Гартманомъ, что человѣческій организмъ имѣетъ способность при нѣкоторыхъ условіяхъ производить дѣйствія физическія (въ особенности движенія неодушевленныхъ предметовъ) внѣ предѣловъ своего тѣла (т. е. безъ обычнаго употребленія своихъ членовъ)—дѣйствія, не иовинующіяся его сознательной волѣ и мысли, но повииующіяся нѣкоторой волѣ и нѣкоторому разуму, коихъ онъ не сознаетъ. Г. Гартманъ приписываетъ эту способность силѣ физической, нервной, но мы этого не утверждаемъ.

Третья глава, трактующая о явленіяхъ умственныхъ, заставляетъ насъ признать вмѣстѣ съ г. Гартманомъ, что человѣческій организмъ обладаетъ *внутреннимъ сознаніемъ*, которому принадлежатъ своя воля и свой разумъ, дѣйствующіе безсознательнымъ образомъ для *сознанія внѣшняго*, намъ извѣстнаго; что это внутреннее сознаніе ие ограничено предѣлами нашего тѣла, но одарено способностью умственнаго общенія съ человѣческими существами — пассивнаго и активнаго, т. е. что это внутреннее сознаніе одарено способностью не только воспринимать впечатлѣнія умственнаго содержанія посторонняго сознанія (внутренняго или внѣшняго); но также и передавать ему свои собственныя, безъ обычнаго посредства внѣшнихъ чувствъ (мысленное внушеніе); и болѣе того, что это внутреннее сознаніе обладаетъ способностью познаванія настоящаго и

прошедшаго, какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ умственномъ, — познаванія, не ограничиваемаго ни временемъ, ни пространствомъ, не зависящаго отъ обычныхъ путей познаванія (ясновидѣніе). Эти самыя заключенія были высказаны мною въ моей критикѣ сочиненія Дасье, напечатанной въ „Ребусѣ“ 1884 г., т. е. еще до появленія сочиненія Гартмана о спиритизмѣ.

Итакъ, выражаясь короче, изученіе медіумическихъ явленій, если мы даже оставимъ въ сторонѣ всякую спиритическую гипотезу, заставляетъ насъ признать слѣдующіе два факта:

1. Существованіе въ человѣкѣ внутренняго сознанія, *повидимому*, независимаго отъ сознанія внѣшняго, одареннаго своею волею и своимъ разумомъ и необыкновенною способностью познаванія; это внутреннее сознаніе невѣдомо внѣшнему сознанію, не управляется имъ и не есть только особый видъ проявленія этого внѣшняго сознанія, ибо оба эти сознанія не всегда дѣйствуютъ попеременно, но очень часто и одновременно (по мнѣнію г. Гартмана, это — способность, принадлежащая среднимъ частямъ мозга; по мнѣнію другихъ,—это особая личность, индивидуальность, трансцендентальное существо. Я не вхожу въ эти опредѣленія. Для насъ достаточно признать, что психическая дѣятельность человѣка двойственна — сознательная и безсознательная — внѣшняя и внутренняя — и что способности этой послѣдней во многомъ превосходятъ способности первой).

2. Возможность дѣйствія человѣческаго организма на разстояніи, дѣйствія внѣтѣлеснаго, не только умственнаго и физическаго, но и пластическаго, принадлежащаго, повидимому, спеціальной функціи внутренняго сознанія. Эта внѣтѣлесная дѣятельность также, повидимому, независима отъ внѣшняго сознанія, ибо это послѣднее не вѣдаетъ и не направляетъ ее.

Что касается до возможности внѣтѣлеснаго разумнаго дѣйствія сознанія внѣшняго, она также вытекаетъ, но не исключительно, изъ медіумическихъ явленій, ибо она уже давно была доказана помимо спиритизма посредствомъ опытовъ надъ сом-

намбулическими субъектами и въ послѣднее время опытами телепатическими.

Вотъ уже громадное пріобрѣтеніе, вытекающее изъ спиритизма! Г. Гартманъ находитъ возможнымъ и необходимымъ признать эти два факта, оставаясь въ то же время, какъ онъ полагаетъ, на почвѣ научной и вѣрнымъ методологическимъ правиламъ, имъ установленнымъ. И наука, слѣдуя этимъ правиламъ, должна будетъ также признать когда-нибудь и провозгласить эти высокія истины! Она уже на пути, ибо и въ наши дни она начинаетъ признавать бо́льшую часть фактовъ, заявленныхъ магнетизерами сто лѣтъ тому назадъ: она занимается, наконецъ, сомнамбулизмомъ, двойственнымъ сознаніемъ, сверхчувственной передачей мысли и т. д. Все это нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ глазахъ науки было постыдной ересью. Ближайшая очередь за ясновидѣніемъ, и оно уже стучится въ двери святилища...

Для точнаго разграниченія я предлагаю обозначать вообще словомъ *анимизмъ* (отъ слова *anima* — душа) всѣ умственныя и физическія явленія, заставляющія признать въ человѣческомъ организмѣ способность производить какія-либо дѣйствія на разстояніи, безъ обычнаго посредства внѣшнихъ органовъ, и въ особенности всѣ медіумическія явленія, которыя могутъ объясняться дѣйствіемъ живого человѣка за предѣлами его тѣла [1]). Слово же *спиритизмъ* будетъ обозначать только тѣ

---

[1]) Слово *анимизмъ* было впервые, если не ошибаюсь, пущено въ ходъ Шталемъ; въ построенной имъ медицинской системѣ *душа* (anima) принимается за жизненное начало; тѣло не только создается душою, но и всѣ жизненныя отправленія совершаются ею. Въ наше время это слово употреблено Тэйлоромъ, въ его сочиненіи: „Первобытная культура“ („Taylor, Primitive Culture“. Русское изданіе въ переводѣ Коробчевскаго, Снб. 1872 г.), для обозначенія очень широкаго понятія, обнимающаго не только ученіе о душѣ (какъ самостоятельной сущности) и разныхъ видахъ ея прижизненнаго и посмертнаго проявленія, но также ученіе и о всякаго рода другихъ духовныхъ существахъ, или духахъ. Мною же, какъ видно, это слово принято въ болѣе тѣсномъ, совершенно опредѣленномъ смыслѣ. Слово *психизмъ* могло бы обозначать то же самое, что *анимизмъ*; но въ виду *спиритизма* лучше уже придержаться

явленія, которыя, не объясняясь всецѣло ни одной изъ всѣхъ предшествующихъ гипотезъ, представятъ достаточно данныхъ для обращенія къ гипотезѣ взаимообщенія съ отшедшими. Если притязанія этой послѣдней гипотезы оправдаются, то слово *анимизмъ* будетъ прилагаться къ спеціальному виду явленій, производимыхъ началомъ анимическихъ (душевнымъ, — какъ самостоятельно мыслящимъ и организующимъ), поколѣ оно связано съ тѣломъ; а подъ словомъ *спиритизмъ* будутъ разумѣться явленія, приписываемыя дѣйствію того же самаго начала, отрѣшеннаго отъ тѣла. Слово же *медіумизмъ* будетъ обнимать всѣ явленія, анимическія и спиритическія, безъ спеціализаціи гипотезъ.

Итакъ нашъ тезисъ ставится слѣдующимъ образомъ: дѣйствительно ли представляется надобность прибѣгать къ спиритической гипотезѣ для объясненія медіумическихъ явленій? Не найдется ли все требуемое для этого объясненія въ безсознательной дѣятельности живого человѣка внутри и за предѣлами его тѣла? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны прежде остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на внѣтѣлесныхъ проявленіяхъ живого человѣка, — что имѣетъ существенное значеніе для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса. Предметъ этотъ на столько новъ для людей чуждыхъ спиритизму и такъ мало изслѣдованъ даже самими спиритами, что я нахожу необходимымъ изложить его хотя въ краткомъ очеркѣ, сгруппировавъ относящіяся до него явленія въ нѣсколько отдѣловъ, заимствуя факты какъ въ самомъ спиритизмѣ, такъ и внѣ его. Намъ необходимо хорошенько опознаться въ этой области, чтобы вполнѣ понять, о чемъ тутъ идетъ рѣчь, и имѣть возможность вывести надлежащее заключеніе съ точки зрѣнія поставленнаго нами вопроса.

Для намѣченной мною цѣли мнѣ представляется достаточ-

латинской этимологіи для обоихъ словъ, и этимъ ясно обозначить двѣ отдѣльныя рубрики для сходственныхъ по формѣ, но совершенно различныхъ по источнику явленій. Къ тому же прилагательное *психическій* имѣетъ теперь различныя, не установившіяся значенія.

нымъ сгруппировать явленія анимизма подъ слѣдующія четыре рубрики:

I. Внѣтѣлесное дѣйствіе живого человѣка, выражающееся въ явленіяхъ психическихъ (факты телепатическіе—воспріятіе впечатлѣній на разстояніи).

II. Внѣтѣлесное дѣйствіе живого человѣка, выражающееся въ явленіяхъ физическихъ (факты телекинетическіе [1]) — движенія предметовъ на разстояніи).

III. Внѣтѣлесное дѣйствіе живого человѣка, выражающееся въ появленіи его образа (факты телефаническіе [2]) — явленія двойниковъ).

IV. Внѣтѣлесное дѣйствіе живого человѣка, выражающееся въ появленіи его образа съ нѣкоторыми атрибутами тѣлесности (факты телепластическіе — явленія тѣлесности на разстояніи).

Такъ какъ область эта громадна, я ограничусь приведеніемъ для каждой рубрики лишь нѣсколькихъ примѣровъ и ссылками на источники, не входя въ подробности, ибо иначе мой отвѣтъ затянулся бы еще долѣе, а очень ужъ нора его заканчивать.

I. Внѣтѣлесное дѣйствіе живого человѣка, выражающееся въ явленіяхъ психическихъ (факты телепатическіе — воспріятіе впечатлѣній на разстояніи).

Какъ типъ явленій этого рода я приведу здѣсь слѣдующій случай, сообщенный мнѣ изъ первыхъ рукъ—моей давнишней знакомой В. И. Прибытковой, въ правдивости словъ которой я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія. Вотъ ея разсказъ, переданный мнѣ письменно:

„Въ 1860 году я проводила лѣто въ селѣ Бѣлая Колнь (Московской губерніи), принадлежащемъ князю А. В. Шаховскому. Мать его, княгиня С. Г. Шаховская, имѣла обыкновеніе лечить гомеопатіей приходившихъ къ ней больныхъ крестьянъ сосѣднихъ деревень. Однажды къ ней привели больную

---

[1]) Отъ греч. словъ: *теле,* далеко, и *кинео,* двигаю.

[2]) Отъ греч. словъ: *теле,* и *файно,* являюсь.

дѣвушку; недоумѣвая, какое дать ей лекарство, княгиня вздумала спросить черезъ столикъ совѣта у Ганемана, противъ чего я сильно возставала, утверждая, что нельзя рисковать лечить больную со словъ какого-то невѣдомаго существа. Однако меня усадили за столикъ вмѣстѣ съ воспитанницей Шаховскихъ, Н. Я. Ковалевой. (Я въ то время гомеопатіи не вѣрила и была такого мнѣнія, что серьезно больную дѣвушку надо послать въ городъ къ доктору). Несмотря на мое внутреннее сопротивленіе — орудовать руками я себѣ не позволяла — выстукалось ножкой имя Ганемана, что очень меня раздосадовало, и я стала сильно желать, чтобы онъ отказался дать совѣтъ. Первая фраза была, *что онъ совѣта дать не можетъ*. Тогда въ свою очередь разсердилась княгиня, сказала, что я мѣшаю, и удалила меня изъ-за стола. Кто замѣнилъ меня, сама ли княгиня или кто другой, не помню. Я же сѣла къ окну, аршинахъ въ двухъ или въ трехъ отъ столика, и напрягла всю мою волю на то, чтобы выстукалась тутъ же задуманная мною фраза, которую я понятно никому не сообщила. На вопросъ княгини по моемъ удаленіи: „Почему Ганеманъ не можетъ дать совѣта?“ столикъ выстукалъ: „Потому что я, какъ врачъ, рехнулся съ той норы, какъ выдумалъ гомеопатію“. (Фраза была задумана и выстукана по-французски: „parceque je suis devenu fou comme médecin, depuis que j'ai inventé l'homéopathie“). Я диктовала эту фразу, сосредоточивая мои мысли и волю на каждой очередной буквѣ; помню, что не произошло ни одной ошибки, столикъ опредѣленно останавливался на каждой требуемой буквѣ. Но только что кончилась диктовка, у меня сильно разболѣлась голова“.

Здѣсь мы имѣемъ положительное доказательство, что одно изъ самыхъ обыкновенныхъ умственныхъ явленій спиритизма— выражающееся въ движеніи стола — можетъ быть вызвано умственнымъ вліяніемъ живого человѣка, на разстояніи, ибо оно было вызвано его *внѣшнимъ сознаніемъ*, т. е. совершенно сознательно, въ состояніи нормальномъ; между тѣмъ какъ обыкновенно эти явленія вызываются дѣйствіемъ внутренняго сознанія, о которомъ сознаніе внѣшнее не имѣетъ понятія.

Теперь я приведу нѣсколько случаевъ сообщенiй отъ лицъ живыхъ, сдѣланныхъ ими во время своего сна. Начну съ факта, полученнаго мною также изъ первыхъ рукъ, отъ нашего извѣстнаго писателя Вс. С. Соловьева, и также переданнаго мнѣ письменно. Вотъ его разсказъ:

„Это было въ самомъ началѣ 1882 г. Передъ этимъ я испытывалъ въ теченiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ странную потребность брать въ лѣвую руку карандашъ и писать. Всегда писалось справа налѣво, такъ что можно было читать только на свѣтъ, или въ зеркало. Писалось обыкновенно чрезвычайно быстро и красивымъ почеркомъ. Какъ-то очень поздно вечеромъ, часовъ около двухъ, я съ близкими мнѣ людьми засидѣлся въ разговорѣ и вдругъ почувствовалъ потребность писать. Я взялъ карандашъ, попросилъ одну мою пріятельницу, г-жу П., взять карандашъ вмѣстѣ со мною. Такимъ образомъ мы стали писать вдвоемъ. У насъ вышло „Вѣра“. Мы спросили, что такое „Вѣра“? Тогда написалась фамилiя одной моей молодой родственницы, съ семействомъ которой, послѣ продолжительнаго перерыва, я возобновилъ родственныя отношенiя. Мы еще болѣе удивились и спросили, та ли это В. М.? Отвѣтъ получился: „Да, я сплю, но я здѣсь и пришла сказать, что мы завтра увидимся въ три часа въ Лѣтнемъ саду“. Тогда я бросилъ карандашъ и мы разстались. На другой день около часа ко мнѣ пришелъ А. Н. М—овъ и, просидѣвъ у меня до двухъ съ половиной часовъ, сталъ собираться уходить. Такъ какъ въ тотъ день я еще не выходилъ на воздухъ, то я вызвался провожать его. Мы вышли вмѣстѣ и продолжали разговаривать. Я машинально шелъ туда, куда онъ шелъ. Жилъ я тогда на углу Спасской и Знаменской. Шли мы по Спасской, по Пантелеймоновской, черезъ Цѣпной мостъ. Тутъ онъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что ему пора, что онъ долженъ взять извозчика. Я простился съ нимъ и опять таки машинально вошелъ въ открытыя ворота Лѣтняго сада. Обыкновенно я въ Лѣтнемъ саду никогда зимой не гулялъ. Нужно сказать, что я совершенно забылъ о вчерашнемъ писанiи. Первое, что случилось, когда я вошелъ въ Лѣтнiй

садъ, — это, что я лицомъ къ лицу столкнулся съ В. М. и ея компаніонкой. В. М., увидя меня, была видимо очень смущена и совсѣмъ растерялась. Я тоже, ибо вспомнилъ вчерашнее. Мы молча пожали другъ другу руки и быстро разошлись. Вечеромъ я къ нимъ отправился и ея мать сказала мнѣ, что В. большая фантазерка, что когда она вернулась изъ Лѣтняго сада, то находилась въ возбужденномъ состояніи, и какъ о чудѣ какомъ объявила, что меня встрѣтила, что она видѣла меня во снѣ, будто была у меня, сказала мнѣ, что встрѣтитъ меня въ три часа въ Лѣтнемъ саду. Черезъ нѣсколько дней повторилась подобная же исторія, при такихъ же обстоятельствахъ. Моя рука написала „В“, и затѣмъ было объявлено, что на слѣдующій день В. пріѣдетъ къ намъ въ два часа. Въ два часа на слѣдующій день она дѣйствительно была съ матерью у насъ. Послѣ этихъ двухъ случаевъ ничего подобнаго не повторялось“.

Явленія этого рода разсѣяны тутъ и тамъ въ спиритической литературѣ; такъ, напр., мы находимъ въ статьѣ проф. Перти: „Новое изслѣдованіе въ области мистическихъ фактовъ“, напечатанный въ „Ps. Studien“ 1879 г., стр. 295, слѣдующій случай.

„Въ 1858 году, вечеромъ 20-го іюля, молодая дѣвушка, Софія Свобода, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ сидѣла за столомъ, вполнѣ спокойная и довольная, и только немного уставшая отъ дневныхъ занятій, по случаю предстоявшаго на другой день какого-то семейнаго празднества. Но вдругъ она вспомнила, что не сдѣлала перевода съ французскаго на нѣмецкій языкъ, совсѣмъ забывъ про него, а ея учительница В. должна придти на урокъ къ ней завтра, рано утромъ. Что дѣлать? приняться за работу сейчасъ же, — поздно, уже одиннадцатый часъ; къ тому же ей сейчасъ трудно работать, она такъ устала. Задумавшись объ этомъ, сильно смущенная и озабоченная, Софи уходитъ отъ своихъ въ сосѣднюю комнату и садится тамъ одна, въ углу, все думая о столь непріятной для нея небрежности, по отношенію къ занятіямъ съ любимой ею учительницей. Но вотъ Софи, нисколько сама тому не

удивляясь, стоитъ передъ своею учительницей г-жею В. и говоритъ съ нею, шутливо объясняя и свою досаду, и свое горе, и причину всего этого. Затѣмъ видѣніе исчезаетъ такъ же быстро, какъ и появилось; а Софи, успокоенная, возвращается къ своимъ и разсказываетъ имъ то, что случилось. На слѣдующее утро приходитъ г-жа В. и, едва поздоровавшись, говоритъ, что ей извѣстно уже о томъ, что урокъ, заданный ею Софи, не приготовленъ. Въ присутствіи ея матери учительница разсказываетъ слѣдующее: „Вчера вечеромъ, часу въ одиннадцатомъ, она взяла карандашъ для автоматической бесѣды со своимъ покойнымъ мужемъ, который часто разговариваетъ съ нею такимъ образомъ; но на этотъ разъ, вмѣсто желаемаго и ожидаемаго имени, ея карандашъ сталъ писать по-нѣмецки и почеркомъ, въ которомъ она узнала почеркъ Софи; карандашъ написалъ нѣсколько шутливыхъ выраженій неудовольствія на себя и досады по поводу не сдѣланнаго, по забывчивости, перевода. Г-жа В. показала и бумагу, на которой написались эти выраженія; и Софи убѣдилась въ томъ, что какъ почеркъ — ея собственный, такъ и фразы — тѣ самыя, которыми она вчера въ своемъ видѣніи говорила съ учительницей. Софи удостовѣряетъ, что г-жа В. — личность высоко-правдивая, нисколько неспособная на обманъ“.

Далѣе, въ той же статьѣ Перти, мы находимъ другой случай медіумическаго писанія, произведеннаго духомъ Софіи Свободы, на сеансѣ въ Медлингѣ, въ то время, когда тѣло ея спало въ Вѣнѣ. Вотъ подробности въ дословной выдержкѣ изъ статьи Перти:

„Весьма поучителенъ слѣдующій случай, въ которомъ наблюдается интересная комбинація такого рода: духъ переносится черезъ пространство въ иную мѣстность и обстановку и дѣйствуетъ въ ней черезъ находящагося тамъ медіума. Конечно, этотъ случай поученъ только при условіи его несомнѣнной достовѣрности, въ которой я вполнѣ убѣжденъ на основаніи полученныхъ мною точныхъ документовъ. Въ Троицынъ день, 21 мая 1866 г., Софи, жившая тогда въ Вѣнѣ, провела все утро на Пратерѣ на сельско-хозяйственной вы-

ставкѣ; вернулась она домой усталая и съ головной болью; наскоро чего-то закусивъ, она отказалась отъ обѣда и ушла спать въ свою комнату, думая такимъ образомъ и отдохнуть, и получить облегченіе отъ головной боли. Легла она около трехъ часовъ пополудни, и вотъ, еще не заснувъ, она почувствовала себя въ этотъ день особенно способной къ такъ называемому раздвоенію, „т. е. способной, оставивъ свое тѣло, нисколько отъ него не зависѣть“. Устало сомкнулись ея вѣки и сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ Софи увидала себя въ извѣстной ей комнатѣ, принадлежащей извѣстной ей личности. Увидя въ комнатѣ эту личность, Софи пожелала сдѣлать себя ей видимою, но это не удалось. Тогда Софи возвращается въ свою комнату и, чувствуя въ себѣ еще достаточно силы, она задумываетъ посѣтить тестя брата Антона, г-на Стратиль, зная, что этимъ доставитъ ему большое удовольствіе. Съ быстротою мысли, ощущая въ себѣ полную свободу передвиженія, лишь мимолетно взглянувъ внизъ на Вѣну и ея горы, она перенеслась въ красивую мѣстность, окружающую Медлингъ, и очутилась въ отлично ей извѣстномъ кабинетѣ г-на Стратиль, гдѣ увидала его самого и еще другое тоже хорошо ей знакомое и очень уважаемое ею лицо — г-на Густава Б., и остановилась возлѣ нихъ. Тутъ ей пришло желаніе дать г-ну Б. осязательное доказательство независимой дѣятельности духа, въ возможности которой, какъ ей было извѣстно, онъ постоянно сомнѣвался. Возбужденная и пріятно настроенная быстротою своего полета, Софи чувствовала себя отлично, ничто ее не безпокоило и не угнетало (считаю не лишнимъ сравнить ея блаженное состояніе съ испытываемымъ обыкновенно въ магнетическомъ снѣ, когда тоже является сознаніе особенной легкости, независимости и полнаго отсутствія болевыхъ ощущеній). Веселое настроеніе Софи выразилось въ шуточномъ тонѣ ея бесѣды съ г-мъ Б., къ которому она прямо обратилась и продолжала съ нимъ разговаривать, какъ вдругъ въ Вѣнѣ, въ дѣтской ея маленькихъ племянниковъ и племянницъ, бывшей рядомъ съ ея спальней, раздается громкій крикъ одного изъ дѣтей и внезапно пробуждаетъ Софи. Съ очень тяжелымъ ощущеніемъ досады и не-

довольства открываетъ она глаза на постели въ своей комнатѣ въ Вѣнѣ, и не можетъ уже припомнить подробности своего разговора въ Медлингѣ, такъ не кстати прерваннаго дѣтскимъ крикомъ. Къ счастью, г-нъ Б., во время бесѣды, велъ протоколъ всего говорившагося; и протоколъ этотъ г-нъ Стратиль присоединилъ къ коллекціи получаемыхъ и сохраняемыхъ имъ спиритическихъ сообщеній. (Слѣдовательно, бесѣда Софи велась тѣмъ же способомъ и вызвала у собесѣдниковъ тотъ же іріемъ, какой употребляютъ спиритуалисты, когда духъ пишетъ рукою медіума). Свѣдѣнія, сообщаемыя ниже, взяты изъ упомянутаго протокола“.

„На слѣдующій день, т. е. 22-го мая, дочь г-на Стратиль, Каролина, получила въ Вѣнѣ письмо отъ отца изъ Медлинга, заключавшее, между прочимъ, слѣдующіе четыре вопроса: какъ провела Софи 21-е мая? Что она дѣлала? Не случилось ли ей въ этотъ день спать отъ 3-хъ до 4-хъ часовъ пополудни? если—да,—что она видѣла во снѣ? Что Софи, въ это именно время, вслѣдствіе сильной головной боли, вмѣсто обѣда, ушла спать, — было извѣстно всей семьѣ; но того, что ей снилось, — не знали. Антонъ сталъ спрашивать объ этомъ сестру, не сказавъ ей однако ни слова о письмѣ, полученномъ отъ тестя. Но разсказъ объ этомъ сновидѣніи, видимо, затрудилъ Софи; не зная цѣли братниныхъ допросовъ, ей не хотѣлось вдаваться въ подробности. Она отвѣтила, что хорошо помнитъ только главное обстоятельство, а именно, что она оставляла тѣло и, внѣ его, посѣщала другія мѣстности, а какія — не помнитъ. А между тѣмъ свое первое посѣщеніе Софи помнила вполнѣ отчетливо и ясно; но она считала тогда,—какъ считаетъ и теперь,—неумѣстнымъ сообщать о немъ кому бы то ни было. Что же касается второго посѣщенія, то благодаря внезапно разбудившему ее дѣтскому крику, она потеряла ясное о немъ представленіе, намять ей измѣнила и несмотря на желаніе разсказать о немъ брату, сказать ей было нечего. Но Антонъ настоятельно просилъ ее постараться припомнить хоть что-нибудь. И вотъ, мало-по-малу, она кое-что вспомнила, а именно, что была она вмѣстѣ съ двумя мужчинами—пожилымъ и молодымъ, и весело

съ ними разговаривала, и когда они не согласились съ чѣмъ-то ею высказаннымъ, это ее непріятно взволновало.

„Всѣ полученныя отъ Софи свѣдѣнія Антоинъ отправилъ въ Медлингъ. Въ отвѣтъ на нихъ, онъ получилъ отъ г-на Стратиль письмо со вложеннымъ въ него запечатаннымъ пакетомъ. Въ письмѣ была просьба — не вскрывать пакета до тѣхъ поръ, пока Софи не заговоритъ съ ними сама о письмѣ, которое она получитъ отъ г-на Б. Всю эту переписку отъ Софи скрыли. О цѣли же и намѣреніяхъ г-на Стратиль не знала не только Софи, но и никто въ семьѣ. Антоинъ, такъ же, какъ Роза и Каролина, могли только сообщать другъ другу свои догадки на счетъ всѣхъ этихъ странныхъ писемъ г-на Стратиль. Просьба же его о неприкосновенности, до времени, запечатаннаго пакета была въ точности исполнена. Прошло нѣсколько дней, и за домашними хлопотами про пакетъ совсѣмъ забыли. 30-го мая Софи приносятъ съ почты очень изящное, анонимное письмо со вложеннымъ въ него фотографическимъ портретомъ г-на Б. Вотъ это письмо буквально: „Милостивая государыня! Вотъ я, знаете ли вы меня? Если узнаете, то отведите мнѣ укромное мѣстечко или на полу, или поближе къ карнизу. Прошу объ одномъ: по возможности *меня не вѣшать*, чѣмъ крайне меня обяжете. Лучше ужъ заприте меня либо въ альбомъ, либо въ молитвенникъ, гдѣ я отлично могу сойти за одного изъ святыхъ, память котораго церковь празднуетъ 28-го декабря (Kindleintag). Если же вы меня не узнаете, то мое изображеніе не будетъ имѣть для васъ никакого значенія, и въ такомъ случаѣ надѣюсь, что вы будете такъ добры, возвратите его мнѣ. Съ глубочайшимъ уваженіемъ и пр. N. N.“. Поразительно знакомы были Софи выраженія этого письма; ей припоминается даже, что большая часть фразъ — ея собственныя; но какъ онѣ туда попали, — остается для нея неяснымъ и она показываетъ загадочное письмо брату и невѣсткамъ. Тогда Антоинъ принесъ и въ присутствіи Софи и всей семьи вскрылъ забытый было ими пакетъ г-на Стратиль. Въ немъ оказался протоколъ психографической бесѣды съ невидимымъ существомъ, гдѣ во-

прошающимъ былъ самъ г-нъ Стратиль, а медіумомъ г-нъ Б., рукою котораго и было написано сообщеніе.

„Вотъ что они прочли:

Протоколъ. Медлингъ, 21-го мая 1886 года, 3¼ часа пополудни.

1. *Стратиль*. Вотъ мы одни, и желаемъ опять бесѣды съ тѣмъ духомъ, который посѣщалъ насъ 6 числа этого же мѣсяца. *Луиза Т.*, ты сама назначила намъ бесѣду сегодня, въ Троицынъ день. Мы готовы, и...

— *„Милый Густавъ, я сплю, ты мнѣ снишься, и я счастлива. Знаешь ли ты, кто я?*

2. *Густавъ Б.* И представить себѣ этого не могу. Прошу назвать себя.

— *„Не могу и не хочу. Угадай меня“.*

3. *Густ. Б.* Въ такомъ случаѣ я начинаю думать, что на мою долю выпадаетъ большая неожиданность... Найти здѣсь...

— *„Ты ошибаешься, я знаю, о комъ ты думаешь. Но и я—женщина, та, которой ты однажды объщалъ свой портретъ. Я пришла напомнить тебѣ твое обѣщаніе. Я счастлива во снѣ, но — тщеславный человѣкъ—не оттого я счастлива, что ты мнѣ снишься; все это — только случайное совпаденіе“.*

4. *Густ. Б.* Я вовсе не такъ тщеславенъ, чтобы думать, что кто-нибудь можетъ быть осчастливленъ обладаніемъ моего портрета или тѣмъ, что увидитъ меня во снѣ. Но скажи, незнакомка, какъ это ты приходишь сегодня напомнить мнѣ такое незначительное обѣщаніе? Я могъ многимъ дать его.

— *Сегодня я имѣю прекраснѣйшій случай потребовать исполненія твоего слова, не причиняя тебѣ ни труда, ни издержекъ. Зачѣмъ же заказывать три портрета и два изъ нихъ уничтожать? Почему бы мнѣ не получить одинъ изъ осужденныхъ на истребленіе?*

5. *Густ. Б.* Пусть будетъ такъ, если уже ты про это знаешь. Ты получишь мой портретъ даже въ томъ случаѣ, если мнѣ придется еще разъ сняться для этого. Но ты должна мнѣ сказать, почему, во-первыхъ, ты пишешь латинскими, а не нѣ-

мецкими буквами? Во-вторыхъ, кто ты, милая незнакомка? Иначе, я подвергаюсь риску отдать свой подарокъ не туда, куда слѣдуетъ, и тѣмъ себя скомпрометировать.

— „*Латинскія буквы—мой дѣтскій капризъ; я разрѣшаю себѣ поребячиться. Кто я? вотъ тебѣ мой адресъ. Ты напишешь его на слѣдующемъ письмѣ,—такъ какъ я хочу видѣть, вспомню ли я, проснувшись, о томъ, что мнѣ снилось,—ты напишешь въ письмѣ...*“

6. *Густ. Б.* Пиши его сама, чтобы и намъ имѣть здѣсь провѣрку твоего сна.

— „*Милостивая государыня, вотъ я, знаете ли вы меня? Если узнаете, то*“ и т. д. (Здѣсь слѣдуетъ слово въ слово то анонимное письмо, которое было прислано Софи) *Адресъ: Fräulein S. S. M. G. Alservorstadt, Haus № 19*“.

7. *Густ. Б.* Тебѣ необходимо назвать улицу, иначе у насъ не будетъ полнаго адреса.

— „*Хитрецъ, вѣдь ты ее уже знаешь! Ты также отлично вспомнилъ данное мнѣ обѣщаніе—наколдовать для меня на листкѣ бумаги свой обликъ. Все остальное—лишнее. Присылай же скорѣе портретъ, чтобы меня порадовать.*

Густ. Б. Такъ я вѣрно угадалъ улицу: Mariannengasse.

— „*Да, и оба S. S. ты угадалъ также хорошо*“.

9. 10. *Стратиль.* Безъ сомнѣнія. Но позволь же третьему S. обратиться къ тебѣ съ нѣжнѣйшимъ привѣтствіемъ и назвать тебя своей милой сватьюшкой. (Здѣсь слѣдуетъ шутливое замѣчаніе, съ которымъ старикъ обратился къ Софи, и на которое она сдѣлала возраженіе).

11. *Стратиль.* Хотя мы съ тобой и поспорили немножко, ты не отказываешься, надѣюсь, отъ привѣтствія третьяго S. и не гнѣваешься на него?

— „*Какъ могла бы я гнѣваться на друга, котораго люблю и почитаю, какъ отца? Но пора кончить нашъ разговоръ. Я слышу въ полуснѣ, какъ рядомъ съ моей комнатой шумятъ и кричатъ дѣти, и чувствую, что мысли мои идутъ въ разбродъ. Присылай мнѣ письмо и портретъ. Будь здоровъ*“.

12. *Густ. Б.* Благодаримъ тебя за посѣщеніе. Прими нашъ дружескій поклонъ и позволь надѣяться, что ты не забудешь насъ и тогда, когда проснешься. Письмо и фотографія тебѣ будутъ присланы на-дняхъ. Почивай спокойно и будь здорова!

— *Прощайте, я просы...*“

(Окончено ровно въ 4 часа).

„При чтеніи этого протокола воспоминанія Софи становились болѣе и болѣе ясными, и она невольно восклицала: „Да, да!“ Когда протоколъ былъ прочитанъ, Софи владѣла уже всѣми своими воспоминаніями объ этомъ посѣщеніи, знала всѣ подробности, исчезнувшія было изъ ея памяти, вслѣдствіе насильственнаго пробужденія. Антонъ же замѣтилъ, что почеркъ написаннаго латинскими буквами очень походилъ на почеркъ Софи въ ея французскихъ тетрадяхъ. Сама Софи могла только согласиться съ вѣрностью замѣчанія брата. Въ числѣ протоколовъ спиритическихъ сообщеній, хранящихся у г-на Стратиль, писанные г. Густавомъ Б. отличаются существеннымъ различіемъ почерковъ: когда онъ записываетъ вопросы, почеркъ обыкновенно его собственный, но когда, какъ медіумъ пишетъ отвѣты, — почеркъ совершенно измѣняется. Обо всемъ, что было съ Софи при чтеніи протокола и полученнаго ею письма, Антонъ написалъ полный отчетъ г. Стратиль. Отчетъ этотъ находится въ его богатой коллекціи автоматическихъ сообщеній вмѣстѣ съ приведеннымъ здѣсь протоколомъ.“

Въ сочиненіи баронессы Адельмы фонъ Фай „Studien über die Geisterwelt“ находимъ мы главу: „Медіумическія сообщенія духа живаго человѣка“ (стр. 327 и слѣдующая). Сообщенія исходили отъ двоюроднаго брата баронессы, графа В., находившагося въ сраженіи при Кенигсгрецѣ; на другой день послѣ сраженія онъ сообщилъ ей во время своего сна, ея же рукой (баронесса писала медіумически), что онъ остался живъ, что и оказалось вѣрнымъ, не смотря на то, что имя его появилось въ спискѣ убитыхъ.

Г. Томасъ Эвериттъ, пользующійся среди лондонскихъ спиритуалистовъ безупречной репутаціей и жена котораго хорошій медіумъ, въ запискѣ, прочитанной имъ передъ Британской

ассоціаціей спиритуалистовъ въ ноябрѣ 1875 года, подъ заглавіемъ: „Доказательства двойственной природы человѣка“, между прочимъ, говоритъ:

„Для спиритуалистовъ не рѣдкость получать сообщенія отъ лицъ, находящихся еще въ живыхъ. Подобные случаи часто происходили у насъ дома и въ особенности бывало это при нашемъ первомъ знакомствѣ съ спиритизмомъ. Сообщенія эти (стуками или письмомъ) по своему характеру и складу рѣчи вполнѣ соотвѣтствовали личностямъ, которыя себя заявляли этимъ путемъ. Такъ, одинъ нашъ пріятель, самъ обладавшій медіумическими способностями, часто бесѣдовалъ съ нами черезъ мою жену, давая намъ сообщенія, вполнѣ соотвѣтствующія его личности. Въ письмахъ своихъ онъ часто справлялся, вѣрны-ли тѣ сообщенія, которыя онъ, въ свою очередь, получалъ отъ г-жи Эвериттъ во время ея сна; нерѣдко бывало, что сообщенія, полученныя нами отъ него, а имъ отъ жены моей и передававшіяся стуками, письмомъ или медіумическою рѣчью, оказывались совершенно вѣрными“. Далѣе Эвериттъ разсказываетъ въ подробности, какъ на одномъ сеансѣ онъ получилъ сообщеніе рукою жены своей отъ своего пріятеля Мирса (также медіума) мѣсяцъ спустя послѣ его отъѣзда въ Новую Зеландію (см. „Спиритуалистъ“ 1875 года. Томъ II, стр. 244—45).

Извѣстная англійская писательница Флоренсъ Марріэтъ разсказываетъ о слѣдующемъ фактѣ сообщенія, полученнаго ею отъ одного лица во время его сна:

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я была хорошо знакома съ однимъ господиномъ, который еще до нашей первой встрѣчи лишился нѣжно любимой сестры. Онъ часто говорилъ мнѣ о ней, и я узнала всѣ подробности ея жизни и смерти. Обстоятельства разлучили насъ и въ продолженіе одиннадцати лѣтъ я не имѣла никакихъ сношеній съ моимъ знакомымъ. И вотъ, однажды я сидѣла за столомъ для медіумнческаго сообщенія отъ одной извѣстной мнѣ личности, какъ вдругъ выстукалось имя сестры моего пріятеля — это была ея первая попытка войти со мною въ сношеніе. Между нами произошелъ слѣдую-

щій разговоръ: — „Чего вы желаете отъ меня, Эмили?—Я пришла, что бы сказать вамъ, что мой братъ находится въ Англіи и очень бы желалъ повидаться съ вами. Напишите ему, адресуя въ клубъ города С., и укажите ему, гдѣ бы онъ могъ увидать васъ.—Это было бы для меня трудно, Эмили. Уже много времени какъ мы не видались и быть можетъ онъ не пожелалъ бы возобновить знакомство.—Нѣтъ, онъ желаетъ, онъ часто думаетъ о васъ. Напишите ему.—Я должна имѣть сперва доказательство, что онъ этого дѣйствительно желаетъ.— Онъ самъ вамъ скажетъ такимъ же способомъ. Садитесь опять въ двѣнадцать часовъ. Онъ будетъ тогда спать, и я приведу духъ его сюда“.

„Согласно сему въ двѣнадцать часовъ я сѣла опять; Эмили явилась снова и сказала:—Я привела своего брата, онъ здѣсь, спрашивайте его сами. — Я спросила; — Правду-ли говоритъ Эмили, утверждая, что вы желаете видѣть меня?—Да, принесите карандашъ и бумагу. — Когда я исполнила его требованіе, онъ продолжалъ: — Напишите, что я вамъ буду диктовать. — И мною было написано слѣдующее: — Правда, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ; но года, какъ они ни долги, не могутъ уничтожить воспоминанія о прошедшемъ. Никогда я не переставалъ думать о васъ и молиться за васъ. — Немного погодя онъ добавилъ: — Сохраните этотъ листокъ и напишите мнѣ, адресуя въ клубъ города С. — Я настолько не довѣряю своему собственному медіумизму, что десять дней прошло прежде, чѣмъ я рѣшилась написать къ своему пріятелю, о нахожденіи котораго въ Англіи и адресѣ я до этого никогда не слыхала. Со слѣдующею же почтою, однако, я получила отвѣтъ и онъ содержалъ тѣ самыя слова, которыя за десять дней до этого были мнѣ продиктованы.

„Можетъ-ли наука объяснить, какимъ образомъ слова, написанныя 5 декабря въ Лондонѣ, были перенесены естественнымъ путемъ на мозгъ живаго человѣка, на разстояніи 400 англійскихъ миль, а 15 числа того же мѣсяца въ точности повторены имъ въ своемъ письмѣ? Сообщенные мнѣ факты не

только были мнѣ неизвѣстны, но даже и неправдоподобны. И то были факты еще не совершившіеся, но имѣющіе совершиться десять дней спустя. Это не единственный случай подобнаго рода, бывшій со мною; мнѣ даже случалось получать сообщенія отъ живыхъ, черезъ говорившихъ въ трансѣ медіумовъ“ („Light“ 1886 года, страница 98).

Миссъ Блякъуэль, серьезная спиритическая писательница, разсказываетъ со всѣми подробностями фактъ даже вызыванія духа живого человѣка во время его сна; въ инсьменномъ медіумическомъ сообщеніи онъ признался въ совершенной имъ кражѣ („Human nature“ 1877 года, стр. 348).

Случалось, что сообщенія отъ живыхъ получались и черезъ уста говорившаго въ трансѣ медіума. Положительное свидѣтельство о фактѣ такого рода мы находимъ у судьи Эдмонса, который въ своихъ *Spiritual tracts*, въ спеціальной главѣ „О медіумическихъ сообщеніяхъ съ живыми“, говоритъ:

„Однажды, когда я былъ въ Роксбюри, ко мнѣ явился черезъ дочь мою Лауру, какъ медіума, духъ человѣка, съ которымъ я когда-то былъ очень хорошо знакомъ, но не видалъ его пятнадцать лѣтъ. Это былъ человѣкъ съ очень своеобразнымъ характеромъ, столь рѣзко отличавшимся своею оригинальностью отъ всѣхъ, кого я когда-либо зналъ, что ошибиться въ его личности не было возможности. Я вовсѣ о немъ не думалъ тогда, а медіумъ вовсѣ не зналъ его. Онъ проявился не только со всѣми особенностями свойственнаго ему характера, но и говорилъ о предметахъ, извѣстныхъ только мнѣ и ему. Я такъ и порѣшилъ, что онъ умеръ, а впослѣдствіи былъ не мало удивленъ, узнавъ, что онъ еще живъ. Я не могу теперь входить во всѣ подробности нашей бесѣды, длившейся болѣе часу. Я былъ увѣренъ, что я не обманывался и что это было точно такое же спиритическое явленіе, какъ и многія другія, которыхъ я бывалъ свидѣтелемъ или о которыхъ слыхалъ отъ другихъ. Но какъ же могло это происходить — вотъ вопросъ, долго занимавшій меня. Впослѣдствіи я былъ свидѣтелемъ многихъ подобныхъ явленій, такъ что я не могъ болѣе сомнѣваться въ томъ фактѣ, что иногда наши сообщенія получаются

отъ духовъ живыхъ людей, точно такъ же, какъ и отъ отшедшихъ".

Мы видимъ въ біографіи извѣстнаго медіума, миссисъ Конантъ, что ей случалось давать сообщенія отъ лицъ, оказывавшихся еще живущими на землѣ, или что она сама проявлялась на сеансахъ черезъ другихъ медіумовъ (стр. 91—107).

Другой медіумъ, извѣстная писательница г-жа Гарднжъ-Бриттенъ, разсказываетъ въ своей статьѣ „О двойникахъ", напечатанной въ „Banner of Light" отъ 6 ноября и 11 декабря 1875 года, какъ въ 1861 году она, будучи въ трансѣ, говорила отъ имени духа, несомнѣнно признаннаго за человѣка, живущаго еще на землѣ.

Въ той же статьѣ своей она упоминаетъ о случаѣ, гдѣ въ 1858 году въ Кливландѣ, въ кружкѣ г. Кётлера дама-медіумъ заговорила въ трансѣ по-нѣмецки, хотя сама вовсе не знала этого языка. „Личность, проявившаяся черезъ нее, называла себя матерью миссъ Мэри Брандтъ, молодой нѣмки, тутъ присутствовавшей"... „Миссъ Брандтъ утверждала, что, на сколько ей извѣстно, мать ея жива и совершенно здорова". Нѣсколько времени спустя, пріѣхавшій изъ Германіи знакомый привезъ извѣстіе, что мать миссъ Брандтъ, будучи очень больна и пришедши въ себя послѣ долгой летаргіи, заявила, что она видѣла дочь свою, находящуюся въ Америкѣ, въ большой комнатѣ, въ обществѣ другихъ лицъ, и что она съ нею говорила (Эти два случая цитированы также въ статьѣ М. А. Oxon „О внѣтѣлесномъ проявленіи духа", напечатанной въ „Human nature" 1876 года, стр. 106 и 107).

Г. Даміани разсказываетъ, что на сеансахъ баронессы Черранпка въ Неаполѣ кружокъ очень часто получалъ сообщенія, исходившія отъ живыхъ людей, и между прочимъ говоритъ: „Недѣль шесть тому назадъ, черезъ уста нашего медіума (баронессы), проявился духъ нашего общаго пріятеля доктора Нерера, проживающаго теперь въ своемъ отечествѣ въ Венгріи. Ничего не могло быть убѣдительнѣе этой персонификаціи: манеры, голосъ, произношеніе были переданы медіумомъ въ точности и мы не могли не убѣдиться, что передъ нами

самъ д-ръ Нереръ. Онъ сказалъ, что въ ту минуту онъ дремлетъ, отдыхая отъ денной работы, и передалъ разныя подробности, лично его касавшіяся, совершенно неизвѣстныя участникамъ кружка. На слѣдующій день я написалъ доктору.... Въ отвѣтъ онъ увѣдомилъ меня, что сообщенныя его духомъ подробности были вполнѣ вѣрны“ („Human nature“ 1875 г., стр. 555).

Изъ русскихъ случаевъ сообщеній, полученныхъ медіумически отъ людей живыхъ во время ихъ сна, могу привести слѣдующій, напечатанный въ „Ребусѣ“ 1884 г., стр. 57:

„На одномъ изъ сеансовъ говорившій съ нами назвался сыномъ нашей сосѣдки-помѣщицы, живущей отъ насъ въ 8-ми верстахъ. Молодой человѣкъ этотъ, отъ имени котораго велся разговоръ, состоитъ на службѣ въ одной изъ южныхъ губерній. Утромъ въ день сеанса одинъ изъ насъ видѣлъ его мать, и о пріѣздѣ его не было и рѣчи, а между тѣмъ, бесѣдуя съ нами, онъ заявилъ, что два часа тому назадъ пріѣхалъ въ имѣніе. На вопросъ же нашъ, какимъ путемъ онъ можетъ разговаривать съ нами, отвѣтилъ: „я сплю“.

„Заинтересованныя этой, какъ намъ казалось, мистификаціей, двое изъ насъ рано утромъ поѣхали къ сосѣдкѣ. Пріѣзжаго мы нашли еще въ постели и узнали отъ него, что онъ неожиданно по дѣламъ службы ѣдетъ въ Петербургъ, а по дорогѣ заѣхалъ на одинъ сутки къ матери; наканунѣ же вечеромъ, утомленный дорогою, вскорѣ по пріѣздѣ, легъ спать. *Самойловъ, Трифоновъ, Мерцкій, Славутинской.* Село Красныя Горки (Костромской губерніи), 19-го января 1884 г.“.

Еслибъ на сеансѣ, здѣсь описанномъ, находился хорошій пишущій медіумъ и еслибъ сообщеніе, передававшееся отъ имени спавшаго лица, ближайшаго сосѣда, оказалось написаннымъ его почеркомъ то это было бы для этой теоріи драгоцѣннымъ фактомъ. Изъ русскихъ случаевъ такого рода мнѣ извѣстенъ только одинъ: здѣшній медіумъ, г-жа К., передавала мнѣ, что однажды на домашнемъ сеансѣ, на которомъ присутствовали только ея сестра и мать, въ то время какъ получались ея рукою обычныя сообщенія, карандашъ, которымъ она

писала, вдругъ остановился, и послѣ минутной паузы, началъ писать порывисто и совершенно другимъ почеркомъ. Было написано всего нѣсколько словъ, довольно мелко; ихъ тотчасъ не прочитали, но написавшаяся вслѣдъ за тѣмъ подпись двумя крупными буквами была немедленно узнана и всѣхъ поразила. То была подпись родного брата медіума, находившагося въ Ташкентѣ. Первая мысль была, что онъ умеръ, и пришелъ извѣстить объ этомъ. Стали разбирать написанное, и прочитали: „Я скоро пріѣду“. Это очень удивило всѣхъ домашнихъ — тѣмъ болѣе, что незадолго до этого случая было получено отъ него письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что надѣется пріѣхать сюда курьеромъ, но не скоро, ибо, состоя на очереди шестнадцатымъ, не можетъ выѣхать ранѣе года. Былъ замѣченъ день и часъ этого страннаго сообщенія; это было 11 мая 1882 г., въ 7 часовъ вечера. Оно тогда же было показано многимъ знакомымъ гг. К. Въ началѣ іюня братъ медіума дѣйствительно пріѣхалъ. Ему показали необычайное извѣщеніе, на основаніи котораго его почти что ожидали. Онъ сейчасъ призналъ свою подпись и пояснилъ, что въ этотъ самый день онъ пустился въ путь; по вычисленію разницы часовъ, оказалось, что въ то время, когда получилось это сообщеніе, онъ крѣпко заснулъ въ тарантасѣ, а передъ этимъ все время думалъ о своихъ домашнихъ и о томъ сюрпризѣ, который доставитъ имъ своимъ пріѣздомъ. Я видѣлъ подлинникъ этого сообщенія и сличалъ его подпись съ подписью г. К.; сходство было несомнѣнное.

Что касается констатированія и изученія этого рода явленій въ области спиритизма *Путемъ экспериментальнымъ*, то я могу указать только на одно мѣсто изъ вышепомянутаго трактата судьи Эдмондса „о сообщеніяхъ съ живыми“, гдѣ онъ говоритъ:

„Около двухъ лѣтъ тому назадъ у меня былъ рѣзкій примѣръ этого рода. Составились кружки, одинъ въ Бостонѣ, другой здѣсь (Нью-Іоркъ); собирались они въ одно и то же время въ обоихъ городахъ и разговаривали между собою черезъ своихъ медіумовъ. Бостонскій кружокъ получалъ черезъ своего

медіума сообщенія отъ духа нью-іорскаго медіума, а нью-іоркскій кружокъ черезъ своего отъ духа бостонскаго медіума. Продолжалось это нѣсколько мѣсяцевъ и оба кружка вели точные протоколы. Я намѣреваюсь въ скоромъ времени предать гласности полный отчетъ объ этомъ опытѣ, интересномъ въ смыслѣ попытки устроить нѣкотораго рода духовный телеграфъ, возможность котораго такимъ образомъ доказывалась".

Достойно сожалѣнія, что это намѣреніе Эдмондса не было приведено въ исполненіе.

Изъ русскихъ *опытовъ* въ этомъ направленіи мнѣ припоминается, что дочь одного изъ нашихъ ревностныхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ по части спиритизма, генерала Аполлона Петровича Болтина, живя въ Петербургѣ и будучи пишущимъ медіумомъ, вела со своею замужней сестрою, г-жею Салтыковой, проживающей, въ провинціи, медіумическую переписку по ночамъ, когда предполагалось, что одна изъ нихъ спитъ, а другая въ это время бодрствовала и получала сообщенія отъ спящей; причемъ обыкновенная почтовая переписка подтверждала сообщенное во время сна. Мнѣ передавала это г-жа В. И. П., которая въ то время видалась часто съ Болтиными и слышала это отъ самой Анны Аполлоновны. Къ сожалѣнію, я не знаю, гдѣ она въ настоящее время находится, и лишенъ возможности получить обстоятельное свѣдѣніе объ этомъ случаѣ изъ первыхъ рукъ.

Задолго *до спиритизма* возможность умственнаго сверхчувственнаго общенія между людьми была доказана фактами животнаго магнетизма. Находясь въ 1870 году въ Парижѣ, я имѣлъ возможность, благодаря г. Донато и его прекрасному субъекту, произвести такого рода опытъ передачи мысли, какой, сколько мнѣ извѣстно, еще никогда не былъ продѣланъ; онъ удался вполнѣ. Отчетъ о немъ напечатанъ въ журналѣ *la Revue Magnetique*, отъ 16 февраля 1879 года. Г. Охоровичъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „De la suggestion mentale" (о мысленномъ внушеніи), Paris, 1887 г.. сдѣлалъ мнѣ честь привести этотъ опытъ цѣликомъ. Русскій переводъ помѣщенъ въ „Ребусѣ" 1883 года, стр. 286. Въ этомъ же году начались

опыты Лондонскаго Общества псих. изсл. надъ передачею мысли и они установили этотъ фактъ неоспоримо; опыты проф. Рише и нѣкоторыхъ другихъ французскихъ ученыхъ подтвердили тотъ же фактъ иными способами (См. Revue Philosophique).

Такимъ образомъ факты, мною здѣсь упомянутые, представляютъ только другой видъ явленія умственнаго общенія, возвѣщеннаго спиритизмомъ; они намъ доказываютъ, что дѣйствительно нѣкоторыя обыкновенныя спиритическія явленія — сообщенія столомъ, письмомъ и словомъ могутъ быть приписаны причинѣ, *внѣ медіума* находящейся, и что эту причину можно искать въ сознательномъ или безсознательномъ дѣйствіи живого человѣка, находящагося иногда даже внѣ кружка. Эти факты драгоцѣнны, ибо мы можемъ тутъ связать причину со слѣдствіемъ путемъ непосредственнаго наблюденія.

II. Внѣтѣлесное дѣйствіе живого человѣка, выражающееся въ явленіяхъ физическихъ (явленія телекинетическія — движенія предметовъ на разстояніи).

Разъ признавши, что физическія медіумическія явленія (изъ коихъ самыя наглядныя и убѣдительныя — движенія предметовъ безъ прикосновенія къ нимъ) существуютъ, мы должны признать безспорнымъ, что человѣкъ одаренъ способностью физическаго дѣйствія на разстояніи. Такъ какъ физическое дѣйствіе по себѣ безлично, то невозможно утверждать, что данное физическое явленіе, напр., движеніе какого-нибудь предмета безъ прикосновенія къ нему, произошло черезъ А. или черезъ Б. принято приписывать его спеціально присутствію извѣстнаго лица, называемаго медіумомъ, и для насъ всего важнѣе убѣдиться, что это дѣйствительно такъ; остальное будетъ только вопросомъ количества и качества. Что возможно для А., то можетъ также, болѣе или менѣе, быть возможнымъ и для Б., присутствующаго или отсутствующаго на сеансѣ; и что возможно для А. на маломъ разстояніи, то можетъ быть возможнымъ для Б. на большомъ разстояніи; Б. могъ бы проявиться такимъ образомъ въ силу собственнаго медіумизма или

въ силу медіумизма А.; въ такомъ случаѣ мы получили бы физическое явленіе не только внѣтѣлесное, но и внѣмедіумическое въ томъ смыслѣ, что оно произошло не отъ самого медіума, а отъ воздѣйствія на него другаго живущаго на землѣ лица. Разъ фактъ умственнаго проявленія на разстояніи существуетъ, физическое дѣйствіе также на разстояніи есть только его естественное дополненіе, и наоборотъ.

Покуда передъ нами только физическое дѣйствіе, мы, разумѣется, приписываемъ его вліянію медіума, но это заключеніе основано лишь на логическомъ правдоподобіи; доказательство же тому мы получимъ въ рубрикѣ IV-й, гдѣ мы увидимъ, что данное физическое дѣйствіе было произведено двойникомъ медіума, котораго видѣли въ самый моментъ дѣйствія.

Опыты, продѣланные *внѣ спиритизма*, съ цѣлью доказать возможность внѣтѣлеснаго дѣйствія посредствомъ явленія физическаго, немногочисленны.

М-ръ Уэджвудъ свидѣтельствуетъ въ слѣдующихъ словахъ объ опытѣ подобнаго рода, произведенномъ миссисъ де-Морганъ, женою покойнаго проф. де-Моргана и авторомъ книги: „*Отъ матеріи къ духу*“ („From Matter to Spirit“):

„Что при извѣстныхъ условіяхъ внѣтѣлесная сила духа способна вызывать физическія дѣйствія, это можетъ быть доказано примѣромъ, о которомъ я неоднократно слышалъ отъ миссисъ де-Морганъ. У нея лечилась магнетизмомъ больная дѣвочка, у которой проявилась способность къ ясновидѣнію; она иногда провѣряла эту способность тѣмъ, что посылала ее во время сомнамбулическаго сна въ различныя мѣста посмотрѣть и разсказать, что тамъ дѣлается. Однажды она пожелала, чтобы дѣвочка пошла къ себѣ домой. „Хорошо,—отвѣтила она — вотъ я пришла и знатно ударила въ ихъ дверь“. Когда на другой день миссисъ де-Морганъ наводила справку о томъ, что тамъ въ данную минуту дѣлалось, ей на это отвѣтили, и тутъ же хозяйка прибавила: „Какіе-то озорники, сильно стукнувъ въ дверь, удрали“ („Light“ 1883 г., стр. 458; срав. „Human nature“ 1877 г., стр. 264).

Наглядное доказательство этого факта мы увидимъ въ

рубрикѣ IV, гдѣ двойникъ замагнетизированнаго субъекта былъ даже видимъ въ то время, когда онъ производилъ физическое дѣйствіе.

Вотъ что мы находимъ у проф. Перти объ извѣстной ясновидящей изъ Преворста: „Г-жа Гауфе могла заявлять себя своимъ знакомымъ ночью посредствомъ стуковъ, которые раздавались какъ бы въ воздухѣ, хотя глухо, но совершенно явственно. Однажды, когда она ночью постучала у Кернера (врачъ, спеціально ею занимавшійся и издавшій ея біографію), о чемъ онъ ей ничего не говорилъ, она на другой день спросила его, не надо ли постучать опять“ (Перти: „*Мистическія явленія*“ 1872 г., т. II, стр. 124).

Подобные же случаи встрѣчаются и внѣ спиритизма и внѣ месмеризма. Вотъ что мы находимъ также у Перти. Швейцарецъ-студентъ въ Базелѣ такъ часто носѣщалъ одно изъ тамошнихъ семействъ, что приходъ его узнавали по звонку, Позднѣе, будучи въ Берлинѣ и захворавъ корью, онъ съ тоскою вспоминалъ о своихъ базельскихъ друзьяхъ, а въ ихъ домѣ, въ это самое время, услыхали его звонокъ, такъ что всѣ подивились его возвращенію. Когда же отперли дверь, то никого не оказалось. Этотъ случай послужилъ поводомъ къ тому, что о студентѣ навели справки въ Берлинѣ. „Магиконъ“, томъ V, стр. 495 (Перти, тамъ же, стр. 125). Перти цитируетъ и другіе случаи дѣйствія живыхъ на разстояніи.

Вотъ примѣръ стуковъ, произведенныхъ вдали больной, которая спала и видѣла во снѣ, что она стучитъ; г. Гаррисонъ заимствуетъ его изъ сочиненія Генри Спайсера „Sights and Sounds“:

„У миссисъ Лаурнссонъ (фамилія нѣсколько измѣнена), проживающей въ Лондонѣ, есть сестра, живущая въ Соусамтонѣ. Однажды, когда послѣдняя въ полуденное время сидѣла у себя въ комнатѣ за работой, послышались три легкихъ стука въ дверь. „Войдите“, сказала она, но никто не появился. При повторившихся стукахъ, она встала и отворила дверь; опять никого не оказалось. Какъ разъ въ то время, когда раздались стуки, болѣзнь миссисъ Лаурнссонъ достигла кризиса, и

она впала въ безсознательное состояніе. Придя въ себя, больная разсказала, что, находясь подъ вліяніемъ сильнаго желанія видѣть сестру передъ своей смертью, она увидала во снѣ, что отправилась въ Соусамтонъ и постучала въ дверь сестриной комнаты; что при вторичномъ ея стукѣ сестра показалась въ дверяхъ, но невозможность подойти къ ней такъ взволновала больную, что она пришла въ себя („Spirits before our eyes“, стр. 146).

Здѣсь же можно упомянуть про стуки, приписываемые лицамъ, *умирающимъ* вдали отъ своихъ родственниковъ или друзей, такъ какъ стуки эти совпадали съ послѣдними минутами ихъ жизни.

Такъ г. Босъуэль, проживая въ Эдинбургѣ, трижды былъ разбуженъ ночью сильными стуками въ наружную дверь; вставши посмотрѣть, онъ никого не увидалъ. Позднѣе онъ получилъ извѣстіе о смерти брата своего въ Калькуттѣ и было дознано, что эти стуки раздавались именно въ тотъ часъ, когда братъ его былъ опасно раненъ (см. подробности въ „Light“’ѣ 1884 г., стр. 505).

Проф. Перти цитируетъ многочисленные факты этого рода въ вышеупомянутомъ сочиненіи своемъ, въ главѣ „О дѣйствіи умирающихъ на разстояніи“, томъ II, стр. 125 и слѣдующія. Въ сочиненіи „Современный спиритизмъ“ онъ цитируетъ по Даумеру „случай, гдѣ умирающій дѣдъ находящуюся у его постели дочь свою посылаетъ за ея сыномъ, чтобы тотъ за него помолился, такъ какъ самъ уже сдѣлать этого не въ состояніи, и въ то же самое время самъ духомъ переносится къ внуку, сильно стучитъ въ его дверь, называетъ его по имени и зоветъ къ себѣ; вслѣдствіе чего тотъ одѣвается и на лѣстницѣ встрѣчаетъ мать шедшую за нимъ; оба спѣшатъ къ дѣду, корорый встрѣчаетъ внука съ улыбкой, проситъ его молиться за него и черезъ два часа тихо умираетъ“ (стр. 209).

Эти послѣдніе факты имѣютъ, правда, характеръ анекдотическій, но теперь, когда медіумическія явленія устанавливаютъ неоспоримо фактъ внѣтѣлеснаго физическаго дѣйствія—извѣстія о подобныхъ случаяхъ, повторяющихся споконъ-вѣку,

не могутъ не быть приняты во вниманіе для пополненія этой рубрики.

Можно еще возразить, что факты подобнаго рода не болѣе какъ галлюцинаціи слуха и ощущенія. Можетъ быть, но во всякомъ случаѣ это будутъ галлюцинаціи телепатическія, т. е. вызванныя психическимъ и внѣтѣлеснымъ дѣйствіемъ находящагося на разстояніи агента, а въ этомъ вся суть; но когда имѣешь подъ рукою медіумическіе факты, нельзя утверждать положительно отсутствіе всякаго физическаго дѣйствія въ подобнаго рода явленіяхъ.

Есть основаніе предполагать, что часть явленій въ такъ называемыхъ непокойныхъ домахъ могла бы быть отнесена къ этой рубрикѣ. Это могло бы послужить предметомъ очень интереснаго изслѣдованія; на сколько мнѣ помнится, оно еще ни разу не было предпринято съ этой точки зрѣнія. Такъ, въ извѣстномъ сочиненіи Гёрреса „Мистика“ (томъ III французскаго перевода, стр. 325) во главѣ: „Стучащій духъ въ Тэдворсѣ“, мы читаемъ, что по признанію нищаго, посаженнаго въ тюрьму, это онъ производилъ въ Тэдворсѣ, въ домѣ г. Монпесана, весь тотъ гвалтъ и безпорядокъ, которые такъ обстоятельно описаны Глэнвилемъ въ его извѣстномъ сочиненіи „Sadducismus triumphatus“, вслѣдствіе чего случай этотъ и сдѣлался классическимъ; теперь я могу указать и на подлинныя слова Глэнвиля, см. мое изданіе „Предвѣстники Спиритизма“, стр. 419.

Прежде чѣмъ перейти къ слѣдующей рубрикѣ, надо отвѣтить на вопросъ, который здѣсь естественно возникаетъ: если медіумическія явленія во многихъ случаяхъ ничто иное, какъ внѣтѣлесное дѣйствіе живого человѣка, то для чего же эти явленія, одаренныя собственной разумностью, *не заявляютъ себя сами таковыми?* Такіе факты существуютъ, но я думаю, что ими вообще пренебрегали, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго наблюденія г. Гаррисона, бывшаго издателя „Спиритуалиста“:

„Въ субботу, 12 сентября 1868 года, я отправился на частный сеансъ къ м-ру и миссисъ Маршаль, чтобы имѣть длинный разговоръ съ Джономъ Кингомъ. Сперва мы сидѣли при свѣтѣ и стуками было сказано: „Я вашъ добрый духъ

покровитель“ (esprit familier), — „Въ такомъ случаѣ скажите мнѣ, кто же вы?“ — „Хорошо, — это вы сами“. Я обратился къ миссисъ Маршаль и спросилъ ее, что бы это значило? Она отвѣтила, что сама не знаетъ, что никогда прежде ничего подобнаго не слыхала; что, быть можетъ, это былъ мой двойникъ, такъ какъ говорятъ, что нѣкоторые люди имѣютъ своихъ двойниковъ въ духовномъ мірѣ. Я тутъ въ первый разъ услыхалъ о человѣческомъ двойникѣ, но то была слишкомъ необычайная гепотеза, чтобы сразу принять ее. Поэтому я и порѣшилъ, что это было ничто иное, какъ шутка Джона Кинга. Я отвѣтилъ: „Быть можетъ, въ темнотѣ вы скажете мнѣ болѣе?“ Стукъ отвѣтилъ: „Да“. Мы перешли въ темную комнату, гдѣ, въ скоромъ времени, какія-то свѣтящіяся, комето-подобныя тѣла около фута длиною, съ ядромъ довольно плотнымъ и хвостомъ, оканчивавшимся свѣтящейся точкой, по временамъ мелькали около насъ въ дугообразныхъ движеніяхъ. Немного погодя, голосъ около меня сказалъ: „Я — ваше духовное *я;* я говорилъ съ вами въ той комнатѣ“. Я все-таки думалъ, что это была шутка Джона Кинга и не продолжалъ разговора, о чемъ я впослѣдствіи всегда сожалѣлъ, такъ какъ теперь мы знаемъ, какую важную роль двойникъ, или нѣчто подобное двойнику, играетъ въ очень многихъ спиритическихъ явленіяхъ („Спиритуалистъ“ 1875 г., томъ I, стр. 129).

Мнѣ помнится, что нѣчто подобное я читалъ у Hornung'a въ его сочиненіи: „Neue Geheimnisse des Tages“, но не могу теперь найти этого мѣста.

III. Внѣтѣлесное дѣйствіе живого человѣка, выражающееся въ появленіи его образа (факты телефаническіе — явленія двойниковъ).

Къ этой рубрикѣ относятся многочисленные факты, наблюдавшіеся во всѣ времена и извѣстные подъ названіемъ появленія двойниковъ. Наука никогда не смотрѣла на нихъ иначе, какъ на чисто субъективныя галлюцинаціи. Но благодаря трудамъ Лондонскаго Общества психическихъ изслѣдо-

ваніи, воздвигшаго себѣ вѣковѣчный памятникъ въ капитальномъ трудѣ своемъ „О прижизненныхъ призракахъ“ [1]), это дешевое объясненіе не можетъ долѣе удержаться. Сотни фактовъ, собранныхъ Обществомъ и провѣренныхъ со всевозможнымъ тщаніемъ — фактовъ современныхъ, полученныхъ отъ самихъ очевидцевъ — доказываютъ неоспоримо солидарность, существующую между явленіемъ двойника и лицомъ живымъ имъ изображаемымъ, такъ что если это и есть галлюцинація, то это, во всякомъ случаѣ, галлюцинація *правдивая* (veridical, какъ выражаются авторы вышеупомянутаго сочиненія, а по-русски: *вѣщая*), т. е. соотвѣтствующая психическому дѣйствію, совершившемуся гдѣ-то вдали отъ того, кто видѣлъ явленіе. Поэтому мнѣ совершенно безполезно распространяться о примѣрахъ этого явленія, тѣмъ болѣе что приводимые мною въ слѣдующей рубрикѣ случаи еще болѣе соотвѣтствуютъ моей цѣли; но я долженъ остановиться на слѣдующемъ соображеніи.

Теперь, когда мы знакомы съ явленіемъ матеріализаціи, мы имѣемъ право допустить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ появленіе двойника можетъ и не быть явленіемъ чисто субъективнымъ, но можетъ тожже имѣть и нѣкоторую объективность, нѣкоторый субстратъ матеріальности — что сдѣлало бы изъ этого рода двойниковъ особый видъ, представляющій переходную ступень отъ этой рубрики къ слѣдующей. Мы имѣемъ нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, что это предположеніе не лишено основанія.

Самый драгоцѣнный, самый поучительный фактъ этого рода, это, разумѣется, фактъ обычнаго раздвоенія Эмилія Саже, наблюдавшійся втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ цѣлымъ пансіономъ молодыхъ дѣвицъ и въ то время, когда сама Эмилія была у нихъ на глазахъ. Мы обязаны этимъ фактомъ Дэль Оуэну, получившему его изъ первыхъ рукъ — отъ одной изъ пансіонерокъ, баронессы Юліи фонъ Гульденштуббе. Онъ сперва помѣстилъ о нихъ краткую замѣтку въ своемъ сочиненіи „Foot falls on the boundary of another world“, которую Перти не

[1]) „Phantasms of the living“. Сокращенный переводъ этого труда подъ заглавіемъ „Прижизненные призраки и другіе телепатическія явленія“, подъ редакціей и съ предисловіемъ Влад. Соловьева, изданъ мною въ 1893 г.

преминулъ цитировать въ своей брошюрѣ: „Realität der Magischen Kräfte“ (стр. 367), но позднѣе болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, сообщенныя самой баронессой Гульденштуббе, появились въ Light'ѣ 1883 года, стр. 366; а такъ какъ случай этотъ въ высшей степени замѣчателенъ и мало извѣстенъ, то я и привожу его здѣсь цѣликомъ.

Обычное появленіе двойника Эмили Саже

„Въ 1845 году, въ Лифляндіи, въ тридцати шести миляхъ отъ Риги и полутора мили отъ маленькаго городка Вольмара, существовало (да существуетъ и теперь еще) воспитательное заведеніе для благородныхъ дѣвицъ подъ именемъ пансіона Нейвельке, пользовавшееся самой лучшей репутаціей. Директоромъ его былъ тогда нѣкто Бухъ.

„Въ этомъ году въ пансіонѣ было сорокъ двѣ воспитанницы большею частью изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій Лифляндіи, и между ними тринадцатилѣтняя дочь барона фонъ Гульденштуббе, Юлія.

„Въ тоже время въ пансіонѣ была классная дама, дѣвица Эмилія Саже, француженка изъ Дижона. Блондинка сѣвернаго типа, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, свѣтло-голубыми глазами и густыми свѣтло-русыми волосами, худая и стройная, нѣсколько выше средняго роста, она была покойнаго ровнаго характера, отчасти робкая и нервная по темпераменту. Здоровье у ней вообще было хорошее: въ полуторагодовое пребываніе свое въ пансіонѣ она хворала всего только два раза и то не серьезно. Пансіонское начальство во все время ея пребыванія въ заведеніи было вполнѣ довольно ею, какъ умной и образованной дѣвушкой, ревностно исполнявшей свои обязанности. Въ то время ей было тридцать два года отъ роду.

„Нѣсколько недѣль спустя по пріѣздѣ Эмиліи Саже, странные слухи начали распространяться между воспитанницами. Когда случалось кому либо, отыскивая ее, спрашивать не знаетъ ли кто, гдѣ она, нѣкоторыя дѣвицы отвѣчали, что видѣли ее въ такой-то комнатѣ, на что кто-нибудь другой воз-

ражалъ, что этого быть не можетъ, что ее сейчасъ встрѣтили на лѣстницѣ или въ какомъ-то отдаленномъ корридорѣ. Вначалѣ естественно предполагали тутъ какую-либо ошибку, но какъ это стало повторяться чаще и чаще, то пансіонерки стали толковать между собою, что это очень странно, и обратились съ своимъ недоумѣніемъ къ другой воспитательницѣ, которая, быть можетъ дѣйствительно не зная, какъ объяснить это, отвѣтила имъ, что все это вздоръ и фантазіи, и посовѣтывала не обращать на эти глупые толки вниманія.

„Но вскорѣ стали происходить вещи гораздо болѣе странныя, никакъ уже необъяснимыя фантазіей или ошибкой. Однажды Эмилія, давая урокъ въ классѣ тринадцатилѣтокъ, къ которому принадлежала и баронесса Гульденштуббе, что-то объясняя писала на большой деревянной доскѣ мѣломъ, а ученицы внимательно слѣдили за нею, и вдругъ, къ великому своему ужасу, увидали двухъ Эмилій Саже, стоящихъ одна возлѣ другой; изъ нихъ одна съ мѣломъ въ рукѣ дѣйствительно писала а, другая только подражала ея движеніямъ.

„Случай этотъ взволновалъ все заведеніе. Было несомнѣнно дознано, что каждая изъ бывшихъ въ классѣ ученицъ видѣла вторую фигуру и описывала ее и ея движенія совершенно такъ же, какъ и всѣ остальныя.

Вскорѣ послѣ того одна изъ воспитанницъ, Антонина Врангель, получивъ позволеніе отправиться вмѣстѣ съ нѣсколькими подругами на сельскій праздникъ по сосѣдству, доканчивала свой туалетъ, а Эмилія, всегда добрая и услужливая, помогала ей застегнуть назади платье. Обернувшись, Антонина случайно взглянула въ зеркало и увидала тамъ двухъ Саже, застегивавшихъ ея платье. Отъ неожиданности дѣвочка упала въ обморокъ.

„Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а странныя явленія не прекращались. Иногда во время обѣда двойникъ показывался стоящимъ за стуломъ своего оригинала, повторяя всѣ его движенія, только не имѣя ни ножа, ни вилки въ рукахъ. Раздваивалась одна фигура; видѣли ее какъ всѣ сидѣвшія за столомъ, такъ и прислуга.

„Однако двойникъ не всегда повторялъ движенія своего

оригинала. Бывало и такъ, что Эмилія вставала со стула, а призракъ показывался сидящимъ на ея мѣстѣ. Однажды Эмилія лежала съ головною болью въ постели, а Антонина Врангель, сидя возлѣ, читала ей вслухъ, и замѣтила, что больная вдругъ сильно поблѣднѣла, осунулась, точно собиралась лишиться чувствъ. Испуганная дѣвочка спросила, не хуже ли ей, но воспитательница отвѣтила слабымъ, едва слышнымъ голосомъ, что она чувствуетъ себя все такъ же. Нѣсколько секундъ спустя Антонина, взглянувъ вокругъ себя, увидала фигуру Эмиліи, ходившую взадъ и впередъ по комнатѣ. На этотъ разъ дѣвочка на столько совладала собой, что ничѣмъ не выдала своего испуга и даже не сказала больной ни одного слова о видѣнномъ, а вскорѣ сошла внизъ, гдѣ обратила на себя общее вниманіе подругъ своимъ поблѣднѣвшимъ личикомъ, и тутъ только все имъ разсказала.

„Самый же замѣчательный случай, виолнѣ самостоятельнаго дѣйствія обѣихъ фигуръ происходилъ слѣдующимъ образомъ.

„Однажды всѣ воспитанницы, въ числѣ сорока двухъ, были собраны въ одной комнатѣ за классомъ рукодѣлія; сидѣли онѣ въ большой залѣ перваго этажа, съ четырьмя огромными окнами, или, скорѣе, зеркальными дверями, выходившими въ довольно обширный садъ. Посреди комнаты стоялъ длинный столъ, около котораго сидѣли пансіонерки всѣхъ классовъ, занятыя различными работами, и съ этого мѣста отлично могли видѣть все, что происходитъ въ саду. Въ этотъ разъ многія изъ нихъ отлично видѣли въ окна, какъ Эмилія Саже, стоя около цвѣточной клумбы по близости отъ дома, окапывала небольшой лопатой цвѣты, до которыхъ она была большая охотница. Въ концѣ стола, на хозяйскомъ мѣстѣ, въ большомъ кожаномъ креслѣ сидѣла другая классная дама, наблюдавшая за воспитанницами. Вскорѣ она встала и вышла изъ комнаты, оставивъ кресло незанятымъ, но не надолго; вдругъ на немъ появилась фигура Саже. Пансіонерки посмотрѣли въ садъ и увидали тамъ Эмилію около той же клумбы продолжавшую работать лопатой, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтили, что она двигалась медленно, точно сонная или больная. Опять посмотрѣли онѣ въ кресло и уви-

дѣли ее неподвижно въ немъ сидѣвшую, но на видъ на столько реальную, что не будь она въ тоже время у нихъ на глазахъ въ саду и не появись она въ креслѣ вдругъ, не пройдя предварительно черезъ комнату, онѣ были бы убѣждены, что это дѣйствительно она сама. Теперь же, будучи увѣрены, что это не она, и нѣсколько привыкшія уже къ странному явленію, двѣ самыя храбрыя между пансіонерками рѣшились подойти и дотронуться до фигуры и тутъ же заявили, что ощущаютъ нѣкоторое сопротивленіе, какъ бы отъ прикосновенія къ кисеѣ или крепу. Затѣмъ одна изъ двухъ, проходя совсѣмъ близко къ креслу, задѣла фигуру, т. е. прошла *сквозь* нѣкоторую ея часть. Но видѣніе не исчезло, а продолжало еще сидѣть на томъ же мѣстѣ; и, наконецъ, постепенно какъ бы испарилось. Тогда молодыя дѣвушки замѣтили, что по исчезновеніи его къ Саже вернулась ея обычная живость и энергія. Всѣ сорокъ двѣ пансіонерки видѣли ту же фигуру и совершенно одинакимъ образомъ.

„Впослѣдствіи нѣкоторыя изъ нихъ спросили Эмилію, не ощущала ли она въ то время чего либо особеннаго. Она отвѣтила, что помнитъ лишь одно, какъ, увидавъ, что воспитательница вышла, она подумала, что лучше было бы той не уходить; дѣвочки навѣрно перестанутъ работать въ ея отсутствіе и еще надѣлаютъ какихъ нибудь шалостей.

„Эти страшныя явленія продолжались съ различными измѣненіями во все время пребыванія Эмиліи Саже въ Нейвельке, т. е. около полутора года, съ перерывами на недѣлю, а иногда и на нѣсколько недѣль. Происходили они чаще всего въ то время, когда она была чѣмъ нибудь особенно занята, на чемъ нибудь сосредоточена. Было вообще замѣчено, что чѣмъ живѣе, матеріальнѣе являлся двойникъ, тѣмъ слабѣе и неподвижнѣе становилось живое лицо, а по мѣрѣ постепеннаго исчезновенія двойника, къ Эмиліи возвращались ея нормальныя силы.

„По собственному опыту она не имѣла никакого понятія о своемъ двойникѣ, услыхала о немъ въ первый разъ отъ другихъ, а теперь догадывалась о его появленіи по взглядамъ присутствующихъ; сама она никогда не видѣла его и созна-

тельно не ощущала овладѣвающей ее слабости при его появленіи.

„Въ тѣ восемнадцать мѣсяцевъ, когда баронесса Юлія Гульденштуббе, сообщившая мнѣ этотъ случай со всѣми его подробностями, имѣла возможность лично наблюдать явленіе, она никогда не видала и не слыхала отъ другихъ, чтобы оно происходило на большомъ разстояніи отъ своего оригинала, напр., на разстояніи нѣсколькихъ миль. Иногда двойникъ являлся въ нѣкоторомъ отдаленіи во время ихъ прогулокъ, но большею частью только внутри дома. Вся прислуга безъ исключенія видѣла его, стало быть явленіе было доступно всѣмъ при немъ присутствующимъ.

„Понятно, что такое странное явленіе, продолжавшееся цѣлые восемнадцать мѣсяцевъ, не могло не вредить заведенію. Узнавъ объ этомъ странномъ фактѣ и убѣдившись, что это не басня и не фантазія, и что отъ этого терпитъ здоровье воспитанницъ со слабыми нервами, большинство родителей сочло необходимымъ взять изъ пансіона своихъ дочерей; послѣ вакацій многія изъ нихъ не вернулись. И когда, наконецъ, изъ сорока двухъ воспитанницъ осталось всего двѣнадцать, какъ ни тяжело было пансіонскому начальству разстаться съ личностью вполнѣ невинною, а только несчастною, всегда заслуживавшею полнаго его уваженія и довѣрія, оно увидало себя, однако, въ необходимости отказать Эмиліи Саже отъ мѣста.

„Бѣдная дѣвушка была въ отчаяніи. „Въ девятнадцатый разъ! — воскликнула она въ присутствіи Юліи фонъ Гульденштуббе, вскорѣ послѣ полученнаго ею отказа, — это слишкомъ тяжело“! И когда у нея спросили, что означаютъ эти слова, она неохотно объяснила, что ранѣе пансіона Нейвельке, она перебывала въ восемнадцати школахъ, начавъ свое воспитательное поприще съ шестнадцати лѣтъ; и отовсюду ее изгоняла ея несчастная способность, хотя во всемъ прочемъ ею всегда бывали довольны и давали ей наилучшіе аттестаты. И все-таки ей приходилось вскорѣ искать себѣ новое мѣсто какъ можно дальше отъ прежняго.

„Оставивъ Нейвельке, она нѣкоторое время прожила по

сосѣдству вмѣстѣ со своей невѣсткой, у которой были маленькія дѣти, и тамъ преслѣдовало ее то же явленіе. Баронесса Юлія, ѣздившая повидаться съ нею, узнала, что трехъ и четырехлѣтнія дѣти всѣ знали о двойникѣ, и разсказывали, что видѣли двухъ тетей Эмиліи.

„Впослѣдствіи Эмилія Саже уѣхала во внутрь Россіи и баронесса Гульденштуббе потеряла ее изъ виду.

„Я получилъ всѣ эти подробности отъ самой баронессы Гульденштуббе, любезно давшей мнѣ позволеніе опубликовать ихъ съ обозначеніемъ именъ, мѣста и времени. Она оставалась въ Нейвельке пансіонеркой все время, покуда Эмилія Саже исполняла тамъ обязанности классной дамы, стало быть имѣла полную возможность наблюдать явленіе въ всѣхъ его особенностяхъ“.

Мы видимъ изъ этого случая, что двойникъ Эмиліи Саже имѣлъ, какъ показываетъ пансіонерка, рѣшившаяся до него дотронуться, даже и нѣкоторую плотность. Есть полное основаніе предполагать, что фотографія доказала бы реальную объективность этого раздвоенія. Я уже упомянулъ въ первой главѣ (стр. 93) о бывшихъ трехъ случаяхъ фотографированія двойниковъ. Послѣдній изъ трехъ, сообщенный г. Глендиннингомъ, неожиданно получаетъ разъясненіе въ случаѣ Эмиліи Саже. Г. Глендиннингъ говоритъ: „Однажды получили мы портретъ медіума въ той позѣ, въ которой онъ былъ минутъ десять передъ выставкой пластинки, когда онъ находился на полпути между камерой и фономъ“; далѣе, когда за разъясненіемъ обратились къ планшеткѣ, получился такой отвѣтъ: „Медіумъ оставилъ свой слѣдъ на своемъ мѣстѣ, и еслибъ тутъ былъ ясновидящій, то онъ увидалъ бы его на этомъ стулѣ“. И что же мы читаемъ про Эмилію Саже? „Случалось такъ, что когда она вставала съ своего стула, образъ ея видѣли еще сидящимъ“. Замѣчательное совпаденіе! Эти двѣ строчки даютъ ключъ для пониманія другого случая фотографированія двойника, сообщаемаго г. Пьераромъ въ его „Revue Spiritualiste“ 1864 года, стр. 84. Г. Курціо Паулуччи, фотографъ изъ Кіавари, возлѣ Генуи, снималъ однажды группу изъ трехъ

персонъ; когда пластинка была проявлена, позади группы появилась четвертая фигура — двойникъ помощника фотографа, который, за нѣсколько минутъ до открытія объектива, находился позади группы, усаживая ее въ надлежащую позу. Г. Гвидо, инженеръ, пріятель г. Паулуччи, сообщая объ этомъ фактѣ г. Пьерару, разсказываетъ и о всѣхъ химическихъ манипуляціяхъ, посредствомъ которыхъ онъ убѣдился, что изображеніе фигуры находилось дѣйствительно на коллодіумѣ, а не на стеклѣ по недосмотру.

Какъ дополненіе къ первой рубрикѣ, я могу привести здѣсь слѣдующій случай, гдѣ сообщеніе, полученное отъ живого, сопровождалось и появленіемъ его образа. Вотъ фактъ, напечатанный въ „Human nature“ 1867 года стр. 510, гдѣ г. Балдвинъ изъ Бирмингама разсказываетъ о появленіяхъ своего собственнаго двойника:

„Недѣли двѣ тому назадъ, когда миссъ Тэйлоръ сидѣла у себя дома за чайнымъ столомъ съ теткой и двоюроднымъ братомъ, она сказала имъ, что видитъ совершенно ясно г. Балдвина, стоящаго у одного изъ угловъ стола, за которымъ они сидѣли. На этотъ разъ никакихъ признаковъ разумности со стороны двойника, за исключеніемъ улыбки, замѣтно не было. Но нѣсколько дней спустя, когда тѣ же лица собрались для сеанса, миссъ Тэйлоръ опять сказала, что видитъ г. Балдвина, причемъ кузина ея, миссъ Россъ, попросила его представить доказательство своей самоличности. Онъ тотчасъ же подошелъ къ столу, овладѣлъ рукою миссъ Тэйлоръ (пишущаго медіума) и росписался полнымъ именемъ; тогда миссъ Россъ потребовала другаго доказательства и сказала, что если это онъ, то пусть напишетъ, о чемъ онъ ее недавно проспилъ — пусть повторитъ послѣднія слова, сказанныя имъ наканунѣ. И тотчасъ же это было написано слово въ слово“. — Для нѣкоторыхъ добавочныхъ подробностей см. статью того же Балдвина въ „Human mature“ 1868 г., стр. 151.

Факты прямого экспериментированія въ этомъ направленіи не многочисленны, но они существуютъ. Такъ, г. Кольманъ сообщаетъ, что дочь судьи Эдмондса, миссъ Лаура, „могла

иногда по своему желанію проицировать духъ свой и являться во образѣ, передавая сообщенія людямъ, къ которымъ она чувствовала симпатію". А миссъ Мэнсъ, дочь профессора Мэпса, съ своей стороны подтвердила г. Кольману, „что ея пріятельница, миссъ Эдмондсъ, являлась ей и передавала сообщенія, хотя тѣлесно онѣ жили на разстояніи двадцати миль другъ отъ друга". Г. Кольманъ передаетъ еще другой случай этого рода (см. его сочиненіе „Spiritualism in America", стр. 4 и Spiritualist 1873 года, стр. 470 — см. также Ps. St. 1877 г., стр, 193 — 200).

Болѣе современные случаи экспериментированія упоминаются въ „Прижизненныхъ призракахъ" томъ I, стр. 103 — 109, и томъ II, стр. 671 — 676.

Ссылаюсь еще на главу: „Маяви Рупа" въ сочиненіи Дю-Преля: „Монистическое ученіе о душѣ" 1888 года, и вообще на всѣ главы этого сочиненія, посвященнаго философскому изслѣдованію явленія двойниковъ.

Въ біографіяхъ медіумовъ мы находимъ многочисленные примѣры появленія ихъ двойниковъ (напр., въ біографіи миссисъ Конантъ, стр. 112) и это естественно приводитъ насъ къ слѣдующей рубрикѣ.

IV. Внѣтѣлесное дѣйствіе живого человѣка, выражающееся въ появленіи его образа съ нѣкоторыми атрибутами тѣлесности (факты телепластическіе — явленія тѣлесности на разстояніи).

Въ этой рубрикѣ внѣтѣлесное дѣйствіе человѣка получаетъ наивысшую объективность, ибо оно проявляется здѣсь и умственно, и физически, и пластически. И именно въ спиритизмѣ мы находимъ тому абсолютное доказательство. Разъ фактъ матеріализаціи данъ, онъ долженъ естественно и согласно методологическимъ принципамъ быть разсматриваемъ какъ произведеніе человѣческаго организма, и когда сверхъ того констатируется, какъ общее правило, большое сходство матеріализованной фигуры съ медіумомъ, мы должны точно также естественно заключить, что имѣемъ здѣсь дѣло съ фактомъ тѣлеснаго раз-

двоенія. Фактъ этого сходства былъ много разъ констатированъ на сеансахъ матеріализаціи — полной или даже частичной. Хронологически первое наблюденіе этого рода восходитъ, сколько мнѣ извѣстно, къ 1855 году, когда оно было сдѣлано случайно на одномъ изъ темныхъ сеансовъ Давенпортовъ для физическихъ явленій. Полицейскій чиновникъ „въ ту минуту, когда сеансъ былъ въ полномъ ходу, вдругъ открылъ фонарь, который обдалъ всю комнату яркимъ свѣтомъ. Тутъ началась странная сцена: отецъ Давенпортовъ вскочилъ на ноги, и въ величайшемъ возбужденіи заявлялъ, что видѣлъ своего сына Айра, стоявшаго у стола и игравшаго на одномъ изъ тамбуриновъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда комната освѣтилась, и что онъ видѣлъ, какъ онъ скользнулъ къ своему стулу“. Отецъ былъ внѣ себя отъ негодованія; но каково было его удивленіе, когда, „какъ только возстановилась нѣкоторая тишина, до двадцати человѣкъ торжественно заявили, что не только они ясно видѣли фигуру стоявшаго у стола двойника или призрака Аиры Давенпорта, но точно также, въ то же самое время, видѣли и его самого въ плоти, спокойно сидѣвшаго на своемъ стулѣ между двумя лицами. Призракъ скользнулъ къ сидѣвшему мальчику, но, насколько было видно, не достигъ до него, исчезнувъ приблизительно футахъ въ шести отъ его мѣста“. (См. The Davenport brothers, a biography, by Randolph. Boston, 1869 года, стр. 198 — 199; цитировано также въ „Спиритуалистѣ“ 1873 года, стр. 154, 470).

Въ той же книгѣ мы читаемъ, какъ проф. Мэпсъ удостовѣрился, что физическія явленія производятся двойниками Давенпортовъ: „Когда гитара принеслась ко мнѣ, я тщательно ощупалъ то, что принималъ за молодого Давенпорта, свободно ощупывая его отъ головы до ногъ, но удержать его не могъ, ибо онъ или *это нѣчто*, выскальзывало изъ моихъ рукъ или разстаивало съ величайшею, повидимому, легкостью“. Именно по совершенно особенному платью молодого Давенпорта Мэпсъ удостовѣрился, что онъ хорошо узналъ его въ темнотѣ; но свѣтъ, немедленно потребованный, доказалъ, что молодой Айра сидѣлъ на своемъ стулѣ и оставался связаннымъ точно такъ,

какъ это было тщательно сдѣлано самимъ профессоромъ. На сеансѣ у себя на дому Мэпсъ и его дочь еще разъ убѣдились въ раздвоеніи рукъ и рукавовъ платья медіума. См. тамъ же, стр. 185 — 186.

Достопочтенный Фергюссонъ, сопутствовавшій Давенпортамъ въ Англію и тамъ имъ покровительствовавшій, близко изучилъ ихъ и также свидѣтельствуетъ: „Я видѣлъ собственными глазами руки, бюстъ, а два раза и всю раздвоенную фигуру Айры Давенпорта на разстояніи отъ двухъ до пяти футовъ отъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ крѣпко привязанный“. И далѣе: „при нѣкоторыхъ, еще мало понятныхъ условіяхъ, пальцы, руки и одежда братьевъ Давенпортовъ раздвоялись какъ на видъ, такъ и на ощупь“. (См. Supramundane Facts in the life of Rev. J. B. Fergusson; London, 1865 г., стр. 109).

Тѣ же наблюденія были неоднократно сдѣланы въ Англіи и надъ другими медіумами и много разъ обсуждаемы въ спеціальныхъ журналахъ. См. статьи Гариссона въ „Спиритуалистѣ“, 1876 г., томъ I, стр. 205; 1879 года, томъ I, стр. 133; статья M. A. Oxon въ Light'ѣ“, 1884 г., стр. 351; Кьюлеманса въ „Light'ѣ“, 1884 г., стр. 351 и 1885 г., стр. 509. Я говорилъ объ этомъ также и выше, стр. 105. Такъ какъ опытъ г. Крукса съ миссисъ Фай, о которомъ я тамъ упоминаю, былъ продѣланъ при самыхъ строго доказательныхъ условіяхъ, какія только наука можетъ потребовать, и такъ какъ явленіе раздвоенія медіума имѣло тутъ мѣсто, то мы можемъ считать этотъ опытъ за наилучшее доказательство даннаго явленія. Вотъ что подробно говоритъ о немъ судья Коксъ, присутствовавшій на этомъ сеансѣ:

„Г. Крукъ въ своемъ превосходномъ описаніи помянутаго сеанса говоритъ, что цѣлая фигура была видѣна мною и другими. Такъ оно и было. Когда моя книга была мнѣ подана, занавѣска отодвинулась на столько, что я могъ видѣть отчетливо, кто мнѣ ее подалъ. Это была всецѣло фигура миссисъ Фай, — волоса, лицо, голубое шелковое платье, голыя до локтя руки и браслеты съ жемчугомъ. Въ этотъ моментъ гальваническій снарядъ не показывалъ ни малѣйшаго перерыва въ

токѣ, непзбѣжнаго въ случаѣ отнятія рукъ г-жи Фан отъ электродовъ. Фигура показалась на сторонѣ занавѣски противоположной мѣсту, гдѣ миссисъ Фай сидѣла,—по крайней мѣрѣ на разстояніи восьми футовъ отъ ея стула; такъ что еслибъ книга была взята съ полки ею самой, то ей необходимо было бы оторваться отъ электродовъ. Тѣмъ не менѣе снарядъ не показывалъ не малѣйшаго перерыва. Другой свидѣтель также видѣлъ голубое платье и браслеты; и ни одинъ изъ насъ не сказалъ другому до конца сеанса о томъ, что онъ видѣлъ, такъ что это были отчетливыя впечатлѣнія, воспринятыя каждымъ изъ насъ отдѣльно“ („Спиритуалистъ“ 1875 г., I, стр. 151).

Мы имѣемъ также свидѣтельство и фотографіи о фактѣ раздвоенія. Извѣстно, что Кэти Кингъ поразительно походила на своего медіума, миссъ Флоренсъ Кукъ. И фотографіи Кэти, снятыя Круксомъ, неоспоримо о томъ свидѣтельствуютъ.

Фактъ раздвоенія подтверждается также и посредствомъ отпечатковъ, получавшихся на закопченой бумагѣ и, наконецъ, полное доказательство его намъ дано въ парафиновыхъ формахъ и гипсовыхъ отливкахъ. Выше я привелъ опытъ съ Эглинтономъ, на которомъ получилась форма его ноги въ то время, когда эта нога была на виду у комитета, производившаго опытъ (См. выше, стр. 180).—Г. Гаррисонъ утверждаетъ то же самое относительно слѣпковъ съ матеріализованныхъ рукъ („Spiritualist“, 1876, I, p. 298).

Превосходный телепластическій *опытъ*, первый въ этомъ родѣ, былъ произведенъ въ 1889 г., испанскимъ докторомъ Отеро Асеведо, нарочно поѣхавшимъ въ Неаполь, чтобы убѣдиться въ подлинности явленій, происходящихъ въ присутствіи медіума — Евзапіи Паладино, нынѣ прославившейся своими сеансами съ проф. Ломброзо. Опытъ, о которомъ я говорю, состоялъ въ слѣдующемъ: г. Асеведо желалъ получить отпечатокъ на глинѣ при несомнѣнныхъ условіяхъ достовѣрности. Для этой цѣли имъ была приготовлена тарелка съ сырой глиной. По окончаніи сеанса и обычныхъ явленій, сама Евзапія заявила, что хочетъ продѣлать и задуманный опытъ. По ея желанію тарелка съ глиной была поставлена передъ нею на

стулъ, на разстояніи приблизительно двухъ метровъ отъ нея Это было исполнено самимъ г. Асеведо, который, удостовѣрившись, что поверхность глины была совершенно гладкая, накрылъ ее своимъ платкомъ. Это было при *полномъ свѣтѣ*. Всѣ смотрѣли на Евзапію. Протянувъ руку и три пальца по направленію къ тарелкѣ, послѣ нѣсколькихъ непередаваемыхъ судорожныхъ движеній, она воскликнула: „Сдѣлано!“ Когда отняли платокъ, на глинѣ оказался явственный отпечатокъ трехъ пальцевъ (См. „Revue Spirite“, 1889, стр. 587). Г. Асеведо, въ письмахъ своихъ ко мнѣ, выразилъ свое полное убѣжденіе въ реальности этихъ фактовъ, а приступилъ онъ къ ихъ изслѣдованію, будучи ярымъ матеріалистомъ—„un materialiste furibond“, по его собственному выраженію.

Необычайный фактъ раздвоенія человѣческаго организма, неизбѣжно выводимый нами изъ явленія матеріализаціи, даетъ намъ право придавать вѣру и тѣмъ разсказамъ внѣ спиритизма, гдѣ идетъ рѣчь о физическихъ явленіяхъ, производимыхъ двойниками, не прибѣгая непремѣнно къ гипотезѣ галлюцинаціи зрѣнія, слуха или осязанія. Разъ основное явленіе существуетъ, такого рода двойники представляли бы только различіе относительно степени своей тѣлесности и величины пространства, отдѣляющаго ихъ отъ живого прототипа. Различіе въ степени тѣлесности было часто наблюдаемо на сеансахъ матеріализаціи; такъ, напр., г. Круксъ свидѣтельствуетъ о призракахъ, производившихъ физическія дѣйствія, въ слѣдующихъ словахъ;

„Въ сумеркахъ, на сеансѣ съ Юмомъ у меня на дому оконныя занавѣски, находившіяся футахъ въ восьми отъ Юма, стали двигаться на нашихъ глазахъ. Всѣ присутствующіе увидали темную полупрозрачную фигуру, похожую на человѣческую, стоявшую возлѣ окна и свою рукою шевелившую занавѣски. Въ то время пока мы смотрѣли, фигура исчезла и занавѣски перестали двигаться“.

Слѣдующій случай еще болѣе поразителенъ. Медіумомъ, какъ и въ тотъ разъ, былъ Юмъ. Призрачная фигура показалась изъ угла, взяла въ руки гармонику и, скользя по ком-

натѣ, стала играть на ней. Фигура была видима всѣмъ присутствующимъ впродолженіе нѣсколькихъ минутъ; въ тоже время мы видѣли и Юма. Когда призракъ подошелъ къ дамѣ, сидѣвшій въ сторонѣ отъ прочихъ, она слегка вскрикнула и призракъ исчезъ“ (Crookes Researches, p. 94).

Очень пріятно, что подъ пару этому рѣдчайшему явленію мы можемъ указать и на русскій случай, недавно опубликованный д-ромъ Кузпецовымъ въ „Ребусѣ“ (1892 г,, стр. 97): онъ видѣлъ, какъ, при полу-свѣтѣ, „плавно пронеслась по воздуху дѣтская фигура, лѣтъ пяти, съ прекрасиымъ профилемъ и курчавыми волосами, державшая въ протянутой впередъ рукѣ свѣтящуюся спичечницу, которую фигура повѣсила на корешокъ филодендрона, причемъ цвѣтокъ сильно зашумѣлъ листьями“. На сеансѣ дѣтей не было, и участниковъ было всего трое: г. Кузиецовь, г-жа и г. М. Послѣдній, когда фигура проносилась между г. Кузнецовымъ и имъ, „хотѣлъ быстро схватить ее, но рука разсѣкла только воздухъ“.

Въ указателѣ своемъ я нахожу еще случай наблюденія *прозрачной матеріализаціи*, о которомъ разсказываетъ г. Морсъ (лично мнѣ извѣстный) въ мѣсячномъ журналѣ „Facts“, Boston, 1886, p. 205.

Есть разумное основаніе предположить, что степень плотности двойника уменьшается соотвѣтственно его разстоянію отъ того организма, который служитъ ему источникомъ.

Какъ дополненіе къ случаю, приведенному во II-й рубрикѣ, гдѣ месмеризованный субъектъ иронзвелъ дѣйствіе на разстояніи, не будучи видимымъ, я приведу здѣсь слѣдующій, гдѣ и физическое дѣйствіе, и самъ виновникъ онаго были одновременно видимы: г. Десмондъ Фицъ-Джеральдъ, инженеръ, сообщаетъ „Спиритуалисту“ слѣдующій случай, озаглавленный: *„Физическое дѣйствіе, произведенное духомъ замесмеризованнаго субъекта“*.

„Самый сильный магнетизеръ, котораго я когда-нибудь видѣлъ, былъ Льюйсъ, негръ, при содѣйствіи котораго покойный лордъ Литтонъ Бульверъ продѣлалъ свои разные полуспиритическіе опыты. Лѣтъ двадцать тому назадъ я познакомился съ

нимъ—также черезъ магнетизера, г. Томсома. Я былъ тогда горячимъ изслѣдователемъ явленіи месмеризма и этимъ положилъ основаніе моимъ настоящимъ твердымъ убѣжденіямъ по части спиритизма. Рѣшивъ доподлино изслѣдовать нѣкоторыя явленія, я нанялъ комнату въ домѣ Льюйса, въ Беккеръ-Стритѣ, и самъ распорядился устройствомъ нѣсколькихъ чтеній по магнетизму въ мѣстностяхъ, съ которыми Льюйсъ не былъ знакомъ.

„Въ февралѣ 1856 года мы отправились съ нимъ въ Блякхизъ, гдѣ случилось одно обстоятельство, которое, полагаю, будетъ для васъ небезъинтереснымъ. Мы остановились въ гостиницѣ, въ общей залѣ которой Льюйсъ вечеромъ магнетизировалъ очень многихъ, сдѣлалъ нѣсколько поразительныхъ электро-біологическихъ опытовъ и многихъ заинтересовалъ. Было рѣшено нанять залъ для чтенія на слѣдующій день. Чтеніе состоялось; послѣ обыкновенныхъ весьма удачныхъ магнетическихъ опытовъ, Льюйсъ перешелъ къ нѣкоторымъ явленіямъ сомнамбулизма и ясновидѣнія, и сталъ демонстрировать ихъ надъ молодою дѣвушкой, совершенно ему незнакомой, которая вмѣстѣ съ другими изъ публики вышла на эстраду. Въ то время, какъ она была погружена въ глубокій сонъ, онъ приказалъ ей пойти домой и описать, что она тамъ увидитъ. Она описала кухню, въ которой находились два лица, занятыя по хозяйству. „Можете-ли вы дотронуться до той особы, которая изъ двухъ къ вамъ ближе?“—спросилъ Льюйсъ. Въ отвѣтъ послышалось какое-то мычанье. Положивъ одну руку свою ей на голову, а другую на солнечное сплетеніе, онъ сказалъ:—„Я хочу, чтобы вы тронули ее за плечо, вы должны это сдѣлать, я требую этого“. Въ эту минуту дѣвушка засмѣялась и сказала: — „Я ее тронула; какъ она испугалась!“ Обращаясь къ публикѣ, Льюйсъ спросилъ, знаетъ-ли кто изъ присутствующихъ эту дѣвушку? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ попросилъ, чтобы депутація отправилась къ ней на домъ для провѣрки ея показанія. Лица, отправившіяся по этому порученію, вскорѣ вернулись въ залу и сообщили, что все сказанное дѣвушкой совершенно вѣрно: что они застали всѣхъ ея

домашнихъ въ сильномъ возбужденіи, вслѣдствіе того, что одна изъ женщинъ увѣряла, что въ то время, когда она работала въ кухнѣ, какой-то духъ тронулъ ее за плечо".

„Молодая дѣвушка, послужившая въ этомъ случаѣ сенситивомъ, была въ услуженіи у г. Тэйлора, сапожника въ Блякхизѣ. Въ своей записной книжкѣ я также нахожу имя г. Бишопа, зубнаго врача въ Блякхизѣ, который въ то время вызвался въ случаѣ надобности засвидѣтельствовать разсказанный мною случай" („Спиритуалистъ", 1875 г., I томъ, стр. 97).

Проф. Даумеръ въ своемъ сочиненіи *„Царство духовъ"* („Das Geisterreich", Dresden, 1867 г.), въ главѣ: „Духоподобныя явленія живыхъ", цитируетъ изъ „Магикона" Юстинуса Кернера случай автосомнамбулы Сусаны В., двойникъ которой явился д-ру Руфли и потушилъ его свѣчку.

Вотъ болѣе современный случай, сообщенный надежнымъ свидѣтелемъ, покойнымъ г. Уэджвудомъ, бывшимъ членомъ Лонд. Общ. псих. изслѣдованій:

Призракъ живаго человѣка стучитъ въ дверь.

„Около конца сентября я былъ въ гостяхъ у миссисъ Т., одной медіумичной дамы изъ моихъ близкихъ знакомыхъ, мужъ которой ежедневно ѣздитъ по своимъ дѣламъ за двадцать миль, въ Бирмингамъ. Однажды въ субботу, за двѣ недѣли до моего пріѣзда и минуты за двѣ до того, какъ мужъ ея долженъ былъ вернутся со станціи, миссисъ Т. стояла въ своей спальнѣ у окна, выходящаго на дорогу, когда увидала мужа, отворяющаго садовую калитку и идущаго по дорожкѣ; въ рукахъ у него было нѣсколько свертковъ, и она подумала еще, что такое онъ несетъ. Побѣжавъ внизъ, чтобы отворить ему, она встрѣтила своего деверя, остановилась поговорить съ нимъ, и сказала ему, что сейчасъ видѣла мужа, вошедшаго въ садовую калитку съ нѣсколькими свертками въ рукахъ. Пока они разговаривали, она услыхала стукъ мужа въ парадную дверь, стукъ на столько явственный, что она была убѣждена, что и деверь слышалъ его; однако тотъ ничего не слыхалъ. Между

тѣмъ горничная, бывшая въ кухнѣ возлѣ передней, слышала стукъ и, приписавъ его возвратившемуся хозяину, поспѣшила въ переднюю, но была предупреждена миссисъ Т., которая подошла къ двери прежде нея. Отворивъ дверь и не найдя тамъ никого, она бросилась въ столовую, по другую сторону дома, думая, что мужъ вошелъ туда черезъ стеклянную дверь; горничную же послала къ выходу во дворъ. Когда она возвращалась послѣ своихъ напрасныхъ поисковъ, горничная пришла ей сказать, что м-ръ Т. входитъ въ большую калитку. Она пошла къ нему на встрѣчу и тотчасъ же спросила, зачѣмъ онъ, войдя въ садъ, вернулся назадъ. Онъ отвѣтилъ, что ничего подобнаго не дѣлалъ и пришелъ теперь прямо со станціи. „Какъ со станціи, я слышала твой стукъ и видѣла, какъ ты шелъ съ двумя свертками въ рукахъ!“ Онъ очень удивился, такъ какъ изъ ея словъ было видно, что она принимаетъ отвѣтъ его за шутку. У него въ дѣйствительности оказалось два свертка въ рукахъ, точно такъ, какъ это ей привидѣлось. Деверь, смотрѣвшій изъ своего окна, слышалъ, какъ горничная сказала, что въ то время, когда м-съ Т. видѣла своего мужа на садовой дорожкѣ, она слышала его обычный стукъ. Она сама меня въ томъ лично увѣряла и слова ея подтверждаются тѣмъ, что она пошла отворять дверь. Такимъ образомъ несомнѣнно, что стукъ былъ настолько объективенъ, что его слышали два лица, находившіяся на двухъ разныхъ концахъ дома и не имѣвшія никакого общенія между собою („Light“, 1883 г., стр. 458).

„Этотъ разсказъ переданъ мнѣ самими свидѣтелями, двѣ недѣли спустя послѣ случившагося, и тутъ же, съ ихъ словъ, былъ мною записанъ“.

Вслѣдъ за этимъ случаемъ г. Уэджвудъ разсказываетъ еще о другомъ, который хотя относится собственно ко второй рубрикѣ, но какъ въ немъ участвуютъ тѣ же лица, то я уже кстати приведу его здѣсь.

„Однажды, ранѣе этого случая, призрачный образъ м-ра Т. предупредилъ своимъ появленіемъ его реальное возвращеніе домой и при этомъ далъ ощутительное доказательство своего

присутствія въ домѣ, хотя его никто не видалъ. Было два поѣзда, съ которыми м-ръ Т. могъ возвращаться домой къ обѣду: въ половинѣ 6-го и половинѣ 7-го. 12 іюля онъ сказалъ женѣ, что ему, вѣроятно, придется возвратиться съ послѣднимъ; въ виду чего она около половины 6-го надѣвала въ своей комнатѣ шляпку, чтобы идти къ нему на встрѣчу, на станцію, когда услыхала изъ гостинной нижняго этажа два или три аккорда, взятыхъ на фортепіано, затѣмъ быстрый пассажъ на двухъ октавахъ и, наконецъ, нѣсколько тактовъ маленькой пьески, сыгранныхъ однимъ пальцемъ, какъ часто исполнялъ ее м-ръ Т. Изъ чего жена его заключила, что онъ возвратился съ раннимъ поѣздомъ, и тотчасъ же, сбросивъ шляпку, побѣжала внизъ, но нашла гостинную пустою, фортепіано закрытымъ и никого въ цѣломъ домѣ, кромѣ ея самой, ибо горничная была занята въ прачешной, на другомъ концѣ двора“ („Light“, тамъ же).

Вотъ другой, еще болѣе убѣдительный фактъ, сообщенный также вполнѣ достойнымъ довѣрія свидѣтелемъ, докторомъ медицины Уайльдомъ:

„Миссъ Ж. и ея мать впродолженіе пятнадцати лѣтъ находились со мною въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ; это были женщины высокаго ума и совершенно правдивыя; кромѣ того, разсказъ ихъ подтвержденъ одною изъ служанокъ, а другую я не могъ разыскать.

„Миссъ Ж., нѣсколько лѣтъ до нашего знакомства, употребляла много времени на посѣщеніе бѣдныхъ; однажды, возвращаясь домой, она, чувствуя себя очень уставшей и озябшей, почувствовала желаніе погрѣться у кухоннаго очага. Въ минуту, приблизительно соотвѣтствующую этому желанію, обѣ служанки, бывшія въ кухнѣ, видѣли, какъ дверная ручка повернулась, дверь отворилась и въ кухню вошла миссъ Ж. Подойдя къ огню, она протянула къ нему руки и стала грѣться. Служанки видѣли еще, что у нея на рукахъ зеленыя лайковыя перчатки. Вдругъ она на ихъ глазахъ исчезла и обѣ въ большомъ испугѣ побѣжали наверхъ и передали матери то, что онѣ сейчасъ видѣли, включая и зеленыя перчатки.

„Мать подумала, что что-нибудь неладно, но стараясь успокоить служанокъ, напомнила имъ, что миссъ Ж. всегда носитъ черныя, а не зеленыя перчатки, поэтому и призракъ не могъ быть призракомъ ея дочери.

„Черезъ полчаса настоящая миссъ Ж. вернулась домой, пройдя въ кухню стала грѣться у огня, и на рукахъ у нея были зеленыя лайковыя перчатки, которыя она купила, возвращаясь домой, не найдши подходящихъ черныхъ („Light“, 1882 года, стр. 26).

Въ небольшой добавочной замѣткѣ, г. Уайльдъ прибавляетъ:

„Есть не мало не обстоятельныхъ разсказовъ о психическихъ фактахъ, но я всегда старался быть, на сколько возможно точнымъ; такъ и въ данномъ случаѣ. Зная, на сколько необходимо точное описаніе фактовъ, я наводилъ самыя тщательныя справки; и мать и дочь неоднократно повторяли, что изъ двухъ служанокъ, бывшихъ въ кухнѣ, только одна видѣла движеніе замочной ручки, но обѣ видѣли, какъ отворилась дверь“ („Light“, 1882 г., стр. 50).

Въ „Спиритуалистѣ“ 1877 года, томъ II, стр. 283, тотъ же докторъ Уайльдъ пространно изложилъ свою теорію, которая вполнѣ ясно формулирована въ самомъ заглавіи его статьи: „Человѣкъ, какъ духъ, и спиритическія явленія, какъ дѣйствія духа живого человѣка“.

Г-жа Гардинжъ-Бриттенъ въ своей запискѣ о явленіи двойниковъ, напечатанной въ „Banner of Light“ 1875 года, отъ 6-го ноября и 11-го декабря, разсказываетъ слѣдующій случай, воспроизведенный М. А. Oxon. въ своей статьѣ „О внѣтѣлесномъ дѣйствіи человѣческаго духа“, напечатанной въ „Human nature“, 1876 года, стр. 118 откуда мы ее и заимствуемъ:

„Въ то время, когда одинъ извѣстный кружокъ собирался на сеансы въ Нью-Іоркѣ, покойный глубокоуважаемый пасторъ Беннингъ часто принималъ въ нихъ участіе. Въ одну субботу, когда онъ долженъ былъ по приглашенію говорить проповѣдь въ городѣ Троѣ въ Штатѣ Нью-Іоркъ, у него, наканунѣ, сдѣлался такой сильный припадокъ головной боли, что онъ очутился въ невозможности исполнить на-утро свое обѣщаніе. По-

этому онъ написалъ предсѣдателю пригласившаго его общества извинительное письмо. Вечеромъ, однако, онъ почувствовалъ себя лучше и рѣшился отправиться на сеансъ въ помянутый выше кружокъ. Находясь тамъ, онъ сталъ раздумывать, получится ли его письмо во время, чтобъ общество въ Троѣ успѣло пригласить другого проповѣдника. Сообразивъ всѣ обстоятельства, онъ пришелъ къ заключенію, что письмо его не можетъ придти во-время, и по свойственной ему добросовѣстности очень этимъ смущался. Сознавая, что помочь уже нечѣмъ, онъ, тѣмъ не менѣе, настолько былъ этимъ озабоченъ, что не могъ слѣдить за происходившемъ на сеансѣ. Въ этомъ кружкѣ явленія двойниковъ были заурядным фактомъ; г-нъ Беннингъ объ этомъ вспомнилъ и ему пришло въ голову — не удастся ли ему, [illegible] думая объ ожидавшихъ его въ Троѣ друзьяхъ, передать имъ о своемъ затрудненіи. Такая попытка не выразилась для него ни въ какомъ опредѣленномъ результатѣ, кромѣ смутнаго чувства озабоченности, не покидавшаго его часть вечера. Вдругъ это чувство исчезло и съ того времени онъ предался занятіямъ кружка съ обычнымъ интересомъ и свойственной ему ясностью ума.

„Теперь перенесемся въ Трою и посмотримъ, что тамъ происходило. Тамъ, какъ и въ Нью-Іоркѣ, существовалъ кружокъ, котораго достопочтенный Беннингъ былъ также членомъ. Кружокъ насчитывалъ восемнадцать членовъ. Такъ какъ г. Беннингъ часто посѣщалъ Трою для воскресныхъ проповѣдей, то и было рѣшено имѣть сеансъ въ субботу вечеромъ; такимъ образомъ ему было бы вполнѣ удобно въ немъ участвовать. Въ означенный вечеръ собралось на сеансъ 17 членовъ, но Беннингъ, котораго ожидали непременно по случаю приглашенія его сказать на-утро проповѣдь въ Троѣ, не явился.

„Прошло болѣе 30 минутъ послѣ назначеннаго для сеанса часа, когда послышался обычный стукъ въ дверь, возвѣщавшій о прибытіи члена. Кружокъ помѣщался въ нанятой комнатѣ, во второмъ этажѣ. Было постановлено, что члены должны постучать въ дверь условнымъ образомъ, чтобы никто, кромѣ ихъ, не допускался. Какъ только раздался хорошо извѣстный

стукъ, г. А., чья па этотъ вечеръ была очередь отворять дверь, сошелъ внизъ, отперъ ее и при яркомъ лунномъ свѣтѣ увидалъ г. Беннинга. А. началъ тотчасъ укорять опоздавшаго и торопилъ его скорѣе войти, ибо его нетерпѣливо ожидаютъ. Къ его удивленію г. Беннингъ какъ будто вовсе не собирался входить, а стоялъ на порогѣ въ какой-то нерѣшимости и только глухо проговорилъ нѣсколько словъ о томъ, что не можетъ сказать завтра проповѣди. Г. А., раздраженный этой нерѣшительностью, схватилъ г. Беннинга за плечо и силкомъ втолкнулъ его въ домъ, жалуясь при этомъ на повалившій въ отворенную дверь холодъ; пригласивъ затѣмъ г. Беннинга идти наверхъ, онъ поспѣшно заперъ дверь и по обыкновенію, когда всѣ 18 членовъ были уже на лицо, положилъ ключъ въ карманъ. Между тѣмъ кружокъ пришелъ въ нетерпѣніе отъ такой проволочки и послалъ двухъ своихъ членовъ внизъ узнать, зачѣмъ дѣло стало. Эти двое, встрѣтивъ г-на Беннинга на лѣстницѣ, стали также укорять его за опозданіе. Беннингъ сталъ извиняться передъ ними тѣмъ же глухимъ голосомъ, но не въ томъ, что опоздалъ на сеансъ, а бормоталъ что-то о невозможности сказать завтра проповѣдь. „Хорошо, хорошо“, отвѣтилъ г. В., „только входите скорѣй, мы ужъ довольно васъ прождали“. Говоря эти слова, онъ хотѣлъ взять Беннинга подъ руку, но, къ великому его удивленію, Беннингъ быстро отстранилъ его, оттолкнулъ остальныхъ двухъ спутниковъ своихъ, сбѣжалъ съ лѣстницы прямо къ наружной двери и сильно захлопнулъ ее за собой. Удивленные непостижимымъ поведеніемъ своего высокоуважаемаго друга члены кружка не разъ въ продолженіе вечера возвращались къ этому странному случаю. Онъ былъ занесенъ со всѣми подробностями въ протоколъ засѣданія и никто не могъ найти для него ни малѣйшаго объясненія. И только, когда по окончаніи сеанса, всѣ спустились внизъ и дверь оказалась запертою, стало закрадываться подозрѣніе, не случилось ли тутъ чего-нибудь выходящаго изъ обычнаго порядка вещей.

„На другой день нѣкоторые изъ членовъ кружка отправились въ залу чтеній на проповѣдь въ надеждѣ отъ самаго

г. Беннинга получить разъясненіе этой загадки. Отсутствіе уважаемаго проповѣдника еще болѣе усугубило таинственность этого случая. Здѣсь они узнали, что вслѣдствіе запозданія поѣзда письмо г. Беннинга было получено только въ 10 час. вечера; но такъ какъ на конвертѣ стояло слово „спѣшное“, то почтмейстеръ любезно доставилъ его по назначенію въ воскресенье утромъ. Но все-таки оно получилось только двѣнадцать часовъ спустя послѣ того, какъ таинственный посѣтитель вчерашняго вечера самъ сообщилъ находившееся въ немъ извѣстіе.

„Пишущая эти строки не только слышала этотъ разсказъ отъ самого почтеннаго и правдиваго г. Беннинга, но онъ былъ подтвержденъ ей и тѣми двумя лицами, которыя видѣли, узнали и трогали этотъ призракъ на лѣстницѣ, они увѣряли ее, что какъ бы ни былъ призраченъ образъ ихъ посѣтителя, его рука была достаточно сильна, чтобы одного изъ нихъ оттолкнуть, а другого едва не сбросить съ лѣстницы“.

Д-ръ медицины С. Б. Бриттенъ, въ своей книгѣ: „Man and his relations“ New-York, 1864 года, стр. 449, приводитъ слѣдующій случай изъ письма, полученнаго имъ отъ г. Уильсона; но такъ какъ г-жа Гарднижъ-Бриттенъ въ своей статьѣ помѣщаетъ это письмо цѣликомъ, то мы его здѣсь и воспроизводимъ:

„Въ пятницу 19-го мая 1854 года я писалъ за своей конторкой, и вдругъ заснулъ, склонивъ голову на руку; продолжался мой сонъ около трехъ четвертей часа. Мнѣ приснилось, что я нахожусь въ г. Гамильтонѣ, въ сорока миляхъ на западъ отъ Торонто, и что я захожу тамъ въ разные дома, собирая деньги. Окончивъ денежныя дѣла, я рѣшаюсь зайти къ одной знакомой, очень интересовавшейся спиритическими явленіями. Затѣмъ мнѣ снилось, что я пришелъ къ ея дому, позвонилъ въ колокольчикъ. Отворившая мнѣ прислуга сказала, что миссисъ Д. не было дома и вернется не ранѣе какъ черезъ часъ. Я попросилъ стаканъ воды, и когда мнѣ его подали, поручилъ передать мой поклонъ хозяйкѣ и отправился, какъ мнѣ казалось, въ Торонто. Тутъ я проснулся и забылъ о своемъ снѣ. Нѣсколько дней спустя, одна дама, живущая въ моемъ

домѣ въ Торонто получила письмо отъ миссисъ Д. изъ Гамильтона, изъ котораго я дѣлаю слѣдующую выписку: „Скажите м-ру Уильсоиу, что такъ добрые люди не дѣлаютъ, и что я прошу его въ первый разъ, когда онъ зайдетъ ко мнѣ, оставить свой адресъ, а не заставлять меня бѣгать но всѣмъ гамильтонскимъ гостиницамъ, чтобы ни въ одной не найти его. Въ прошедшую пятницу онъ заходилъ ко мнѣ, спросилъ стаканъ воды, сказалъ свое имя и велѣлъ мнѣ кланяться. Мнѣ кажется, что зная, какъ я интересуюсь спиритическими явленіями, онъ могъ бы провести съ нами вечеръ; друзья наши очень огорчились тѣмъ, что онъ не остался. Непременно побраню его въ первый же разъ, какъ увижу“.

„Когда миссисъ Ж. передала мнѣ это порученіе, я засмѣялся и замѣтилъ, что миссисъ Д. и ея друзья должно быть ошиблись, а не то такъ съ ума сошли: въ Гамильтонѣ я не былъ цѣлый мѣсяцъ, а въ указанное ею время я спалъ, сидя за конторкой въ своей лавкѣ. На это м-съ Ж. возразила, что вѣроятно съ той или другой стороны произошла ошибка, такъ какъ м-съ Д. особа достойная полнаго довѣрія. Тогда я вдругъ вспомнилъ свой сонъ и полу-шутя сказалъ, что это, вѣроятно, былъ мой духъ, и затѣмъ нопросилъ м-съ Ж. написать м-съ Д., что я черезъ нѣсколько дней буду въ Гамильтонѣ и не одинъ, а съ нѣкоторыми другими лицами, и что мы всѣ придемъ къ ней; и еще, что я прошу ее не говорить своей прислугѣ, что она ожидаетъ кого-нибудь изъ Торонто, а когда мы придемъ, то приказать ей посмотрѣть, нѣтъ ли въ числѣ гостей, сидящихъ въ гостинной, того м-ра Уильсона, который приходилъ 19-го мая.

„29-го мая, я въ обществѣ нѣсколькихъ другихъ лицъ, отправился въ Гамильтонъ, и мы всѣ пошли къ м-съ Д. Она сама отворила намъ входную дверь и ввела насъ въ гостинную. Тогда я попросилъ ее позвать свою прислугу, чтобы увидать, узнаетъ ли она меня. М-съ Д. исполнила мое желаніе и спросила, нѣтъ ли между этими господами того, кто недавно пріѣзжалъ къ ней изъ Торонто. Двое изъ прислуги признали во мнѣ то лицо, которое приходило 19-го и назвало себя м-ромъ

Уильсономъ. Я до этого времени никогда не видалъ этихъ двухъ дѣвушекъ и каждое слово изъ моего разсказа можетъ быть засвидѣтельствовано ими, равно какъ и самой хозяйкой дома.

Преданный вамъ

Е. В. Уильсонъ.

(„Human nature“, 1876 г., стр. 112—113).

Вотъ другой, еще болѣе замѣчательный случай, такъ какъ двойникъ производилъ и физическія дѣйствія. Я заимствую его изъ „Spiritual Magazine“ 1862 года, стр. 535, гдѣ онъ былъ перепечатанъ изъ Бостонскаго журнала „*The Herald of Progress*“:

„Я хочу разсказать здѣсь случай, недавно сообщенный мнѣ одной дамой, моей хорошей знакомой, живущей въ нашемъ городѣ, правдивость которой внѣ всякаго сомнѣнія. У этой дамы прошлую зиму, да и теперь находится въ услуженіи молодая дѣвушка, нѣмка, родители которой съ своими другими дѣтьми продолжаютъ жить въ Германіи. Со времени пріѣзда сюда она иногда переписывалась со своими близкими въ отечествѣ съ помощью своей хозяйки, писавшей за нее письма. Прошлой зимою Барбара заболѣла перемежающейся лихорадкой и слегла въ постель. Такъ какъ у нея бывалъ легкій бредъ, то моя знакомая обыкновенно приходила по ночамъ навѣщать ее; кромѣ того, въ одной комнатѣ съ нею спала молоденькая нянька. Это продолжалось цѣлыя двѣ недѣли и больная часто восклицала приходившей навѣстить ее хозяйкѣ: „О, миссисъ М., я каждую ночь бываю въ Германіи у своихъ!“ Двѣ ночи въ особенности бредъ ея доходилъ до изступленія; разъ она вскочила, собрала со своей кровати всѣ одѣяла и унесла ихъ въ сосѣднюю комнату. Въ другой разъ она старалась стащить съ кровати няньку.

„Она, однако, выздоровѣла и о болѣзни ея болѣе не думали до полученія письма изъ Германіи отъ ея родныхъ, въ которомъ значилось, что мать о ней сильно сокрушается, такъ какъ втеченіи пятнадцати ночей она стучала въ дверь своего дале-

каго отеческаго дома; ее впускали, видѣли и узнавали всѣ члены семьи, не исключая и матери, которая часто восклицала: „О, моя бѣдная Барбара, видно, она умерла!“ Однажды видѣли, какъ она схатила съ кровати одѣяло и перенесла въ другую комнату, а въ другую ночь, обхвативъ сестру руками. ыталась стащить ее съ постели. Письмо это повергло дѣвушку въ глубокое смущеніе. Она сказала, что въ Германіи ее назвали бы колдуньей, и по настоящее время воздерживается отъ всякаго намека на этотъ случай. Я прибавлю только, что я просто передаю голые факты, какъ я слышалъ ихъ отъ этой дамы, которая и теперь еще вмѣстѣ съ помянутой дѣвушкой, живетъ въ Дайтонѣ.

„Преданная вамъ

Лаура Кённи“.

„Дайтонъ (Огайо), 12-го сентября 1872 г.“.

Робертъ Дэль Оуэнъ въ своей книгѣ „Footfall“ (стр. 242) разсказываетъ со всѣми подробностями крайне замѣчательный случай спасенія корабля посредствомъ внѣтѣлеснаго дѣйствія (личнаго появленія и письменнаго сообщенія) человѣка, спавшаго на этомъ кораблѣ. Я передамъ его здѣсь въ краткомъ разсказѣ, помѣщенномъ проф. Перти въ его „Mystischen Erscheinungen“, томъ II, стр. 142:

„Шотландецъ Робертъ Брюсъ, въ то время тридцати лѣтъ отъ роду, былъ въ 1828 году старшимъ шкиперомъ на торговомъ суднѣ, совершавшемъ рейсы между Ливерпулемъ и Сенъ-Джономъ въ Новомъ Брауншвейгѣ. Однажды утромъ, когда судно находилось у береговъ Нью-Фаунленда, старшій шкиперъ, занимаясь въ своей каютѣ, бывшей рядомъ съ капитанской, вычисленіями долготы и недовольный ихъ результатомъ, спросилъ капитана, сидѣвшаго, какъ онъ думалъ, въ своей каютѣ: „У меня вотъ что вышло, а у васъ какъ?“ Отвѣта не послѣдовало. Взглянувъ черезъ плечо, онъ увидалъ, какъ ему показалось, капитана, погруженнаго въ вычисленія. Тогда онъ всталъ и вошелъ къ нему въ каюту. Тутъ писавшій на мѣстѣ капитана обернулся къ нему лицомъ, и онъ

увидалъ въ немъ совершенно незнакомаго ему человѣка, пристально на него смотрящаго. Брюсъ бросился на палубу и сообщилъ объ этомъ капитану; когда они оба вошли въ каюту, то тамъ никого не было, но на грифельной доскѣ капитана оказались написанные совершенно чужимъ почеркомъ слова: „держите курсъ на нордъ-вестъ“. Написанное сличили съ почерками всѣхъ находившихся на суднѣ; сверхъ того, судно тщательно обыскали, но никого не нашли. Капитанъ, рискуя только потерять нѣсколько часовъ, приказалъ взять курсъ на нордъ-вестъ. Черезъ нѣсколько часовъ они встрѣтили затертое въ льдинахъ полуразбитое судно съ экипажемъ и нѣсколькими пассажирами. Оно оказалось шедшимъ изъ Квебека въ Ливерпуль купеческимъ кораблемъ, уже нѣсколько недѣль затертымъ въ льдинахъ, такъ что люди находились въ самомъ отчаянномъ положеніи. Когда всѣхъ ихъ перевезли на спасшее ихъ судно, то Брюсъ, къ крайнему удивленію своему въ одномъ изъ поднявшихся на палубу по костюму и наружности узналъ того самаго человѣка, котораго онъ видѣлъ пишущимъ въ капитанской каютѣ. Тогда капитанъ попросилъ его написать на другой сторонѣ грифельной доски тѣ-же самыя слова: „Держите курсъ на нордъ-вестъ“. Почеркъ оказался идентичнымъ. Изъ разспросовъ узнали, что написавшій эти слова около полудня того же дня впалъ въ глубокій сонъ, и проснувшись черезъ полчаса, сказалъ: „сегодня мы будемъ спасены“. Ему приснилось, что онъ былъ на какомъ-то суднѣ, шедшемъ къ нимъ на помощь; онъ описалъ его и погибавшіе пассажиры, завидѣвъ приближавшееся судно, тотчасъ же узнали его по описанію. И вдобавокъ, когда онъ самъ, видѣвшій этотъ сонъ, вступилъ на спасшее ихъ судно, то все на немъ представлялось ему уже знакомымъ; но какъ это все случилось — оставалось для него тайной“.

„Къ этому я долженъ прибавить слѣдующія слова Дэль Оуэна: „Все вышесказанное было мнѣ передано Клеркомъ, капитаномъ шкуны „Юлія Галлокъ“, слышавшимъ это отъ самого Брюса“.

Г. Гартманъ, упоминающій объ этомъ фактѣ, предлагаетъ

для него шесть объясненій, не дѣлая даже намека на самое правдоподобное (см. „Спиритизмъ“, стр. 126).

Достойно сожалѣнія, что этотъ замѣчательный фактъ не былъ констатированъ какимъ-нибудь документомъ, составленнымъ на мѣстѣ и подписаннымъ всѣми свидѣтелями; но и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, онъ драгоцѣненъ, ибо всѣ подробности переданы въ точности и онѣ такъ необычайны, что трудно предположить, чтобы все это былъ вымыселъ; а главное этотъ фактъ, по существу своему, находится въ совершенномъ согласіи съ предшествующими.

Факты, изложенные мною въ этихъ рубрикахъ, хотя и безъ надлежащей полноты и систематичности—а иначе пришлось бы написать цѣлую книгу—представляются мнѣ однако же достаточными для достиженія намѣченной мною цѣли, а именно, для наглядnаго подтвержденія тѣхъ двухъ важныхъ заключеній, которыя мы должны были вывести изъ изученія медіумическихъ явленій, придерживаясь естественной точки зрѣнія. Какъ мы видимъ, всѣ явленія, съ которыми я здѣсь познакомилъ читателей, соприкасаются между собою; это только различные виды проявленій и различныя степени интенсивности одной и той же способности человѣческаго организма. Мы знаемъ теперь, что человѣкъ можетъ дѣйствовать психически за предѣлами своего тѣла, можетъ воздѣйствовать на психическую дѣятельность другого организма и вызывать въ немъ свои собственныя впечатлѣнія, мысли, ощущенія, и наконецъ какъ бы переноситься къ нему во образѣ. Онъ можетъ даже дѣйствовать физически на неодушевленные предметы на разстояніи; эта внѣтѣлесная дѣятельность доходитъ до того, что организмъ можетъ даже раздваиваться, представляя какъ бы подобіе себя самого, дѣйствующее нѣкоторое время независимо отъ своего прототипа, и обнаруживая при этомъ несомнѣнные признаки тѣлесности.

Такимъ образомъ мы пришли къ факту неслыханному до сихъ поръ, но которому со временемъ суждено сдѣлаться однимъ изъ блестящихъ пріобрѣтеній антропологической науки и коимъ

она будетъ обязана презрѣнному спиритизму. Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что *физическая и психическая дѣятельность человѣка не ограничивается периферіей его тѣла.*

Теперь мы можемъ возвратиться къ тому вопросу, который заставилъ насъ ближе познакомиться съ явленіями анимизма, а именно: дѣйствительно ли представляется надобность прибѣгать для объясненія медіумическихъ явленій къ спиритической гипотезѣ? Мы видѣли, что если даже и допустить необходимость искать для нѣкоторыхъ явленій объясненія въ причинѣ внѣмедіумической (т. е. находящейся внѣ медіума), то эта причина можетъ оказаться внѣ-тѣлеснымъ психическимъ и физическимъ дѣйствіемъ живого человѣка. Разъ этотъ фактъ установленъ, тайны спиритизма могутъ объясняться „естественно“, безъ вмѣшательства „духовъ“. Если „духъ“ тутъ и участвуетъ, то это будетъ „духъ“ человѣка живого — и ничего болѣе.

Это заключеніе, по видимому, ослабляется слѣдующимъ соображеніемъ: если мы допускаемъ, что въ человѣкѣ есть два сознанія — одно внѣшнее, нормальное, другое внутреннее, котораго нормальный человѣкъ не вѣдаетъ, но которое, тѣмъ не менѣе обладаетъ собственной волей и собственнымъ разумомъ,— что это послѣднее дѣйствуетъ, или проявляется не только когда первое усыплено, но даже когда оно находится и въ полной дѣятельности, такъ что оба сознанія дѣйствуютъ хотя и одновременно, но независимо другъ отъ друга; если, далѣе, внѣтѣлесная дѣятельность человѣка связана преимущественно съ дѣятельностью внутренняго сознанія (ибо, вообще, эта внѣтѣлесная дѣятельность не подчинена власти внѣшняго сознанія), и, подобно внутреннему сознанію, можетъ функціонировать одновременно съ нормальной дѣятельностью тѣла и проявляться независимо отъ него; если, наконецъ, это внутреннее сознаніе располагаетъ средствами воспринятія впечатлѣній внѣшняго міра, не прибѣгая къ обычному посредству тѣлесныхъ органовъ (сверхчувственное зрѣніе и т. п.)—то не должны ли мы заключить изъ всего этого, что человѣческая природа двойственна, что въ человѣкѣ есть два сознательныхъ другъ отъ друга независимыхъ существа: существо внѣшнее, обусловлен-

ное нормальными функціями нашего тѣла, и существо внутреннее, не подчиненное условіямъ тѣлеснымъ, — которое можетъ хотѣть, дѣйствовать и воспринимать впечатлѣнія помимо тѣла? что, слѣдовательно, это тѣло не есть условіе *sine qua non* (безусловно необходимое) для проявленій этого внутренняго существа, и что, слѣдовательно, это существо, по сущности своей, совершенно независимо отъ тѣла? что если тутъ и есть нѣкоторая зависимость, то она только случайная, кажущаяся, — что тутъ просто только временное существованіе? Если такъ, то съ устраненіемъ тѣла, внутреннее существо должно сохранить свою независимость.

Вотъ аргументація въ пользу инкибытія, которую мы въ правѣ построить на данныхъ представляемыхъ намъ фактами сомнамбулизма и анимизма. На основаніи этихъ фактовъ, независимая самобытность внутренняго существа могла бы быть разсматриваема какъ предшествующая рожденію или послѣдующая за нимъ; если тѣло развивается и образуется въ силу пребывающаго въ немъ внутренняго существа, то ясно, что это послѣднее ему предсуществуетъ и можетъ также переживать его; если же, напротивъ, оно является конечнымъ результатомъ тѣлеснаго организма, то не будетъ нераціональнымъ допустить, что это существо есть продуктъ эволюціи и, какъ ядро индивидуализированныхъ силъ, переживаетъ тѣло.

Но все это только умозрѣнія. Мы сказали въ формулированныхъ нами въ началѣ этой главы двухъ заключеніяхъ, что дѣятельность внутренняго сознанія, какъ равно и внѣ-тѣлесная дѣятельность человѣка, *по видимому* независимы отъ внѣшняго сознанія. Но эта независимость можетъ быть только кажущаяся. И дѣйствительно, вліяніе внѣшняго сознанія проглядываетъ очень часто въ дѣятельности внутренняго; кромѣ того, глубокая связь внѣшняго сознанія съ тѣломъ есть фактъ неоспоримый; поэтому мы вынуждены, *впредь до доказательства противнаго*, разсматривать это тѣло какъ источникъ, хотя болѣе отдаленный и еще болѣе таинственный, также и дѣятельностей внутренняго сознанія, — и, слѣдовательно, признавать существованіе этого внутренняго сознанія, какъ нераз-

рывно связанное съ тѣломъ. Тѣло остается условіемъ неустранимымъ.

А такъ какъ спиритическій вопросъ сводится въ сущности къ вопросу объ этой независимости, то изъ этого слѣдуетъ, что, покуда эта независимость не будетъ доказана, медіумпческія явленія должны искать себѣ объясненія въ безсознательной дѣятельности - психической, физической и пластической — самого медіума, или другихъ живущихъ лицъ — присутствующихъ или отсутствующихъ— смотря по данному факту. На этомъ-то естественномъ основаніи и должно начаться научное пзслѣдованіе фактовъ медіумизма, и его-то оно будетъ держаться *впредь до доказательства противнаго.*

Б. *Спиритизмъ* — медіумическое проявленіе отшедшаго человѣка, какъ дальнѣйшая ступень анимизма.

„Процентъ истинно спиритическаго общенія
и теперь очень не великъ".
A. J. Davis; „Fountain", стр. 187, 219.

И такъ дѣло сводится къ тому: возможно-ли *доказать*, что распаденіе тѣла не посягаетъ на независимость и самостоятельность того, что мы назвали внутреннимъ сознаніемъ, или внутреннимъ существомъ человѣка. Требуемое доказательство, по крайнему моему разумѣнію, можетъ быть найдено именно въ нѣкоторыхъ явленіяхъ изъ области медіумизма, которыя и будутъ тогда, въ настоящемъ смыслѣ слова, явленіями спиритическими.

О какихъ же явленіяхъ идетъ рѣчь?

Разумѣется, говоря вообще, рѣчь идетъ не о физическихъ явленіяхъ, включая сюда и матеріализацію, или, во всякомъ случаѣ, мы должны начать не съ этихъ послѣднихъ. Вотъ что я писалъ пятнадцать лѣтъ назадъ: „Между констатированіемъ факта и его объясненіемъ могутъ пройти цѣлые вѣка. Предметъ этотъ необъятенъ и необыкновенно запутанъ; его изученіе представляетъ трудности, которыя ни въ какой другой области не находятся. Такъ, напр., замѣчательнѣйшее явленіе изъ числа объективныхъ медіумическихъ—явленіе временнаго образованія человѣческой фигуры намъ доказано; но заключить изъ этого, что мы имѣемъ передъ собою явленіе отшедшаго духа — что̀ съ перваго взгляда представляется заключеніемъ самымъ простымъ и неоспоримымъ — и слѣдовательно видѣть въ этомъ неопровержимое доказательство безсмертія

души — это значило бы сдѣлать заключеніе, котораго критическое и болѣе глубокое изученіе фактовъ еще не оправдываетъ. Выражусь сильнѣе: чѣмъ болѣе мы видимъ матеріализацій, тѣмъ болѣе эта гипотеза отступаетъ назадъ — для меня, по крайней мѣрѣ. И такъ, если даже послѣ достиженія полнаго развитія въ томъ явленіи, которое, казалось, должно было все объяснить, мы еще не пришли ни къ какому рѣшенію этой проблемы, то еще менѣе имѣемъ мы право многія другія, второстепенныя медіумическія явленія приписывать дѣйствію отшедшихъ душъ. Поэтому въ журналѣ своемъ я никогда не высказывался о теоріи физическихъ медіумическихъ явленій. Я никогда не создавалъ доктрины, а излагалъ одни факты, относясь съ одинаковымъ безпристрастіемъ ко всякой критикѣ, стремящейся къ истинѣ. Но эти явленія составляютъ только часть, только основу, только грубый фундаментъ совсѣмъ другого разряда медіумическихъ явленій, которыя въ противоположность первымъ можно назвать явленіями умственными; они-то и составляютъ истинную силу и сущность того великаго соціальнаго и религіознаго движенія, которое называется современнымъ спиритуализмомъ“ („Psych. Studien“ 1878 г., стр. 7—8).

Поэтому-то я присоединяюсь вполнѣ къ воззрѣнію г. Гартмана, когда онъ говоритъ, „что споръ о содѣйствіи духовъ или объ отсутствіи такого содѣйствія можетъ быть рѣшенъ только на основаніи умственнаго содержанія сообщеній, или по крайней мѣрѣ этимъ путемъ можно приблизиться къ рѣшенію задачи, и что, напротивъ всѣ физическія явленія, а также и матеріализаціи, непосредственно вызываемыя организмомъ медіума, по самой натурѣ своей мало пригодны для разрѣшенія этого вопроса“ (стр. 151). Эти строки, принадлежащія послѣсловію сочиненія г. Гартмана о спиритизмѣ, находятся въ противорѣчіи со слѣдующими заключительными словами помянутаго сочиненія: „Какъ скоро мы допустимъ эти три источника познаванія (сомнамбулическую гиперэстезію памяти, чтеніе мыслей и ясновидѣніе) вмѣстѣ съ чувственнымъ воспріятіемъ, то уже вообще нельзя представить себѣ такого мыслеи-

наго содержанія, которое, по природѣ своей, не могло бы быть изъ нихъ почерпнуто“ (стр. 146). Поэтому мы должны смотрѣть на слова, приведенныя изъ послѣсловія, какъ на поправку, какъ на послѣднее мнѣніе, тѣмъ болѣе для меня пріятное, что оно отвѣчаетъ на вопросъ, который я намѣревался поставить г. Гартману и который я формулировалъ бы слѣдующимъ образомъ: допустимъ, что духъ человѣческій переживаетъ тѣло; въ чемъ же состоятъ доказательства, посредствомъ которыхъ этотъ фактъ могъ бы быть установленъ при соблюденіи всѣхъ методологическихъ правилъ, указанныхъ г. Гартманомъ? Или, приходится намъ окончательно признать, что всякая попытка представить подобныя доказательства должна рушиться предъ „натурализмомъ“ трехъ источниковъ познаванія, указываемыхъ этой методой — словомъ, что это доказательство невозможно?

Теперь же мы оба сошлись на томъ, что *если это доказательство существуетъ, то оно можетъ быть почерпнуто лишь изъ умственнаго содержанія медіумическихъ явленій.* Ниже я покажу, почему даже и явленія матеріализаціи, безъ достаточнаго умственнаго содержанія, не представляютъ требуемаго доказательства.

Я уже говорилъ не разъ, повторяю и теперь, что изученіе умственной стороны медіумическихъ явленій заставляетъ насъ признать прежде всего, что большая часть этихъ явленій,— самыя обыкновенныя изъ нихъ—должны быть приписаны безсознательной дѣятельности самого медіума.

Въ предшествующемъ отдѣлѣ я вкратцѣ указалъ, что другая часть этихъ фактовъ можетъ быть отнесена къ причинѣ внѣ-медіумической (внѣ медіума находящейся), но вмѣстѣ съ тѣмъ „естественной“, земной, исходящей отъ внѣ-тѣлеснаго дѣйствія другихъ живыхъ лицъ (явленія анимическія).

Въ главѣ III я собралъ большое количество такихъ фактовъ, которые также заставляютъ насъ допустить для ихъ объясненія причину внѣ-медіумическую. Но въ чемъ же она состоитъ? Для нѣкоторыхъ изъ этихъ фактовъ можно, пожалуй, пытаться искать объясненія въ области анимической и это,

разумѣется, прежде всего, для явленій физпческихъ, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь; но затрудненіе въ томъ, что въ большей части этихъ явленій есть также и умственная сторона, которая трудно поддается анимической гипотезѣ; такъ напр., расширяя до крайнихъ предѣловъ внѣ-тѣлесную физическую силу живого человѣка, можно было бы сказать, что „преслѣдованія медіумическими явленіями“ (о которыхъ я говорилъ въ рубрикѣ 1 главы III) были вызваны внѣ-тѣлесными дѣйствіями, сознательными или безсознательными, какихъ-нибудь живыхъ лицъ. Логически это объясненіе возможно, но оно не имѣетъ достаточно разумнаго осиованія. Такъ, трудно было бы *разумно*, допустить, что преслѣдованія, которымъ подвергались члены семейства Фоксъ — преслѣдованія, имѣвшія цѣлью вызвать публичное изслѣдованіе медіумическихъ явленій — были результатомъ анимической мистификаціи, т. е. исходящей безсоэнательнымъ образомъ отъ человѣка живого? Кромѣ того не надо забывать, что явленія происходили постоянно, во всякое время и очень часто но просьбѣ посѣтителей; какъ же тогда объяснить это согласованіе дѣйствія живого, вдали находящагося человѣка, со всѣми требованіями даннаго момента и всею обстановкою той среды, гдѣ это анимическое проявленіе должно совершиться? Для чего во многихъ другихъ случаяхъ эта просьба о молитвѣ, послѣ которой иреслѣдованія прекращаются? и проч. и проч. Изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, чтобы для нѣкоторыхъ случаевъ таинственныхъ безпорядковъ („Spuckerei“) нельзя было гипотетически нредноложить, что они были произведены причинами анимическими; мы видимъ, что апимическія явлеиія всегда имѣютъ разумное объясненіе въ извѣстныхъ отношеніяхъ между заинтересованными сторонами; эти самыя отношенія должны бы были точно также существовать и въ случаяхъ таинственныхъ безпорядковъ, еслибъ они зависѣли отъ той же причины, и тогда настоящій ихъ источникъ не замедлилъ бы обнаружиться.

Въ рубрикѣ XI той же главы я привелъ нѣкоторые случаи изъ разряда физическихъ явленій, а именно ириносовъ на большомъ разстояиіи. Допустивъ, что внѣ-тѣлесное физическое

дѣйствіе человѣка безгранично властвуетъ какъ надъ пространствомъ, такъ и надъ веществомъ (г. Гартманъ найдетъ себя вынужденымъ дать своей теоріи именно такое развитіе), можно было бы подвести эти физическіе случаи подъ рубрику анимизма—ибо ихъ умственное содержаніе не представляетъ затрудненія. Я упомянулъ о нихъ въ главѣ III въ виду *настоящей* теоріи г. Гартмана и, въ особенности, въ связи съ фактами рубрики X—„передачи сообщеній на большія разстоянія“. Еслибъ мы захотѣли объяснить эти послѣдніе также посредствомъ анимической гипотезы, то затрудненія были бы уже значительнѣе. Возьмемъ случай проф. Гера, передающаго сообщеніе изъ Кэпъ-Мэ, возлѣ Нью-Іорка, въ Филадельфію посредствомъ спиритоскопа. Опытъ длился два съ половиной часа; еслибъ въ прополженіе этого времени проф. Геръ находился въ трансѣ, подобно г-ну рубрики XI во время переноса фотографіи на большомъ разстояніи, то можно бы предположить, что все это было анимическимъ проявленіемъ самого проф. Гера Но его медіумическія способности были ничтожны; никакого анимпческаго явленія вообще черезъ него не совершилось; онъ въ трансъ никогда не впадалъ, и проч. Въ часъ дня, находясь въ общеніи съ стшедшей сестрою посредствомъ спиритоскопа, онъ даетъ ей порученіе къ д-ру Гурлею въ Филадельфію съ просьбою доставить ему отвѣтъ въ три съ половиной часа. Давши порученіе, онъ снова садится за спиритоскопъ только въ три съ половиной часа для полученія отвѣта. Кто-же въ продолженіе этото времени дѣйствовалъ въ Филадельфіи? Гребовалось не только передать порученіе д-ру Гурлею, ио и получить его отвѣтъ для дальнѣйшей передачи проф. Геру. Такимъ образомъ духъ его долженъ былъ бы проявиться въ Филадельфіи два раза (посредствомъ спиритоскопа), покуда онъ находился въ Кэпъ-Мэ въ нормальномъ состояніи; мы не знаемъ ничего аналогичнаго въ анимизмѣ, что оправдывало бы подобныя объясненія. И такъ, то не былъ духъ самого Гера, который подъ именемъ своей сестры совершилъ эту операцію, еще менѣе одна изъ способностей среднихъ частей его мозга, по мнѣнію Гартмана.

Остановимся однако, нѣсколько минутъ надъ этимъ отрицательнымъ утвержденіемъ и посмотримъ поближе, какимъ путемъ эта операція могла бы быть продѣлана съ точки зрѣнія г. Гартмана. Вотъ проф. Геръ сидитъ за спиритоскопомъ; его сомнамбулическое сознаніе разыгрываетъ роль его отшедшей сестры и онъ сообщается съ нею посредствомъ спиритоскопа. Ему приходитъ на умъ сдѣлать опытъ, послать сестру въ Филадельфію съ порученіемъ, касающимся дѣла въ банкѣ. Какъ онъ взялся за передачу этого порученія? Онъ высказалъ его громко, какъ еслибы говорилъ своей сестрѣ. Она ему отвѣтила „да„ черезъ спиритоскопъ, и дѣло было кончено. Такъ практикуется это въ спиритизмѣ. Какъ же разыгралась эта сцена въ Филадельфіи? Г-жа Гурлей тоже сидѣла за спиритоскопомъ и ея сомнамбулическое сознаніе давало ей сообщеніе отъ имени ея матери. Это сообщеніе внезапно прерывается и вотъ спиритоскопъ начинаетъ буква за буквой передавать сообщеніе проф. Гера. Кто-же приводилъ въ движеніе стрѣлку спиритоскопа буква за буквой, *послѣ* того какъ Геръ уже далъ сестрѣ своей порученіе? Кто приводилъ его въ исполненіе? *Вотъ наибольшая и непревозмогаемая трудность для теоріи д-ра Гартмана*! Еслибъ проф. Геръ высказалъ свое порученіе буква за буквой, то это было бы другое дѣло: можно было бы предположить телепатическое воздѣйствіе—не передачу мыслей, но передачу одна за другой буквъ отъ одного сомнамбулическаго сознанія къ другому. Но этого не было; сообщенія такъ называемыхъ „духовъ„ получаются черезъ спиритоскопъ, но съ нашей стороны разговоръ ведется устно. То же самое, но только наоборотъ, произошло въ Филадельфіи, гдѣ уже была очередь г-жи Гурлей дать устно отвѣтъ невидимому посланцу проф. Гера, который въ свою очередь получилъ это сообщеніе черезъ спиритоскопъ. Кто-же приводилъ въ движеніе его стрѣлку, когда г-жа Гурлей была уже занята другимъ дѣломъ? И кромѣ того, какого рода ясновидѣніемъ читались буквы спиритоскопа съ той и съ другой стороны? Или это также въ силу соотношенія съ абсолютомъ? (Здѣсь, вдобавокъ, я напомню только вскользь, что, по толкованію г. Гартмана, передача мыслей на

большія разстоянія можетъ происходить не иначе какъ въ формѣ галлюцинаторной. См. рубрику X главы III).

Прибѣгать для „естественнаго“ объясненія этого факта къ безсознательному вмѣшательству какого нибудь живого существа очевидно слишкомъ нелѣпо, чтобы намъ на этомъ останавливаться.

Но съ другой стороны, правда, ничто не доказываетъ, чтобъ невидимымъ дѣятелемъ была дѣйствительно сестра профессора Гера. Одно только можемъ мы логично предположить: что тутъ былъ разумный и самостоятельный дѣятель — сознательный передатчикъ сообщенія — исполнившій порученіе, и что этимъ дѣятелемъ не могъ быть ни самъ медіумъ, ни другое живое существо. Тѣ же затрудненія и тѣ же заключенія представляются намъ относительно случая Луизы Мэкъ-Фарландъ (см. выше стр. 483), гдѣ сообщеніе было передано стуками на разстояніи тысячи миль. Кромѣ того, кто тутъ совершилъ превращеніе личности и граматическаго построенія рѣчи? Анимическія сообщенія не имѣютъ этой особенности — они передаются не отъ имени сообщающагося, но имъ самимъ.

Для объясненія нѣкоторыхъ другихъ фактовъ главы III можно опять-таки, прибѣгая къ анимической гипотезѣ и доводя ее до крайнихъ предѣловъ, утверждать, что кто-нибудь, гдѣ-нибудь и какъ-нибудь, безсознательно произвелъ данное явленіе. Возьмемъ напр. случай Кардозо. Можно всегда сказать, что какой-нибудь, человѣческій мозгъ, находящійся въ безсознательномъ соотношеніи съ мозгами моихъ медіумовъ, былъ источникомъ активнымъ или пассивнымъ знанія, не принадлежавшаго этимъ мозгамъ. Или, когда медіумъ пишетъ цѣлыя рѣчи, или говоритъ на языкѣ ему неизвѣстномъ, можно опять предположить, что причина сего не сверхземная, а земная, — что мы имѣемъ тутъ зрѣлище безсознательной игры какого-нибудь сомнамбулическаго сознанія, находящагося гдѣ-нибудь внѣ кружка. Это трудно, это странно; нить, долженствующая служить соотношеніемъ, ускользаетъ изъ нашихъ рукъ; но логически это не невозможно. Не достаетъ только доказательства: мы не можемъ найти того *живущаго*, который былъ причиной явленія.

Но то же самое затрудненіе встаетъ передъ нами, если мы хотимъ доказать, что эта причина *не находится въ живущемъ*. Чѣмъ же мы можемъ руководствоваться въ отысканіи этой причины? Отвѣтъ простъ: покуда явленіе безлично, мы не имѣемъ достаточнаго основанія приписывать его причинѣ неземной; но если сообщеніе имѣетъ характеръ личный, это другое дѣло, и мы можемъ идти далѣе.

Здѣсь-то умственныя вліянія анимизма приходятъ къ намъ на помощь, какъ основа для дальнѣйшихъ заключеній. Вотъ почему изученіе анимизма должно предшествовать спиритизму. Разъ анимическія явленія будутъ хорошо установлены, переходъ къ спиритической гипотезѣ уже не представляетъ неодолимыхъ затрудненій, когда мы наталкиваемся на факты, которыя одинъ анимизмъ объяснить не въ состояніи; онъ разсчищаетъ намъ путь и устраняетъ всѣ возраженія, которыя обыкновенно предъявляютъ противъ спиритизма. Онъ-то и приводитъ насъ шагъ за шагомъ къ тому убѣжденію, что то, что возможно для человѣка живого, возможно также и для отшедшаго.

Мы видѣли выше въ рубрикѣ I анимическаго отдѣла, что г-жа В. (учительница) имѣла обыкновеніе получать черезъ собственное медіумическое письмо сообщенія отъ покойнаго мужа; но вотъ 20 іюля 1858 г. совершенно неожиданно „карандашъ, не написалъ обычнаго, ожидаемаго имени, но чужимъ почеркомъ, въ которомъ она тотчасъ узнала почеркъ Софіи Свободы, какія-то шутливыя слова, выражавшія ея неудовольствіе по поводу неисполненнаго урока“, и т. д. Когда на утро г-жа В. посѣтила Софію Свободу и показала ей полученное сообщеніе, то послѣдняя тотчасъ признала въ немъ и свой почеркъ, и свои обычные обороты рѣчи.

Далѣе я привелъ также случай медіумическаго письма, полученнаго на сеансѣ въ Медлингѣ черезъ внѣтѣлесное дѣйствіе Софіи Свободы въ то время, когда тѣло ея спало въ Вѣнѣ; и сама личность Софіи была констатирована сходствомъ почерка и всѣми частностями сообщенія.

Мы видали также случаи, гдѣ сообщенія получались изъ

устъ медіумовъ, находившихся въ трансѣ, и что эти сообщенія были безъ всякаго колебанія приписаны людямъ живымъ, ибо они носили на себѣ печать ихъ личности.

Такъ, миссъ Мэри Брандтъ, находясь въ Кливландѣ въ Америкѣ, получила на сеансѣ нѣмецкое сообщеніе отъ своей матери, находившейся въ Германіи, черезъ уста дамы-медіума совершенно для нея чужой и не знавшей нѣмецкаго языка, и этотъ фактъ совпалъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что мать Мэри Брандтъ въ это самое время находилась въ летаргіи, и проч.

Опираясь на эти факты, не имѣемъ ли мы права придти къ такому умозаключенію: если мы получаемъ медіумическимъ путемъ сообщенія, носящія въ себѣ всѣ признаки, характеризующіе человѣка живого, намъ извѣстнаго, и если мы находимъ логичнымъ и естественнымъ приписать помянутое сообщеніе этому живому человѣку и заключить, что онъ и есть дѣйствительная причина этого проявленія, то не будетъ ли столь же логичнымъ и естественнымъ, въ случаѣ сообщенія, носящаго на себѣ всѣ характеристическія черты лица, котораго мы знали въ средѣ живыхъ, нынѣ же отшедшаго, приписать это сообщеніе именно этому лицу и точно также заключить, что оно и есть дѣйствительная причина этого проявленія?

Очевидно, что аналогія тутъ полная, и что логика требуетъ этого заключенія. Вотъ, на сколько я понимаю, то единственное доказательство умственнаго порядка, то „умственное содержаніе“, которое одно можетъ разрѣшить этотъ вопросъ. Фактъ этого рода имѣлъ бы огромное значеніе, ибо онъ представилъ бы намъ положительное доказательство полной независимости нашего внутренняго существа отъ тѣла, и, слѣдовательно, доказательство независимаго, самостоятельнаго бытія этого существа — короче: души, переживающей тѣло. Подобный фактъ былъ бы спиритическимъ фактомъ въ истинномъ, спеціальномъ значеніи этого слова.

Проведемъ далѣе аналогію, представляемую намъ явленіями анимическими. Когда мы видимъ двойника живого человѣка, естественно и логично искать причину этого видѣнія или этой

галлюцинаціи въ томъ именно лицѣ, котораго этотъ двойникъ изображаетъ. Будь это явленіе телепатическаго или иного рода, все равно: когда говорятъ о явленіи А живого къ Б живому, никто не думаетъ приписать его самому Б или другимъ живущимъ — С или D; изъ дальнѣйшихъ же справокъ оказывается, что дѣйствительно, въ моментъ явленія двойника А къ Б, въ чувствахъ и мысляхъ А произошло что-то такое, что служитъ достаточнымъ основаніемъ, чтобы видѣть въ самомъ А дѣйствительную причину его явленія къ Б. Вещь дѣйствительно поразительная, что въ спеціальномъ трудѣ объ этомъ предметѣ („Прижизненные призраки“), гдѣ сотни случаевъ подобныхъ явленій, мы не находимъ почти ни единаго, гдѣ явленіе А живого къ Б могло бы быть разсматриваемо какъ чисто субъективная галлюцинація безъ всякаго признака телепатіи. Разъ не чисто галлюцинаторный характеръ въ большинствѣ явленій живыхъ установленъ, естественно спрашиваешь себя: что же должны мы заключить, когда вмѣсто явленія прижизненнаго призрака передъ нами явленіе призрака посмертнаго? Отвѣтъ ясенъ: возможность приписать его телепатическому дѣйствію, исходящему отъ А отшедшаго, доказана; дѣло стоитъ только за фактами. Конечно придетъ время, когда и объ этомъ разрядѣ явленій мы будемъ имѣть трудъ столь же доказательный, какъ и капитальный трудъ Лондонскаго общества психическихъ изслѣдованій о „прижизненныхъ призракахъ“.

Отсюда до матеріализаціи одинъ шагъ. Если двойникъ живого человѣка можетъ явиться не только какъ телепатическая галлюцинаціи, но и облечься въ пластическую форму, и если мы приписываемъ тогда это явленіе какимъ-нибудь таинственнымъ способностямъ органическихъ и психическихъ силъ находящагося среди насъ живого субъекта, то не можемъ ли мы заключить въ силу той же логики, что когда матеріализованная фигура несомнѣнно представляетъ всѣ характеристическія черты отшедшаго лица, то дѣйствительная причина этого явленія, временно облеченнаго въ атрибуты тѣлесности, должна находиться въ этомъ лицѣ.

Какъ мы видимъ, цѣпь аналогій полная. Но то, что было

сравнительно просто и очевидно для фактовъ анимическихъ, становится весьма сложнымъ и сомнительнымъ для фактовъ спиритическихъ; ибо, что касается первыхъ, намъ легко связать причину со слѣдствіемъ; оба конца психической телеграфной нити могутъ подлежать нашему изслѣдованію; и воспринявшій воздѣйствіе и вызвавшій его намъ доступны; мы констатируемъ, что нѣкоторое психическое состояніе въ А. соотвѣтствовало нѣкоторому воздѣйствію въ Б. И мы принимаемъ эту теорію причинности, не прибѣгая ко всякаго рода гипотезамъ для опроверженія ея. Другое дѣло, когда приходится констатировать явленіе спиритическое. Средствъ для провѣрки мы не имѣемъ; передъ нами явленіе, а причина его представляется только вѣроятною во имя логики. Положительныя доказательства ускользаютъ отъ насъ.

И вотъ, когда мы приступаемъ къ этой проблемѣ, передъ нами возстаетъ во всей своей неизмѣримой глубинѣ таинственный вопросъ *о личности*.

Благодаря философскимъ трудамъ Гелленбаха и Дю-Преля, понятія личности получило развитіе совершенно новое и затрудненія, представляемыя спиритической проблемой, уже значительно облегчены. Мы знаемъ теперь, что наше внутреннее сознаніе и наше обыденное внѣшнее сознаніе не одно и то же; что наша личность, которая есть результатъ нашего внѣшняго сознанія, не можетъ быть отождествлена съ тѣмъ *я* (ego), которое принадлежитъ внутреннему сознанію, или короче, что то, что мы называемъ нашимъ сознаніемъ, не одно и то же, что наше внутреннее *я*. И такъ, слѣдуетъ дѣлать различіе между личностью и индивидуальностью. Личность есть результатъ организма, а организмъ есть временный результатъ индивидуальнаго трансцендентальнаго начала. Экспериментированіе въ области сомнамбулизма и спиритизма подтверждаетъ эту великую истину. Какъ только личность или внѣшнее сознаніе усыплено, появляется что-то другое, мыслящее и волящее, не отождествляющее себя съ усыпленной личностью и отличающееся своими собственными характеристическими чертами; для насъ это индивидуальность, которую мы не знаемъ, но она

знаетъ ту личность, которая спитъ, помнитъ ея поступки и мысли.

Если мы хотимъ допустить спиритическую гипотезу, то ясно, что только внутреннее ядро, это индивидуальное начало и можетъ пережить тѣло, и все что нѣкогда принадлежало его земной личности будетъ для него только дѣломъ памяти.

Вотъ ключъ для уразумѣнія спиритическихъ явленій. Если трансцендентный субъектъ былъ соединенъ съ тѣломъ во время своего феноменальнаго проявленія, то не логично допустить, что по отрѣшеніи отъ тѣла это проявленіе можетъ опять имѣть мѣсто, такъ или иначе, въ мірѣ феноменальномъ черезъ посредство какого-нибудь другого человѣческаго организма, болѣе или менѣе открытаго для внечатлѣній трансценденталънаго порядка. Разъ это будетъ допущено, ясно, что подобнаго рода проявленіе, если оно имѣетъ цѣлью признаніе своей земной феномальности или личности, можетъ быть достигнуто не иначе, какъ усиліемъ памяти, возсоздающей черты земной личности. Это усиліе должно естественно становиться все болѣе и болѣе труднымъ, ибо память о земной личности должна съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе слабѣть. Короче: индивидуальность удерживается, личность стушевывается. Вотъ почему вопросъ о „самоличности духовъ“ есть камень преткновенія въ спиритизмѣ, вотъ почему доказательные случаи этого рода очень рѣдки; вотъ почему они болѣе или менѣе, необстоятельны или содержатъ только какія-нибудь характерныя обычныя черты, воскресающія въ памяти съ тою единственно цѣлью, чтобы личность была признана; и вотъ почему случаи этого рода обыкновенно относятся ко времени болѣе или менѣе близкому къ смерти. Здѣсь не мѣшаетъ кстати указать, почему медіумическія сообщенія не могутъ дать намъ удовлетворительнаго понятія о мірѣ духовномъ и его жителяхъ; миръ трансцендентный есть понятіе столь же несоизмѣримое для міра феноменальнаго, какъ и понятіе о четвертомъ измѣреніи пространства; *мы не можемъ имѣть о немъ ни какого представленія*; нужно хорошенько проникнуться этой истинной.

Намъ остается теперь провѣрить изъ опыта, существуютъ-ли

случаи сообщеній изъ того міра, гдѣ самоличность сообщающаго несомнѣнно доказана. При этомъ намъ прежде всего надлежитъ установить, что именно мы должны признать критеріумомъ личности. Умственное и нравственное содержаніе— вотъ что составляетъ личность. Умственное содержаніе кристаллизуется *въ памяти*, вѣрной хранительницѣ событій и совокупности всѣхъ отношеній цѣлой человѣческой жизни, которыя никогда не могутъ быть тождественны съ событіями и отношеніями жизни другого человѣка: память же есть вѣрный отпечатокъ умственныхъ пріобрѣтеній, вѣрованій и убѣжденій являющихся результатомъ цѣлой жизни отличной отъ всѣхъ другихъ. Что касается до нравственнаго содержанія, то выраженіемъ его является *характеръ:* онъ также имѣетъ свои отличительныя черты, настолько отличительныя, что онѣ налагаютъ печать индивидуальности даже на внѣшнія формы своего проявленія, которыя, такъ сказать, кристаллизуются въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ принадлежностяхъ организма. Таковы: рѣчь, почеркъ, орфографія, и, наконецъ, вся внѣшность.

И такъ, если мы получимъ медіумическимъ путемъ сообщеніе, которое носитъ въ себѣ вышеупомянутыя несомнѣнныя черты личности, то развѣ мы не имѣемъ права, — устранивъ сперва всякую возможность ошибки и подвергнувъ данный случай критикѣ, имѣющей въ виду всѣ три источника познанія, указанные намъ Гартманомъ и всѣ „семь способовъ объясненія“, изложенные имъ въ его послѣсловіи, — отнести это сообщеніе къ той причинѣ, которая сама себя указываетъ.

Посмотримъ же, можемъ-ли мы представить факты, отвѣчающіе подобнымъ требованіямъ. Случаи, свидѣтельствующіе болѣе или менѣе удовлетворительно о тождественности проявляющейся личности, разбросаны по всей спиритической литературѣ. Каждый случай подобнаго рода долженъ отвѣчать за себя, выдерживая или не выдерживая критики, смотря по вѣскости предъявляемыхъ доказательствъ.

Большинство этихъ фактовъ убѣдительно только для заинтересованнаго лица, которое большею частью одно только и можетъ судить о самоличности сообщающагося; и вотъ тутъ-то,

съ точки зрѣнія критики, и представляется слабая сторона сообщеній, ибо присутствующее лицо всегда можетъ быть принято за безсознательный ихъ источникъ. Слѣдовательно, чтобы подобное сообщеніе имѣло объективное, удовлетворительное значеніе, надо, чтобы оно получилось или въ *отсутствіи* заинтересованнаго лица, или чтобы оно носило въ себѣ такія внутреннія или внѣшнія черты, на которыя присутствіе этого лица не можетъ имѣть вліянія; *доказательство будетъ полнымъ, когда оба условія будутъ соединены.*

Національный языкъ и почеркъ, вотъ неотъемлемые, существенные и несомнѣнные атрибуты всякой личности, представляющіе въ тоже время наглядное мѣрило „личнаго уравненія“, какъ выражается г. Дасье. Рѣчь и почеркъ — вотъ внѣшняя форма, такъ сказать, вещественное доказательство, коимъ личность заявляетъ себя во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, и здѣсь (въ явленіяхъ медіумическихъ) *независимо отъ вліяній присутствующихъ лицъ.* Я начну съ фактовъ этой категоріи, а потомъ перейду къ тѣмъ, кои содержатъ въ себѣ внутреннія существенныя черты, свидѣтельствующія о тождествѣ лица. Въ главѣ III мы уже видѣли не мало фактовъ, отвѣчающихъ всѣмъ требуемымъ доказательствамъ этого рода, и это значительно сократитъ намъ объемъ настоящей послѣдней главы. Для систематическаго изученія совокупности фактовъ, происходящихъ *при помянутыхъ выше условіяхъ*, и имѣющихъ поэтому служить оправданіемъ спиритической гипотезы, я подведу ихъ подъ нѣсколько общихъ рубрикъ и для каждой изъ нихъ представлю нѣсколько соотвѣтствующихъ примѣровъ.

I. Самоличность отшедшаго, доказанная сообщеніями на его родномъ языкѣ, медіуму неизвѣстномъ.

Я уже сказалъ, въ рубрикѣ VI, главы III, спеціально посвященной явленіямъ этого рода, что я смотрю на нихъ какъ на абсолютное доказательство вліянія, идущаго изъ источника, внѣ медіума находящагося, и представилъ къ тому основанія.

Совершенно понятно, что подобное внѣ-медіумическое вліяніе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ вліяніемъ, исходящимъ отъ человѣческаго существа живого, или мертваго. Въ отдѣлѣ анимизма я представилъ случай, гдѣ умирающая въ Германіи мать говорила по нѣмецки съ своей дочерью въ Америкѣ черезъ американскаго медіума, не знающаго по-нѣмецки. Еслибъ эта самая мать явилась къ своей дочери тѣмъ же путемъ и способомъ столь же убѣдительнымъ, но только послѣ своей смерти — разговаривая съ ней какъ при жизни, упоминая о подробностяхъ и частностяхъ, вѣдомыхъ только ея дочери — то тутъ представились бы тѣ же достаточныя основанія для признанія ея самоличности. Въ упомянутой рубрикѣ есть нѣсколько фактовъ подобнаго рода и между ними первое мѣсто принадлежитъ случаю разсказанному судьей Эдмондсомъ: онъ наблюдалъ его самъ надъ своей дочерью Лаурой, бесѣдовавшей по-гречески съ грекомъ г. Эвангелидесомъ, который, изъ всего сказаннаго ему невидимымъ собесѣдникомъ устами миссъ Эдмондсъ, не могъ не признать въ немъ своего стараго друга, умершаго за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ своемъ отечествѣ въ Греціи, именно брата греческаго патріота Марко Боцариса. Эти разговоры повторялись нѣсколько разъ и длились по нѣскольку часовъ, впродолженіи которыхъ Эвангелидесъ самымъ тщательнымъ образомъ ыталъ своего невидимаго собесѣдника „относительно разныхъ домашнихъ и политическихъ дѣлъ“. Особенное значеніе придаетъ этому случаю то обстоятальство, что этотъ самый собесѣдникъ при первомъ же ихъ разговорѣ сообщилъ г. Эвангелидесу „о смерти одного изъ его сыновей, котораго онъ при отъѣздѣ своемъ изъ Греціи въ Америку оставилъ живымъ и здоровымъ“ (см. подробности выше, стр. 385; 457). Я не нахожу никакого разумно мыслимаго способа объяснить этотъ фактъ иначе, какъ спиритической гипотезой; ясновидѣніе не объясняетъ греческаго языка, а греческій языкъ не объясняетъ ясновидѣнія; а анимическая гипотеза сводится здѣсь къ абсурду.

Подобный же случай мы имѣемъ въ рубрикѣ VIII, стр. 450, гдѣ миссисъ X. изъ Пейслея въ Шотландіи заявила о

своей смерти на шотландскомъ нарѣчіи устами миссъ Сконгаль, не знавшей этого нарѣчія. Внукъ миссисъ Х., къ которому обращено было сообщеніе, также задалъ ей всякаго рода вопросы, чтобъ убѣдиться въ ея самоличности, и отвѣты ея все на томъ же нарѣчіи были вполнѣ удовлетворительны. См. подробности тамъ же.

Основываясь на этихъ фактахъ, мы имѣемъ полное право заключить, что и другіе случаи „рѣчи на неизвѣстномъ медіуму языкѣ“, упомянутые въ рубрикѣ VI главы III, суть не только случаи внѣ-медіумическаго явленія, но и спиритическіе, ибо нѣтъ никакого достаточнаго основанія приписать ихъ причинамъ анимическимъ; главное условіе для подобнаго объясненія — отношеніе между этой причиной и ея послѣдствіемъ, т. е. какое-либо отношеніе между живущими — извѣстными и неизвѣстными, видимыми и невидимыми — совершенно отсутствуетъ. Можно возразить, что нѣтъ также основанія утверждать существованіе отношенія между живущимъ и неизвѣстнымъ отшедшимъ. Это правда. Но когда намъ даны предшествующіе факты, то разумно предположить, что отшедшій располагаетъ несравненно болѣе легкими средствами для установленія подобнаго отношенія, чѣмъ могъ бы то сдѣлать живущій — причемъ цѣлью является желаніе доказать фактъ своего посмертнаго существованія.

Между фактами этой рубрики еще болѣе доказательными являются такіе, когда разговоръ на извѣстномъ медіуму языкѣ происходитъ въ отсутствіи лицъ, знакомыхъ съ этимъ языкомъ, и когда для объясненія сказаннаго приходилось приглашать другихъ лицъ, его знающихъ. Вполнѣ удовлетворительный фактъ такого рода былъ упомянутъ мною въ той же рубрикѣ VI (см. стр. 384), а недавно я напалъ на другой еще болѣе замѣчательный фактъ этого рода, приведенный въ бостонскомъ журналѣ „Facts“ въ февральскомъ выпускѣ 1885 г. Миссисъ Элліза Тёрнеръ изъ Монпелье, въ Вермонтѣ, подробно разсказываетъ, какъ ея мужъ, Куртисъ Тёрнеръ, въ 1860 году захворалъ. Проболѣвъ два года, онъ слегъ въ постель и доктора объявили его неизлѣчимымъ. Онъ и жена его

были оба нѣсколько медіумичны. Какъ къ послѣднему средству, они прибѣгли къ сеансу. М-ръ Тёрнеръ впалъ въ трансъ и невидимый внушитель на ломаномъ англійскомъ языкѣ сказалъ: „мнѣ надо француза, чтобы съ нимъ говорить“. Далѣе привожу слова миссисъ Тёрнеръ: „Послали за д-ромъ Прево — французомъ и мужъ мой разговаривалъ съ нимъ точно такъ, какъ еслибъ зналъ французскій языкъ; онъ даже давалъ совѣты другимъ больнымъ. Это удивило д-ра Прево и онъ рѣшилъ попытать духовъ. Пришедши въ другой разъ, онъ принесъ съ собой анатомическій атласъ; но духъ, называвшій себя докторомъ, выдержалъ экзаменъ съ честью, ибо онъ указывалъ и называлъ всѣ различныя мышцы и нервы по-латыни и по-французски не хуже самого д-ра Прево, получившаго медицинское образованіе“. Въ результатѣ больной выздоровѣлъ въ десять дней, какъ ему было обѣщано невидимымъ врачемъ. Миссисъ Тёрнеръ прибавляетъ въ концѣ: „Мой мужъ не зналъ французскаго языка и не умѣлъ играть на скрипкѣ, но подъ вліяніемъ доктора Ганнибала, своего невидимаго внушителя, могъ и говорить по-французски и играть на скрипкѣ“. Издатель журнала „Facts“ присовокупляетъ: „Д-ръ Прево, на Ватербургскомъ съѣздѣ въ штатѣ Вермонтѣ (въ Сѣверной Америкѣ), происходившемъ въ октябрѣ 1884 года, на одномъ изъ митинговъ нашей редакціи разсказалъ объ этомъ случаѣ согласно помѣщенному здѣсь сообщенію миссисъ Тёрнеръ“.

Къ этой же рубрикѣ должны быть отнесены и тѣ случаи, когда медіумъ выражается не на языкѣ, ему неизвѣстномъ, но посредствомъ *условнаго, ему неизвѣстнаго алфавита*, такъ, напр., *алфавита глухонѣмыхъ*. Вотъ случай, гдѣ сообщеніе было сдѣлано посредствомъ этого алфавита, такъ какъ отшедшій при жизни былъ глухонѣмой. Я заимствую его изъ мѣсячнаго журнала, издававшагося миссисъ Гардинжъ Бриттенъ въ Бостонѣ въ 1872 году подъ заглавіемъ „Западная Звѣзда“, гдѣ на страницѣ 261-ой она приводитъ слѣдующій за симъ разсказъ г. Сторера, напечатанный первоначально въ журналѣ „Духовная Эра“:

„Въ субботу, 2 августа 1872 года, я читалъ лекціи въ Си-

ракузѣ, въ штатѣ Нью-Іоркъ, и между утренней и вечерней присутствовалъ на сеансѣ въ домѣ миссисъ Барсъ, на которомъ было до двадцати человѣкъ. Между ними находились двѣ дамы и два господина, пріѣхавшіе изъ сосѣдняго города, чтобъ слушать мои лекціи, и неожиданно явившіеся на сеансъ; тутъ одинъ медіумъ, жившій въ этомъ городѣ, миссисъ Корвинъ, была повергнута невидимой силой въ трансъ и протянула руку къ одному изъ вышеупомянутыхъ господъ. Тотъ всталъ съ противоположнаго конца комнаты и сѣлъ возлѣ медіума. Тогда, невидимому, духъ сталъ дѣлать большія усилія, чтобъ заговорить, но никакъ не могъ овладѣть органами рѣчи медіума, такъ что возбудилъ жалость во всѣхъ присутствующихъ. Тутъ было замѣчено, что лѣвая рука медіума по временамъ поднималась, а пальцы какъ-то двигались, и вскорѣ упомянутый господинъ замѣтилъ, что духъ доказалъ ему свою самоличность и это — „надлежащимъ образомъ“. Всѣ предполагали, что это былъ какой-нибудь частный условный знакъ; ожидали дальнѣйшаго и указывали на условія, которыя могли бы облегчить проявленіе. Въ это время медіумъ перешелъ подъ вліяніе другой личности, которая спокойно заявила, что если будутъ сидѣть смирно, то жена джентльмена, сидящаго возлѣ медіума, постарается опять сообщиться, что она была на землѣ глухонѣмою и будетъ сообщаться посредствомъ алфавита глухонѣмыхъ. Вслѣдствіе сего всѣ затихли, и вскорѣ отшедшая жена проявилась опять и впродолженіе двадцати минутъ разговаривала съ своимъ мужемъ, причемъ пальцы медіума складывали отвѣты и фразы посредствомъ условныхъ знаковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „нѣмого алфавита“.

Зрѣлище было въ высшей степени трогательное! Мужъ молча сидѣлъ передъ медіумомъ погруженнымъ въ трансъ, дѣлая женѣ своей вопросы посредствомъ складыванія пальцевъ, а жена отвѣчала на его мысли черезъ чужой организмъ, двигая пальцы, которые никогда не были пріучены къ подобному способу, выраженія. Духъ отвѣчалъ также на его мысленные вопросы, писавши отвѣты рукою медіума; тѣмъ и другимъ способомъ онъ совершенно удовлетворительно отвѣчалъ на каждый вопросъ.

Остается прибавить, что медіумъ и упомянутый джентльменъ вовсе не были знакомы между собою, а медіумъ никогда дотолѣ и не видывалъ, какимъ образомъ разговариваютъ посредствомъ алфавита глухонѣмыхъ.

II. Самоличность отшедшаго, доказанная сообщеніями, отличающимися складомъ рѣчи или особенными выраженіями, ему свойственными, полученными въ отсутствіи лицъ, его знавшихъ.

Эта рубрика служитъ дополненіемъ къ предшествовавшей рубрикѣ, случаи которой, хотя и драгоценны, но очень рѣдки, и, кромѣ того, трудно уловимы, не оставляя объективныхъ пребывающихъ доказательствъ — если только рѣчь на незнакомомъ медіуму языкѣ не была тутъ же стенографирована. Большинство сообщеній получается, конечно, на языкѣ родномъ или, по крайней мѣрѣ, знакомомъ медіуму; но это, однако, не мѣшаетъ тому, что иногда они представляютъ особенности на столько рѣзкія, что невозможно не признать въ нихъ отпечатка личности. Въ рубрикѣ IV, главы III, я привелъ выдающійся случай этого рода: романъ Диккенса, не доконченный имъ при жизни, былъ законченъ имъ по смерти рукою молодого, литературно не образованнаго медіума; весь романъ теперь напечатанъ и всякій можетъ самъ судить, на сколько конецъ достоинъ начала. Не только драма романа продолжается и закончена мастерской рукой — такъ что самый тонкій критикъ не могъ бы сказать, гдѣ кончается подлинникъ и гдѣ начинается его медіумическое продолженіе — но, кромѣ того, много особенностей въ слогѣ и правописаніи свидѣтельсвуютъ о личности автора.

Вотъ случай совершенно частнаго характера, полученный мною изъ первыхъ рукъ. Онъ былъ переданъ мнѣ моей хорошей знакомой В. И. П — вой, которую я уже неоднократно здѣсь называлъ. Она находилась однажды вечеромъ у княгини С. Г. Шаховской (мачихи моего товарища по лицею, кн. Александра Шаховского). Это было въ Петербургѣ въ 1874 году. Г-жа П — ва нѣсколько медіумична и княгиня отъ

*

времени до времени имѣла съ ней маленькіе сеансы посредствомъ планшетки. Одинъ ея знакомый, С. Н. Фустовъ (котораго я тоже знаю), случайно зашелъ къ княгинѣ въ этотъ вечеръ. Онъ завѣдывалъ дѣлами грузинскаго князя Георгія III., съ которымъ ни княгиня, ни г-жа П — ва не были знакомы. Зная, что эти дамы занимаются спиритизмомъ, ему пришло въ голову спросить ихъ, не могутъ ли онѣ доставить ему случай войти въ сношеніе съ покойнымъ отцомъ князя Георгія, имѣя предложить ему очень важный вопросъ, В. П — ва взялась за планшетку, и когда отецъ князя назвался, то г. Ф. спросилъ его, что сталось съ большой суммой денегъ, которую не нашли послѣ его кончины? Отвѣтъ былъ: „Что съ возу упало, то пропало, но я этому радъ; Георгію вредно имѣть такъ много казны“. Это послѣднее выраженіе очень удивило всѣхъ присутствующихъ, которые никогда не слыхали, чтобы оно употреблялось въ этомъ смыслѣ; но когда г. Ф. разсказалъ объ этомъ отвѣтѣ кн. Георгію, тотъ сказалъ, что слово „казна“ для него неудивительно, что покойный отецъ его, человѣкъ старинnаго вѣка и большой оригиналъ, никогда иначе не называлъ деньги; говорилъ напр. „подайте мнѣ шкатулку съ казною“. Здѣсь слѣдуетъ прибавить, что не только медіумъ, но и никто изъ присутствующихъ, не исключая и г-на Фустова, никогда не видали покойнаго, проживавшаго и скончавшагося въ Грузіи. Былъ еще предложенъ одинъ вопросъ, касавшійся домашнихъ дѣлъ кн. Георгія, и полученъ на него отвѣтъ вполнѣ удовлетворительный, впослѣдствіи оправдавшійся обстоятельствами; но такъ какъ эти подробности не относятся до настоящей рубрики, то я и считаю лишнимъ здѣсь объ этомъ распространяться. Что касается перваго факта, то г. Фустовъ былъ такъ любезенъ, что подтвердилъ мнѣ письменный разсказъ г-жи П — вой своей подписью:

Иногда случается, что достаточно одного слова, чтобы установить фактъ самоличности для того, кто одинъ можетъ понять значеніе этого слова. Вотъ такой случай, столь же простой, сколь и убѣдительный, происшедшій *въ отсутствіи* того лица, до котораго относилось данное доказательство. Почтенный ли-

тераторъ С. Голль (S. C. Hall) разсказываетъ слѣдующее: „Однажды я получилъ черезъ медіума Юма сообщеніе отъ имени дочери Роберта Чэмберса, относившееся до ихъ семейнаго дѣла, очень интимнаго. Когда она меня попросила передать его моему высокоуважаемому другу, я отказался отъ этого, если только не получу какого-нибудь несомнѣннаго доказательства, которое могло бы убѣдить меня, что сообщеніе дѣйствительно исходило отъ духа его дочери. Отвѣтъ былъ: „Скажите ему, папа любовь моя“ („pa love“). Я спросилъ Чэмберса, понимаетъ ли онъ, что это значитъ? Онъ отвѣтилъ, что это были послѣднія слова, выговоренныя его умиравшей дочерью, въ то время, какъ онъ приподнималъ ея голову на подушку. Тогда я счелъ себя въ правѣ передать ему повѣренное мнѣ сообщеніе“ („Light“ 1883 года, стр. 437). По счастливой случайности этотъ фактъ подтверждается совершенно независимо свидѣтельствомъ другого лица, также присутствовавшаго на этомъ сеансѣ, а именно Гомфрейса, въ его статьѣ: „Experiences in spiritualism“, напечатанной въ томъ же томѣ „Light'a“, стр. 563.

Я не могу не упомянуть здѣсь, хотя бы только въ видѣ ссылки, о сообщеніи, полученномъ судьею Эдмондсомъ отъ имени мальчика, продавца газетъ, черезъ уста дочери своей, находившейся въ трансѣ, и составляющемъ содержаніе его „Spiritual tracts“ № 3. Оно было стенографировано самимъ Эдмондсомъ и надо его прочесть, чтобы увидать, на сколько оно непередаваемо характеризуетъ уличнаго безшабашнаго нью-іоркскаго мальчугана.

III. Самоличность отшедшаго, медіуму неизвѣстнаго, доказанная сообщеніями, написаннымп его прижизненнымъ почеркомъ.

Я склоненъ думать, что это доказательство даже беретъ верхъ надъ фактами первой рубрики. Какъ доказательство, почеркъ столь же характеристиченъ, какъ и рѣчь; но для цѣли, которую мы преслѣдуемъ, языкъ сообщенія долженъ быть неизвѣстенъ медіуму; сверхъ того, если оно не письменное, то

документальное доказательство отсутствуетъ; большею же частью эти сообщенія на неизвѣстномъ медіуму языкѣ передются устно, живою рѣчью, въ чемъ правда, и заключается ихъ цѣнность. Въ этой же рубрикѣ мы имѣемъ доказательство самоличности не менѣе убѣдительное, но представляющее еще и то преимущество, что оно можетъ быть дано на родномъ языкѣ медіума; сверхъ того, оно является вещественнымъ, пребывающимъ документомъ, всегда доступнымъ для критики; и, наконецъ, что особенно важно, оно можетъ быть получено и въ присутствіи заинтересованнаго лица, ибо я отрицаю, чтобы почеркъ отшедшаго медіуму неизвѣстнаго, благодаря только одному присутствію лица, знавшаго отшедшаго, могъ быть воспроизведенъ вполнѣ тождественно дѣятельностію сомнабулическаго сознанія медіума. Я утверждаю это по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, мы можемъ узнавать почерки знакомыхъ намъ лицъ, но мы не можемъ воспроизводить ихъ на память, еслибы даже и хотѣли, и во-вторыхъ, еслибъ данное сообщеніе воспроизводило только фразу, которая была бы у насъ на умѣ вмѣстѣ съ представленіемъ знакомаго почерка, то еще можно было бы сказать, что фраза была воспроизведена механически, вмѣстѣ съ почеркомъ, посредствомъ передачи мысли. Но какъ извѣстно, сообщенія имѣютъ свое собственное содержаніе и свою собственную фразеологію. Я не говорю, разумѣется, о нѣсколькихъ отдѣльныхъ словахъ или о подписяхъ именъ, представляющихъ facsimile почерка ихъ авторовъ, что всегда можетъ дать поводъ къ оспариванію; я говорю о сообщеніяхъ болѣе или менѣе длинныхъ, или частыхъ, полученныхъ отъ того же отшедшаго лица и писанныхъ его почеркомъ. Это доказательство, по моему, должно быть признано совершенно убѣдительнымъ, ибо почеркъ всегда былъ признаваемъ, какъ неоспоримое доказательство личности—ея вѣрнымъ и постояннымъ выраженіемъ. Это фотографическій портретъ своего рода (см. сказанное выше о *графологіи* и объ измѣненіяхъ почерка въ гипнотическихъ персонификаціяхъ. Глава III, рубрика III). А что касается возможности писать чужимъ почеркомъ, то здѣсь должна быть прилагаема та же аргументація, какъ и

относительно возможности говорить на языкѣ, котораго не знаешъ (см. глава III, рубрика VI).

Сообщенія, писанныя почеркомъ, принадлежавшимъ отшедшему, упоминаются тутъ и тамъ въ медіумической феноменологіи. Но вообще они рѣдки; подробное описаніе почерка отсутствуетъ и приходится полагаться на слова тѣхъ, къ конмъ относятся сообщенія; будучи большей частью интимнаго характера, они естественно не предаются гласности; кромѣ того, чтобъ быть документальнымъ доказательствомъ тождества почерка, они должны бы были быть напечатаны вмѣстѣ съ facsimile почерка даннаго лица до и послѣ его смерти; но очень рѣдко заботятся о томъ, чтобы представить такое доказательство, которое вдобавокъ и обходится не дешево. Тѣмъ не менѣе эти доказательства, или необходимыя подробности, иногда и были представляемы, и о нихъ то я и буду теперь говорить.

Первое мѣсто среди сообщеній этого рода принадлежитъ, безспорно, тѣмъ, кои были получены банкиромъ Ливерморомъ, отъ имени его отшедшей жены Эстеллы, на многочисленныхъ его сеансахъ съ Кэтъ Фоксъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ — съ 1861 по 1866 г. Ниже, въ рубрикѣ V, читатель найдетъ всѣ необходимыя подробности объ этихъ замѣчательныхъ сеансахъ, изъ коихъ приведу здѣсь только относящіяся до сообщеній. Ихъ было получено до сотни, они писались на карточкахъ, которыя Ливерморъ помѣчалъ и приносилъ съ собою; они всѣ были написаны не рукою медіума (обѣ руки котораго Ливерморъ держалъ въ своихъ втеченіе всего сеанса), но непосредственно рукою самой Эстеллы, и даже иногда на глазахъ у Ливермора при спиритическомъ свѣтѣ, позволявшемъ ему вполнѣ узнавать не только руку, но и всю фигуру писавшей. Почеркъ этихъ сообщеній — совершенный facsimile прижизненнаго почерка Эстеллы. Въ письмѣ м-ра Ливермора къ м-ру Кольману (познакомившемуся съ нимъ въ Америкѣ) мы читаемъ: „Мы теперь дошли до того, что письма пишутся съ помѣткою числа. Первое изъ нихъ помѣченное: „Пятница, 3 мая 1861 года“, было написано очень старательно и правильно, и тождество почерка жены моей было вполнѣ доказано

сличеніемъ всѣхъ мелкихъ деталей. Слогъ, почеркъ и характеръ этихъ писемъ служатъ для меня положительными доказательствами самоличности писавшей, если даже и не принимать во вниманіе полученныя другія, еще болѣе убѣдительныя“. Далѣе, въ другомъ письмѣ, м-ръ Ливерморъ говоритъ: „Ея самоличность установлена выше всякаго сомнѣнія. Во-первыхъ, ея наружностью; во-вторыхъ, ея почеркомъ; въ третьихъ, умственной индивидуальностью, не говоря уже о многихъ другихъ доказательствахъ, вполнѣ достаточныхъ въ обыкновенныхъ случаяхъ, но изъ коихъ, однако, я не однимъ не удовольствовался, принимая ихъ только въ качествѣ подтвержденій“. М-ръ Ливерморъ, посылая м-ру Кольману нѣкоторыя изъ этихъ подлинныхъ сообщеній, приложилъ къ нимъ и образцы прижизненнаго почерка Эстеллы для сличенія; и м-ръ Кольманъ нашелъ посмертныя сообщенія совершенно сходными съ земнымъ почеркомъ миссисъ Ливерморъ (B. Coleman. Spiritualism in America, London 1861 г., стр. 30, 33, 35). Два facsimile подобныхъ сообщеній находятся въ этой брошюрѣ м-ра Кольмана, также и Spiritual magazine 1861 г., гдѣ статья м-ра Кольмана первоначально появилась. Имѣющіе у себя письма Кэтъ Фоксъ могутъ убѣдиться, что ея почеркъ даже нисколько не напоминаетъ почерка сообщеній Эстеллы.

Кромѣ этого умственнаго и вещественнаго доказательства, мы имѣемъ еще и другое, а именно, что нѣкоторыя сообщенія Эстеллы писаны *по-французски, на языкѣ, совершенно неизвѣстномъ медіуму*. Вотъ свидѣтельство самаго м-ра Ливермора: „Карточка, которую я принесъ съ собой, была взята изъ моей руки и нѣсколько спустя возвращена мнѣ видимымъ образомъ: на ней я нашелъ сообщеніе, превосходно написанное правильнымъ французскимъ языкомъ, съ чисто-французскими оборотами, ни единое слово котораго не было понято миссъ Фоксъ, ибо языкъ этотъ былъ ей совершенно чуждъ“ (Оуэнъ: Debatable land, London. 1871 г., стр. 390). А въ письмѣ м-ра Ливермора къ Кольману я нахожу слѣдующее: „Въ послѣднее время получилось еще нѣсколько карточекъ, исписанныхъ по-французски. Моя жена отлично владѣла этимъ языкомъ, и пи-

сала и говорила на немъ. тогда какъ для миссъ Фоксъ и то и другое было недоступно“ (Spiritualism in America, стр. 34).

И такъ, мы имѣемъ здѣсь *двойное доказательство самоличности*: оно установлено не только почеркомъ, совершенно сходнымъ съ земнымъ почеркомъ отшедшаго, но и языкомъ, медіуму непзвѣстнымъ. Случаи этотъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ и представляетъ, на мой взглядъ, *абсолютное доказательство самоличности*.

Опубликованные facsimile этого рода очепь немногочислены. Есть книга, озаглавленная: „Двѣнадцать посланій отъ духа Джона Адамса къ своему другу Іосіи Брейгаму черезъ Іосифа Стайльса медіума“ (Twelve messages from the spirit of John Quincy Adams to his friend Josiah Brigham through Joseph D. Stiles, medium), напечатанная въ 1859 году. Къ предисловію приложены facsimile почерка Адамса и его матери до и послѣ ихъ смерти, представляющіе поразительное сходство; тутъ же приложепъ и facsimile нормальнаго почерка медіума. Мы находимъ въ „Спиритуалистѣ“ 1881 года, томъ II, стр. 111, замѣтку объ этомъ изданіи, подписанную Эмметомъ Кольманомъ, который, какъ извѣстно, далеко не снисходительный критикъ; онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Книга эта единственная въ спиритической культурѣ и, по моему, содержитъ въ себѣ вполнѣ рѣшающія доказательства самоличности автора этихъ сообщеній — внутреннія и внѣшнія доказательства одинаково вѣски“.

Въ журналѣ „Spiritual Record“ 1884 года, стр. 554—555, нахожу facsimile сообщенія, полученнаго докторомъ Никольсомъ отъ имени отшедшей дочери своей Уилли, написаннаго непосредственнымъ письмомъ между двухъ грифельныхъ досокъ. Оно совершенно тождественно съ приложеннымъ образцомъ прижизненнаго почерка Уилли и не имѣетъ никакого сходства съ почеркомъ медіума Эглинтона, образчикъ тутъ же приложенъ. Другой facsimile сообщенія отъ Уилли находится въ томъ же журналѣ 1883 года, стр. 131. Вотъ все, что я нахожу въ настоящео время въ своемъ указателѣ по части подобныхъ facsimile.

Съ того времени, какъ способъ непосредственнаго писанія былъ упрощенъ и облегченъ употребленіемъ грифельныхъ досокъ, это явленіе, окрещенное именемъ психографіи, сдѣлалось довольно заурядным, и случаи тождества почерковъ стали упоминаться гораздо чаще, только ихъ facsimile, какъ оправдательные документы, отсутствуютъ. Для примѣра я приведу здѣсь случай, который содержитъ въ себѣ не только доказательства внѣшнія (почеркъ), но и внутреннія вполнѣ характеристичныя. Вотъ фактъ, который м-ръ Дж. Дж. Оуэнъ обнародовалъ въ „Religio Philosophical Journal“. отъ 27 іюля 1884 г., и который я заимствую изъ „Light'a“ 1885 года, стр. 35, гдѣ онъ былъ воспроизведенъ. Я привожу его собственными словами Оуэна съ нѣкоторыми выпусками.

„Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ въ числѣ моихъ близкихъ друзей былъ одинъ извѣстный сенаторъ Калифорніи, вмѣстѣ съ тѣмъ и собственникъ банкирской фирмы въ Санъ-Хозе. Докторъ Ноксъ былъ глубокій мыслитель. завзятый матеріалистъ... Страдая медленно развивавшеюся болѣзнью легкихъ, онъ чувствовалъ постепенное приближеніе конца своихъ дней, и часто откровенно говорилъ объ ожидавшемъ его вѣчномъ покоѣ съ его вѣчнымъ забвеніемъ, но смерти онъ нисколько не боялся. Однажды я сказалъ ему: „Докторъ, уговоримся: если вы тамъ очутитесь въ живыхъ, то буде окажется возможнымъ, вы дадите мнѣ вѣсть о себѣ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: „*Я все-таки живъ*“. Онъ серьезно обѣщалъ мнѣ это... Когда онъ умеръ, я нетерпѣливо желалъ получить отъ него какое-либо извѣстіе; я сталъ особенно желать этого, думать объ этомъ, когда къ намъ однажды пріѣхалъ изъ восточныхъ штатовъ медіумъ для матеріализаціи, честность котораго была для меня внѣ всякаго сомнѣнія. Этотъ медіумъ сказалъ мнѣ, что черезъ него иногда даются доказательства самоличности и предложилъ мнѣ сдѣлать подобный опытъ... Я вычистилъ грифельную доску и прижалъ ее къ столешницѣ снизу [1]). Медіумъ

---

[1]) Весьма убѣдительныя условія, ибо это обыкновенно продѣлываетъ самъ медіумъ. — *А. А.*

положилъ одну руку на мою подъ столомъ, а другую на верхнюю сторону столешницы... Мы услыхали звукъ писанія и я нашелъ на доскѣ слѣдующія строки:

„Другъ Дрэнъ, факты, которые природа являетъ передъ нами, не терпятъ сопротивленія, и философъ, мнящій быть мудрымъ, часто борется съ однимъ изъ нихъ, подрывающимъ его излюбленныя теоріи, и затѣмъ повергающимъ его въ цѣлое море сомнѣній и колебаній. Не совсѣмъ такъ было со мною, ибо хотя мои убѣжденія относительно будущей жизни и были безпощадно опрокинуты, но я долженъ признаться, что мое разочарованіе было для меня пріятно, и я радъ, что могу сказать вамъ, другъ мой: „*я все таки живъ*“.

„Вашъ по прежнему, Уильямъ Нэксъ“.

„Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ медіумъ пріѣхалъ въ Калифорнію только три года спустя по смерти моего друга, что онъ никогда его не зналъ, и, наконецъ, что почеркъ его сообщенія на доскѣ былъ на столько тождественъ съ его земнымъ почеркомъ, что былъ признанъ за его собственный и въ томъ банкѣ, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ“.

Если бы тутъ не было тождества почерка, то мы могли бы объяснить этотъ случай, какъ и тысячи другихъ, передачей мыслей; но характеръ почерка налагаетъ на него печать самоличности.

Изъ сообщеній, полученныхъ тѣмъ же способомъ, но въ большомъ количествѣ впродолженіе долгаго времени и все отъ одной и той же личности, мнѣ извѣстенъ только замѣчательный случай миссисъ Мэри Бёрчетъ, разсказанный ею самою въ „Light'ѣ“ 1884 г., стр. 471 и 1886 г., стр. 322—425. Впродолженіе двухъ лѣтъ она получила до пятидесяти сообщеній почеркомъ близкаго ей друга, утраченнаго ею въ 1883 году. На землѣ онъ такъ же, какъ и Нэксъ „нисколько не вѣрилъ въ возможность будущей жизни“; вотъ почему во второмъ сообщеніи онъ и говоритъ: „Это такое же откровеніе для меня, какъ и для васъ, ибо вы знаете, какъ сильно я противился всякой вѣрѣ въ возможность пакибытія“. До поѣздки моей въ

Лондонъ, въ 1886 году, я обратился къ миссисъ Бёрчетъ письменно съ различными вопросами и она была такъ обязательна, что прислала мнѣ слѣдующіе отвѣты въ коихъ содержатся подробности, большею частью не находящіяся въ ея напечатанныхъ статьяхъ:

„The Hall, Bushey, Herts (England).

„20-го мая 1886 года".

„М. Г. Къ сожалѣнію, не могу исполнить вашей просьбы, послать вамъ образцы прижизненнаго и посмертнаго почерковъ моего друга, такъ какъ его письма ко мнѣ, будучи самаго интимнаго характера, для меня святы, и, кромѣ того, онъ неоднократно просилъ меня никому ихъ не показывать... Но я съ удовольствіемъ отвѣчу на ваши другіе вопросы: 1) относительно почерка моего друга. Я получила до этого дня тридцать четыре письма отъ него черезъ медіума Эглинтона; первыя два на грифельныхъ доскахъ, всѣ прочія на бумагѣ. Одно изъ нихъ было написано на листѣ почтовой бумаги, которую я по угламъ приклеила къ своей собственной грифельной доскѣ, такъ чтобы ее легко можно было снять (см. „Light" 1884 г. стр. 472). Хотя почеркъ первыхъ двухъ или трехъ полученныхъ мною писемъ и очень походилъ на почеркъ моего друга, и хотя слогъ и способъ выраженія были совершенно его собственные, я въ то же время находила въ нихъ нѣкоторое сходство и съ почеркомъ Эрнеста, одного изъ руководителей медіума, что не мало меня озадачивало... Это небольшое сходство постепенно исчезало, пока наконецъ не осталось отъ него ни малѣйшаго слѣда, и почеркъ былъ на столько тождественъ съ прижизненнымъ почеркомъ моего друга, на сколько писанное карандашемъ можетъ походить на писанное перомъ. Другъ мой былъ родомъ австріецъ и почеркъ его, замѣчательно красивый и мелкій, носитъ на себѣ явную печать своего нѣмецкаго происхожденія... 2) Всѣ эти письма, за исключеніемъ одного, написаны по-англійски, хотя нерѣдко содержатъ нѣмецкіе цитаты. Будучи на землѣ, онъ также часто писалъ мнѣ по-англійски. Передъ Рождествомъ 1884 г., къ

великому своему удивленію, я получила сообщеніе по нѣмецки готическимъ почеркомъ, слогъ котораго безукоризненъ...[1]) Нѣсколько затрудняясь чтеніемъ моего нѣмецкаго письма, такъ какъ въ то время я плохо знала по-нѣмецки и сказала, что очень была бы рада получить нѣсколько строчекъ на своемъ родномъ языкѣ. Эглинтонъ любезно вызвался попробовать, а такъ какъ листъ бумаги былъ исписанъ только съ одной стороны, то онъ перевернулъ его на доскѣ, которую мы держали обычнымъ способомъ; послѣ нѣкотораго времени я опять услыхала звукъ писанія и получила нѣсколько словъ по-англійски, какъ обыкновенно...[2]). 3) Въ его письмахъ содержится достаточно указаній на его земныя дѣла, чтобы убѣдить меня въ его самоличности, не говоря о другихъ доказательствахъ, коихъ было не мало. Вы быть можетъ, читали описаніе замѣчательной матеріализаціи въ сочиненіи Фармера: „Между двухъ міровъ, очеркъ жизни Эглинтона“, Лондонъ, 1886 г., стр. 167? Оно было сообщено мною... [3]). Въ одномъ изъ его первыхъ писемъ я получила между прочимъ одно поразительное доказательство: онъ случайно уиомянулъ названіе одного мѣстечка въ Германіи, и я вспомнила, онъ говорилъ мнѣ, что былъ тамъ однажды. Названіе это очень оригинальное, и я никогда не слыхала его ни до, ни послѣ. Сидя однажды за медіумическимъ писаніемъ, — съ прошедшей осени я развила въ себѣ способность, правда, очень слабую, къ автоматическому письму — я намекнула на это обстоятельство и спросила своего друга, не можетъ ли онъ написать моей рукой названіе страны, гдѣ находится это мѣстечко. Я старалась быть мысленно совершенно

---

[1]) Значеніе этого письма по-нѣмецки соотвѣтствуетъ значенію письма Эстеллы по-французски. — *А. А.*

[2]) Я упоминаю здѣсь объ этомъ случаѣ, какъ о хорошемъ подтвержденіи подлинности предыдущихъ сообщеній. — *А. А.*

[3]) Въ этомъ сеансѣ миссисъ Б. вполнѣ узнала матеріализованную фигуру своего друга, голова котораго нисколько не была закрыта; миссисъ Б. видѣла его очень близко, даже держала его за руку, причемъ свѣтъ былъ нарочно усиленъ. — *А. А.*

пассивной, чтобы не повліять на отвѣтъ, но ожидала, что напишется Австрія, либо Богемія. Къ моему удивленію медленно написалось названіе города и только тогда я вспомнила, что въ упомянутомъ разговорѣ моемъ съ нимъ, на мое замѣчаніе объ оригинальности названія этого мѣстечка, онъ отвѣтилъ, что оно находится возлѣ города Д. Я всегда смотрѣла на этотъ случай какъ на весьма замѣчательное доказательство, хотя самъ по себѣ онъ довольно ничтоженъ... [1]).

„Примите,.. и проч.

„Мэри Бёрчетъ“.

Мнѣ остается прибавить, что, находясь въ 1886 году въ Лондонѣ, я не упустилъ случая познакомиться съ миссисъ Бёрчетъ; она, разумѣется, подтвердила вышеописанное, и показала мнѣ образцы почерка своего друга, не дозволивъ мнѣ однако-же читать эти письма, такъ что я не имѣлъ возможности тщательно и подробно разсмотрѣть оба почерка; я могъ только хорошенько сличить способъ писанія частицы „The“, который оказался одинаковымъ; что касается остальнаго, я могу только констатировать общее сходство обоихъ почерковъ; но сходство не есть тождество, и, кромѣ того, писаніе карандашемъ всегда нѣсколько отличается отъ писанія перомъ.

Вотъ другой случай, въ которомъ за недостаткомъ fac-simile мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько точныхъ подробностей относительно формы нѣкоторыхъ буквъ, что доказываетъ, что сличеніе почерковъ было сдѣлано самымъ тщательнымъ образомъ. Всѣ подробности этого случая можно найти въ „Light‘ѣ“ 1884 г., стр. 397. Передаю его въ кратцѣ: Г. Смартъ, авторъ статьи, пребывая въ Мельбурнѣ, въ Австріи, жилъ у м-ра Спригса, весьма извѣстнаго медіума, и спалъ съ нимъ на одной кровати. 27 марта 1884 года, когда они оба легли спать г. Смартъ замѣтилъ, что его пріятель немедленно впалъ въ

---

[1]) Я привелъ здѣсь и эту подробность изъ сообщенія, полученнаго миссисъ Б., какъ добавочное доказательство подлинности непосредственнаго письма, получавшагося черезъ Эглинтона, и столь упорно отрицаемаго Лондонскимъ Обществомъ психическихъ изслѣдованій.

трансъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ посредствомъ стуковъ было сказано. что „пишутъ и чтобъ черезъ десять минутъ посмотрѣли„. Вскорѣ послѣ того медіумъ пришелъ въ себя, зажгли свѣчку и г. Смартъ нашелъ на столѣ, стоявшемъ недалеко отъ кровати, сообщеніе отъ имени своей матери, только что умершей въ февралѣ мѣсяцѣ, писаное перомъ на листѣ бумаги. Вотъ его содержаніе:

„Милый Альфредъ, Гарріэта писала тебѣ и сообщила, что я покинула землю. Я рада была перейти. Я счастлива: „Я скоро приду опять. Скажи Гарріэтѣ, что я была. Господь съ тобою. Твоя любящая мать“.

Вотъ что говоритъ г. Смартъ о почеркѣ: „Я тщательно сравнивалъ почеркъ полученнаго такимъ образомъ сообщенія съ почеркомъ прижизненныхъ писемъ моей матери букву за буквой и слово за словомъ. Помимо общаго сходства, которое для всякаго очевидно съ перваго же взгляда, есть въ почеркѣ буквъ, словъ и фразъ, встрѣчающихся какъ въ подлинныхъ письмахъ, такъ и въ данномъ сообщеніи полное тождество. И тутъ, и тамъ постоянно встрѣчается старинная форма буквы „r“; такъ же привычка (очень рѣдкая) начинать слово „affectionate“ (любящая) съ большой буквы; писать первое f въ этомъ словѣ съ нижнимъ хвостомъ повернутымъ влѣво, а не вправо по обыкновенію, и, что особенно доказательно, видана та же привычка (происшедшая во время земной жизни отъ слабости правой руки вслѣдствіе разрыва мышцъ) выводить почти каждую букву отдѣльно вмѣсто того, чтобъ писать ихъ по обыкновенію слитно, не говоря о многихъ другихъ пунктахъ сходства, очевидныхъ для глаза, но не поддающихся описанію. Что касается слога сообщенія, то видна та же привычка, свойственная ей и при жизни, выражаться кратко, безъ лишнихъ словъ“.

Редакторъ журналовъ „Harbinger of Light“ (Вѣстникъ Свѣта), издающагося въ Мельбурнѣ, гдѣ первоначально появилась статья г. Смарта, замѣчаетъ съ своей стороны: „Мы видѣли помянутое сообщеніе и тщательно сличали его съ нѣсколькими письмами миссисъ Смартъ. Почеркъ идентиченъ, и всѣ особен-

ности въ писаніи буквъ повторяются и въ посмертномъ сообщеніи".

Слабая сторона этого случая съ точки зрѣнія поддѣлки состоитъ въ томъ, что г. Смартъ былъ очень дружент съ медіумомъ, который поэтому могъ имѣть въ рукахъ письма матери г. Смарта, и т. д.

Абсолютное доказательство для сообщеній тождественнымъ почеркомъ было бы полученіе подобнаго сообщенія *въ отсутствіи* лицъ, знавшихъ почеркъ покойнаго. Я не нахожу въ моемъ указателѣ случаевъ, гдѣ *цѣлое* сообщеніе подобнаго рода было бы получено въ сказанныхъ условіяхъ; но я знаю нѣкоторые, гдѣ почеркъ сообщенія имѣлъ, по крайней мѣрѣ *въ нѣкоторыхъ буквахъ*, полное тождество съ почеркомъ отшедшаго. Я могу привести подобный случай изъ личнаго опыта и разскажу его подробно.

Впродолженіе двухъ или трехъ лѣтъ я имѣлъ обыкновеніе отъ времени до времени имѣть совершенно интимные сеансы вдвоемъ съ женой (она же была и медіумомъ), и только иногда съ участіемъ проф. Бутлерова. Я уже упоминалъ о нихъ выше стр. 405. Вначалѣ мы употребляли планшетку; но вскорѣ мы ее бросили и мнѣ довольно было положить руку на правую руку жены, державшей карандашъ, чтобъ минуть черезъ 10—15 она заснула; а немного спустя ея рука начинала писать. Я никогда не дѣлалъ никакого вызова, не выражалъ никакой просьбы, я просто ждалъ, что выйдетъ. Смотря по написанному, я ставилъ вопросы, карандашъ отвѣчалъ и бесѣда продолжалась, пока онъ не выпадалъ изъ руки. Осень 1872 года была для меня особенно тяжкой; возвращаясь въ Петербургъ изъ Уфы, я едва не утонулъ на Камѣ вслѣдствіе столкновенія пароходовъ; это было ночью, и 15 минутъ спустя послѣ столкновенія пароходъ, на которомъ я ѣхалъ, былъ уже подъ водою. Къ счастью я былъ одинъ. Едва вернувшись въ Петербургъ, я узналъ, что домъ, въ которомъ жилъ мой старикъ-отецъ въ своей деревнѣ, въ Пензенской губерніи сгорѣлъ вмѣстѣ съ семейнымъ архивомъ и прекрасной библіотекой, которую отецъ и я собирали впродолженіи полувѣка. Черезъ нѣсколько дней

мнѣ предстояло опять уѣхать, чтобы повидать отца и помочь ему въ этомъ затруднительномъ положеніи. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга мнѣ вздумалось устроить сеансъ; думалось: не получится ли чего-нибудь относящагося до предстоящаго мнѣ путешествія. Вмѣсто этого, какъ только жена заснула, вотъ что было написано почеркомъ твердымъ и крупнымъ, не походившимъ на обыкновенный почеркъ жены:

„*Скорблю о паствѣ своей, болѣю о ней, съ богонарѣченнымъ сыномъ моимъ, ищущимъ путей Господнихъ*“.

„*Іерей Николай*“.

Я ничего не понялъ изъ этого сообщенія — къ чему и отъ кого оно могло быть, и просилъ разъясненія; тутъ было написано:

„*Напрасно, государь мой, вы мыслите объ упрежденіи; оное было немыслимо, ибо могло бы послужить къ отвращенію случившагося; отвратить же оное было невозможно; оное предначертано было благимъ провидѣніемъ ради души..... нуждающейся въ молитвѣ многой!.....*“.

На сдѣланный мною вопросъ о поѣздкѣ, было отвѣчено:

„*Жертва ваша велика есть, но неизбѣжна*“.

Когда жена пришла въ себя, мы стали разбирать написанное, отъ кого бы оно могло исходить? И пришли къ заключенію, что іерей Николай никто иной, какъ покойный тесть священника с. Репьевки, гдѣ отецъ постоянно проживалъ; а такъ какъ имя жены нашего настоящаго приходскаго священника—Ольга Николаевна, и мы знали, что она была дочерью бывшаго репьевскаго священника, передавшаго, какъ это водится, мѣсто зятю—то естественно было заключить, что упомянутое сообщеніе получено отъ него; теперь становилось понятнымъ, почему онъ называлъ своего пріемника „богонарѣченнымъ сыномъ“; онъ же былъ и духовникомъ отца моего. Что же касается до словъ „скорблю о паствѣ моей“ и до всего остальнаго въ сообщеніи, то смыслъ его совершенно интимный

п распространяться о немъ я не могу, но для насъ онъ былъ совершенно ясенъ. Слова „напрасно вы мыслите объ упрежденіи“ относились, вѣроятно, къ высказанной мною когда-то мысли, что въ данномъ случаѣ, гдѣ былъ не просто пожаръ, а поджогъ, т. е. явный умыселъ, могло бы, пожалуй, быть и какое-нибудь предупрежденіе изъ невидимаго міра.

Это сообщеніе представляетъ двѣ особенности: слогъ его устарѣвшій, семинарскій, который теперь не встрѣчается, оно содержитъ обороты, для насъ обоихъ совершенно невозможные. Кромѣ того, оно представляетъ особенности въ почеркѣ, которыя поразили меня; это была смѣсь почерка моей жены съ постороннимъ, я находилъ въ немъ буквы такой формы, какія жена никогда не писала. Мнѣ любопытно было сличить этотъ почеркъ съ прижизненнымъ почеркомъ отца Николая. Я зналъ его въ своей молодости, когда пріѣзжалъ въ деревню на вакаціи. Онъ умеръ въ 1862 году, но съ 1851 года, найдя себѣ пріемника въ зятѣ, онъ уже не жилъ болѣе въ Репьевкѣ. Я никогда не видалъ его почерка, а жена и вовсе не знала его. Когда я обратился къ его „богонарѣченному сыну“ съ просьбою дать мнѣ нѣсколько писемъ или какую иную рукопись своего тестя, онъ не могъ найти ничего другого, какъ страницу стараго календаря съ помѣтками покойнаго отца Николая, которыя онъ вырвалъ и прислалъ мнѣ. Уже и эта страница была для меня цѣннымъ матеріаломъ для сличенія почерковъ. Но только гораздо позднѣе—въ 1881 году, удалось мнѣ навести справки въ церковныхъ архивахъ, гдѣ я нашелъ цѣлыя страницы, исписанныя рукою отца Николая. Сличая его почеркъ съ нашимъ сообщеніемъ, я нашеъ слѣдующее:

Въ сообщеніи буква *л всюду* написана какъ греческая буква *λ*.

Въ рукописяхъ отца Николая эта буква пишется двояко—то какъ *л*, то какъ *λ*; на одномъ листѣ вѣдомости объ умершихъ въ приходѣ я нашелъ 35 подписей іерея Николая, изъ коихъ 8 написаны съ буквою *л*, а 27 съ греческимъ *λ*.

Жена же моя *никогда* не писала этой буквы какъ греческое *λ*.

Въ сообщеніи буква *д* всюду написана по старинному хвостомъ внизъ.

Въ рукоиисяхъ я нахожу эту букву также въ двухъ видахъ; но только форма *д* попадается изрѣдка, а употребляется почти всегда форма *д* хвостомъ внизъ. Передо мною страница рукописи въ листъ, на которой форма *д* кверху встрѣчается три раза, а форма *д* книзу — 41 разъ.

Жена же моя *никогда* не писала этой буквы съ хвостомъ внизъ.

Я умалчиваю о менѣе рѣзкихъ особенностяхъ; напр., букву *б* жена моя всегда писала хвостомъ вверхъ, а въ сообщеніи она написана постоянно крючкомъ внизъ какъ греческое *д* — что согласно съ постоянной формой этой буквы въ рукописи.

Откуда же это странное совпаденіе нѣсколькихъ буквъ? Надо объяснить это сколько иибудь правдоподобно. Не достаточно сказать, что самнамбулическое сознаніе медіума, въ роли стараго священника, писало стариннымъ почеркомъ; употребленіе формы греческаго *л* встрѣчается иногда и въ настоящее время, а старинное *д* писалось обыкновенно какъ цифра 2; форма же *д* съ хвостомъ внизъ попадается теперь очень рѣдко. Слѣдовательно вонросъ не въ подражаніи какому-нибудь почерку, а въ томъ: зачѣмъ формы этихъ буквъ въ полученномъ сообщеніи совпадаютъ именно съ тѣми формами, которыя уиотреблялъ „іерей Николай“?

Я нахожу въ „Light'ѣ“ 1887 года, стр. 107, въ статьѣ „Самодоказательное сообщеніе“, случай, гдѣ почеркъ сообщенія также сходствуетъ съ прижизненнымъ почеркомъ сообщавшагося *только въ формѣ нѣкоторыхъ буквъ*, которыя тутъ и описаны; медіумъ же этого почерка никогда не видалъ. Изъ статьи не видно, было ли получено сообщеніе въ присутствіи или отсутствіи лица, знавшаго отшедшаго и почеркъ его.

IV. Самоличность отшедшаго, доказанная сообщеніемъ отъ него исполненнымъ разныхъ подробностей, до его жизни касающихся, и полученнымъ въ отсутствіи лицъ, знавшихъ его.

Въ главѣ III, рубрикѣ IX, я представилъ нѣсколько случаевъ, отвѣчающихъ этому условію и вполнѣ удовлетворительныхъ.

*

Таковъ случай устнаго сообщенія старика Чамберлейна кружку изъ двѣнадцати лицъ, которымъ онъ былъ совершенно неизвѣстенъ, и немедленно, вслѣдъ за тѣмъ, проявившагося опять, чтобъ сообщить еще нѣсколько подробностей о своей личности — такъ какъ кружокъ жалѣлъ, что не спросилъ о нихъ при первомъ сообщеніи для полнаго доказательства самоличности. И по справкѣ все сказанное оказалось вѣрнымъ (стр. 462).

Таковъ и случай Авраама Флорентина, умершаго въ Америкѣ и проявившагося въ Англіи, стуками, въ кружкѣ, который не имѣлъ никакого понятія о его существованіи, и давшаго, на всѣ о немъ распросы, біографическія подробности, оказавшіяся, по справкѣ въ Америкѣ, вѣрными (стр. 467).

Я указалъ въ этой главѣ на спеціальный источникъ, гдѣ подобныя сообщенія находятся сотнями, изъ которыхъ можно было бы сдѣлать предметъ особаго изслѣдованія, провѣряя ихъ на мѣстѣ самымъ строгимъ и тщательнымъ образомъ. Я говорю объ „отдѣлѣ сообщеній“, печатаемыхъ еженедѣльно въ журналѣ „Banner of Light“. Документы, имѣющіе изобличить шарлатанство или установить правду, находятся на лицо, напечатаны, въ рукахъ всякаго, кто далъ бы себѣ трудъ предпринять это изслѣдованіе. Было бы весьма интересно, взявши подрядъ сотню сообщеній, установить процентъ ложныхъ, вѣрныхъ и сомнительныхъ. Среди этихъ сообщеній находятся такія, въ которыхъ намекается на совершенно частныя семейныя дѣла. Такъ напр., въ № отъ 15 марта 1884 г. я нахожу сообщеніе отъ имени Монроэ Мериллъ, въ которомъ онъ намекаетъ на бывшее съ нимъ „на дальнемъ западѣ“. Въ № отъ 5 апрѣля, братъ покойнаго, Геманъ Мериллъ, удостовѣряя подлинность сообщеній, пишетъ: „Я очень хорошо понимаю, на что онъ намекаетъ, говоря о „дальнемъ западѣ“; это обстоятельство, которое было извѣстно только ему, нашему брату — д-ру Мериллу, въ Сандуски (гдѣ Монроэ умеръ), и мнѣ“.

Другой примѣръ, Въ № отъ 9 февраля 1889 г. я нахожу сообщеніе отъ Эммы Ромэджъ, изъ Сакраменто, въ Калифорніи, въ которомъ она упоминаетъ о видѣніи подруги своей Женни,

о которомъ эта послѣдняя говорила на смертномъ одрѣ своемъ. Въ № отъ 30 марта 1889 г., г. Эбенъ Оуэнъ, изъ Сакраменто, пишетъ, что онъ показывалъ это сообщеніе сестрѣ Эммы Ромэджъ, и та подтвердила фактъ этого видѣнія, о которомъ Эмма говорила ей передъ смертью.

Я могъ бы, помимо этого источника, указать на многіе другіе случаи этого рода, но и приведенные мною очень хороши. Ограничусь, для завершенія этой рубрики, приведеніемъ случая, къ которому мы можемъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ, ибо онъ взятъ изъ личнаго опыта Р. Дэль-Оуэна. Онъ разсказанъ имъ, со всѣми необходимыми подробностями, въ его сочиненіи: „Debatable land", подъ заглавіемъ: „Доказательство самоличности, полученное чрезъ незнакомое лицо изъ за 500 миль". Невозможно изложить этотъ случай вкратцѣ, и потому привожу его буквально, по русскому изданію этой книги: „Спорная область", стр. 176—179, а для полноты привожу и предшествующія страницы, имѣющія къ нему прямое отношеніе:

„Болѣе сорока лѣтъ тому назадъ умерла одна молодая дама — англичанка, — которую я коротко зналъ. Она пользовалась въ жизни всѣми дорогими преимуществами, какія дастъ совершеннѣйшее воспитаніе, доступное для женщины въ культурной странѣ; говорила свободно по-французски и по-итальянски, путешествовала много по Европѣ, гдѣ сходилась съ разными выдающимися людьми своего времени. Природою она одарена была такъ же щедро, какъ и судьбою: была такъ же мила, какъ и образована, способна глубоко чувствовать, очень проста, богата внутреннею жизнью, какъ натура тонкая, по преимуществу духовная. Буду называть ее Віолетой [1]).

„Когда, черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ ея смерти, я предпринялъ свои первыя изысканія по спиритуализму, мнѣ пришло на мысль, что если только лицамъ, когда либо принимавшимъ въ насъ участіе во время земной своей жизни, доз-

---

[1]) Ея настоящее имя (изъ числа малоупотребительныхъ) и называть не смѣю; но оно, какъ и выбранное мною подставное, означаетъ тоже одинъ изъ любимыхъ цвѣтковъ (violet фіалка).

воляется продолжать общеніе съ нами и по переходѣ въ другой міръ, то духъ Віолеты скорѣе всякаго другого могъ бы мнѣ объявиться. Но я никогда не позволялъ себѣ вызывать того или другого духа, находя болѣе благоразумнымъ выжидать его добровольнаго проявленія. Между тѣмъ мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ, и я не получалъ ни малѣйшаго знака или намека отъ имени Віолеты; наконецъ я пересталъ уже и ждать, и вообще предполагать возможность чего-нибудь подобнаго.

„Послѣ того читатель пойметъ мое изумленіе и смущеніе, когда на одномъ изъ сеансовъ, 13 октября 1856 года, въ Неаполѣ (при участіи г-жи Оуэнъ и еще одной дамы, непрофессіональнаго медіума), произошло слѣдующее:

„Вдругъ сложилось имя Віолеты. Нѣсколько оправившись отъ удивленія, я спросилъ *мысленно*, съ какою цѣлью объявляется это столь памятное мнѣ имя.

Отвѣтъ: „Дала об...“.

„На этомъ сложеніе буквъ остановилось. Повторенныя приглашеніе продолжить сообщеніе не привели ни къ чему: мы не могли получить далѣе ни одной буквы. Наконецъ мнѣ пришло на мысль спросить: „Вѣрны ли полученныя буквы „о, б?“

Отвѣтъ: „Нѣтъ“.

Вопросъ: „Вѣрно ли слово „*дала*“ (gave)“

Отвѣтъ: „Да“.

„Тогда я сказалъ: „Прошу сложить слово, слѣдующее за „*дала*“, опять съ начала“. И вслѣдъ за тѣмъ, буква за буквой, изъ которыхъ нѣкоторыя переправлялись, сложилась фраза:

„Дала письменное обѣщаніе помнить васъ даже и по смерти“.

„Надо быть самому въ моемъ положеніи, чтобы понять чувство, овладѣвавшее мною, по мѣрѣ того, какъ складывались эти слова. Если какое-нибудь изъ воспоминаній молодости выдавалось у меня особенно, стояло въ моихъ глазахъ выше всѣхъ другихъ, — это была память о письмѣ, написанномъ мнѣ Віолетой въ виду смерти, письма, содержавшаго дословно, то самое обѣщаніе, которое теперь спустя полжизни, звучало мнѣ

опять изъ за гроба. Такого значенія, какъ для меня, доказательство это не можетъ имѣть для другихъ. Письмо у меня еще цѣло; но зналъ о немъ только я одинъ; никто, кромѣ меня, никогда его не видѣлъ. Могъ ли я ожидать, когда читалъ это письмо въ первый разъ, что спустя четверть вѣка, въ далекой, чужой странѣ, писавшая его будетъ въ состояніи сказать мнѣ, что она сдержала свое слово?

„Черезъ нѣсколько дней послѣ того, именно на сеансѣ 18 октября, когда объявился тотъ же духъ, я предлагалъ ему опять разные мысленные вопросы, и отвѣты его были также удовлетворительны и точны. Между тѣмъ вопросы мои касались подробностей личной жизни, которыя могли быть извѣстны только мнѣ. Не сдѣлано было ни одной ошибки; мало того, въ этихъ отвѣтахъ встрѣчались еще новыя указанія на такія обстоятельства, о которыхъ по крайнему моему убѣжденію и разумѣнію, ни одна живая душа, кромѣ меня, не могла тогда знать.

„Полученные результаты нельзя приписать никакимъ образомъ тому, что разумѣютъ подъ терминомъ „напряженнаго выжиданія“, — предполагаемой причины подобныхъ явленій. Мы въ то время добивались различныхъ физическихъ проявленій, про которыя слышали отъ другихъ наблюдателей, — напримѣръ, движенія предметовъ безъ прикосновенія къ нимъ, непосредственнаго письма, появленія рукъ и т. п. Происшедшее было совершенно неожиданно — даже для меня, лица ближе всѣхъ заинтересованнаго, не говоря о другихъ присутствовавшихъ. Когда давно заснувшія представленія вдругъ пробудились во мнѣ въ связи съ знакомымъ именемъ, то это произошло отнюдь не въ отвѣтъ на какую-нибудь наличную мою мысль, надежду или желаніе, — если только сознаніе наше достаточная порука въ наличности мысли или чувства. Еще менѣе основаній предполагать подобное вліяніе со стороны другихъ присутствовавшихъ. Они не знали о письмѣ ничего, даже о его существованіи. Они не знали ничего о моемъ вопросѣ, потому что онъ предложенъ былъ мысленно. Возможность посторонняго земного вліянія ограничивалась тутъ однимъ мною.

„Но вотъ еще доказательство, что въ этомъ случаѣ дѣйствовали вовсе не мои ожиданія. Когда при первой попыткѣ получить отвѣтъ, будущая неизвѣстная мнѣ фраза опредѣлилась уже буквами — "*дала об...*", у меня мелькнула догадка, что изъ начатаго слова, можетъ быть, выйдетъ „обѣщеніе"; и я подумалъ, не будетъ ли это относиться къ тому торжественному увѣренію, которое дала мнѣ Віолета много лѣтъ тому назадъ. Но что же случилось? Буквы *о, б* объявлены были невѣрными; — и я хорошо помню, съ какимъ смущеніемъ и разочарованіемъ я стиралъ ихъ. Но каково же было мое удивленіе, когда оказалось, что исправленіе требовалось такъ настоятельно только затѣмъ, чтобы дать мѣсто болѣе полному и опредѣленному выраженію! — да, на столько опредѣленному, что если бы документъ, о которомъ идетъ рѣчь, могъ быть предъявленъ весь какъ есть, то онъ не могъ бы быть означенъ точнѣе. При такихъ обстоятельствахъ, просто немыслимо, чтобы, *мой* умъ, или какое-нибудь *мое* побужденіе могли играть роль въ полученномъ результатѣ.

Но это было только вступленіе къ цѣлому ряду проявленій, которыя на протяженіи многихъ лѣтъ постоянно удостовѣряли меня въ продолжающемся бытіи и въ самоличности моего духовнаго друга. Доказательства эти я получилъ, главнымъ образомъ, уже по возвращеніи (въ 1859 г.) изъ Неаполя въ Соединенные Штаты.

„Пять или шесть недѣль спустя по выходѣ въ свѣтъ моей книги: „На рубежѣ другого міра", въ февралѣ 1860 года, мой издатель представилъ мнѣ одного господина, только-что возвратившагося изъ Огайо, который сообщилъ мнѣ, что книга моя обратила на себя вниманіе въ этомъ штатѣ. Онъ прибавилъ, что я помогъ бы не мало ея распространенію, если бы отправилъ одинъ экземпляръ г-жѣ Б., жившей тогда въ Кливлэндѣ, собственницѣ книжнаго склада и издательницѣ одной изъ мѣстныхъ газетъ. „Она сильно интересуется этимъ предметомъ", — сказалъ онъ, — „да и сама, кажется, медіумъ".

„Я никогда до того времени не слыхалъ объ этой дамѣ; однако послалъ ей экземпляръ книги, при короткой запискѣ —

съ просьбою принять его, а затѣмъ получилъ и отвѣтъ, помѣченный 14-мъ февраля.

„Въ этомъ письмѣ, послѣ нѣкоторыхъ дѣловыхъ объясненій, г-жа Б. сообщала мнѣ, что была вполнѣ удовлетворена главою книги, носящею заглавіе: „Перемѣна со смертью“. Далѣе она пишетъ: „Я — такъ называемый „видящій медіумъ“. Когда я читала эту главу, духъ женщины, которой до тѣхъ поръ я никогда не видала, стоялъ возлѣ меня, какъ будто слушая, и сказалъ: „Я руководила имъ, когда онъ писалъ это; я помогла ему убѣдиться въ безсмертіи“. Вслѣдъ затѣмъ г-жа Б. описала мнѣ наружность видѣнія, — цвѣтъ волосъ, глазъ, лица и т. д.,— и описаніе это вполнѣ соотвѣтствовало наружности Віолеты. Она прибавила, что одинъ кливлэндскій торговецъ, самъ импрессіональный медіумъ (хотя и неизвѣстенъ и не желаетъ быть извѣстнымъ въ этомъ качествѣ), войдя къ ней какъ разъ въ то время, сказалъ: „Васъ долженъ посѣтить сегодня новый духъ—женщина. Она говоритъ, что знала нѣкую г-жу Д., англійскую даму, теперь уже умершую, извѣстную вамъ (но *не* мнѣ) по своей литературной репутаціи, — лично же, по ея словамъ, ни вы, ни я ея не знали“.

„Замѣчу теперь, что эта г-жа Д. была сестра Віолеты. Но въ своемъ отвѣтѣ, имѣвшемъ отчасти дѣловой характеръ, я не касался ни сообщеннаго мнѣ описанія наружности, ни того, что было сказано въ письмѣ относительно г-жи Д. Чтобы провѣрить фактъ возможно строже и убѣдительнѣе, я не допустилъ въ своемъ письмѣ ни одного выраженія, изъ котораго г-жа Б. могла бы заключить, что я узналъ явившуюся ей личность. Я ограничился приписко̀ю къ дѣловой части письма нѣсколькихъ строкъ — въ томъ родѣ, что г-жа Б. очень обязала бы меня, если бъ попыталась узнать имя духа или какія-нибудь другія подробности о его личности, и обо всемъ этомъ сообщила мнѣ.

„Въ отвѣтъ я получилъ два письма: отъ 27 февраля и 5 апрѣля. Въ нихъ сообщались: во-первыхъ, имя; во-вторыхъ, показаніе духа, что г-жа Д. была его сестра, и, въ третьихъ, двѣ-три дальнѣйшія подробности о Віолетѣ; и все это было вполнѣ согласно съ дѣйствительностью. Г-жа Б. писала далѣе,

что ей сообщены еще нѣкоторыя свѣдѣнія; но они касались обстоятельствъ такого частнаго и интимнаго характера, что она находитъ лучшимъ передать мнѣ ихъ при личномъ свиданіи, если бы мнѣ пришлось ѣхать обратно на западъ черезъ Кливлэндъ. Я долженъ былъ однако черезъ двѣ недѣли выѣхать по дѣламъ въ Европу и просилъ г-жу Б. письмомъ изложить мнѣ эти подробности на бумагѣ, — что она и сдѣлала въ четвертомъ письмѣ, отъ 20 апрѣля. Свѣдѣнія, которыя она сообщила мнѣ, получены были ею отчасти непосредственно, отчасти черезъ помянутаго торговца-медіума.

„Сказавъ выше, что для другихъ эти доказательства никогда не получатъ того значенія, какое имѣли лично для меня, я далъ лишь самое блѣдное понятіе о дѣйствительномъ значеніи факта. Но часть тѣхъ чудесъ, которыя раскрылись передо мною, читатель можетъ все-таки оцѣнить. Онъ видѣлъ, что мною, было написано краткое и чисто дѣловое письмо къ совершенно незнакомому лицу, живущему за пятьсотъ миль, въ городѣ, который Віолета никогда не видала и гдѣ я самъ (сколько могу припомнить) тоже никогда не бывалъ. О чемъ нибудь въ родѣ нечаяннаго намека, передачи мыслей или магнетическаго общенія тутъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, не могло быть и рѣчи. Также немыслимо, чтобы кливлэндская издательница или кливлэндскій торговецъ могли что-нибудь знать о дамѣ, ничѣмъ не прославившей своего имени и умершей за тысячи миль отъ нихъ, на другомъ полушаріи. И между тѣмъ, отъ этихъ далекихъ незнакомцевъ ко мнѣ приходятъ, непрошенно и нежданно — какъ посѣщеніе съ неба, сначала описаніе личности, вполнѣ подходящее къ Віолетѣ, и указаніе на имя, явно дававшее понять, что это именно она вошла съ ними въ общеніе; затѣмъ открывается ея собственное имя, затѣмъ — ея родство съ г-жею Д., — и все это безъ малѣйшаго содѣйствія, обмолвки или намека съ моей стороны.

„Эти всѣ частности могутъ быть оцѣнены моимъ читателемъ; и уже сами по себѣ онѣ поразительно удостовѣряютъ самоличность. Но когда объявились, какъ это было въ послѣд-

немъ письмѣ г-жи Б., разныя ближайшія обстоятельства, связанныя съ жизнью Віолеты и моею въ наши молодые годы, — обстоятельства неизвѣстныя ни одной живой душѣ по сю сторону великаго предѣла, — обстоятельства, указанныя только намекомъ, такъ что сама писавшая письмо могла лишь очень отдаленно понимать ихъ значеніе, — обстоятельства, схороненныя глубоко не только въ прошедшемъ, но и въ тѣхъ сердцахъ, для которыхъ они были самымъ святымъ воспоминаніемъ, — когда эти частности всплыли на свѣтъ передъ очами, того, кто еще оставался въ живыхъ, онѣ были для него *внутреннимъ* доказательствомъ того, что человѣческія воспоминанія, мысли, привязанности еще продолжаютъ существовать за предѣломъ земной жизни: такимъ доказательствомъ, которое не можетъ быть передано никакому лицу, и которое, по самой своей природѣ, получается только непосредственно“.

V. Самоличность отшедшаго, доказанная сообщеніемъ фактовъ, которые могли быть извѣстны только ему самому, или могли быть только имъ самимъ сообщены.

Только что приведенный мною случай Віолеты относится, по нѣкоторымъ подробностямъ своимъ, и къ этой рубрикѣ.

Въ главѣ III-й, отдѣлѣ 8-мъ, я привелъ нѣсколько случаевъ, также отвѣчающихъ условіямъ настоящей рубрики.

Таковъ, напр., случай, засвидѣтельствованный членами Комитета Діалектическаго Общества, когда сводный братъ хозяйки дома, въ которомъ происходили сеансы, умершій четырнадцать лѣтъ тому назадъ, объявился въ сообщеніи, чтобы сказать ей, что она не унаслѣдовала всего состоянія своего, а что часть онаго осталась въ рукахъ исполнителя его духовнаго завѣщанія, что̀ оказалось вѣрнымъ (стр. 455).

Таковъ также случай д-ра Дэвей, коему сынъ его, умершій на морѣ, объявился на сеансѣ, чтобы сказать ему, что онъ умеръ не отъ болѣзни, какъ о томъ извѣстилъ его капитанъ корабля, но отъ отравы, и что капитанъ не передалъ

отцу его всѣхъ денегъ, находившихся при немъ, — что оказалось вѣрнымъ (стр. 453).

Въ той же рубрикѣ я вкратцѣ упомянулъ о лично мнѣ извѣстномъ случаѣ находки завѣщанія барона Корфа (стр. 455). Помѣщаю здѣсь подробности, относящіяся до этого случая, въ томъ видѣ, какъ онѣ напечатаны въ „Трудахъ лонд. общ. псих. изсл.“ („Proceedings“, 1890 г., т. XVI, стр. 353—355).

Желая выяснить этотъ фактъ возможно обстоятельнѣе, я, разумѣется, обратился за разспросами къ своему товарищу, барону К. Н. Корфу. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что всего ближе получить мнѣ эти свѣдѣнія отъ самаго сына покойнаго барона — Павла Павловича Корфа, живущаго здѣсь въ Петербургѣ, въ Почтамтской улицѣ, къ которому онъ тотчасъ же со мною и отправился.

Послѣдній обязательно сообщилъ мнѣ слѣдующее: Отецъ его, генералъ Павелъ Ивановичъ Корфъ, умеръ въ Варшавѣ 7 апрѣля 1867 года. Было извѣстно, что онъ оставилъ завѣщаніе, но, послѣ смерти его, не смотря на всѣ розыски, его не могли найти. Въ іюлѣ 1867 г. замужняя сестра Павла Павловича, баронесса Шарлотта Павловна Врангель, жила вмѣстѣ съ сестрою своего мужа Дарьей Егоровной Обуховой въ Плоцкѣ, недалеко отъ Варшавы. Мать ея, вдова генерала П. И. Корфа, находилась въ это время за границей; получавшіяся на ея имя письма она поручила вскрывать своей дочери; въ числѣ такихъ писемъ оказалось одно отъ князя Эмилія Витгенштейна, также находившагося за границей, въ которомъ онъ извѣщалъ вдову генерала, что получилъ отъ имени ея покойнаго мужа спиритическое сообщеніе, въ коемъ указывалось мѣсто, гдѣ находится его завѣщаніе, Баронесса Врангель, знавшая, что отсутствіе этого завѣщанія было источникомъ не малыхъ затрудненій для ея старшаго брата, барона Іосифа Павловича Корфа (нынѣ умершаго), на коего было возложено веденіе дѣлъ по наслѣдству и который въ то время находился въ Варшавѣ, тотчасъ отправилась туда вмѣстѣ со своей золовкой, чтобъ извѣстить его о важномъ содержаніи письма князя Витгенштейна. Первыми словами брата при встрѣчѣ ихъ было, что завѣщаніе только что найдено имъ; а

когда было прочитано письмо князя В., то, ко всеобщему удивленію, оказалось, что мѣсто, гдѣ завѣщаніе, согласно спиритическому сообщенію, имѣло находиться, было то самое, гдѣ баронъ наконецъ и нашелъ его.

Баронъ П. П. Корфъ обѣщалъ мнѣ поискать у себя это письмо князя Витгенштейна, которое было у него въ рукахъ, не далѣе какъ два года тому назадъ, когда онъ разбиралъ семейныя бумаги. Но до сего времени ему не удалось найти его. Онъ боится, не уничтожилъ-ли онъ его вмѣстѣ съ другими ненужными письмами.

Относительно даты этого письма, вотъ что я могъ выяснить изъ послѣдняго свиданія моего съ барономъ П. П. Корфомъ. Свадьба сестры его, баронессы Шарлотты Павловны Корфъ съ барономъ Врангелемъ имѣла мѣсто въ Варшавѣ $^{5}/_{17}$ іюня 1867 г.; недѣлю спустя, баронесса Врангель, съ мужемъ своимъ и золовкой — Д. Е. Обуховой, переѣхали въ Плоцкъ, а мать ихъ уѣхала за границу. Въ это время завѣщаніе еще не было найдено. А такъ какъ приводимое ниже письмо князя Витгенштейна къ родителямъ его, въ которомъ онъ извѣщаетъ ихъ о нахожденіи этого завѣщанія спиритическимъ путемъ помѣчено $^{5}/_{17}$ іюля 1867 г., то изъ этого слѣдуетъ, что письмо князя В. къ вдовѣ барона Корфа о спиритическомъ сообщеніи, а посему и самое сообщеніе, были получены между 5 іюня и 5 іюля 1867 года.

Относительно мѣста, гдѣ завѣщаніе было найдено, я спросилъ барона П. П. Корфа — правда-ли, что завѣщаніе было найдено „въ шкафу“, какъ было сказано въ спиритическомъ сообщеніи? Онъ отвѣтилъ мнѣ: „Такъ слышали мы оба — и сестра, и я“.

Подтвердительные документы.

I. Совершенно случайно, какъ разъ въ то время, когда я писалъ объ этомъ случаѣ, мнѣ попалась въ руки книга: „Souvenirs et corrèspondance du Prince Emile de Sayn-Wittgenstein-Berlebourg“ (Воспоминанія и переписка князя Эмилія Зайнъ-Витгенштейна-Берлебурга), только что изданная въ Па-

рнякѣ, въ 1889 г.: гдѣ, въ т. II, на стр. 365, я нашелъ нижеслѣдующее письмо:

Варшава, 5/17 іюля 1867 г.

„Дорогіе родители! Цѣлую вѣчность не имѣю вѣстей отъ васъ; послѣднее письмо матушки было помѣчено 5 іюня. Въ это послѣднее время я много занимался спиритизмомъ, и мои медіумическія способности развились удивительнымъ образомъ. Я часто пишу, совершенно легко, различными почерками; я прямо получалъ сообщенія отъ духа, который появляется въ Берлебургѣ, — женщины изъ нашего дома, убившейся сто два года тому назадъ. Я еще получилъ очень любопытный результатъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей генералъ-лейтенантъ баронъ Корфъ, умершій всего нѣсколько мѣсяцевъ, объявился мнѣ (когда нисколько о немъ не думалъ), чтобъ черезъ меня указать своему семейству то мѣсто, куда, по недоброжелательству, запрятали его завѣщаніе, а именно въ шкафѣ того дома, гдѣ онъ умеръ. Я и не зналъ, что ищутъ его завѣщаніе и не могутъ его найти. Оказалось, что его нашли въ томъ самомъ мѣстѣ, которое мнѣ было указано въ сообщеніи. Это документъ чрезвычайно важный для завѣдыванія его имѣніями и для разрѣшенія вопросовъ прп совершеннолѣтіи дѣтей. Вотъ факты, которые выдержатъ всякую критику..... Скоро буду писать вамъ опять, дорогіе родители; обнимаю васъ.

„Эмилій Витгенштейнъ“.

II. Письмо барона Павла Павловича Корфа, скрѣпленное сестрой его, баронессой Шарлоттой Павловной Врангель, адресованное А. П. Аксакову въ подтвержденіе вышеизложеннаго случая; французскій подлинникъ отославъ г. Майерсу, секретарю Лондонск. Общ. Псих. Изслѣд.. 27 февраля 1890 г.

„Милостивый государь!

„Я прочиталъ съ большимъ интересомъ сообщеніе ваше, помѣщенное въ журналѣ „Psychische Studien“ 1889 г., стр. 568, о случаѣ съ завѣщаніемъ моего покойнаго отца. Факты переданы вами съ совершенною точностью. Опасаюсь только,

не сжегъ ли я письма князя Витгенштейна, когда, около года тому назадъ, я приводилъ въ порядокъ отцовскія бумаги, находившіяся въ деревнѣ.

„Примите и проч.

„Баронъ Павелъ Корфъ“.

С.-Петербургъ, 29-го января 1890 г.

„Присоединяю мою подпись къ братниной, чтобы подтвердить содержаніе этого письма.

„Баронесса Ш. Врангель,
рожденная баронесса Корфъ“.

Случаи, когда отшедшіе являются на помощь для устройства своихъ земныхъ дѣлъ, не рѣдки. Вотъ еще таковой, столь же простой, сколь и доказательный, который я также заимствую у Дэль-Оуэна, получившаго его изъ первыхъ рукъ и напечатанный имъ въ его „Спорной Области“ подъ заглавіемъ: „Отшедшій прводящій въ порядокъ свои земныя дѣла“. Невозможно сократить его, такъ какъ вся цѣнность его въ подробностяхъ; привожу его цѣликомъ, по русскому изданію, стр. 134—137:

„Г-жа Г., жена капитана арміи Соединенныхъ Штатовъ, жила въ 1871 г. со своимъ мужемъ въ Цинциннати. До того времени конечно она часто слыхала о спиритическихъ явленіяхъ, но избѣгала случаевъ провѣрить подлинность ихъ на опытѣ, держась мнѣнія, что искать сообщеній изъ другого міра грѣшно. Она никогда не встрѣчалась ни съ однимъ такъ называемымъ профессіональнымъ медіумомъ.

„Случилось такъ, что въ упомянутомъ году одна изъ ея знакомыхъ, г-жа С., открыла въ себѣ способность получать сообщенія посредствомъ стуковъ; по временамъ, она сходилась для этой цѣли съ нѣкоторыми изъ самыхъ близкихъ къ ней лицъ, и въ томъ числѣ съ г-жою Г. Эти сеансы продолжались въ 1861 и весь 1862 годъ и до нѣкоторой степени побѣдили въ г-жѣ Г. отвращеніе къ спиритизму, возбудивъ ея любопытство; но убѣдить ее вполнѣ они не могли.

„Въ декабрѣ 1863 г., братъ ея мужа, Джекъ (какъ его называли попросту), скоропостижно умеръ.

„Въ мартѣ 1846 г., г-жу Г., проживавшую тогда въ сельскомъ уединеніи близъ Цинциннати, посѣтила одна знакомая, миссъ Л. Б. Дѣвушка эта обладала нѣкоторою медіумическою силою, и г-жа Г. однажды устроила съ нею сеансъ. Черезъ нѣсколько времени гостья встала изъ-за стола, и хозяйка осталась одна. Тогда, подъ ея руками, при самомъ легкомъ прикосновеніи, столъ сталъ двигаться и перешелъ, черезъ открытую дверь, въ смежную комнату. Впослѣдствіи онъ двигался въ присутствіи г-жи Г. безъ всякаго прикосновенія. Такимъ образомъ ей открылась въ первый разъ ея собственная медіумическая сила.

„Когда она сѣла опять съ миссъ Б., сложилось по алфавиту, совершенно неожиданно, имя „Джекъ“.

„Г-жа Г. спросила: „Не желаете ли дать мнѣ какое-нибудь порученіе?“ Отвѣтъ былъ: „Отдайте Аннѣ то кольцо“.

„Анна М. — было имя дѣвушки, съ которою братъ г-на Г. въ годъ своей смерти былъ помолвленъ. Г-жа Г. не знала, что это за кольцо, но вспомнила, что послѣ смерти Джэка гладкое золотое кольцо, — единственное, какое онъ носилъ, — было подарено ея мужемъ одному пріятелю умершаго, г-ну Г. Она спросила, это ли разумѣетъ онъ кольцо, и отвѣтъ получился утвердительный.

„Черезъ нѣсколько дней послѣ того мать Джека навѣстила ихъ. Ей ничего не было сказано о полученномъ сообщеніи. Между разговоровъ, она передала имъ, что у нея была миссъ Анна М. и заявила, что, при помолвкѣ съ Джэкомъ, дала ему гладкое золотое кольцо, которое желала бы теперь получить обратно. Ни г-жѣ Г. ни мужу ея не было извѣстно, что кольцо, о которомъ идетъ рѣчь, получено было отъ миссъ М., такъ какъ самъ Джэкъ не говорилъ имъ объ этомъ ни слова. Приняты были мѣры, чтобы возвратить кольцо.

„Послѣ смерти Джэка, три лица, Г., С. и З., заходили отдѣльно къ капитану Г. и заявили ему, что умершій братъ его остался имъ долженъ. Капитанъ Г. просилъ ихъ доставить письменные счеты.

„Между тѣмъ, не зная ровно ничего о суммахъ, которыя задолжалъ братъ этимъ людямъ, капитанъ Г. попросилъ жену сдѣлать сеансъ, въ надеждѣ получить этимъ путемъ какія-нибудь указанія. Результатъ былъ слѣдующій: Джэкъ объявился, и братъ его спросилъ:

„Былъ ли ты долженъ Г—ну, когда умеръ?

„Да.

„Сколько?

„Тридцать пять долларовъ.

„Былъ ли ты долженъ С-у?

„Да.

„Сколько?

„Пятьдесятъ долларовъ.

„А сколько З-у?

„Ничего.

„Но З. говоритъ, что ты у него въ долгу.

„Это невѣрно. Я занялъ у него сорокъ долларовъ, но уплатилъ пятьдесятъ. Онъ возвратилъ мнѣ только семь, и еще долженъ три.

„Счетъ, предъявленный потомъ Г—номъ, оказался дѣйствительно въ 35 долларовъ, а счетъ С-а въ 50; З. подалъ счетъ въ 40 долларовъ. Когда капитанъ Г., при предъявленіи его, замѣтилъ, что Джекъ уплатилъ уже 50 долларовъ, З. смѣшался и сказалъ, что „не принималъ въ разсчетъ этой суммы, полагая, что она назначалась въ подарокъ его сестрѣ“.

„Капитанъ Г. впослѣдствіи спросилъ черезъ столъ:

„Джекъ, долженъ ли ты еще кому-нибудь?

„Да, Джону Гр.—десять долларовъ за пару сапоговъ.

(Ни капитанъ, ни г-жа Г. не знали ничего объ этомъ долгѣ).

„А не долженъ ли кто тебѣ?

„Да, С. Г. долженъ мнѣ пятьдесятъ долларовъ.

Капитанъ Г. обратился къ С. Г., спрашивая его, не остался ли тотъ долженъ его брату.

„Да,— отвѣчалъ онъ, — пятнадцать долларовъ.

„Но братъ далъ вамъ взаймы пятьдесятъ.

„Правда, — но я выплатилъ ему все, кромѣ пятнадцати долларовъ.

„У васъ есть вѣроятно росписки?

„С. Г. обѣщался поискать ихъ, но потомъ пришелъ и заплатилъ пятьдесять долларовъ.

„Наконецъ, капитанъ Г. зашелъ къ Джену Гр., сапожнику, который, однако, не прислалъ счета. Желая дать своей провѣркѣ возможно болѣе доказательности, онъ спросилъ:

„Считаете вы что-нибудь за мною, г. Гр.?

„Нѣтъ, сэръ. Вы заплатили мнѣ за все, что брали.

„Капитанъ Г. повернулся, какъ будто собираясь уйти. Тогда сапожникъ прибавилъ:

„А вотъ на вашемъ покойномъ братѣ, г. Джэкѣ, остался небольшой должокъ.

„За что это?

„За пару сапоговъ.

„А сколко вамъ за ихъ слѣдуетъ?

„Десять долларовъ.

„Г. Гр., вотъ ваши деньги.

„Все это было мнѣ разсказано самими гг. Г., въ мой пріѣздъ къ нимъ въ ихъ загородный домъ, 9 апрѣля 1865 г. Я записалъ все тогда же, и по этой запискѣ составилъ настоящій разсказъ. Разсказъ я показалъ потомъ капитану Г., который провѣрилъ его и одобрилъ. Капитанъ Г. велъ дневникъ всѣмъ получавшимся сообщеніямъ и имѣвшимъ къ нимъ какое-либо отношеніе обстоятельствамъ, такъ что могъ каждую подробность передать мнѣ совершенно точно. Фамиліи всѣхъ лицъ, обозначенныхъ здѣсь только заглавными буквами, мнѣ извѣстны, и если я не получилъ позволенія огласить ихъ, въ удостовѣреніе факта, пусть наше общество пеняетъ за то на самого себя“.

Всѣ эти факты представляютъ изъ себя только упрощенный методъ для нѣкотораго рода посмертныхъ проявленій, имѣвшихъ мѣсто во всѣ времена, и сравненіе съ которыми невольно здѣсь напрашивается въ силу аналогіи. Я говорю о сообщеніяхъ, путемъ впечатлѣній или видѣній, во снѣ или

иначе, фактовъ извѣстныхъ только отшедшему, — начиная съ долговъ въ три шиллинга и шесть пенсовъ (см. „Owen. Footfalls“, стр. 294) и заканчивая откровеніями о совершенныхъ убійствахъ (См. необычайный случай открытія „Уайтъ-Чанельскаго убійства“, въ „Спиритуалистѣ“ 1875 г., II, стр. 307); подъ пару къ случаю съ неотыскивавшимся завѣщаніемъ барона Корфа можно указать на извѣстный случай съ неотыскавшейся роспиской г. Гартевиля, найденной по указаніямъ, полученнымъ Сведенборгомъ отъ самаго отшедшаго. Э. Фихте, говоря объ этомъ случаѣ въ своихъ „Memorabilia“, справедливо признаетъ его за совершенно спиритическій, и поясняетъ основанія къ тому („Ps. Studien“ 1879, стр. 203 — 4).

Возвращаюсь къ своему предмету и заканчиваю эту рубрику случаемъ, который мнѣ извѣстенъ изъ первыхъ рукъ. Онъ не принадлежитъ къ категоріи фактовъ, извѣстныхъ только отшедшему, но къ категоріи тѣхъ, которые *могли быть сообщены только самимъ отшедшимъ*, такъ какъ рѣчь идетъ о политическомъ секретѣ, касающимся живого, и раскрытаго близкимъ отшедшимъ другомъ этого живого, съ цѣлью спасти его. Я изложу этотъ случай со всѣми возможными подробностями, такъ какъ я считаю его однимъ изъ самыхъ доказательныхъ въ пользу спиритической гипотезы. Скажу болѣе, какъ доказательство самоличности на столько абсолютное, на сколько доказательство такого рода вообще возможно.

Мои читатели уже знакомы съ моей родственницей, г-жей В., по участію, которое она принимала въ моихъ домашнихъ сеансахъ, происходившихъ въ 1880 — 1883 гг. У нея есть единственная дочь, которая въ то время была занята своимъ гимназическимъ курсомъ; она никогда не участвовала на какихъ-либо сеансахъ и никогда ничего не читала о спиритизмѣ. Мать ея также, помимо нашихъ сеансовъ, никогда имъ не занималась.

Однажды вечеромъ, въ октябрѣ 1884 г., во время визита дальняго родственника, разговоръ зашелъ о спиритизмѣ, и въ угоду ему попробовали сѣсть за столикъ. Но сеансъ ничего особеннаго не представилъ, и только доказалъ, что у этихъ

*

дамъ все-таки кое-что можетъ получится. Перваго января 1885 года, вечеромъ, оставшись вдвоемъ съ дочерью, г-жа В., желая чѣмъ-нибудь развлечь ее въ охватившемъ ее нервномъ настроеніи, предложила ей устроить маленькій сеансъ. Тотчасъ приступили къ дѣлу. На большомъ листѣ бумаги написали азбуку и опрокинутое чайное блюдечко, съ проведенной на немъ черною чертою, послужило указкою. Минутъ черезъ двадцать сложилось имя „Андрей“. Въ этомъ не было ничего необычайнаго, такъ какъ „Андрей“ было имя покойнаго мужа г-жи В. Содержаніе всего послѣдовавшаго не представляло ничего особенно цѣльнаго, но тѣмъ не менѣе было рѣшено продолжать сеансы разъ въ недѣлю, по вторникамъ, такъ какъ и этотъ день былъ вторникъ. Впродолженіе трехъ недѣль характеръ сообщеній не измѣнился, и они постоянно получались отъ имени „Андрея“.

На четвертый вторникъ, 22 января, къ немалому удивленію сидѣвшихъ, вмѣсто обычнаго имени „Андрея“, сложилось: „Зина“. Затѣмъ, при очень опредѣленныхъ и поспѣшныхъ движеніяхъ блюдечка, сложилось:

— Тебѣ дано спасти Колю.

— Что значитъ это? — спросили озадаченныя дамы.

— Онъ замѣшанъ, какъ Миша, и погибнетъ. Шайка негодяевъ увлекаетъ его.

— Что же дѣлать?

— Поѣзжай въ Технологическій институтъ до трехъ часовъ, вызови Колю и назначь ему свиданіе у него въ кабинетѣ.

Вся эта рѣчь была обращена къ дочери г-жи В.; она отвѣтила, что при тѣхъ чисто свѣтскихъ отношеніяхъ, въ которыхъ она находится къ Колѣ и его семейству, ей трудно будетъ поступить по этимъ указаніямъ.

— Нелѣпыя свѣтскія приличія — послѣдовалъ на это раздраженный отвѣтъ Зины.

— Но какимъ же образомъ могу я повліять на него?

— Силой слова. Будешь говорить ему отъ моего имени.

На вопросъ, кого сообщавшая называетъ „негодяями“, было отвѣчено:

— Шайка, въ которой замѣшанъ Коля.

— Стало быть, вы измѣнили своимъ прежнимъ убѣжденіямъ?

— Возмутительное заблужденіе—былъ немедленный отвѣтъ.

Теперь я долженъ пояснить смыслъ этого таинственнаго сообщенія, которое однакожъ не было таковымъ для сеансировавшихъ, знавшихъ всѣхъ тутъ помянутыхъ лицъ; „Коля“ и „Миша“ были двоюродные братья „Зины“, недавно скончавшейся дѣвицы (Зинаиды О.), бывшей товарки дочери г-жи В. по гимназіи. Михаилъ С., будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, имѣлъ несчастіе увлечься революціонными идеями нашихъ анархистовъ, былъ арестованъ и приговоренъ къ тюремному заключенію въ отдаленномъ отъ Петербурга городѣ, гдѣ, при какомъ-то столкновеніи, былъ убитъ. Зина очень любила его и вполнѣ раздѣляла его политическія убѣжденія и стремленія, чего нисколько не скрывала. Послѣ его смерти, въ сентябрѣ 1884 г., она упала духомъ и на столько почувствовала себя разочарованной въ своихъ революціонныхъ надеждахъ, что приняла яду и скончалась 15 января 1885 г., имѣя отъ роду семнадцать лѣтъ. Это произошло какъ разъ за недѣлю до помянутаго сеанса. Младшій братъ Михаила, Николай, былъ тогда студентомъ Технологическаго института.

Г-жа В. и дочь ея знали всѣ эти обстоятельства, такъ какъ онѣ давно были знакомы съ родителями Зины и ея двоюродными братьями, принадлежащими къ лучшему петербургскому обществу. Понятно, что я не могу предать гласности имена этихъ фамилій, и даже измѣнилъ имена молодыхъ людей. Но это знакомство далеко не было короткимъ; оно поддерживалось рѣдкими свиданіями, и только. Ниже я распространюсь о другихъ подробностяхъ, а теперь возвращусь къ продолженію разсказа.

Само собою разумѣется, что ни г-жа В., ни дочь ея ничего не знали о внутреннихъ убѣжденіяхъ и поведеніи Николая. Полученное ими сообщеніе было столь же неожиданно, сколь важно. Оно налагало большую отвѣтственность. Положеніе дочери г-жи В. было весьма затруднительное. Выполнить бук-

вально. требованіе Зины было для молодой дѣвицы просто невозможно, именно съ точки зрѣнія свѣтскихъ приличій; затѣмъ, по какому праву могла бы она, какъ простая знакомая, позволить себѣ вмѣшиваться въ семейныя дѣла столь щекотливаго характера? И наконецъ, все это могло, да по всей вѣроятности и было бы признано Николаемъ за неправду, а быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ была неправда. Въ какомъ положеніи очутилась бы тогда г-жа В.? Она слишкомъ хорошо знала по сеансамъ, на которыхъ она участвовала со мною, какъ мало можно довѣряться спиритическимъ сообщеніямъ. Руководствуясь этимъ опытомъ, она и посовѣтовала дочери своей прежде всего убѣдиться въ самоличности Зины, что и было ею немедленно принято, какъ ближайшій выходъ изъ затрудненія.

Въ слѣдующій вторникъ Зина объявилась немедленно, и дочь г-жи В. попросила ее дать ей доказательство своей самоличности, на что Зина немедля отвѣтила:

— Пригласи Колю, устрой съ нимъ сеансъ, и я явлюсь.

Изъ этого отвѣта видно, что Зина, которая еще при жизни не признавала никакихъ свѣтскихъ приличій — какъ это водится у нигилистовъ — оставалась вѣрною себѣ, и опять требовала вещи невозможной. Ни разу еще Николай С. не былъ въ домѣ у г-жи В. Поэтому она и попросила ее представить какое-нибудь другое доказательство своей личности безъ вмѣшательства Николая, и чтобы это доказательство было убѣдительное.

— Я явлюсь тебѣ — отвѣтила Зина.

— Какимъ же это образомъ?

— Увидишь.

Нѣсколько дней спустя, дочь г-жи В., ложась спать — это было около 4 час. утра, такъ какъ она возвратилась съ вечера — находясь у двери изъ спальной въ столовую, гдѣ было уже темно, увидѣла на стѣнѣ этой комнаты, насупротивъ двери, у которой она стояла, свѣтовой кругъ, какъ бы съ предплечіями, продержавшійся не болѣе 2—3 секундъ, и исчезнувшій, поднимаясь къ потолку. Это не было отраженіемъ какого-нибудь свѣта съ улицы, въ чемъ она тотчасъ же удостовѣрилась.

На слѣдующемъ очередномъ сеансѣ попросили у Зины объясненія этого явленія и она отвѣтила.

— Это было очертаніе головы съ предплечіями; яснѣе не могу, еще слаба.

Хотя разныя другія подробности, которыя я здѣсь опускаю, все болѣе и болѣе убѣждали дочь г-жи В. въ самоличности Зины, но тѣмъ не менѣе она не рѣшалась поступать согласно ея требованіямъ, и предложила ей, какъ нѣчто болѣе подходящее, сообщить о всемъ этомъ родителямъ Николая. Это предложеніе вызвало въ Зинѣ сильнѣйшее неудовольствіе, выразившееся въ порывистыхъ толчкахъ блюдечка и слѣдующемъ рѣзкомъ, почти бранномъ отвѣтѣ:

— Ни къ чему не поведетъ — кислятины, рохли...

Какъ впослѣдствіи оказалось, Зина имѣла обыкновеніе именно въ этихъ характерныхъ выраженіяхъ высказывать свое презрительное негодованіе по поводу апатичности своихъ близкихъ. На прямой запросъ объ отцѣ, послѣдовало нетерпѣливое:

— Не говори, не говори...

На каждомъ слѣдующемъ сеансѣ возобновлялись настойчивыя требованія Зины *немедленно* приступить къ дѣлу, и эта настойчивость, какъ увидѣли впослѣдствіи, имѣла особое значеніе. Но дочь г-жи В. все-таки не рѣшалась... „Что ты мямлишь“ — нетерпѣливо обращалась къ ней Зина, видя ея колебанія. Такая нетерпѣливость упорно приписывалась Зиной вліянію матери — г-жи В. Къ ней она все время относилась очень недоброжелательно, заявивъ съ самаго начала, что желаетъ обращаться исключительно къ ея дочери; и при первой попыткѣ, когда случалась г-жѣ В. обратиться къ Зинѣ съ вопросомъ, она обрывала ее рѣзкимъ: „Молчите, молчите...“ Между тѣмъ какъ, обращаясь къ ея дочери, она постоянно осыпала ее самыми нѣжными, ласкательными словами, также не совсѣмъ обычными, какъ: „Милка, любка“, которыя, какъ потомъ узналось, были именно ея выраженіями.

Каково же было удивленіе и смущеніе этихъ дамъ, когда на слѣдующемъ затѣмъ очередномъ сеансѣ, 26 февраля, первыми словами было:

— Уже поздно, будешь горько раскаиваться и мучиться отъ угрызеній совѣсти; жди ареста.

И то были послѣднія слова Зины; съ тѣхъ поръ она замолкла. Въ слѣдующій вторникъ попробовали опять поговорить съ Зиной, но она не отзывалась. Вслѣдъ затѣмъ сеансы г-жи В. съ дочерью совсѣмъ прекратились.

Въ то время, кокъ они происходили, г-жа В., разумѣется, сообщала мнѣ о нихъ и совѣтовалась со мною, какъ быть, въ виду странныхъ требованій Зины. Нѣсколько времени но прекращеніи сеансовъ, г-жа В. рѣшилась для очистки совѣсти и ради успокоенія дочери сообщить обо всемъ этомъ роднымъ Николая С. На это они не обратили никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что поведеніе его находили безупречнымъ. Семейство его въ этомъ отношеніи было совершенно покойно; но важно констатировать, что эти спиритическія сообщенія сдѣлались извѣстны родителямъ до развязки дѣла. А такъ какъ втеченіе года все обстояло благополучно, то молодая В. пришла къ окончательному убѣжденію, что всѣ эти сообщенія были ничто иное, какъ ложь, и, бросивъ ихъ въ огонь, дала себѣ слово никогда болѣе спиритизмомъ не заниматься.

Еще годъ истекъ безъ всякаго приключенія; но 9-го марта 1887 г. въ квартиру Николая С. совершенно неожиданно явилась тайная полиція и произвела обыскъ. Онъ былъ арестованъ и немедленно высланъ изъ Петербурга въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Имиеріи. Какъ въ послѣдствіи оказалось, вся вина его состояла въ томъ, что онъ принималъ участіе въ сходкахъ анархистовъ, и какъ разъ въ январѣ и февралѣ 1885 г., что совершенно совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Зина настаивала, чтобы *немедленно* были приняты тѣ мѣры, которыя, по ея убѣжденію, должны были предотвратить участіе Николая С. въ этихъ сходкахъ.

Вотъ когда сообщенія Зины были оцѣнены по достоинству; записанное о нихъ г-жею В. было съ полнымъ вниманіемъ перечитано въ семействахъ Зины и С.; самоличность ея во всемъ этомъ проявленіи была признана несомнѣнною, какъ на основаніи главнаго факта, относящагося до Николая и дру-

гихъ интимныхъ подробностей, такъ и совокупности всѣхъ отдѣльныхъ характерныхъ чертъ. Это печальное событіе разразилось надъ семействомъ С. какъ новый громовой ударъ, и ему оставалось благодарить Бога, что увлеченія молодого человѣка не имѣли болѣе печальныхъ послѣдствій.

Для критической оцѣнки этого случая весьма важно выяснить отношенія существовавшія между обѣими дѣвицами. Я поиросилъ г-жу В. составить мнѣ объ этомъ записку (какъ это было сдѣлано и для всего предшествующаго), сколь возможно подробною, и вотъ что я узналъ: Въ 1880 году въ декабрѣ, около Рождества, г-жа В. съ дочерью были съ визитомъ у дѣдушки Зины и тутъ впервые ее увидали. Дочери г-жи В. было тогда тринадцать лѣтъ, а Зина была еще моложе; первая была сильно удивлена, когда увидѣла столъ Зины, заваленный книгами; это были, по ея словамъ, ея лучшіе друзья; ея страстью было чтеніе историческихъ сочиненій, и она поразила молодую В. своею памятью, закидывая ее разными цитатами изъ своихъ излюбленныхъ авторовъ. Весьма понятно, что дочь г-жи В. не можетъ припомнить всѣхъ подробностей ихъ разговора при этомъ свиданіи, которое, прошу замѣтить, *было ихъ первымъ и послѣднимъ* въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Она помнитъ только о хорошемъ впечатлѣніи, произведенномъ на нее раннимъ развитіемъ и серьезными стремленіями ея молодой подруги. Несмотря на такого рода раннюю зрѣлость Зины, наклонности къ политикѣ и къ тому нигилистическому направленію, которое впослѣдствіи и сгубило ее, не было тогда и тѣни; напротивъ того, она была совершенно безпечна и весела. Уже гораздо позднѣе, именно послѣ эпизода 9 марта, молодая В. узнала, что послѣ этого перваго свиданія Зина почувствовала къ ней, и все время сохраняла, живѣйшую симпатію, вызванную вѣроятно, тѣмъ участливымъ вниманіемъ, съ которымъ ея новая знакомая отнеслась къ ея стремленіямъ. Этимъ и объясняются тѣ ласковыя слова, которыми она осыпала ее въ сообщеніяхъ.

Эти обѣ дѣвицы ходили въ одну и ту же гимназію и впродолженіи этой зимы онѣ видѣлись нѣсколько разъ издали въ рекреаціонной залѣ; но вскорѣ Зина была переведена въ дру-

гую гимназію, такъ что и эти мимолетныя встрѣчи обѣихъ дѣвицъ должны были прекратиться. Два года спустя, лѣтомъ 1882 года, онѣ встрѣтились однажды на дачѣ, но не обмѣнялись ни единымъ словомъ. И, наконецъ, еще два года спустя, въ октябрѣ 1884 г., онѣ еще разъ увидѣли другъ друга издали въ театрѣ — это было за три мѣсяца до смерти Зины.

Итакъ, мы видимъ, что всѣ отношенія между этими двумя дѣвицами ограничивались, строго говоря, однимъ единымъ свиданіемъ, длившимся часъ или два, когда имъ было отъ 12 — 13 лѣтъ, и за четыре года до смерти Зины. Что касается г-жи В., то ей не выпало даже и такой доли знакомства съ Зиной, такъ какъ, покуда дѣвицы были въ комнатѣ послѣдней, она оставалась съ ея родителями и, помимо этого раза, не видѣла ея ни больше, ни чаще своей дочери. Изъ этого ясно, что отношенія г-жи В. и ея дочери къ Зинѣ были весьма далекія, и что слѣдовательно ничего относящагося до ея политическихъ секретовъ онѣ знать не могли; сказанное же о ней въ началѣ этого разсказа онѣ узнали только послѣ ея смерти.

По моему крайнему убѣжденію, случай этотъ соединяетъ въ себѣ всѣ необходимыя данныя, чтобы признать его за чисто-спиритическій, и для объясненія его всякія другія гипотезы оказываются несостоятельными. Разсмотримъ его поближе съ точки зрѣнія естественныхъ объясненій и метода, указаннаго Гартманомъ. Случай этотъ, по простотѣ своей, представляетъ для критики исключительную легкость. Намъ предстоитъ прослѣдить игру безсознательныхъ силъ только у трехъ факторовъ, изъ коихъ главный, Николай С. — спеціальный объектъ сообщенія — *отсутствуетъ* и не только никогда не участвовалъ на сеансахъ этихъ дамъ, но даже никогда и не былъ въ ихъ домѣ, и даже, какъ и все его семейство, ничего и не зналъ объ этихъ сеансахъ.

Первый источникъ медіумическаго познаванія, по Гартману, — *гиперэстезія памяти*. Здѣсь онъ совершенно недопустимъ, ибо политическія тайны сохраняются хорошо и молчаливость революціонныхъ дѣятелей извѣстна. Не только обѣ дамы, отношенія которыхъ къ семейству С., какъ я сказалъ

выше, были только чисто свѣтскія, но даже и сама семья Николая С. не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія о его прикосновенности къ анархическимъ дѣятелямъ. А что за нимъ, послѣ скорбной потери перваго сына, наблюдали хорошо — это понятно само собой.

Перейдемъ ко второму источнику — *передачѣ представленій*. Изъ четырехъ возможностей, приводимыхъ Гартманомъ, ясно, что первыя три, а именно:

1) желаемое воспринятіе при желаемой передачѣ,

2) желаемое воспринятіе помимо воли, направленной къ передачѣ, и

3) невольное воспринятіе при желаемой передачѣ — здѣсь вовсе неумѣстны. Ни обѣ дамы не имѣли никакого желанія воспринять, ни Николай С. не могъ имѣть никакого желанія передать подобнаго представленія.

Остается, слѣдовательно, логически возможнымъ только послѣднее, самое трудное предположеніе:

4) невольное воспринятіе помимо чьей-либо воли, направленной къ передачѣ („Спиритизмъ“ стр. 77).

Слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что всѣ эти четыре возможности объясненія, предлагаемыя Гартманомъ, прилагаются единственно къ медіумическимъ сообщеніямъ, получаемымъ *въ присутствіи тѣхъ лицъ*, до которыхъ эти собщенія относятся, и что, слѣдовательно, вообще, эти четыре возможности неприложимы къ настоящему случаю; здѣсь эта передача представленія или мысли могла-бы имѣть мѣсто только *на разстояніи*; но Гартманъ намъ сказалъ 1) „что отвлеченныя мысли, какъ таковыя, никогда не передаются на разстояніи“ и 2), что „всѣ передачи на значительныя разстоянія состоятъ въ галлюцинаторныхъ образахъ зрѣнія“ („Спир.“ стр. 81—82). Слѣдовательно, даже съ допущеніемъ разстоянія, эти четыре возможности не разъясняютъ случая.

Гартманъ не могъ привести ни одного примѣра передачи „отвлеченной мысли“ на большомъ разстояніи, даже при „желаніи воспринять ее“; чтобы, вообще, это было возможно, необходимо, говоритъ онъ, чтобы существовало, прежде всего,

симпатическое соотношеніе между субъектомъ воспріемлющимъ и субъектомъ передающимъ, подобно тому какъ между магнетизеромъ и сомнамбуломъ. Онъ говоритъ положительно: „Лица, между которыми нѣтъ симпатическаго соотношенія, не могутъ расчитывать на успѣшную передачу представленій на большія разстоянія“ (стр. 79). И точно также, въ случаяхъ передачи представленій на большія разстоянія, *помимо сознательной воли* (напр., „когда спящій переноситъ свои сновидѣнія на отдаленное лицо, спящее или бодрствующее“), все-таки постоянною основою для явленія служитъ „симпатическое соотношеніе“; „съ устраненіемъ побуждающихъ чувствъ (тоска по родинѣ, любовь) обыкновенно исчезаетъ и безсознательная воля, направленная къ передачѣ представленій“ (стр. 78). Но здѣсь, какъ намъ извѣстно, „симпатическаго соотношенія“ не было; могло бы быть только обратное: „побуждающее чувство“ могло бы дѣйствовать только въ противоположномъ направленіи — могло бы только желать скрыть отъ всѣхъ свои политическія дѣйствія и убѣжденія. Нельзя ни понять, ни допустить, чтобы „среднія части мозга“, гдѣ гнѣздится, по Гартману; сомнабулическое сознаніе, сдѣлались вдругъ безсознательными изобличителями секретовъ бодрствующаго сознанія.

И такъ, *допустивъ даже*, что “отвлеченныя мысли“, изъ коихъ состоятъ сообщенія Зины, могли бы быть переданы *даже* „на разстояніи“, *даже* „безъ желанія этой передачи“, тѣмъ не менѣе, *необходимой для того основы*—симпатическаго соотношенія и побуждающаго чувства — не имѣется на лицо ни съ одной, ни съ другой стороны.

Итакъ гипотезы „передачи представленій“ не разъясняютъ дѣла.

Факты анемизма идутъ далѣе гипотезы Гартмана. Они доказываютъ намъ, что передача мысли можетъ совершиться и на большомъ разстояніи, нисколько не облекаясь въ галлюцинаторные образы и сохраняя даже всѣ обороты рѣчи; но и для этого рода явленій „соотношеніе“ и „побужденіе“ остаются необходимостью; поэтому затрудненіе въ данномъ случаѣ не устранено. Кромѣ того, отличительная черта сообщеній на разстоя-

ніи, идущихъ отъ живыхъ, состоитъ въ томъ, что они вполнѣ сохраняютъ свой личный характеръ — они всегда исходятъ отъ имени говорящаго; никогда они не исходятъ отъ посторонняго лица и не персонифицируютъ его. Слѣдовательно, данный случай не могъ быть, ни по формѣ своей, ни еще менѣе по содержанію, явленіемъ анимическимъ. Останавливаться здѣсь далѣе на этой гипотезѣ значило бы впадать въ абсурдъ.

Остается послѣдній выходъ—*ясновидѣніе*. Первая степень ясновидѣнія—„посредствомъ нѣкотораго чувственнаго воспріятія“ или „особаго сенситивнаго ощущенія“ (стр. 93), — очевидно не можетъ относиться до настоящаго случая; приходится, значитъ, допустить „чистое ясновидѣніе“, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть, по Гартману, „способность абсолютнаго, т. е. независимаго отъ пространства и времени, знанія“ (стр. 98); а разъ допустивъ это, „помощь извнѣ какого бы то ни было посредника становится ненужной, и менѣе всего помощь *отшедшихъ* духовъ“ (стр. 98). Пусть такъ; но эта трансцендентная способность души должна имѣть, какъ и все прочее въ природѣ свои условія и свои формы проявленія. И Гартманъ намъ указываетъ ихъ; это все тѣ же „усиленный интересъ воли“ и галлюцинаторный образъ“ (стр. 99). Вотъ существенные атрибуты ясновидѣнія. Ничего подобнаго нѣтъ въ разбираемомъ случаѣ.

И дѣйствительно, ясновидящій *видитъ* — вотъ спеціальная и характерная черта этой высшей способности, которая имѣетъ, кромѣ того, свои степени ясности и, вообще, обусловлена усыпленіемъ, болѣе или менѣе полнымъ, внѣшнихъ чувствъ. Поэтому, раціонально говоря, нельзя прибѣгать къ такого рода объясненію, когда медіумъ ровно ничего не видитъ — никакого галлюцинаторнаго образа, когда онъ находится въ полномъ нормальномъ состояніи — занятъ писаніемъ или указаніемъ буквъ алфавита и ведетъ разговоръ; нельзя же раціонально утверждать, что это разговоръ съ абсолютомъ, или, что то же, съ Богомъ!! Когда проявлялся „Андрей“, то было безсознательное дѣйствіе сомнамбулическаго сознанія; а когда, въ слѣдующій вторникъ, проявилась Зина со своими откровеніями —

это приступы ясновидѣнія, „абсолютнаго знанія“, это „телефонное соединеніе съ абсолютомъ“ между молодою В. и Николаемъ С., дабы „духовное, безсознательное общеніе между ними, безъ прямаго посредства чуствъ, сдѣлалось возможнымъ“ (стр. 99), хотя ни съ той, ни съ другой стороны ни малѣйшаго желанія къ „духовному общенію“ не существовало. И это каждый вторникъ, впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, а затѣмъ полная пріостановка—даже не смотря уже на желаніе! Почему же такъ? Надо представить достаточную причину.

И наконецъ, что сказать объ этомъ внутреннемъ, немыслимомъ противорѣчіи — абсолютная ложь, высказываемая абсолютнымъ знаніемъ!? Гартманъ говоритъ намъ: „Отъ чтенія мыслей ясновидѣніе отличается именно тѣмъ, что при послѣднемъ воспринятіе обращено уже не на содержаніе чужаго сознанія, но на дѣйствительныя, объективныя явленія, которыя и признаются за таковыя безъ посредства органовъ чувствъ“ (стр. 93). И вотъ дочь г-жи В., слѣлавшись вдругъ ясновидящей, познала бы политическіе секреты Николая С. и опасности, ему угрожавшія, но не познала бы, что Зина уже ничто нуль, и слѣдовательно ея утвержденіе о самоличности есть ничто, иное, какъ ложь, присвоеніе чужого имени, словомъ — комедія совершенно неумѣстная. Абсолютному знанію не было надобности для достиженія своей цѣли прибѣгать къ обману, — переряживаться въ личность, которая была для него абсолютнымъ не-бытіемъ; это иереряживаніе было для него метафизической невозможностью. Самъ Гартманъ выразилъ это намъ категорически: „абсолютное знаніе въ какой бы то ни было помощи извнѣ не нуждается, а менѣе всего въ помощи *отшедшихъ* духовъ“ (стр. 98).

Изъ этого ясно, что данный случай не объясняется и ясновидѣніемъ.

Слѣдовательно, какъ я сказалъ выше, „естественныя“ гипотезы безсильны для объясненія сообщеній, полученныхъ отъ имени Зины. Спиритическая гипотеза, напротивъ, покрываетъ здѣсь всѣ затрудненія, она столь же проста, какъ и раціональна. Чего естественнѣе, что Зина, познавъ послѣ смерти своей „за-

блужденіе“, котораго она сдѣлалась жертвою, подобно Михаилу С. и многимъ другимъ, и зная, что Николай С. увлекался — подъ ея вліяніемъ быть можетъ — по тому же пути, чего въ семьѣ никто не могъ знать, кромѣ нея (ибо она одна была посвящена въ планы и секреты Михаила С.), — воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы спасти своего друга отъ увлеченія, которое не могло не имѣть рокового исхода? Здѣсь „сильный интересъ воли“, „побудительное чувство“ очевидны. Симпатія, которою она возгорѣлась къ молодой В. при первомъ же ихъ свиданіи, вотъ та „*душевная* связь“, которая привлекла ее къ ней, чтобы избрать ее орудіемъ сообщенія. Все въ этомъ случаѣ отвѣчаетъ тому критеріуму личности, который мы установили выше (сообщеніе, по содержанію своему, возможное только для *отшедшаго;* отличительныя черты характера: непризнаваніе свѣтскихъ приличій, личныя симпатіи, излюбленныя выраженія, и пр.). Вотъ почему я и смотрю на этотъ случай, какъ на истинно спиритическій, и именно на основаніи „умственнаго содержанія“, какъ того требуетъ Гартманъ.

VI. Самоличность отшедшаго, доказанная сообщеніями, не самопроизвольными, какъ предшествующія, но вызванными прямымъ обращеніемъ къ самому отшедшему, и полученными въ отсутствіи лицъ, знавшихъ послѣдняго.

Эта рубрика отвѣчаетъ логическому требованію, вытекающему изъ предшествующихъ; ибо если сообщенія *самопроизвольныя* существуютъ, то логично заключить, что и *вызванныя* сообщенія должны быть возможны, и должны, поэтому, быть еще болѣе доказательными. Но чтобы отвѣтъ былъ удовлетворителенъ, какъ доказательство, онъ долженъ быть полученъ въ отсутствіи лицъ, знавшихъ отшедшаго и обращающихся къ нему, дабы объясненіе посредствомъ чтенія или передачи мысли было устранено. Единственное средство достичь этой цѣли состоитъ въ томъ, чтобъ обращеніе было сдѣлано третьимъ лицомъ, не знающимъ отшедшаго, или отсутствующимъ лицомъ, письменно, въ такомъ конвертѣ, чтобъ чтеніе письма обычными

путями было невозможно. Первое средство не такъ просто и удобно, какъ кажется, ибо мы ниже увидимъ, что желаемое сообщеніе не можетъ быть получено *въ какое угодно время*, и, кромѣ того, это третье лицо не представляетъ никакой связи между живымъ и отшедшимъ, а какая-нибудь связь да необходима. Остается, такимъ образомъ, одно средство — запечатанное письмо, и дѣйствительно къ этому средству уже и прибѣгали съиздавна; но медіумы этого рода весьма рѣдки. Выше я представилъ примѣръ отвѣта, полученнаго на такое письмо чрезъ медіума Флинта (стр. 81); но наибольшую извѣстность въ этой спеціальности пріобрѣлъ Мансфильдъ. Всевозможныя предосторожности были принимаемы, чтобъ посылаемыя ему письма ие могли быть имъ вскрыты и прочитаны; но подозрѣнія ничѣмъ не устранишь. Чего проще, казалось мнѣ, какъ разрѣшить сомнѣнія непосредственнымъ наблюденіемъ? И никто не далъ себѣ труда произвести его! Если-бъ даже тутъ было простое (?) ясновидѣніе то развѣ не стоило изучить этотъ фактъ поближе; можно ли желать болѣе простого и объективнаго средства для разрѣшенія вопроса о существованіи этого явленія? Къ счастью, я нашелъ желаннаго наблюдателя, и я имѣю теперь возможность говорить объ этомъ родѣ сообщеній; иначе я и не отвелъ бы этой рубрики.

Когда докторъ медицины, Н. Б. Волфэ, приступилъ къ изученію медіумическихъ явленій, онъ между прочимъ, спеціально занялся Мансфильдомъ. Чтобъ рѣшить, чего держаться относительно его необыкновеннаго медіумизма, онъ водворился въ его домѣ, и втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ наблюдалъ вблизи всю процедуру отвѣтовъ на запечатанныя письма. Вотъ что мы читаемъ объ этомъ въ его сочиненіи: „Поразительные факты въ области спиритизма“: „Эта невѣдомая способность отвѣчать на письмо, не зная ни слова о его содержаніи, была новостью, которая очень заинтересовала меня. Бывало вмѣстѣ съ Мансфильдомъ мы отправлялись на почту за полученіемъ корреспонденціи; я приносилъ его письма, а онъ мои; при такомъ способѣ дѣйствія я былъ первымъ, въ руки котораго попадали письма, адресованныя къ „спиритическому почтмей-

стеру"; за очень немногими исключеніями я не выпускалъ ихъ изъ виду, покуда они не были отвѣчены и отправлены по принадлежности; способъ печатанія этихъ писемъ — ихъ заклеивали крѣпкимъ клеемъ, покрывали краской или лакомъ, обливали воскомъ, прошивали на машинкѣ — доказывалъ, что люди, обращавшіеся къ Мансфильду, были на-сторожѣ противъ обмана; но мнѣ не пришлось открыть ничего такого, что на сколько-нибудь оправдало бы эти подозрѣнія, а ужъ разумѣется я имѣлъ достаточно случаевъ напасть на что-нибудь походившее на обманъ.

„Полагаю, что для многихъ будетъ небезъинтересно знать въ точности, какимъ образомъ Мансфильдъ отвѣчалъ на запечатанныя письма. Сидя за его письменнымъ столомъ, я клалъ передъ нимъ до полу-дюжины писемъ, полученныхъ судя по маркамъ, съ разныхъ концовъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ вскрываетъ наружные конверты и бросаетъ. Передъ нимъ лежитъ теперь до полу-дюжины писемъ тщательно запечатанныхъ, безъ всякаго знака или надписи, которые хоть бы сколько нибудь указывали на ихъ авторовъ или тѣхъ отшедшихъ, коимъ они адресованы. До этихъ конвертовъ онъ теперь очень легко дотрогивается кончиками своихъ пальцевъ, большею частью лѣвой руки. Онъ касается ихъ такъ осторожно, что можно подумать, — онъ подбираетъ золотые пылинки, одну за другой. Отъ одного письма онъ переходитъ къ другому, покуда не перетрогаетъ ихъ всѣхъ. Если отвѣта нѣтъ, онъ кладетъ ихъ въ столъ и запираетъ. Черезъ полъ-часа или болѣе онъ возобновляетъ попытку получить отвѣты на письма. Они опять передъ нимъ, и, подобно пчелѣ, перелетающей съ цвѣтка на цвѣтокъ, кончики его пальцевъ переходятъ отъ одного конверта къ другому. Онъ переварачиваетъ и ощупываетъ ихъ. Клей, краска или воскъ почти уничтожили въ письмѣ всякій магнетическій слѣдъ; но, наконецъ, онъ нападаетъ на него, и лѣвая рука его судорожно сжимается. Это сигналъ успѣха; значитъ личность, коей адресовано письмо и которая вызвала это странное ощущеніе въ его рукѣ, — тутъ, и готова отвѣчать. Тогда другія письма откладываются въ сторону, а это один-

ственное остается передъ медіумомъ, который указательнымъ пальцемъ лѣвой руки продолжаетъ до него касаться. У него на томъ же столѣ длинныя полосы бумаги и карандашъ. Онъ беретъ его въ правую руку; все готово для письма. Интересъ сосредоточивается теперь въ пальцѣ лѣвой руки, прикасающемся до письма. Онъ начинаетъ ударять по письму, подобно телеграфному ключику, производя такіе же неправильные звуки. Одновременно съ этимъ постукиваніемъ начинается и писаніе правой рукой, и, безъ перерыва, продолжается, покуда сообщеніе не окончено. Я видѣлъ до двѣнадцати полосъ бумаги, плотно исписанныхъ за одинъ присѣстъ, но обыкновенно сообщеніе беретъ отъ трехъ до четырехъ полосокъ. Писаніе совершается очень быстро и разнообразится по слогу, точно также какъ это бываетъ и между людьми.

„Когда описаніе окончено, лѣвая рука, которая была все время спазмодически сжата, разжимается, и вліяніе ирекращается; но это только на нѣсколько секундъ; оно опять возвращается, чтобъ надписать на конвертѣ адресъ того лица, къ которому письмо должно быть отослано. Какъ только это сдѣлано, присланное запечатанное письмо и полученный на него отвѣтъ вкладываются въ надписанный конвертъ и тотчасъ сдаются на почту. Я наблюдалъ за всей этой процедурой близко и видѣлъ ея повтореніе тысячу разъ“ (стр. 34 — 35).

Съ точки зрѣнія г. Гартмана все это было бы ничто иное, какъ ясновидѣніе. Запечатанное письмо было бы какъ разъ то „чувственное посредіе“, которое устанавливало бы отношеніе между медіумомъ-ясновидящимъ и живымъ авторомъ письма. И трудно отвѣтить на это возраженіе, покуда не знаешь подробностей всей процедуры и результатовъ. „Отношеніе“, разумѣется, необходимо, но таково ли оно, какъ и въ опытахъ ясновидѣнія — вотъ въ чемъ вопросъ. Еслибъ это было ясновидѣніе, то Мансфильдъ долженъ бы былъ подозрительно перейти въ это состояніе, выждать его наступленіе, ибо это не дѣлается по приказанію, и тогда уже приступить къ отвѣту на письма по очереди; вмѣсто этого мы видимъ, что въ психическомъ состояніи Мансфильда никакой видимой перемѣны

не пропсходитъ, что его рука всегда готова писать, какъ покорное орудіе, но что онъ долженъ выжидать, чтобы рука его подпала вліянію того или другого письма; мы видѣли, что онъ отвѣчаетъ не всегда и не на всѣ письма одно за другимъ, но только на то письмо, которое подаетъ знакъ о присутствіи запрашиваемой личности. Слѣдовательно, способность его къ воспріятію всегда одинакова, но *не онъ располагаетъ ею въ любое время, а ею располагаютъ* — она сама въ зависимости отъ вліянія, которое можетъ быть на лицо или отсутствовать, смотря по обстоятельствамъ.

Нельзя не протестовать противъ этого *злоупотребленія ясновидѣніемъ*, коимъ грѣшатъ анти-спиритическія теоріи, когда онѣ не зиаютъ болѣе, какъ выйти изъ затрудненія. Ясновидѣніе — это квинтэссенція психическихъ способностей человѣка; оно проявляется весьма рѣдко; оно имѣетъ свои причины, свои условія, свои способы обнаруженія, коихъ главный, какъ утверждаетъ самъ г. Гартманъ, — галлюцинація, видѣніе, — обыкновенно во время усыпленія внѣшнихъ чувствъ, и короткими приступами. Тутъ же передъ нами медіумъ пишущій ежедневно, въ полномъ состояніи бодрствованія, и мы хотимъ, чтобы онъ, безъ всякаго достаточнаго психическаго повода, былъ постоянно ясновидящимъ! — Это философская вольность, не имѣющая оправданія.

Вникнемъ поближе, какимъ образомъ могло бы это быть объяснено съ точки зрѣнія Гартмана. Вотъ Мансфильдъ касается запечатаннаго письма, которое воздѣйствуетъ на его „сенситивное чувство“. Прежде всего его „скрытое сомнамбулическое сознаніе“ должно сдѣлаться ясновидящимъ, чтобы прочитать содержаніе письма. Если отвѣтъ, написанный рукою Мансфильда, будетъ только передѣлкой запечатаннаго письма, даже за подписью отшедшаго, коему оно адресовано — дѣло объясняется довольно просто, и можно еще утверждать, что это только ясновидѣніе — только дѣйствіе, вызванное тѣмъ или другимъ письмомъ; вотъ и достаточный поводъ. Но если письмо содержитъ въ себѣ точные вопросы, относящіеся до покойнаго, какъ тогда получитъ отвѣтъ? Дѣло усложняется: медіумъ долженъ войти въ соотношеніе съ авторомъ письма, чтобы ночерп-

путь въ его нормальномъ или скрытомъ сознаніи необходимыя свѣдѣнія, относящіяся до отшедшаго, ибо самъ отшедшій — надо это помнить — болѣе не существуетъ; онъ существуетъ только въ памяти живущихъ. Такимъ образомъ задача усложняется: становится опытомъ ясновидѣнія и чтенія мыслей на разстояніи. Какъ происходитъ это? Письмо, которое у Мансфильда въ рукѣ, послужитъ ему „чувственнымъ посредіемъ“ для установленія соотношенія съ авторомъ письма. Но это соотношеніе къ какому результату приведетъ оно? Предположимъ, что М. въ полномъ сомнамбулизмѣ. Вотъ что имѣетъ произойти, судя по практикѣ и нижеслѣдующимъ словамъ Гартмана: „Сомнамбулъ, приведенный въ соотношеніе съ лицомъ ему совсѣмъ неизвѣстнымъ — будетъ ли то сдѣлано при помощи прямого прикосновенія, или черезъ магнетизера, какъ лицо посредствующее, или прикосновеніемъ съ предметомъ, носящимъ на себѣ личную атмосферу (aura) того человѣка, о которомъ идетъ дѣло — получаетъ нѣкоторое общее впечатлѣніе относительно этого лица... болѣе или менѣе несовершенное, неопредѣленное и неточное, но все-таки не совсѣмъ невѣрное понятіе объ этой личности, ея характерѣ, ея чувствахъ и настроеніи *въ данную минуту*, а иногда и о тѣхъ представленіяхъ, которыя присущи ей *въ этотъ моментъ*“ (стр. 83).

Слѣдовательно, письмо, которое Мансфильдъ держитъ въ рукѣ, приводитъ его въ соотношеніе только съ тѣми чувствами и представленіями, *которыя присущи автору въ тотъ моментъ, когда М. держитъ его письмо въ рукѣ своей*, и которыя не имѣютъ никакого отношенія къ письму, написанному нѣсколько дней до этого. Какимъ же образомъ сомнамбуличе-ское сознаніе М. опознается въ лабиринтѣ содержанія сомнамбулическаго сознанія автора письма, чтобъ почерпнуть въ этомъ сознаніи необходимыя свѣдѣнія? Какимъ образомъ въ массѣ находимыхъ тутъ представленій, относящихся до живыхъ и мертвыхъ, которыхъ авторъ письма зналъ и знаетъ еще, выдѣлитъ онъ тѣ именно, которыя относятся къ одшедшему адресату письма? Ему нечемъ руководиться. Эти отношенія не существуютъ для него.

Если мы допустимъ, вмѣстѣ съ Дю-Прелемъ, что „чтеніе мыслей простирается не только на такія представленія, которыя находятся въ данное время въ самнабулическомъ сознаніи, но и на скрытое содержаніе памяти“ (стр. 91), то самъ Гартманъ отвѣчаетъ на это, что въ такомъ случаѣ представляется труднымъ понять, „какимъ образомъ изъ смѣси существующихъ одновременно важныхъ и неважныхъ воспоминаній сомнамбулическаго сознанія избираются важнѣйшія въ правильной послѣдовательности“ (стр. 92). И это, какъ мы видимъ, относится только къ воспоминаніямъ жизни самого живущаго; трудность для выбора изъ этихъ воспоминаній тѣхъ именно, кои относятся до отшедшаго — одинаковая.

Пойдемъ еще далѣе и предположимъ, что всѣ эти затрудненія преодолѣны, — что чтеніе мыслей съ помощью ясновидѣнія нашло, наконецъ, въ различной или скрытой памяти живущаго, хотя бы и на разстояніи, всѣ необходимыя данныя для отвѣта отъ имени того отшедшаго, къ коему живущій обращается, даже со всѣми требуемыми подробностями, которыя послѣдній находитъ вѣрными. Но вотъ въ этомъ отвѣтѣ встрѣчаются подробности, о которыхъ живущій и не спрашивалъ, которыя вовсе не вытекаютъ изъ содержанія его письма, и о вѣрности которыхъ онъ даже и судить не можетъ, *потому что онъ ихъ не знаетъ*: ихъ приходится провѣрять другими лицами, знавшими отшедшаго. Какимъ образомъ объяснить тогда психическую процедуру отвѣта, полученнаго медіумомъ?

Опять воззваніе къ великому богу психизма — ясновидѣнію, которое можетъ привести медіума въ соотношеніи съ абсолютомъ, со „всезнаніемъ абсолютнаго духа“. Но и ясновидѣніе имѣетъ свои законы, и это соотношеніе съ обсолютомъ не можетъ имѣть мѣста иначе, какъ на основаніе *исключительныхъ* отношеній между двумя *живущими* близко знающими другъ друга. Но здѣсь медіумъ не знаетъ ни живущаго, ни знакомыхъ его, а что касается главнаго лица, отшедшаго, то его болѣе нѣтъ; это — нуль. Слѣдовательно, ясновидѣніе не можетъ имѣть никакого отношенія къ основѣ, на которую оно должно быть направлено.

А когда мы припомнимъ законы, формулированные Гартманомъ, — что „отвлеченныя мысли, какъ таковыя, никогда не переносятся на разстояніе“ (стр. 82), что „чистое ясновидѣніе проявляется всегда въ галлюцинаторномъ видѣ“ (стр. 97), что мотивъ всякаго ясновидѣнія есть „интенсивный интересъ воли“, и примемъ въ соображеніе, что этотъ процессъ совершается въ то время, когда „воспринимающее сомнамбулическое сознаніе прикрыто сознаніемъ бодрствующимъ“ (стр. 84), — т. е. подъ условіемъ наиболѣе трудимымъ для чтенія мысли или ясновидѣнія — то мы должны естественно заключить, что эти гипотезы не будутъ въ состояніи объяснить *всѣ случаи* этой рубрики.

Я не буду распространяться приведеніемъ другихъ примѣровъ; они находятся во множествѣ въ журналѣ „Banner of Light“; я предпочитаю отослать читателя опять къ книгѣ Вольфэ, гдѣ напечатаны со всѣми подробностями случаи поистинѣ замѣчательныхъ отвѣтовъ, полученныхъ имъ на свои собственныя письма; они ослабляются, правда, въ нѣкоторомъ отношеніи, его присутствіемъ; но надо замѣтить, что и его письма, не смотря на его присутствіе, должны были также выжидать момента наличности желаемаго вліянія (стр. 56—65; съ другой же стороны, они выигрываютъ вслѣдствіе условій ихъ полученія, исключающихъ всякую возможность обмана, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

Вотъ какъ Вольфэ описываетъ свои личные опыты съ Мансфильдомъ: „Я имѣлъ на-готовѣ заразъ до 25 писемъ; я носилъ ихъ съ собою задѣланныя, каждое особо, въ кожанные конверты, безъ всякой надписи. Такъ какъ конверты были совершенно одинаковы по величинѣ, формѣ и цвѣту, то я не имѣлъ никакихъ признаковъ для отличенія одного отъ другого. Когда случай представлялся — т. е. когда медіумъ не слишкомъ былъ утомленъ денной работой и свободенъ, я выкладывалъ передъ нимъ всю пачку своихъ писемъ, чтобъ посмотрѣть, не присутствуетъ ли хоть одно изъ 25 лицъ, коимъ письма адресовались и не можетъ ли оно вызвать писаніе. При такихъ условіяхъ было весьма рѣдко, чтобъ попытка оставалась безъ отвѣта хоть отъ одного или двухъ лицъ. Онъ проводилъ руку ио письмамъ,

выхватывалъ одно, какъ уже написано, и приступалъ къ отвѣту. Достойно замѣчанія, что я не запомню случая, чтобы онъ не нолучилъ точнаго имени адресата, и тогда — или сообщенія отъ него, или поясненія — почему оно не можетъ быть дано. Отвѣтъ всегда свидѣтельствовалъ о полномъ знакомствѣ съ предметомъ, обстоятельствами, датами, или лицами, упоминаемыми въ моемъ письмѣ, когда самъ отвѣчающій былъ на лицо. Отвѣты эти бывали иногда самые поразительные, отличались не только точностью, мѣткостью, но часто заключали въ себѣ и новыя мысли, новые фьікты, новыя имена, обстоятельства, даты; подъ *новыми* я разуѣю тѣ свѣдѣнія, которыя нп коимъ образомъ не могли бы быть почерпнуты изъ моего письма, еслибъ даже и сталъ ихъ отыскивать въ немъ любой придирчивый критикъ“ (стр. 57 — 58).

Достопочтенный Самуилъ Уатсонъ, въ сочиненіи своемъ: „The clock struck one“, New York, 1872, приводить не мало сообщеній, нолученныхъ имъ чрезъ Мансфильда на свои запечатанныя письма; правда, что отвѣты эти были написаны въ его присутствіи; но это ослабляющее съ точки зрѣнія нашей критики условіе возмѣщается тѣмъ фактомъ, что иногда полученные отвѣты содержали біографическія подробности, которыя были Уатсону неизвѣстны, а иногда на письма было отвѣчено не тѣми лицами, коимъ они были адресованы, но другими, не только ему знакомыми, но даже и незнакомыми, но которыхъ зналъ отшедшій (См. продолженіе того же сочиненія „The clock struck three“. Chicago, 1874, стр. 79—85).

Само собою разумѣется, что я далекъ отъ того, чтобы утверждать, что всегда и всѣ отвѣты, которые Мансфильдъ давалъ на запечатанныя письма—спиритическаго происхожденія; всѣ объясненія, не исключая и объясненія посредствомъ обмана, должны быть приняты въ соображеніе смотря по обстоятельствамъ даннаго случая; я говорю только, что нѣкоторые случаи представляютъ, повидпмомому, достаточно данныхъ, чтобъ искать для нихъ дѣйствующей причины внѣ анимизма.

Какъ дополненіе къ этой рубрикѣ, мы имѣемъ то же явленіе полученія отвѣтовъ на вопросы, недоступные медіуму, съ

тѣмъ сверхъ того осложненіемъ, что отвѣтъ получается *непосредственнымъ письмомъ*. Мы замѣтимъ тутъ ту же особенность, что медіумъ не отвѣчаетъ безразлично на всѣ вопросы, но на тотъ, который вызываетъ въ немъ особое ощущеніе, и еще ту замѣчательную особенность, что медіумъ даже ие касается до бумажки, содержащей вопросъ. Вотъ что издатель „Banner of Light“, г. Кольби, въ № отъ 9-го марта 1899 г., сообщаетъ о своемъ сеансѣ съ Уаткинсомъ: „Очень недавно мы имѣли другой сеансъ съ Уаткинсомъ, захвативъ съ собою свои грифельныя доски, складныя на петляхъ. Насъ было трое. Когда мы присѣли къ столу, У. предложилъ намъ написать на полоскахъ бумаги нѣсколько именъ нашихъ отшедшихъ знакомыхъ; мы написали ихъ до двадцати, и каждая полоска была скатана такъ, что ни единый смертный не могъ бы отличить одинъ сверточекъ отъ другого. На одной изъ полосокъ было мною написано слѣдующее:

„Г. У. Мориллъ, не желаете ли передать что-нибудь вашему пріятелю — капитану Уильсону въ Кливлэндѣ?“

„Въ то время, какъ я карандашемъ указывалъ поочередно на сверточки, мнѣ было сказано взять одно изъ нихъ и крѣпко держать его въ лѣвой рукѣ — медіумъ говорилъ что онъ чувствуетъ, что мы должны такъ сдѣлать. Тогда онъ попросилъ насъ положить наши доски на столъ. Это было сдѣлано и онъ бросилъ между нихъ маленькій кусочекъ грифели. Тогда намъ было сказано положить руки на доски, а медіумъ, съ другой стороны, положилъ на нихъ свои пальцы. Тотчасъ мы услыхали звукъ грифеля между досокъ, какъ еслибъ кто писалъ имъ. Когда звукъ прекратился, намъ было сказано раскрыть ихъ. На внутренней сторонѣ доски, прилегавшей къ столу, было найдено слѣдующее сообщеніе, писанное и подписанное бойкой рукой.

„Любезный другъ мой, капитанъ Уильсонъ въ Кливлэндѣ, я желалъ бы, чтобъ вы убѣдились, когда будете читать это, что сила, движущая этимъ карандашемъ есть дѣйствительно *я*, вашъ старый другъ; кстати будьте такъ любезны, скажите моему зятю Уассону, что его жена очень хочетъ дать ему со-

общеніе и что дѣвочка его будетъ очень больна; если она не переживетъ, то пусть не печалится, такъ какъ дочь моя позаботится о ней еще лучше его. Съ вами, другъ мой, мнѣ не пришлось теперь поговорить больше, такъ какъ дочь моя съ такимъ нетерпѣніемъ желаетъ добраться до мужа своего и Франка.

„Гео. У. Мориллъ“.

Согласно сему я передалъ это сообщеніе г-жѣ Мориллъ, которая тотчасъ заявила, что не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что оно было написано ея мужемъ, что почеркъ очень похожъ на его почеркъ, и что онъ всегда подписывался „Гео. У. Мориллъ“; ребенокъ, о которомъ говорится, дѣйствительно боленъ у нея дома въ Эмсбюри, и она очень боится, чтобъ его болѣзнь не имѣла рокового исхода“.

Я не привожу этотъ случай какъ доказательство самоличности, ибо г. Кольби, очевидно, зналъ г. Морилла и капитана Уильсона; такъ какъ онъ былъ на лицо, то сообщеніе могло бы объясниться отчасти ясновидѣніемъ, отчасти чтеніемъ мысли, хотя, на мой взглядъ, трудно объяснить ясновидѣніемъ первое дѣйствіе этого психическаго проявленія, а именно — выборъ и чтеніе одного изъ двадцати сверточковъ, безъ всякаго „чувственнаго посредія“, такъ какъ медіумъ даже не касался до нихъ. Но я привелъ этотъ примѣръ какъ способъ экспериментированія, который можетъ быть доведенъ до доказательности абсолютной, если принять необходимыя мѣры, устраняя всякую возможность соотношенія или безсознательнаго внушенія; для этого было бы нотребно, чтобы сверточки были заготовлены заранѣе, не тѣмъ лицомъ, которое предъявляетъ ихъ на сеансѣ, но другимъ, не присутствующимъ, и чтобы лицо, приносящее ихъ на сеансъ, ничего не знало объ ихъ содержаніи. Сомнѣваюсь, однако, чтобы при этихъ условіяхъ опытъ могъ удаться, такъ какъ всякое соотношеніе съ отшедшимъ совершенно устранено, а между тѣмъ какое-нибудь соотношеніе должно же служить основой! Въ этомъ же случаѣ имѣло бы служить посредіемъ только *присутствіе письма*, до котораго медіумъ не долженъ дотрогиваться!!

А между тѣмъ вотъ случай, который почти-что отвѣчаетъ этимъ условіямъ, такъ какъ записка была получена изъ *вторыхъ рукъ*—условіе рѣдкое! Въ указателѣ моемъ случай этотъ единственный и на столько замѣчателенъ, что я хочу привести его здѣсь. Заимствую его изъ бостонскаго журнала „Facts“, т. V, 1886 г., стр. 207:

„Нѣсколько дней тому назадъ, на частномъ сеансѣ съ медіумомъ Поуэлемъ изъ Филадельфіи, произошло нѣчто совершенно особенное. Присутствующіе были хорошо извѣстные жители этого города.

„Какимъ образомъ Поуэль поступаетъ на своихъ сеансахъ, давая отвѣты на скатанныя бумажки, это уже было описано на этихъ столбцахъ. Достаточно сказать, что эти сверточки, съ именемъ отшедшаго, къ коему обращаются, изготовляются безъ всякаго вѣдома медіума. На этотъ разъ одному изъ присутствовавшихъ знакомая дама, написавъ имя на бумажкѣ, свернула ее и вручила ему. *Она на сеансъ не присутствовала и онъ не зналъ, какое имя было написано;* во время сеанса сверточекъ былъ незамѣтно присоединенъ къ остальнымъ. Когда Поуэль приложилъ его къ своему лбу, дѣйствіе было поразительное. Ужасъ выразился на его лицѣ, и вскинувъ руки, онъ упалъ навзничъ на полъ, ударившись головою объ стулъ. Такъ падаетъ человѣкъ, убитый пановалъ. Пролежавъ нѣсколько минутъ, какъ сраженный, онъ медленно поднялся, съ глазами открытыми, но блестящими и гнѣвными; одну изъ присутствующихъ дамъ взялъ за руку, и тихимъ, слабымъ голосомъ, какъ бы говоря съ трудомъ, сказалъ: „Скажите Гэтти (дамѣ, написавшей имя на сверточкѣ), что это не было ни случайность, ни самоубійство... это было гнусное убійство, и мужъ мой совершилъ его. Есть письма, которыя уличатъ его; они найдутся. Я Солли Лэнэръ“. Это и было имя, написанное на бумажкѣ, — имя женщины, которая за нѣсколько дней до этого была убита въ Омахѣ—было ли это дѣломъ ея мужа или ея самой, въ то время еще не выяснилось. Она жила въ Кливлэндѣ и знала даму, написавшую бумажку. Продолженіе этой исторіи можно оставить до другого раза, но теперь во-

просъ въ томъ: какимъ образомъ могъ медіумъ узнать то, что содержится въ его отвѣтѣ? Онъ сверточка не раскрывалъ; онъ ничего не зналъ о случившемся; содержаніе билетика никому въ комнатѣ не было извѣстно. Между тѣмъ, сказанное выше произошло какъ только медіумъ приложилъ на минуту этотъ свернутый билетикъ къ своему лбу. Имя было сказано имъ вѣрно; отвѣтъ — вѣрный или нѣтъ — прямо относился къ вопросу, и былъ рѣшительный; а на другой день мужъ, Лэнэръ, былъ арестованъ, обвиняемый въ убійствѣ своей жены. Тутъ не было предварительнаго знанія, не было стачки, не было ни отгадыванія, ни чтенія мысли. Какая же разумная сила тутъ проявилась? Былъ ли это духъ убитой женщины? А если нѣтъ, то кто же"? (Изъ газеты „Cleveland Plaindealer").

Въ практикѣ спиритическаго магнетизма или сомнамбулизма можно найти опыты, подходящіе къ этому. См. „Cahagnet. Arcanes de la vie future dévoilés", т. 2-й и 3-й, и въ особенности опыты вызыванія личностей, неизвѣстныхъ присутствующимъ, т. 2-й, стр. 98 и 245. Въ т. 3-мъ, стр. 166—187, мы находимъ интересный разсказъ вызыванія аббатомъ Альмпньяномъ, относящійся до денежнаго дѣла, со всѣми подробностями и документами. Въ напечатанной имъ (въ 1858 г.?) брошюрѣ, подъ заглавіемъ; „О сомнамбулизмѣ, о вертящихся столахъ и медіумахъ", онъ вкратцѣ упоминаетъ объ этомъ случаѣ, и говоритъ о другомъ вызовѣ, сдѣланномъ въ его присутствіи, чрезъ сомнамбулу, которой онъ сообщилъ только имя одного отшедшаго, полученное имъ отъ другого лица спеціально для этого опыта—имя лица, которое было ему совершенно неизвѣстно (См. „Revue Spirite" 1889, кн. 4 и 5).

VII. Самоличность отшедшаго, доказанная сообщеніями, полученными въ отсутствіи лицъ, знавшихъ его, и обнаруживающими исихическія состоянія, или вызывающими физическія ощущенія, свойственныя отшедшему.

Вотъ рубрика, которая служитъ переходной ступенью отъ доказательствъ самоличности умственныхъ или внутреннихъ къ

доказательствамъ физическимъ или внѣшнимъ. Хотя приводимые мною факты представляютъ и такія черты самоличности, по которымъ они могли бы имѣть мѣсто и въ предшествующихъ рубрикахъ, но они представляютъ также особенности совершенно отличнаго характера, на которыя я и хочу обратить вниманіе и которыя я опредѣлилъ самимъ заглавіемъ этой рубрики.

Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ возраженій противъ спиритической гипотезы медіумическихъ сообщеній состоитъ въ томъ, что они только эхо составившихся людскихъ понятій о посмертномъ состояніи души и вообще о духовномъ мірѣ. Съ обыкновенной или легендарной точки зрѣнія казалось бы невозможнымъ предположить, чтобы „духи“, по смерти, сохраняли психическіе недостатки, или физическіе отъ коихъ они страдали при смерти. Такъ напр., никто не могъ бы себѣ представить, чтобы люди, одержимые умственнымъ разстройствомъ и умершіе въ этомъ состояніи, могли, при проявленіи вскорѣ послѣ смерти своей, сохранять еще слѣды своего помѣшательства. А между тѣмъ таковъ фактъ, констатированный спиритическою практикою. Очевидно, что этотъ фактъ совершенно неожиданный, совершенно противоположный ходячимъ понятіямъ, и слѣдовательно онъ могъ быть полученъ только *a posteriori*.

Вотъ случай, какъ примѣръ. Въ „Banner of Light“ 24-го ноября 1883 г., въ отдѣлѣ сообщеній я нахожу слѣдующее, которое воспроизвожу цѣликомъ:

„О, мнѣ совсѣмъ нехорошо. Я не знала, что буду испытывать эти ощущенія, возвращаясь сюда; но я вижу, что еще многому надо поучиться. Я пришла сюда въ надеждѣ, что друзья мои узнаютъ, что я теперь совсѣмъ здорова и что я счастлива... Я сгорѣла здѣсь. Я не могу разсказать этого, потому что не люблю думать объ этомъ, но на меня нашло какое-то затмѣніе, и мысли мои помутились; я не понимала, что дѣлала, поэтому и попала въ огонь и жестоко обожглась... Мои наставники говорятъ, что такого разстройства никогда болѣе со мною не будетъ, что физическія причины произвели повре-

жденіе въ умѣ моемъ, но что все это земное и отошло навсегда... Я была еще молода... Я жила въ Уэстъ Грандби, въ Коннектикутѣ. Моего отца очень хорошо знаютъ въ этомъ городѣ... Имя его Эберъ Райсъ. Когда я говорю обо всемъ этомъ, мысли мои путаются, поэтому я не могу сказать вамъ въ точности, когда я перешла сюда, кажется уже нѣсколько времени; но какъ я рада, что имѣла возможность придти сюда и надѣюсь чрезъ нѣсколько времени опять вернуться. Эмма Райсъ".

Три недѣли спустя, въ „Banner'ѣ" отъ 15-го декабря, я нашелъ въ рубрикѣ: „Провѣрка сообщеній" слѣдующее письмо:

„Г. издателю „Banner'а".

„Я увидалъ въ № отъ 24-го ноября сообщеніе отъ Эммы Райсъ, изъ Уэстъ Грандби. Всѣмъ спиритистамъ извѣстенъ тотъ фактъ, что лицо, страдавшее здѣсь умственнымъ разстройствомъ, проявляясь чрезъ медіума, обнаруживаетъ слѣды этого состоянія. Я узналъ, что настоящее имя ея было Эмма Руйкъ, но что иногда, во время припадковъ помѣшательства, она называла себя Эммой Райсъ. Сообщеніе очень хорошо. Она сгорѣла, какъ и говоритъ, прыгнувъ въ горѣвшую кучу хвороста. Всѣ факты вѣрны и сообщеніе будетъ съ благодарностью принято ея земными друзьями. Геманъ Мерриль. Гартфордъ, въ Коннектикутѣ. 24-го ноября 1883 г.".

Слѣдующій случай я имѣю изъ первыхъ рукъ. Моя давнишняя знакомая, М. П. С. — ва, уже нѣсколько лѣтъ занимается сеансами вдвоемъ со своей племянницей, пишущей въ трансѣ; однажды она получила странное сообщеніе по французски, подписанное именемъ Наполеона; принявъ это за мистификацію, она не придала этому никакого значенія; тотчасъ, вслѣдъ за тѣмъ, обычный руководитель медіума (это слово этимологически вѣрно передаетъ способъ полученія сообщеній: водить руку) пояснилъ, что французское сообщеніе исходило отъ человѣка, который при жизни былъ помѣшанъ и считалъ себя за Наполеона, потому что, вообще душевно-больные, по смерти своей, впродолженіе нѣкотораго времени, еще носятъ на себѣ слѣды умственнаго разстройства, коимъ страдали. Г-жа С. была этимъ очень удивлена и передала это, какъ нѣчто

очень странное, и еще болѣе была удивлена моимъ отвѣтомъ, что фактъ этотъ находитъ себѣ иодтвержденіе во многихъ другихъ ему подобныхъ.

Повидимому не только анормальныя исихическія состоянія, находящіяся въ зависимости отъ нѣкоторыхъ физіологическихъ недостатковъ, коими человѣкъ страдалъ послѣднее время своей жизни, но даже и физическія ощущенія боли, испытанныя имъ до самой смерти, вызываются въ медіумѣ, какъ индивидуумъ, перешедшій чрезъ эти страданія, снова ироявляется въ земной сферѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого рода:

Заимствую первый изъ „Light'a“, 1882 г., стр. 74, гдѣ *физическія ощущенія послѣдней болѣзни отшедшаго* воспроизводится въ медіумѣ: „Въ началѣ лѣта 1879 года я случайно встрѣтилъ въ моемъ сосѣдствѣ господина, который, очевидно, доживалъ послѣдніе дни. Однажды, когда я провожалъ его до дома, разговоръ зашелъ о спиритизмѣ. Онъ, повидимому, былъ очень удивленъ, узнавши, что я вѣрю въ такую дикую вещь, но былъ пораженъ нѣкоторыми моими словами. Когда я встрѣтилъ его опять, онъ тотчасъ вернулся къ нашему первому разговору, и распрашивалъ меня о полученныхъ мною лично доказательствахъ; послѣ этого онъ уже избѣгалъ говорить объ этомъ предметѣ, и я, зная какъ неумѣстенъ былъ бы всякій возбуждающій разговоръ съ человѣкомъ въ его состояніи, молчалъ.

„Въ іюлѣ этого года я былъ въ Бормаусѣ, въ сѣверномъ Валлисѣ, и однажды вечеромъ я заговорилъ въ трансѣ отъ имени этого господина. Онъ выражался такъ: „Какъ все это странно, какъ непохоже на то, что я ожидалъ; жалко, что не воспользовался случаемъ узнать отъ васъ кое-что про духовную жизнь“. Во время его одержанія *я испытывалъ болѣзненное ощущеніе во рту и горлѣ*. Два дня спустя я узналъ изъ письма одного моего пріятеля, что мой знакомый умеръ вскорѣ послѣ моего отъѣзда.

„Въ маѣ прошлаго года черезъ меня опять заговорило то же лицо, и въ этотъ разъ сказало черезъ меня очень настойчиво: „Скажите Мэри, что я видѣлъ Уйлли“. *И опять я по-*

чувствовалъ то же болѣзненное ощущеніе во рту и горлѣ. „Мэри“ была сестра его, завѣдывавшая его хозяйствомъ въ домѣ. Мое впечатлѣніе во время транса было такое, что между „Мэри“ и „Уилли“ существовала привязанность. Такъ серьезенъ былъ тонъ сообщавшагося, что я просилъ жену свою зайти къ его сестрѣ и передать сказанное. Послѣдняя отвѣтила, что знаетъ только двухъ лицъ, коихъ называютъ „Уилли“ — одинъ ея двоюрдный братъ; а другой, съ которымъ она была помолвлена нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но, что, на сколько ей извѣстно, они оба живы и здоровы. При этомъ она пояснила, что братъ ея передъ смертью своей *очень страдалъ отъ молочницы въ горлѣ.* Этимъ объясняется мое болѣзненное ощущеніе во рту.

„Никакого разъясненія, однакожъ, о сообщеніи не получилось и я пришелъ къ заключенію, что, какъ и многія другія, оно исказилось при передачѣ и я забылъ о немъ. На той недѣлѣ помянутая сестра зашла ко мнѣ и увѣдомила меня, что она недавно узнала, что человѣкъ, съ которымъ она была помолвлена, умеръ въ Австраліи около того времени, когда я получилъ послѣднее сообщеніе.

„Мнѣ остается только прибавить, что о личныхъ отношеніяхъ этой дамы къ этому господину я ничего не зналъ.

„Эдмондъ Уэдъ“.

„Льюисэмъ, 13-го февраля 1882 г.“.

Вотъ другой случай, гдѣ медіумъ, будучи одержимъ *духомъ человѣка утонувшаго*, холодѣетъ и зябнетъ. Я заимствую его изъ журнала „Facts“, іюнь, 1835 г., которому г. Эли Пондъ, изъ Вунсоккета, въ штатѣ Родъ Айландъ, сообщилъ слѣдующее:

„Съ годъ тому назадъ я навѣщалъ моего сына и жену его. У нея болѣла голова и я сказалъ ей: „Быть можетъ, я помогу тебѣ, дѣлая пассы надъ головою“. Она согласилась. Едва я сдѣлалъ нѣсколько пассъ, какъ она подпала вліянію духа, употреблявшаго алфавитъ глухонѣмыхъ; ни я, ни сынъ мой не могли понимать его и вліяніе скоро отошло. Тогда проявилась другая личность и назвала себя Сарой Мэкписъ; она сказала,

что жила въ западныхъ штатахъ и утонула; что очень рада, что этотъ старый господинъ далъ ей случай проявиться. Медіумъ тотчасъ пришелъ въ себя. „Странно — замѣтилъ онъ — мнѣ холодно“, сталъ зябнуть и чувствовать себя такъ нехорошо, что я просилъ Сару оставить его и придти ко мнѣ чрезъ другого медіума, г-жу Энни Вудъ, въ такое то время. Она отвѣтила, что придетъ, и въ указанные часы исполнила свое обѣщаніе.

„Я никогда не зналъ ея имени, но порѣшилъ разузнать, дѣйствительно ли жила такая личность и утонула. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тщетныхъ поисковъ, я нашелъ человѣка по имени Мэкнисъ, живщаго въ Провидэнсѣ. Тѣмъ временемъ я уже имѣлъ нѣсколько собесѣдованій съ Сарой и узналъ, что у нея были родственники въ Провидэнсѣ. Я спросилъ ее, спиритуалисты ли онѣ? Она отвѣтила: нѣтъ; сказала, — что ей было двадцать лѣтъ, когда она умерла, и что это случилось около трехъ лѣтъ тому назадъ, и прибавила еще, что она утопилась при очень тяжелыхъ обстоятельствахъ, и что родня очень порицала ее за это. Она казалась очень несчастной.

„Вскорѣ послѣ того мнѣ привелось быть въ Провидэнсѣ, штатѣ Родъ Айландъ; справившись въ адресной книгѣ, я нашелъ имя родственника, данное ею, и улучивъ свободный часъ, я зашелъ къ нему. Я нашелъ его очень занятымъ, онъ попросилъ меня зайти въ другой, имъ назначенный часъ, что́ я и сдѣлалъ. Когда мы усѣлись, я спросилъ его, зналъ ли онъ дѣвушку по имени Сара Мэкнисъ, проживавшую въ западныхъ штатахъ и утопившуюся. Онъ отвѣтилъ что зналъ, но не коротко. Я спросилъ его, когда приблизительно это было? Онъ отвѣтилъ, что навѣрное не знаетъ, но когда я сказалъ ему, что слышалъ, что это было года три тому назадъ, онъ отвѣтилъ, что это будетъ вѣрно. Тогда я спросилъ его о ея лѣтахъ. Онъ отвѣтилъ, около двадцати. Я спросилъ, не можетъ ли онъ дать мнѣ адресъ ея отца. Онъ отвѣтилъ съ неудовольствіемъ, для чего мнѣ это? Я пояснилъ ему. Онъ разсердился. „Я нежелаю, чтобъ заводили рѣчь о чемъ бы то ни было, что могло бы бросить тѣнь на мое семейство“ — сказалъ онъ, и безъ це-

ремоніи попросилъ меня удалиться. Я и ушелъ, но получилъ доказательство, что сказанное Сарой было вѣрно".

Я привелъ эти два случая цѣликомъ, потому что они сами по себѣ представляютъ, помимо особенностей, относящихся до этой рубрики, интересные случаи сообщенiй, доказывающихъ самоличность отшедшаго, *въ отсутствiи лицъ, знавшихъ его.*

Вотъ еще случай, гдѣ отшедшiй погибъ въ огнѣ, а медіумъ во время сообщенія задыхается какъ бы отъ дыма. Заимствую у „Religio-Philosophical Journal", отъ 9 марта 1889 г., слѣдующее мѣсто, находящееся въ статьѣ г. Климента:

„Все, что я на свѣтѣ имѣлъ, сгорѣло въ 1856 году. Сестра моя погибла въ огнѣ. Мнѣ часто приходилось сидѣть на сеансахъ съ посторонними, изъ коихъ никто не зналъ обо мнѣ, и медіумъ при этомъ почти задыхался, а другіе сенситивы, когда сестра проявлялась чрезъ нихъ, даже чувствовали дымъ и начинали кашлять, какъ бываетъ, когда входишь въ комнату полную дымомъ.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ рѣчь идетъ о сообщенiяхъ, полученныхъ въ присутствiи лица, знавшаго родъ смерти отшедшаго; но, если-бы возможно было допросить г. Климента, то болѣе, чѣмъ вѣроятно, что при iервомъ сообщенiи этого рода ощущенiе задыханія у медіума было и для г. Климента совершенною неожиданностью.

Мнѣ кажется, что сообщенія, коимъ присущи эти характеристическія черты самоличности, имѣютъ совершенно особенное значеніе и могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на законы сообщенiй вообще. Очевидно, что ощущенія чисто физическія, какъ боль въ горлѣ, ознобъ, задыханіе, не могутъ быть нормальными ощущенiями человѣческаго посмертнаго состоянія; очевидно также, что эти ощущенія не могли быть вызваны въ медіумѣ съ тою цѣлью, чтобы служить доказательттвомъ самоличности, ибо въ случаяхъ, приводимыхъ гг. Уэдомъ и Пондомъ: въ одномъ — родъ смерти или страданія, въ другомъ — сама проявляющаяся личность—*были неизвѣстны* медіумамъ, и слѣдовательно, это доказательство не могло быть ни требуемо, ни ожидаемо. Поэтому есть основаніе предположить, что воспроиз-

веденіе этихъ ощущеній является скорѣе результатомъ закона, который могъ-бы, пожалуй, быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: *когда трансцендентальная индивидуальность снова проявляется въ сферѣ земного бытія, она не можетъ сдѣлать этого иначе, какъ облекаясь, на нѣкоторое время, въ послѣднія условія своего феноменальнаго существованія.* Тутъ происходило-бы, такъ сказать, временное забвеніе трансцендентальнаго существованія и возвратъ къ феноменальному бытію, въ моментъ его прекращенія [1]). Вотъ почему „глухо-нѣмой", о которомъ говоритъ г. Пондъ, не могъ употребить другого алфавита, кромѣ своего, ему знакомаго, и не могъ добиться, чтобы его поняли. Вотъ почему помѣшавшаяся Эмма Райсъ забыла свое настоящее имя, и проч. Перенося этотъ законъ въ область умственныхъ проявленій, намъ становится понятно, почему сообщающійся какъ-бы возвращается въ свое земное существованіе, и знаетъ и говоритъ только о принадлежавшемъ этому существованію. Точно также и въ матеріализаціяхъ и фотографіяхъ: всегда явленіе облекается въ послѣдній земной образъ, будь онъ молодой или старый, и даже съ тѣми тѣлесными недостатками, которые были присущи. И что это совершается не съ единственной цѣлью представить доказательство самоличности, мы имѣемъ тому доказательство напр., въ той трансцендентальной фотографіи, полученной М. А. (Oxon), о которой я упомяну ниже. Она изображаетъ крошечнаго ребенка, покинувшаго землю болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, когда ему было всего семь мѣсяцевъ отъ роду (См. Spirit iden-

[1]) Написавъ это, я вспомнилъ о сообщеніи, полученномъ мною въ моемъ домашнемъ кружкѣ, отъ одного знакомаго, котораго я очень любилъ и который очень живо интересовался философской стороною спиритизма. Еще не назвавшись, онъ прямо началъ слѣдующими французскими словами, будучи самъ почти французомъ:

„Naitre—c'est oublier; mourrir — c'est savoitr" (Родиться значитъ — забыть; умереть значитъ — узнать.

Не знаю, цитата это или оригинальная мысль. Въ этихъ немногихъ словахъ цѣлая философія, столь же прекрасная, какъ и глубокая, и которая, имѣю полное основаніе полагать, была совершенно чужда мозгамъ моихъ обоихъ медіумовъ.

tity", by M. A. (Oxon.), стр. 117 — 121). Этотъ ребенокъ называлъ себя сестрою доктора Спира; но, такъ какъ онъ былъ одинаково незнакомъ, какъ доктору, такъ и медіуму — М. А., то очевидно, что дѣтскій образъ этотъ ничего не представлялъ въ смыслѣ доказательства самоличности. Напрасно спрашиваешь себя, для чего этотъ образъ былъ принятъ, не только для перваго проявленія, но и все время дальнѣйшихъ проявленій этой личности, длившихся цѣлые годы? Но съ другой стороны есть, правда, факты, кототорые свидѣтельствуютъ, что этотъ законъ не всеобщъ; это значило бы, что онъ видоизмѣняется, смотря по времени и индивидуальности.

VII. Самоличность отшедшаго, доказанная появленіемъ его земного образа.

Теперь, когда посредствомъ явленій умственнаго характера мы получили желаемое доказательство — доказательство того, что индивидуальный принципъ не зависимъ отъ тѣла, что онъ есть нѣчто самостоятельное, переживающее его распаденіе, и что онъ сохраняетъ достаточно элементовъ своей личности, чтобъ установить великій фактъ продолженія своего бытія послѣ этого распаденія — мы можемъ перейти (какъ я это сдѣлалъ и въ главѣ III) къ *подтвержденію* того же факта посредствомъ явленій *внѣшняго характера*, даже физическаго. Мы можемъ теперь изслѣдовать, при какихъ условіяхъ эти проявленія могутъ быть разсматриваемы, какъ болѣе или менѣе доказательныя, не стѣсняясь тѣмъ апріорнымъ убѣжденіемъ, что притязаніе на спиритическое толкованіе подобныхъ явленій не имѣетъ достаточнаго основанія. Самое одухотворенное явленіе этого рода будетъ:

а) Появленіе отшедшаго, удостовѣренное внутреннимъ зрѣніемъ медіума, въ отсутствіи лицъ, знавшихъ отшедшаго.

Здѣсь мы имѣемъ явленіе телепатическое, соотвѣтствующее *вѣщимъ* (veridiques) галлюцинаціямъ прижизненныхъ призраковъ, но съ тою разницею, что внушитель, вызывающій явленіе, не находится въ числѣ живыхъ. Этого рода явленія обра-

зуютъ особенную разновидность медіумизма. Хотя всѣ хорошіе медіумы суть болѣе или менѣе *видящіе*, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ развитіе этой способности составляетъ ихъ спеціальность. Они описываютъ личность отшедшаго, котораго они видятъ возлѣ живущаго, со многими подробностями въ доказательство самоличности: они не ограничиваются описаніемъ внѣшности, но передаютъ и слова, и фразы отъ имени отшедшаго. Доказательства, данныя этимъ путемъ, безчисленны. Но такъ какъ они большею частью даны *въ присутствіи лица, знавшаго отшедшаго*, и могутъ, слѣдовательно, быть объяснены безсознательной передачею мыслей этого лица, то я долженъ оставить ихъ въ сторонѣ. Чтобъ они имѣли значеніе съ нашей точки зрѣнія, необходимо, чтобъ явившійся сообщилъ подробности, неизвѣстныя другу отшедшаго, или чтобъ явленіе случилось въ отсутсвіи этого друга.

Случай первой категоріи уже представленъ мною въ главѣ III, рубрикѣ VIII (стр- 451), гдѣ медіумъ описалъ генералу Дрэйсону явленіе друга, котораго тотъ считалъ живущимъ, со всѣми подробностями его необыкновенной смерти.

Случай второй категоріи я нахожу въ собственныхъ запискахъ. 26 февраля 1873 года, у меня былъ обычный тогда сеансъ съ женою. Мы были вдвоемъ. Вскорѣ она уснула и рука ея написала сообщеніе по французски интимнаго характера, намекавшее на предшествовавшій сеансъ, на которомъ присутствовала наша знакомая, графиня А. И. Толстая, супруга вице-президента академіи художествъ. Сообщеніе это было отъ имени покойной дочери графини и обращалось къ ней. Безполезно говорить о его содержаніи, такъ какъ доказательность случая въ слѣдующемъ за симъ. Когда жена моя пришла въ себя, она сказала: „Странно, вѣдь я что-то видѣла“ — „Что же именно?“—„Фигуру.“—„Мужскую или женскую?“—„Женскую, очень красивое лицо, поражавшее блескомъ голубыхъ глазъ; они казались какъ бы освѣщенными извнутри. Фигура держалась передо мною, какъ бы на нѣкоторой высотѣ; молодая, стройная, одѣтая въ бѣлое.“ — „Брюнетка?“—„Да.“ — „Узнаешь ли кого?“ — „Нѣтъ, но она сдѣлала на меня самое пріятное

впечатлѣніе; правда, я спала, но это не былъ обыкновенный сонъ".

Этотъ разговоръ пропсходилъ вслѣдъ за пробужденіемъ моей жены; она не знала, было ли что-нибудь написано и еще менѣе, что, или отъ кого. Тогда только я передалъ ей содержаніе сообщенія. Но мы не знали, имѣло ли появленіе фигуры какое-либо къ нему отношеніе. Полтора мѣсяца спустя жена моя посѣтила графиню, только что потерявшую своего мужа; пройдя въ ея кабинетъ, гдѣ она до этого никогда не бывала, она очутилась лицомъ къ лицу съ портретомъ женщины во весь ростъ, котораго она никогда не видала, но въ которомъ немедленно узнала прекрасное видѣніе, представшее ея умственному взору на томъ сеансѣ. То былъ портретъ покойной дочери графини.

Въ предшествующей рубрикѣ я привелъ случай, разсказанный Дэль-Оуэномъ, о появленіи его покойнаго друга (Віолеты) двумъ медіумамъ, которые вовсе не знали ни Оуэна, ни Віолеты; это явленіе во всемъ согласное съ земною внѣшностью Віолеты, дополняло картину личныхъ и интимныхъ подробностей, сообщенныхъ ею тѣмъ же медіумомъ.

б) Появленіе отшедшаго, удостовѣренное внутреннимъ зрѣніемъ медіума и одновременно трансцендентальной фотографіей; или одной фотографіей въ отсутствіи лицъ, знавшихъ отшедшаго.

Явленіе самое одухотворенное изъ области физической это, разумѣется, трансцендентальная фотографія, удостовѣряющая фактъ объективной реальности призрака или невидимой матеріализаціи. Въ главѣ I я представилъ всѣ историческія подробности развитія этого явленія. Его основной прототипъ мы имѣемъ въ замѣчательныхъ опытахъ Битти, гдѣ медіумъ въ трансѣ давалъ описаніе свѣтящихся образовъ, появлявшихся передъ его внутреннимъ зрѣніемъ, — начиная съ различныхъ неопредѣленныхъ образовъ и кончая постепеннымъ развитіемъ ихъ въ опредѣленные человѣческіе—и неоднократно совершенно согласовавшихся съ полученными фотографіями.

Мы имѣемъ подтвержденіе того же факта въ свидѣтельствѣ

столь же надежномъ, а именно достопочтеннаго М. А. (Oxon.). Вотъ какимъ образомъ онъ описываетъ свой первый опытъ по части трансцендентальной фотографіи:

„Первая фотографія, полученная съ Гудсономъ, замѣчательна почти полнымъ застланіемъ снимавшагося. Я сталъ въ профиль и уставилъ глаза въ потолокъ фотографическаго кабинета. Я имѣлъ опредѣленное ощущеніе окружавшаго меня свѣтящагося тумана и чьего-то возлѣ себя присутствія; это ощущеніе на столько усилилось, что до окончанія выставки я уже находился почти въ трансѣ. По проявленіи, фигура моя на пластинкѣ была едва видна, а на томъ мѣстѣ, гдѣ я ощущалъ чье то присутствіе, стояла ясно очерченная, задрапированная фигура. Лицо совершенно явственно, а поза соотвѣтствуетъ вполнѣ тому, что я ощущалъ. Ощущавшійся мною свѣтящійся туманъ почти совсѣмъ застлалъ мою фигуру. Въ добавленіе къ другимъ предосторожностямъ я просилъ м-ра Гудсона перевернуть пластинку, чтобы такимъ образомъ еще болѣе оградить себя отъ подготовленнаго обмана.“ („Human Nature“, 1874 стр., 426).

Вотъ еще два случая, гдѣ невидимыя индивидуальности, постоянно нахоящіяся при медіумахъ и часто показывающіяся ихъ внутреннему взору, появляются также и на сенситивной пластинкѣ, когда эти медіумы снимаются. Первый изъ этихъ случаевъ былъ уже цитированъ мною въ главѣ I (стр. 88); это тотъ, гдѣ весьма извѣстный медіумъ, миссисъ Конаитъ, за мгновеніе до выставки, видитъ свою маленькую пріятельницу индіанку Вашти; она протягиваетъ къ ней руку и фотографія воспроизводитъ объ фигуры рука въ руку (см. таб. VII, фот. 3). Второй случай относится къ тому-же М. А. Въ ту минуту, когда снимали съ него фотографію, онъ увидалъ маленькую Полину, обыкновенно появлявшуюся въ его интимномъ кружкѣ, и описалъ ея позу; она не упустила случая сняться и сама. Вотъ краткій разсказъ М. А.:

„Мѣсяцъ тому назадъ мы отправились для фотографическаго опыта съ м-мъ Паркомъ. Полина появилась опять. Я сидѣлъ за маленькнмъ столомъ и почти тотчасъ-же впалъ въ трансъ.

Въ моемъ состоянiи ясновидѣнiя я видѣлъ дѣвочку стоящей или колыхающейся возлѣ моего лѣваго плеча. Она казалось мнѣ, была возлѣ стола и я тщетно старался обратить на нее вниманiе д-ра Спира. Какъ только выставка окончилась и я проснулся, я передалъ, что видѣлъ, и по проявленiи пластинки на ней оказалась какъ бы стоявшая на столѣ фигура маленькаго ребенка. Поза ея совершенно такая, какъ я ее видѣлъ и ощущалъ. Въ этомъ портретѣ, носящемъ на себѣ слѣды семейнаго сходства, дѣвочка тотчасъ же признала себя и запрыгала въ восхищенiи отъ успѣха опыта. Такъ ясно было мое видѣнiе и на столько былъ я увѣренъ въ томъ, что окажется на пластинкѣ, что я готовъ былъ держать о томъ пари на что угодно, прежде чѣмъ увидалъ ее“ (Human nature 1874 г., стр. 397).

Сюда относятся въ нѣкоторомъ смыслѣ и случаи трансцендентальной фотографiи индивидуальностей, которыя также обыкновенно являются у нѣкоторыхъ медiумовъ, но уже путемъ видимой матерiализацiи (я говорилъ объ этомъ пространно въ главѣ I, см. стр. 195).

До сихъ поръ только предполагается, что трансцендентальныя фотографiи суть образцы отшедшихъ; но доказательства самоличности мы еще не находимъ. Верховнымъ развитiемъ явленiя, понятно будетъ константпрованiе самоличности на основанiи сходства. Подобные случаи многочисленны. Въ главѣ I я также упомянулъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Случай Мозеса Доу (стр. 82) долженъ быть признанъ за совершенно убѣдительный, такъ какъ онъ подтверждается и многими доказательствами умственнаго порядка. Для нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣнiй я обратился въ 1886 году къ самому Мозесу Доу, но мое письмо уже не застало его въ живыхъ.

Изъ позднѣйшихъ случаевъ я могу упомянуть о приводимомъ извѣстнымъ А. Р. Уоллесомъ на публичномъ чтенiи въ Санъ-Франциско 5 iюня 1887 года, гдѣ онъ говоритъ:

„Одно изъ самыхъ интересныхъ доказательствъ самоличности было дано мнѣ, можетъ быть кому-нибудь изъ васъ знакомымъ, м-ромъ Бландомъ пзъ Вашингтона, хорошо извѣстнымъ

другомъ индѣйцевъ. У него бывали частые сеансы съ одной дамой изъ числа его личныхъ друзей, медіумомъ непрофессіональнымъ. Черезъ эту даму, какъ медіума, онъ часто получалъ сообщенія отъ своей матери. Онъ ничего не зналъ о спиритическихъ фотографіяхъ, но однажды мать сказала ему черезъ медіума, что, если онъ пойдетъ къ одному фотографу въ Цинцинати (кажется мнѣ, что въ Цинцинати, ибо онъ жилъ тамъ), она постарается явиться на пластинкѣ вмѣстѣ съ нимъ. Никакого имени фотографа сообщено не было, а просто сказано: „къ фотографу“. Онъ просилъ медіума идти съ нимъ и они отправились вмѣстѣ и зашли къ первому попавшемуся имъ по дорогѣ фотографу и заявили желаніе сняться. Они сѣли рядомъ и фотографъ снялъ ихъ обоихъ; когда-же онъ проявилъ пластинку, то сказалъ, что тутъ что-то неладно, ибо вмѣсто двухъ фигуръ вышло три. Они-же отвѣтили, что знаютъ это и что все въ порядкѣ, но къ великому удивленію м-ра Бланда, третье лицо на пластинкѣ оказалось не лицомъ его матери. Это имѣетъ особенное значеніе въ виду того, что слѣдуетъ дальше. М-ръ Бландъ вернулся домой и спросилъ черезъ медіума, какъ это случилось, что чье-то чужое лицо вышло на пластинкѣ. Тогда мать его отвѣтила, что то былъ одинъ изъ ея друзей, ей сопутствовавшій какъ болѣе ея опытный въ этомъ предметѣ, почему и взялся первый за дѣло; но что если сынъ вторично пойдетъ къ фотографу, то этотъ разъ появится она сама. Они такъ и сдѣлали, и въ этомъ второмъ случаѣ дѣйствительно появился портретъ его матери. Тогда одинъ изъ его знакомыхъ подалъ ему мысль, чтобы устранить всякія сомнѣнія относительно фотографа, который могъ бы достать гдѣ нибудь портретъ его матери, попросить ее опять появиться на пластинкѣ съ какимъ-нибудь незначительнымъ измѣненіемъ въ своемъ туалетѣ, которое послужило-бы доказательствомъ, что тутъ не было никакой поддѣлки. Они пошли къ фотографу въ третій разъ и въ этотъ сеансъ получили опять портретъ матери, очень сходный съ первымъ съ той разницей, что на ней была другая накидка. Онъ мнѣ показывалъ всѣ три фотографіи и разсказъ о нихъ я получилъ прямо изъ его устъ. Допустивъ, что онъ сказалъ

правду, я едва-ли вижу возможность придти къ иному заключенію, что тутъ было дѣйствительное общеніе между нимъ и и его отшедшей матерью „Light 1887 г., стр. 308).

Могу указать еще на недавній случай трансцендентальной фотографіи Нелли Поуэръ, полученной частнымъ лицомъ — Джонстономъ съ частнымъ-же медіумомъ—Рита, что отвѣчаетъ требованіямъ г. Гартмана (См. подробности въ переводѣ статьи г. Джонстона, помѣщенномъ въ „Ps. Studien“ 1880 г. и „Ребусѣ“ 1888 г., стр. 265). Къ новѣйшимъ случаямъ относятся: фотографія г. Пардо, полученная тѣмъ же г. Джонстономъ въ темнотѣ („Medium“, 1892 г., 15 іюля) и фотографіи ребенка въ четырехъ различныхъ позахъ полученныя г. „Эдина“ („Light“, 1892 г., 7 мая).

Единственная слабая сторона *узнанныхъ* спиритическихъ фотографій, съ точки зрѣнія Гартмана, состоитъ въ томъ, что личность, получающая таковую, обыкновенно самъ позирующій, знавшій отшедшаго, и слѣдовательно, позирующій можетъ быть разсматриваемъ, какъ безсознательный источникъ полученнаго образа, причемъ медіумъ посредствомъ процесса ясновидѣнія и безсознательнаго объективированія умудряется поставить этотъ созданный имъ образъ въ требуемый фокусъ; или одна мысль позирующаго производитъ все это съ помощью эманаціи медіума и т. д. Это трудно, даже очень трудно, потому что обыкновенно медіумъ и позирующій находятся во время этихъ фотографій въ состояніи вполнѣ нормальномъ; натянутость этого объясненія бросается въ глаза, но все-же оно не нелогично съ точки зрѣнія анимической.

Узнанныя фотографіи, полученныя съ мысленно затребованнымъ доказательствомъ (задуманная поза, задуманная принадлежность туалета и т. п.) составляютъ драгоцѣнную разновидность этого рода явленій (см. напр. случаи, упоминаемые въ „Human Nature“ 1874 г., стр. 394; „Light“ 1885 года, стр. 240); но и онѣ, очевидно, подпадаютъ, подъ то же возраженіе.

Итакъ, чтобъ случай узнанной трансцендентальной фотографіи былъ совершенно доказателенъ, требуется, чтобъ она

была получена *въ отсутствіи лицъ, знавшихъ вошедшаго*. Въ случаѣ, приведенномъ Уоллэсомъ, мы уже имѣемъ доказательство, что на фотографіи не всегда воспроизводится образъ, мысленно задуманный позирующимъ, ибо г. Бландъ ожидалъ получить образъ совершенно иной. Но есть тоже случаи, которые совершенно отвѣчаютъ выше поставленному условію. Я подробно привелъ въ главѣ I, съ воспроизведеніемъ самой фотографіи, случай Бронсона Муррей (стр. 80), получившаго черезъ Мумлера фотографію женщины, которой ни Муррей, ни Мумлеръ не знали, и которая потомъ была узнана своимъ мужемъ, г. Боннеромъ; позднѣе онъ самъ получилъ такую же фотографію съ перемѣною позы, согласно данному духомъ обѣщанію, причемъ Мумлеръ не зналъ, что то былъ мужъ этой женщины. Ея появленіе и даже ея имя были указаны женою Мумлера (она была видящимъ медіумомъ) за нѣсколько минутъ до фотографированія.

Д-ръ Томсонъ, съ которымъ мы уже знакомы, какъ съ участникомъ сеансовъ Битти (стр. 43), свидѣтельствуетъ о слѣдующемъ фактѣ, напечатанномъ въ „Spiritual Magazine“ 1873 г. на стр. 475:

„4 Уорстеръ-Лоупъ, Клафтонъ, Бристоль.

„4-го августа 1873 г.

М. г. Пишу вамъ согласно моему обѣщанію, чтобъ сказать, что спиритическій образъ на моей фотографіи былъ признанъ за портретъ моей матери, которая скончалась 44 года тому назадъ при моемъ рожденіи; такъ какъ никакого портрета ея не осталось, то я самъ и не могъ судить о сходствѣ, и послалъ фотографію къ ея брату съ просьбою увѣдомить меня, не найдетъ ли онъ въ ней сходства съ кѣмъ-либо изъ нашихъ отшедшихъ родственниковъ; онъ отвѣтилъ, что это портретъ моей матери“.

„Вашъ и ироч,

„К. Томсонъ“.

„Я не думаю, чтобы дядя имѣлъ какое-либо понятіе о спиритизмѣ или спиритическихъ фотографіяхъ, такъ какъ онъ

живетъ въ отдаленной части Шотландіи; это явствуетъ всего болѣе изъ его восклицанія въ письмѣ: „но я не могу понять, какъ это могло быть сдѣлано!“

Интересныя подробности объ этомъ случаѣ можно найти въ „Human Nature“, 1874 г., стр. 426.

Другой случай этого рода, совершенно доказательный, сообщается также г. Мозесомъ Доу. Онъ изложенъ имъ пространно въ статьѣ, напечатанной въ „Banner of Light“, 14-го августа, 1875 г.

Вотъ вкратцѣ ея содержаніе: г. Доу продолжаетъ получать сообщенія отъ Мабель Уарренъ, исторію которою мы знаемъ. Она много говоритъ ему о своей подругѣ въ новомъ мірѣ, которую называютъ Лиззи Бенсонъ; послѣдняя обѣщаетъ ему въ знакъ благодарности (мотивы которой пояснены въ статьѣ) свой портретъ вмѣстѣ съ Мабель; г. Доу отправляется къ Мумлеру и дѣйствительно получаетъ свою собственную фотографію съ изображеніями Мабель и Лиззи, которой онъ никогда не видалъ; одновременное появленія обѣихъ фигуръ также заявлено г-жею Мумлеръ въ моментъ выставки. Г. Доу посылаетъ этотъ портретъ матери Лиззи Бенсонъ; она признаетъ полное сходство и въ письмѣ, которое г. Доу напечаталъ, мы, между прочимъ, читаемъ: „Едва ли возможно этому повѣрить, но *я должна* повѣрить, потому что знаю, что *никогда никакой фотографіи Лиззи не существовало*“. Какъ мы видимъ, здѣсь доказательство абсолютное. Я имѣлъ случай видѣть эту фотографію въ Лондонѣ въ 1886 году въ коллекціи г. Уэджвуда.

Подобный же случай, быть можетъ, еще болѣе доказательный, появился въ „Light'“ѣ, 15 декабря 1888 г., стр. 614, который заимствуетъ его изъ „Британскаго журнала фотографіи“. Передаю его вкратцѣ. Г. Фредерикъ Ивенсъ узналъ этотъ фактъ и всѣ подробности изъ устъ тѣхъ самыхъ лицъ, до коихъ онъ относится. Г. Х., частное лицо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, медіумъ, отправился однажды съ другомъ своимъ, докторомъ С., къ г-ну У., любителю-фотографу, который какъ то было извѣстно доктору С., уже получалъ иногда трансцендентальныя фотографіи. Г. Х. не вѣрилъ этому. Докторъ С. про-

дѣлалъ самъ всѣ требуемыя манипуляціи, и когда получилась фотографія его пріятеля Х., то на негативѣ оказалась еще другая фигура, стоявшая впереди. г. Х, Никто ее не узналъ, а такъ какъ г. Х. желалъ имѣть только доказательство возможности подобнаго факта, то онъ иоложилъ фотографію въ свои столъ и забылъ о ней. Это было въ 1874 году. Вотъ что случилось восемь лѣтъ спустя, т. е. въ 1882 г. Предоставимъ теперь слово дамѣ, которая, по странной случайности, узнала въ этой фотографіи несомнѣнный портретъ своего мужа.

„Въ 1878 году я познакомилась съ г. Х. и очень подружилась съ его сестрою. Они оба были очень добры ко мнѣ и къ моимъ дѣтямъ во время моихъ несчастій. Когда онъ рѣшился провести нѣсколько мѣсяцевъ въ К., я нашла ему квартиру, и помогала сестрѣ его раскладываться и приводить все въ порядокъ. Когда я открыла ящикъ съ бумагами, чтобы переложить ихъ въ письменный столъ, мнѣ попалось нѣсколько фотографій г. Х. Перебирая ихъ, я взглянула на одну, представлявшую два лица. „Какъ странно...“, начала было я, но разглядѣвъ ближе вторую фигуру, я почувствовала, какъ кровь застываетъ въ моихъ жилахъ. „Чго странно?“ — спросила миссъ Х. „А!—сказала она, взглянувъ мнѣ черезъ плечо,— вы нашли ее, а я думала, что она давно пропала. Но что съ вами,—продолжала она, замѣтивъ мое молчаніе и блѣдность— вамъ дурно?“—„Скажите мнѣ—начала я,—гдѣ вы достали эту фотографію и какимъ образомъ была она снята“? Пока я стояла пораженная, не спуская глазъ съ портрета, она разсказала мнѣ все вышеизложенное. „Развѣ вы никогда не старались узнать, кого изображаетъ вторая фигура?“ — „Нѣтъ, старались, но все безуспѣшно“,—отвѣтила миссъ Х. Тогда я сказала ей, что это портретъ моего мужа, умершаго въ 1872 г. Я взяла фотографію съ собою, и не говоря ни слова, показала ее моей сестрѣ, жившей много лѣтъ вмѣстѣ съ нами! она тотчасъ же узнала мужа. Точно также узнали его немедленно, безъ всякихъ подготовленій, мои трое дѣтей, мать и сестра мужа, равно какъ и многіе изъ нашихъ старинныхъ знакомыхъ; одинъ изъ нихъ, знавшій насъ обоихъ еще до нашей

свадьбы, сказалъ, что фотографія мгновенно вызвала въ немъ такое яркое воспоминаніе о мужѣ, какъ никогда ни одинъ портретъ. Особенно характерными чертами лица моего мужа были большая прядь совсѣмъ бѣлыхъ волосъ, падавшихъ на широкій лобъ, и очень густыя брови. Остальные волосы у него были только съ просѣдью. Ему было тридцать три года, когда онъ умеръ, а на видъ онъ казался старше сорока. Всѣ эти черты воспроизведены на спиритической фотографіи съ поразительнымъ сходствомъ".

И наконецъ, мы имѣемъ случай, гдѣ узнанныя фотографіи были получены *въ отсутствіи кого-либо позирующаго*, гдѣ послѣдній былъ просто замѣненъ фотографической карточкой. Вотъ два интересныхъ случая, приводимыхъ г. Снайпомъ, которые я цитирую здѣсь изъ „Light'a" 1884 г., стр. 396.

„Сосѣдъ нашъ, большой скептикъ, послѣ разговора со мною объ одномъ фотографѣ-медіумѣ, вздумалъ, чтобъ убѣдиться, послать къ нему свою фотографическую карточку, и вскорѣ получилъ копію съ нея съ изображеніемъ возлѣ себя своей умершей сестры. По сличеніи его съ ея портретомъ снятымъ при жизни, оно оказалось совершенно схожимъ. Я познакомилъ скептика съ однимъ частнымъ медіумомъ, говорящимъ въ трансѣ, и безъ малѣйшаго намека съ нашей стороны сестра его проявилась черезъ упомянутаго медіума и признала полученное изображеніе за свой портретъ. Тогда я послалъ тому же фотографу свою фотографическую карточку, назначая день и часъ для опыта. Въ указанное мною время я мысленно пожелалъ, чтобы вмѣстѣ со мною на пластинкѣ появилось изображеніе кого-нибудь изъ отшедшихъ друзей моей матери, могущее служить доказательствомъ для нея. Съ первою же почтою я получилъ копію съ моей фотографіи и на ней вторую фигуру въ бѣломъ одѣяніи. Мой покойный отецъ сообщилъ черезъ одного медіума, никого изъ нихъ не знавшаго, что вторая фигура—братъ моей матери, что признала и она сама и дочь покойнаго дяди".

Въ „Лѣтописяхъ фотографіи" Мумлера упоминается о нѣсколькихъ случаяхъ этого рода.

в) Появленіе земного образа отшедшаго путемъ матеріализаціи, подтвержденное умственными доказательствами.

На основаніи всего предшествующаго намъ приходится допустить матеріализацію троякаго рода: 1) матеріализацію двойника медіума [1]) подъ различными заимствованными именами; 2) матеріализацію искусственную человѣческихъ органовъ или фигуръ, не походящихъ на медіума, сформированныхъ съ большимъ или меньшимъ искусствомъ, съ большей или меньшей жизненностью, и 3) матеріализацію самостоятельную или самобытную — появленія матеріализованной фигуры со всѣми атрибутами самоличности, совершенно особливой отъ медіума и одаренной рѣзко выраженной, вполнѣ самостоятельной жизненностью.

Матеріализаціи подъ № 2 имѣли иногда служить доказательствами самоличности: то это рука съ двумя недостающими пальцами („Spiritual Magazine“ 1873 г., стр. 122); то это рука съ двумя пальцами, пригнутыми къ ладони вслѣдствіе обжога („Light“ 1884 г., стр. 71), или съ согнутымъ указательнымъ пальцемъ (см. тамъ же) и т. и. Мы имѣемъ отливки съ матеріализованныхъ рукъ, признанныхъ по ихъ уродствамъ, о чемъ я говорилъ выше (стр. 176); мы имѣемъ въ случаѣ, описанномъ проф. Вагнеромъ (о которомъ также упомянуто выше, стр. 129), отпечатокъ между двухъ досокъ узнанной руки: „Она была для женской руки необыкновенно велика, длинна, съ искривленнымъ мизинцемъ“ (фототипія этого оттиска находится въ „Ps. Studien“ 1879 г.). Этотъ случай содержитъ также умственныя особенности, которыя придаютъ ему исключительную цѣну.

Матеріализаціи подъ № 3, фигуръ вполнѣ узнанныхъ, очень рѣдки, хотя въ настоящее время этотъ фактъ встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ то было десять лѣтъ тому назадъ.

Съ точки зрѣнія критическаго анализа можно возразить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ матеріализаціи, гдѣ мы можемъ

---

[1]) Смотри для примѣра случай, описанный въ „Ребусѣ“ 1888 года, стр. 212.

констатировать сходство внѣшняго образа—*это сходство не есть сходство самоличностн.* Ибо обыкновенно сходство это удостовѣряется однимъ изъ присуствующихъ лицъ; слѣдовательно, это лицо и есть носитель того образа, того типа, по которому безсознательная дѣятельность медіума созидаетъ матеріализующуюся фигуру. съ точки зрѣнія анимизма матеріализація двойника-медіума—фактъ безспорный; если это такъ, то измѣненія въ полнотѣ сходства логически допустимы, и опытъ свидѣтельствуетъ, что такъ и бываетъ, напр. въ случаѣ Кэти Кингъ, сходство которой съ медіумомъ было поразительно, наблюдались однако и несходства, относившіяся до роста, волосъ, ушей, ногтей и т. д. Мы знаемъ также, что эта самая Кети могла въ одно мгновеніе измѣнять цвѣтъ своего лица и рукъ: изъ бѣлаго въ черный и наоборотъ (см. „Спиритуалистъ“ 1873 г., стр. 87, 120); иногда она „походила на манекена съ подвижными членами“... „или на гутаперчевую куклу“... „безъ костей въ рукахъ“ и въ одно мгновеніе показывалась опять съ вполнѣ образовавшимися костями“ (см. Спиритуалистъ“ 1876 г., томъ II, стр. 257); или появлялась „съ костлявой, трупообразной головой, вдвое меньшей противъ головы медіума хотя и сохранявшей нѣкоторое съ нимъ сходство“ (см. Спиритуалистъ“ 1874 г., т. I, стр. 207); при этомъ она часто, вмѣсто всякаго объясненія, давала слѣдующій многозначущій отвѣтъ: „я соорудила себя, какъ могла“ (см. „Спиритуалистъ“ 1876 г., томъ II, стр. 257). Итакъ, та же дѣйствующая причина можетъ довести это различіе до такой степени, что сходство съ медіумомъ совершенно исчезнетъ. Такимъ образомъ матеріализованная фигура, походящая на отшедшаго, была бы, по Гартману, ничѣмъ инымъ, какъ дѣломъ сомнамбулическаго сознанія медіума, расиоряжающагося эманаціями своего тѣла.

Съ точки зрѣнія спиритической затрудненіе представляется еще большимъ: ибо, если мы допустимъ, что духъ медіума можетъ быть безсознательной производящей причиной матеріализаціи узнанной фигуры, то тѣмъ болѣе, духъ, отрѣшенный отъ тѣла, можетъ быть причиной, производящей эту фигуру, и такимъ образомъ матеріализованная форма никакъ не будетъ

тождественна съ духомъ, котораго она изображаетъ. Ибо очевидно, что если духъ медіума одаренъ способностью видѣть представленія и созидать какой-либо пластическій образъ, этимъ представленіямъ соотвѣтствующій—то тѣмъ болѣе духъ, отрѣшенный отъ тѣла, обладаетъ этою способностью въ размѣрѣ, о которомъ мы не можемъ составить себѣ надлежащаго понятія, и слѣдовательно можетъ путемъ матеріализаціи персонифицировать любую фигуру. Вотъ почему сходство не есть доказательство самоличности. Таковъ смыслъ заключеній, къ которому я пришелъ въ 1878 году и которое было цитировано мною выше.

Я очень радъ, что могу сослаться здѣсь на слѣдующія слова Браккета, котораго можно считать за эксперта въ вопросѣ о матеріализаціи: „Зная, что есть призраки, которые могутъ облекаться въ какіе угодно образы, внѣшнее сходство этихъ существъ не имѣетъ для меня никакого значенія при отсутствіи умственныхъ характерныхъ чертъ“ („Brackett Materialised apparitions“. Boston 1886 г., стр. 76; см. русскій переводъ г. Петрова „Медіумическія матеріализаціи“. С.-Петербургъ 1891 года).

И такъ, чтобъ матеріализованная фигура могла быть признана за явленіе самобытное,—причемъ ея сходство съ отшедшимъ принималось бы не какъ доказательство тождества, но только какъ добавочная принадлежность, служащая для полнѣйшаго заключенія о самоличности—необходимо, чтобъ эта фигура отличалась умственнымъ содержаніемъ, которое отвѣчало-бы выше формулированнымъ нами требованіямъ для умственныхъ доказательствъ самоличности, — доказательствъ, которыя, кромѣ того, не могли объясниться передачею мыслей или ясновидѣніемъ. Дѣло весьма трудное, ибо нужно же, чтобы какое-либо присутствующее лицо могло судить о сходствѣ и объ этомъ умственномъ содержаніи—условіе, тѣмъ самымъ ослабляющее цѣнность явленія. Но къ счастью, есть нѣкоторые атрибуты личности, которые не подпадаютъ вліянію этого присутствія, — которыхъ ни передача мыслей, ни ясновидѣніе не могутъ предоставить въ распоряженіе иной дѣй-

ствующей силѣ, кромѣ силы той личности, которой они принадлежатъ. Эти атрибуты суть: иочеркъ, тождественный съ почеркомъ проявляющейся личности; рѣчь на языкѣ, медіуму незнакомомъ, хотя бы и извѣстномъ присутствующимъ; подробности о жизни, присутствующимъ неизвѣстныя, и т. п.

Случаи этого рода существуютъ. Я приведу здѣсь одинъ весьма замѣчательный, представляющій особенности, рѣдко встрѣчающіяся на матеріализаціонныхъ сеансахъ; онъ былъ сообщенъ журналу „Facts“ г. Шерманомъ и перепечатанъ оттуда въ журналѣ „Light“, 1885 г., стр. 235, изъ котораго я его въ сокращеніи и заимствую:

„Въ дни моей молодости, между 1835 и 1839 годами занятія мои привели меня па острова Тихаго океана. Въ числѣ экипажа на нашемъ кораблѣ были туземные жители — островитяне, отъ которыхъ я нѣсколько научился говорить иа ихъ языкѣ. Затѣмъ сорокъ лѣтъ я прожилъ дома, состоя членомъ одной церкви; теперь мнѣ шестьдесятъ восемь лѣтъ, Изъ желанія знать истину я присутствовалъ на многихъ спиритическихъ сеансахъ и послѣдніе два года велъ имъ запись.

„Февраля 23-го, 1883 года. Я былъ на сеансѣ въ Родъ Айландѣ у миссисъ Алленъ, изъ Провиденса, когда матеріализовался духъ островитянина съ Тихаго океана; я узналъ его изъ его разсказа о паденіи его съ мачты: онъ этимъ повредилъ себѣ колѣно, на которомъ и осталось постоянное затвердѣніе; на этомъ сеансѣ оиъ положилъ мою руку иа свое колѣно, матеріализованное съ этимъ самымъ затвердѣніемъ. На кораблѣ его звали Билли Марръ.

„Апрѣля 6-го. Въ этотъ разъ я иринесъ съ собою кусокъ ткани, вырабатываемой туземцами изъ коры одного дерева, растущаго на ихъ островѣ (Tapper tree), и находившейся у меня впродолженіе сорока пяти лѣтъ. Онъ подержалъ ткань въ рукѣ и сказалъ ея туземное названіе.

„Сентября 1-го: Меня и жену мою потребовали къ кабинету медіума; пока мы стояли передъ нимъ, на полу появилось бѣлое пятно, изъ котораго постепенно образовалась матеріализованная фигура, признанная мною за мою сестру. За-

тѣмъ появилась фигура моей первой жены; потомъ занавѣски раздвинулись и между ими мы увидали стоящую женщину въ одеждѣ островитянки Тихаго океана, какую носили, сколько мнѣ помнится, сорокъ пять лѣтъ тому назадъ. Женщина говорила со мной на родномъ языкѣ.

„Сентября 18-го. Женщина эта матеріализовалась опять; она пожала мнѣ руку и сказала, что она съ Нью-Хивера, одного изъ Маркизскихъ острововъ. Она напомнила мнѣ, какъ она была поражена, услыхавъ пушечный выстрѣлъ, когда она была у насъ на кораблѣ съ своей — матерью королевой острова.

„Сентября 29-го. Она явилась опять. Въ этотъ разъ матеріализовался и Билли Марръ и сказалъ, что это онъ уговорилъ ее придти. Называлъ онъ ее Іеней.

„Октября 17-го. На сеансъ миссисъ Аллень пришла королева и сказала, что ея имя Перфеней. Она прохаживалась по комнатѣ со мною и позволила мнѣ вырѣзать кусочекъ изъ своей одежды, совершенно изъ такой-же туземной ткани, кусокъ которой я привезъ домой сорокъ пять лѣтъ тому назадъ.

„Ноября 5-го. У того-же медіума Перфеней дозволила мнѣ вырѣзать для образца четыре кусочка изъ своей одежды, которую для этого держала въ рукахъ. Ткань оказалась точно такою-же, какъ и кусокъ, отрѣзанный мною раньше. Тогда она напомнила мнѣ о туземной пищѣ, называющейся „поуэй“ (powey), сѣла на полъ и стала показывать, какъ берутъ ее изъ блюда пальцами“.

Можно было-бы привести еще нѣсколько случаевъ этого рода, но я думаю, что нельзя найти лучшаго, болѣе убѣдительнаго въ смыслѣ доказательства сомоличности матеріализованной фигуры, какъ случай явленія Эстеллы (умершей въ 1860 году) своему мужу г. Ливермору — весьма извѣстному въ свое время банкиру въ Нью-Іоркѣ. Этотъ случай соединяетъ въ себѣ все необходимое, чтобъ считать его классическимъ отвѣчающимъ всѣмъ требованіямъ безспорнаго доказательства. Подробности можно найти въ „Spiritual Magazine“, 1861 года, въ статьѣ г. Кольмана, получавшаго эти свѣдѣнія прямо отъ

г. Ливермора, отпечатанныхъ потомъ въ отдѣльной брошюрѣ: „Spiritualism in America“, by Benjamin Coleman, London, 1861 г., а также въ сочиненіи Гэль Оуэна „Спорная Область“ (см. русское изданіе), который позаимствовалъ всѣ подробности изъ рукописи самаго Ливермора [1]). Я укажу здѣсь только на главныя черты: матеріализація одной и той-же фигуры продолжалась въ теченіе 5 лѣтъ, съ 1861 по 1866 г., въ теченіе которыхъ г. Ливерморъ имѣлъ 388 сеансовъ съ медіумомъ Кэтъ Фоксъ, подробности которыхъ были немедленно записываемы въ дневникѣ. Сеансы происходили въ совершенной темнотѣ; г. Ливерморъ большей частью былъ одинъ съ медіумомъ, котораго все время держалъ за обѣ руки; медіумъ постоянно находился въ состояніи нормальномъ и былъ сознательнымъ свидѣтелемъ всего происходившаго. Фигура Эстеллы матеріализовалась постепенно; только на 43-мъ сеансѣ Ливерморъ могъ наконецъ узнать ее, благодаря сильному освѣщенію, производившемуся какой-то таинственной силой при появленіи Эстеллы. То и другое происходило подъ ближайшимъ руководствомъ второй фигуры, которая сопровождала Эстеллу и называла себя Франклиномъ [2]). Съ того времени матеріализація Эстеллы становилась все болѣе и болѣе совершенною и могла выдерживать свѣтъ фонаря, приносимаго Ливермором. Къ счастью, для цѣнности этого факта, фигура не могла говорить, за исклю-

---

[1]) Такъ какъ все относящееся до этого случая драгоцѣнно, то я укажу здѣсь на тѣ года „Spirityal Magazine“, гдѣ можно найти еще нѣкоторыя очень интересныя подробности: 1862, passim; 1864, стр. 328; 1865, стр. 456; 1866, стр. 34; 1867, стр. 54, и 1869, стр. 252; объ этихъ послѣднихъ мы поговоримъ ниже.—Интересующіеся найдутъ въ „Ребусѣ“ 1893 г. всю главу Д. Оуэна, относящуюся до явленій Эстеллы.

[2]) Очень извѣстный въ концѣ прошлаго столѣтія американскій государственный дѣятель, подписавшій трактъ независимости Сѣверныхъ Американскихъ Штатовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ученый физикъ, особенно, занимавшійся электричествомъ, изобрѣтатель громоотвода — Веньяминъ Франклинъ; по спиритическимъ преданіямъ онъ былъ иниціаторомъ установленія правильнаго общенія между обоими мірами и принималъ дѣятельное участіе въ развитіи различныхъ видовъ медіумизма въ первые годы этого движенія (см. напр. и выше, стр. 410).

*

ченіемъ нѣсколькихъ словъ, и *вся умственная сторона явленія должна была облекаться въ такую внѣшнюю форму которая оставила навсегда пребывающіе слѣды.* Я говорю о письменныхъ сообщеніяхъ, полученныхъ Ливерморомъ отъ Эстеллы на карточкахъ, приносимыхъ имъ съ собою; они писались не рукою медіума, а непосредственно рукою самой Эстеллы и даже иногда на глазахъ Ливермора при свѣтѣ, нарочно для того производимомъ. Почеркъ этихъ сообщеній совершенный facsimile прижизненнаго почерка Эстеллы. Подробности я представилъ выше (см. стр. 583). Содержаніе слогъ, выраженіе — все въ этихъ сообщеніяхъ свидѣтельствовало о самоличности проявлявшейся. Помимо умственныхъ доказательствъ, многія изъ этихъ сообщеній были писаны *на французскомъ* языкѣ, которымъ Эстелла владѣла въ совершенствѣ, *медіуму же онъ былъ вовсе неизвѣстенъ* (подробности также смотри выше).

Прекращеніе появленій Эстеллы путемъ матеріализаціи представляетъ сходныя черты съ прекращеніемъ появленія Кэти Кингъ. Мы читаемъ у Оуэна: „Послѣдній разъ фигура Эстеллы явилась на 388-мъ сеансѣ 2-го апрѣля 1866 года. Съ этого дня хотя Ливерморъ и продолжаетъ получать даже до сего времени (я пишу въ 1871 году) самыя сердечныя сообщенія отъ Эстеллы, но хорошо знакомаго образа онъ болѣе не видалъ“ („Debatable Land“, стр. 398). Также и Кэти Кингъ послѣ нѣкотораго времени не могла болѣе проявляться чувственнымъ образомъ, т. е. облекаться въ тѣлесную форму, но продолжала выражать свою симпатію болѣе утонченными способами (смотри выше стр. 280—1).

Подобно этому и Эстелла, не будучи въ состояніи долѣе проявляться путемъ видимой матеріализаціи, продолжаетъ, однако, являться путемъ матеріализаціи невидимой. Это единственное изъ болѣе утонченныхъ ея проявленій, ставшее гласнымъ и завершающее драгоцѣнные для насъ опыты Ливермора. Я говорю о трансцендентальныхъ фотографіяхъ Эстеллы, полученныхъ Ливерморомъ въ 1860 году, о коихъ вкратцѣ было упомянуто выше (стр. 79). Въ то время еще не прибѣгали къ отпечаткамъ, парафиновымъ формамъ и фотографіямъ

для констатированія объективности матеріализаціи; когда онъ услыхалъ о сиритическихъ фотографіяхъ Мумлера, онъ имъ не повѣрилъ и принялъ всевозможныя мѣры, чтобъ уличить обманъ; мы имѣемъ объ этомъ его собственныя показанія, данныя нередъ судомъ во время процесса Мумлера, приведенныя въ „Spirit Magaz.“1869 г., стр. 252—254. У него было два сеанса съ Мумлеромъ; на первомъ негативѣ появилась возлѣ г. Ливермора фигура, которая въ послѣдствіи была признана докторомъ Греемъ за одного изъ его родственниковъ; на второмъ сеансѣ было пять выставокъ подъ рядъ *и для каждой Ливерморъ принималъ другую позу*; на первыхъ двухъ пластинкахъ получилось только что-то туманное; на трехъ послѣднихъ, *въ трехъ различныхъ позахъ*; появилась Эстелла, и съ каждымъ разомъ сходство ея увеличивалось. „Сходство было полное, — говоритъ г. Ливерморъ—такимъ оно было признано не только мною самимъ, но и всѣми моими знакомыми“. На одинъ изъ вопросовъ судьи, онъ отвѣтилъ, что у него есть нѣсколько портретовъ жены, „но не въ такомъ видѣ“.

Дополнительное свидѣтельство объ этомъ фактѣ мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ г. Кольманомъ на одной изъ конфереиціи лондонскихъ спиритуалистовъ, по вопросу о спиритическихъ фотографіяхъ: „Г. Ливерморъ прислалъ мнѣ портретъ своей жены. Онъ отправился къ Мумлеру съ цѣлью доказать, что спиритическая фотографія есть ничто иное какъ обманъ; передъ самымъ открытіемъ объектива онъ принялъ другую позу, чтобъ этимъ разстроить всякое возможное со стороны Мумлера приспособленіе для проявленія на пластинкѣ фигуры въ позѣ, соотвѣтствовавшей его первоначальной. Ливерморъ заявилъ объ этомъ гласно не изъ какого-либо энтузіазма къ предмету, а только по убѣдительной просьбѣ судьи Эдмондса явился на скамьѣ свидѣтелей, чтобъ засвидѣтельствовать о фактѣ“(„Spiritualist„.1867, 1,стр. 77).

Мнѣ остается только формулировать послѣднее требованіе по части доказательствъ самоличности путемъ видимой матеріализаціи; оно состоитъ въ томъ, чтобы—какъ это требовалось

нами для умственныхъ сообщеній и для трансцендентальной фотографіи—оно было дано *въ отсутствіи лица, могущаго узнать матеріализованную фигуру.* Я думаю, что можно было бы найти въ лѣтописяхъ матеріализаціи нѣсколько случаевъ и этого рода. Но существенный вопросъ въ томъ: допустимъ, что фактъ намъ данъ, будетъ ли онъ служить абсолютнымъ доказательствомъ? Очевидно, что нѣтъ. Ибо, допустивъ, что „духъ“ можетъ такимъ образомъ проявлятся, онъ, по этому самому, всегда можетъ воспользовatся всѣми атрибутами личности другаго духа и персонифировать его, даже въ отсутствіи лица, могущаго его узнать. Подобный маскарадъ былъ бы вполнѣ безсмысленнымъ, *будучи совершенно лишеннымъ побуждающаго мотива*, но, съ точки зрѣнія критики, его возможность не была бы иллогична.

Очевидно, что эта самая возможность подражанія или персонификаціи (подстановки личности) одинаково допустима и для явленій умственнаго порядка. Умственное содержаніе земнаго существованія какого-нибудь духа, скажемъ А, должно быть еще болѣе доступно для другаго, скажемъ В, чѣмъ внѣшніе атрибуты этого существованія. Возмемъ даже случай рѣчи на языкѣ медіуму неизвѣстномъ, но знакомомъ отшедшему; вполнѣ возможно, что мистифицирующій духъ какъ разъ знаетъ и этотъ языкъ. Итакъ остается только доказательство, основанное на тождествѣ почерка, которое не могло бы быть поддѣлано; но для этого требовалось бы, чтобъ это доказательство было представлено съ особенною полнотою и совершенствомъ, какъ напр. въ случаѣ Ливермора, ибо иначе, мы знаемъ, что почеркъ и всего болѣе подписи также подлежатъ поддѣлкамъ и подражаніямъ. Такимъ образомъ, послѣ подстановки личности въ сферѣ земной — посредствомъ безсознательной дѣятельности медіума — намъ приходится имѣть дѣло съ подстановкою личности въ сферѣ сверхъ-земной, посредствомъ сознательной дѣятельности какого либо фактора, находящагося внѣ медіума и такая подстановка логически не имѣла конца. *Qui pro quo* было бы всегда возможнымъ и предполагаемымъ. То, что логика заставляетъ насъ допустить въ принципѣ, это

спиритическая практика доказываетъ на дѣлѣ. Элементъ мистификаціи въ спиритизмѣ — фактъ безспорный. Онъ былъ признанъ съ первыхъ его шаговъ. Ясно, что далѣе нѣкоторыхъ границъ онъ не можетъ уже быть отнесенъ къ безсознательному и становится агрументомъ въ пользу дѣятеля внѣ-медіумическаго, сверхъ-земного. (Какъ на примѣръ мистификаціи столь же совершенной во всѣхъ подробностяхъ, сколь назидательной для гипотезы о духахъ, я укажу на разсказанный въ „Light“ 1882 г,, стр. 216; см. также стр. 238, 275, 333).

Каково же будетъ заключеніе всей нашей работы надъ спиритической гипотезой? Мы должны формулировать его такъ: *Хотя мы и пришли не легкимъ путемъ къ убѣжденію, что индивидуальный принципъ переживаетъ распаденіе тѣла и можетъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, снова проявляться чрезъ посредство человѣческаго организма, способнаго къ воспріятію подобныхъ вліяній, но, тѣмъ не менѣе, абсолютное (въ строжайшемъ смыслѣ слова) доказательство самоличности проявляющейся индивидуальности — невозможно.* Мы должны довольствоваться только доказательствомъ относительнымъ, только *возможностью допустить фактъ.* Вотъ истина, которую намъ надлежитъ хорошенько проникнуться.

Итакъ, *неоспоримое доказательство самоличности* „духовъ“, посредствомъ какихъ бы то ни было проявленій, невозможно *именно по той причинѣ*, что мы вынуждены допустить существованіе этихъ такъ называемыхъ „духовъ“; въ этомъ послѣднемъ фактѣ вся суть; его-то и требовалось доказать.

Нѣсколько заключительныхъ словъ.

Теперь, когда фактъ индивидуальнаго посмертнаго существованія человѣческаго духа установленъ, вопросъ о его самоличности, *съ точки зрѣнія субъективной*, пріобрѣтаетъ права, въ которыхъ до сихъ поръ ему было отказано. *Точка зрѣнія объективная* неумолима; ея требованія совершенно иныя; съ этой точки зрѣнія утверждается во имя логики, что абсолютное,

математически несомнѣнное доказательство невозможно. Точка зрѣнія субъективная совсѣмъ другая; ея требованія далеко не такъ строги; то, что было недостаточно для логики, оказывается достаточнымъ для вердикта по чувству, по внутреннему убѣжденію, которое основывается на совокупности данныхъ, неуловимыхъ для сужденія объективнаго, но неотразимой силы для убѣжденія субъективнаго. То, что для меня совершенно убѣдительно и доказательно — ничто для другого. Напримѣръ, что касается лично меня самого, то у меня не было ни одного случая доказательства самоличности, который я могъ бы представить; но на одномъ сеансѣ, совершенно обыкновенномъ, даже съ лицами хорошо мнѣ знакомыми, сложилось имя моей покойной сестры, — она сказала мнѣ всего четыре слова самыхъ простыхъ; но въ этихъ четырехъ словахъ, въ томъ, *какъ* они были сказаны — заключалась вся драма моей интимной жизни, и я имѣю глубокое убѣжденіе, что никакая безсознательная игра сознаній присутствующихъ на сеансѣ лицъ не смогла-бы формулировать эти простыя четыре слова. Есть тысячи подобныхъ доказательныхъ случаевъ, полученныхъ обыкновеннымъ путемъ, письмомъ или словомъ *въ присутствіи* лицъ, знавшихъ отшедшаго; для этихъ лицъ всѣ хитроумныя гипотезы, помимо спиритической, пустыя увертки; я прошелъ эти случаи молчаніемъ, ибо цѣль была представить объективныя неспоримыя доказательства, полученныя въ отсутствіи лицъ, знавшихъ отшедшаго, — чтобъ угодить требованіямъ неумолимой, придирчивой критики. Но такого рода доказательства очень трудны, очень рѣдки и попадаются только случайно; требовать ихъ во что бы ни стало, есть насиліе; ибо они противны и смыслу, и сущности дѣла: очевидно, что главная цѣль отшедшаго — заявить, удостовѣрить свое существованіе *тому, кто его знаетъ*, — тому, для котораго одного фактъ этотъ дорогъ.

Необходимо и здѣсь упомянуть, что, подобно тому какъ въ анимизмѣ реальность его фактовъ подтверждается также и фактами самопроизвольными, помимо всякаго эксиериментированія — такъ точно реальность бытія индивидуальныхъ существъ неземныхъ, сверхчувственныхъ, установленная на основаніи

фактовъ спиритическихъ, также подтверждается и фактами самопроизвольными, помимо всякаго экспериментированія. — фактами, существовавшими во всѣ времена, но которые, вслѣдствіе невозможности подвергнуть ихъ экспериментированію, были отнесены къ области предразсудковъ. Я говорю о явленіяхъ лицъ умершихъ — во снѣ пли на яву. Аналогія этихъ фактовъ съ фактами анимизма и спиритизма совершенно очевидна. Въ случаяхъ „телепатическихъ“ бываетъ часто трудно опредѣлить моментъ, когда случай анимическій переходитъ въ спиритическій: проявляется ли тутъ энергія умирающаго или умершаго? Лондонское Общество Психическихъ Изслѣдованій, спеціально занявшееся явленіями прижизненныхъ призраковъ, допускаетъ, что призраки, являющіеся даже двѣнадцать часовъ послѣ смерти, могутъ быть еще отнесены къ числу прижизненныхъ („Прижизненные призраки“, т. I. стр. LXIV, 511. Далѣе этого срока „доказательства недостаточны“. Вотъ мнѣніе трудолюбивыхъ авторовъ этого краеугольнаго въ области психизма сочиненія: но они далеки отъ того, чтобъ отрицать возможность факта. „Смерть—говорятъ они—можетъ быть разсматриваема, насколько намъ представляется, не какъ прекращеніе, но какъ освобожденіе энергіи“ (тамъ же, стр. 231); слѣдовательно телепатическое дѣйствіе можетъ одинаково быть приписываемо и причинѣ внѣземной: „такъ какъ наша телепатическая теорія чисто психическая, безъ всякой примѣси чего-либо физическаго, то она совершенно приложима и къ состояніямъ внѣ-тѣлеснаго бытія“ (тамъ же, стр. 512). Ихъ требованія для допущенія причины внѣ-земной гораздо менѣе строги, чѣмъ наши. Они говорятъ: „Совершенно спеціальныя черты должны быть на лицо, чтобъ допустить даже предположеніе о какой либо дѣйствующей причинѣ, находящейся внѣ духа самого перципіента: напримѣръ, еслибъ одну и ту же галлюцинацію имѣло нѣсколько лицъ, каждое отдѣльно и въ разное время, пли еслибъ призракъ сообщилъ свѣдѣніе, о которомъ перципіентъ никогда ничего не зналъ и которое потомъ оказалось бы вѣрнымъ; это послѣднее условіе, вѣроятно, единственное, могущее доказать внѣшнюю разумную причину“. И мы съ удовольствіемъ кон-

статируемъ слѣдующее за этими словами признаніе: *Есть на лицо нѣсколько доказательствъ обоихъ этихъ типовъ*, такого, свойства, которое налагаетъ на насъ обязанность оставить этотъ вопросъ открытымъ для дальнѣйшаго изслѣдованія. Для сужденія о настоящемъ положеніи вопроса смотри статью г-жи Сиджвикъ: О доказательствахъ, собранныхъ Обществомъ Психическихъ Изслѣдованій по вопросу о посмертныхъ призракахъ, въ части VIII „Proceedings“ (тамъ же, стр. 512). Поэтому можно утверждать, что придетъ время, когда факты этого рода будутъ, наконецъ, собираемы и изучаемы, не подвергаясь презрительному остракизму науки и общественнаго мнѣнія.

Теперь, когда мы знакомы съ явленіями анимизма и спиритизма, вопросъ о появленіи призраковъ представляется въ видѣ совершенно иномъ. Наши настоящія понятія о силѣ и матеріи должны будутъ подвергнуться радикальному измѣненію. Въ явленіи матеріализаціи мы имѣемъ, такъ сказать, демонстрированіе творчества воочію, наглядный опытъ „экспериментальной метафизики“, какъ выразился Шопенгауеръ; намъ доказано фактами, что матерія есть только выраженіе силы — превращеніе воли въ бытіе, или, другими словами, что матерія есть только объективація, представленіе воли (смотри мою статью „Медіумизмъ и философія“ въ Русскомъ Вѣстникѣ“ 1876 года), Мы можемъ допустить, что появленіе призрака есть ничто иное, какъ явленіе психическое— „вѣщая галлюцинація“, вызванная внушеніемъ, исходящимъ изъ центра сознанія внѣ-земнаго; и мы можемъ точно также допустить, что этотъ призракъ способенъ произвести и физическое дѣйствіе, будучи, въ такомъ случаѣ, матеріальной объективаціей воли, принадлежащей тому же центру сознанія. То и другое возможно, смотря по даннымъ условіямъ.

Не безполезнымъ будетъ напомнить здѣсь, въ концѣ моего труда, сказанное мною уже въ началѣ главы I по поводу трансцендентальныхъ фотографій; а именно, что человѣческія фигуры, принимаемыя за изображенія „духовъ“, представляющіяся либо внутреннему зрѣнію медіума, либо являющіяся путемъ трансцендентальной фотографіи, или путемъ матеріали-

зацiи, вовсе не дѣйствительно присущiе имъ образы въ принадлежащей имъ сферѣ бытiя, а только образы временные, созданные усилiемъ памяти и воли для спецiальной цѣли признанiя личности въ здѣшней сферѣ. Именно слово „духъ“ является источникомъ недоразумѣнiй, когда дѣло касается спиритизма. Мы привыкли ассоцiировать слова „духъ“, „душа“ съ нашими обычными понятiями о человѣческомъ существѣ, и мы переносимъ тѣ же самыя представленiя въ область трансцендентальную. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, мы вовсе не знаемъ, что такое „духъ“— какъ тотъ, который, по нашему предположенiю, одушевляетъ человѣческое тѣло, такъ и тотъ, который, по тому же предположенiю, переживаетъ его. Эти смутныя понятiя наши о „духѣ“ порождаются еще и другимъ источникомъ недоразумѣнiй, а именно нашими понятiями о времени и пространствѣ, коими мы невольно обусловливаемъ наше представленiе о „духѣ“. Мы, правда, допускаемъ по логикѣ, что „духъ“ долженъ находиться внѣ времени и пространства, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы придаемъ ему образъ, тѣлесность — что необходимо должно быть обусловлено временемъ и пространствомъ. Противорѣчiе очевидное. Критическая философiя пользуется именно этимъ противорѣчiемъ, чтобъ смѣяться надъ ученiемъ о „духахъ“ и ихъ проявленiяхъ. Она отрицаетъ индивидуальное посмертное бытiе, основываясь именно на той аксiомѣ, что время и пространство суть только формы познаванiя, обусловливаемыя человѣческимъ организмомъ; съ исчезновенiемъ этого организма исчезаютъ и эти формы познаванiя, а слѣдовательно исчезаетъ и индивидуальность, находящаяся въ зависимости отъ понятiй времени и пространства. Но если *вещь въ себѣ* существуетъ (какъ-то допускаетъ эта самая философiя) не въ единствѣ, а во множественности, то мы можемъ предположить, что человѣческiй духъ, какъ нѣчто индивидуальное, есть также одна изъ этихъ вещей въ себѣ, и слѣдовательно ея отношенiя къ другимъ вещамъ въ себѣ также образуютъ формы познаванiя ей одной свойственныя и ничего общаго съ нашими не имѣющiя. Монада, какъ центръ силы и сознанiя, на дальнѣйшей ступени развитiя,—индивидуальная сущность, одаренная разу-

момъ и волею—вотъ единственное опредѣленіе, которое мы могли бы попытаться дать понятію о „духѣ“. Проявляясь снова въ земной сферѣ, онъ необходимо долженъ облекаться въ форму человѣческую, земную. Такимъ образомъ появленіе призрака, видимаго или осязаемаго, было бы ничѣмъ инымъ, какъ временною объективаціею человѣческой трансцендентной индивидуальности, облекающейся въ ту или другую форму личности въ мірѣ феноменальномъ.

Перечень спиритическихъ гипотезъ по Гартману.

Послѣ всего сказаннаго въ этой главѣ, мнѣ нѣтъ надобности подвергать подробной критикѣ главу V сочиненія Гартмана „о гипотезѣ духовъ“, но я коснусь только нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ пунктовъ.

Въ первой части этой главы г. Гартманъ обозрѣваетъ прогрессивное развитіе гипотезъ въ области спиритизма. Вотъ краткій очеркъ этихъ гипотезъ:

Первая изъ нихъ состоитъ въ „чувственно-наивномъ вѣрованіи народа, что умершіе продолжаютъ жить въ своемъ прежнемъ образѣ и прямо дѣйствуютъ членами своего невидимаго астральнаго тѣла“ (стр. 133 и 135).

Вторая гипотеза столь-же грубо-чувственна: „сообразили, что вѣдь медіумъ тоже духъ и долженъ быть въ состояніи сдѣлать и все то, что могутъ дѣлать духи умершихъ. Можно слѣдовательно думать, что духъ медіума вмѣстѣ со своимъ астральнымъ тѣломъ покидаетъ свою вещественную оболочку, лежащую теперь какъ-бы въ состояніи смерти (въ сомнамбулизмѣ), ходитъ по комнатѣ и производитъ явленія, также дѣйствуя прямо членами своего невидимаго астральнаго тѣла. Первый ударъ наивному вѣрованію“ (стр. 133, 135).

Третья гипотеза: „доказанное существованіе медіумической нервной силы (ошибочно названной психической), съ ея дѣйствіемъ на разстояніи, совсѣмъ перевернуло наивное пониманіе“... „Начинаютъ сознавать, что наибольшая часть явленій

можетъ быть сведена на медіума, какъ на единственную ихъ причину“ (стр. 135, 136).

Четвертая гипотеза: ближайшее занятіе явленіями матеріализаціи еще болѣе пошатнуло гипотезу „духовъ“. Матеріализація есть большею частью только трансфигурація самого медіума: „Когда же происходитъ дѣйствительное отдѣленіе призрака отъ медіума, то оказывается, что этотъ призракъ цѣликомъ исходитъ изъ медіума и въ него же возвращается“ (стр. 137).

Пятая гипотеза: такимъ образомъ тѣло медіума есть только орудіе или матеріальный источникъ явленій, производимыхъ одержащимъ духомъ, являющимся теперь трансцендентальною причиною явленій. Эту гипотезу можно назвать *„гипотезой одержанія;“* она уже представляетъ большой шагъ впередъ (стр. 139, 140).

Шестая — *„Гипотеза внушенія“*. Сомнамбулическое сознаніе медіума пишетъ только тѣ рѣченія или вызываетъ появленіе только тѣхъ образовъ, которыя одержащій духъ передаетъ изъ своего сознанія въ сомнамбулическое сознаніе медіума. „Только теперь умственное авторство духовъ является сведеннымъ къ его настоящему и болѣе тонкому смыслу..... Лишь при такомъ поворотѣ гипотеза духовъ вступаетъ въ ту стадію, которая позволяетъ психологіи и метафизикѣ, сохранивъ приличіе, серьезно, критически заняться ею“. (стр. 143).

Историческое изложеніе хода этихъ гипотезъ далеко невѣрно; но это — послѣднее дѣло. Изложеніе это было сдѣлано г. Гартманомъ съ цѣлью выставить на видъ отсутствіе „критической осмотрительности со стороны спиритовъ; и только послѣднюю изъ этихъ гипотезъ онъ находитъ достаточно приличною, чтобъ наука могла заняться ею. Что же касается меня, то я позволю, себѣ сказать, что изложеніе постепеннаго развитія этихъ гипотезъ, какъ оно ни несовершенно, есть тѣмъ не менѣе *лучшее похвальное слово*, которое было когда-либо сказано впользу спиритистовъ, Ибо всѣ эти гипотезы свидѣтельствуютъ о постоянныхъ усиліяхъ спиритистовъ доискаться истины. Ни философы, ни люди науки не оказали имъ никакой

помощи, не дали никакихъ указаній, чтобъ разобраться въ этомъ трудномъ вопросѣ. Массы были представлены себѣ самимъ, встрѣчая только презрѣніе и насмѣшку со стороны науки и общественнаго мнѣнія. Только благодаря настойчивости и практическому смыслу англо-саксонскаго ума, вопросъ этотъ постоянно разрабатывался на почвѣ экспериментальной, и развитіе явленій привело къ такимъ результатамъ, которые наука, волею или неволею, должна будетъ когда-нибудь признать, подобно тому, какъ она вынуждена была признать факты животнаго магнетизма, сто лѣтъ спустя послѣ ихъ открытія. Гипотезы передачи мысли и ясновидѣнія были также часто обсуждаемы въ спиритизмѣ — болѣе чѣмъ гдѣ-либо, ибо спиритизмъ немедленно понялъ отношенія существующія между нимъ и сомнамбулизмомъ — онъ былъ, такъ сказать, ближайшимъ наслѣдникомъ послѣдняго и эти оба чудесныя способности нашего духа неоднократно принимались въ соображеніе при критическомъ обсужденіи спиритическихъ фактовъ. И вотъ самъ г. Гартманъ строитъ все зданіе своей критики на этихъ двухъ гипотезахъ, развивая ихъ до крайнихъ предѣловъ — это было для него единственнымъ выходомъ изъ затрудненія. Но эти обѣ гипотезы, съ точки зрѣнія современной науки, совершенно *еретичны:* наука смѣется надъ ними, какъ и надъ самимъ спиритизмомъ [1]). Такимъ образомъ г. Гартманъ одно, въ глазахъ науки, еретичное ученіе толкуетъ посредствомъ двухъ другихъ, столь же еретичныхъ. Если наука докажетъ со временемъ, что гипотезы передачи мыслей и ясновидѣнія дѣйствительно лишены всякаго основанія, то спиритическая гипотеза только выиграетъ отъ этого; если же напротивъ, наука въ концѣ концовъ дастъ имъ свою санкцію, то время покажетъ, достаточны ли онѣ на самомъ дѣлѣ, чтобы объяснить все, что есть въ медіумизмѣ. А покуда остановимся на самомъ интересномъ пунктѣ и посмотримъ, почему *гипотеза внушенія*, которую г. Гартманъ признаетъ за самую разумную за самую

---

[1]) „Чепуха все это“—сказалъ недавно великій Вундтъ („Гипнотизмъ и внушеніе“, Москва, 1893 г., стр. 9).

приличную изъ спиритическихъ гипотезъ, по его словамъ, должна, во всякомъ случаѣ, быть отвергнута? Вотъ въ краткихъ словахъ причины, имъ выставленныя:

1) *Формальныя трудности:* „Если духи существуютъ, то можно допустить, что передача происходитъ и отъ „духа“ къ человѣку, ибо она возможна между двумя человѣческими личностями. Однако же, такое допущеніе представляетъ немалыя трудности. Духъ умершаго не имѣетъ мозга, котораго колебанія могли-бы вызвать въ находящемся вблизи человѣческомъ мозгѣ подобныя-же вибраціи; механическая передача посредствомъ колебаній эфира, которую мы можемъ предположить какъ средство передачи представленій между людьми, находящимися близко другъ отъ друга, или даже соприкасающимися, не можетъ, стало быть, допускаться по отношенію къ передающему духу, и остается только другой родъ передачи представленій,—безъ матеріальнаго посредничества и безъ зависимости отъ разстоянія. Въ самомъ дѣлѣ, новѣйшіе спириты и принимаютъ, на основаніи медіумическихъ сообщеній, что одержащій духъ можетъ находиться на какомъ угодно разстояніи отъ медіума, служащаго ему орудіемъ, и что тѣсное отношеніе между ними нисколько этимъ не нарушается. Но бѣда въ томъ, что по имѣющимся опытамъ слова и мысли не передаются на далекія разстоянія, а передаются только наглядныя и возможно живыя галлюцинаціи“ (стр. 143, 144).

Мы имѣли достаточно случаевъ убѣдиться въ противномъ. Что касается отсутствія „мозга“, то на такое гипотетическое отрицаніе можно отвѣтить гипотетическимъ утвержденіемъ о существованіи трансцендентальнаго субъекта или метаорганизма. См. ниже.

2) *Трудности, касающіяся содержанія сообщеній.* „Это содержаніе обыкновенно бываетъ *ниже* умственнаго уровня медіума и присутствующихъ; самое большее—оно иногда *равняется* съ нимъ, но никогда его не превосходитъ“ (стр. 145). Мы также достаточно видѣли, что и это не такъ.

Слѣдующія за этимъ слова достойны вниманія: „если духи не имѣютъ, или по самому существу дѣла, не могутъ сообщить

ничего лучшаго, какъ только то, что намъ уже извѣстно, то вмѣстѣ съ тѣмъ отнадаетъ единственный мотивъ, на который можно было бы указать, какъ на побуждающій ихъ являться къ намъ—желаніе сдѣлать насъ умнѣе и лучше“ (стр. 145). Итакъ единственный допустимый мотивъ было бы желаніе сдѣлать насъ умнѣе и лучше. Этотъ мотивъ и существуетъ; но, чтобъ оправдать его, развѣ необходимо сказать что-нибудь новое, чего мы сами не знаемъ? Тема о любви къ Богу и къ ближнему будетъ вѣчно старой и вѣчно новой, покуда будетъ рѣчь о нравственномъ прогрессѣ человѣка. Кромѣ того г. Гартманъ допустилъ же для ясновидѣнія магическую силу „интереса сердца“! Зачѣмъ-же не хочетъ онъ допустить ее и здѣсь, какъ достаточный мотивъ? И дѣйствительно, если можно допустить, что нѣчто переживаетъ смерть, то это разумѣется любовь, состраданіе, участіе къ тѣмъ, кто намъ близокъ—желаніе сказать имъ, что мы все еще существуемъ; и именно эти чувства и служатъ, большею частью, мотивомъ для духовнаго проявленія. Языкъ сердца вездѣ одинаковъ; но представленія трансцендентальнаго міра, какъ и представленія четвертаго измѣренія пространства; всегда будутъ для насъ недосягаемы. Неудивительно, что о нихъ ничего не сообщается, и требовать ихъ — безполезно и нелогично.

3) И наконецъ, „помимо этихъ затрудненіи, относящихся къ формѣ и содержанію, *гипотеза духовъ является совершенно лишней;* если мы разъ уже дошли до гипотезы внушенія, то она становится пятымъ колесомъ въ колесницѣ. При гипотезѣ внушенія приходится, опираясь на умственное содержаніе проявленій, доказать, что сомнамбулическое сознаніе медіума не въ состояніи нхъ произвести. Пока не принимаются въ расчетъ сомнамбулическая гиперэстезія памяти, чтеніе мыслей и ясновидѣніе — всѣ сообщенія приписываются внушенію духовъ, дающихъ такое мысленное содержаніе, которое чуждо бодрственному сознанію медіума или недоступно для него путемъ чувственныхъ воспріятій. Но какъ скоро допущены эти три источника познаванія вмѣстѣ съ чувственнымъ воспріятіемъ, то уже, вообще, нельзя представить себѣ такого

мысленнаго содержанія, которое, по своей природѣ, не могло бы быть изъ нихъ почерпнуто“ (стр. 145).

Въ главѣ III мы достаточно видѣли, что и это не такъ.

И затѣмъ г. Гартманъ заключаетъ: „Такимъ образомъ, вся гипотеза духовъ обращается постепенно въ ничто, по мѣрѣ того какъ приходится перенести съ предполагаемыхъ духовъ на медіума сначала прямыя физическія дѣйствія силы, потомъ происхожденіе самого умственнаго содержанія сообщеній“(стр. 147).

Я позволяю себѣ высказать предположеніе, что послѣ всего сказаннаго въ моемъ трудѣ это заключеніе будетъ, *быть можетъ*, исправлено самимъ г. Гартманомъ, *если только онъ останется вѣренъ своей точкѣ зрѣнія*, ибо, къ счастію, мнѣ нѣтъ надобности убѣждать его въ реальности предъявляемыхъ фактовъ. Я никогда не терялъ изъ виду, что предметъ его просвѣщенной критики „не фактичность сообщаемаго, а лишь заключенія, выводимыя изъ сообщенныхъ фактовъ“ (стр. 158).

Заканчивая трудъ свой, мнѣ пріятно имѣть возможность констатировать, что притязанія спиритической гипотезы вовсе не находятся въ противорѣчіи съ философіей Гартмана, какъ это довольно часто предполагаютъ. Мы имѣемъ объ этомъ его собственное свидѣтельство въ слѣдующихъ словахъ:

„Думаютъ, что я предубѣжденъ противъ спиритическаго доказательства безсмертія, потому, будто-бы, что моя философская система несовмѣстима съ безсмертіемъ и должна рушиться вмѣстѣ съ его признаніемъ. Это заблужденіе. Индивидуальная душа или индивидуальный духъ, по моимъ понятіямъ, представляетъ относительно постоянную группу безсознательныхъ психическихъ функцій абсолютнаго духа, направленныхъ на тотъ организмъ, въ которомъ онѣ находятъ выраженіе своего совмѣстнаго и послѣдовательнаго единства. Если-бы можно было доказать, что существенная часть этого индивидуальнаго организма, т. е. тѣ элементы его формы, которые являются носителями свойствъ его характера, его памяти и сознанія, продолжаютъ существовать въ видѣ, способномъ дѣйствовать даже и по распаденіи вещественнаго тѣла, то неотразимымъ

выводомъ явилось бы для меня и допущеніе, что вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаетъ существовать индивидуальный духъ, такъ какъ абсолютный духъ сталъ-бы по прежнему направлять соотвѣтствующія безсознательныя психическія функціи на продолжающій существовать организмъ. Наоборотъ, если-бы доказано было, что индивидуальный духъ продолжаетъ существовать по смерти, то я изъ этого заключилъ бы, что, несмотря на разрушеніе тѣла, существенное въ организмѣ продолжаетъ существовать въ образѣ, не подлежащемъ чувственному воспріятію, ибо лишь при этомъ условіи я могу представить себѣ продолжающееся существованіе индивидуальнаго духа. Такимъ образомъ, если бы было доказано, что непосредственно послѣ смерти индивидуальный духъ продолжаетъ жить, то это не вызвало-бы даже измѣненія въ принципахъ моей системы, а только расширило-бы область ея приложенія въ извѣстную сторону; другими словами — это не затронуло-бы метафизики безсознательнаго, а только его феноменологію [1]). (См. Послѣсловіе Гартмана къ „Спиритизму“, въ „Ps. Studien“ 1885 г., стр. 503—504).

Спиритизмъ съ самаго своего начала высказывалъ и утверждалъ это, sine qua non, условіе для продолженія существованія „индивидуальнаго духа“. Онъ именно, всегда исходилъ изъ того краеугольнаго положенія, что „тѣ элементы организма, которые являются носителями свойствъ его характера, его памяти и сознанія, продолжаютъ существовать *во образѣ, способномъ функціонировать* даже и по распаденіи вещественнаго тѣла“. Если таково формальное условіе a priori, предъявляемое философіей, то спиритизмъ имѣетъ притязаніе, что представилъ на него отвѣтъ a posteriori. Великая заслуга его состоитъ именно въ томъ, что онъ доказалъ, что темные вопросы, связанные съ проблемою нашего бытія, могутъ быть

---

[1]) Ср. „Безсознательное съ точки зрѣнія физіологіи и теоріи наслѣдственности“ („Das Unbewusste vom Standpunkte der Phisiologie und Desecndenztheorie“) 2-е изд., стр. 293—304; 356—358; „Философія безсознательнаго“ („Philosophie des Unbewussten“), 9 изд., т. II, стр. 362.

изучаемы путемъ экспериментальнымъ. Съ первыхъ шаговъ своихъ онъ заявилъ, что мистическая сторона этой проблемы, во всякомъ случаѣ, *естественная*, и что всѣ явленія, сюда относящіяся, суть явленія *естественныя*, подлежащія своимъ законамъ. Поэтому совершенно несправедливо со стороны г. Гартмана обвинять спиритизмъ въ томъ, что „рядомъ съ естественнымъ родомъ причинъ онъ устанавливаетъ еще другой, сверхъестественный, не выводимый изъ опыта“ (стр. 147); что спиритизмъ „допускаетъ особую сферу существованія, лежащую за предѣлами природы, — что позади существующей природы онъ допускаетъ скрывающійся, ожидающій насъ, міръ сверхъестественныхъ ндивидовъ“ (стр. 103).

Спиритизмъ даетъ намъ сырой матеріалъ, каковъ и тотъ, который мы почерпаемъ въ нашемъ ежедневномъ опытѣ. Дѣло философіи подвергать его анализу, критикѣ и толкованію. Наблюденіе явленій — дѣло легкое; но для ихъ объясненія потребны вѣка — даже для объясненія явленій физическаго порядка. Фактъ нашего бытія, нашего сознанія остается по сіе время тайной; надо покориться — эта проблема никогда не будетъ разрѣшена; слѣдовательно, мы *уже и здѣсь* находимся въ „сверхъестественномъ“; но мы можемъ расширить его предѣлы, проникнуть глубже въ его бездны. *Одна* форма сознанія не значитъ еще, чтобъ эта форма была *единственно возможною; одна* форма — та, которую мы знаемъ, — не менѣе чудесна, чѣмъ *другая*, которой мы не знаемъ.

Разъ спиритическіе факты будутъ признаны и устаповлены во всей своей совокупности, философія должна будетъ вывести изъ нихъ заключеніе не о существованіи міра сверхъестественнаго съ индивидами сверхъестественными, но о существованіи міра трансцендентныхъ воспріятій, принадлежащихъ трансцендентной формѣ сознанія, и „спиритическія“ явленія окажутся только проявленіемъ этой формы сознанія въ условіяхъ времени и пространства міра феноменальнаго. Съ точки зрѣнія монистической философіи, спиритизмъ, какъ въ своихъ явленіяхъ, такъ и въ своей теоріи, легко допустимъ, болѣе того, онъ представляется даже необходимостью, ибо онъ допол-

няетъ, завершаетъ это все болѣе и болѣе устанавливающееся міровоззрѣніе, коему недостаетъ только одного — самаго существеннаго: пониманія цѣли бытія вообще и человѣческаго въ особенности. Верховный результатъ эволюціи столь же очевидный, сколь для насъ и понятный — развитіе высшихъ формъ сознанія — не обрывается внезапно и безсмысленно, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда эта высшая цѣль достигается. Нельзя допустить, чтобы дѣло эволюціи остановилось на результатѣ, который, даже въ нашихъ глазахъ, еще далеко не совершенъ

Послѣднія новости. За семь лѣтъ, истекшія съ перваго моего изданія этой книги, спиритизмъ вообще и спиритическая гипотеза въ частности ушли далеко впередъ. Въ 1898 году спиритизмъ праздновалъ свой пятидесятилѣтній юбилей, и онъ не могъ быть ознаменованъ лучшимъ образомъ, какъ нижеслѣдующими фактами, о которыхъ я упомяну только вкратцѣ.

Въ 1898 году появился въ 33-й части „Трудовъ Лондонскаго Общества Психическихъ Изслѣдованій“ отчетъ доктора Р. Ходжсона, секретаря американской вѣтви того же общества, подъ заглавіемъ „Наблюденія надъ нѣкоторыми явленіями транса“. Въ этомъ отчетѣ, занимающемъ до трехъ сотъ страницъ „Трудовъ“, говорится пространно о сеансахъ Ходжсона съ американскимъ трансъ-медіумомъ — г-жей Пайперъ. Этотъ отчетъ, въ заинтересованныхъ психическими явленіями кружкахъ, произвелъ не малую сенсацію. Дѣло въ томъ, что г. Ходжсонъ былъ извѣстенъ какъ рьяный противникъ спиритическихъ толкованій какихъ-бы то ни было психическихъ явленій. Онъ былъ посланъ отъ Лондонскаго Психическаго Общества въ Индію для изслѣдованія теозофическихъ чудесъ и ему удалось совершенно ясно изобличить ихъ поддѣлку. Ходжсонъ и до сихъ поръ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что никакихъ физическихъ медіумическихъ явленій не существуетъ. Когда

Лондонское Психическое Общество производило свои опыты съ Евзапіей Паладино и склонно было признать неподдѣльность явленій, оиъ нарочно пріѣзжалъ изъ Америки, чтобы доказать Обществу, что оно ошибается; и это на половину ему удалось. И вотъ этотъ самый Ходжсонъ, послѣ своихъ сеансовъ съ г-жею Пайперъ, заявляетъ въ отчетѣ своемъ, что никакая гипотеза кромѣ спиритической не можетъ объяснить явленій, которыя ему пришлось наблюдать. А сеансовъ онъ имѣлъ не менѣе пятисотъ, они стенографировались и всѣ мѣры къ исключенію, ужъ не говорю обмана, а возможности толкованія посредствомъ другихъ гиотезъ, особенно телепатической, были тщательно приняты. Сокращенный переводъ доклада Ходжсона былъ помѣщенъ въ „Ребусѣ“ 1900 года и потомъ будетъ изданъ особымъ оттпскомъ.

Въ 1899 году, профессоръ Колумбійскаго университета въ Нью-Іоркѣ — Хайслопъ (J. H. Hyslop), обнародовалъ въ американскомъ журналѣ „The New World“ статью свою подъ заглавіемъ: „Безсмертіе и психическое изслѣдованіе“, въ которой онъ заявляетъ о своихъ опытахъ съ тѣмъ же медіумомъ, г-жей Пайперъ. Онъ вздумалъ провѣрить опыты Ходжсопа и мѣры принятыя имъ для исключенія возможности телепатическихъ вліяній по истинѣ изумительны; въ результатѣ онъ пришелъ къ тому же выводу, къ которому пришелъ и докторъ Ходжсонъ, т. е. что только спиритическая гипотеза можетъ объяснить тѣ явленія, которыя ему пришлось наблюдать при посредствѣ г-жи Пайперъ. Лондонское Общество хотѣло помѣстить его отчетъ въ своихъ „Трудахъ“, но отчетъ этотъ такъ обширенъ (онъ занялъ бы до 600 стр.), что онъ появится особой книгой. Между тѣмъ профессоръ Хайслопъ обнародовалъ въ 1900 году, въ іюньской книжкѣ американскаго ежемѣсячнаго журнала „Harper's new Monthly Magazine“, статью свою подъ заглавіемъ: „Жизнь послѣ смерти“, въ которой онъ даетъ краткое описаніе своихъ опытовъ. Переводъ этой статьи будетъ помѣщенъ въ „Ребусѣ“ 1901 г.

Въ 1900 году, въ Парижѣ, въ августѣ мѣсяцѣ, состоялся международный психологическій конгрессъ, на которомъ пред-

сѣдатель Лондонскаго Общества Психическихъ Изслѣдованій, Майерсъ, д-ръ Ванъ-Эеденъ (Van Eeden, изъ Голландіи) и профессоръ Мутонье (Moutonnier) прочли свои записки объ оиытахъ своихъ съ г-жею Томпсонъ, лондонскою дамою, которая точно также впадаетъ въ трансъ и говоритъ отъ имени отшедшаго, причемъ ея сообщенія, по доказательности своей, нисколько не уступаютъ сообщеніямъ, получаемымъ черезъ г-жу Пайперъ. Записки эти будутъ напечатаны въ „Трудахъ Лондонскаго Общества Психическихъ Изслѣдованій“, въ началѣ 1901 г.

Въ томъ же 1900 году, профессоръ психологіи Женевскаго университета, Т. Флурнуа, напечаталъ книгу подъ заглавіемъ: „Отъ Индіи до планеты Марсъ. Этюдъ надъ случаемъ сомнамбулизма“. Сочиненіе это далеко не спиритическое, ибо авторъ открыто смѣется надъ спиритической гипотезой и всѣ явленія, которыя онъ наблюдалъ надъ своимъ медіумомъ, онъ старается объяснить посредствомъ дѣятельности подъ-порожнаго сознанія, т. е. находящагося подъ порогомъ нормальнаго. Въ сущности это тотъ же способъ толкованія, который прилагается и Гартманомъ, только фразеологія нѣсколько измѣнена; то что Гартманъ называетъ сомнамбулическимъ или скрытымъ сознаніемъ, здѣсь оно называется „подиорожнымъ“; умственное внушеніе или умственная передача мысли здѣсь названа „телепатіей“; гиперэстезія мысли здѣсь названа „криптомнезіей“ и т. д. Все сказанное мною въ этой книгѣ по поводу теорій Гартмана прилагается и къ наблюденіямъ Флурнуа. При этомъ не надо забывать, что это сочиненіе *одностороннее,* ибо оно цѣликомъ построено изъ наблюденій автора надъ *однимъ* медіумомъ, и часть его выводовъ быть можетъ и оправдывается самимъ родомъ явленій. Но я упомянулъ здѣсь объ этой книгѣ только для того, чтобъ показать какъ измѣнилось отношеніе науки къ медіумическому вопросу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, показать и тѣ пріемы, которые наука должна по неволѣ допустить, чтобъ сколько-нибудь объяснить его явленія. Вотъ строгій психологъ, который издаетъ цѣлую книгу въ четыреста страницъ исключительно посвященную вопросу о медіумизмѣ и какими удивительными способностями онъ одаряетъ это столь

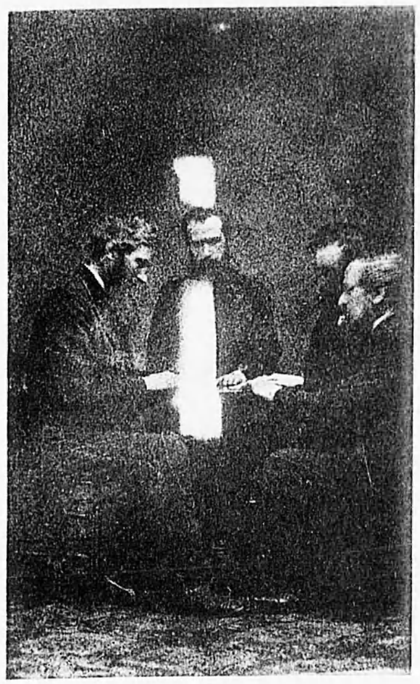
покладливое подпорожное сознаніе: оно имѣетъ свою волю, свой разумъ, свою память, свое непрерывное бытіе; словомъ — это цѣлая личность; оно даже видитъ и знаетъ то, чего не видитъ и не знаетъ самъ субъектъ. О телепатіи авторъ прямо говоритъ: если-бъ ея не было, то ее надо было-бы выдумать. Развѣ это не ересь въ психологіи, или, быть можетъ... новыя начала?

Въ томъ же 1900 году, извѣстный французскій астрономъ, Камиллъ Фламмаріонъ, издалъ книгу, озаглавленную: „Невѣдомое и психическія проблемы“. Онъ, на подобіе Лондонскаго Общества, точно также обратился черезъ посредство печати съ циркулярнымъ нисьмомъ ко всѣмъ лицамъ, которыя могли-бы сообщить ему что-либо необъяснимое изъ случившагося въ ихъ жизни. Помянутая книга содержитъ въ себѣ большую часть изъ полученныхъ имъ сообщеній. Какой же выводъ получился имъ изъ всѣхъ собранныхъ фактовъ? Онъ отвѣчаетъ: положительное наблюденіе показываетъ, что психическій міръ столь же реально существуетъ какъ и физическій. Душа человѣческая существуетъ самобытно и обладаетъ способностями еще невѣдомыми наукѣ. Отрицать ея дѣятельность и проявленія столь же безумно, какъ и отрицать тѣ факты, которые въ безконечномъ разнообразіи доказываютъ эту истину. По какому-то странному недоразумѣнію переводъ этой книги помѣщается въ приложеніяхъ къ „Новому Времени“ 1900 года. „Ребусъ“, въ свою очередь, переводитъ ее.

И, наконецъ, 30-го іюня того же 1900 года, состоялось въ Парижѣ открытіе *Международнаго Психическаго Института*, и въ іюлѣ того же года оно выпустило уже свой первый бюллетень. Можно поэтому надѣяться, что въ XX-мъ вѣкѣ вопросъ о психической природѣ человѣка вступитъ въ новую эру и что фактъ пакибытія будетъ установленъ такъ же твердо, какъ и главные факты въ области естествознанія. Безъ этого факта видимое мірозданіе не имѣетъ конечнаго смысла. До сего времени религія восполняла этотъ пробѣлъ; но наука требуетъ не вѣры, а фактовъ и доказательствъ. Теперь они на лицо.

С.-Петербургъ, октябрь, 1900 г.

Таб. I. Съ трансцендентальныхъ фотографій Битти.

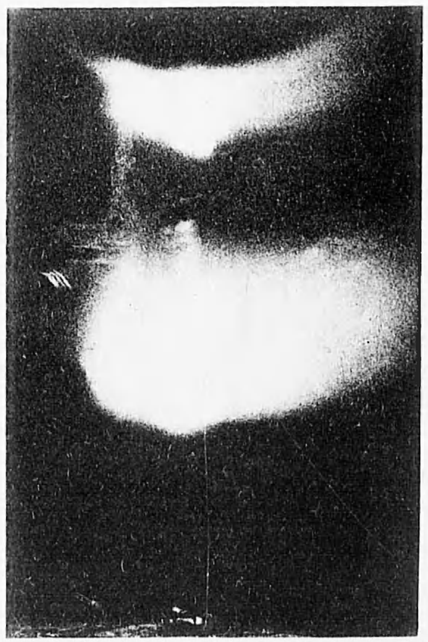
1.

2.

3.

4.

Таб. II. Съ трансцендентальныхъ фотографій Битти.

1.

2.

3.

4.

Таб. III. Съ трансцендентальныхъ фотографій Битти.

1.

2.

3.

4.

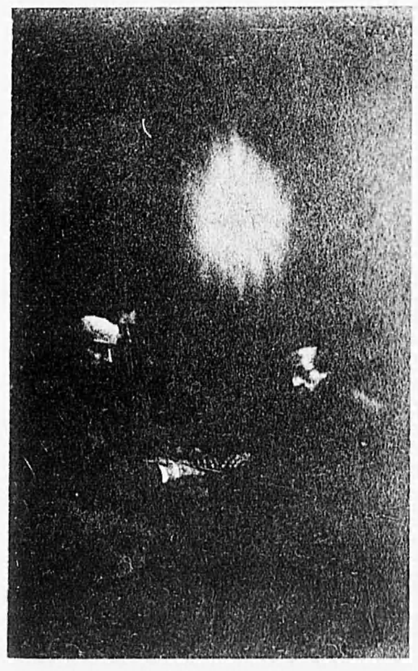
Таб. IV. Съ трансцендентальныхъ фотографій Битти.

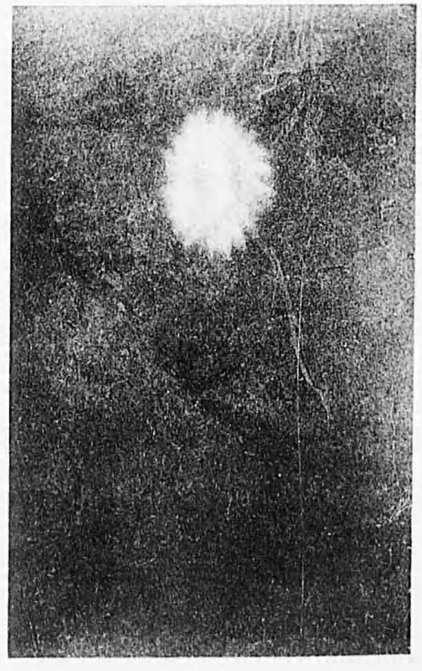
1.

2.

3.

4.

Таб. V. Съ трансцендентальной фотографіи профессора С.-Петербургскаго Университета Н. Вагнера.

Таб. VI. Съ трансцендентальныхъ фотографій Мумлера.

1.

2.

3.

4.

Таб. VII. Съ трансцендентальныхъ фотографій Мумлера.

1.

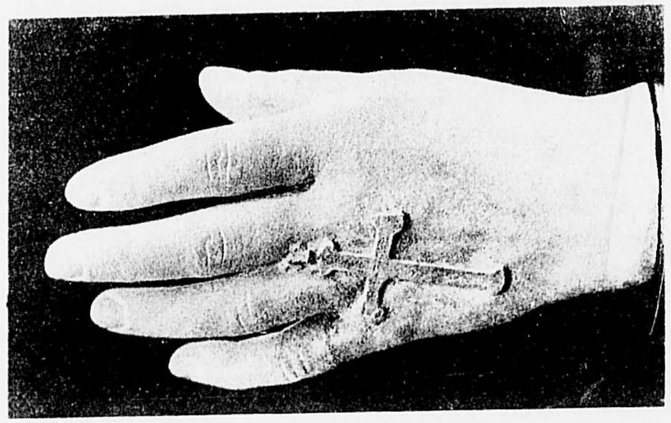
2.

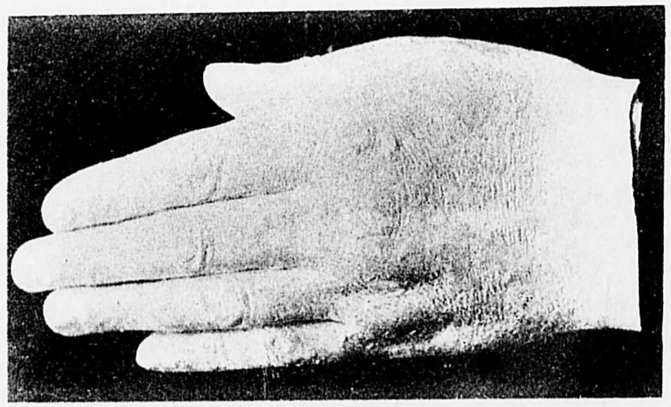

3.

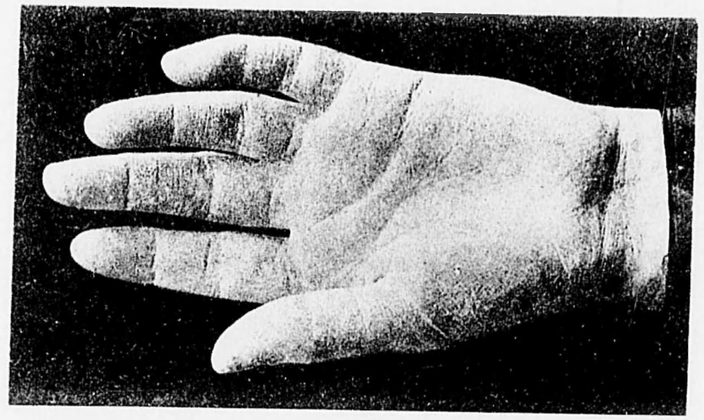

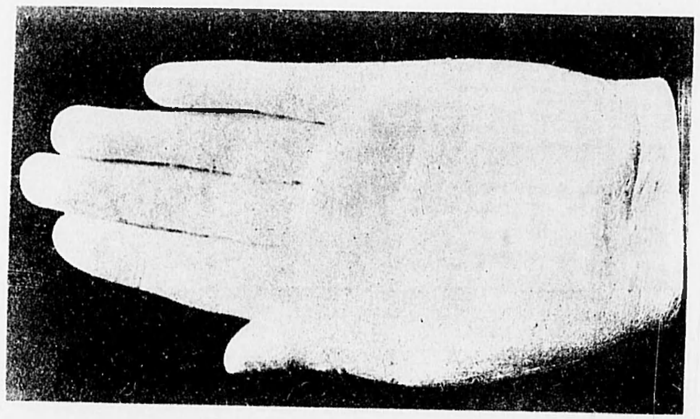
4.

Таб. VIII. Съ фотографіи гипсовой формы лѣвой руки медіума и лѣвой руки матерьализованной фигуры.

Таб. IX. Съ фотографіи тѣхъ же гипсовыхъ формъ съ внутренней стороны.

Таб. X. Съ фотографіи Медіума въ трансѣ и матерьялизованной фигуры полученной А. Аксаковымъ.

8 Ф 68

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗДАНІЯ А. Н. АКСАКОВА.

Сведенборгъ. О небесахъ, о мірѣ духовъ и объ адѣ. Перев. съ латин. А. А. 1863. Ц. 3 р.

Р. Геръ. Опытное изслѣдованіе о спиритуализмѣ. 1869. Съ рис. Ц. 1 р.

А. Аксаковъ. Евангеліе по Сведенборгу. Ц. 1 р.

А. Аксаковъ. Раціонализмъ Сведенборга. Критическое изслѣдованіе его ученія о Священномъ Писаніи. 1870. Ц. 1 р.

Davis. Der Reformator. Harmonische Philosophie über die physiologischen Laster und Tugenden und die Sieben Phasen der Ehe. 1867. Ц. 7 мар.

Davis. Der Zauberstab. Eine Autobiographie. Ц. 10 марокъ.

Davis. Die Prinzipe der Natur und ihre göttlichen Offenbarungen. 2 тома. 1869. Ц. 16 марокъ.

Davis. Der Arzt. Harmonische Philosophie über den Ursprung und die Bestimmung des Menschen. 1873. Ц. 20 мар.

Hare. Experimentelle Untersuchungen über Geister-Manifestationen. Съ англ. 1871. Ц. 4 марки.

Crookes. Experimentelle Untersuchungen. Съ англ. 1872. Ц. 2 мар.

Edmonds. Der americanische Spiritualismus. Съ англ. 1873. Ц. 4 мар.

Wallace A. R. Die Wissenschaftliche Ansicht des Uebernatürlichen. Съ англ. Ц. 4 марки.

Wallace, A. R. Eine Vertheidigung des Modernen Spiritualismus. 1875. Съ англ. Ц. 2 марки.

Bericht über den Spiritualismus vom Comite der Dialectischen Gesellschaft zu London. 1876. 3 т. Ц. 9 марокъ.

Owen, R. D. Das streitige Land. Съ англ. 1876. 2 части. Ц. 12 мар.

Cox, W. Beweise für die Existenz einer psychischen Kraft. Съ англ. 1884. Ц. 2 марки.

A. Aksakow. Animismus und Spiritismus. 3-е изд. 1898. 2 т. Ц. 12 мар.

Psychische Studien. Ежемѣсячный журналъ, посвященный изслѣдованію мало извѣстныхъ явленій психической жизни. 25 томовъ съ 1874 по 1898 гг. Ц. каждаго года 10 марокъ.

Всѣ эти нѣмецкія и русскія изданія можно получать въ Лейпцигѣ у Освальда Мутце.

A. Aksakof. Animisme et Spiritisme. Paris. 1895. Ц. 10 фр.

A. Aksakof. Un cas de dématérialisation partielle du corps d'un medium. Paris. 1896. Ц. 4 фр.

РУССКІЯ ИЗДАНІЯ А. Н. АКСАКОВА.

Шапари. Руководство къ магнетотерапіи. Съ франц. 1860. Ц. 75 к.

Крукъ. Опытныя изслѣдованія надъ психической силой съ 16 рисунками. Съ англійскаго. 1872. Ц. 1 р. 25 к.

А. Аксаковъ. Содержаніе питейныхъ заведеній сельскими обществами. Спб. 1874. Ц. 50 к.

А. Аксаковъ. Разоблаченія. Исторія медіумической комиссіи при физическомъ обществѣ Спб. университета. 1883. Цѣна 2 р.

А. Аксаковъ. Позитивизмъ въ области спиритизма. По поводу книги Дассэ „О посмертномъ человѣчествѣ". 1884. Ц. 1 р.

Гелленбахъ. Индивидуализмъ въ свѣтѣ біологіи и современной философіи. Съ нѣмецк., съ предисловіемъ Вл. С. Соловьева. 1884. Ц. 2 р.

Гелленбахъ. Человѣкъ, его сущность и назначеніе съ точки зрѣнія индивидуализма. Съ нѣмецкаго. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Ф. Гартманъ. Спиритизмъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Бутлерова. 1887. Ц. 1 р.

А. М. Бутлеровъ. Статьи по медіумизму. Съ портретомъ автора 1889. Ц. 2 р.

Геръ. Профессоръ Робертъ — Опытное изслѣдованіе спиритическихъ явленій. Съ англійскаго, съ 4 рисунк. снарядовъ. 1889. Ц. 75 к.

Герней, Майерсъ и Подморъ. Прижизненные призраки и другія телепатическія явленія. Сокращенный переводъ съ англійскаго, подъ редакціею Вл. Соловьева. 1893. Ц. 2 р.

Д-ръ Карлъ дю-Прель. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Переводъ съ нѣмецкаго М. С. Аксенова. 1895. Ц. 3 р. 50 к.

А. Н. Аксаковъ. Предвѣстники спиритизма за послѣднія 250 лѣтъ. Выдающіеся случаи самопроизвольныхъ медіумическихъ явленій съ 1661 г. и переходъ къ экспериментальнымъ въ 1848 г. Отчетъ Миланской комиссіи о наблюденіяхъ, произведенныхъ въ 1892 году надъ медіумическими явленіями, вызываемыми Евзапіей Паладино. Тожество ихъ съ самопроизвольными. 1895. Ц. 2 р.

А. Н. Аксаковъ. Воспоминанія очевидца загадочныхъ явленій въ слободѣ Линцахъ въ 1852—1853 гг. Необходимое дополненіе къ „Предвѣстникамъ спиритизма". Спб. 1897. Ц. 30 к.

А. Аксаковъ. Матеріалы для сужденія объ автоматическомъ письмѣ. Изъ личнаго опыта. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

А. Аксаковъ. Къ чему было воскресать? По поводу романа гр. Толстого „Воскресеніе". Спб. 1900. Ц. 30 к.

А. Роша. Экстеріоризація двигательной способности. Съ рис. и цинкогр. Перев. съ франц. Одесса. 1900. Ц. 3 р.

А. Н. Аксаковъ. Анимизмъ и спиритизмъ. Критическое изслѣдованіе медіумическихъ явленій и ихъ объясненія гипотезами „нервной силы", „галлюцинаціи" и „безсознательнаго". Въ отвѣтъ Э. ф. Гартману. Съ 30 фототипіями. 1910. Ц. 3. р. 3-е изданіе. *(См. на оборотѣ).*